

ROSSICA OLOMUCENSIA L

Sborník příspěvků
z mezinárodní konference

XXI. OLOMOUCKÉ DNY RUSISTŮ

07.09.–09.09. 2011

Olomouc 2011

Konferenci XXI. Olomoucké dny rusistů organizovala katedra slavistiky Filozofické fakulty univerzity Palackého v Olomouci v prostorách Filozofické fakulty. Hlavním organizátorem konference je PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Recenzovali: PhDr. Jan Gregor, Ph.D.,
Mgr. Martina Pálušová

Za jazykovou, stylistickou a obsahovou správnost odpovídají autoři příspěvků.

© Ladislav Vobořil, 2011

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ**Доклады пленарного заседания**

Архангельска, А. М.: Сексизм в России – больше, чем сексизм (фразеологически неологизмы с компонентом «сексизм» в современном русском публицистическом дискурсе) .	11
Выходилова, З.: Синтаксический эллипсис как мультидисциплинарное явление	19
Пехал, З.: Двойственная структура русского романа	23

Доклады лингвистической секции

Агеева, Ю.: Обучение коммуникативным тактикам ведения спора	37
Адамка, П.: Синтаксические характеристики русской печатной публицистики	43
Антропова, М. Ю.: Научный текст в формировании лингвокультурологической компетенции у иностранных учащихся	49
Араева, Л.: Влияние научной методологии на объективность и проверяемость результатов судебной лингвистической экспертизы	53
Арсеньева, Т. Е.: Коммуникативные особенности просветительского радиодискурса (на примере радиопрограммы «Говорим по-русски»)	59
Белецка, Т.: Биномиальная номенклатура и опыт сопоставительного анализа русских и чешских названий лекарственных растений	63
Благо, М.: Языковая картина России в Словакии (на материале ассоциативных тестов словацких студентов	67
Богданова, С.: Поиск концептуальных оснований лексического наполнения словообразовательных моделей с пространственным компонентом	71
Бранднер, А.: Элативное значение превосходной степени русских прилагательных и их чешские параллели	77
Будняк, Д.: Алгоритм исследования газетного текста как коллективного интеллекта в обмене информацией русских и украинцев	83
Валентинова, Д.: К вопросу о терминологизации и детерминологизации в современном русском языке (на материале «словаря новой русской лексики и терминологии») ...	89
Ван И-цзюнь (WANG Yi-CHUN): Русское производное слово от английских заимствований	93
Вокуркова, М.: Разговорные элементы в детективах Дарьи Донцовой	97
Волкова, А.: Проблема понимания журнального текста с иноязычными вкраплениями (по данным психолингвистического эксперимента)	101
Вондоловска-Леснер, К.: Разговорные элементы в детективах Дарьи Донцовой	107
Галло, Я.: Смысловая структура текста: проблемы её организации и восприятия	111

ГЕРАСИМЕНКО, Н.: Бисубстантивные предложения в рекламном тексте: информация и фасцинация	117
ГРАНЕВА, И.: Местоимение «МЫ» и «МУ» в современном русском и чешском языках ...	121
ГРЕГОР, Я.: Смысловая типология русских уни- и мультивербов по сравнению с их чеш- скими соответствиями	125
ГРЕЧКО, В.: Паралингвистические средства современной русской поэзии	133
ГРИГОРЬЕВА, Т. В.: Образные и символические значения слова	139
ГУЗИ, Л.: Лингвокультурологические особенности исторического нарратива докумен- тальности	143
ДЕРБИШЕВА, З.: Концепт времени в славянском и тюркском языковом восприятии	147
ЕГОРОВА, Е.: Лингвокультурологический аспект изучения памятников деловой письмен- ности (на примере исследования описных книг северных русских монастырей XVI–XVIII вв.)	153
ЗИРКА, В. В., КОЖУШКО, С. П., ХАБАРОВА, Н. А.: Коммуникативный эффект прецедент- ных феноменов в рекламе	157
ЗЛОБИНА, Н. Ф.: Ф. И. Буслаев и западная наука	163
ИВАНЧУК, И. А.: Стилистические особенности риторических универсалий (на материале анализа публичной речи)	167
КАПЛАНОВА, В.: Специфические черты коммуникативных актов и лексики в интернете с точки зрения обучения русскому языку	171
КЕЙКО, А. С.: Об изучении некоторых глаголов положения в пространстве на занятиях по РКИ на этапе довузовского образования	175
КОРЯКОВЦЕВА, Е.: Окказионализмы в рекламных текстах: структура, семантика, прагматика ...	179
КОСТЯКОВА, Л. Н.: Функционирование метафоры в орнаментальных текстах А. Белого и Б. Пильняка	183
КРЫЛОВА, О. Н.: К вопросу о семантической мотивированности наименований, входящих в ТГ «Женский головной убор», в восточнославянских языках	187
КУПРИЕВА, И. А.: Синонимический потенциал лексем с общим значением «внимание» в современном русском и английском языках	193
МАЛЫСА, О.: Преломление комиссивных речевых жанров в межкультурном и межсти- левом пространстве	197
МАМПЕ, И.: Прагмалингвистический аспект дискурсной формы	203
МИХЕЙКИНА, С. Г.: Музейная педагогика как формат интерактивного обучения русско- му языку	209
МЛАДЕНОВА, М.: Несколько фразеологических единиц с сопоставительной и прагмати- ческой точки зрения	213
НАЗАРЕНКО, Л.: Субстандартные языковые единицы в языке электронных СМИ	219
НИКИФОРОВА, С.: Композиты-термины христианства в русском и чешском языках: структура, семантика и прагматика в сравнительно-историческом аспекте	225
НОВОЖЕНОВА, З.: Эзотерический дискурс в современной России: жанры и языковые особенности	231
ПРОХОРОВА, О., ЧЕКУЛАЙ, И.: Комбинаторный потенциал лексем с общим значением «чувствовать/feel» в русской и английской лингвокультурах	235
РАДЧЕНКО, М.: Приемы языковой игры в российской и хорватской рекламе	241
РЕПНЕВСКАЯ, С. В.: История земледельческой лексики Подвинья	245
РУЖЕНЦЕВА, Н.: Формирование языковой и культурологической компетенции иностранных студентов, изучающих русский язык (на материале обучения китайских студентов) .	251
РЫЛОВ, С.: Синтагматическая организация простого предложения-высказывания в сопоставлении с чешским	255

Сладкевич, Ж.: Идеологические концепты «образ государства» и «национальная идея» в сатирической публицистике: стратегии самоопределения и дискредитации	261
Соболева, Е.: Речевые стратегии обещания и комплимента в российской рекламе	267
Старостина, М.: Синонимические ряды и ассоциативные поля имени концепта «власть» в русском и чешском языках	271
Стексова, Т.: «Я» или «МЫ» в научном тексте: прагматика как определяющий фактор	275
Стребуль, Л. А.: Коммуникативный аспект номинации (структурно-семантические модификации одного вида номинатов)	281
Сьянова, Е. И.: Лексика смешанных русско-украинских говоров (на материале говоров Воронежской области)	287
Татаринова, Л. В.: Семиотика моделирования на семантическом уровне на примере анималистических глаголов	293
Тимирханов, В. Р.: Эйдетический ресурс языковой прецедентности	299
Фащанова, С.: Оценочность как прагматический фактор языковой игры	303
Флидрова, Г.: Бессоюзное сложное предложение в русской научной речи в сопоставлении с чешской	307
Фольпрехтова, Я.: Развитие коммуникативной компетенции по учебно-методическому комплексу «КЛАСС» 1, 2, 3	313
Цивелова, Г.: Конструкции с препозитивными и постпозитивными причастиями как средство синтаксической конденсации в русском научном стиле	317
Шаповалова, Т. Е.: Время в рекламных текстах	321
Юрина, Е.: Исследование кулинарной метафоры и фразеологии по данным национального корпуса русского языка	325
Юрченко, Л.: Логика глобализационного дискурса в условиях экономико-экологического кризиса	331
Яковлева, Е.: Языковой портрет многонациональной Уфы: аспекты лингвистического изучения	335
Доклады литературоведческой секции	
Багдасарян, О.: Русская классика в комиксах и графических новеллах	343
Барковская, Н. В.: Диалог поколений в современной русской литературе	347
Васильева, И.: Место универсального культурного архетипа в русском литературном процессе на рубеже XIX-XX веков	353
Гречаник, И. В.: Принцип диалогического расширения смысла в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	357
Кропачкова, М.: Женские литературные образы вчера и сегодня. Ф. М. Достоевский и Л. С. Петрушевская	363
Моклецова, И.: Странническая традиция в русской культуре и классической литературе: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков	367
Мосунова, Л.: Бинарные оппозиции как атрибут диалогической структуры художественного текста (по рассказу И. А. Бунина «Кавказ»)	373
Пешкова, М.: Мотив одиночества: официальный и инвертированный образ в литературе 20-30 гг. 20 века	381
Пудова, Т.: Петербургский текст в произведениях Елены Чижовой	387
Созина, Е.: Мифопоэтика и этнопоэтика Севера в творческом диалоге писателей Серебряного века	391
Шведюк, Н.: Реализация диалога Татьяны Кукоцкой и Сергея в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»	397

ДОКЛАДЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

АГАПОВА, А. В.: К характеристике современного этапа переводов чешской прозы на русский язык	403
АРТЕМОВ, А.: K vývoji lexikografického komparativního popisu češtiny a ruštiny	409
БОРИСОВСКИ, Д.: К вопросу о польско-русской эквивалентности. Интернет-поиск и верификация	415
КОНЕФАЛ, Э.: Композиционные трансформации в переводе газетного текста	421
ЛОРКОВА, З.: Проблематика перевода произведения Сердца четырех В. Сорокина	427
НУРАДИЛОВ, С.: Особенности языковой игры при переводе с английского языка на русский (на примере произведений Л. Кэрролла и В. В. Набокова)	431
ОПЛЕТАЛОВА, Э.: К проблеме транскрипции украинских имён собственных на чешский язык ...	435
ПАЛУШОВА, М.: К переводу пьесы Чинизано Л. Петрушевской на чешский язык и его постановке	441
ПРОСОЛЕНКО, Н.: Влияние порядка слов в русском и чешском языке на перевод	445
ПФАНДЛЬ, Г.: Русский перевод романа Даниэля Глаттауера «Лучшее средство от северного ветра» и «Все семь волн»: неужели мы такие разные?	451
ХАРЦИАРЕК, А.: Городские надписи в переводном словаре	457
ХОЛОД, У.: Заимствованные слова из русского языка в современной украинской прозе и проблемы их перевода	463
ЭЛИАШ, А.: Реализация авторской интенции в словацких переводах «Евгения Онегина» .	467

ДОКЛАДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Неофразеологизация в свете когнитивно-дискурсивного подхода	475
АНДРИАНОВА, Д. В.: Семантические особенности устойчивых парных сочетаний через призму Национального корпуса русского языка	483
БОЧИНА, Т.: Синонимия в семантическом пространстве интернет-игры в антифразы	487
ГРЕНАРОВА, Р.: Фраземы с антропонимами и языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ при обучении русскому языку чешских учащихся	493
ГРИЩЕНКО, А. Р.: Вербализация восточнославянских этнокультурных стереотипов на различных языковых уровнях: этноним – устойчивое словосочетание – фольклорный текст ..	497
ДАНЕЦКА, И.: О способах поиска эквивалентных соответствий посредством Интернета (из опыта работы над Настольным польско-русским идиоматиконом)	501
ДАВЫДОВА, О. А.: «Сквозные» фразеологизмы в языке произведений М. А. Шолохова ...	505
ДИБРОВА, Е. И.: Параметризация вариантности фразеологических единиц в современном русском языке	511
ДУБРОВИНА, О. А.: Фразеологические неологизмы русского языка	517
КОРИНА, Н.: К вопросу о когнитивных доминантах в русской и словацкой фразеологии ...	523
КОВАЛЕВА, Н. А.: Коммуникативно-стратегическая направленность фразеотворчества в письмах А. П. Чехова	529
ЛЕВКОВИЧ, К. А.: Фразеология в текстах радикально настроенной молодежи	533
МАРКОВА, Е. М.: Вторичные номинации для обозначения возраста человека: типология и образная специфика в славянских языках	537
МИЛЮТИНА, Т.: О некоторых проблемах поиска соответствий для «Настольного польско-русского идиоматикона» (заметки языкового консультанта)	543
ПЕРЧИНСКА, Б.: Устойчивые словосочетания в русской компьютерной лексике	549
ПШИШЛЯК, А.: Интернет как источник для поиска иноязычных эквивалентов (на материале метеорологических идиом в польском и русском языках)	553

Савченко, А.В.: Культурний код як інструмент доступу до базових елементів культури у векторі фразеології.....	557
Скиба, Н.: Неофразеологизмы в украинском публицистическом тексте	563
Соколова, Т.: Ассимиляция лексических прямых заимствований французского происхождения в русском литературном языке	569
Тарса, Я.: Интернет-мемы – новые репликаны	573
Федосов, О.: Фразеология и синтаксис	577
Фойту, П.: Интернет как источник для сбора фразеологических неологизмов	581
Хлебда, Б.: Рунет – языковой ассистент в поиске эквивалентных соответствий	587
Шевякова, Т. В.: Фразеологическое новаторство и изменение сочетаемости лексем в русском языке XVIII века	591
Янковичкова, М.: Общее и специфическое в процессах неологизации словацкой и русской фразеологии	597

ДОКЛАДЫ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

АЛЛА МСТИСЛАВОВНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Чехия, Оломоуц

СЕКСИЗМ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕКСИЗМ (ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «СЕКСИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ)

Сексизм – это не то, что вы подумали. Это не увлеченность сексом в ущерб общественно полезному труду на просторах необъятной родины. Сексизм – это дискриминация по признаку пола. И неважно какого.

А. Яковлева. Сексизм – это звучит...

ABSTRACT:

Sexism in russia is more than a sexism (phraseological neologisms with “sexism” component in contemporary Russian media discourse)

The article focuses on the onomasiological potential of the term “sexism” in a projection on phraseological neology. It also deals with some phraseological innovations with “sexism” component in contemporary Russian media and internet texts.

KEY WORDS:

Sexism – phraseological neologism – onomasiological potential.

Вместе с идеями феминизма, которые в последнее время становятся популярными и модными и на просторах Славии, а также ключевыми понятиями феминистской идеологии *гендер*, *гендерное неравенство*, *андроцентризм*, *шовинизм* и под. в нашу жизнь достаточно прочно вошло и слово *сексизм*.

Термин ‘сексизм’ появился в 1960-х годах в США в Женском освободительном движении. И хотя изначально под сексизмом понималась идеология и практика дискриминации человека по признаку пола, а в более широком смысле – ориентация, которая ставит в неравные условия один пол по отношению к другому, практика, предрассудки и идеология дискриминации по признаку пола, сегодня все чаще приходится слышать, что сексизм принижает и недооценивает роль женщин по отношению к мужчинам, отрицая, таким образом, культурные ценности западной культуры – свободу, индивидуальные до-

стоинства. Идеологи феминизма настаивают: в нашем обществе, культуре и языке мужское доминирование рассматривается как естественное, очевидное, привычное и вечное – а, следовательно, справедливое, и с этим надо бороться. Введение феминистками понятия ‘сексизм’ сделало, по их убеждению, видимыми особенности такой дискриминативной для женщин картины мира, которая также отражена и зафиксирована в разных языках.

В современном обществе ‘сексизм’ понимается чрезвычайно широко – от дискриминации по признаку пола до сексуальности, грубой чувственности и развязного поведения, и все благодаря форме этого слова. Сексизм – калька с английского, где *sex* – это и собственно секс, и биологический пол (*sexus*). Номинант *сексизм* оказался крайне семантически плодотворным благодаря не столько идеологически отягощенному компоненту *-изм*, который приобрел в форме множественного числа статус самостоятельного полнозначного слова (*измы*), сколько компоненту *секс* – как слову, в новых условиях разрешенному к употреблению вслух (ср. *В Советском Союзе секса нет!*). Здесь, по-видимому, срабатывает этимологический инстинкт носителей языка (Х. Касарес), проявляющийся в стремлении объяснить смысл нового языкового знака, исходя из известных значений его компонентов. Именно поэтому слово *сексизм* «вызывает в большинстве случаев у людей весьма непристойные ассоциации, тем самым заставляя одних тут же впасть в конфуз, других – взбудораженно провести бровью и скептически хмыкнуть» (Хачатурова А., Сексизм продает? А кто покупает?).

Современные словари определяют *сексизм* как дискриминацию по половому признаку, преимущественно по отношению к женщине; как проявление пренебрежительного отношения к женщине, ее роли в обществе и приводят производное – *сексист* ‘мужчина, придерживающийся сексистских взглядов’ [Крысин 1998]. Женский коррелят *сексистка* в словаре отсутствует. Однако многочисленные контексты подтверждают его наличие. Любопытно, что в языке СМИ обычно подчеркивается идеологическая составляющая слова: «**Я – сексистка!** Женщины в целом все-таки значительно глупее мужчин. Вот представляете вы себе такую организацию: Союз православных мужчин? И повестку его заседаний, скажем? А вот союз соответствующих женщин вот-вот создастся. Жалею, что пропало название «Женская православная ассоциация» (ЖПА). Интересно, если все-таки какая-то индивидуалистически настроенная особа не вступит в такой союз, что это означает: она не женщина? она не православна? (Ю. Данилова. Livejournal, 12.05.2009), в то же время на блогах и форумах феминатив *сексистка* употреблялся главным образом со значением, более близким к сфере секса, нежели к идеологии: **Сексистка ты, вот ты кто! Сексистка – это которая любит секс? Или наоборот?** (<http://bogdanclub.ru/archive/index.php/t-6850.html>).

В попытке определить вектор дискриминации по признаку пола (с точки зрения равноправия следовало бы говорить не только о сексизме в отношении женщин, но и в отношении мужчин), ученым оказалось недостаточно терминов *мужской* и *женский сексизм*. Исходя из фактов наличия «сексизма внутри

собственной половой группы», в обиход введены выражения *антиженский мужской сексизм*, *антиженский женский сексизм*, *антимужской мужской сексизм*, *антимужской женский сексизм*. Дискриминация по полу со стороны государства определена как *государственный сексизм* с уточнением: *в отношении мужчин* или *в отношении женщин*.

В современном словоупотреблении (на основании изучения специальных работ, публицистических, в том числе и интернет-текстов, так или иначе касающихся этого вопроса) нам удалось обнаружить многочисленные и подчас довольно неожиданные атрибуты сексизма: *неосознаваемый*, *натуральный*, *скрытый*, *классический*, *обыкновенный*, *обычный*, *обыденный*, *индивидуальный*, *общественный*, *институциональный*, *мужской*, *женский*, *лесбийский*, *бесполой*, *эксплицитный*, *имплицитный*, *патриархальный* (*патриархатный*), *агрессивный*, *явный*, *неприкрытый*, *жуткий*, *дремучий*, *оголтелый*, *преступный*, *старый*, *новый*, *амбивалентный*, *доброжелательный*, *враждебный*, *нетолерантный*, *бессмысленный*, *шведский*, *возмутительный*, *рейтинговый*, *бухгалтерский*, *транспортный*, *компьютерный*, *церковный*, *наркотический*, *занимательный*, *пельменный*, *украинский*, в украинском языке нами зафиксирован атрибут *святковий* (в контексте празднования дня 8 марта). Понятие *сексизм* и приобретает антропоморфные характеристики: *сексизм педантичный*, *лицемерный*, *безжалостный*, *беспощадный*, *наглый*, *доброжелательный*. Композитами-производными стали *пансексизм*, *антисексизм*, *транссексизм*, *неосексизм*. Компонент *сексизм* встречаем в выражениях *институализация сексизма*, *давление сексизма*, *диктат сексизма*, *испытывать сексизм*, *сексизм по-русски*, *сексизм по-украински*, *сексизм по-женски*, *сексизм по-голландски*, *сексизм наоборот*, *шабаш антисексистов*. Расширяются и синтагматические характеристики прилагательного *сексистский*: *сексистский язык*, *сексистская лексика*, *сексистский имидж*, *сексистское сознание*, *сексистское мышление*, *сексистский подход*, *сексистский код*, *сексистский юмор*.

Особо следует сказать о так наз. *языковом сексизме* и созданном феминистской лингвистикой его терминологическом аппарате. Под языковым сексизмом понимают андроцентричную доминанту языка и, как следствие, – многочисленные дискриминативные структуры, благодаря наличию которых женщины в языке изображаются как второсортная маргинальная группа; их в языке не видно, их голоса не слышно. Здесь обнаруживаем конструкции *языковой (лингвистической)*, *структурный сексизм*, собирательное понятие *сексизмы* (т.е. дискриминативные структуры сексистского языка), а также новейшие феминистские термины *сексистские морфемы*, *сексистские лексемы*, *сексистский потенциал языковых средств*, *сексистский потенциал синтаксических единиц*, *сексистский потенциал дискурса*.

Объектом отдельного анализа в предложенной статье стала как феминистская, так и антифеминистская фразеологическая неологика с компонентом *сексизм*, представленная в современных СМИ. Осознавая обоснованность многочисленных дискуссий об относительности понятия «новое» во фразео-

логии и внимая призывам к особой осторожности при диагностике фразеологического статуса конкретных единиц с точки зрения критериев *устойчивости* – *неустойчивости* того или иного сочетания, мы считаем, что «принципиальным» усечением динамического языкового материала из корпуса неологии» [Мокиенко 2002: 73]. Понятие фразеологический неологизм трактуем широко, включая в группу фразеологических неологизмов и новообразования последних десятилетий с компонентом *сексизм* на основании «ощущения необычности» (Л. И. Степанова) языкового обозначения явления, ставшего актуальным сегодня. Такой подход, по мнению В. М. Мокиенко [Мокиенко 2002: 66], позволит включить в состав фразеологических неологизмов устойчивые экспрессивные обороты, образующие экспрессивно маркированное семантическое поле с общей семантикой (в нашем случае – с семантикой агрессии), поскольку речь идет о новообразованиях, созданных на основе семантических потенциалов конкретного компонента *сексизм* как изначально идеологически заряженного. Такие устойчивые единицы или созданы заново, или возникли вследствие определенных фразеологических трансформаций либо аллюзий к известным прецедентным феноменам и во многих случаях несут на себе печать маркировки источником. К прецедентным феноменам относим прецедентные тексты как носители первичного образца, значимого в познавательном и эмоциональном отношениях для вербальной оценки нового явления или факта и имеющего сверхличностный характер (хорошо известного данному национально-языковому сообществу и легко узнаваемого). Разные случаи взаимодействия фразеологических новообразований (ФН) с базовыми прецедентными феноменами с точки зрения специфичности образного потенциала и мотивационных доминант станут предметом нашего анализа.

Значительный интерес представляет ряд ФН с компонентом *сексизм*, где второй компонент новообразования употребляется в переносно-фигуральном значении с изменением его семантических границ: *вирус сексизма* (*вирус* – мельчайший из микроорганизмов, возбудитель инфекционных заболеваний), *айсберг сексизма* (*айсберг* – плавающая ледяная гора, отколовшаяся от прибрежного ледника или ледового барьера), *контра сексизма* (*контра* прост. презр. – то же, что контрреволюционер), *гидра сексизма* (*гидра* в древнегреческой мифологии многоголовая змея, у которой на месте отрубленной головы вырастают новые). В таком же значении могут употребляться и целые устойчивые выражения: *крестовый поход на сексизм*; *жертвы крестового похода на сексизм* (*крестовые походы* ист. захватнические походы западноевропейских феодалов на Восток в 11–13 вв. под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман).

В зафиксированных нами ФН наблюдается интересное явление: номинант с компонентом *-изм*, потенциально принадлежащий к отвлеченным существительным (ср. *социализм*, *коммунизм*, *феминизм* и под.), приобретает очевидно предметную семантику, на основании которой и включается в синтагматическое взаимодействие с компонентами, семантические параметры ко-

торых предполагают наличие конкретного субъекта-человека или природной стихии: *сексизм неистовствует* (ср. *неистовствовать* 1. Находиться в состоянии неистовства, проявлять неистовство, крайне возбужденное душевное состояние. 2. Бушевать (о море, ветре и т.п.); *сексизм, безжалостный и беспощадный* (ср. *безжалостный* не имеющий жалости, сострадания; жестокий; *беспощадный* не дающий пощады; безжалостный, жестокий). В выражении *дремучий, как лес*, сексизм наблюдаем интересное явление – дисемию, или наложение двух значений атрибутива *дремучий* в сочетании с компонентом-компаратором *лес* вследствие ассоциации фразеологического значения оборота с первичным значением словесного комплекса, вызывающей интуитивное членение его семантики на части, соотносящиеся со значением известных носителю языка лексических компонентов (ср. *дремучий* 1. Густой, непроходимый, старый (о *лесе*). 2. перен. Совершенный, полный (о носителе каких-либо отрицательных качеств)). В таком случае в семантике ФН наблюдается наложение семантических доминант 'такой, как в старину, верный старым традициям, чуждый новой культуре' + 'полный, всеобъемлющий':

Агрессивная составляющая идеологического компонента *сексизм* выразительно проявляется и в устойчивых комплексах, где в синтагматическое взаимодействие включены вторые компоненты изначально «военной» семантики: *сексизм на марше* (*марш* 2. 'Передвижение войск походным порядком из одного района в другой'); *Война полов: феминизм versus сексизм* – выражение с вербальной фиксацией во внутренней форме ФН значения *война* 1. 'Организованная борьба между полами' (а не перен. 'Состояние вражды') через утверждение в конструкции *или – или* невозможности перемирия или мирного решения конфликта *феминизм versus сексизм*.

Важной ономаσιологической особенностью некоторых ФН с компонентом *сексизм* является их образование и функционирование в процессе языковой игры: *сексизм неостановим*.

Некоторые ФН образованы путем субститутивной замены компонента ФЕ или иного устойчивого выражения компонентом *сексизм*: ***сексизм бьет по кошельку*** (ср. ***цены бьют по кошельку (карману)*** разг. Слишком дорого для кого-то)); ***сексизм шагает по планете*** (ср. ***Новый год шагает по планете; Кризис шагает по планете*** и т.п.).

Большинство ФН созданы по структурно-семантическим моделям известных в нашей культуре клишированных (*Ах ты...! Сам такой!; Нечто (некто) и в Африке нечто (некто)*) выражений: – *Ах ты сексист!* – *Сама сексистка!*; *Сексист и в Африке сексист* и устойчивых сочетаний: ***сексизм в картинках*** (ср. ***азбука в картинках, английский в картинках; животные в картинках*** и под.), **осторожно: сексизм** (ср. **осторожно: животные на дорогах; осторожно: радиация** и под.), в том числе и известных слоганов: ***Сексизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с сексизмом!*** (ср. ***Фашизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с фашизмом*** – надпись на известном агитационном плакате Н. Ватолиной (1941); а также ***Все на борьбу с полосатыми захватчиками; Все на борьбу с кротами*** – реклама средства

против вредителей; *Все на борьбу с белой смертью* – из рекламы-призыва к ограничению употребления соли и т.п.).

Интересны примеры ФН, образованных по структурно-семантическим моделям устойчивых выражений паремийного типа: **сексизм** крепчал (ср. **ма-разм** крепчал – прост. ирон. О всё более увеличивающейся глупости, абсурдности чьих-л. высказываний – крылатая фраза, вероятно, трансформировавшаяся путем народно-этимологического преобразования из *мороз крепчал*); **Сексизма** не бывает много (ср. *Хорошего человека* не бывает много (одесская присказка); **Красоты** не бывает много; **Друзей** и **денег** не бывает много (Мухтар Хордаев. Друзья); **Отвечать сексизмом** на **сексизм** – *дурной тон* (*Отвечать вопросом на вопрос* – *дурной тон* – одно из правил коммуникативного этикета), *Что такое сексизм* и как с ним бороться (ср. известное выражение *Что такое не везет* и как с ним бороться), в том числе и жаргонного характера: *А за сексизм ответишь!* (ср. *А за базар ответишь!*). В фразе *Сексизм: догоним и перегоним* наблюдаем эллипсис известного слогана *Догоним и перегоним Америку!* совместно с расширением его компонентного состава конкретизатором **сексизм**, благодаря чему производное выражение приобретает потенциальную многозначность.

Также по модели образовано выражение **Сексизм** – *страшная сила* (ср. известное выражение **Красота** – *страшная сила* (одна из любимых присказок известной актрисы Фаины Раневской). Изначально **Красота** – *это страшная сила!* – фраза из стихотворения «Дурнушка» русского поэта С. Я. Надсона (1862–1887).

В процессе фразеологической номинации с компонентом **сексизм** оказались задействованы и многочисленные интертекстемы. *Почем сексизм для народа?* (ср. *Почем опиум для народа?* – фраза Остапа Бендера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»); *Ударим сексизмом по сексизму* (ср. *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок) – фраза, и ставшая основой для аналогичных по форме фраз (с соответствующей заменой понятий), пародирующих демагогический характер такого рода лозунгов).

Выражение **Сексизм? Или не сексизм?** по структуре и смысловому наполнению коррелирует с извечным Гамлетовским вопросом **Быть или не быть?** Очевидна аллюзия к эвфемистическому названию известной поэмы В. В. Маяковского «Про это» в конструкции с расширительным компонентом **сексизм**, который, с одной стороны, нивелирует эвфемизацию, с другой – содержит намек на «сексуальный» смысл компонента: **Сексизм: про ЭТО**. Подобная актуализация «сексуальной» семантики наблюдается и в выражении *Сексизм, сексизм, да здравствует сексизм!* Фраза **Сексизм в России** – *больше, чем сексизм* по структуре и семантике созвучна строке Е. Евтушенко *Поэт в России – больше, чем поэт; Сексизм – это звучит гордо* повторяет модель известного изречения М. Горького *Человек – это звучит гордо. Сексизм – в головах* – аллюзия к известным словам профессора Преображенско-

го по поводу разрухи: **разруха** не в клозетах, она – в головах (М. Булгаков, Собачье сердце).

Формальная трансформация Гоголевского *Чуден Днепр* при ясной погоде в *Чуден сексизм* при ясной погоде семантизируется в контексте: *Чуден сексизм* при ясной погоде. Редкая птица переиграет нынешних, подкованных на все каблук, дам. Потому что больше всего на свете они любят статных мужчин, пирог с яблоками и имя Роланд. И пусть канает он в свое счастье, а то рога поотшибают и пасть порвут редиске. А гранаты у них завсегда нужной системы найдутся (А. Яковлева. Сексизм – это звучит...).

Как видим, стимулом для многочисленных новообразований с компонентом терминологического происхождения *сексизм* стал комплекс факторов как языкового, так и внеязыкового характера. Смысловый потенциал составляющих термин компонентов (многозначность первого из них и идеологическая доминанта второго), умноженный на особенности восприятия этого «забугорного» слова лингвокультурным сообществом катализировал значительное расширение его синтагматических возможностей, многочисленные контекстные семантически окказиональные его употребления, включая и антропоморфизацию сексизма, широкие словообразовательные потенции. Фразеологические новообразования с компонентом *сексизм* ономазиологически опираются на возможность его употребления в переносно-фигуральном значении, на субституцию как одну из разновидностей фразеологических трансформаций и «силу формы» прецедентного текста.

Использованная литература:

- КРЫСИН, Л. П. (1998): *Толковый словарь иностранных слов*. М.
МЕЛЕРОВИЧ, А. М., МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*. Кострома.
МОКИЕНКО, В. М. (2002): *Проблемы европейской фразеологической неологии*. In: *Slowo. Tekst. Czas VI*. Новая фразеология в новой Европе. Szczecin – Greifswald.
СТЕПАНОВА, Л. (2007): *Новые выражения в современной русской беллетристике и проблемы их перевода на чешский язык*. In: XI Конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». Сборник чешской делегации. Прага.

ЗДЕНКА ВЫХОДИЛОВА

Чехия, Оломоуц

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ЭЛЛИПСИС КАК МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

ABSTRACT:

Syntactic Ellipsis as a Interdisciplinary Phenomenon

The paper delivers a wide-ranging analysis of the non-explicit expressing, as a tool of implementation of the austerity principle in language and in talking. It is focused especially on the so-called syntactic ellipsis, and its differentiation from similar phenomena, both on the level of theoretical description, and on the level of application of the theoretical knowledge on a concrete linguistic material taken from current Russian, Czech and, partly, also Slovakian. The ellipsis is understood as an exclusively to the parole field belonging phenomenon, it is rigorously distinguished from the so-called zero form of a syntactic sign, which is undisputedly embodied in the language system. The author furthermore suggests the trends to follow in studying the problems of non-explicitness and implicitness as a phenomenon of pragmatic linguistics.

KEY WORDS:

Non-explicitness – implicitness – syntactic ellipsis – zero linguistic sign – pragmatic linguistics.

Явление так наз. эллипсиса первоначально рассматривалось лингвистами в рамках синтаксиса. В течение последних десятилетий наблюдается тенденция подходить к данной проблематике также с позиций других научно-исследовательских дисциплин, и раскрывать таким образом и другие прочие аспекты эллипсиса и смежных явлений так наз. неэксплицитно выраженных значений в языке и в речи. Кроме того, можно сказать, что чем выше уровень языка, тем интенсивнее лингвистика в решении проблематики неэксплицитности выражения «делится компетенциями» в решении проблематики неэксплицитности выражения с другими дисциплинами – с теорией коммуникации, прагматикой, психологией, философией и тому подобное, – и становится предметом смежных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и так далее. На уровне текста данные явления уже приобретают характер универсалий, следствием чего является, естественно, тот факт, что в сопоставляемых языках мы находим больше сходств, чем различий.

Эллипсис – это в нашем понимании контекстуально или ситуативно обусловленная нереализация конститутивного члена схемы предложения. Значит, эллипсисом в собственном смысле слова нами считаются лишь случаи пропуска конститутивных членов предложения, когда вследствие незаполнения позиций схемы предложения происходит нарушение его реализации (которое при определенных условиях часто считается нормативным).

Как уже было сказано, исследование проблематики эллипсиса в рамках самой лингвистики может выходить за границы синтаксиса, это может быть предметом исследования самого текста. В этой области оно затрагивает еще более широкий диапазон внелингвистических аспектов и входит уже в компетенцию исследования вышеупомянутых промежуточных дисциплин.

В литературе встречаемся с понятиями/терминами смысловой эллипсис (Д. Б. Гудков), прагматический э. (Н. Д. Арутюнова), логический э. (В. Шмиллауер) и т.д. Многие из этих явлений также могут быть проявлениями речевой экономии, но совсем другого характера, чем предыдущие.

Простейшими примерами так наз. смыслового эллипсиса могут служить следующие микродиалоги, в которых элидированы некоторые звенья цепочки, образующей смысл высказывания:

– *Но свидетелей, которые бы подтвердили ваши слова, у вас нет?*

– *Было уже поздно.*

Муж: Пойдем купим LCD телевизор.

Жена: А за ипотеку как заплатим?

Lékař: Poprosím o 30 korun.

Pacient: Jenom z lidí taháte peníze.

Lékař: To si stěžujte u Julínka!

Перевод:

Врач: С вас 30 крон.

Пациент: Вымогатели! Вам бы только деньги из людей тянуть.

Врач: Это вы к Юлинеку обращайтесь!

(Дело в том, что три года назад была при тогдашнем министре здравоохранения Юлинеке в Чехии введена одноразовая плата за посещение врача (по чешски – *regulační poplatek*). Многие люди были недовольны этим нововведением.)

Здесь имеем дело с имплицитностью выражения. Смысл последней реплики в последнем микродиалоге может быть восстановлен приблизительно следующим образом:

Я действую на основании министра Юлинека, со своими претензиями вам следует обращаться к нему, а не ко мне, я только выполняю распоряжение сверху.

Из многочисленной и многотипной гаммы потенциальных проблем, связанных с рассматриваемой областью и обсуждаемых в зависимости от точки зрения и теоретических позиций исследователя, коснемся лишь двух, а именно коммуникативной (информативной) недостаточности высказывания, и имплицатур как средств связности дискурса, которые тесно связаны друг с другом:

За полюсом крайней неэксплицитности на оси эксплицитность – неэксплицитность находятся коммуникаты, дефектные из-за своей формальной неполноты, неспособные в достаточной степени выполнять свою коммуникативную

функцию. Естественным противовесом экономии выражения является избыточность, редундантность выражения; редундантные коммуникаты находятся за полюсом крайней эксплицитности.

Вопрос о коммуникативной достаточности/недостаточности можно продемонстрировать на примере так наз. прагматического эллипсиса в терминологии Н. Д. Арутюновой:

– *Здесь есть в близости почта?*

Ответ *Есть* не обладает достаточной информативностью, это коммуникативно недостаточный ответ, так как спрашивающий хочет узнать, **где** находится почта. Данный ответ образует определенное промежуточное звено, определенный «пролог» к следующей реакции – к объяснению, где находится почта.

Нет – отрицательный ответ при определенных условиях может быть коммуникативно достаточным.

Почта уже закрыта. – Этот ответ может быть достаточно информационно насыщенной репликой для спрашивающего, но это может быть и коммуникативно недостаточный ответ в случае, если почта служит для спрашивающего лишь ориентиром (например, рядом с почтой должна жить семья, которую спрашивающий хочет посетить).

Исходим из предположения, что структура естественного диалога должна основываться на чередовании соотносительных реплик, напр., за вопросом должен следовать ответ. Если пользоваться терминологией прагмалингвистики, можно говорить о согласовании реплик по иллокутивной функции. («Иллокутивная функция – это выражение того или иного коммуникативного намерения говорящего – такого, как просьба, приказ, совет, уведомление, утверждение, выражение благодарности, вопрос и т.п.» (Падучева).) На разных типах иллокутивных функций построена большая часть диалогов. Нарушение согласования иллокутивных функций вследствие эллипсиса может вести к снижению коммуникативного эффекта или даже к полной коммуникативной недостаточности. Как вытекает из нашего материала, прагматическая связь согласованных друг с другом реплик может быть или ненамеренной, или намеренной.

Примером первой может послужить известный, часто цитируемый «квазидialog» двух кумушек, из которых одна – глухая:

«Здорово, кума. – На рынке была; – Аль ты глуха? – Купила петуха; – Прощай, кума. – Полтину дала».

Глухая, в сущности, придерживалась шаблон разговора при встрече, она сделала лишь одну, первоначальную ошибку: она забыла, что при встрече здороваются; остальные же ее ответы были рассчитаны на шаблонную последовательность вопросов: где была, что купила, сколько дала, и в этом отношении догадка ее очень жизненна.

В качестве примера намеренного нарушения связи реплик приводим квазидialog из всем чехам известной сказки Божены Немцовой «О пряничной избушке», в котором женщина намеренно не развивает разговор, чтобы обмануть преследователя детей (dialog приводим в сокращенном виде):

- „Osobo,“ ptal se plečky, „neviděla jste tudy jít dvě děti?“
- „Pleju len,“ odpověděla žena, jako by mu nerozuměla. „Osobo, já se vás ptám, jestli jste tudy viděla jít děti.“
- „Až vypleju a uzraje, budem trhat.“
- „Osobo, rozumějte pak, ptám se vás, jestli jste viděla tudy jít děti.“

.....

- „Až nasoukáme, budem tkát pěkné tenké plátno.“
- „Osobo, co je mi do plátna, ptám se vás, viděla-li jste tudy jít děti.“
- „Až utkáme, budem bílit, až vybilíme, budem stříhat a šít košile, košilky, šátky a stužky, sukně a zástěrky.“
- „Osobo, cožpak si na uších sedíte, ptám se vás, viděla-li jste tudy jít děti.“
- „A tak, co s tím budem dělat? – Nu, budem se do toho odívat a nosit se čistě bíle.“

.....

- „Osobo, já se vás na to neptal, ptám se vás, neviděla-li jste tudy jít děti.“
- „Děti, nu, to jste měl hned říct, bodejť neviděla, ba viděla, šly tamtudy tou cestičkou po polích, a přímo k tomu potoku, co ty vrby jsou. Ale už je nedohoníte, skákaly jako poštolky,“ při těch slovech ukázala žena dědkovi na opačnou stranu, než byla dříve děti poslala.

Выявление лингвистического статуса конкретных нереализаций в поверхностной структуре может отчасти помочь объяснить причины и характер некоторых различий в конкретных способах проявления принципа речевой экономии в отдельных языках, включая применение разных типов эллипсиса.

Если, например, сравнивать русскую разговорную речь с обиходной чешской речью, то можно констатировать, что в основе исследуемого явления, то есть относительно высокой неэксплицитности формального выражения значений в PPP, следует искать системную черту, характерную для русского языка, а именно нулевую реализацию форм глагола *быть* в настоящем времени, компенсированную в двучленных структурах более высокой компетентностью личных местоимений. Таким образом, возникает импульс для образования аналогичных (но некатегориальных, несистемных) конструкций с глаголами, выражающими и другие важные значения, напр., известный эллипсис предикатных глаголов определенных семантических групп.

Проблематика неэксплицитного выражения значений в языке содержит, по нашему мнению, огромный, до сих пор не открытый исследовательский потенциал, который, главным образом, в области прагмалингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики обещает интересные открытия.¹

---

¹ Статья черпает из монографии автора, которая под названием «Výrazová úspornost v syntaxi současné ruštiny» в 2011 г. вышла в свет в издательстве Университета им. Палацкого в Оломоуце.

ЗДЕНЕК ПЕХАЛ

Чехия, Оломоуц

РОЛЬ ДВОЙСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ABSTRACT:

We are interested in those formal methods which disturb the uniformity of structure, thus turning it into duplicity, dual structure and into an amorphous form of plural events. By means of formal methods, the author divides the text into individual semantic vectors, which then (irrespective of the author's intention) bring about new events which mutually interact and evolve in different directions. Their final direction has not been and could not have been foreseen or organized a priori. This area of discourse shifting events in the structure development is seen as a force which cannot be intentionally organized from outside. A fundamental feature of this force is the complete absence of any privileged organizing and/or regulating elements.

Dostoyevsky's aesthetics in *Idiot* is based on an exposition of polarity between a stable, grotesquely hyperbolised, schematic and stilted world of theses in a puppet world, which is in the novel reality confronted with a shaky and irregular aesthetic space of elementary forces represented by figures such as Anastassya Filippovna (who does not conform to any organising authority), visual demonstration on the scene (which creates an illusion of intermediate happening in its original, rough change, movement and disarray), narrative strategy (information diffusion based on unauthenticated information, rumours, which break the textual level into many different variants). This structural precondition of intersecting and mutually penetrating vectors is presented on the scene, where it can fully, freely and without any organising authority create live, elementary action of various directions, forces and impulses. In these events, there is a potential of meanings, which fold together and cluster into shapes that do not comply with any of the original directions.

KEY WORDS:

Spheres of literary text – organised and disorganised – lack of authoritative and privileged organisation text strategy – element – duration and kontinuum – forms of dual aesthetical structure – F. M. Dostoyevsky – *The Idiot*.

Темой литературоведческой части нашей конференции является структурный прием двойственности в русском романе и связанная с ним эстетика романов Достоевского. Позвольте нам объяснить наш подход к теме двойственности в русской прозе.

Темой конференции мы хотим продолжить те тенденции в литературоведении, которые ставят (задают) своей научной целью не широкие и общие проблемы, а более узкие, ограниченные проблемы или отдельные произведения. Таким образом появились монографии о «Повестях Белкина» А.С. Пушкина,

отдельных частях «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя, монографии о романах Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» или «Идиот»¹.

Если взять, напр., библиографию работ романа Достоевского «Идиот»² за последние тридцать лет, то можно обнаружить более трехсот работ на эту тему. Хотя эта библиография касается работ, посвященных только роману Идиот, все же на этой основе можно сделать некоторые общие выводы об ориентации изучения творчества Достоевского. Очень часто можно встретиться с работами, в центре которых находится герой, который, однако, уже рассматривается не с точки зрения особых художественных приемов эстетики Достоевского, а прежде всего с точки зрения идеологического анализа его мыслей и поступков, с точки зрения общего философского и религиозного, христианского подхода. Здесь абсолютно преобладает интерес к князю Мышкину и связанный с ним образ и роль Христа в структуре романа «Идиот». Обнаруживаются библейские темы в романе, особенно темы, которые связаны с известной картиной Голдбейна, и связи романа с русской иконописью, русскими легендами и христианским мифом и древнерусским фольклором. Роман Достоевского обсуждается в связи с разработкой христианской этики, религии, добром, злом, с поисками христианского эстетического идеала красоты, добра и разных проявлений зла, страданий и человеческого падения. Эта тенденция понятна, но иногда упрощает писателя в интересах «всеобщего православия». Подобную тенденцию можно видеть и у А. С. Пушкина³. Но все-таки в работах этого типа, на наш взгляд, должны преобладать подходы, которые учитывают особенность эстетики романов Достоевского, а не являются самостоятельными религиозно-идеологическими выступлениями, только с противоположными идеологическими маркерами, чем прежде были марксистские. Нередко бывает так, что текст художественной литературы служит только первым толчком заранее заданных идеологических рассуждений, которые на текст фактически никак не опираются и с художественным миром Достоевского связаны очень относительно.

Наряду с этим возникло большое число работ, посвященных исторической поэтике – мотивным и тематическим параллелям, жанровым свя-

¹ Ср. ПАНФИЛОВИЧ, И.: «Медный всадник» Александра Пушкина. История толкования поэмы и ее содержание. Verlag Otto Sagner. 2007. ISBN 978-3-86688-016-0. ПУШКИН, А.С. «Повести Белкина». Научное наследие. Под ред. Н. К. Гей, И. Л. Поповой. 830 с. ИМЛИ РАН. М., 1999. Феномен «Шинели» Н. В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя : (к 160-летию издания) / под ред. Ю. И. Митрофанова и О. В. Зырянова. Екатеринбург, 2002. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. Ред. Т. А. Касаткина. М.: Наследие, 2001. ISBN 5-9208-0044-5. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. Ред. Т. А. Касаткина. М.: Наука, 2007.

² Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. Ред. Т. А. Касаткина. М.: Наследие, 2001.

³ АРИНШТЕЙН, Л. М.: Пушкин. Непричесанная биография. М., 1999: 148-149. ЮРЬЕВА, И. Ю.: Пушкин, православие и самодержавие. In: Пушкин через двести лет. Материалы международной конференции юбилейного (1999) года. М.: ИМЛИРАН, 2002. ФЕДОТОВ, Г. П.: Певец империи и свободы. In: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. М.: Книга, 1990. Небо: ФРАНК, С.М.: Пушкин как политический мыслитель. In: Пушкин через двести лет. Материалы международной конференции юбилейного (1999) года. ИМЛИРАН. 2002. СКВОЗНИКОВ, В. Д.: Державность миропонимания Пушкина. Пушкин и теоретико-литературная мысль. М.: ИМЛИ РАН, 1999.

зиям, анализу отдельных эпизодов, сопоставительным работам по сюжетно-композиционному строю, разным трансформациям архетипов отдельных участков топографии русской словесности, напр., дома. Много работ было посвящено пространственно-временным отношениям в структуре романа Достоевского. Особенно ценны сопоставительные работы по жанровому разнообразию эстетики романа, нам очень близки работы, посвященные связям драмы и романа. Много работ затрагивает проблемы повествования в романе Достоевского и его структурные особенности.

Таким образом, все вышеприведенные анализы романа «Идиот» трактуют вопросы, принципиально важные для анализа романа и его интерпретации. Эти работы открывают контекст романа с разных сторон. Показываются две тенденции в изучении искусства Достоевского: во-первых, подходить к роману Достоевского извне, т.е. применять к поэтике Достоевского мысли, возникшие независимо от его романа, но так как они достаточно общие, то их следы можно найти и в мире романа и эстетики Достоевского; во-вторых – и этот подход нашему видению эстетики Достоевского намного ближе – исходить из глубины эстетики романа Достоевского; это подход, который основан на его внутренних особенностях, отождествляется с его образностью, внутренним пространством, основой его конфликтов и напряжения, сохраняет духовный климат произведений. В этом смысле примечательна заметка Бориса Пастернака из его романа «Доктор Живаго», которая подчеркивает роль художественности в романах Достоевского: «Произведения говорят многими темами, положениями, сюжетами, героями. Но больше всего говорят они присутствием содержащегося в них искусства. Присутствие искусства на страницах «Преступления и наказания» потрясает больше, чем преступление Раскольникова».

Именно среди особенностей русского романа вообще и романа Достоевского особенно следует отметить разногорода структурную двойственность.

Ключевым при обсуждении романной структуры мы считаем вопрос об источниках, которые приводят в движение смыслообразующие события текстовой реальности. Одним из источников этого движения является раздвоение текстовой структуры, которое затем становится основой для смысловой напряженности различных смыслообразующих аспектов. Мы полагаем, что эту напряженность следует понимать во взаимосвязях всего структурного контекста. В данном рассуждении мы исходим из представления, что литературное произведение есть символ, в котором под означаемым следует понимать не определенную стабильную величину, а отношение, процесс, континуум. В данном рассуждении мы исходим из понятия означаемого (в символической ситуации) как континуума событий нетекстовой реальности, т.е. деяния, протекающего в виде непрерывного взаимодействия (взаимопроникновения) субъекта с объектом и объекта с субъектом, причем субъект не находится в привилегированном положении, а является составной частью бесконечных изменений и потока событий «живой» реальности. Будучи составной частью универсального и бесконечного процесса событий реальности, субъект соотносится с самим собой как с интегральной частью этого пластичного кон-

тинуального процесса, соотносится с тем, что он воспринимает как объект и обращается к данному событию реальности посредством символа, в котором означаемое является именно этим событием реальности, частью которого выступает и наблюдающий субъект. Амбицией его (субъекта) высказывания как части общей совокупности событий реальности является (есть) выражение отношения к действию и обнаружение представления его целого. Взаимодействии между разграничивающим означающим (текстом) и означаемым как ходом событий в текстовой и в нетекстовой реальности (взаимопроникновение объекта с субъектом и субъекта с объектом) создает смысловое событие, исходящей основой которого является потенциал традиционных значений. Важно то, в какой степени текст останавливает движение реальности и акцентирует внимание на определенном статическом сегменте, последовательности, схеме или в какой степени допускает протекание спонтанного и неуправляемого движения сквозь текстовую структуру, передавая динамическую структурированность мира в ее контекстуальных взаимосвязях и позволяя ей протекать в тексте. Текст мы рассматриваем как взаимодействие различных отношений и точек зрения.

Если художник хочет соотноситься не только с упорядоченностью и стабильностью мира, с сегментированной реальностью (линейное расположение моментов событий), но и с длительностью, в которой постоянно происходят события и переплетается организованное и неорганизованное, если художник хочет приблизиться к состоянию непрерывного движения и изменения, то он должен избрать такую художественную форму, которая даст возможность наряду с организованностью и художественным замыслом проявиться также и области неорганизованного и области непреднамеренного, неконтролируемого автором. Мы имеем в виду область спонтанного, стихийного, которая, казалось бы, непосредственно рождается в тот момент, когда между определенными, более или менее знаково-стабильными значениями слов и их полюсами возникает динамическое напряжение и рождается представление деяния, длительности, движения, континуума.

И именно эту область беспрепятственного соотношения субъекта с объектом и их взаимопроникновения мы считаем важнейшим источником спонтанного и стихийного потока событий в художественной структуре и важнейшим источником движения художественной структуры. Объект сохраняет в текстовой реальности определенную степень своей первоначальной и не затронутой субъектом аутентичности, не интерпретированной субъектом спонтанности и продолжает быть частью «живой» актуальной нетекстовой реальности и ее контекстов. Автор дает возможность этой стихийной плоскости высказаться именно посредством формальных процедур, которые расщепляют однородность структуры на аморфные формы плюралистических событий. Таким образом в текстовую область свободно проникает внетекстовая реальность, сохраняющая все свои первоначальные и подлинные элементы, не зависящие от авторитета творческой деятельности. И именно эту область событий художественной структуры мы считаем первичным источником стихийного и ничем не кон-

тролируемого потока событий художественного произведения, который, бесспорно, обогащает художественный замысел областью спонтанных и стихийных смыслообразующих событий.

Мы исходим из концепции, что данная эстетическая экспозиция является смыслообразующим веером множества разнонаправленных векторов и может случиться так, что результирующий вектор будет вектором, которого никто не ожидал. Даже автор. Отсюда и интенциональность произведения, которую мы понимаем в смысле формирования авторской стратегии смыслообразующего веера, но отнюдь не конкретно высказанной идеи. Произведение является для нас плюралистическим предложением смысловых событий, которые в определенный момент приобретают конкретный частный смысл как составная часть потенциального смысла, к которому частные значения непрерывно направляются и приближаются. Чем выше эстетический уровень произведения, тем шире раскрывается смыслообразующий веер, усложняется семантическая сеть и возрастает семантический потенциал.

В. В. Виноградов в своих известных статьях о стиле Пушкина⁴ замечает, что хотя повествование Пиковой дамы идет формально от лица авторского рассказчика – от третьего лица, оно впитывает в себя угол зрения, перспективу, взгляд, логичность героя – Германа. Иногда эти взгляды – объективный – который традиционно должен ориентировать от имени автора читателя в мире повести, смешивается с перспективой героя, который, в зависимости от его способности видеть или не видеть то, что видят остальные герои, вносит в повествование свой субъективный взгляд. Результатом приведенной ситуации является различие интерпретаций одной повествовательной ситуации, текстовой действительности и смешивание этих двух интерпретаций. Читатель не может быть однозначно уверенным в том, чьими глазами он смотрит на действительность повести – глазами рассказчика от 3-го лица или взглядом героя. Таким образом в русской прозе рождается несобственно прямая речь – смесь взгляда рассказчика и героя. Дело в том, что читатель теряет ориентир, точку зрения, на основе которой он может ориентироваться в текстовой действительности и может определить, что явно происходит в текстовой действительности повести и что является только видением одного из героев. Т. е., зрение рассказчика настолько сливается с героем, что теряются однозначные границы двух разных интерпретаций одной и той же сути. Это уже не два отдельных и самостоятельных взгляда и интерпретации, а что-то совместное – двойственность как амбиваленция, когда совместно и одновременно существует да и нет.

Выдающийся русский режиссер Сергей Эйзенштейн заметил, что если существуют визуально рядом два образа, кадры, детали – их результатом будет у воспринимающего зрителя не их пассивная сумма, сложение, а новый образ, состоящий из просвечивания двух самостоятельных образов. Так и образуется значение – из просвечивания многоликой действительности, в которой скла-

⁴ ВИНОГРАДОВ, В. В.: Стиль Пиковой дамы. Символика карт и карточного языка. Символика игры и идеологические схемы. Издательство «Наука», М. 1980. с. 191–202. ВИНОГРАДОВ, В. В.: Стиль «Пиковой дамы». Временник пушкинской комиссии 2. М. 1936.

дываются векторы разного направления и их результатом является прежде всего не какая-то заранее установленная концепция, а что-то во многом неожиданный, заранее не придуманный, что возникает как текучая, постоянно движущаяся и меняющаяся реальность. Таким образом, двойственность в структуре художественного произведения вносит иллюзию текучего, непостоянного, непосредственно и постоянно меняющегося пространства и времени.

Но наряду с повествованием есть еще другие приемы, которые вносят в повесть «Пиковая дама» двойственность. Это жанр. В самом начале возникает вопрос – что это: сказка, случай, выдумка, шутка, слух. И опять – ни один из этих жанров не исключен и они параллельно существуют в тексте и смешиваются в один текст. Возникает что-то слитное, совместное, взаимопросвечивающее. Возникает текст на грани нескольких сущностей и реальностей. Герман существует на грани двух миров – мира предсказуемого, рационального, определенного, упорядоченного – и мира за границей нашей сущности, неопределенного, невидимого, хаотического, неупорядоченного, случайного. Все приведенные смысловые грани свободно взаимопросвечивают и образуют смысловой контекст произведения.

То же самое возникает и в случае «Медного всадника». В «Медном всаднике» Пушкина твердо установленному фундаменту неподвижности противостоит водная стихия. Блестящий фундамент подвергается сомнению, он был поколеблен. Это не только диалог, напряжение прочно установленного земного фундамента, нарушение неподвижности, а новое пространство – пространство целостного, целостности, в которое проникает и вертикальный принцип божественного. Это также нарушение нормы, но не в том смысле, что неподвижный фундамент нельзя поколебать, а в смысле, что он является неотделимой частью целого, что этот принцип нельзя держать в твердо установленных замкнутых границах, показать, что волнение, неустойчивость, нестабильность является самостоятельной ценностью живого организма. Человек, с одной стороны, одарен сознанием собственной исключительности, а с другой стороны, эта исключительность подвергается иронии, отражается в зеркале пародии и карикатуры и оказывается, что человек является серой составной частью всеобщего движения равнодушной материи. «Медный всадник» является своей всеобъемлющей двойственностью примером приближения человека к образу целостности мира.

Очень сильным моментом образования двойственности в русской литературе является фоновая структура «Повестей Белкин» а с параллельной эстетикой пародии серьезного, таинственного, упорядоченного белкинского мира, пассивно, рабски и дословно передающего подсказанные ему истории. Таким образом, в русской прозе возникает параллельная эстетика двойственной структуры, когда за наглядным образом сцены повестей начинает двигаться ее пандан, который связан с первоплановым образом самыми разными отношениями.

Эффект двойственности возникает, напр., у Н. В. Гоголя посредством переказа, который способен естественным образом совместить самые разнообраз-

ные жанры, подходы, влияния, образы, их метаморфозы и движение. Можно предложить интерпретацию повести Н. В. Гоголя «Нос», которая утверждает, что сюжет рассказа является не реконструкцией события, а пересказом события как объединяющего сюжетного двигателя. Таким образом, текст ориентирован не на письменные жанровые формы, а на средства устных жанров. Повествователь пользуется сценической мимикой и посредством пересказа в текст вводится момент «стихийности». Передача «стихийности» слуха имеет роль спонтанного сплава неоднородных элементов и открывает структуру повести к амбивалентности значений, в которой одновременно и рядом друг с другом существуют и взаимно просвечивают разного рода противоположные значения, фантастическая бессмыслица и бытовая повседневность, комическое преувеличение и трагический ужас, гротескный смех и разного рода пародия предшествующих литературных форм.

У Достоевского двойственность традиционно связывается с повестью «Двойник» и ращеплением сознания господина Голядкина. Здесь в плане повествования Достоевский продолжает традиции Пушкина и Гоголя. Но мы хотели бы обратить ваше внимание на уже упомянутый роман «Идиот». Основой первой части романа является экспозиция, в которой обнаруживаются основные отношения героев и их status quo, психологические и социальные предпосылки, которые сложились до начала истории. Предлагается очень напряженная ситуация, в которой все герои имеют свои интересы и все находятся на распутье – все ожидают конечного решения – которое в руках Настасьи Филипповны. Ожидают все – князь Мышкин, Рогожин, Ганя, генерал Епанчин и его семья, Иволгины, Тоцкий, Лебедев, шут Фердыщенко и многие другие. Все ожидают вечеринки в честь дня рождения Настасьи Филипповны, все будет проходить на глазах заинтересованных зрителей и посторонних людей и все ожидают конечного и решительного слова Настасьи Филипповны. Все в руках абсолютно непредсказуемой личности, непредсказуемого существа.

Таким образом создана экспозиция – основа многополюсной структуры, бахтинская диалогическая структура, которая не подлежит авторитету авторского голоса. Они действуют как бы самостоятельно и независимо друг от друга и их высказывания получают осмысление лишь в связи с ответами и реакциями других участвующих в полилоге действующих лиц. Но это известные факты и общеизвестные заключения о диалогической структуре романа. Но в связи с отдельными текстами надо задать вопросы о сути отдельных полюсов приведенного диалога или полилога, т.е. об эстетической сущности отдельных участников диалога.

С одной стороны, мы можем понимать участников диалога в связи с их социально-психологической мотивацией. У всех участников сцены есть свои интересы – с этой точки зрения мотивация действий Гаврилы Ардалионовича отличается от намерений Тоцкого, генерала Епанчина, свои интересы у Рогожина, Птицына, Лебедева. Все приведенные перспективы, точки зрения входят в полилог и в их взаимоотношениях рождается смысл их слов, вы-

сказаний и реакций. С этой точки зрения читатель следит за психологией и психологическими мотивациями героев.

С другой точки зрения, текст представляется как загадка. В тексте можно заметить на многих местах такие слова, как: неразрешенный вопрос, неразрешимые обстоятельства, будущность чревата событиями и что много неразъясненного. Таким образом, текст задает вопрос, тайну, а читатель – как один из субъектоврасшифровки текста – раскрытия его смысла – стремится все разъяснить. В конце романа, как в жанре детектива, читатель все узнает. На вопрос, как все кончится, он получил ответ. Все «неразрешенные вопросы», «неразрешимые обстоятельства», «много неразъясненного» будет объяснено. Но текстовая загадка диалогической структуры заключается и в чем-то другом.

С самого начала романа образуется диалогическая структура и в другом направлении или направлениях. Из первых слов рассказчика ясно, что, помимо прямолинейных сведений, присутствует еще какой-то другой план, другой голос романа. Дело в том, что вся история здесь передается как пересказ услышанного. Важны не только факты, но и тон рассказчика, который разными намеками вызывает у читателя сомнения, было ли это все именно так, как в пересказе. Вводные слова, как – говорят, было известно, – показывают, что рассказчик опирается не только на достоверные сведения, но и на слухи. В результате читатель может заключить, что все могло быть и иначе, могло случиться и по-другому. Пересказ опирается на всеобщезвестную информацию, достоверность которой находится под сомнением. Наряду с этим, многие сведения мы узнаем посредством Лебедева, который привносит в пересказ то, что бы мы могли назвать личным тоном рассказчика, его собственной маской. Т.е, помимо рассказа, он вносит в повествование также мимику лица, напр.:

— Ну чего ему, скажите, пожалуйста! — раздражительно и злобно кивнул на него опять Рогожин, — ведь я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да ведь не дам, не дам, хошь целую неделю пляши!

— И не давай! Так мне и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, детей малых брошу, а пред тобой буду плясать. Польсти, польсти!⁵

Эта мимика переносится и в слова пересказа авторского рассказчика, который воспринимает тон Лебедева в том смысле, что он опирается на слухи и общеизвестную информацию, которая может вызвать сомнения в их достоверности. И этот источник информации вносит именно особенную мимику во весь рассказ и является источником и примером нами рассматриваемой двойственности.

Личность князя Мышкина также вызывает двойственность. С одной стороны, он выступает как чужой человек, которого никто, даже всезнайка Лебедев, в Петербурге не знает, с другой стороны, он как-то родственен фигурам пе-

⁵ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Издательство «Наука», 1973, т. 8. с. 10–11.

тербургского мира. Ему как-то известно лицо Настасьи Филипповны, которое он никак до этого времени не мог видеть. Встречается в тексте предложение – Как бы я ее уже где-то видел. Антитеза чужого – родственного еще связана с тем, что, с одной стороны, личность князя Мышкина представлена взрослым человеком, с точки зрения закрытого, ограниченного мира, с другой стороны, он – представитель детства, детского мира, открытого, игривого, мира непрочно установленных правил и границ.

Но прежде всего проходит диалог двойственности в плане эстетическом. Кажется, что герои с самого начала романа разработаны по двум эстетическим планам: Напр., Лебедев – это не ткань живой психологической действительности, а схема, маска, с преувеличением усердия, услужливости, лести, чиновничества, лакейской преданности, раболепного следования. Но это сделано не с целью сатирического эффекта – например, как прямолинейная сатира на чиновника. Фигура Лебедева является составной частью искусственного мира, эстетики гротеска, который позволяет применить гипертрофию любой мелочи. Дело не в том, что Лебедев является второстепенным героем, на которого не хватает психологического внимания, речь идет об иной интерпретации личности в жанровом смысле, отношении, о другом жанре, о другом эстетическом порядке. К ряду фигур типа Лебедева принадлежит не только шут Фердыщенко и фигуры, построенные на гиперболизации одной детали, но и лица Гани, генерала Епанчина или Афанасия Ивановича Тоцкого. С одной стороны, в лице генерала Епанчина и Афанасия Ивановича Тоцкого видится высокое благородное общественное лицо, гладкая, почтенная, общественная маска морали, приветливости, великолепной общественной репутации внешнего достоинства, внешних приличий и серьезности, любезного тона и утонченности и достоинства столичного салона, его блеска и великодушия. Приведенная эстетическая плоскость упорядоченности стремится к регулярности, достоинству, повторяемости, предсказуемости, жизненному автоматизму.

Эта плоскость сама по себе не имеет энергии, которая может создать ситуацию, где что-либо действительно происходит, где возникает перелом в действии, сдвиг в действии, после которого можно было бы определить степень дифференциации по отношению к исходной ситуации. Эта плоскость находится в рамках общепринятых правил и замкнутого автоматизма и предсказуемости. Но гротескное впечатление внешнего достоинства, однако, с большим трудом скрывает определенное беспокойство, вытекающее из нестабильности ситуации и ее возможной непредсказуемой развязки (решение Настасьи Филипповны, выйдет ли она замуж за Ганю или нет). За преувеличенным внешним благородством маски во многих случаях (генерал Епанчин, Афанасий Иванович Тоцкий) начинают просвечивать выражения собственного лица. Есть намеки, которые открывают скрытое пространство низкой и искривленной сущности человеческой карикатуры. За почтенной и гладкой общественной маской морали и салонного блеска что-то скрыто и оно ждет обнаружения. Вся схема паноптического эстетического порядка гротескной нечеловечности, обезчеловеченности карикатуры и маски скрывает определенное беспокойство,

вытекающее из нестабильности ситуации и его возможной непредсказуемой развязки, возможного поколебания и осмеяния (это прежде всего касается беспокойства генерала Епанчина и Афанасия Ивановича Тоцкого или Гани).

То есть – должна прийти сила, энергия, с помощью которой распатается статичный мир, проникнет через скованность масок и притворства в живую ткань организма. Эта энергия, сила связана с другой эстетической силой, эстетической перспективой, эстетическим порядком, который основан на непредсказуемости, когда все протекает как естественный процесс, без регулирующего воздействия со стороны любого авторитета, происходящего без руководства, никем неорганизуемого, неподчиненного никакой воле. Это перспектива эстетической концепции стихийности, которая основана на живой психической ткани Настасьи Филипповны, в которой нет организующего авторитета или привилегированной концепции. Все происходит на глазах, прямо, в действии и в течениипроходящей ежеминутности. Все экспозицией приведенные векторы складываются и возникает результат, который не подвергается никакой заранее установленной концепции и стратегии. В этот контекст вступают бахтинские голоса героев, разного рода двойственность (рассказчика, эстетического склада, мимика) и прежде всего всеохватывающая стихия – как сцена, в которой потеряна авторская исключительность, привилегированная позиция какого-либо элемента.

Все усиливается тем, что свидание всех участников проходит на сцене непосредственно на глазах читателя. Читатель прямо видит все полюсы участвующих лиц, их напряжение и эстетическую маску или живое лицо движения и изменения.

Робко и потерянно смотрел он несколько секунд, не отводя глаз, на Настасью Филипповну. Вдруг, как бы потеряв весь рассудок и чуть не шатаясь, подошел он к столу; дорогой наткнулся на стул Птицына и наступил своими грязными сапожищами на кружевную отделку великолепного голубого платья молчаливой красавицы немки; не извинился и не заметил. Подойдя к столу, он положил на него один странный предмет, с которым и вступил в гостиную, держа его перед собой в обеих руках. Это была большая пачка бумаги, вершка три в высоту и вершка четыре в длину, крепко и плотно завернутая в «Биржевые ведомости» и обвязанная туго-натуго со всех сторон и два раза накрест бечевкой, вроде тех, которыми обвязывают сахарные головы. Затем стал, ни слова не говоря и опустив руки, как бы ожидая своего приговора. Костюм его был совершенно давешний, кроме совсем нового шелкового шарфа на шее, ярко-зеленого с красным, с огромною бриллиантовою булавкой, изображавшею жука, и массивного бриллиантового перстня на грязном пальце правой руки. Лебедев до стола не дошел шага на три; остальные, как сказано было, понемногу набирались в гостиную. Катя и Паша, горничные Настасьи Филипповны, тоже прибежали глядеть из-за приподнятых портьер, с глубоким изумлением и страхом.

— Что это такое? — спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядев Рогожина и указывая глазами на «предмет».

— Сто тысяч! — ответил тот почти шепотом. [114–115]

Живая психическая ткань организма романа Достоевского Идиот наталкивается на барьер гротескной организованности автоматизма, неподвижного оцепенения карикатуры и двуликости маски. На основе контраста подчеркивается живая ткань психического организма, подчеркивается именно полоса живого, ничем неопределенного, непредсказуемого, индивидуального, неповторимого. Посредством напряжения между авторским миром продуманного пересказа и миром случая, случайности, непредсказуемости, посредством противопоставления, эстетического мира гротеска, маски, карикатуры неживого, искусственного и мира эстетики, стихийного-скандальной провокации, уличной вульгарности, лихорадочного тона варварской низости и неожиданности – выступает на первый план иллюзии стихийного. Именно посредством внутренней антиномии характеров (Настасья Филипповна) постоянно действуют два амбивалентных полюса – одновременно да и нет, Дьявол и Бог. Посредством противопоставления безликого гротеска и иллюзии жизненной стихии, протекающей в течение сценической непосредственности и постоянной перемены создается образ, символ, который уводит в открытую область естественного, нерегулированного воздействия со стороны любого авторитета – ни рациональности, ни морали, ни традиции, ни разработанных схем мышления. Именно в этой области слово чужого и традиционно презираемого идиота, сумасшедшего, варвара приобретает новое значение и является равноценным традиционно уважаемым авторитетам. Приведенный символ указывает на пространство без заранее установленных регулирующих авторитетов, уводит в область открывающейся целостности, в которой неизбежна перспектива нерегулированной стихийности как основы настоящего движения и человечности, как образа первоначала человеческого существования.

Таким образом, прием двойственности (приемы повествования, концепция видения героев, эстетика художественного пространства, текстовой действительности, эстетика понятия жанра) вводит в структуру романа смысловую амбивалентность. Амбивалентность, двойственность вносит в структуру художественного произведения несколько одновременно существующих смысловых перспектив, которые своим взаимным просвечиванием способны образовать непрерывное смысловое движение, изменчивость, метаморфозу значений как основу для развития потенциала метафорических или символических значений искусства, которые делают художественный текст незаконченным, с постоянно открытым значением.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРИНШТЕЙН, Л. М. (1999): Пушкин. Непричесанная биография. М., с. 148–149.
 ВИНОГРАДОВ, В. В. (1936): Стиль «Пиковой дамы». Временник пушкинской комиссии 2. М.
 ВИНОГРАДОВ, В. В. (1980): Стиль Пиковой дамы. Символика карт и карточного языка. Символика игры и идеологические схемы. М.: Издательство «Наука», с. 191–202.
 ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1973): Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Издательство «Наука», т. 8., с. 10–11.
 ПАНФИЛОВИЧ, Игорь. (2007): «Медный всадник» Александра Пушкина. История толкования поэмы и ее содержание. Verlag Otto Sagner.
 ПУШКИН, А. С. «Повести Белкина». Научное наследие. Под ред. Н. К. Гей, И. Л. Поповой. М.: ИМЛИ РАН, 830 с.

- КАСАТКИНА, Т. А. (ред.) (2001): Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. М.: Наследие.
- КАСАТКИНА, Т. А. (ред.) (2007): Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука.
- СКВОЗНИКОВ, В. Д. (1999): Державность миропонимания Пушкина. Пушкин и теоретико-литературная мысль. М.: ИМЛИ РАН.
- ЮРЬЕВА, И. Ю. (2002): Пушкин, православие и самодержавие. In: Пушкин через двести лет. Материалы международной конференции юбилейного (1999) года. М.: ИМЛИРАН.
- ФЕДОТОВ, Г. П. (1990): Певец империи и свободы. In: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. М.: Книга.
- Митрофанов, Ю. И., Зырянов, О. В. (ред.) (2002): Феномен «Шинели» Н. В. Гоголя в свете философского мирозерцания писателя: (к 160-летию издания) Екатеринбург.
- ФРАНК, С. М. (2002): Пушкин как политический мыслитель. In: Пушкин через двести лет. Материалы международной конференции юбилейного (1999) года. М.: ИМЛИ РАН.

**ДОКЛАДЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

Юлия АГЕЕВА

Россия, Казань

ОБУЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫМ ТАКТИКАМ ВЕДЕНИЯ СПОРА

ABSTRACT:

Teaching of Communicative Tactics in Disputation

The author of the article stresses that dispute as one of the most advanced types of communicative exercises plays the important role in teaching of communication skills and abilities. Creation of a dispute situation includes: knowledge of strategies and tactics of dispute, choosing of the right theme, the ability to create the atmosphere of psychological support, etc.

KEY WORDS:

Communicative tactics – verbal strategies – dispute – discussion – role-played games.

В процессе преподавания русского языка как иностранного возникает необходимость обучения студентов коммуникативным тактикам, основанным на кооперативных стратегиях ведения диалога или полилога. Речевые стратегии позволяют гармонично сочетать элементы игры и стандартное речевое поведение, а коммуникативные игры являются высшей формой коммуникативных упражнений, которые позволяют на продвинутом этапе обучения получать знания системных отношений в русском языке в неотрывной связи с приобретением навыков коммуникативной деятельности с учётом национально-специфических особенностей поведения – как речевого, так и неречевого.

Одним из основных видов речевой коммуникации является спор. С его помощью решается одна из главных задач, поставленных перед преподавателем и студентом, изучающим русский язык на продвинутом этапе (в рамках 2 уровня (ТРКИ-2)), – сформировать коммуникативную компетенцию в области говорения, включающую в себя способность студента «достигать целей коммуникации в различных сферах общения с учетом характера социальных и поведенческих ролей в предлагаемых коммуникативных ситуациях». [Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. 1999: 79–83]. Кроме того, иностранный уча-

щийся должен научиться в ситуации свободной беседы брать на себя роль инициатора общения, реализуя тактику речевого поведения, характерную для неподготовленного общения в рамках свободной беседы.

Создание ситуации спора относится к методам стимулирования и мотивации обучения. Известно, что в споре рождается истина, но спор вызывает и повышенный интерес к теме. Конечно, ситуацию спора преподаватель может создать в любой момент, задавая самый тривиальный вопрос «А кто думает иначе?» И если такой вопрос вызывает спор, то обучаемые сами собой делятся на сторонников и противников, реагируют и проявляют инициативу в беседе, просят разъяснения, доказывают свою точку зрения и, в конце концов, с интересом ждут аргументированного заключения преподавателя. Так учебный спор выступает в роли метода стимулирования интереса к обучению.

Понятно, что спорить и обсуждать насущные вопросы можно в процессе изучения материала, но более эффективных результатов можно добиться, если использовать спор как контрольное коммуникативное задание по практике речи при завершении изучения определённой темы. Здесь важна роль преподавателя, который, как хороший наставник, должен помогать, не мешая, ведь проведение спора требует большой подготовки. Формально данный процесс можно разделить на следующие составляющие:

Организуя спор, преподаватель обязан прежде всего сам иметь представление о стратегии и тактиках спора. Необходимо учитывать, что единой и неизменной стратегии спора, т.е. общего плана его ведения, не существует, так как данный вид коммуникативных упражнений – это некая импровизация. И как любая импровизация, она должна быть хорошо подготовлена. Безусловно, невозможно предугадать заранее все аспекты и «пересечения», в данном случае именно грамотное использование тактических приемов в споре способствует достижению стратегических целей и в значительной мере повышает его эффективность.

Вопрос о тактике спора так же, как вопрос о его стратегии, на сегодняшний день детально не разработан. В общей теории под «тактикой спора» понимается подбор и использование в споре определенной совокупности логических и психологических приемов. Сюда включаются следующие важные моменты тактики спора: корректное поведение его участников, внимательное и доброжелательное отношение к высказываниям противной стороны, «условное принятие доводов противника» и т.п. Все эти тактики имеют свою речевую реализацию. Здесь на первый план выступает степень языковой подготовки учащихся – они должны ясно представлять себе тактики спора, особенно согласия/несогласия [Бочина 2009: 12].

Таким образом, речевые тактики выполняют функцию способов осуществления стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки, мнения, досаду, радость и т. п.) [Виноградов: 2000–2001]. На продвинутом этапе изучения русского языка особого рода речевые тактики нужны и для установления контакта между говорящими.

Нельзя забывать и о том, что «тактики осуществления определенной стратегии речи несут на себе печать национальной психологии. Это убедительно показано Е. М. Верещагиным, Р. Ратмайром, Т. Ройтером на примере анализа речевых тактик «призыва к откровенности» [Верещагин 1992].

Несмотря на то, что тактика относится к определенным этапам спора, всегда нужно отслеживать общую картину спора и, если необходимо, направить его в другое русло.

Второй момент – преподаватель должен подготовить студентов к ведению спора как к любой ролевой игре. В данной ситуации все роли сводятся к представителям двух оппозиций, двух лагерей – пропонент и его союзники и оппоненты. Пропонент – тот, кто выдвигает и отстаивает главный тезис и, что самое трудное, – обеспечивает максимально возможную степень его обоснованности. Студенты – представители данного лагеря – должны заранее продумать возможные доводы в защиту тезиса, а также заранее приготовить уместные ответы на возможные контраргументы противоположной стороны. Оппонентам же, в свою очередь, предстоит не менее трудная задача – заранее продумать слабые места тезиса и подобрать опровергающие доводы (контраргументы).

Таким образом, создаётся соответствующая ситуация спора, ролевое построение которой даёт возможность разыграть её по определённым правилам общения носителей языка.

Важен также выбор правильной темы, ведь спор требует известного знания тех вещей, о которых идет речь. Оспариваемый тезис должен непосредственно касаться только что изученного материала и затрагивать актуальные для учащихся проблемы, что позволит в полной мере выполнить поставленную учебную задачу.

Помимо определения тактик и стратегии, важной задачей преподавателя во время спора является умение создавать соответствующую атмосферу, интеллектуальную и эмоциональную обстановку, атмосферу психологической поддержки.

Преподаватель должен внимательно следить за следующими моментами:

– чтобы тема не изменялась или не подменялась другой на всем протяжении спора. Это требование также нелегко выполнить: участники спора постоянно уточняют свои позиции, что ведет к смещению акцентов самой темы.

– чтобы предметом спора была действительно спорная, неоднозначная тема;

– чтобы не было спора «ни о чём». Часто в ходе спора выясняется, что спорящие говорят хотя и о разных, но взаимодополняющих, а не взаимоисключающих аспектах одной и той же проблемы.

Спор как «публичное обсуждение проблем, интересующих участников обсуждения, вызванное желанием как можно глубже, обстоятельнее разобраться в обсуждаемых вопросах [ru.wiktionary.org], имеет разные выражения. Самым оптимальным заданием для создания коммуникативной ситуации при изучении языка можно считать дискуссию. Конструктивный спор – дискуссия – это спор, в котором участники ставят перед собой цель – выбрать лучший вариант

решения проблемы, найти истину и логически правильно доказать или опровергнуть тезис.

Данный конструктивный вид спора наиболее эффективно стимулирует развитие спонтанной речи студентов, помогает преодолеть языковой и психологический барьеры, а также позволяет реализовывать обучение как диалогической, так и монологической речи.

Положительный результат будет достигнут только в том случае, если студентов готовить к дискуссиям фрагментарно, постепенно, на каждом занятии по практике речи, используя задания с комментариями типа: *«Выскажите свою точку зрения. Как вы считаете? Как вы думаете, прав ли автор? Прочитайте и выскажите свою точку зрения по проблемам, затронутым в данном высказывании. Докажите правильность следующих высказываний. Прокомментируйте. Возразите или согласитесь»* и т.п.

Ярким примером всего сказанного может послужить ролевая игра – спор, проводимая в рамках разговорного курса «Язык туризма» со студентами включенного типа обучения (3 курс). Данный курс включен в программу во втором семестре как составная часть курса разговорной практики. Его актуальность не вызывает никаких сомнений, поскольку большинство современных иностранцев планирует применять русский язык в деловой сфере, а именно сферу туризма можно выделить как одно из основных направлений, ради которых иностранцы готовы изучать такой сложный язык как русский. Особенность данного курса – это то, что он уже содержит ту ролевую составляющую, которая лежит в основе коммуникативного подхода к изучению языка. В процессе обучения студенты имеют возможность выступить как в роли специалиста – представителя туристической фирмы, так и в роли потенциального клиента, туриста.

Как показывает практика, одной из самых спорных и «животрепещущих» является тема «Индивидуальный и массовый туризм», поэтому логично, что контрольным заданием был выбран спор – дискуссия на тему «Я выбираю индивидуальный туризм!» Цель спора – плодотворное обсуждение темы и поиск компромиссного решения.

Студенты уже изучили основные понятия сферы туризма, читали соответствующие тексты (статьи из энциклопедии, специальной литературы, статистические данные, рекламные тексты), делали коммуникативные задания, познакомились с особенностями индивидуального и массового туризма. В роли главного проponenta и главного оппонента обычно выступают наиболее сильные студенты, имеющие свой собственный туристический опыт. Они начинают спор, стимулируя к высказыванию остальных студентов, которые, в свою очередь, реагируют, выдвигая аргументы в пользу своего мнения. В процессе проведения спора решается главная задача преподавателя – проверить знание и понимание усвоенного материала – и студента – используя изученные на занятиях речевые образцы, стереотипные фразы, отработать коммуникативные умения и навыки в условиях публичного общения. Таким образом, конструктивный спор как одна из наиболее сложных форм коммуникативных упражне-

ний позволяет приблизиться к решению реальных задач общения. Спор вносит разнообразие в учебный процесс, украшает речевые коммуникации, делая их живыми и запоминающимися. Кроме того, умелое использование данного типа коммуникативных упражнений в учебном процессе ещё раз доказывает, что профессиональное мастерство преподавателя, обучающего русскому языку, должно включать не только способность доходчиво преподносить знания, популярно и понятно объяснять материал, но и способность организовать самостоятельную работу студентов, умно и тонко руководить их коммуникативной деятельностью, направлять ее в нужное русло.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

<http://ksut.krasnoyarsk.su/~gorono/NewTeacher>

<http://zoovet.kharkov.ua/rus/prep>

БОЧИНА, Т. Г., АГЕЕВА, Ю. В. (2009): *Разговариваем, обсуждаем, спорим*. Ч.1. Казань.

ВЕРЕЩАГИН, Е. М., РАТМАЙР, Р., РОЙТЕР, Т. (1992): *Речевые тактики «призыва к откровенности»*. Еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход. In: Вопросы языкознания. 1992. № 6.

Википедия / ru.wiktionary.ru

ВИНОГРАДОВ, С. И., ПЛАТОНОВА, О. В. (2000–2011): *Культура русской речи*. Русский Гуманитарный Интернет-Университет.

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.: СПб., 1999.

ПАВОЛ АДАМКА

Словакия, Нитра

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

ABSTRACT:

Syntactic Aspect of Russian Journalistic Style

This work presents the results on the language analysis used in contemporary Russian newspapers. We start from the hypothesis about style differentiating activity in linguistic categories and the thesis about the dominant feature of syntactical level in creating a journalistic text. Attention was focused on the frequency-response curve of the sentence – we focused mainly on its syntactical and to a lesser extent also to its lexical aspect.

KEY WORDS:

Russian newspaper – journalism – syntax – sentences structure – predication – standards – expression – cliché – Russian language.

Введение

В начале третьего тысячелетия на первый план выходят лингвистические исследования, прагматично ориентированные на использование языка в конкретных экзистенциальных ситуациях. Учитывая значение, которое имеют средства массовой информации сегодня, и их влияние на языковое поведение общества, значительная часть научных трудов сосредоточивается именно на области журналистики. Также предлагаемая статья старается рассмотреть один из лингвистических факторов, который играет значительную роль при возникновении и разработке публицистического текста.

В данной работе представлены результаты проведенного нами анализа языка современных российских качественных газет¹. Мы исходим из гипотезы

---

¹ Материалом для нашего анализа стали журналистские тексты, печатанные в 2004–2007 гг. в центральных российских газетах: «Время новостей» («ВН»), «Российская газета» («РГ»), «Известия» («Изв.»), «Независимая газета» («НГ»), «Новые Известия» («НИ»), «Коммерсантъ» («Ъ») и «Газета» («ГЗ»). Главным критерием подбора источников стало стремление описать состояние языка в качественных («серьезных») газетах, которые настолько не подвергаются влиянию массового вкуса, и которые, с другой стороны, благодаря своему тиражу сохраняют сильное влияние на языковое поведение читателей.

о стилистически дифференцирующей активности языковых категорий и тезиса о доминировании синтаксического уровня² при создании журналистского текста. Свое внимание мы сосредоточили на частотной характеристике предложения – главным образом на его синтаксическом облике, в меньшей степени – на его лексическом наполнении. На основании теорий о том, что между отдельными структурными частями публицистического текста существуют функциональные оппозиции, отражающиеся и на формальном уровне, мы отдельно рассматривали его различные архитектурные (композиционные) элементы.

Реализация предикативных категорий

Так как основная задача уважаемой журналистики – это передача полной и точной информации о происходящих событиях, характерным для публицистики является употребление эмоционально нейтральных повествовательных предложений (более 96%). В гораздо меньшей мере используются вопросительные и повелительные конструкции, чаще всего в заголовках или подзаголовках с доминирующей рекламной, интригующей функцией.

С точки зрения временной перспективы можно сказать, что во всех частях публицистического текста преобладают конструкции с предикацией в форме прошедшего времени (59,27%), так как большинство из опубликованных материалов сообщает о фактах, которые уже совершились, в меньшей степени о происходящих или запланированных событиях. Формы будущего времени (11,48%) употребляются, кроме сообщений о предстоящих событиях, также в комментариях – в авторских оценках и прогнозах вариантов дальнейшего развития конкретных ситуаций. Формы настоящего времени (29,25%)³ обнаруживаются в публикациях не только в его прямом, но и в переносных значениях – исторический презент, презент репортажа и др., которые добавляют повествованию увлекательности.

Автор публицистического текста редко сам выступает непосредственным действующим лицом по отношению к описываемым событиям. Обычно автор ставится на позицию нейтрального наблюдателя за событиями, поэтому чаще всего отдает предпочтение предикатам, выраженным грамматическими формами третьего лица (99,3%). Формы первого и второго лица наблюдаем исключительно только в оценочных конструкциях авторских комментариев.

Синтаксические конструкции журналистского «стандарта»

Комплексная презентация всех результатов нашего исследования публицистического «стандартного» синтаксиса на может полностью вместиться в фор-

² В нашем исследовании опираемся на концепцию Г. О. Винокура, который на основе конкретной культурной ситуации, сопровождающей создание и существование прессы, уже в начале 20-х годов прошлого века в своей характеристике «языка газеты» [Винокур 1924] сформулировал тезисы о доминировании синтаксических структур в языке газеты и о комплексной шаблонности всех языковых единиц, используемых в печати.

³ К формам настоящего времени мы условно отнесли и односоставные именные предложения: их временная перспектива явно не выражена и читатель воспринимает подаваемую информацию будто бы происходящую «здесь и теперь».

мат сборниковой статьи⁴. Поэтому, пользуясь нижеприведенной упрощенной таблицей⁵ частотности употребления синтаксических схем в определенных частях журналистского текста, постараемся привести только обобщенные выводы.

Тип		Текст	Лид	Подзаг.	Междузаг.	Заголовок	Σ
1	PO/Nn	0,29%		2,36%	48,62%	30,57%	1,95%
1	PO/V impers	1,35%	0,92%	1,57%		1,43%	1,30%
1	PO/Inf	0,21%	0,10%		1,83%	1,43%	0,26%
1	PO/Cop imp + NPxy	0,15%	0,20%			0,29%	0,16%
1	PO/да-нет	0,06%					0,05%
HeЛ	S/o – P/Vpers	1,97%	1,64%	6,69%	1,83%	7,14%	2,24%
HeЛ	S/o – P/Cop + NPxy	0,04%		0,39%			0,04%
OpЛ	S/o – P/Vpers	0,10%		0,39%		0,29%	0,10%
ObЛ	S/o – P/Vpers	0,03%				0,29%	0,03%
2	S/Nn – P/V pers	36,64%	43,81%	68,50%	26,61%	40,29%	38,22%
2	S/Nn – P/Cop + NPxy	11,76%	11,16%	9,84%	11,01%	9,71%	11,57%
2	S/Ng +	0,73%	0,51%	0,39%	1,83%	0,29%	0,69%
2	S/Inf +	0,50%	0,41%		0,92%		0,47%
3	Cc	3,73%	2,56%	2,76%	3,67%	1,14%	3,49%
3	Cп	23,08%	23,85%	3,94%	0,92%	1,43%	21,62%
3	AS Cc	1,83%	1,84%	0,79%	1,83%	0,57%	1,76%
3	AS Cп	3,22%	3,07%			1,14%	3,01%
3	Cc + Cп	13,05%	9,31%			0,29%	11,72%
	Фраг.	1,26%	0,61%	2,36%	0,92%	3,71%	1,31%

Анализируя определенные схемы предложений, во всех компонентах журналистского текста наблюдаем преобладание двусоставных глагольных предложений с эксплицитно выраженным подлежащим (S/Nn, S/Adj n, S/Pron n, S/Num synt, S/Det synt), причем самыми характерными являются предложения со сказуемым в личной форме финитного глагола (S/Nn – P/Vpers: *Каждый правый имеет право* – «РГ», 15.04.2005); S/Adj n – P/VF: *Как передает РИА Новости, звонивший сообщил о находящейся в самолете бомбе* – «Изв.», 14.12.2005).

В позиции заголовка регистрируем высокую частоту употребления односоставных именных предложений (PO/Nn: *Дефициты политического рынка России* – «ВН», 11.05.2005).

⁴ Все результаты подробно проанализированы в [Адамка 2011].

⁵ 1 – односоставное простое предложение, HeЛ – неопределенно-личное, OpЛ – определено-личное, ObЛ – обобщенно-личное; 2 – двусоставное простое предложение; 3 – сложное предложение: Cc – сложносочиненное, Cп – сложноподчиненное, AC – бессоюзное сложное предложение, Cc + Cп – сложное предложение из трех и более частей с разной степенью взаимной зависимости; Фраг. – фрагментарное.

В вводной части и в самом тексте журналистского произведения симптоматичным является значительное количество сложных синтаксических структур – сложных предложений. В то время как в остальных частях публицистического текста они играют незначительную роль, здесь они почти равноценны двусоставным предложениям (сложные предл. : двусоставные предл. = 1 : 1,1 в тексте, 1 : 1,4 в лиде). Наиболее распространенными сложными структурами являются сложноподчиненные предложения, в которых взаимоотношение частей выражается посредством союзов или союзных слов (*Начальник Главного оргмобуправления Генштаба генерал-полковник Василий Смирнов, разъясняя особенности нынешнего осеннего призыва, сообщил вчера, что в работу по мобилизации граждан все активнее включаются местные органы власти* – «НГ», 01.10.2004).

Придаточные предложения используются главным образом благодаря своей богатейшей потенции выражения смысла, так как свойственная им категория модальности позволяет включить в такое высказывание разные дополнительные модально-темпоральные значения. Среди данных конструкций с наибольшей частотой пользуются объектные и атрибутивные сложноподчиненные предложения, потенция которых соответствует основной тенденции публицистики – конкретизации, совершающейся посредством указания на конкретный объект или приведения его качественной характеристики (*Одним из вопросов, который мог бы стать центральным в ходе саммита, является договор о запрете продажи переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) типа «Игла» или Stinger* – «Ъ», 11.01.2005).

Значительную частотность во всех компонентах текста регистрируем и у двусоставных структур, которые выражают предикацию подлежащего при помощи глагола-связки и именной фразы (P/Сop + NPxy), в качестве которой главным образом используется краткая форма страдательного причастия прошедшего времени, образованного от глаголов совершенного вида (P/Сop + Part pass nom fo: *В этом взятом под усиленную охрану районе размещены резиденция Временного иракского правительства и несколько дипломатических миссий, в том числе посольства США и Великобритании* – «НГ», 15.07.2004). С высокой степенью частоты наблюдаются и структуры с существительным⁶ или прилагательным⁷ в позиции именной части.

Часто употребляемыми синтаксическими структурами являются также сложносочиненные предложения разного типа⁸. В заголовках и подзаголовках наблюдаем также особенно высокую активность односоставных

⁶ Имя существительное стоит чаще всего в форме творительного падежа без предлога (*Для большинства европейцев эта новость стала полной неожиданностью* – «Изв.», 05.10.2005) или в форме именительного падежа (*Таким образом уже сам факт прибытия в Москву лидера супердержавы – положительное событие для российской политической элиты* – «НГ», 11.05.2005), реже в косвенных падежах с предлогами (Nloc, Ng graer, Ni graer).

⁷ Преобладают короткие формы прилагательных (*ЦБ, по его мнению, слишком осторожен.* – «Ъ», 15.12.2005); полные формы употребляются преимущественно в форме творительного падежа (*В то же время эти доли не являются конечными* – «НГ», 30.08.2005).

⁸ Преобладают союзные сложные предложения (2:1) соединительного и противительного типа.

неопределенно-личных предложений (S/o – P/Vpers: *Остальных просят не беспокоиться* – «НГ», 24.05.2004). Также не можем упускать из вида достаточно широкое использование прямой речи – включение дословных заявлений или их частей непосредственно в авторский текст.

Экспрессивизация синтаксиса

Сравнение полученных нами результатов с выводами аналогичных предыдущих исследований [Грехнева 1974; Русова 1974] подтвердили предположение о стабильности синтаксического уровня публицистических текстов, об уже сформировавшемся устойчивом перечне стандартизированных синтаксических единиц. Некоторые изменения, наблюдаемые и в области синтаксиса, связаны с экспрессивизацией публицистики. Нетрадиционные и неожиданные элементы в тексте повышают когнитивную активность читателя, замедляют рецепцию, в результате чего внимание читающего все больше сосредотачивается на определенном фрагменте – на его форме и содержании (чем достигается желаемая цель – внедрение в сознание читателя авторского мнения). В целях повышения эффективности воздействия используются элементы не только содержательного, но и формального контраста. В синтаксисе мы имеем в виду, прежде всего, широкое распространение актуализированных и расчлененных предложений (*Она тоже будет голосовать – за того человека, который обещал квартиру. Если принесут урну – «Изв.»*, 07.11.2005; *Да, это обычная воинская часть. Казармы. Платц. Клуб. Классы для занятий – «РГ»*, 01.06.2004). Одновременно с нестандартными синтаксическими структурами активизируются и другие элементы, которые повышают выразительность текста и свидетельствуют о значительном проявлении авторского начала в публицистическом произведении. Оценка событий и явлений в тексте СМИ не представляется директивно как единственная правильная, а подается только как мнение автора (или редакции), что находит свое языковое отражение в активном использовании различных модальных структур (вводных конструкций, выделений и обособлений, модальных частиц и междометий), которые определяют степень достоверности высказываемого и выражают отношение автора к нему.

Автор часто выносит на передний план важные, по его убеждению, элементы содержания: посредством субъективного искажения порядка слов (*Скептически к ультиматумам Рамзана Кадырова отнеслись и в региональном оперативном штабе по управлению контртеррористической операцией на Северном Кавказе – «ГЗТ»*, 10.06.2004), либо их выделением в самостоятельные независимые позиции (*Тринадцать офицеров // Назначены Нургалиевым координировать действия силовых структур на Северном Кавказе – «РГ»*, 10.9.2004), либо их акцентировка достигается элиминацией частей предложения, которые, невзирая на отсутствие их формального выражения в предложении, способны остаться имманентно присутствующими (*Деньги – сильным – «НИ»*, 13.10.2004).

Кроме средств характерных для разговорного языка в сфере публицистики находят свое применение и средства «риторического синтаксиса». В печа-

ти особенно активны разные виды вопросительных и повторительных конструкций, а также широкое использование целых фрагментов литературных произведений (*Никто не забыт? // Готовясь к масштабным торжествам в честь 60-летия Победы, власти не заметили главных героев праздника – самих ветеранов – «НИ», 6.5.2005*).

Заключение

На основе стандартизированных и актуализированных синтаксических структур, их конкретным лексикальным наполнением образуется своеобразная журналистская фразеология, публицистическое клише разного формального масштаба (от словосочетания до целых повторяющихся предложений). Его активное использование в языке массовой коммуникации позволяет автору эффективными средствами в кратчайший срок сотворить публицистическое произведение, а читателю это произведение легко понять. Невзирая на общепринятую негативную оценку, стандартизированные фразы представляют подходящую базу для той индивидуальной креативности журналиста, которая делает конкретное публицистическое произведение уникальным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АДАМКА, П. (2009): *Проблематический синтаксис: трудности освоения синтаксической системы русского языка в словацкой среде*. In: Актуальные проблемы обучения русскому языку IX. Брно 2009, s. 37–43.
- АДАМКА, П. (2011): *Ruská publicistika (jazyk)*. Нитра.
- БАРНЕТОВА, В. и др. (1979): *Русская грамматика*. Прага 1979.
- ВИНОКУР, Г. (1924): *Язык нашей газеты*. Леф, № 2, 1924, с.117–140.
- ГАЛЛО, Я. (2009): *Основы системной лингвистики. Синтаксис: учебное пособие*. Нитра.
- ГРЕХНЕВА, Г. М. (1974): *Стилевая дифференциация придаточных предложений в современном русском языке*. In: Вопросы статистической стилистики. Киев, с. 164–177.
- ИСАЧЕНКО, А. В. (1965): *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I*. 2-ое изд. Братислава.
- ИСАЧЕНКО, А. В. (1960): *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология II*. Братислава.
- КРАУС, Й. (1969): *K statistickému rozboru publicistického stylu*. SaS, 1969, s. 371–379.
- РУСОВА, Н. Ю. (1974): *Опыт статистического анализа стилевой дифференциации структуры простого предложения*. In: *Вопросы статистической стилистики*. Киев 1974, с. 125–138.
- СВЕТЛИК, Й. (1979): *Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким*. 3-ье изд. Братислава.

Статья возникла в рамках решения проекта KEGA 084-034UKF-4/2010: *Nová koncepcia aditívneho modulu cudzojazyčného vzdelávania: Historicko-kulturologické minimum pre nefilológov*.

МАРИНА ЮРЬЕВНА АНТРОПОВА

Россия, Москва

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

ABSTRACT:

Scientific Text Used for Forming Linguocultural Competence of Foreign Learners

Issues concerning teaching foreign engineers Russian are dealt with in the article. In the process of teaching studying scientific speech style and work with scientific texts play a major role. Scientific texts have their own specific features reflecting specific features of engineer discourse. Not knowing extralinguistic information about Russian history, culture and science causes misunderstanding of texts under study, that is why it is essential to include popular science information in the texts, to comment on cultural realities by means of hyperlinks and to carry out education projects on country studying, etc.

KEY WORDS:

Engineer communication – specific features of scientific text – extralinguistic information –sociocultural orientation.

Под именем языка мы преподаем культуру.

А.А. Леонтьев.

Бесспорно, что в практике преподавания иностранных языков работа с текстом является одним из распространенных видов учебной деятельности, используемых на занятиях по развитию речи при изучении языка общего владения, а работа с научным текстом важна в учебно-профессиональной сфере при изучении научного стиля речи.

Особенность работы с научным текстом при обучении иностранных инженеров строится на лингводидактических принципах, изложенных в последних исследованиях И. Б. Авдеевой, Т. В. Васильевой, Г. М. Левиной, Т. К. Орловой и других специалистов-практиков в области преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в технических вузах России. В их исследованиях описаны особенности контингента учащихся инженерного профиля; наглядно доказано, что в данном случае можно говорить об инженерной коммуникации как само-

стоятельной речевой культуре, в которой помимо профессионального и лингвистического аспектов важен когнитивный аспект. И научный текст, как единица коммуникации, также имеет иную характеристику, так как становится продуктом инженерной коммуникации [Авдеева 2005, Васильева 2002, Левина 2003].

Ещё 30 лет назад известный исследователь научного текста О. Д. Митрофанова отмечала, что в научно-техническом языке гораздо отчетливее просматриваются связи между уровнем действительности (фактов), понятиями и языком, а для понимания специального научного текста необходимо не знание синтаксиса конкретного языка, а принадлежность к «профессиональной касте» (термин О. Д. Митрофановой) [Митрофанова 1976]. Поэтому продуцировать собственно научные тексты (устные и письменные), обучать «инженерному дискурсу» (термин Г. М. Левиной), могут преподаватели специальных дисциплин, тогда как преподаватель РКИ обучает видам устной и письменной коммуникации на образцах аутентичных текстов в рамках той или иной инженерной специальности. Такие тексты наполняют все современные учебные пособия, предназначенные для иностранных инженеров. Достаточно перечислить такие пособия, как «*Будущему инженеру*» (авторы Е. В. Дубинская, Т. К. Орлова и др.), «*Научный стиль речи: технический профиль*» (авт. Т. Е. Аросева, Л. Г. Рогова, Н. Ф. Сафьянова), «*Русский язык. Основной курс: практическая грамматика для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей*» (авт. Т. М. Бальхина, Т. И. Василишина, Э. Н. Леонова, И. А. Пугачев) и др. В них содержание базируется на материале научной речи, и его описание осуществляется через типовой текст о предметах, процессах, свойствах. Авдеева И. Б. выделяет лексико-грамматическую специфику текстов учебников по инженерному профилю [Авдеева 2005: 268–289]. Отметим, что **предмет исследования** (физика, математика и др.) выступает как определитель ЛГС для передачи научной информации: конкретность/абстрактность и др. **Субъект деятельности** определяется как безлично-субъектное и неопределенно-личностное описание человеческой деятельности. В научных текстах происходит перенос акцента с деятеля на действие или процесс, при которых важна **степень идеальности/реальности описываемого объекта и/или ситуации**. В процессе работы с научным текстом отрабатывается **6 «сквозных» тем русской грамматики**: односоставные безличные, односоставные неопределенно-личные предложения, двусоставные; пассивные конструкции; причастные и деепричастные обороты. Уделяется особое внимание обучению трансформации и способам перефразирования аутентичных научных текстов.

В методическом аспекте здесь следует отметить необходимость взаимодействия русиста с преподавателями по специальностям (физике, математике, машиностроению и т.д.), что также находит отражение в специальных учебных пособиях. Так, в Российском новом университете (РосНОУ) создано учебное пособие по физике для студентов-иностранцев, в котором изучение каждого

раздела заканчивается перечнем новых слов по теме, уже отрабатываемых на занятиях по русскому языку¹.

С другой стороны, опыт работы в РосНОУ на протяжении восьми лет с иностранными инженерами из Мьянмы, Китая, Вьетнама, Ирана, Турции приводит к выводу о необходимости формирования лингвокультурологической компетенции у данного контингента учащихся.

Под лингвокультурологической компетенцией (ЛКК) мы понимаем знание идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке, что находит отражение в общих и отраслевых энциклопедиях, исследованиях по культуре и языку и т.п. Также мы учитываем близость данного понятия с лингвострановедческой компетенцией, хотя есть определенные различия в широте охвата материалов для изучения жизни страны, где последняя компетенция формируется из знаний, включающих преимущественно явления духовной культуры общества.

Обучаясь в России, иностранному учащемуся необходимо уметь не только объясняться в бытовой сфере, но и строить диалог, осуществлять «межкультурную коммуникацию» с носителями русского языка, чтобы не испытывать факторы так называемого «культурного шока».

В процессе формирования ЛКК у иностранных инженеров нам важна мысль, что работа с учебно-научными и чисто научными текстами (спецтекстами) может осуществляться эффективно при наличии у участников речевого акта экстралингвистической информации, в частности, знаний национально-культурных денотатов и их отношений друг к другу, соблюдения языковых и стилистических норм данного языка, т. е. владения коммуникативной компетенцией. Так, например, в спецтекстах и текстах из научно-учебной литературы российских авторов-специалистов можно встретить элементы не только научно-популярной литературы, но и художественного стиля, особенно, когда речь идет об истории вопроса или каком-либо открытии. Это подмечено лингвистами и получило название «русского дискурса». Также научные тексты изобилуют фамилиями русских ученых и исследователей, встречаются экскурсы в историю и т. д. Поэтому расширение коммуникативного пространства у инженеров за счет включения в планы занятий научно-популярных текстов, фрагментов из публицистических и художественных текстов профессионально-культурологической тематики и др. оригинального учебного материала (пословиц, песен, диалогов) способствует формированию социокультурной ориентации, мотивации к учению, положительного имиджа русского народа и России в целом и т.д.

Формирование лингвокультурологической компетенции у иностранных инженеров осуществляется через работу: с научно-учебными текстами с элементами научно-популярного текста; с прецедентными текстами в процессе «инженерного дискурса»; с гипертекстами с использованием компьютерных технологий. А также используются современные образовательные, в том числе проектные (например, при составлении презентаций по биографиям русских

¹ *Физика*. Авт.-сост. С. С. Постовалов: Учебное пособие для студентов-иностранцев – М.: РосНОУ, 2008. – 64 с.

ученых), информационно-коммуникационные технологии (например, использование элементов мультимедийных комплексов по истории и культуре России). Приведем примеры, в частности, из текста по чтению, взятого из учебного пособия по робототехнике (МГТУ им. Баумана). «В 1937 году на Всемирной выставке в Париже **демонстрировался** радиоуправляемый подвижный робот, **созданный** советским восьмиклассником В. Машкевичем. К этому времени уже активно **использовали в речи** термин «робот», а идеи робототехники **описывались в научно-фантастической литературе**». В данном абзаце выделены лексико-грамматические единицы для аудиторной работы. Также дается через гиперссылку (bsuir.by/m/12_100229_1_58443rd...) исторический комментарий к предыстории робототехники, с которой студенты могут познакомиться самостоятельно. Ещё фрагмент: «В России также **развивается** часовое ремесло. **Можно вспомнить** знаменитые часы в форме яйца с театральным автоматом, **созданные изобретателем** Иваном Кулибиным (1735–1818)». Ознакомительное чтение биографии И. Кулибина может быть представлено адаптированным текстом, текстом для самостоятельного чтения по ссылке help-rus-student.ru/text/40/165... или индивидуальным проектом (презентация) в зависимости от уровня языковой подготовки. Также можно провести беседу о других изобретателях-самоучках, каким был И. Кулибин, в том числе, знакомым учащимся по отечественной истории.

Таким образом, формирование лингвокультурологической компетенции у иностранных учащихся в процессе «инженерной коммуникации» соответствует одной из целей обучения русскому языку, которая состоит в развитии личности будущего инженера, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации и самостоятельно совершенствоваться в профессиональной деятельности. На протяжении всего курса обучения в техническом вузе необходимо ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью страны, ее традициями и культурой. Также знание и понимание культурных, исторических, социальных процессов, происходивших и происходящих в России, важно не только для развития языкового чутья, но и для определения диапазона эмоционального отношения к народу – носителю языка. И за каждым национальным языком стоит культурная специфика образа мира, состоящего из элементов и явлений, неотъемлемых и существенных для данного народа. Поэтому оптимально организованный процесс преподавания может подготовить личность обучающегося к толерантному восприятию чужой культуры, к формированию положительного и уважительного отношения к русскому народу, системе его духовных ценностей, традиций и верований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АВДЕЕВА, И. Б. (2005): *Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному)*. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана.
- ВАСИЛЬЕВА, Т. В. (2002): *Общепрофессиональные тексты и тексты по математике и естественным наукам: содержательные и формальные отличия*//МИРС.2002.№4. С.41–49.
- ЛЕВИНА, Г. М. (2003): *Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу*. Янус-К.
- МИТРОФАНОВА, О. Д. (1976): *Научный стиль: проблемы обучения*. М.: Русский язык, 200 с.

Людмила АРАЕВА

Россия, Кемерово

ВЛИЯНИЕ НАУЧНОЙ МЕТОДИКИ НА ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ПРОВЕРЯЕМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ABSTRACT:

The Scientific Methods and Their Influence on Objectivity and Conclusivity of the Results Obtained by Forensic Linguistic Examination

Validity of forensic linguistic examination is proved with applying scientific methods of language facts analysis, developed in the framework of structural and cognitive linguistics.

KEY WORDS:

Lexicographic, systematic and derivational methods – cohesion – coherence – method of propositional and conceptual analysis.

Значительная часть лингвистических экспертиз в судебном процессе связана с установлением либо отсутствием фактов унижения чести, достоинства и деловой репутации истца посредством анализа используемых ответчиком языковых средств.

Истинность анализа текста определяется корректным использованием научных методов. Лингвистика 21 века наряду с традиционными использует также методы, ранее находившиеся за пределами анализа языкового материала.

Методологически важным при написании текста лингвистической экспертизы является комплекс не требующих доказательства и обоснования наиболее базисных представлений о природе объекта, о конечных целях его описания и о типе исследовательских методов. Смена научных парадигм – это смена стереотипов. Структурная лингвистика стремится создать строгие формальные процедуры. Когнитивная лингвистика исходит из первичности когнитивных структур по отношению к языку и из представления о языковых единицах как о вербализованных когнитивных структурах.

Текст лингвистической экспертизы строится на основании вопросов, поставленных перед экспертом судом, и текста, в котором необходимо выявить ответы на эти вопросы. Эти два фактора детерминируют связность и целостность текста лингвистической экспертизы. Данный текст составляется лингвистом и ориентирован на адресата, в качестве которого выступают судья, адвокаты, истцы, ответчики и присяжные заседатели. Следовательно, судья, следователь уже ознакомлены с текстом, имеют на него определенную точку зрения, которая будет подтверждена либо опровергнута экспертом. Таким образом, диалог, являющийся основой судебного разбирательства, имеет место и при написании лингвистической экспертизы.

В качестве анализа с позиций примененных методов взят текст, который на основании решения суда был предоставлен на экспертизу автору настоящей статьи. Приношу извинения читателям, у которых избранный для анализа текст вызовет неприятные чувства. Данный текст взят в качестве материала анализа по нескольким соображениям: (1) он небольшой по размеру; (2) показателен в плане иллюстрации методов, применяемых для анализа текста; (3) отражает особенности обыденного сознания носителя русского языка

Перед лингвистом ставится вопрос: содержится ли в тексте *«Если еще будешь хрюкать у меня за спиной, тебе будет плохо! Ты бы лучше зубы почистила, а то от тебя за километр прет, а лучше бы подмылась, а то от тебя воняет! Девушка! посмотри на себя, какая ты будешь – толще меня. И на свою мать посмотри: вообще ходит бесфигурная»* сведения о фактах и событиях, унижающих честь, достоинство и деловую репутацию истца.

Для того, чтобы дать объективный ответ, необходимо обращение к толковому словарю русского языка. В «Словаре русского языка» в 4 томах под редакцией проф. А. П. Евгеньевой, изданном Институтом русского языка АН СССР в 1983 г., слово *хрюкать* определяется с отсылкой на слово *хрюканье* ('издавать хрюканье'), слово *хрюканье* толкуется как 'крик свиньи'. Факт применения данного слова в качестве словесной характеристики человека является оскорбительным для адресата речи. Тем более что слово *свинья*, с которым ассоциируется по ряду семантических особенностей слово *хрюкать*, во втором значении толкуется как 'грязный неопрятный человек, неряха'. Данное толкование в словаре содержит помету *разг.* Слово «прет» в контексте исследуемого высказывания означает 'издает неприятный запах'. Словарь такого значения не дает, так как данное значение является грубо просторечным и, с лингвистической точки зрения, – оскорбительным для адресата речи. Слово *вонять* толкуется как 'издавать вонь, дурно пахнуть', данное толкование в словаре содержит помету *разг.* Употребление этого слова (в общественном учреждении в присутствии свидетелей) оскорбительно для адресата речи.

Разговорный характер носит ряд выражений, употребленных в рассматриваемом высказывании: «тебе плохо будет», «ты бы лучше», «а то от тебя за километр...». В последнем случае употреблен такой речевой прием, как гипербола («за километр»), являющаяся атрибутом эмоциональной речи.

Выше приведен пример анализа, основанный на данных словаря русского языка, что является доказательством несомненной значимости в работе эксперта обращения к лексикографическим источникам. Невключенность того или иного слова в словарь русского литературного языка – показатель отсутствия его употребления в литературном языке: это могут быть как окказионализмы, так и грубо просторечные лексические единицы.

Окказионализмы, образующиеся в речи, являются производными словами. При их анализе значимо использование метода системного анализа семантики словообразующих элементов производных единиц. В частности, производное *бесформенная* осознается на фоне таких дериватов, как: *бесхребетная*, *беззубая*, *безумная* и др. В данном случае приставка означает отсутствие того, что выражено в мотивирующей части производного. Причем мотивирующее означает нечто, принятое в социуме, то, что имеет положительную коннотацию, отсутствие чего является ненормальным, вызывающим определенный негатив. Приставка *без-* как раз и означает отсутствие нормативного, принятого обществом качества человека (внутреннего или внешнего). То есть системно-деривационный подход обуславливает выявление семантики окказионального деривата.

Актуально высказывание Л. Витгенштейна относительно того, что слово обретает истинный смысл в высказывании. Такой метод, как когезия, значим для эксперта. «Когезией называется связь элементов текста, при которой интерпретация одних элементов текста зависит от других» [Кронгауз 2001: 260]. Данный метод помимо определения смысловой направленности текста выявляет особенности суггестивного воздействия вербального текста на адресата, что значимо при анализе конфликтогенных, агрессивных высказываний. В частности, в том же тексте агрессивно взаимосвязанными оказываются словосочетания: *будешь хрюкать у меня за спиной – тебе будет плохо; от тебя за километр прет, потому что не почистила зубы; лучше бы подмылась, а то от тебя воняет*. Данные связи построены по принципу детерминации. Вторая часть звучит либо как угроза (*тебе плохо будет*), либо выполняет унижительно объясняющую функцию по отношению к первой части, создавая резко негативный образ адресата речи (*потому что не почистила зубы; а то от тебя воняет*). Оскорбительным является сочетание слов: *лучше бы подмылась, а то от тебя воняет!* В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой значение слова *подмыться* определяется как: «подмыть себе нижние части тела (промежность, ягодицы и т.п.)». *Лучше бы подмылась* – употребление частицы *бы* с наречием *лучше* свидетельствует о том, что школьница этих действий не совершает, и как результат – от нее воняет. Употребление синонимов *прет* (потому что не почистила зубы) и *воняет* (потому что не подмылась) создает целостный образ крайне неопрятного человека, с которым рядом находиться неприятно.

Различного рода повторы также являются проявлением их когезийной связанности и жесткой суггестии: (а) повтор одних и тех же синтаксических конструкций: *Ты бы лучше зубы почистила, а то от тебя за километр прет, а*

лучше бы подмылась, а то от тебя воняет!; (б) повтор одной и той же частицы: *Ты бы лучше зубы почистила, а лучше бы подмылась, а то от тебя воняет!*; (в) повтор одних и тех же слов: **посмотри на себя; на свою мать *посмотри***.

Следует отметить, что повторы репрезентируют одни и те же пропозиционные структуры (предикативно связанные актанты), реализованные разными пропозициями (предикативно связанными лексическими единицами). Значима постановка сочетающихся с одним и тем же глаголом словосочетаний: *посмотри на себя, на свою мать посмотри*. Имплицитно в данном случае заложено сравнение. Интонационно выделяются слова, с которыми связывается повторяющийся глагол, создавая единый по размеру, внешнему виду образ дочери и матери. Это своего рода межсловная метафора, создающая некий уродливый двуединый образ. И как обобщение – *вообще ходит бесфигурная*. Слово *бесфигурная*, соотносимое с синонимичным словосочетанием *толще меня*, усиливает агрессию. Такого же рода повтор частиц: ***ты бы лучше зубы почистила; а лучше бы подмылась***. Постановка частицы *бы* перед и после наречия в сравнительной степени – средство переакцентирования внимания адресата: в первом случае акцент делается на адресате (действие, выраженное глаголом не столь агрессивно, а вот интонационное выделение личного местоимения под воздействием частицы *бы* ставит в центр внимания адресата, вторая часть высказывания усиливает агрессию за счет соотносительности частицы *бы* с глаголом, указывающим на нечистоплотность адресата в целом (чистка зубов по сравнению с пожеланием ***лучше бы подмылась***, соединенного противительным союзом *а* с первой частью высказывания, проявляет отвращение адресанта по отношению к адресату, вызванного отсутствием у адресата личной гигиены). В личной беседе это высказывание может и не быть оскорблением (например, когда об этом же говорит мать дочери один на один в воспитательных целях), но когда такие вещи говорит учитель в присутствии одноклассников, они звучат оскорбительно и могут быть вызваны не наличием фактов как таковых, а желанием говорящего оскорбить человека.

То есть при анализе текста, данного на лингвистическую экспертизу, значим и когерентный метод: «Когерентностью называется связность, привносимая чем-то внешним по отношению к тексту, прежде всего знаниями его адресата. На основании этих знаний адресат может конструировать определенные ожидания и достраивать связи, отсутствующие в тексте в явном виде» [там же]. Данный метод особенно значим для эксперта, потому что он эксплицирует имплицитно представленные в тексте смыслы, но они, являясь, как правило, прототипичными, стереотипными для носителей, в нашем случае русской культуры, позволяют выявить истинное намерение автора текста.

Подвергаемый анализу текст являет собой речь, произнесенную учителем по отношению к ученице в классе. Данный факт, наряду с имеющимися в тексте агрессивными вербальными элементами, позволяет признать его унижающим честь, достоинство, деловую репутацию как дочери, так и матери. В этом случае эксперту необходимы знания социальных стереотипов русской культу-

ры. Оскорбление матери в русской культуре воспринимается как личная обида. Уважительное, теплое отношение к матери как к самому близкому и дорогому человеку сохранилось в пословицах и поговорках русского народа. Ср.: Без отца – полсирота, а без матери – круглая сирота; *Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матери; Нет милее дружка, чем родная матушка.*

Таким образом, чтобы сделать лингвистическую экспертизу текста объективной, эксперту надо быть высококвалифицированным специалистом в области русского языка со знаниями методов как структурно-системной, так и когнитивной лингвистики. Последняя предполагает знание пропозиционального устройства механизма мыслительной деятельности человека, культурных концептов нации, суггестивного влияния на слушающих вербальных элементов высказывания, усиления агрессивного воздействия ситуацией общения, которую сознательно использует адресант по отношению к адресату.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Кронгауз, М. А. (2001): *Семантика*. М.

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА АРСЕНЬЕВА

Россия, Томск

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО РАДИОДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РАДИОПРОГРАММЫ «ГОВОРИМ ПО-РУССКИ»)

ABSTRACT:

The Communicative Singularity of Educational Discourse on the Radio (Demonstrated on the Example of Radio Programme “Govorim po-russki”)

Educational discourse is very relevant because of the aggravation in cultural and verbal situation, which is typical to modern Russian with its loosening of lingual, communicative and moral standards. This paper is devoted to researching of communicative singularity of modern educational discourse on radio. The «Echo Moscow» radio's issues of «Govorim po-russki» show are the practical material for the following research.

KEY WORDS:

Educational discourse – mass-media – radio – communication – communicative strategy – tactics – linguistic pragmatics.

Просветительский дискурс как коммуникативный феномен представляет собой актуальный, но малоизученный объект исследования, чаще внимание лингвистов привлекают политический, рекламный, научный, религиозный и медицинский дискурсы. Анализ любого типа дискурса, в том числе просветительского, предполагает описание типовых участников, хронотопа, жанров, целей, ценностей, стратегий, прецедентных текстов и дискурсивных формул [Карасик 2004: 209]. Как любой тип дискурса, просветительский дискурс является совокупностью тематически соотнесенных текстов [Чернявская 2001: 14, 16].

Примером реализации просветительского дискурса на радио служит программа «Говорим по-русски», которая выходит в эфир радиостанции «Эхо Москвы». Рассматриваемая программа представляет собой регулярный (раз в неделю) 40-минутный эфир, посвященный обсуждению различных вопросов, касающихся функционирования русского языка. В радиопрограмме затрагиваются проблемы этимологии и семантики слов, правильного произно-

шения и употребления их в речи, правил написания и другие лингвистические вопросы. **Хронотоп** программы четко очерчен: это время самого эфира, когда радиослушатели могут позвонить в студию, отправить смс, написать на сайт, в блог или твиттер программы. Обращения от аудитории поступают и в промежутке между выпусками программы, а также во время рекламы, с той лишь разницей, что в этот момент они не могут быть озвучены в эфире. Исходя из формы протекания коммуникации можно выделить и основные **жанры** просветительского радиодискурса: беседа ведущих, беседа ведущих с радиослушателями, ответ ведущих на электронное послание слушателей.

Характерной чертой просветительского дискурса является интеракционность: **участники** просветительской коммуникации одновременно и объекты, и субъекты коммуникации. Такое взаимодействие между адресатом и адресантом в науке принято квалифицировать как субъект-субъектную форму общения [Хараш 1980: 20–21], которая характеризуется равенством психологических позиций участников, обоюдной активностью сторон (в радиоэфире это достигается с помощью интерактивных способов коммуникации). Ведущие программы приглашают радиослушателей к участию в эфире: *Милости просим, можете подключаться; давай спросим народ, что они думают*; а также всячески поощряют это участие: *Еще мы солидаризируемся с нашим слушателем Виктором и считаем, что не надо говорить «18 часов вечера»; Не дремлет ухо нашего радиослушателя*. Каждая из сторон при субъект-субъектной коммуникации не только испытывает воздействие, но и сама воздействует, принимает или, по крайней мере, понимает позицию другой.

Генеральной **задачей** просветительского дискурса как особой сферы коммуникации является просвещение – то есть «распространение знаний, образования, культуры» [Толковый словарь современного русского языка 2008: 604]. Просвещение в данной ситуации рассматривается как деятельность авторов программы, направленная а) на расширение речевого кругозора адресатов, б) формирование и стимулирование познавательной активности аудитории в сфере культуры коммуникации, в) повышение общего культурного уровня радиослушателей. Исходя из генеральной задачи просветительского дискурса, выделяются и основные **коммуникативные стратегии**, ее конкретизирующие. В частности, нами выделены три основные стратегии.

– Стратегия обучения реализует интенции адресантов коммуникации, направленные на распространение знаний о языке. Указанная стратегия имеет и прагматический потенциал, обусловленный целеустановкой – научить аудиторию применять полученные знания в различных коммуникативных ситуациях.

– Стратегия информирования выражается в сообщении новых сведений о событиях, связанных с русским языком в России и за ее пределами. Частотными интенциями адресантов являются сообщения о новинках справочной литературы, информирование о вступлении в силу новых правовых актов, касающихся языковой нормы, и пр.

– Стратегия формирования познавательной активности, которая достигается последовательностью высказываний авторов программы. Коммуникативно-прагматической целью является формирование у аудитории стремления изучать языковые факты.

Каждая коммуникативная стратегия реализуется в просветительской радиопрограмме множеством коммуникативных тактик, ходов. Так, коммуникативная стратегия обучения реализуется при помощи тактики дефиниции (установление смысла незнакомого слова с помощью слов знакомых и уже осмысленных), тактики авторизации (представление какого-либо факта через обращение к авторитетному источнику), рекомендации, цитирования и др. Стратегия информирования проявляется в использовании таких тактик, как сообщение новостей, тактика презентации новых справочных источников, сообщение о новых тенденциях в языке. Стратегия формирования познавательной активности реализуется тактиками рекомендации, самоидентификации ведущих, интриги, приглашения слушателей к участию, тактиками языковой игры и отложенного ответа.

Особого внимания заслуживают **дискурсивные формулы**, присущие именно просветительскому дискурсу и определяющие данный тип общения. К их числу относятся фразы, маркирующие стратегии просветительской коммуникации. Стратегия информирования проявляется в использовании указаний на новостной характер сообщения: *Есть кое-какие языковые новости; Вот тут пришло сообщение; Я хочу начать программу с новости по теме.*

Интеракциональность данного типа дискурса в тексте программы подчеркивается фразами-обещаниями ответить на заданные слушателями вопросы: *На какие-то вопросы Марина сразу, может быть, ответит. На какие-то даже я смогу ответить. А какие-то возьмем на домашнее задание.* «Домашнее задание» – это ключевая метафора стратегии обучения в программе «Говорим по-русски», ведущие используют ее для обозначения вопросов, на которые они не смогли ответить сразу во время эфира. К дискурсивным формулам можно отнести и высказывания, предваряющие дефиницию того или иного слова: *Было такое слово; Это перевод слова; Это означает и пр.*

Стратегия формирования познавательной активности аудитории маркируется в тексте программы эмоциональными выражениями, которые подчеркивают уникальность сообщаемой информации: *Ты будешь потрясена; Я сама удивилась; Так интересно! Совершенно неожиданный ответ!*

Прецедентными источниками просветительского дискурса являются всевозможные справочные источники: комментарии авторитетных лиц (то есть специалистов по той или иной теме) или источники-артефакты (словари, справочники, интернет-ресурсы, научная и художественная литература). Заслуживают внимания способы цитирования источников: обязательным является указание на адрес (в типографском или Интернет-варианте), авторство (полное название словаря с указанием его типа), а также комментарий ведущих относительно качества (источник характеризуется как *полный, заслуживающий доверия, интересный*).

При описании просветительского радиодискурса большое значение имеют **характеристики радио как канала передачи информации**: вневизуальность, дистантность, необратимость, всеохватность и др. Учитывая эти особенности, можно говорить о том, что эффективное воздействие на аудиторию возможно только при грамотном использовании ведущими языковых средств, потому что арсенал экстралингвистических приемов на радио весьма ограничен. Однако современный процесс конвергенции, протекающий в сфере масс-медиа, приводит к сглаживанию различий между техническими носителями информации. Так, программа «Говорим по-русски» изначально выходит на радио, но аудиотрансляция ведется также в Интернет. Кроме того, ведущие используют так называемый «сетевизор» – то есть во время эфира на сайте радиостанции идет видеоизображение происходящего в студии. При этом программу нельзя назвать телевизионной: ведущие не смотрят в кадр, не следят за своими жестами, в кадре в любое время может появиться ассистент с чашкой кофе. Еще одним проявлением конвергенции становятся тексты-стенограммы эфиров «Говорим по-русски», которые выкладываются на сайте радиостанции, и газетный аналог программы – колонку одной из ведущих в федеральной газете. Сами ведущие начинают программу с представления разных способов коммуникации: *Мы не только по радио, но и в Сетевизоре, трансляция идет на нашем сайте в Интернете. Можно также смотреть на различных платформах, айпадах, айфонах и прочих.*

Возможность получать один и тот же содержательный продукт разными путями положительно влияет на степень воздействия просветительского дискурса на адресата. Эффективность данного типа дискурса предполагает коммуникацию, при которой цель, поставленная адресантом, достигнута, и адресат при этом испытывает эмоциональную удовлетворенность от общения. Таким образом с помощью различных способов представления информации (в текстовом, аудио или видеоформате) в программе решается проблема воздействия на широкую аудиторию. Стоит отметить, что генеральная задача просветительского дискурса – просвещение – максимально полно выполняется именно при использовании авторами программы различных каналов коммуникации.

Таким образом, просветительский дискурс объективно выделяется в системе институционального дискурса [Карасик 2004: 221], так как обладает всеми необходимыми системообразующими признаками. Уникальные для данного типа дискурса состав участников, хронотоп, цели, дискурсивные формулы и прецедентные источники дают право характеризовать просветительский дискурс как особый коммуникативный феномен.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КАРАСИК, В. И. (2002): *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – Волгоград: Перемена, 477 с.
Толковый словарь современного русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. – Москва: Эксмо, 2008.
ХАРАШ, А. У. (1980): *Принцип деятельности в исследованиях межличностного восприятия* // Вопросы психологии. №3, С. 20–31.
ЧЕРНЯВСКАЯ, В. Е. (2001): *Дискурс как объект лингвистических исследований* // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов. С.11–22.

Тема разрабатывается в рамках проекта РГНФ № 11-34-00365а2.

КРИСТИНА БЕЛЕЦКА

Чехия, Оломоуц

БИНОМИНАЛЬНАЯ НОМЕНКЛАТУРА И ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКИХ И ЧЕШСКИХ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

ABSTRACT:

Binominal Nomenclature and the Comparative Analysis of Russian and Czech Names of Medicinal Plants

The article deals with comparative analysis of binominal nomenclature of medicinal plants in Czech and Russian languages. It is divided into two parts. In the first one we classify nomen generica from the formal point of view and in the second one epitheton specificum from the formal and also semantic standpoint. In fine, we would like to conclude that the way of creating names of plants in both the languages is highly influenced by Latin and is very similar in both languages.

KEY WORDS:

Binominal nomenclature of medicinal plants – classification of nomen generica and epitheton specificum – Czech-Russian comparative analysis.

Названия лекарственных растений представляют собой в словарном составе обоих языков особый пласт лексики, который имеет длительную историю развития и который составляет большую и сложную терминосистему. Спецификой данного пласта является множество названий для одного референта, ряды синонимических и эквивалентных названий на разных уровнях языка. Такое огромное количество названий объясняется тем, что человек использовал и использует лекарственные растения повседневно, как добавку в пищу (напр. *я пью чай с душицей, а в еду добавляю орегано - čaj z dobrotysli, na pizzu se dává oregáno*), как корм животных (*пчелолоб, krauská bylina*) и, конечно, как лекарственное средство в медицинской практике (*бородавочник, okotěška*), при религиозных и культовых обрядах (*бешеная вишня, čarodějná bylina*). В настоящем лексическом пласте наблюдается высокое число мотивированной лексики.

Как мы уже сказали выше, особенностью чешского и русского языков является существование у одного и того же растения нескольких форм его обозначения, потому что «литературному названию каждого растения (напр., *Тысячелистник обыкновенный*, *Řebříček obecný*) противопоставлено название народное, складывающееся часто из просторечных и диалектных форм (*кравник*, *змеиная трава*, *белая кашка* и *другие*, *sikánský žebř*, *mačacínes*, *ovčí žebro*), а также научные, включая ботанические (*Achillea millefolium*) и фармакогнозические (*Herba millefolii*)» [Панасенко 2000: 15]. Ботанические названия приводятся на латинском языке, в основе этих латинских терминов лежит система ботаника К. Линнея, который ввел в научную ботанику жесткую систему как называть и обозначать растения. Эти термины обычно двусловные, причем первое слово обозначает род растения (так называемое *nomen genericum*, которое всегда пишется с большой буквы как на русском, так на чешском языках), а второе – его вид (*epitheton specificum*, который пишется с маленькой буквы). Далее нередко следует имя ботаника, обнарудовавшего названия таксона, в сокращенном виде (*Rosa alpina L.*). В названиях растений на национальных языках мы встречаемся только с именами рода и вида. Вышеописанная терминологическая система сложилась как в России, так и в Чехии приблизительно в те же самые годы, т.е. в середине XIX в. В отличие от зоологической номенклатуры, в ботанической не допустимы тавтономы (напр., *Vulpes vulpes* – *Liška obecná*, *Лисица обыкновенная* и много других).

Введение ботанической биномиальной номенклатуры в национальные языки привело к необходимости разработки кодексов и в связи с этим к увеличению числа названий тех самых растений. Каждый таксон может иметь только одно официальное название, в случае, что один таксон имеет больше чем одно литературное научное название, правильным является то, которое старше. Но даже сегодня в некоторых научных ботанических публикациях еще можно встретить оба термина (напр., *Пастушья сумка обыкновенная/Сумочник пастуший*).

Латинские научные названия оказали огромное влияние на формирование литературной лексики в национальных языках, прежде всего можно встретиться с большим числом переводов научного названия – *Hepatica nobilis*, *Печеночница благородная*, *Jaterník podléška*, *Liverleaf*. Как можно заметить, славянские языки приняли и структурный принцип латыни – определяемое слово плюс определение – который обыкновенно не соответствует грамматическому строю ни чешского, ни русского языков.

Что касается классификации названий рода (*nomen generis*), то можно, в первую очередь, провести формальный анализ этих названий.

Во-первых, имя рода есть одно имя существительное мужского, женского или среднего рода – *Чистотел* – *Vlaštovičník* – *Chelidonium*, к которым потом слева прибавляется определительное имя прилагательное, в этом случае *большой* – *větší* – *majus*. Этот случай самый частый прежде всего в номинациях литературного языка, реже в народных названиях – *Одурник* (*Красавка*) – *Blázníček* (*Rulík*). Там встречаются чаще как минимум двусловные выра-

жения, что обусловлено тенденцией включить в название растения как можно более полную или более важную информацию – *бешеная вишня* – *bobule spánku*. Народные названия в таком случае проявляют тенденцию расширять однословные литературные названия. Напр., *Душица* имеет много составных народных эквивалентов – *духовой цвет*, *клоповная трава*, *костоломная трава* и другие. То же самое происходит и в чешском языке, где, напр. можно найти довольно большое количество составных названий для растения *Třezalka* (*Зверобой*) – *arníka nervů*, *bylina svatojánská*, *krev svatého Jana*, *listí požeňpaný* и прочие.

В качестве официальных имен рода часто выступают слова мотивированные – *Борец*, *Печеночница*, *Душица* – *Plicník*, *Řebříček*, *Kýčavice* или мотивированные и сложные – *Чисто/мел*, *Тысяче/листник*, *Камне/ломка* – *Bole/hlav*, *Dobro/mysl*, *Mateří/douška*.

Во-вторых, в официальных названиях встречаются также двусловные названия рода, хотя реже, и схемой таких названий является сочетание имени прилагательного и существительного в качестве имени рода – *Мать-и-мачеха* (*обыкновенная*) – *Maří list (balšátový)*, но такой вид номинации встречается только в народных языках, в латыни мы его не найдем. В народных названиях растений проявляется тенденция объединять сложные названия – *мачешник* – *marolist*.

Имена вида также очень интересны, и в общем можно сказать, что вид растений обозначается только в литературном языке и для ботанической классификации является основным. Вид, **во-первых**, обозначен чаще всего одним именем прилагательным (*Омела белая* – *Jmelí bílé* – *Viscum album*).

Во-вторых, одним именем существительным (*Бедренец анис* – *Bedrník anýz* – *Pimpinella anisum*).

В-третьих, двумя словами – прилагательным и существительным (*Пажитник греческое сено* – *Pískavice řecké seno* – *Trigonella foenum-graecum*).

Во всех выделенных нами категориях мы или находим как формальные, так и семантические сходства между русским и чешским языками, или нет. Так, например, латинскому названию растения *Potentilla erecta* соответствует русское *Ланчатка прямостоячая*, но чешское название принадлежит ко второй группе, так как оно сложено из двух имен существительных – *Mochna nátržník*, причем здесь наблюдается еще одна особенность – несогласие рода. Таких номинативных соединений больше в чешском языке, хотя в русском они тоже встречаются, но значительно реже: *Jeřáb břek* – *Рябина глоговина* – *Sorbus terminalis*, *X Kaprad' samec* – *Щитовник мужской* – *Dryopteris filix-mas*, *Svízel přítula* – *Подмаренник цепкий* – *Galium aparine*, и наоборот *Мак самосеяка* – *Mák vlčí* – *Paraver rhoeas*. Как видно, в русском и латинском языках два имени существительных в биномиальной номенклатуре названий растений встречаются реже, чем в чешском языке.

Различия находятся и у двусловных чешских, и даже латинских видовых названий растений – напр., *Capsella bursa-pastoris* – *Kokoška pastuší tobolka*, по-русски *Пастушья сумка обыкновенная*.

Некоторые видовые названия, двусловные в русском языке (прилагательное + существительное – *Марь доброго генриха* – *Chetopodium bonus-henricus*), в чешском состоят из одного слова, и данное слово является именем существительным – *Merlík všedobr*. С другой стороны, потом получается, напр., *Rdesno hadí kořen* – *Горец змеиный* – *Polygonum bistorta*.

С семантической точки зрения получается девять групп видовых названий, обозначающих: цвет (*Морозник зеленый* – *Čemeříce zelená* – *Helleborus viridis*), размер (*Барвинок малый* – *Brčál menší* – *Vinca minor*), географические данные (*Бересклет европейский* – *Brslen evropský* – *Euonymus europaea*), форму, строй, количество/цвет или специфическую черту определенной части растения (*Иван-чай узколистный* – *Vrbka úzkolistá* – *Chamaerion angustifolium*), местонахождения (*Клевер луговой* – *Jetel luční* – *Trifolium pratense*), основные внутренние и лекарственные характеристики (*Календула лекарственная* – *Měsíček lékařský* – *Callendula officinalis*), время цветения растения (*Безвременник осенний* – *Ocún jesenní* – *Colchicum autumnale*), звериные эпитеты (*Котовник кошачий* – *Šanta kočičí* – *Nepeta cataria*). **Последняя группа** включает в себя названия вида типа *обыкновенный* – *obecný* – *vulgaris*, (*Душица обыкновенная* – *Dobromysl obecná* – *Origanum vulgare*).

Как вытекает из нашего исследования, принципы номинации растений в обоих языках сходны. Можно отметить, что одно и то же растение имеет большое количество литературных и народных названий, начиная от простых слов и кончая составными названиями или даже фразами.

Как в русском, так и в чешском языке наблюдается огромное влияние латинского языка на формирование народных названий. Для чешского языка характерно большее количество названий растений, состоящих из двух имен существительных.

Рассматриваемые нами номинации являются в значительной части словами мотивированными и сложными.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ:

www.biolib.cz/article/id/16.8.2010

www.jtunion.org/spip/IMG/rtf/terminologie.rtf 8.11.2010

<http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?art=6303> 8.11.2010

www.iling.spb.ru/tronsky7/159.pdf 26.8.2011

ГОЛОВКИН, Б. Н. (1986): *О чем говорят названия растений*. М.: Агропромиздат.

ПАНАСЕНКО, Н. И. (2000): *Когнитивно-ономазиологическое исследование лексики (опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений)*. М.: МГУ.

САФОНОВ, Н. Н., ШИПИЛЕНКО, А. К. (1993): *Лекарственные названия луга*. М.: Изобразительное искусство.

ЦИЦИЛИН, А. Н. (2010): *Русские лекарственные растения*. М.: ЭКСМО, Москва.

KRESÁNEK, J., KREJČA, J. (1977): *Atlas léčivých rostlin a lesných plodů*. Martin: Osveta.

MACHEK, V. (1954): *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha: Nakladatelství ČSAV.

RYSTONOVÁ, I. (2007): *Průvodce lidovými názvy rostlin*. Praha: Academia.

VEDRAL, J. (2009): *Zajímavosti v názvosloví zvířat, rostlin a hub (čeština)*. Praha: VJV.

МАРТИН БЛАГО

Словакия, Прешов

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА РОССИИ В СЛОВАКИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ ТЕСТОВ СЛОВАЦКИХ СТУДЕНТОВ)

ABSTRACT:

Lingual Picture of Russia in Slovakia (Based on Association Test Given to University Students)

This study investigates specific aspects of modeling a lingual picture of Russia in conscience of Slovakian university students. The central concept is the category of a lingual picture of specific culture and linguaculturological aspects of foreign language research as culture expression. Also mass media (current Russian and Slovak media texts in electronic versions of russian and slovak newspapers) influences the students' opinions. The most important in this process is specific lingual unit which codes concrete culture.

KEY WORDS:

Language – culture – association tests – cognitive linguistic – discourse – koncept – mass media.

Проблематика отношения между картиной мира и языком сильно связана с понятием так называемого человеческого фактора в языке, с отношением – человек и его язык. Именно посредством языка мы можем проникнуть во внутренний мир отдельного индивидуума, причем язык обладает известным свойством часто оригинально кодировать не только очевидные феномены, окружающего человека мира, но и феномены скрытые, в многих случаях загадочные. «Представления, формирующие языковую концептуализацию мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде в качестве пресуппозиций, «фоновых» компонентов смысла, коннотаций» [Шмелев 2010:17]. Язык непосредственно присутствует в действии двух процессов, которые связаны с картиной мира. Во-первых, в нем формируется языковая картина мира, один из самых глубоких слоев картины мира в человеке. Во-вторых, язык сам выражает и показывает и другие картины мира человека, которые посредством специфических кодов попадают в язык, приносят в него черты отдельного человека, его культуру.

Язык фиксирует фрагменты человеческого бытия и отражает изменения в социальной, экономической и культурной жизни людей. «Языковые единицы, обладающие богатой «скрытой семантикой», т. е. содержащие нетривиальные презумпции, могут считаться «ключевыми» для языковой концептуализации мира (в том смысле, что они дают «ключ» к пониманию каких-то ее важных характеристик) и соотносимы с «ключевыми» концептами культуры» [Шмелев 2010: 23]. Язык не только пассивно отражает все, что характерно для человека в смысловой, творческой и культурной области. Одновременно формирует своего носителя как личность, которая является членом конкретного социокультурного общества, развивает систему ценностей, мораль, отношение к другим индивидуумам.

Одной из важнейших категорий, связанной с языковой картиной мира, является концепт. «Согласно распространенной точке зрения, в отличие от понятий, представленных в нашем сознании набором существенных признаков, концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, столкновений разных мнений. В структуру концепта вносят свой вклад внутренняя форма слова, связанные с ним ассоциации, оценки. Концепты описывают действительность, но действительность особого рода – ментальную» [Скребцова 2011: 31]. Проникнуть в человеческое сознание посредством языковых единиц, раскрыть суть определенных концептуальных процессов в вышеназванной ментальной действительности на наш взгляд можно и посредством анализа ассоциаций на языковом уровне. В рамках Прешовского университета мы начали проводить тестирование словацких студентов с целью получить достаточное количество материала для анализа образа России, русской культуры в словацком обществе на данном этапе в сознании словацкой молодежи. На основе вышесказанного мы разработали несколько проектов, центральным из которых является Языковая картина России в Словакии. Имеется в виду языковая картина России в словацких СМИ и сопоставление России и Словакии как специфических культур.

Образцом и инспирацией для нас послужил Русский ассоциативный словарь Ю. Н. Караулова. Мы старались выделить слова-стимулы, которые на наш взгляд могут достаточно наглядно характеризовать восприятие России, русской культуры в сознании словацких студентов. На эти стимулы студенты должны были неподготовленно отвечать (1–3 слова или словосочетания). Конкретные слова-стимулы: *Россия, Русская культура, Русское слово, Русский язык, Русская песня, Русская литература, Русская наука, Русская политика, Русская экономика, Русская религия, Русский спорт, Русская история, Историческая личность России, Русская современность, Современная личность России, Русское будущее, Русский человек, Русские мужчины, Русские женщины, Русская природа, Русский климат, Русское животное, Русское дерево, Русская река, Россия и Словакия*. В опросе участвовали студенты-русисты и культурологи словацких вузов в г. Прешове, Нитре и Братиславе. На начальном этапе мы получили большой объем материала, который содержит много интересных составляющих. Ответы на стимул **Россия и Словакия** (состав-

ленные по частотности): *дружба, газ, славяне, нефть, несравнимые, недостаточное сотрудничество, коммунизм, языковая близость, хорошие отношения, Россия – большая, Словакия – маленькая, отпуск, контраст, зависимость от русского газа, Кузмина*. В ответах на выше приведенный стимул Россия и Словакия появилась единица Кузмина. Ближе опишем эту единицу и ее место в словацкой и русской среде. *Кузмина Анастасия* – словацкая биатлонистка русского происхождения, олимпийская чемпионка, которая перешла в состав сборной Словакии после некоторых недоразумений в сборной России и приняла словацкое гражданство. Этот момент очень наглядно отразился в словацких и российских СМИ: *королева словацкого биатлона («Život»), словачка («Pravda»); русская словачка, россиянка, которая выступает за Словакию («vesti.ru»), уроженка Тюмени, выступающая за сборную Словакии («newsru.com») – Кубок мира по биатлону, наша Настя – и олимпийская чемпионка! Мы ее, кстати, от души поздравляем* – Исполнительный директор Союза биатлонистов России (СБР) Сергей Кущенко («newsru.com»).

Ответы на стимул **Русские мужчины:** *стройные, мужественные, алкоголики, казаки, твердые, жесткие, гордые, певцы, галантные, интересные, работоспособный, Билан, сильные, герои, защитники, водка, гадкие, борода, высокие, честность, бойцы, ах какая женщина, с папихой на голове*.

Ответы на стимул **Русские женщины:** *красивые, красные щеки, сарафан, сильные личности, пицца, Олимпиада Иванова, домохозяйство, блондины, сполными губами, самые красивые в мире, Марфа, бабы, зависит от возраста, комбайнерка, толстенки, угнетенные*. Приведенные реакции содержат широкий оценочный диапазон – от положительного по вполне отрицательный полюс. Из анализированного нами материала вытекает, что на конкретное моделирование картины России, русской культуры в сознании словацкой молодежи сильно влияют СМИ и главным образом словацкая пресса. Это особенно касается тех студентов, которые пока практически не прикоснулись к русской культуре. Описание России в словацких СМИ в большинстве случаев содержит ироническую или отрицательную составляющую. Сила современных СМИ очевидна: «Средства массовой коммуникации являются одним из важнейших общественных институтов, оказывающих решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием» [Петрова, Рацибурская 2011: 7].

В настоящее время средства массовой информации являются определенной базой для изображения действительности, современной социально-политической ситуации в мире и в национальных условиях. Особенно это заметно в новейшем феномене передачи информации – в интернете. Специфическое место в этом процессе занимает язык СМИ, который сам прошел путем кардинальной трансформации. Определенную параллель можно найти в языке российских и словацких СМИ после социально-политических изменений в обеих странах.

Знание языковой системы далеко не всегда обеспечивает успешность коммуникации на том или ином языке, если данный язык не является родным. Неверная интерпретация текстов во многих случаях обусловлена влиянием своего языка и своей культуры. Современная русская публицистика настолько отличается от литературного языка, что полное восприятие многих статей (семантические тонкости) вызывает затруднения для неподготовленного читателя с русским культурным пространством. Можно сказать, что язык СМИ в настоящее время служит одним из главных «продуцентов» и одновременно источником языковых элементов, которые являются своеобразной реакцией на раздражания действительности. Публицисты для дескрипции и оценки разнообразных нарушений порядка внешнего мира употребляют разные средства, включая единицы, насыщенных богатым коннотативным значением на уровне культуры данного этноса или целой цивилизации.

В центре наших наблюдений находится в первую очередь язык СМИ, так как именно данный тип коммуникативного кода является самым доступным для нас (интернет) и представляет собой своего рода специфический вид непосредственной рефлексии настоящих социально-политических событий как феноменов культуры. Его влияние на перцепиента сильное и в многих областях человеческой жизни решающее. Анализируя ответы в качестве данных, полученных в процессе тестирования, надо стремиться найти именно те ориентиры, константы определенной культуры, которые помогут проникнуть в чужую культуру и объективно описывают картину мира данного этноса и показать объективную картину русской культуры посредством ключевых языковых единиц – констант, кумулирующих ее культурные ценности.

Отдельные этнокультуры представляют своими языковыми системами аксиологическую базу, которая является своего рода специфическим вкладом в глобальную систему ценностей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ПЕТРОВА, Н. Е. – РАЦИБУРСКАЯ, Л. В. (2011): *Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии*. Учебное пособие. М.: «Флинта : Наука».
- СКРЕБЦОВА, Т. Г. (2011): *Когнитивная лингвистика. Курс лекций*. СПб.
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2008а): *Война и мир языков и культур*. М.: «СЛОВО».
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2008б): *Язык и межкультурная коммуникация*. «СЛОВО», М.
- ТХОРИК, В. И. – ФАНЯН, Н. Ю. (2006): *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация*. Учебное пособие. М.: «ГИС».
- ШМЕЛЕВ, А. Д. (2010): *Русская языковая картина мира*. In: *Язык. История. Культура*. РГГУ. М.
- SIPKO, J. (2010): *В поисках истинного смысла – Hľadanie ozajstného zmyslu*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove.

„This paper is a result of the project implementation: *Retrofitting and Extension of the Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research & Development Operational Programme funded by the ERDF.“

СВЕТЛАНА БОГДАНОВА

Россия, Иркутск

ПОИСК КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ЛЕКСИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ

ABSTRACT:

The Search for the Conceptual Ground of Filling Slots of Word-Formation Model in Words with Spatial Component

A group of Russian verbs with the prefix *вы-* (*выпросить, выклянчить, выцыганить*, etc.) require a compulsory indication of manner of action in their semantic word-formation model, which is included in the verbal stem. The paper deals with revealing the frame structure which is common to the situation nominated by these verbs and the filling capacity of its slots.

KEY WORDS:

Frame – slot – word-formation model – verbal stem – container schema – causation – conceptual base.

Цель нашего доклада состоит в выявлении модели фрейма «выпрашивание» и его слотов, подлежащих заполнению, путем анализа основ глаголов, репрезентирующих данный фрейм.

Рассмотрим ряд русских переходных приставочных глаголов типа *выпрашивать*, образованных по словообразовательной модели – «приставка *вы-* + глагольная основа + суффикс *-ива/-ыва* + суффикс *-ть*». Говоря о словообразовательной модели, мы должны иметь в виду, что этот термин используется как в структурной, так и в когнитивной лингвистике [Беляевская 2009: 17].

Методом сплошной выборки отобрано 67 глаголов из словаря В. И. Даля и 10 глаголов из словаря Д. Н. Ушакова. В словаре В. И. Даля, как известно, представлены диалектные, устаревшие, просторечные слова, поэтому носителю современного русского языка многие из них могут показаться странными: *выбалагурить, выбрюзжать, выколячить, выхвастывать, выябедничать* и др. В словаре Д. Н. Ушакова количество глаголов, построенных по данной семантической модели: *выбарышничать, выканючивать*,

выклянчивать, вымаливать, вымучивать, выплакать, выплясать, выпросить, выторговывать, выхлопотать, существенно меньше, так как диалектные и устаревшие слова в него не включались. Здесь необходимо отметить, что как в словаре В. И. Даля, так и в словаре Д. Н. Ушакова, некоторые из интересующих нас глаголов представлены в совершенном, а некоторые – в несовершенном виде, причем какую-либо закономерность выявить не удастся. Ср.: *вымурлыкивать, вымяукать* (Даль). Поэтому нам остается только констатировать некоторое отступление от указанной выше формальной модели «приставка вы- + глагольная основа + суффикс -ива/-ыва + суффикс -ть», а именно: суффикс -ива/-ыва не является обязательным.

Что объединяет глаголы данного ряда? Очевидным является наличие у них пространственного компонента – приставки *вы-*, характеризующей в русском языке схему КОНТЕЙНЕР, причем во всех случаях задействован динамический тип отношений в рамках этой схемы. Что должно перемещаться изнутри наружу, за пределы «контейнера» в ситуации выпрашивания? Один из постулатов когнитивной лингвистики гласит, что вся обработка информации зависит «от субъекта и выбранной им точки зрения на объект, от понимания им роли участвующих в той или иной структуре деятельности объектов, от признания соотносительной релевантности каждого из них для ее осуществления» [Кубрякова 2004: 486].

Субъект в ситуации, которая может быть обозначена словосочетанием *выпрашивать деньги*, осуществляет сложное действие – иллокутивный речевой акт, включающий как физическое действие по произнесению высказывания, так и оказание морального давления на собеседника с целью побуждения последнего к выдаче денег. В роли объекта действия выступают как деньги, так и собеседник, что показывает сходство данной конструкции с конструкциями, образуемыми глаголами речи, как правило, имеющими два объекта, один из которых – собеседник (слушающий). В роли «контейнера», по мнению субъекта действия, содержащего деньги в своей собственности, выступает собеседник. В результате выпрашивания деньги могут переместиться из сферы объекта в сферу субъекта.

Что же должна представлять собой семантическая модель ситуации выпрашивания, т.е. каковы концептуальные основания лексического наполнения данной словообразовательной модели? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к понятию фрейма как структуры данных для представления некоторого концептуального объекта, которую можно рассматривать как схему действий в реальной ситуации. Информация, относящаяся к фрейму, содержится в составляющих его слотах – незаполненных подструктурах фрейма, заполнение которых приводит к тому, что данный фрейм ставится в соответствие некоторой ситуации, явлению или объекту.

Фрейм, соответствующий ситуации выпрашивания, задается глагольной основой и пространственным компонентом – приставкой *вы-*. Глагол *выпрашивать* вызывает фрейм, слотами которого являются: 1) субъект, который производит определенные действия с целью воздействия на каузируемый объ-

ект; 2) действие просьба (каузация) к каузируемому объекту передать то, что просят, из сферы объекта в сферу субъекта; 3) то, что каузирующий субъект хочет получить от каузируемого объекта в результате действия; 4) каузируемый объект действия просьбы (каузации), обладающий, по мнению субъекта, тем, что этому субъекту нужно; 5) нежелание каузируемого объекта отдавать из своей сферы то, о чем просит субъект (приставка *вы-* как раз указывает на этот компонент, иначе был бы использован глагол *просить* без приставки *вы-*); 6) инструмент, т.е. способ, с помощью которого субъект пытается добиться своей цели.

Каким способом субъект добивается того, чтобы каузируемый объект отдал что-то? Какой инструмент он использует? Инструмент в словообразовательную модель входит через глагольную основу. Именно он различает синонимический ряд, объединенный наличием в словарной дефиниции слова «добыть». Просьба с целью получить что-то от человека (организации, объединяющей людей) не всегда сопровождается непосредственно речевым актом – это может быть молящий взгляд, сложенные на груди руки, опущенная смиренно голова и, как свидетельствуют языковые данные, представленные в словаре В. И. Даля, ещё множество действий, предпринимаемых субъектом для достижения своей цели. Словообразовательная модель «приставка *вы-* + глагольная основа (+ суффикс *-ива/-ыва*) + суффикс *-ть*» являлась раньше достаточно продуктивной, она остается продуктивной и сейчас, поскольку фрейм «выпрашивание» достаточно четко представлен в сознании русскоязычного человека. Интерпретация большинства действий, обозначенных построенными по этой модели глаголами, не представляет большого труда, так большинство из них построены по аналогии. По словам Г. Г. Бондарчук, аналогия является главным принципом моделирования в современной системе словообразования, при этом она редко бывает однотипной, а строит малые ряды [Бондарчук 2011]. Очевидно, этим объясняется сравнительно небольшое количество глаголов этого ряда.

С точки зрения языка представляет интерес глагольная основа, вызывающая фрейм даже при отсутствии контекста. Являются ли глагольные основы основами глаголов речи, глаголов движения, отыменных глаголов, производных от прилагательных или существительных?

Среди глаголов данной группы встречаются глаголы с производной глагольной основой, где мотивирующими именами могут быть имена прилагательные (у глаголов *выдешевить*, *вылютовать*), имена существительные, обозначающие человека (у глаголов *выбрататься*, *вылевшить*, *вымолодцевать*, *выпронырять*, *высударивать*, *выцыганить*), а также имена существительные, обозначающие предмет (у глаголов *выкостылять*, *вымозаливать*). В заполнение слота «инструмент, т.е. способ, с помощью которого субъект пытается добиться своей цели» включается фрейм, вызывающий в сознании все то, что связано с лицом или предметом, названия которых явились мотивирующими для глаголов. Каждый встроенный фрейм по-своему сложен, но знакомый с ним человек без труда «вылавливает» из него необходимую для понимания произво-

дного глагола информацию. Так, во фрейме «цыганка» на первый план выходит основная деятельность – попрошайничество, во фрейме «проньера» – умение подсуетиться там, где нужно, во фрейме «сударь» – вежливость данного обращения, прибавляя которое поминутно, лавочники располагают к себе покупателей.

Значение глаголов, образованных от глагольной основы, «добиться путем выполнения конкретной работы» постепенно отходит на периферию данной группы глаголов, сравните: *выбатрачить*, *выбаюкивать* (подарочек) у барина, *выбочарить*, *выбурлачить*, *выко(а)зачить*, *выпалывать* (Даль) и *выплясать* «заработать пляской» (*простор.*) (Ушаков). Напротив, постепенно в русском языке закрепляется значение «добиться чего-либо путём оказания влияния на психику объекта каузации». Достаточно частотно представленное в просторечии и диалектах, в современном общенародном языке оно является подавляющим, сравните: *вымалчивать*, *выплакивать*, *выпроказить*, *вырешить*, *вырешивать*, *выскупать*, *выбалагурить*, *выбрюзжать*, *выколячить*, *выклянчить*, *вымогать*, *выпрашивать*, *выхвастьвать*, *выябедничать* (Даль) (14 из 67 глаголов) и *выканючивать*, *выклянчивать*, *вымаливать*, *вымучивать*, *выплакать*, *выпросить*, *выхлопотать* (Ушаков) (7 из 10 глаголов). Здесь слот «нежелание объекта каузации отдавать из своей сферы то, что хочет субъект» выходит на первый план, хотя инструмент по-прежнему важен.

Основы звукоподражательных глаголов, также входящие в данную словообразовательную модель, требуют специфического заполнения слота «субъект, который производит определенные действия с целью воздействия на объект». У глаголов *выворковать*, *выкуковать*, *вымурлыкивать*, *вымяукать*, *вырыкать* данный слот может быть заполнен концептами «птицы» и «животные», хотя это и необязательно, так как глаголы *ворковать* и *мурлыкать* могут обозначать действия людей. Мурлыкая, кошка осуществляет действие каузации в отношении человека с целью получить от него ласку или угощение. Слот «нежелание объекта отдавать из своей сферы то, о чем просит субъект» в данном фрейме является второстепенным или вовсе не заполняется.

Глаголы, построенные по словообразовательной модели «приставка *вы-* + глагольная основа (+суффикс *-ива/-ыва*) + суффикс *-ть*», могут также образовываться от глагольных основ, обозначающих действие: 1) добиться путем борьбы: *выбунтовать*, *вывоевывать*, *выкулачить*, *вымятежить*, *высутяжить*, *высудить*; 2) добиться путем мошенничества: *выдуривать*, *вылукавить*, *вылгать*, *вымайданить*, *вымытарить*; 3) добиться верой или колдовством: *вывораживать*, *выгавливать*, *выколдовывать*, *выколядовать*, *выславлять* (сюда же можно отнести отыменный глагол *выбаживать* «добывать клятвой, заклятием, вымаливать» (Даль)); 4) добиться попрошайничеством и лестью: *выкланивать*, *выкупить*, *вылелеять*, *вылещивать*, *вымигать*; и от глагольных основ, обозначающих разноплановое движение: *выковыливать*, *выезозить*, *выерзать*, *вылягать*, *выюлить*, *вырыскать*.

Таким образом, в основах русских приставочных глаголов типа *выпрашивать*, *выклянчить*, *выцыганить* содержится указание на способ действия, ко-

торое является обязательным компонентом данной словообразовательной модели. На базе этой модели по аналогии создаются глаголы с переосмысленным значением, минуя некоторые стадии переосмысления, пройденные ее прототипическими представителями. Во фрейме «выпрашивание» заполнению подлежат 6 слотов. Лексическая наполняемость модели может предполагать наличие встроенного фрейма, заполняющего один из слотов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕЛЯЕВСКАЯ, Е. Г. (2009): *Словообразовательная модель в структурной и когнитивной лингвистических парадигмах (традиционный vs когнитивный подход)*. In: Новое в лексикологии: проблемы, методы, изыскания. М., с. 13–23.
- БОНДАРЧУК, Г. Г. (2011): *Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды)*: автореферат дисс. на соискание степени д-ра филол. наук. М.
- ДАЛЬ, В. И. (1863–1866): *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. СПб.
- КУБРЯКОВА, Е. С. (2004): *Роль языка в познании мира*. М.
- УШАКОВ, Д.Н. (1935–1940): *Толковый словарь русского языка*: В 4 т.

АЛЕШ БРАНДНЕР

Чехия, Брно

ЭЛАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ИХ ЧЕШСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

ABSTRACT:**The Elative Meaning of the Superlative of Russian Adjectives and Their Czech Parallels**

The following paper analyses the ways how the high level of quality (elative) is expressed using Russian adjectives especially in comparison with their Czech parallels. The material that has been analyzed shows clearly that incidence of elative forms in Russian is more frequent than in the Czech language.

KEY WORDS:

Qualitative adjectives – high level of quality – outer limit – elative – intensified form adjectives (adverbs).

Так наз. элативное значение простых форм превосходной степени, образованных путем прибавления к основе положительной степени суффиксов *-ейши-// -айш-*, выражает безотносительно большую меру признака, т. е. без конкретного сравнения с другими предметами, но с предельно высокой степенью данного признака (ср.: *новейший* = совершенно новый, *кратчайший* = максимално короткий // краткий). Данные формы отличаются сильной экспрессивностью [Виноградов, Истрина, Бархударов 1953: 297; Исаченко 1954: 266–267; Ногáлек 1979: 347; Leška 2003: 41]. В чешском языке этот оттенок может передаваться по-разному [Hanusová 1970–71].

Русским формам на *-ейши-// -айш-* могут соответствовать чешские сочетания с интенсифицирующими словами *velmi, krajně, mimořádně, obzvlášť, napejvůš ...* Ср.: *умеющий ученик* „*velmi // mimořádně nadaný žák*“, *начался сокрушительнейший треск* „*strhl se příšerně drtivý hluk*“. С другой стороны, данным формам могут отвечать в чешском языке префиксально-суффиксальные формы на *nej...(ej)ší*. Ср.: *новейшие сведения* „*nejnovější informace*“, *кратчайший срок* „*nejkratší termín*“, *строжайшее наказание* „*nejpřísnější trest*“. Иногда этим формам могут предшествовать усиливающие местоимения или наречия. Ср: *Будут приняты все меры строжайшего засекречивания события* „*Budou při-*

jata veškerá opatření pro co nejpřísnější utajení“, ...старался подбирать привлекательнейшие подробности... „...snažil se vybírat ty nejzajímavější detaily...“. Нередко можно перевести русские элативные выражения на чешский язык при помощи положительной степени прилагательного (обычно интенсифицирующего). Ср.: тончайший знаток „výborný znalec“, строжайший выговор „přísná důtka“, полнейшая тишина „úplné ticho“.

Высшую степень проявления признака означают прилагательные с суффиксом **-и-**. Это непродуктивный тип. Чешскими эквивалентами являются префиксально-суффиксальные образования на *nej-* ... *-ší*. Ср.: высшая награда „nejvyšší vyznamenání“, высшая мера наказания „nejvyšší trest“, в худшем случае „v nejhorším případě“.

Для выражения высокой степени качества вне сравнения могут также служить сочетания местоимения **самый** + **положительная степень имени прилагательного**, хотя такие случаи не считаются типичными. Их употребление свойственно особенно разговорной речи [Žaža 1996: 111]. В чешском языке этому употреблению соответствуют чаще всего формы на *nej-* ...- (*ej*)*ší*. Ср.: в самых крайних случаях „v nejkrajnějších případech“; Здоровье – это наше самое большое богатство „zdraví je naše největší bohatství“. В некоторых случаях в чешском эквиваленте происходит усиление с помощью указательного местоимения „ten“. Ср.: Для нас это было темой самых тяжёлых размышлений (Айтматов) „Pro nás to bylo tématem těch nejtěživějších úvah“. Встречается также соединение усилительного слова „velmi“ с формой положительной степени прилагательного. Ср.: Из этого могут вывести самые важные заключения „Z toho mohou vzejít velmi důležité závěry“. Некоторые чешские соответствия могут содержать только форму положительной степени прилагательного. Ср.: готовится нанести удар с фланга в самый решающий момент „připravovat se zaútočit v rozhodující chvíli“.

Местоимение **самый** может соединяться также с формой превосходной степени на **-ейи-// -айи-**. Значение степени качества подчеркивается и еще более усиливается. Такое употребление было особенно распространено у писателей XIX века. В чешском языке этому употреблению соответствуют, как правило, префиксально-суффиксальные формы на *nej-* ...- *ejší*. Ср.: самый торжественнейший день (Гоголь) „nejslavnostnější den“, самым курьезнейшим образом (Салтыков-Щедрин) „nejkurióznějším způsobem“. Это употребление известно и в современном языке. Ср.: ...обнаружить хоть каких-либо признаков жизни в самой простейшей форме (Айтматов) „objevit alespoň nějaké známky života v nejjednodušší formě“.

Элативное значение имеет также сочетание прилагательного в положительной степени с наречием **наиболее**. Русским выражениям могут отвечать в чешском языке префиксально-суффиксальные формы на *nej-* ...- *ejší*, или сочетания прилагательного с интенсифицирующим наречием. Ср.: выполнять наиболее трудоёмкие работы „provádět velmi obtížné práce“, делать наиболее грязную, тяжкую работу „dělat nejtěžší, nejspínavější práci“.

Прилагательные приобретают элативное значение также в соединении с интенсифицирующим наречием. В чешском языке они имеют те же самые параллели. Ср.: *весьма полезные средства* „velmi užitečné prostředky“, *совершенно правильный ответ* „naprosto správná odpověď“, *крайне важное дело* „neobyčejně důležitá věc“.

Элативное значение имеют прилагательные, образованные при помощи **усилительных префиксов** и **суффиксов**. Они обозначают субъективную оценку.

К категории субъективной оценки придется отнести формы прилагательных с приставками *наи-*, *пре-*, *раз-*, *все-*, *супер-*, *архи-*, *сверх-*, *ультра-*. Формы прилагательных, осложненные приставками этого рода, выступают как синонимы форм превосходной степени в безотносительном значении предельной степени качества [Виноградов 1972: 199].

В книжной речи простые формы превосходной степени в элативном значении могут быть усилены двухсложной приставкой **наи-**, которая присоединяется только к формам на *-ейш-// -айш-* и *-ш-*. В чешском языке засвидетельствованы корреляты выражений с *nej- ...- (ej)ší* [Havránek 1976: 386; Корецкий 1976: 148]. Ср.: *наименьшее расстояние* „nejmenší vzdálenost“, *наивыгоднейшие условия* „nejvýhodnější podmínky“. Встречаются, однако, случаи, когда русским выражениям соответствуют в чешском языке сочетания с усилительным наречием, или прилагательное находится в форме положительной степени. Ср.: *представить уникальнейшую возможность* „poskytnout naprosto ojedinělou možnost“, *наипервейшее население* „původní obyvatelstvo“.

Приставка **пре-** присоединяется к формам положительной и превосходной степени, а также к уменьшительно-ласкательным формам. В чешском языке им соответствуют формы положительной степени прилагательного (часто в усилительной форме, или в сочетании с усилительным наречием), в отдельных случаях также с приставкой *рђе-*. Ср.: *предобрый человек* „předobry // nadmíru dobrý člověk“, *препротивная женщина* „strašně protivná ženská“, *прехорошенький ребёнок* „velmi hezké // hezoučké dítě“.

Приставка **раз-// рас-** имеет фамильярную, иногда народно-поэтическую окраску [Шведова 1980: 310]. Русским оборотам с приставкой *раз-// рас-* отвечают в чешском языке выражения с положительной степенью прилагательного (обычно в сочетании с приставкой *рђе-*), часто в интенсифицирующей форме, или также в сочетании с усилительным наречием. Ср.: *разнесчастная судьба* „přenešťastný osud“, *разлюбезная девочка* „přemilé, roztomilé děvče“, *распрекрасная погода* „nádherné počasí“.

К формам положительной и превосходной степени присоединяется приставка **все-**. Образования с этой приставкой носят архаичный характер, встречающийся прежде всего в книжной речи. В чешском языке им соответствуют или прилагательные в положительной степени с усилительным значением, или с приставкой *вše-*. Ср.: *всевластные деньги* „všemocné peníze“, *всесильная человеческая сила* „všemohoucí lidská vůle“, *всепобеждающая сила* „nepřemožitelná síla“. С формами превосходной степени сочетаются прилагательные, вхо-

дящие в пассивный словарный состав; они употреблялись в дореволюционной России. В чешском языке они выражаются с помощью форм на *nej- ...- ejší*. Ср.: *всепокорнейший слуга* „nejpokornější // nejponiženější služebník“, *всемилютейший государь* „nejmilostivější panovník“, *всенижайшая просьба* „nejpokornější prosba“.

В чешском языке эквивалентом прилагательных с приставкой **архи-** являются обороты прилагательных в положительной степени (или в усилительной форме, или в сочетании с усилительным наречием). Ср.: *архинелепый поступок* „nehogázný čin“, *архисложная система* „velmi složitý systém“, *архиопасная игра* „zvlášť nebezpečná hra“. Данные русские выражения засвидетельствованы в публицистическом стиле и в разговорной речи интеллигенции [Виноградов 1972: 208].

В научно-технической терминологии, в книжной, публицистической и отчасти в разговорной речи продуктивен суффикс **сверх-**. Прилагательные с этой приставкой выражают крайне высокую степень проявления признака. Чешские эквиваленты представлены прилагательным в положительной форме в соединении с усилительным наречием. Ср.: *сверхчувствительный прибор* „velmi // vysoce citlivý přístroj“, *сверхнизкая температура* „mimořádně nízká teplota“, *сверхновая постройка* „zbrusu nově postavená budova“.

В газетно-публицистической речи продуктивен суффикс **супер-**, сочетающийся с положительной степенью прилагательного. В чешском языке наблюдаются усилительные наречия в объединении с положительной степенью прилагательного. Ср.: *суперсовременный двухмоторный самолёт* „úplně moderní dvoumotorové letadlo“, *суперэластичный материал* „maximálně elastická látka“, *супертрадиционный фильм* „zcela tradiční film“.

Прилагательные с приставкой **ультра-** сочетаются с формой положительной степени прилагательного. В чешском языке имеются обороты с *ultra-* или *hyper-*, или сочетания с усилительным наречием. Ср.: *ультрафиолетовые лучи* „ultrafialové paprsky“, *ультрамодная причёска* „hypermoderní účes“, *ультралевые взгляды* „ultralevicové názory“, *ультразвуковые частоты* „velmi vysoké kmitočty (VKV)“.

К категории субъективной оценки следует отнести также прилагательные с суффиксами *-уц-// -юц-*, *-енн-*. Формы прилагательных, осложненные суффиксами этого рода, выступают как синонимы превосходной степени в значении предельной степени качества [Виноградов 1972: 199].

Прилагательные с суффиксом **-уц-// -юц-** обозначают усилительно-увеличительную степень качества. Образования этого типа относятся к разговорной и просторечной лексике [Шведова 1980: 300]. В чешском языке обычно выступают прилагательные с суффиксом *-ánsk-* (ср.: *здоровущий карп* „velikánský kapr“, *длиннющие руки* „dlouhatánské ruce“, *большущие глаза* „velikánské oči“), нередко усилительные прилагательные (ср.: *большущий топор* „obrovská sekyra“, *хитрющий старик* „vychytralý, mazaný stařec“, *злющая женщина* „vzteklá ženská“), или сочетания прилагательного с усилитель-

ным наречием (ср.: *богатющий мужик* „*strašně bohatý chlap*“, *толстущий господин* „*hodně tlustý pán*“, *грязнущий пол* „*strašně špinavá podlaha*“).

Прилагательные с суффиксом **-енн-** обозначают усиленную, чрезмерную степень качества. Этот суффикс употребляется главным образом в разговорном языке и в просторечии [Шведова 1980, 300]. В чешском языке бывают или интенсифицирующие прилагательные (ср.: *высоченный дом* „*vysokánský dům*“, *широченные брюки* „*širokánské kalhoty*“, *здоровенная гадюка* „*obrovská zmije*“), или сочетания прилагательного с усилительным наречием (ср.: *тяжеленный пакет* „*hrozně // strašně těžký balík*“, *толстенный господин* „*velmi tlustý pán*“).

Элативного значения можно достичь также употреблением сдвоенного прилагательного. Ср.: *пьяный-распьяный человек* „*velice opilý člověk*“, в *давние-предавние времена* „*za dávných pradávných časů*“; *Он вдруг очутился в холодной-холодной реке* (Айтматов) „*Náhle se octl v ledové vodě*“. Из приведенных примеров следует, что указанные конструкции можно перевести на чешский язык тоже с помощью сдвоенного прилагательного, нередко также при помощи положительной степени прилагательного, имеющего усилительное значение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1972): *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: «Высшая школа».
- ВИНОГРАДОВ, В. В., ИСТРИНА, Е. С., БАРХУДАРОВ, С. Г. (ред.) (1953): *Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология*. М.: АН СССР.
- ИСАЧЕНКО, А. В. (1954): *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akademie vied.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1980): *Русская грамматика I*. М.: «Наука».
- HANUSOVÁ, Z. (1970, 1971): *K překladi ruského elativu do češtiny*. Ruský jazyk 21 (1970/71), s. 249–251.
- HAVRÁNEK, B. (red.) (1976): *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. Praha: SPN.
- HORÁLEK, K. (red.) (1979): *Русская грамматика 1*. Praha: Academia.
- КОРЕЦКИЙ, Л. В. (1976): *Морфология современного русского литературного языка*. Praha: SPN.
- LEŠKA, O. (2003): *Jazyk v strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní analýzy ruštiny*. Praha: Euroslavica.
- ŽAŽA, S. (red.) (1996): *Morfologie ruštiny I*. Skriptum. Brno: Masarykova univerzita.

ДАНУТА БУДНЯК

Польша, Седльце

АЛГОРИТМ ИССЛЕДОВАНИЯ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА КАК КОЛЛЕКТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБМЕНЕ ИНФОРМАЦИЕЙ РУССКИХ И УКРАИНЦЕВ

ABSTRACT:

The Algorithm of Analyzing Texts in Newspapers as a Collective Intellect in Exchange of Information between Russians and Ukrainians

Texts placed in newspaper, as an intellect of collective work, contain lots of diverse information. The focus is on design and semantics analysis, design and sociolinguistics, linguistics and psychology. The text of newsprint, as an intellect of collective work, is a system linking people through the information. The paper presents the Russian's and Ukrainian's texts by: a) the way of expression; b) the order of words in a sentence; c) usage of the word. In the presented texts three properties have been distinguished: the concept, the meaning and the text

KEY WORDS:

Newspapers' text – pragmatic-stylistic analysis – information – text synthesis – socio-cultural facts of the Russians and Ukrainians – communication sphere – communication system.

Газетный текст как Коллективный Интеллект содержит массу разнообразной информации. Здесь и история, и культура, и социум. Для исследования берутся два текста – на русском и украинском языках. Например:

«Их видишь везде. Они, бесспорно, важный элемент столичного пейзажа. Ими помечены все переходы. Сквозь их «почётный караул» проходишь всегда, куда бы не ехал в метро. Их функция проста и необходима – обнажать истинное лицо города, показывать скрытые под блестящим паркетом чиновничьих кабинетов гримасы украинской жизни. Они – попрошайки». [ТОВАРИЩ, газета на русском языке. в.№ 30 (512) 25-31 июля 2002 г. с. 1]. «Їх бачиш усюди. Вони, безперечно, важливий елемент столичного пейзажу. Вони позначають усі переходи. Крізь їх «почесний караул» проходиш завжди, куди б не їхав у метро. Їхня функція проста й необхідна – розкривати справжнє обличчя міста. показувати приховані під блискучим паркетом чиновниць-

ких кабінетів гримаси українського життя. Вони – жebraки». [ТОВАРИШ, газета на украинском языке, в. № 30 (512) 25-31 липня 2002 р., с. 1].

В центре внимания прагматико-стилистического анализа газетного текста, то есть такой единицы общения и коммуникации, где перекрещиваются интересы стилистики и семантики, стилистики и социолингвистики, лингвистики и психологии, прагматики, оказывается отношение «отправитель–цель сообщения–сообщение – способ передачи сообщения – получатель», где сообщение-текст выступает как источник смысловой, стилистической, социальной и прагматической информации, а получателем является массовый читатель, восприятие текстового материала которого строго мотивировано и целесообразно.

Как видим, газетный текст даёт нам возможность использовать самую разную информацию. Рассмотрим, например, и такую. В текстах под заглавием: «*Нужно прекратить искать виноватых в глубинах истории*» – «*Перестанемо шукати винних у глибинах історії*» – отмечается ядро основной мысли – основной предмет отображения: «*Авторы несколько наивно ожидали также каких-то немедленных и материальных результатов визита Папы Иоанна Павла II в Украину. Так не бывает. Однако, несмотря на это, значение этого визита для нашей страны трудно переоценить. Потому что украинский народ вообще и православные люди, в частности, переступили наконец «магический» круг исторических суеверий, не побоялись церковно-политического (когда-то такого могущественного) российского табу и действительно ощутили себя – хотя бы на мгновение – свободными европейскими людьми. Визит какого другого человека мог сделать с нами подобное?» [День, газета № 136, 31 июля 2002 г., с. 5]. «*Автори децю наївно очікували також якихось негайних і матеріальних наслідків візиту Папи Івана Павла II до України. Так не буває. Попри це, значення цього візиту для нашої країни важко переоцінити. Бо український народ взагалі й православні люди зокрема переступили, зрештою, «магічне» коло історичних забобонів, не побоялися церковно-політичного (колись такого могутнього) російського табу і дійсно відчували себе – хоч на мить – вільними європейськими людьми. Візит якої іншої людини міг вчинити таке з нами?» [День, газета № 136, 31 липня 2002 р., с. 5].**

Задачей настоящего сообщения является показать, какими средствами реализуется связность газетного текста религиозного содержания. Газетный религиозный текст обладает особой связностью, формально выраженной специальными языковыми средствами, которые целесообразно квалифицировать по следующим признакам:

а) по способу выражения – «*переступить магический круг исторических суеверий, не побояться церковно-политического российского табу*» – «*переступити магічне коло історичних забобонів, не побоятися церковно-політичного російського табу*»;

б) по направлению связи – «значение этого визита для нашей страны трудно переоценить» – «значення цього візиту для нашої країни важко переоцінити»;

в) по расположению – «ощутить себя – хотя бы на мгновение – свободными европейскими людьми» – «відчути себе – хоч на мить – вільними європейськими людьми»;

г) по употребительности – «ожидать каких-то немедленных и материальных результатов визита Папы» – «очікувати якихось негайних і матеріальних наслідків візиту Папи».

«Формирование» текста в этом случае может быть разделено на три группы в зависимости от степени неопределённости ситуации и задачи [Богуславская 2001]. Предназначение любого газетного материала – информация и воздействие. В разных материалах эти функции выступают в разных соотношениях, имеют разный «вес». Приоритет той или иной функции определяется двумя основными факторами: *своеобразием жанра публикации и задачами его автора*. Одно из средств реализации каждой из этих функций – директивные высказывания, как «непосредственно-директивные», так и «опосредованно-директивные» (косвенные способы выражения распоряжений, рекомендаций и т. п.).

1. Задачи синтеза текста – определение концептуального представления текста, стратегии его формирования. Так, точка зрения на стратегию поведения в эпоху катастроф соответствует ситуации с минимальной степенью определённости, когда существует некая общественная или личная потребность, но с чем она связана, и каким способом ее удовлетворить – неизвестно: «*Не знаю, какому неучу первому пришло в голову «гонять адреналин», но последователей у него оказалась тьма-тьмуца. В столице даже вывесили рекламные щиты, призывающие к этому, а по радио и на телевидении не только звучат призывы, но и разработаны технологии такой гонки. Адреналин – гормон. По-гречески означает «привожу в движение», «побуждаю», а адреналин побуждает к расходу энергии: ускоряет обмен веществ в организме, увеличивает содержание сахара в крови, повышает кровяное давление, учащает дыхание, сердцебиение и др. Связь гонки адреналина с ростом сердечно-сосудистых заболеваний и диабетом напрашивается сама собой» [День, № 136 (1397), с.5]. «Не знаю, якому неку першому спало на думку «ганяти адреналін», але послідовників у нього виявилось безліч. У столиці навіть вивісили рекламні щити, що закликають до цього, а на радіо та телебаченні не тільки звучать заклики, але й розроблені технології такої гонки. Адреналін – гормон. Грецькою гормон означає «надаю руху», «спонукую», а адреналін спонукуює до витрати енергії: прискорює обмін речовин в організмі, збільшує вміст цукру в крові, підвищує кров'яний тиск, учащає подих, серцебиття та ін. Зв'язок гонки адреналіну із зростанням серцево-судинних захворювань і діабету напрашується сам по собі». [День, № 136 (1397) с. 5].*

2. В вышеприведенных текстах выделяются три особенности: *концепт – смысл – текст*, реально выраженные через две стороны – *содержание и форму* в русском и украинском языках. Задачи частичного синтеза – определение смыслового содержания будущего текста, тактических вариантов его формирования – можно рассматривать и как факт формальной структуры текста, и как явление семантическое, прагматическое и даже семиологическое, включающее как соседние части данного текста, так и ситуацию, благодаря которой возникает новое значение: *«Два события, случившиеся с недельным интервалом, дают основания полагать, что украинским специалистам стоит-таки поработать с их российскими коллегами в совместной комиссии по согласованию учебников истории. Слишком уж бескомпромиссными и консервативными оказались россияне в том, что касается прошлого Украины. Ни на шаг не отступили они от догматов времён Российской империи в её монархической и коммуно-советской формах»* (Будет ли у нас общий с Россией букварь?) [День, №128, с. 4]. *«Дві події, що сталися з тижневим інтервалом, дають підстави вважати, що українським фахівцям варто-таки попрацювати з їхніми російським колегами у спільній комісії з узгодження підручників історії. Надто вже безкомпромисними й консервативними виявилися росіяни в тому, що стосується минулого України. Ні на крок не відступили вони від догматів часів Російської імперії в її монархічній і комуні-радянській формах»* (Чи буде в нас спільний із Росією букварь?) [День, № 128, с. 4].

Как видим, газетный текст позволяет использовать самую разную информацию. Но в любом случае обязательным остаётся одно условие: *целостность всех смысловых блоков в пределах одного текста*. Когда нарушение целостности носит случайный, не предусмотренный журналистом характер, текст становится непонятным.

Если схематично представить соотношение смысловых блоков некоторого газетного текста, можно не только высказать отдельные замечания о его содержании (которые, кстати, могут оказаться и не всегда убедительными), но точно и максимально объективно оценить достоинства и недостатки фактического материала и авторской концепции, особенности смысловой структуры текста, степень его понятности. Схематичное изображение основных элементов содержания текста назовём *логической схемой*. Рассмотрим такую схему в газетном тексте.

Корни интеллекта объединяют смысловое содержание текста и заданный текст, это:

гость дня – гість дня, панорама дня – панорама дня, в конце дня – наприкінці дня, почта дня – пошта дня, общество – суспільство, полемика – полеміка и др.

Постановка задачи лингвосоциокультурного моделирования русских и украинских газетных текстов предусматривает введение следующих пространств, в которых задаются свойства.

«Пространство коммуникации»: *В Исландии Олег Орлянкин слушал тишину. «Оператор телеканала «Интер» Олег Орлянкин жалеет, что его*

камера не может передать той изумительной абсолютной тишины, которой он наслаждался на безлюдных плоскогорьях Исландии... – Вот только украинцев не встретили, – говорит Олег. – Но думаю, сюжеты в воскресных выпусках «Уик-энда» заинтересуют наших земляков, и они тоже поедут посмотреть первозданную красоту этой земли». [Вести, Ежедневная газета, №№ 172-173 (2302-2303) 25 июля 2002 года, с. 13]. В Ісландії Олег Орлянкін слухав тишу. «Оператор телеканалу «Інтер» Олег Орлянкін шкодує, що його камера не може передати тієї дивовижної тиші, якою він насолоджувався на безлюдних плоскогір'ях Ісландії. – От тільки українців не зустріли, – каже Олег. – Але, думаю, сюжети в недільних випусках “Вікенду” зацікавлять наших краян, і вони теж пойдуть подивитися на первозданну красу цієї землі». [Вісті, Щоденна газета, №№ 173-173 (2032-2303) 1 серпня 2002 року].

В приведенном высказывании видно, что идея и основная мысль (установочный тезис) как бы замыкают, объединяют всё содержание речевого сообщения. В идее конденсируется авторская сверхзадача, задаётся тот ракурс, в котором описываются и оцениваются некоторые явления. Основная мысль очерчивает круг этих явлений. Она является свёрнутым, сжатым выражением общего содержания текста.

К основным элементам общего содержания относится также система уточняющих (развивающих) тезисов. Они развёртывают основную мысль, углубляют её, дают авторское осмысление исходного круга явлений. Если текст имеет проблемный, аналитический характер, один из развивающих тезисов отражает результат исследований исходной ситуации как оценку. Основой этой системы уточняющих тезисов, её стержнем является *идея, цель сообщения*. В обычном разговоре (разговор «о том о сём»).

В текстах же массовой информации она должна быть максимально чётко определена (даже интервью – если оно профессионально – по сути сохраняет только видимость смысловой свободы, широты), хотя идея почти никогда не задаётся с самого начала, даётся только общее направление, по которому предполагается развитие речевого общения русских и украинцев.

Таким образом, Коллективный Интеллект – это система, соединяющая людей информационными связями, система, благодаря которой отдельным лицам становятся доступны и общие знания, и возможность конкретным «индивидуальным разумам» вносить вклад в общее представление об окружающем мире [Моисеев 1993: 32–36]. В результате функционирования коллективной информационной системы неизбежно возникают общие оценки происходящего, что, в свою очередь, фокусирует усилия людей, объединяет их действия, оказывает определённое влияние на формирование общечеловеческого менталитета.

В конечном счёте, Коллективный Интеллект – это система, позволяющая формулировать коллективные решения.

«Коллективный Интеллект и память – единственная форма коллективной собственности, при использовании которой всеми членами общества

происходит только её накопление. Очень хорошо сказал по этому поводу Б. Шоу: «если я возьму у тебя яблоко, то у нас и останется яблоко, если же я возьму у тебя идею, то у нас будет уже две идеи. Общество, человечество объективно заинтересованы в том, чтобы как можно больше таких «собственников» эксплуатировали подобное коллективное достояние. И не дай Бог, чтобы эта коллективная собственность – мудрость и знания – была приватизирована некой кастой «жрецов», как было в древнем Египте». [Моисеев 1993: 33]

Таким образом, обобщённый алгоритм исследования газетного текста как Коллективного Интеллекта в обмене информацией русских и украинцев можно подытожить следующим образом:

– в свете современных представлений анализ газетного текста представляет собой:

- социокультурные факты русских и украинцев;
- индивидуальные личностные факторы;
- особые факторы ограничения (тип текста).

Исследовать газетный текст при таком подходе означает научиться «читать» общество как текст, определить, “что порождает нечто”. При этом возникает возможность любой газетный текст представить как некую организованную структуру взаимодействующих элементов – знаков в исследуемых языках, имеющую в своей основе исходную мотивационно-целевую доминанту, т. е. интенцию.

Язык человека – это единственная коммуникативная система, позволяющая накапливать и передавать абстрактные понятия и идею высшего начала жизни. А человек – единственный вид в живой природе, которому «приходит в голову» говорить о высшем начале жизни.

При исследовании такой многогранной проблемы, как происхождение человеческого языка, автору данной статьи представляется необходимым ответить на вопрос о том, какие причины заставили архаических людей «заговорить» на человеческом языке, качественно отличном от сигнальных систем животного мира. При таком подходе важно исследовать не только материальные истоки языка, т. е. из какого «материала» он формировался, но и его ментально-эмоциональные истоки, т. е. каковы были *ментальные и эмоциональные предпосылки* зарождения языка как одного из ключевых феноменов человеческой культуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ:

Вести, Ежедневная газета, №№ 172-173 (2302-2303) 25 июля 2002 года, с. 13.

Вісті, Щоденна газета, №№ 173-173 (2032-2303) 1 серпня 2002 року.

День, газета № 136, 31 июля 2002 г., с. 5.

День, газета № 136, 31 липня 2002 р., с. 5.

День, № 128, с.4.

Товарищ, газета на русском языке. в.№ 30 (512) 25-31 июля 2002 г. с. 1.

БОГУСЛАВСКАЯ, В.В. (2001): *Особенности методологии лингвосоциокультурного моделирования журналистских текстов* In: Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Воронеж: ВГУ, Вып. 5–6 (26–27), с. 97–102.

МОИСЕЕВ, Н. Н. (1993). *Информационное общество: возможности и реальность*. Журнал «ПОЛИС». «Политические исследования». Начало. Назад. 1993, с. 32–36.

ДАРЬЯ ВАЛЕНТИНОВА

Чехия, Оломоуц

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ»)

ABSTRACT:

**The Terminologization and Determinologization in Contemporary Russian
(Demonstrated Using the Dictionary of New Russian Vocabulary and Terminology)**

Vocabulary is the most flexible, vivid and changeable part of the language. It reflects everything that is happening in the real world. Vocabulary can constantly grow because of new words and meanings, which are constantly developing by different means. This ability of growing is one of the main traits of the language itself. Terminology is one of the main sources of vocabulary replenishing, especially nowadays – when the mass media help to spread new words and terms and bring them into our everyday communication.

KEY WORDS:

Terminology – dictionary – term – vocabulary – loan words – internal loan-word – external loan-word – terminologization – determinologization – transterminologization.

Словарный состав – наиболее проницаемая, изменчивая и подвижная часть языка, которая непосредственно реагирует на то, что происходит в мире реальный, в ней отражаются наши представления о различных явлениях внеязыковой деятельности.

Н. С. Валгина [2001: <http://www.hi-edu.ru>] считает, что отличительной чертой лексической системы языка является её непосредственная обращённость к реальной, постоянно изменяющейся действительности. Стремительный рост словарных фондов многих языков она связывает с постоянно увеличивающимся объёмом знаний современного человека. В ходе языковой эволюции используется содержательно-смысловой потенциал, заложенный в самом словарном составе: изменение значений слов, переосмысление, наращение новой семантики, стилистические переоценки слов – все это также значительно расширяет и обогащает лексический состав языка, усиливает его потенции. Про-

цессы словотворчества, заимствования новых лексем тесно связаны с процессами внутриязыковыми. Появление новых слов и словосочетаний, в которых находят отражение явления и события современной действительности, стимулирует и внутриязыковые процессы.

Среди **внешних причин** изменения лексического состава языка обычно называют такие социальные явления, как, например, развитие науки и техники, расширение международных контактов, изменения в экономической, политической жизни. Но существуют и **внутренние причины** изменений, вытекающие из внутренней сущности объекта – самого феномена языка.

Внутриязыковые заимствования представляют собой переход лексических единиц (часто – целых пластов лексики) из одной категории в другую: из малоупотребительной – в разговорную, из стилистически окрашенной – в нейтральную, из научной – в повседневную и т.д. Эти языковые процессы в большей или меньшей мере протекали в языке всегда. Но в настоящее время – с ускорением «темпов» нашей жизни, с развитием науки и техники – эти процессы становятся более активными и более явными, заметными для носителей языка.

Нам представляется, что одним из наиболее открытых источников заимствований для литературного языка является сфера терминологии, которая благодаря СМИ всё больше проникает в нашу повседневную жизнь. **Детерминологизация** как процесс всегда была связана с теми периодами в жизни русского языка, когда он особенно активно впитывал в себя иноязычное слово, а также – с периодами активных реформ и изменений в общем укладе жизни. По подсчётам специалистов, в словарях, фиксирующих неологизмы таких языков, как русский, английский, французский, чешский и т.д., термины составляют от 50 до 80 % новых слов и значений. Это значит, что в последние годы лексика этих языков пополняется в значительной степени за счёт терминов [Лейчик 1983: 118–127]. Как считает В. П. Даниленко, современные науки, производство, техника, международные контакты, – всё это приносит в язык огромное количество новых наименований, в частности, терминологических, из всех сфер научной жизни [Даниленко 1971: 7].

Появляются и развиваются новые дисциплины, особенно их много в смежных областях знания, которые дали новый набор терминологической лексики, однако приемы освоения терминов общелитературным языком сохранились прежними – это **расширение смысла специальных слов за счет включения их в бытовые и публицистические контексты**.

Целью данной статьи является не только ознакомление читателей с новым «Словарём новой русской лексики и терминологии» [<http://www.rusistika.upol.cz/pdf/slovník.pdf>], но и рассмотрение на примере избранных словарных статей этого словаря некоторых терминологических единиц, недавно пришедших в современный русский язык. Словарные статьи приводятся в том виде и составе, в каком они представлены в электронной версии «Словаря»: словарная статья содержит, помимо заголовочного слова, также перевод на чешский язык, примеры употребления в русском языке и ссылку на источник контекста.

1) **КОММУНИЦИРОВАТЬ**¹ *komunikovat*

► Когда находишься в Пуццино, возникает желание общаться, коммуницировать, связываться с огромным миром, который за лесом (Викисловарь).

КОММУНИЦИРОВАТЬ² *spolupracovat*

► Возможно ли коммуницировать через USB-iPad vs PC-iPad форум. 14 июня 2010 ... Добрый день Меня интересует возможность общения между собой программы на айпаде с программой на локальном пк к которому айпад подключен ... (ipaded.ru/forum)

КОММУНИЦИРОВАТЬ³ *sdělit, dát komu informaci*

► 24 ноября 2005 г. суд принял решение направить уведомление Правительству по поводу вышеуказанных доводов жалобы компании-заявителя (коммуницировал жалобу). (ЕС, Булвес-Болг)

В нормативных словарях русского языка слово коммуницировать отсутствует. А интернет между тем предлагает нам множество примеров его употребления. Из этих контекстов становится ясно, что слово является широко употребительным, а его значение при этом довольно размыто, он обозначает любые действия, связанные с коммуникацией (словом, давно заимствованным и ассимилировавшимся в русском языке). Поэтому в «Словаре» выделено несколько значений данного слова.

2) **НЕРЕЗИДЕНТ** *nerezident*

► В спорный период лицо (юридическое или физическое, резидент или нерезидент), налогооблагаемый оборот которого за предшествующий 12-месячный период превысил 75 000 BGN (EUR 38 461), должно было пройти регистрацию в целях уплаты НДС (раздел 108). (ЕС, Булвес-Болг)

► Для тех, кто заботится о безопасности своего бизнеса и предпочитает конфиденциальность операций со средствами, предлагаем открытие счета нерезидентам в любых иностранных банках. (goodwin-gmccom)

Это слово изначально представляет собой термин гражданского права (*юридические, физические лица, действующие в одном государстве, но постоянно зарегистрированные и проживающие в другом*). Однако частотность его употребления в современной прессе и публицистике (а также – в повседневной финансовой документации) настолько высокая, что мы можем говорить о его проникновении в литературный язык.

3) **ДИФФАМАЦИОННЫЙ** *klevetnický, pomlůvačnŭ*

► Австрийские суды сосредоточились на выяснении вопроса, являются ли фразы, которые ставятся в вину г-ну Лингенсу, объективно диффамационными, и определили, что некоторые из использованных выражений и в самом деле носили порочащий характер: «низкопробный оппортунизм», «аморальный», «недостойный». (ЕС, Лингенс-Австр)

► После того, как диффамационный иск поступает в суд, последний заслушивает юридические возражения ответчика по жалобе в форме «ходатайства об отклонении жалобы». (library.cjes.ru)

Это слово обладает пока наибольшей «терминологичностью» из всех приведённых примеров, т.к. пришло в литературный язык из языка юридических текстов. Однако оно всё чаще встречается в публицистических текстах, и через них – проникает и в общелитературный язык. Например: «на красноярском телеканале «ОРТВ-34» был показан явно диффамационный и не соответствующий действительности сюжет» [<http://www.krishna.ru/news/world-news/2246-q-----34q----.html>].

Внутриязыковые заимствования – процесс естественный и постоянный. Высокая распространённость СМИ, возрастающая доступность интернета в наши дни увеличивает скорости и глубину взаимного проникновения различных пластов языка, упрощает и усиливает взаимодействие между ними.

Говоря о внутриязыковых заимствованиях, стоит упомянуть не только о заимствованиях из специальных сфер языка в общеупотребительную, но и о заимствованиях **обратных – из общеупотребительного языка в терминосистему**, а также – о переходах лексических единиц **из одной терминосистемы в другую**.

Терминологизация – это адаптация слова общеупотребительного языка в терминосистему в результате его семантической конверсии. Иными словами – это приобретение словом свойств термина. Изменение семантической структуры слов общего употребления связано с «разрешающей силой системы языка – возможностью порождать новые слова таким способом, а также с действием внешних системообразующих факторов, которые способствуют включению тех или иных слов в терминологическую систему» [Хижняк 1997: 86]. **Транс-терминологизация** – т.н. «вторичная терминологизация», под которой понимается перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним [Хижняк 1997: 86]. Возникновение переосмысленных терминов других отраслей знания – явление сравнительно позднее для русской юридической терминологии (конец XIX – начало XX века).

Рассмотренные приемы употребления терминологической лексики отражают общие тенденции в языке, они естественны и наблюдаются в истории развития языка в те эпохи, которые связаны с радикальными изменениями и быстрым развитием общественной жизни.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВАЛГИНА, Н. С. (2001): *Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие*. Москва: Логос, 2001. // Электронное издание: <http://hi-edu.ru/e-books/xbo0050/01> (29.05.2011).
- ДАНИЛЕНКО, В. П. (1971): *Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов*. In: Исследование по русской терминологии, М.
- ЛЕЙЧИК, В. М. (1983): *Новое в Советской науке о терминах (обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР)*. In: Вопросы языкознания, №5.
- Словарь новой русской лексики и терминологии*. // Электронное издание: <http://www.rusistika.upol.cz/pdf/slovník.pdf>
- ФОМИНА, Л. Ю. (2007): *Нормативная правовая терминология: современное состояние и вопросы унификации* // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. Кемерово-Барнаул, 2007.
- ХИЖНЯК, С. П. (1997): *Юридическая терминология: формирование и состав*. Саратов.

ВАН И-ЦЗЮНЬ (WANG YI-CHUN)

Тайвань, Тайбэй

РУССКОЕ ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО ОТ АНГЛИЙСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ

ABSTRACT:

Russian Words Derived from English Loanwords

The main object of this article discussed about the word family constituted from loanwords and derivative words. The positiveness and systematicness of the process in wordbuilding from investigate of derivative words could demonstrate high-level integration of word families. The article also mentioned the manner of Russian wordbuilding based on English loanwords and the potential of derived stem from English loanwords.

KEY WORDS:

English loanword – derivative word – word family.

1. Русский язык рубежа XX–XXI вв. характеризуется активным освоением лексических единиц из английского языка и активизацией словообразовательных процессов в сфере англоязычных заимствований. Ученые связывают напряженные темпы языковой динамики с меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок [Валгина 2001: 8]. Л. П. Крысин отмечает, что словообразовательные производные демонстрируют *словообразовательную активность иноязычного слова* (выделено нами – Д.В.), которая является одним из показателей укоренения его в русском языке [Крысин 2010: 16]. Производящее англоязычное слово и образованная от него лексема создают словообразовательное гнездо. По словам А. Н. Тихонова, особое значение приобретает анализ словообразовательных гнезд, которые, «играют исключительно важную роль в системной организации словообразования» [А. Н.Тихонов 1982: 6]. По мнению Ю. С. Маслова, среди заимствованной лексики выделяется особый класс так называемых интернационализмов, т.е. слов и строительных элементов словаря, получивших распространение во многих языках мира [Маслов 1998:

205]. В данной статье материалом исследования послужили англоязычные заимствования, выбранные из словарей, а также материалов глобальной сети Интернет. В ходе исследования фактического материала были выявлены 492 лексические единицы, послужившие производящей базой для тех производных слов, которые составили около 730 лексем.

2. Анализ материала показал, что производные лексемы чаще всего образуются в пределах четырёх частей речи: существительного (*дизайнер* (*дизайн* [англ. *design*]), *креативность* (*креативный*)), глагола (*чатиться* (*чат*), *кликать*, *кликнуть* (*клик*)), наречия (*экслюзивно* (*экслюзивный*)) и прилагательного (*пилотный* (*от пилот*)). Рассмотрим одну из них подробнее. При образовании имён прилагательных очевидна продуктивность таких суффиксов, как *-н(-онн/-ин/-йн)*, *-ск(-ическ/-овск)*, *-ов/-ев-*. Например: *интерфейсный* (*интерфейс*), *навигационный* (*навигация*), *девелоперский* (*девелопер*), *панковский* (*панк*) и т.д. Можно отметить, что прилагательные с суф. *-н-* и *-ов-* способны к самым разнообразным конкретизациям в контексте. Например, прилагательные с суффиксом *-н-*:

‘предназначенный для того, что названо мотивирующим словом’: *чартерный* (*чартер*) – **Чартерный** рейс Вашингтон – Москва прилетел в бизнес-терминал Внуково-3 точно в обещанное время... [«Газета», 05.01.2003; НКРЯ];

‘состоящий, сделанный из того, что названо мотивирующим словом’: *йогуртный* (*йогурт*) – **Чтобы вместо жиров производители не положили в продукт побольше сахара и консервантов – для вкуса. Обозвав всё это, к примеру, йогуртным или сметанным продуктом.** [«АиФ-Петербург», № 21, 25.05.2011].

3. В последние десятилетия отмечается активизация изучения компонентов структуры словообразовательного гнезда – словообразовательные парадигмы и словообразовательные цепочки. В составе словообразовательного гнезда отмечены разветвлённые словообразовательные парадигмы, которые представлены разными способами словообразования.

панк [англ. <i>punk</i>]		<i>панк-ова-ть</i>		диспетчер [англ. <i>dispatcher</i>]		<i>диспетчер-изация</i>
		<i>панк-овск-ий</i>				<i>диспетчер-ск-ий</i>
		<i>панк-ов-ый</i>				<i>диспетчер-ск-ая (сущ.)</i>

Англоязычные слова и их производные слова, связанные отношениями последовательной производности, представляют собой словообразовательную цепочку. Чем дальше от исходного слова цепочки какое-нибудь входящее в нее мотивированное слово, тем выше ступень его мотивированности [РГ-80 1: 133]: *гламур* [англ. *glamour* обаяние, чары; роскошь, шик] **гламурный гламурно.**

В последнее время гнезда активно пополняются за счет окказиональных и потенциальных образований. Новые производные слова образуются и входят в речевое употребление не постепенно, а стремительно, одномоментно, «когда в соответствии с потребностями языкового коллектива, в связи с актуализацией того или иного понятия, в речевой обиход обрушивается сразу громозд-

кое словообразовательное гнездо» [Скляревская 2001: 180]. Так происходит с гнездом с вершиной **пиар**. Слово **пиар**, имеющее открытый ряд, содержит более шестнадцати дериватов. И. Левонтина отмечает, что оно распространилось в русском языке с рекордной скоростью и дало выразительные, но мало-симпатичные производные – *пиарщик*, *пропиарить*, *отпиарить* и т.д. [Левонтина, 2006; <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12-pr.html>].

пиар [англ. PR, сокр. Public relations]		<i>пиар-овск-ий</i>		
		<i>пиар-изация</i>		
		<i>пиар-и-ть</i>	<i>пиар-и-ть-ся</i>	
			<i>про-пиар-и-ть</i>	<i>про-пиар-и-ть-ся</i>
			<i>от-пиар-и-ть</i>	<i>от-пиар-и-ть-ся</i>
			<i>рас-пиар-и-ть</i>	<i>рас-пиар-и-ть-ся</i>
		<i>пиар-н-ый</i>		
		<i>пиар-щик</i>	<i>полит-пиар-щик</i>	
		<i>пиар-овец</i>		
		<i>пиар-о-логия</i>	<i>пиар-о-лог</i>	

4. Анализ выявленных нами 492 лексических единиц, послуживших производящей базой для более чем 730 производных слов, позволил сделать следующие выводы. В исследуемом материале самыми высокопродуктивными являются суффиксы **-н(-онн/-ин/-йн)** – 174 производных слова первой ступени и **-ск(-ическ/-овск)** – 134 производных слова первой ступени. Участвуя в словопроизводственном процессе и входя в состав словообразовательных гнезд, большая часть англоязычных слов имеет высокую степень словообразовательной ассимиляции – прежде всего, с использованием аффиксального материала языка-реципиента. Заимствования из английского языка демонстрируют высокую степень их интеграции в словообразовательную систему современного русского языка [Никитин 2010: 12–13], что проявляется, в частности, в формировании этими заимствованиями словообразовательных гнезд. Гнездовой подход к описанию заимствований оказывается весьма эффективным, поскольку позволяет наглядно представить словообразовательные и мотивационные отношения между компонентами гнезда. Многие из производных находятся на границе потенциальных и узуальных слов, и словообразовательные гнезда находятся в постоянном движении.

В этой статье рассмотрены не все, а лишь актуальные и распространенные явления и процессы, наблюдаемые в сфере словообразования современного русского языка. Можно сказать, что словарный состав современного русского языка пополняется заимствованными словами и их производными, демонстрируя устойчивость и развитость словообразовательной системы и гибкую реакцию на актуальные процессы и социальные перемены в современной России.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ:

ВАЛГИНА, Н. С. (2011): *Активные процессы в русском языке*. М., 304 с.

ЛЕВОНТИНА, И. (2006): *Шум словаря* In: Знамя. № 8., с. 197–207. <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/le12-pr.html>

- НИКИТИН, Д. С. (2010): *Структурно-функциональные особенности иноязычных заимствований в тексте современной газеты*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль. 193 С.
- МАСЛОВ, Ю. С. (1998): *Введение в языкознание*. Изд. 3-е. М., 272 с.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (2001): *Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы* In: Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул.
- ТИХОНОВ, А. Н. (1982): *Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования*. In: Актуальные вопросы русского словообразования: Матер. науч. конф. Ташкент.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (гл.ред.) (1980): *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения* / Под ред. Г.Н. Складервской. – СПб., 1998.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / Под ред. Г. Н. Складервской. – М., Эксмо, 2008.
- Толковый словарь иноязычных слов* / Под ред. Л.П. Крыкина. – М., 2010.
- Oxford Advanced Learner's English-Chinese Dictionary» Seventh edition, A.S. Hornby (Seventh edition), Oxford University Press, 2008.
- НКРЯ – электронный ресурс [сайт] «Национальный корпус русского языка РАН»; <http://www.ruscorgora.ru/search-main.html>
- Аргументы и факты* – Петербург, № 21, 24.05.11; <http://www.spb.aif.ru/economic/article41556>

Данная статья выполнена при поддержке National Science Council of Taiwan (грант NSC 100-2410-H-034-029)

МОНИКА ВОКУРКОВА

Чехия, Оломоуц

РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДЕТЕКТИВАХ ДАРЬИ ДОНЦОВОЙ

ABSTRACT:

Colloquial Speech Elements in the Detectives by Darya Dontsova

Darya Dontsova created a specific style in her books. It is based on colloquial language and humour arising from ordinary life situations. The language of Darya Dontsova's ironic thrillers imitates colloquial/vernacular speech, i.e. emulates spontaneously expressed dialogues. The imitation of colloquial speech takes place on all the language levels – phonetic, morfological, lexical and syntactic, creating a literary illusion of real casual communication.

KEY WORDS:

Russian language – colloquial language – colloquial expressions – colloquial syntax – detective novel – dialogue – Darya Dontsova.

Иронические детективы Дарьи Донцовой с самого начала их появления на книжном рынке пользуются большой популярностью. Чем они привлекают интерес читателей со школьного до пенсионного возраста? Чем они отличаются от остальной продукции детективного жанра? Ведь сюжеты детективов Донцовой не отличаются оригинальным подходом, они строятся на тех же интригах, тех же ситуациях и преступлениях, как и романы других авторов детективов. Герои обычно ведут себя в соответствии с известными стереотипами. Не встречается их подробная, глубинная психологическая характеристика и мотивация к деятельности. Однако, вопреки тому, иронические детективы Д. Донцовой издаются многотысячными тиражами. Причиной такого положения вещей является, несомненно, тот факт, что средний читатель, уставший от повседневности и своих проблем, хочет отдохнуть и развлечься. Д. Донцова умеет шутить над повседневностью. В своих текстах она использует большинство художественно-изобразительных, чаще всего разговорных средств, посредством которых создает ироническую окраску. Их основу составляют ссылки на реалии современной жизни, в частности, ироничное описание ее проблем. Читатель переживает с персонажами детективов те же самые ситу-

ации, с которыми вынужден бороться в повседневной жизни сам. Примером может служить диалог персонажа с навигатором (в последствии в диалоге «собеседников» принимает участие по недоразумению также полицейский):

– Намечаю новый путь, – неожиданно перестал спорить навигатор. – Вперед до перекрестка! – Отлично. – До поворота пятьдесят метров. – Ясно. – До поворота тридцать метров. – Супер. – Налево. – Мне надо направо, – растерялась я. – Налево. – Но там дом! – Налево, – упорно талдычил «штурман»... – Едем! – приказал навигатор. Я совершила полный оборот и удивилась. И куда будем поворачивать? Коробка молчала. Пришлось повторить маневр – и снова тишина. – Эй, ты умер? – крикнула я. Гашиник лениво выпрямился и уставился на меня... (Ф-ш: 70,72).

Разговорный стиль детективов Донцовой возникает в большинстве случаев на основе устной речи и языковых игр, поддерживаемых переплетением новых слов с разговорными элементами и жаргонной лексикой. Ср.:

Вон Катька Козлова никем была, голь перекатная, а разбогатела, парикмахерскую выкупила, «Паоло» открыла, теперь гребет деньги лопатой, а я? Стою над головой, копейки имею! Это только кажется, что богатые клиенты щедрые, вовсе нет. Фиг вам! Ерунду платят, сами сидят в брюликах, сумочки по тысяче долларов носят, косметики на морде на миллион, перед салоном джип стоимостью в трехкомнатную квартиру припаркован, а мастеру суют пятьдесят рублей. (Кко: 211).

В иронических детективах Д. Донцовой субъектом речи всегда бывает рассказчик – детектив, поэтому повествование ведется в форме первого лица. Детектив, описывая действие, пользуется общеупотребительной лексикой, к которой присоединяется пласт лексических и фразеологических единиц с разговорной и просторечной окраской. Выше указанное составляет основание детективов в целом.

В книгах Д. Донцовой можно выделить несколько планов, в которых принимают участие средства разговорной речи. Самым главным планом является план общения одних персонажей с другими. Ср.:

<...> – Похоже, вы тут всеседатой, что здесь самое хорошее? – Э...ну...да... -Осетрина? Или мясо? А может, паста с грибами? Кстати, отдайте мобильный.<...> (Ф-ш: 208).

Далее можно выделить мысли персонажей – главным образом, внутреннюю речь детектива-рассказчика и несобственно-прямую речь. Ср.:

<...>Мое детство было похожим, разве что обитали мы в крохотной двухкомнатной квартирке без соседей. Кстати, мне пришлось хуже, чем Саше, мачеха Раиса любила закладывать за воротник и «накушавшись», начинала драться всем, что попадало под руку.<...> (Кко: 209).

Имеется также авторский план повествования, который выражен, главным образом, средствами «авторской разговорности». Она обычно реализуется в виде звукоподражательных и объяснительных глаголов, помещенных рядом с прямой речью: *рявкнуть, забурчать, загрохотать, забубнить, зажурчать, буркнуть*, или в виде сочетания слов, напр.: *хирург вскипел* и др.

Существенное значение в разговорной речи имеет темп речи. Замедление темпа используется как сильное экспрессивное средство для выражения отрицательной оценки [Земская 2004: 216], ср. скандирование типа: *Хочу вырезку, ты поняла? Вы-рез-ку!!!* (Нж: 95), или отрицательных эмоций, ср. напр.: *<...> во всю мощь легких оперной певицы мама заявляла: «Молча-а-ать!»* (Ф-ш: 71). Разговорное произношение некоторых часто употребляемых слов (*здравствуйте, сейчас* и др.) пе-

редается также на письме, ср.: *Щас вторая съемка стартует, я на площадке не нужна* (Ф-ш: 144).

Некоторые разговорные слова отличаются не только своим содержанием, но также формально. Напр., форма собственного имени *Кать*, *Славк*, *Валь*, которую некоторые лингвисты называют современным русским вокативом, отражает редукцию заударного конечного гласного *а*, которая встречается в современном просторечии. Ср.: – *Слышь, Вальк, я там на тумбочке забыла покупки для врачей* (Нж: 148)

Разговорную лексику в общем характеризует активность языковых средств субъективной оценки, оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц всех уровней и фразеологизмов разговорного характера (напр., *получить по башке*, *быть в непонятках*, *лезть в голову*, *упасть с дуба* и др.), ср.: *Наука с трудом лезла в их головы, <...>* (Нж: 75). Оттенки эмоционально-экспрессивной окраски многообразны и обусловлены отношением к называемому явлению. В детективах встречаются разные оттенки экспрессивно-оценочной окраски: оттенки фамильярности (*дедуся*, *мамуля*, *мамашка*) и ласкательности – можно хорошо продемонстрировать на собственных именах: *Тамара – Томочка*, *Тома*, *Тамарочка*, *Томуся* и др.; бранности (*сукин кот*, *блин*, *мерзавец*); иронии (*шмотка*); неодобрения (*рубашонка*); шутливости (*фанатка детективного жанра*, *перец*), ср.: *Первая жена не пожелала жить с пьяницей и упустила богатого перца*. (Ф-ш: 57); презрения (*морда*); пренебрежительности; вульгарности и грубости (*кретинка чертова*, *сука*), ср.: *Полька дрянь, но ее даже бывшие любовники обожают. Сука!* (Ф-ш: 143) и др. Разговорность повествования выражена часто с помощью употребления (иногда) повторяющихся междометий и служебных слов в виде наречий, частиц и местоимений, напр.: *<...> – Ой, ой, ой, я перепутала. Ну надо же, схватила рубашку с тиграми. <...>* (Ф-ш: 113) или *<...>Ну...э...у нее сотового нет!<...>* (Ф-ш: 135) Для устной речи типична замена глагола (действия) глагольным междометием. Ср.: *<...> – Она шла, и он фр-р-р, бух! Бам! Вау! Так заорала!<...>* (Нж: 134)

К разговорной лексике относятся жаргонизмы – слова, свойственные речи отдельных социальных групп, объединенных по какому-либо признаку (возрастному, локальному (место проживания), профессиональному). Примером разговорной лексики жаргонного происхождения могут служить обозначения денег (*баксы*, *гринь*, *бабки* и др.), ср., напр.:

<...> вот я и развлекаюсь, снимаю все вокруг. И тебя запечатлела в момент получения баксов. (Кко: 63)

<...> – Ага, дали мне целых пятьдесят грингов, обычно по десятке дают, <...> (Кко: 64).

<...> – Значит, так, – принялся вспоминать юноша, – пришли, сунули мне бабки и внутрь шмыганули. (Кко: 64)

<...>Еще и бабла срубишь, за эксклюзив репортеры готовы платить. (Ф-ш: 204)

Нужно сказать, что сигналом разговорности является не только активность не книжных средств языка (*кайф*, *офигеть*, *потрах*), ср., напр.: – *А мне нужен плеер, – заявила Суля... – Можно не самый навороченный, – сразу пошла на компромисс Суля, – но лучше белого цвета. А то у всех есть, а у меня фиг!* (Ф-ш: 84), но и большое количество неологизмов, недавно заимствованных из иностранных языков слов в русском языке (*брокер*, *VIP-вход*, *интерьер*). Выше

указанное можно также прекрасно демонстрировать с помощью слов, выражающих оценку: *вау, супер, шоколадно, классно, круто, прикольно* и др. Ср., напр.: <...> *Мишка, правда, на бедного не походит, одевается суперски, часы у него прикольные, перстень такой классный, золотой, толстый.* <...> (Нж: 64).

Рядом с разговорной и жаргонной лексикой находится также научный пласт словарного состава русского языка. Все языковые средства индивидуализируют повествовательный стиль прежде всего как результат социального положения персонажей. Лексико-грамматические языковые средства с разговорно-просторечным стилистическим оттенком являются актуализаторами эмоционального состояния персонажей и рассказчика, их взволнованности, или приспособления речи собеседнику в диалоге. Они выступают в качестве сигналов устной речи, встречаются на протяжении всего повествования и направлены на актуализацию события рассказывания.

Что касается синтаксической организации текстов Д. Донцовой, то здесь мы наблюдаем преимущественное использование формы диалога, в результате необходимости речевого общения наличие неполных синтаксических конструкций – (эллиптированные предложения (*Жду. Ты как?*), нереализация валентности, нулевое употребление глагола-предиката, ср.: – *Я о бабах, клиентках наших, – засмеялась Косарь.* (Ф-ш: 62) и использование модальных, эмоционально окрашенных предложений. В следствие неподготовленности высказывания преобладают простые предложения (в том числе слова-предложения – *Молчать! Верно. Разбили!*), но если встретиться со сложными предложениями, то они обычно бывают бессоюзными сложносочиненными. Широко используемыми являются вопросительные и восклицательные предложения, ср.: *Глупость страшная! Трудно тебе, да? Сложно, да?* (Ф-ш: 109). Синтаксис разговорной речи в иронических детективах характеризуется неполными предложениями, ср.: *Глупая шутка. Может, он Бобик, Рекс или Дружок.* (Ф-ш: 61) и инфинитивными предложениями, парцелляцией высказывания, ср.: – *А как же посылка? Может, лучше подожду? Недолго совсем.* (Нж: 11), вводными словами и словосочетаниями, ассоциативными вставными конструкциями, дополнениями, уточнениями, присоединительными конструкциями. Так как в разговорной речи не существует строгой, логической организации текста, встречается довольно свободный порядок слов, не подвергающийся актуальному членению, но все-таки часто употребляется разговорное рема-тематическое оформление высказываний.

Итак, в результате проведенного нами лингвостилистического анализа иронических детективов Д. Донцовой мы пришли к выводу о том, что, хотя наряду с научными терминами мы находим здесь также жаргонный пласт словарного состава русского языка, язык детективов основан на стилизации разговорной речи, художественной имитации спонтанно развертываемых, устно произносимых диалогов, а также о том, что Д. Донцова создала для своих книг специфический повествовательный стиль, опирающийся на разговорность и юмор.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (2004): *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения.* М. Кко – ДОНЦОВА, Д. (2006): *Концерт для колобка с оркестром.* Москва Эксмо: 2006, 352 с.
 Нж – ДОНЦОВА, Д. (2004): *Надувная женщина для Казановы.* Москва: Эксмо, 2004, 352 с.
 Ф-ш – ДОНЦОВА, Д. (2008): *Фен-шуй без тормозов.* Москва: Эксмо, 2008, 384 с.

АНАСТАСИЯ ВОЛКОВА

Россия, Томск

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ (ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

ABSTRACT:

The Problem of Understanding Advertising and Information Magazine Texts with Foreign Words (Based on Data from a Psycholinguistic Experiment)

Lack of basic communication tactics that implement a strategy for understanding of the advertising and information magazine texts with foreign words, namely, the tactics of definition, interpretation and description, makes an adequate understanding of the text impossible.

KEY WORDS:

Communication tactics – loanword – strategy for understanding – psycholinguistic experiment.

Одним из способов оценить реакцию адресата на использование тех или иных языковых и внеязыковых средств в конкретной коммуникативной ситуации в СМК является психолингвистический эксперимент. По словам Б. А. Плотникова, «сущность психолингвистического метода, используемого в современной лингвистике для исследования плана содержания, заключается в том, что с его помощью предполагается обработка и анализ тех языковых фактов, которые можно получить от информантов, носителей языка, в результате специально организованных экспериментов. План содержания по своей природе психичен, концептуален, поэтому привлечение к его исследованию испытуемых не только правомерное, но и необходимое средство изучения семантики языка в целом и значений отдельных языковых единиц в частности» [Плотников 1984: 177].

Эксперимент, проведенный в рамках нашего исследования, был направлен на оценку рекламно-информационного журнального текста, содержащего иноязычные вкрапления с позиции его успешности/неуспешности.

В процессе анализа журнальных текстов с иноязычными вкраплениями через призму коммуникативного планирования была выдвинута гипотеза о том, что отсутствие в тексте коммуникативных тактик (таких как, тактика дефиниции, описания, перевода, контекстуальной тактики), используемых автором для объяснения значения иноязычного вкрапления, приводит к нарушению адекватного восприятия и понимания информации читателем и является причиной коммуникативной неудачи. Психолингвистический эксперимент был проведен с целью подтверждения этой гипотезы.

Эксперимент был реализован с помощью вопросника (анкеты), составленного с учетом принципиально важных критериев, влияющих на процесс восприятия и понимания рекламно-информационного журнального текста, содержащего иноязычные вкрапления.

I. Личностные критерии: возраст; пол; образование; уровень владения английским языком; знакомство с иноязычным вкраплением;

II. Текстовый критерий: графический способ представления иноязычного вкрапления в тексте (т.е. введение иноязычного вкрапления в текст графическими средствами языка оригинала или русского языка). Например:

*«Традиционные лидеры в классе люкс-гостиниц – Inter Continental u Ritz Carlton (о котором рассказал предыдущий номер «Комильфо») – вынуждены потесниться. **Рейтинг** сети **Small Luxury Hotels of the World** (более 300 отелей) принес ей первое место в рейтинге института **The Luxury**. «Лучший клиент», «лучшее соотношение цена/качество» - такими оценками наградили **SLH** клиенты, обладающие состоянием от одного до пяти миллионов долларов» («Комильфо»).*

Всего вниманию реципиентов было представлено 7 журнальных, небольших по объему, но законченных авторских текстов, содержащих 28 иноязычных вкраплений (от 1-го до 11-х иноязычных вкраплений в одном тексте). Для анализа было предложено дать интерпретацию 12 иноязычным вкраплениям.

Критерии отбора текстов:

1. Наличие в тексте иноязычного вкрапления.
2. Ни в одном из текстов не были использованы основные коммуникативные тактики (в соответствии с представленной в работе типологией), реализующие стратегию обеспечения понимания.
3. Все иноязычные вкрапления, входящие в состав текстов, имеют один источник: заимствованы из английского языка. Включение в вопросник текстов, содержащих исключительно англицизмы (американизмы), обусловлено широкой распространенностью такого вида иноязычных слов в текстах средств массовой коммуникации, а также высоким интересом к изучению английского языка. В связи с этим можно предположить, что наименее трудными для восприятия и понимания являются иноязычные вкрапления, заимствованные из английского языка.
4. В вопросник были включены тексты с иноязычными вкраплениями, представленными различными графическими средствами:
  - языка оригинала (*«fashion victim»*, *«must have»*);

- заимствующего языка («ребрендинг», «принты», «пэчворк»);
- языка оригинала и заимствующего языка. Речь идет о смешанных иноязычных вкраплениях (полукальках), то есть словах, одна часть которых переведена на русский язык, а вторая сохраняется в оригинальном виде («пин-ап-девушки»).

При анализе ответов участников опроса правильным пониманием текста считали адекватную для данного контекста интерпретацию иноязычного вкрапления (точный перевод, собственная («своими словами») исчерпывающая интерпретация сути понятия).

Журнальные издания отбирались в соответствии с их тематической и жанровой направленностью: использовались журналы рекламно-информационного характера, рассчитанные на массовую читательскую аудиторию. При отборе изданий мы также руководствовались слоганами (подзаголовками) журнальных изданий, которые определяют круг потенциальных читателей. Например, «Журнал о высоких марках и достойных людях» («Комильфо»), «Журнал для успешных людей» («Красивая жизнь»). Учитывая вышесказанное, представляется возможным говорить об определенном стилевом, содержательном, репрезентативном единообразии текстов, включенных в анкету.

Информантами стали реальные или потенциальные читатели «глянцевых» журналов. Вопросники заполнялись в местах распространения журналов, а также в различных учреждениях города. Заполнение вопросников проводилось в присутствии исследователя, они изымались сразу после заполнения, чтобы исключить возможность использования справочных материалов.

Участникам эксперимента было предложено последовательно прочитать тексты, а затем ответить на вопросы:

Известно ли вам значение выделенного иноязычного слова (словосочетания)?

А) Если «Да», объясните значение выделенного слова (словосочетания).

В) Если «Нет», затрудняет ли наличие данного слова (словосочетания) понимание текста, объяснить почему.

Анализ научной теории по проблеме коммуникативных неудач и проведенный психолингвистический эксперимент дают основание прийти к заключению, что важнейшей причиной коммуникативной неудачи является несоблюдение принципов речевого общения, в частности, нарушений коммуникативно-прагматических норм, связанных с пониманием текста. Особое положение занимают тексты с иноязычными вкраплениями, которыми изобилуют современные рекламно-информационные журналы.

Сделанные наблюдения приводят к выводу о том, что возможность возникновения коммуникативной неудачи в рамках журнального текста не всегда предсказуема.

Психолингвистический эксперимент показал, что 61-му % реципиентов были незнакомы иноязычные вкрапления, содержащиеся в текстах; при этом затруднения в понимании текстов из-за иноязычных слов испытывали 45 % опрошенных.

Полученный материал свидетельствует о разном уровне понимания читателями текста. Очевидны три основных уровня понимания. **Адекватное понимание** проявляется в ситуациях точной соотнесенности информантом представления о смысловом наполнении слова с его словарным значением. При этом мы, естественно, не рассчитывали получить от испытуемых точную словарную дефиницию, то есть допускали вариативность вербального воплощения интерпретации слова (словосочетания): «*must have*» переведено «нужно иметь», «должен иметь», «необходимо иметь». **Частичное понимание (недопонимание)** представлено случаями неполной или неточной интерпретации языкового факта. Здесь различается **осознанное** недопонимание, когда интерпретатор вербализует неуверенность в понимании иноязычного вкрапления и текста («*USB-интерфейс*» – «что-то связанное с современными технологиями»; «*пун-ап-девушки*» – «возможно, имелись в виду девушки выше среднего») и **неосознанное** – когда недопонимание устанавливается исследователем («*must have*» – «название тренда», «хочу иметь»; «принты» – «дословно: печать, окрас, покраска», «устройство для печати», «распечатка»). **Непонимание** иноязычного вкрапления находит выражение в двух типах, **осознанное** непонимание квалифицируется самим информантом («*fashion victim*» – «конечно, тот, кто не знает английский язык, никогда не дойдет «своим умом» до понимания этой части текста», «не понятен смысл выделенного словосочетания»), **неосознанное** непонимание квалифицируется исследователем в случаях, когда информант дает неверную интерпретацию («*SLH*- клиенты» – «достаточно богатые лица», «вип-клиенты», «лучший клиент»).

Закономерно, что тексты, в состав которых включено большое количество иноязычных вкраплений, оказались более сложными для понимания. Респонденты подтвердили, что для адекватного понимания текста особенно важно, чтобы были пояснения к иноязычному слову, если оно является ключевым словом (словосочетанием) текста.

Слова-полукальки интерпретировались весьма разнообразно. К примеру, определяя иноязычное вкрапление «*пун-ап-девушки*», читатели пытались домыслить, угадать значение незнакомой им части слова («*пун-ап*»): «возможно, имелись в виду девушки выше среднего», «новые, особенные», «розовые девушки». Таким образом, полукальки не только не являются легко воспринимаемыми единицами, но, напротив, использование полукалек часто приводит к неточной или неверной интерпретации слова.

В интерпретациях информантов содержится значительное число метапоказателей, репрезентирующих неточность представления о значении иноязычных слов и текстов:

глаголы: «не знаю», «не встречал», «затрудняюсь», «(смысл) теряется», «объяснить не могу», «не понимаю»; **категория состояния:** «не ясно», «не понятно», «не знакомо», «не известно»; **наречия:** «невозможно (понять)», «никогда (не слышал)»; **вводные слова:** «наверное», «может», «возможно»;

разделительные союзы: «либо...либо», «или...или»; **неопределенные местоимения:** «какой-то», «что-то».

Некоторые интерпретации иноязычных вкраплений сопровождались эмоциональными оценками информантов, как позитивными, так и негативными. Участники эксперимента нередко демонстрировали заинтересованность в познании новых иноязычных слов: «слово не известно, но хотел бы узнать значение», «интересно, что это» и др. Однако в ответах информантов чаще проявлялось отрицательное, в ряде случаев экспрессивно-эмоциональное, отношение к иноязычной лексике, используемой в текстах: «каша какая-то», «будьте проще», «непонятное всегда отталкивает и настораживает», «не надо умничать», «считаю, что в русском языке достаточно слов, чтобы не использовать иностранные», «смешение французского с нижегородским», «засоряет русский язык», «режет глаз сочетание», «не понимаю, потому что я учила немецкий».

Таким образом, выдвинутая в ходе исследования гипотеза о том, что отсутствие основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания рекламно-информационных журнальных текстов с иноязычными вкраплениями, а именно тактики дефиниции, перевода и описания, затрудняет адекватное понимание текста, подтверждена.

Использованная литература:

Плотников, Б.А. (1984): *Основы семасиологии*. Минск. 1984.

(Исследование проводится при поддержке РГНФ, номер проекта 11-34-00365а2)

КАТАЖИНА ВОНДОЛОВСКА-ЛЕСНЕР

Польша, Гданьск

СТЕПЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ТРУДНОСТИ РУССКИХ ДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

ABSTRACT:

The Degree of Linguistic Difficulty of Russian Didactic Texts

The author defines factors that determine difficulty of texts. For the purpose of defining linguistic difficulty of Russian teaching texts, the author analyses mathematical formula created by M. Grabska. Analysing the degree of linguistic difficulty of texts requires defining the following indicators: indicator of syntax difficulty, indicator of difficulty in understanding lexis and indicator of lexis difficulty.

KEY WORDS:

Readability – text – linguistic difficulty of texts – indicator of syntax difficulty – indicator of lexis complexity – indicator of defining lexis – degree of linguistic difficulty of texts.

Языковая трудность – это один из факторов, влияющих на читабельность текста. Кроме нее, по результатам проведенных нами исследований, на читабельность влияют еще такие факторы как: форма текста (шрифт, использование курсива, использование жирного шрифта, выравнивание текста по ширине, интервал), а также факторы, связанные с лингвистической структурой текста, напр., использование в тексте абзацев.

Языковая трудность зависит от двух аспектов: языкового материала и содержания экстралингвистической информации [Grabska 1984: 241]. В 2009 году на основе теории Грабской мы провели исследования, касающиеся определения языковой трудности текстов выпускных экзаменов в Польше.

В текущем году мы занимались влиянием абзацев на читабельность текстов. Оказалось, что неправильное использование абзацев понижает читабельность текстов. В ходе исследований студентам разных курсов Русской филологии и Россияведения надо было прочитать три из нескольких, по-разному разделенных по абзацам, текстов. Теперь определим языковую трудность трех из них, потом сравним результаты с мнениями на тему текстов студентов I курса Русской филологии и Россияведения.

Языковую трудность текстов определим на основе формулы, разработанной М. Грабской [Grabska 1984: 246-249]. По мнению М. Грабской, на языковую трудность иностранных (в том числе русских) текстов влияют: фактор трудности синтаксиса (А), фактор трудности понимания лексики (В) и фактор сложности лексики (С).

Чтобы определить фактор трудности синтаксиса, надо сначала определить среднюю длину предложения в словах (dz), для этого надо знать количество всех слов (L) и количество предложений в исследуемом тексте (Z):

После определения средней длины предложения в словах, надо подставить данные в формулу, где 12 это стандартная длина предложения в дидактических текстах.

Грабска вела исследования, касающиеся читабельности русских специализированных текстов, и поэтому в ее формуле стандартная длина предложения выше, то есть 20 слов. На основе ранее проведенных исследований мы пришли к выводу, что стандартная длина предложения в дидактических текстах это 12 слов [Wądołowska-Lesner 2010 171–177].

Чтобы определить фактор трудности понимания лексики (В) надо знать количество слов, потенциально непонятных для учеников (P_n), по мнению Грабской, это все слова непохожие на польский язык, и количество всех слов в тексте без повторений (К):

Фактор сложности лексики (С) зависит от количества слов трех- и более слоговых, выступающих в тексте (S), и количества всех слов текста (L):

Все данные надо подставить в разработанную Грабской формулу, благодаря чему получим степень языковой трудности текста:

$$I = A * B * C * 100$$

Теперь перейдем к анализу текстов, прочитанных студентами I курса Русской филологии и Россияведения. Анализируемые тексты, связанные с праздниками: с Масленицей, Днем защитника Отечества и Днем смеха, находятся в учебнике *Российские праздники: история и современность* [Жабко-Клицкая 2009].

	Как празднуют Масленицу сегодня	Первое апреля - никому не верю!	День защитника отечества
A	1,19	0,90	1,27
B	0,49	0,46	0,53
C	0,48	0,40	0,41
I	27,99	16,56	27,60

Таблица 1. Степень языковой трудности текстов (на основе формулы М. Грабской)

Самым простым по степени языковой трудности оказался текст *Первое апреля – никому не верю!* степень его языковой трудности на 11,43 ниже, чем текста *Как празднуют Масленицу сегодня* и на 11,04 ниже, чем текста *День защитника Отечества*. Языковая трудность двух остальных текстов почти на таком же уровне. Рассматривая отдельные факторы, можно заметить, что труднейшим по синтаксису и понятности лексики является текст *День защит-*

ника *Отечества*, а труднейшим по сложности лексики текст *Как празднуют Масленицу сегодня*. На всех уровнях самым простым оказался текст *Первое апреля – никому не верю!*

Среди 59 студентов, прочитавших все три текста, 78% написали, что на их взгляд самым читабельным является именно текст о Дне смеха. По их мнению, в тексте простая, понятная лексика, а он сам является интересным. Опрошенные написали, что им хорошо читалось этот текст, так как поляки тоже празднуют День смеха, и поэтому тема была им известна.

Самым скучным, по мнению студентов, является текст *День защитника Отечества*. Опрошенные считают, что в тексте находится слишком много дат и информации, чтение усложняла тоже неинтересная тема. Хотя языковая трудность текста *Как празднуют Масленицу сегодня* незначительно больше, то есть на 0,39, чем текста *День защитника Отечества*, студентов больше заинтересовал текст о Масленице.

Текст *Первое апреля – никому не верю!* – это длиннейший текст из группы прочитанных опрошенными текстов, он на около 30 слов (26-32 слова) длиннее, чем остальные, но, несмотря на это, студенты прочитали его быстрее остальных.

Оказалось, что результаты опросов и исследований, проведенных на основе математической формулы, совпадают. Языковая трудность русских дидактических текстов зависит от разных факторов, среди которых важнейшими являются сложность лексики и синтаксиса, на читабельность текстов влияют тоже интересы читателей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- GRABSKA, M. (1984): *Próba określenia stopnia trudności językowej tekstu (na przykładzie rosyjskich tekstów specjalistycznych)*. In: *Przegląd Rusycystyczny*, 1984, nr 1–2, s. 241–254.
- WĄDOŁOWSKA-LESNER, K. (2010): *Stopień trudności językowej tekstów naturalnych z języka rosyjskiego*. In: H. Bartwicka (eds.), *Język, tekst, kultura*. Bydgoszcz, s. 171–177.
- ГРАБСКА, М. (1996): *Сопоставительно-ассоциативный контекст русскоязычного потенциального словаря поляков*. Гданьск.
- ЖАБОКЛИЦКАЯ, И. И. (2009): *Российские праздники: история и современность*. Братислава.

ЯН ГАЛЛО

Словакия, Нитра

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ ЕЁ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ

ABSTRACT:

Semantic Structure of Text: Problems of its Organization and Interpretation

The paper deals with text linguistics. The author presents the structural and semantic organization of text including the analysis of presented text aspects. The main focus is based on text connectedness and coherence as well as of its formal and semantic means of expression. The attention is also focused on the possibility of the appropriate explanation of this issue in the framework of the Russian language teaching for Slovak students which is connected with better understanding of a foreign text.

KEY WORDS:

Coherence – cohesion – teaching Russian as a foreign language – text connectedness – text semantics – text linguistics.

В эпоху бурного развития антропоцентрической лингвистики возрос интерес к изучению лингвокогнитивных проблем функционирования языка, что, в свою очередь, вызывает необходимость проникновения в глубинные механизмы формирования и восприятия смысловой структуры связной речи и, прежде всего, текста. В связи с этим текст становится объектом исследования ряда лингвистических дисциплин (лингвистики текста, психолингвистики, прагматики, теории коммуникации и др.), рассматривающих текст в качестве цельной смысловой сущности, высшей единицы коммуникации.

Остановимся на рассмотрении текста с точки зрения его структурно-смысловой организации, попытаемся дать характеристику параметров текста, релевантных для его адекватного понимания. Будем исходить из того, что сама структурно-смысловая организация текста создает конкретные предпосылки для его адекватного понимания. Практически весь текст, его параметры и элементы упорядочиваются автором текста таким образом, чтобы создать максимально гибкую и информационно богатую структуру, последовательно реализующуюся в акте коммуникации в соответствии с авторской интенцией.

Смысловая и формальная стороны организации текста по этой причине не хаотичны, не случайны: они выстраиваются по определённым закономерностям.

Поиск закономерностей организации текста приводит к выводу, что структура текста является прежде всего структурой его содержания. На уровне понятийного восприятия текста это дает основание говорить о наличии у текста определенной смысловой структуры, или смысловой организации. Смысловой (семантический) аспект текста оказался в поле зрения исследователей с 80-х годов XX в. [Арнольд 1974; 1999], [Гальперин 1981], [ван Дейк 1989], [Новиков 1983], [Ноздрин 1997; 2006], [Черняховская 1983], [Шабес 1989] и др. На этом аспекте сосредоточимся и мы.

Любой текст, как известно, поддаётся разложению на элементы. Это обусловлено когнитивно-коммуникативными особенностями передачи и восприятия человеком информации. Говорящий и слушающий стремятся каждый со своей стороны вычленить в тексте соотносимые с внеязыковой действительностью наиболее значимые с их точки зрения элементы, предварительно разложив единое дискурсивное пространство на части. В результате в тексте графически и интонационно выделяются слова, предложения, абзацы. Эта столь важная для восприятия текста закономерность провоцирует поиски когнитивной лингвопоэтикой основной *минимальной единицы текста*. Неискушённому в теории текста исследователю кажется, что такой единицей должно быть предложение. Однако при более вдумчивом рассмотрении выясняется, что предложение такой единицей быть не может, так как оно не обладает достаточной информационной целостностью, т. е. не может являться минимальной «порцией» информации. Ср.: *Часов около пяти утра на скотном дворе раздался звук трубы. Звук этот, раздирающе-пронзительный и как бы расщеплённый на множество музыкальных волокон, протянулся сквозь абрикосовый сад, вылетел в пустую степь, к морю и долго и печально отдавался в обрывах раскатами постепенно утихающего эха. Это был первый сигнал к отправлению дилижанса* (В. Катаев). Данный отрывок состоит из трёх предложений, раскрывающих одну микротему – «сигнальный звук трубы». Начальное предложение является полным и в смысловом, и в грамматическом отношении. Это опорное предложение. Остальные два предложения развивают мысль, высказанную в этом предложении. Таким образом, минимальной единицей текста выступает не одно, а несколько предложений, образующих сложное синтаксическое целое. История лингвистики текста накопила множество различных вариантов выделения текстовых единиц: сверхфразовое единство (О. С. Ахманова, И. Р. Гальперин), абзац, сложное синтаксическое целое (А. М. Пешковский), компонент текста (И. А. Фигуровский), прозаическая строфа (Г. Я. Солганик), синтаксический комплекс (А. И. Овсянникова), монологическое высказывание, коммуникативный блок и т. д. Однако ни одно из них наукой принято не было. Поиски единицы текста продолжались. Более приемлемым в этой роли оказалось понятие *сложное синтаксическое целое* (ССЦ). И вот почему. Оно обладает (а) минимальной смысловой, (б) информационной и (в) конструктивной

законченностью, (г) совпадает с развитием микротемы. Однако введение и этой единицы, её описание не приблизили теорию текста к желаемому результату в объяснении феномена текстовой структуры. Попытка обнаружить у ССЦ свойств целого текста, таких, например, как коммуникативность, и не могли привести к положительному результату, поскольку такой компонент в силу своей категориальной природы не может отразить свойства целого, что является облигаторным свойством любой единицы языка. Выход из, казалось бы, тупиковой ситуации один: выделить «семантику текста» в «относительно самостоятельную категорию, служащую одной из отличительных черт любого текста. В этом качестве она является составляющей многих современных определений текста (Т. М. Дридзе, Г. В. Колшанский, В. В. Одинцов и др.)» [Алефиренко 2005: 303].

К вопросам, связанным с феноменом текста и достаточно освещённым лингвистикой текста, принадлежит проблема связности текста, которая представляется основным конструктивным, и даже текстообразующим свойством текста. Это объясняется тем, что в лингвистике установился взгляд на текст как на информационное и структурное единство, как функционально завершённое речевое целое.

Понятие связности в самом общем плане можно определить через категорию регулярности. Согласно её установкам, последовательность знаков расценивается как связная, поскольку имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов. Связность в общем виде проявляется в тексте тремя способами: через когезию, ретроспекцию и проспекцию. И. Р. Гальперин считает, что связность текста прежде всего реализуется через различные формы когезии (от англ. *cohesion* – сцепление), особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимосвязь сообщений в тексте. Например: *На земле существует около пяти тысяч языков. Они разнообразны и отличаются друг от друга происхождением, степенью развития, фонетической системой, грамматическим строем и словарным составом. Однако все языки имеют общее: они выполняют одинаковую общественную функцию – служат средством общения людей* (По книге «Русский язык в текстах о филологии»).

Ретроспекция и проспекция проявляются в основном имплицитно: ретроспекция основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщаемое и сцеплять его с последующими сообщениями. Формами реализации ретроспекции является повтор, особое место занимают дейктические элементы. Например: *Новый, 2005 год был особым для нашей семьи. Год этот стал годом рождения двух замечательных близнецов.* В проспекции имплицитность при переплетении с некоторыми эксплицитно выраженными сигналами направляет внимание читателя, заставляет предугадать то, что будет в дальнейшем развёртывании текста. Например: *Для социальной психологии актуально решение следующей задачи...; Приведём пример ...; Продолжим рассмотрение ...; Выясним соотношение ....*

Из связности текста вытекает необходимость выявления средств её осуществления, поскольку они выступают как существенные элементы процесса интеграции общего смысла текста при его восприятии. Средства создания связности текста исключительно разнообразны и действуют в смысловых кусках текста разного объёма. При этом обычно выделяются эксплицитные (формальные) и имплицитные (чисто смысловые) средства связности. Роль смыслового генератора, обеспечивающего непрерывность смыслового развития текста, выполняют **семантические повторы**. Поэтому такие эксплицитные средства связности текста, как лексические (синонимические, антонимические, дескриптивные и др.) и грамматические (корневые, аффиксальные, конверсионные и др.) повторы, рассматриваются как разновидности семантического повтора. Например: а) синонимический повтор: **Каир уникален; другого такого города нет на свете. Столица Египта строилась и развивалась веками;** б) прямой лексический повтор: **На скамейку кто-то разлил жидкий фосфор. Фосфор быстро растёкся;** в) местоименный повтор: **Итальянское телевидение приступает к съёмкам нового фильма. Он посвящён Христофору Колумбу.**

Особо выделяются *тематические повторы*, поскольку именно единство темы обеспечивает смысловую целостность текста [Данеš 1985]. Тема текста обычно представлена несколькими подтемами. Подчинённость подтем теме текста и их сложное взаимодействие между собой обеспечивают единство текста. По этой причине определение темы текста – первый существенный шаг к его пониманию. Определению темы способствуют лексическая тематическая сетка текста, а также его сильные позиции: заглавие, начало и окончание. Например: *Нередко омонимию (в широком значении) относят к отрицательным явлениям (1). Следует отметить, что такое мнение не может считаться доказанным (2). Наряду с фактами её устранения в отдельных случаях (ср. исчезновение слова «вечный» от «веко», слова «винный» от «вина» и т. д.), наблюдаются не менее частые и многочисленные факты появления новых омонимов, омоформ и омофонов (3). Практически омонимы, омоформы и омофоны не затрудняют общения, так как почти всегда нейтрализуются или речевой ситуацией, или контекстом (4) (Н. Шанский). Первое предложение – зачин, в нём обозначена микротема: является ли омонимия отрицательным явлением? Второе предложение – основная часть; в третьем развивается и комментируется основная мысль абзаца. Четвёртое предложение содержит обобщение, вывод из всего сказанного.*

Среди формальных средств осуществления связности текста многие исследователи выделяют ряд союзов и наречий, называемых коннекторами. Например: *Родители переехали. Поэтому вы их здесь напрасно ищите; Новый вариант задачи был легче. Притом (причём) он был знаком учащимся; Кругом были поля, леса, озёра. А потому и отдохнуть здесь было хорошо.* Однако наличие таких связующих единиц в тексте не является строго обязательным. Развертывание информации, содержащейся в тексте, достаточно явно передаётся простой последовательностью предложений. Сам смысл вы-

сказываний, следующих друг за другом, позволяет читателю либо воспринимать их как простую цепочку событий, либо устанавливать между ними различные смысловые связи. В таком случае говорят о соединении высказываний внутренней, имплицитной связью. Следующим из основных конструктивных свойств текста является его **целостность**. «Это такое свойство текста, которое предполагает наличие единства тематического, концептуального и модального» [Валгина 2003: 45].

С позиции говорящего целостность конкретизируется в понятии замысла (мотива, интенции). В готовом тексте замысел трансформируется в тему и идею текста. Таким образом, целостность текста – это единство темы – микротемы, макротемы и глобальной темы текста. Например: *Сказка – один из основных жанров народного устно-поэтического творчества. Она отражает мировоззрение народа в разные эпохи жизни, отношение его к действительности, борьбу за независимость, мечты о будущем. В сказках разных народов мы часто видим сходные идеи, темы, сюжеты и образы. Однако сказки каждого народа имеют ярко выраженный национальный характер. Так, национальная специфика русской сказки проявляется в языке, бытовых подробностях, в характере пейзажа, в том, что в ней рисуется уклад именно русской жизни, преимущественно крестьянской, определенные социальные отношения, но прежде всего в ее идейной направленности, в гуманизме, в которм кроется секрет жизнеспособности русской сказки в наши дни* (По книге «Русский язык в текстах о филологии»). По мнению И. Р. Гальперина целостность текста реализуется через его интеграцию, модальность и завершённость.

Таким образом, текст обладает двумя важнейшими конструктивными признаками – связностью и целостностью. При этом оба эти признака неразрывны и находятся в отношениях взаимного пересечения и отталкивания. Именно процесс осмысления целостности через связность и обнаружения связности при условии знания целостности текста и обеспечивает единство текстовой конструкции, на что указывают многие исследователи текста (Н. С. Валгина [2003], И. Р. Гальперин [1981], В. А. Лукин [1999; 2005] и др.).

С точки зрения методики преподавания РКИ на продвинутом этапе обучения, знание обучаемыми основных структурных и смысловых параметров текста и выяснение возможности их соотношения в тексте значительно облегчает процесс понимания иноязычного текста. Если вооружить и наших словацких студентов-русистов знаниями о закономерностях структурно-смысловой организации текста, о формах реализации основных текстовых категорий – его связности и членимости, о степени отражения смысловых компонентов композиционной структурой текста, то, как показывает наш собственный опыт, можно научить свободной ориентации в текстовом пространстве, приёмам извлечения заложенной в текст информации.

Приведённый нами обзор структурно-смысловых параметров текста, релевантных для его понимания, разумеется, является далеко не полным. Ограниченный объём статьи не позволяет остановиться на конкретных явлениях проблематики семантики текста.

Одной из целей обучения РКИ является выработка у обучаемых умений и навыков понимания иноязычного текста. Эта цель может быть достигнута на основе выработки знаний линейной (синтагматической) оси функционирования текста и в результате изучения её категорий. Линейная ось, находящаяся материальное воплощение в цепочке символов – графических знаков текста, имеет непосредственную связь с процессом понятийного восприятия текста. Основными категориями линейной оси, по всеобщему признанию исследователей, являются, с одной стороны, связность текста (когерентность), с другой стороны – его членимость.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф. (2005): *Спорные проблемы семантики*. М.
- АЛЕФИРЕНКО, Н.Ф., ГОЛОВАНЁВА, М.А., ОЗЕРОВА, Е.Г., ЧУМАК-ЖУНЬ, И.И. (2011): *Текст и дискурс*. Учебное пособие для магистрантов. М.
- ВАЛГИНА, Н. С. (2011): *Теория текста*. М.
- ВЕЛИЧКО, А.В., ЮДИНА, Л. П. (2008): *Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся*. М. 2008.
- ВЫХОДИЛОВА, З. (2007): *Связность текста в трактовке чешской, русской и словацкой лингвистики*. In: Современная чешская русистика. Сборник чешской делегации (XI Конгресс МАПРЯЛ, Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г.) Sofia, С. 21–26.
- ДЕЙК, Т. А., ван (1989): *Язык. Познание. Коммуникация*. М.
- ГАЛЬПЕРИН, И.Р. (1981): *Текст как объект лингвистического исследования*. М.
- ГОРШКОВ, А. И. (2006): *Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика*. М.
- ЗЕМСКАЯ, Ю. Н. (2010): *Теория текста: учеб. пособие.* / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин. М.
- KOVÁČOVÁ, Z. (1996): *Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie*. Nitra, 2010.
- КЛЕМЕНЦОВА Н. Н. (1996)) *Текст: смысловая структура и структура понимания*. In: Проблемы семантики и прагматики. Калининград, С. 51–55.
- ЛУКИН, В. А. (1999): *Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа*. М.
- ЛУКИН, В. А. (2005): *Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум*. М.
- НОВИКОВ, А. И. (1983): *Семантика текста и её формализация*. М. 1983.
- ЧЕРНЯХОВСКАЯ, Л. А. (1983): *Смысловая структура текста и её единицы*. In: Вопросы языкознания. № 6.
- ШАБЕС, В. Я.: (1989) *Событие и текст*. М.
- ADAMKA, P. (2011): *Ruská publicistika (jazyk)*. Nitra.
- BAJZÍKOVÁ, E. (1995): *Textová syntax*. Bratislava.
- DANEŠ, F. (1985): *Věta a text*. Praha.
- DOLNÍK, J. (2009): *Všeobecná jazykoveda*. Bratislava.
- DOLNÍK, J. – Bajžíková, E. (1998): *Textová lingvistika*. Bratislava.
- VYCHODILOVÁ, Z. (2008): *Výrazové prostriedky textové soudržnosti v češtině v porovnání s ruštinou*. Olomouc.
- ŽILKA, T. (2011): *Text a posttext*. Nitra.

НАТАЛЬЯ ГЕРАСИМЕНКО

Россия, Москва

БИСУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ: ИНФОРМАЦИЯ И ФАСЦИНАЦИЯ

ABSTRACT:

Bisubstantive Sentences in Texts of Advertisement: Information and Fascination

Bisubstantive sentences are a certain type of the Russian sentence which is intended to reflect mental activity. They function mainly within the informative register of human speech. Semantic capacity of this type of sentence helps to transfer information in a short syntactic form. At the same time, the inside grammatical repetition based on the construction of identity provides with the fascination demanded in advertisement.

KEY WORDS:

Bisubstantive sentences – information – construction of identity – mental activity – advertising texts, fascination.

Бисубстантивные предложения (БП) в русском языке составляют один из продуктивных типов двусоставного предложения, характеризующийся следующими признаками: наличием в предикативном ядре двух имен существительных в качестве опорных компонентов подлежащего и сказуемого; общим типовым значением отождествления или характеристики; приспособленностью для отражения ментальной деятельности человека и функционирования в информативном речевом регистре (См. подробно [Герасименко 1999]). Структурную основу БП составляет конструкция тождества, которую образуют существительное в именительном падеже в позиции подлежащего и существительное в любой падежной форме (с предлогом или без предлога) в позиции сказуемого, соединенные между собой посредством связки, в том числе нулевой: *Осень – благодатная пора, богатая на свежие овощи и фрукты; Сила нового средства – в его натуральных компонентах; Детский крем – из старых, проверенных еще нашими бабушками средств ухода за ребенком* (все примеры приводятся из рекламных текстов, опубликованных в газете «Комсомольская правда» в 2011 г.). Конструкция тождества, представляющая

сбой сочетание двух грамматически тождественных на категориальном уровне форм (имен существительных), является основой для формирования семантики отождествления или характеристики, стабильно реализующейся в рекламном тексте: *«ФрутоЛакс» – новейшее комплексное средство, которое эффективно борется со всеми видами запоров. Ведь «ФрутоЛакс» – это комплекс высококачественных растительных компонентов, каждый из которых благотворно влияет на функцию кишечника.*

Структуру предикативного ядра бисубстантивного предложения можно назвать симметричной, потому что одна и та же часть речи используется как опорный компонент двух главных членов двусоставного предложения. Эта симметричность воспринимается и зрительно, а графически часто подчеркивается знаком тире между главными членами предложения. В основе конструкции тождества лежит скрытый повтор, повтор на грамматическом уровне, а повтор, как известно, – один из важнейших принципов построения рекламного текста. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что структурные особенности бисубстантивных предложений способствуют их широкому употреблению в рекламном тексте: их краткость, четко обозначенная расчлененная двучленность (симметричность структуры) помогают в сжатой форме передать значительный объем важной информации.

Семантическая емкость, многослойность развивается в БП за счет использования существительного как бифункционального знака: в позиции подлежащего существительное реализует категориальное значение предметности и свое прямое референтное назначение. В позиции сказуемого имя существительное становится нереферентным, предикатным знаком, обозначающим характеристику предмета, названного в подлежащем. По мнению А. А. Шахматова, «при сочетании двух представлений о предметах предикативные отношения между ними возникают только в том случае, если одно из этих представлений мыслится как признак или как совокупность признаков» [Шахматов 1941: 26]. Совокупность признаков, заключающихся в предметном слове – имени существительном, позволяет охарактеризовать предмет-подлежащее с разных сторон.

Известно, что бисубстантивные предложения являются одной из наиболее продуктивных синтаксических форм выражения дефиниции в русском языке. Это свидетельствует о высокой степени их информативной насыщенности. С точки зрения наполнения информацией БП являются краткими, но емкими синтаксическими конструкциями, что способствует их употреблению и в рекламе. Однако важнее для рекламного текста все-таки их fasciniрующие возможности: *Сентябрь – большое испытание для нашего носа; Сентябрь – пик цветения сорняков, особенно опасных для аллергиков.* В приведенном фрагменте рекламного текста наблюдаются два вида повтора: внешний, непосредственно воспринимаемый лексический повтор существительного *сентябрь*, направленный на привлечение внимания читателя к тексту, и скрытый, грамматический, повтор на уровне частеречной категоризации действительности (*сентябрь – испытание, сентябрь – пик*). Оба вида повтора способствуют усилению воздействующей функции текста.

Реклама предназначена для привлечения внимания потенциального клиента. Все речевые средства рекламного текста направлены на то, чтобы заинтересовать, увлечь, удержать интерес читающего, то есть оказать на него fasciniрующее воздействие. «**Фасцинация** (от англ. *fascination* — очарование) — эффект, вызываемый специально организованным вербальным (словесным) воздействием, предназначенным для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение» [Психологический лексикон 2005]. В русский язык слово пришло из английского, в английский и немецкий языки — через итальянский из латыни (*fascinatio* — колдовство, очарование). В латынь — из греческого, где имело то же значение [Комлев 2006]. Мистическая составляющая термина фасцинация (колдовство, очарование), сохраняющаяся в английском и немецком языках, в русском языке утрачивается. Этот термин употребляется лингвистами для обозначения специальным образом организованного вербального воздействия на реципиента, в результате которого создаются условия для наиболее полного и адекватного восприятия необходимой информации. Информация и фасцинация — два неразрывно связанных между собой компонента коммуникации. В основе адекватного и полного восприятия информации, как известно, лежит интерес, заинтересованность реципиента в получении этой информации. Фасцинация как особый способ подачи информации способствует проявлению интереса к ней. Фасцинация — это код, настраивающий реципиента на восприятие содержащейся в сообщении информации. Языковыми средствами выражения фасцинации являются ритмо-мелодический рисунок речи, разные виды повторов, смысловые рифмы, симметрично построенные и расчлененные синтаксические конструкции, которые ритмизируют устную речь и зрительно расчленяют письменную и др. средства.

Нужно сказать, что и сама информация может обладать fasciniрующими свойствами. Это наблюдается при решении, например, научных задач, когда поиск необходимой информации связан с уже сформированной заинтересованностью адресата в ней. Информация, важная для адресата, может играть для него fasciniрующую роль.

Термин фасцинация сравнительно недавно стал осваиваться лингвистами, хотя в психологии используется с начала XX в. и впервые был употреблен З. Фрейдом в работе «Групповая психология и анализ Эго» (1921). Фасцинация, или рабство любви, — это термин, который Фрейд использует для описания экстремального развития состояния влюбленности: отсутствие критических способностей, зависимость, послушная покорность и доверчивость, свойственные влюбленным. Исследователь сравнивает это состояние с тем, что происходит в отношениях между гипнотизером и гипнотизируемым [Lexikon der Psychologie]. Эффекта фасцинации, т.е. полной охваченности личности каким-то предметом, объектом, желанием, стремятся достичь все рекламные тексты. Заинтересованность, вызванная этим эффектом, позволяет полностью, без семантических потерь, усвоить всю предлагаемую информацию, формирует стремление стать обладателем рекламируемого продукта. Интерес к информации может быть вызван как положительным (очарование), так и отрицательным (устрашение) воз-

действием на реципиента. Оба вида фасцинации активно используются в рекламных текстах, приведем здесь примеры устрашения: *Третья опасность – усилившийся смог от машин, число которых резко увеличилось на улицах после периода относительного летнего затишья; Варикоз – довольно жуткое зрелище: синюшные извитые вены, как гроздь винограда под кожей.*

Фасцинирующими возможностями обладают все разновидности бисубстантивных предложений, потому что в их основе заключен внутренний категориальный повтор, позволяющий активизировать восприятие реципиента, на уровне подсознания усваивающего большой объем семантически многослойной информации. Однако необходимо отметить, что связки в значительной мере могут ослаблять воздействующую функцию БП. Наличие модальной, фазисной или логической связки в бисубстантивном предложении в определенной степени нивелирует зрительно воспринимаемую расчлененность конструкции: *Однако источником любви ответа является когда-то заданный вопрос* (И. Шатуновский).

Среди большого разнообразия бисубстантивных предложений наиболее продуктивными в рекламе являются биноминативные предложения [Падучева, Успенский 1997], предикативное ядро которых включает два имени существительных в форме именительного падежа: *Программа государственного софинансирования пенсий – это уникальная возможность увеличения Вашей будущей трудовой пенсии при финансовой поддержке государства; Волосы – наше богатство, у кого они густые и длинные.* Нулевая форма связки *быть* сочетается со всеми падежными и предложно-падежными формами существительного, но именно в биноминативных предложениях ее материальная невыраженность обозначается на письме знаком тире, подчеркивающим расчлененность конструкции: *Крем «Венозол» - это вообще целая зеленая аптека; «Венозол» - эффективный препарат, он реально помогает.*

Высокой степенью фасцинации обладают фразеологизованные бисубстантивные предложения с лексическим повтором в предикативном ядре: *Болезнь есть болезнь. Вот лекарство так лекарство! Телефон как телефон, - скажете вы, - ничего нового.* Скрытая оценка делает эти высказывания экспрессивными.

Большая или меньшая информативность бисубстантивных предложений не снижает уровня фасцинации, заложенного в их языковой форме. Параллельное построение предикативного ядра, категориальное (частеречное) уподобление форм подлежащего и сказуемого, расчлененность структуры способствуют употреблению бисубстантивных предложений в рекламном тексте в качестве одного из средств создания фасцинации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Lexikon der Psychologie.* <http://www.psychology48.com/deu/d/faszination/faszination.htm>
 ГЕРАСИМЕНКО, Н. А. (1999): *Бисубстантивный тип русского предложения.* Монография. «Сигналь», М.
 КАРПЕНКО, Л. А. (ред.-сост.) (2005): *Психологический лексикон. Энциклопедический словарь:* В 6 т. Под общ. ред. А. В. Петровского. — «ПЕР СЭ», М.
 КОМЛЕВ, Н. Г. (2006): *Словарь иностранных слов.* М.
 ПАДУЧЕВА, Е. В., УСПЕНСКИЙ, В. А. (1997): *Биноминативное предложение: проблема согласования связки.* In: *Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева.* М. С. 170–182.
 ШАХМАТОВ, А. А. (1941): *Синтаксис русского языка.* Л.
 DESPRATS-PÉQUIGNOT, C. *Fascination.* In: *International Dictionary of Psychoanalysis* <http://www.enotes.com/psychoanalysis-encyclopedia/fascination>

ИРИНА ГРАНЕВА

Россия, Нижний Новгород

МЕСТОИМЕНИЕ «МЫ» И «МУ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The Pronoun “We” in the Contemporary Russian and Czech Languages

The paper is devoted to the problem of referential and non-referential usage of the pronoun “my” (“we”) in Russian and Czech languages in various types of discourses, which are differentiated by means of presence of absence of deictic function of the pronoun. Some variants of these kinds of usage are considered depending on the type of speech situation and denotative status of communicants.

KEY WORDS:

Russian – Czech – pronoun “WE” – communicative-pragmatic research – primary and secondary referential and non-referential usage of pronouns – deictic function – kind of usage.

В любом естественном языке личные местоимения, особенно I и II лица, выступают в качестве отправной точки человеческой коммуникации, потому что МЫ, наряду с Я, задает основную точку отсчета любого коммуникативного акта, очерчивая позицию говорящего по отношению к адресатам.

Но этим не исчерпывается большое значение местоимения МЫ в реальной жизни языка, социума и культуры. Местоимение МЫ играет важнейшую роль в познавательной и ценностно-ориентационной деятельности человека, метафорически выражая идею общечеловеческой общности, идею кооперативности, совместности человеческой деятельности на Земле, идею объединения людей в сверхличностные единства по значимому признаку (этнос, род, государство, семья и пр.). Этим объясняется активность употребления МЫ в совершенно разных коммуникативных условиях и в совершенно разных типах устной и письменной речи, где проявляется и столь разнообразный спектр его семантических и коннотативных возможностей, которые далеко не сводятся к указанию на лицо, непосредственно участвующее в коммуникации.

Исследования в области значений и употреблений русского личного местоимения МЫ позволяет поставить вопрос об универсальности базовых свойств

этого местоимения в языках мира, типологически и генетически сходных между собой.

В настоящей работе предпринимается попытка сравнительного изучения значений и употреблений местоимений МЫ и МУ в русском и чешском языках на базе апробированного в предыдущих исследованиях коммуникативно-прагматического подхода, основанного на теории референции.

Коммуникативно-прагматический подход к описанию личных местоимений основывается, во-первых, на концепции «указательного поля» К. Бюлера, согласно которой само существование личных местоимений в современных языках, равно как их генезис, всецело обусловлен их дейктической функцией по отношению к участникам коммуникации [Бюлер 1993]; во-вторых, базируется на коммуникативной теории языка Б.А. Успенского [Успенский 2007] и на концепции референциального статуса Е. В. Падучевой, применяемой к сфере функционирования личных местоимений [Падучева 1985].

Именно в рамках коммуникативно-прагматического подхода может быть объяснен известный грамматический факт отсутствия корреляции по числу между Я и МЫ (МЫ не является множественным числом местоимения Я, а представляет собой самостоятельную лексическую единицу). МЫ не является формой множественного числа от Я, потому что понятие множественного числа предполагает повторяемость идентичных объектов (*столы* = *стол* + *стол* + *стол*...): «Напротив, слово *мы* не обозначает совокупности объектов, каждый из которых может быть обозначен как я: это в принципе невозможно, поскольку я всегда относится к речи одной личности, именно говорящего. В самом деле, *мы* не означает 'я + я', но может означать либо 'я + ты'<...>, либо 'я + он', 'я + она', 'я + оно', 'я + они'<...> [Успенский 2007: 19]. Речь идет о том, что, в отличие от местоимений 3-го лица и существительных, местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа референциально неоднородны [Майтинская 1969: 182].

Концепция «денотативных» («референциальных») статусов Е. В. Падучевой позволяет поставить вопрос о разных типах соотношения местоимения *МЫ* с объектами внеязыковой действительности и о разных прагматических условиях, в которых эта соотношенность реализуется. Референциальная трактовка местоимения *Мы* позволяет, грубо говоря, ответить на вопрос: «КТО это – МЫ?», т.е. какое лицо или какой класс лиц подразумевает употребление этого слова в данном речевом акте.

В основе такого понимания лежит понятие **типа употребления** по отношению к референции. В частности, употребление может быть **референтным**, при котором можно точно указать объект / объекты референции, и **нереферентным**, при котором объект или множество объектов остаются референциально неопределенными (т.е. неясно, кто или что конкретно имеется в виду в данном речевом акте).

Опираясь на эту концепцию, можно выделить, соответственно, **«референтное» мы** и **«нереферентное» мы**. Главным критерием разграничения «референтного» и «нереферентного» *мы* является его употребление или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками

коммуникации (и тем самым могущими стать объектами конкретной референции), или по отношению к неопределенному множеству лиц, не участвующим в акте коммуникации непосредственно.

Референтное употребление, в свою очередь, может быть первичным, если местоимение указывает именно на то лицо / количество лиц, непосредственно участвующих в коммуникации, которые предполагаются в рамках категориального значения данного местоимения (т.е. I л. мн.ч.). Оно может быть вторичным, если местоимение одного лица и числа реально в речевом акте указывает на объекты, которые в норме должны характеризоваться другим лицом или числом, но при этом также являются непосредственными участниками коммуникативного акта (например, МЫ вместо Я или ТЫ/ВЫ).

К нереферентным употреблениям МЫ относятся случаи его использования не для непосредственного ситуационного персонального дейксиса, когда говорящий употребляет МЫ не по отношению к непосредственным участникам коммуникации. Е.В. Падучева выделяет следующие типы нереферентных употреблений (они именуются «денотативными статусами»): экзистенциальные (в разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, атрибутивные, родовые [Падучева 1985: 94]. Поэтому, для местоимения МЫ характерны, по меньшей мере, три «денотативных» статуса.

В соответствии с данным подходом можно предложить достаточно строгую классификацию разных типов употребления МЫ: первичные референтные, вторичные референтные и нереферентные употребления и их разновидности.

В результате исследования была получена целостная картина типов употребления МЫ и МУ, причем было выяснено, что основные типы первичных референтных, вторичных референтных и нереферентных употреблений указанных местоимений в русском и чешском языках в основном совпадают. В данной работе предпринимается попытка сопоставления некоторых типов употребления местоимения МЫ и МУ.

I. Первичные референтные употребления

(инклюзивное): *Вам будет немножко скучно... ну да мы с вами будем жить по-приятельски //* В чешском языке эквивалента инклюзивному «МЫ» не нашлось. Жители Чехии сказали бы: *Jdeme s tebou na pivo*. Местоимение «Му» не употребляется, так как это является избыточным с грамматической точки зрения. Личные местоимения при глаголах употребляются лишь тогда, когда в предложении на них делается логическое ударение.

(эксклюзивное): *Мы с ним росли в одном дворе / My s bratrem jsme tam ale nemohli, a tak jsme zůstali v Praze*.

II. Вторичные референтные употребления

(«авторское», научное): *В настоящей работе мы предполагаем описать коммуникативно прагматические свойства местоимений... / Stačí syntax na sémantiku? (a my je pak musíme brát jako dvě různá slova)*.

(«авторское», публицистическое): *Поскольку знаменитостям, имеющим склонность к выпивке, мы уже посвящали материал, начнем с одной из самых «невинных» и распространенных привычек в актерской среде - с курения. / Čtenář nám jistě promine, že...*

(«авторское», художественное): **Мы** уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями [А. С. Пушкин, Повести Белкина]/**Мы** ho necháme čekat a zatím si povíme, na co má ten drát [Z. Svěrák, Fotograf]; (pluralis majestaticus): **Мы**, Николай II,.../ **Мы**, Karel IV., král český, tímto oznamujeme...; (первое производное: «начальническое»): Ну и все же: пришел момент, Вас вызывает начальник и говорит: извините, но **мы** Вас увольняем.../ **Так ты** ti teda ten propuštěák dáte («социально-ролевое»): [Врач – пациенту]: – Ну, как **мы** себя чувствуем?/ **Jakpak jste se vyspali, pane Dvořáku?**; («социально-ролевое»): [Учитель – классу]: – Завтра **мы** пишем контрольную/ **Tak děti, zítra napíšete test, tak šup k učení a šprtat se:**; («психологическое»): [Мать – ребенку]: – Сейчас **мы** будем кушать кашку? / **Posadím ji do židličky a vundám přesnídávku. “Так ты budete parat... Otevři pusinku...;** («психологическое»): [Мать – кому-то о своем ребенке]: **Мы** начали в 4 месяца кушать рисовую кашку «Малышка».../ **Ahojky, ты chodíme od půl roka ...Malej vodu miluje...**

III. Нереперентные употребления

(«экзистенциальное»: ‘я + некоторые лица’): – И когда же, где же вздумали люди обайбачиться? – кричал он в четыре часа утра, но уже несколько осипшим голосом. – У **нас!** теперь! в России! **Však ji Hora vydal roku 1929, kdy nemohl vědět, co víme ты** [Z. Svěrák, Ivanka a Lenin]; («родовое»: ‘я + определенная группа людей’): **Мы**, учителя, боялись Беликова.../ **Мы** ženu o sebe pravidelně řečujeme v mnoha směrech; (производное первое: метонимическое: ‘мы = учреждение, предприятие’): – **Мы** закрываемся на обед! / **10 důvodů proč právě ты** (Společnost Galileo – stavíme města, hrady, obce a zámky virtuálně); («универсальное»: ‘я + все’): – Для чего **мы** живем на этой Земле?/ **Proč ты** žijete? **Jaký má náš život smysl?**; (производное первое: **Мы** «лирического героя»): **Мы** в такие шагали дали, / **Что не очень-то и дойдем.** / **Мы** годами в засаде ждали, / **Невзирая на снег и дождь...** [А. Макаревич, Синяя птица] ... **Мы** přijdem! **Odpusť, matičko, již jsi nám, Země, malá ...**[Jan Neruda, Písně kosmické].

Причины совпадения русских и чешских вариантов употребления **Мы** и **Мы** объясняются как генетическим родством сравниваемых языков, так и значительной общностью доминирующих типов культурного развития. Кроме этого, немаловажными являются и общечеловеческие, универсальные свойства человеческой коммуникации в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЮЛЕР, К. (1993): *Теория языка. Репрезентативная функция языка*: Пер. с нем. /К. Бюлер / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: «Прогресс».
- МАЙТИНСКАЯ, К. Е. (1969): *Местоимения в языках разных систем*. М.: Наука.
- ПАДУЧЕВА, Е. В. (1985): *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: «Наука».
- Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков*. Академия наук СССР Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1990.
- Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: «Наука», 1994.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2007): *Его Лоquens: Язык и коммуникационное пространство*. М.: РГГУ.
- Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. Кол. мон. М.: Наука, 1992.
- Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Academia. Praha, 2001.

ЯН ГРЕГОР

Чехия, Ческе Будейовице

СМЫСЛОВАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ УНИ- И МУЛЬТИВЕРБОВ ПО СРАВНЕНИЮ С ИХ ЧЕШСКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ

ABSTRACT:

The Semantic Typology of Russian One- and Multi-Word Forms in Comparison with Their Czech Equivalents

The paper presents the semantic typology of Russian one- and multi-word forms, e. g. *cukrovar – сахарный завод*, in comparison with their Czech equivalents on base of synchronous analysis of vocabularies of two cognate languages. Several characteristic semantic groups of these items being compared are shown. Differences in the field of Czech and Russian word formation are mentioned, too. At the same time, the function and using the element (*завод, машина, место, слово*, etc.) in many multi-word forms' patterns in both languages are noticed and commented. The received results are important, in particular, for effective acquisition of this type of one- and multi-word forms, for their lexicographical compilation as well as for the translation practice.

KEY WORDS:

One- and multi-word forms – semantic formation typology – synchronous analysis.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу чешских и русских **синтетических наименований** (далее «СН» или же однословные наименования, универбы) и **аналитических наименований** (далее «АН» или же двух- или многословные наименования, мультивербы). **Материалом** для статьи послужил собранный обширный лексический материал – приблизительно 2 000 чешских СН и АН и то же количество их русских соответствий.

Цель настоящей статьи – попытка выявления:

- соответствующих, самых типичных областей, включающих в себя АН;
- формальных опорных лексем, на основе которых образуются цепочки похожих наименований в виде лексико-семантических групп в разного типа областях.

Как известно, в РЯ помимо других действует значимая тенденция к морфолого-синтаксическому способу словообразования, являющемуся прямо проти-

воположным к морфолого-суффиксальному способу словообразования, преобладающему в ЧЯ. Отмечается также, что в обоих языках существуют схожие словообразовательные механизмы образования универбов, но в ЧЯ (особенно в его разговорном варианте) процесс универбации явно превалирует (Lotto 2009: 15, 66–67, 75).

По сравнению с ЧЯ аналитические наименования в РЯ встречаются, прежде всего, в нескольких определённых областях (ср. Žaža 1999). Речь идёт, в частности, о следующих областях:

1 ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕСТА

1.1 место, внешние пространства

(скорее) в конкретном, прямом значении, напр.: **bojiště** + o – o + поле битвы / боя / сражения; **brambořiště** + o – o + картофельное поле; **brankoviště** + o – o + площадь ворот; **bydliště** + o – o – местожительство + место жительства / проживания; **cvičiště** (воен.) + o – o + учебный плац; **dějiště** + o – o + место действия; **hnojiště** + o – o + навозная куча; **hřiště / cvičiště** + o – o – спортплощадка + спортивная площадка; площадка для игры; **koupaliště** + o – o + открытый бассейн; **naleziště** + o – o – месторождение + место находки; **orchestríště** + o – o + оркестровая яма; **popraviště** + o – o – эшафот + место казни; **pracoviště** + o – o + место работы; рабочее место; **rodiště** + místo narození – месторождение (устар.) + место рождения; **sportoviště** + o – o + место, где проводятся (спортивные) соревнования; **staveniště** + o – o – стройплощадка + строительная площадка; место постройки; **závodíště** + o – o + место состязания; беговая дорожка (атлет.); **divočina** + o – o + дикий / заброшенный край / местность; **letovisko** + o – o + дачная местность; **nadchod** + o – o + надземный переход; **nádvoří** + o – o + внутренний двор; **plocha** (на экране компьютера) + o – o + рабочий стол; **sídlo** + o – o – местонахождение + место нахождения; **vyhlídka** + o – o + смотровая площадка; **jinde** + o – o + в другом месте и др. **X o + volné (pracovní) místo** – вакансия + свободное (рабочее) место; **o + skokanský můstek** – трамплин + o; **o + záplavové území** – пойма + o

(скорее) в переносном, косвенном значении:

o + bod mrazu – o + точка замерзания; **o + bod tání** – o + точка таяния / плавления; **o + bod varu** – o + точка кипения; **hledisko / stanovisko** + o – o + точка зрения; **o + opěrný bod** – o + точка опоры; **průsečík** + o – o + точка пересечения; **slabina** + *slabé místo / stránka* – o + большое / слабое / уязвимое место; **soukromí** + o – o + личное пространство; **východisko** + o – o + исходная / отправная точка; **zázemí** + o – o + домашний очаг и др.

1.2 экономические организации

1.2.1 заводы, фабрики, предприятия (занимающие определённую площадь)

пищевой промышленности, напр.: **cukrovar** + o – o + сахарный завод; **lihovar**; **pařírna** + o – o – винокурня + винокурный / спиртовой з.; **pivovar** + o – o – пивзавод / пивоварня (разг.) + пивоваренный з.; **škrobárna** + o – o + крахмальный з.; з. по производству крахмала и др. **X mlékárna** + o – o – маслозавод; молокозавод + o

(машинно)строительной и металлургической промышленности, напр.: **automobilka** + *automobilový podnik / závod* – автозавод + автомобильное предприятие / з.; **betonárna / betonárna** + o – o + бетонный з.; з. по производству бетона; **brusárna** + o – o – гранильня + гранильная фабрика; **cementárna** + o – o + цементный з.; **cihelna** + o – o + кирпичный з.; **ocelárna** + o – o + сталелитейный з.; **panelárna** + o – o + з. крупнопанельных изделий; **strojírna** + o – o + машиностроительный з.; **válcovna** + o – o + прокатный з. / цех; **vápenka** + o – o + известковый з.; **zbrojovka** + o – o + оружейный з.; з. по производству оружия; **železárna** + o – o + металлургический з. / комбинат и др. перерабатывающей и другой промышленности, напр.: **papírna** + o – o / ЦБЗ + бумажная фабрика; ф. по производству бумаги; целлюлозно-бумажный з.; **plynárna** + o – o + газовый з.; **porcelánka** + o – o + фарфоровый з.; з. фарфоровых изделий; **sklárna**

+ o – *стеклозавод* (разг.) + *стекольный з.*; **spalovna** + o – o + *мусоросжигательный / мусороперерабатывающий з. / станция* и др.

Данного типа наименования обладают в ЧЯ всегда своим произведённым СН. В РЯ употребляются в большинстве случаев только описательные АН в качестве очень простой, частотной и продуктивной модели с формальными опорными лексемами *завод, фабрика, цех* и др. Однако тенденция к употреблению сокращённого СН проявляется также в РЯ, особенно в случае морфологически подходящих АН, от которых образуются СН на основе разных словообразовательных приёмов, в т.ч. сокращения (ср. *пивзавод*), сложения (ср. *автозавод, стеклозавод*), деривации (ср. *винокурня, пивоварня*), субстантивации прилагательных (ср. *разливочная*). Перечисленные русские СН, однако, часто носят разговорный характер.

1.2.2 магазины, мастерские

Напр.: **autopůjčovna** + *půjčovna automobilů* – o + *прокатный пункт автомобилей*; **autoservis / autoopravna** + o – *автосервис + авторемонтная мастерская*; **benzinka** (разг.) + *benzinová / čerpací stanice; benzinové čerpadlo* – *бензоколонка* (разг.); (авто)заправка (разг.) / АЗС + (авто)заправочная станция; **čalounictví** + o – o + *обойный цех*; **čistírna** + o – *химчистка + химическая чистка*; **hodinářství** + o – o + *ремонт часов; часовая мастерская*; **knihkupectví** + o – o + *книжный магазин*; **prodejna** + o – o + *торговая точка*; **stáčírna** + o – *разливочная + разливной / разливочный цех; з. по разливу чего* и др. **čajovna** + o – *чайная* + o

1.2.3 другие общества, фирмы, учреждения

Напр.: **akciovka** (разг.) / *a.s. + akciová společnost* – o / АО + *акционерное общество*; **cestovka** (разг.) + *cestovní kancelář* – *турфирма / -агентство + туристическая фирма / агентство*; **zotavovna** + o – o + *дом отдыха* и др.

1.3 внутренние части зданий

Напр.: **aula** + o – o + *актовый зал*; **balírna** + o – *упаковочная + упаковочное помещение*; **čekárna** + o – o + *зал ожидания*; **čítárna** + o – o + *читальный зал*; **dozorna / velín** + o – o + *зал управления; диспетчерский пункт*; **galerie / obrazárna** + o – o + *картинная галерея*; **herna / kasino** + o – *казино + игорный дом / зал*; **hlediště** + o – o + *зрительный зал*; **kočárkárna** + o – o + *место для колясок*; **kolárna** + o – o + *место / площадка для велосипедов*; **lyžárna** + o – o + *помещение для хранения лыж*; **obývací pokoj – гостиная + жилая / общая / большая (разг.) *комната*; **posilovna** + o – *тренажёр (разг.) / качалка* (разг.) + *тренажёрный зал*; **ředitelna** + o – o + *кабинет директора*; **strojovna** + o – *машинный зал; машинное отделение / помещение*; **studovna** + o – *рабочка (сленг.) + рабочая / учебная комната; комната для (учебных) занятий*; **tančírna** + o – *танцзал / танцплощадка + танцевальный зал / площадка*; **tělocvična** + o – *спортзал + спортивный зал*; **zasedačka** (разг.) + *zasedací místnost* – o + *зал заседаний* и др.**

Данного типа наименования тоже обладают в ЧЯ всегда своим произведённым СН. В РЯ употребляются в большинстве случаев только описательные АН в качестве очень простой, частотной и продуктивной модели, в частности, с формальной опорной лексемой *зал*. Лишь в виде исключения встречаются в РЯ для выражения данного значения СН, ср. *танцзал, спортзал, казино*.

2 ОБОЗНАЧЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Напр.: **jínam** + o – o + *в другое место*; **jínudy** + o – o + *по другой дороге / пути; другой дорогой / путём* и др.

3 ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Напр.: **časem** + o – o + *со временем*; *через какое-то время*; **dodnes** + *do dnešního dne* – o +

до сегодняшнего дня; **donedávna + do nedávné doby** – о + до недавнего времени; **jindy** + о – о + в другое / иное время; в другой раз и др.

4 ТЕРМИНОЛОГИЯ, напр.:

биологии – обозначение животных, напр.: **hvězdice** + о – о + морская звезда; **kos** + о – о + чёрный дрозд; **masožravec** + о – о + плотоядное животное; **můra** + о – о + ночная бабочка; **netopýr** + о – о + летучая мышь; **sob** + о – о + северный олень; **žížala** + о – о + дождевой червь и др.

биологии – обозначение растений, напр.: **fikovník** + о – о + фиговое дерево; **kapusta** + о – о + садовая капуста; **květák** + о – о + цветная капуста и др. **X** о + **jahoda lesní** – земляника + о; о + **jahoda zahradní** – клубника + о

геологии, напр.: **bystřina** + о – о + горный ручей / поток; **drahokam** + о – самоцвет + драгоценный / самоцветный камень; **měsíček** (минер.) + о – о + лунный камень и др.

математики, напр.: **dvojnásobek** + о – о + двойное количество; **násobilka** + о – о + таблица умножения и др.

медицины – обозначение частей тела, напр.: **bránice** + о – о + грудобрюшная преграда; **brzlík** + о – о + зобная железа; **bubínek** + о – о + барабанная перепонка и многие другие русские АН в качестве соответствий чешских СН, ср. *hlasivky, hrudník, krvinka, mícha, mozek (kostní dřev)* и др.

спорта, напр.: **backhand** + о – о + удар слева (в теннисе); **cyklistika** + о – велоспорт + велосипедный спорт; **dvojchyba** + о – о + двойная ошибка; **krasobruslení** + о – о + фигурное катание; **nadhmát** + о – о + хват сверху; **prostná** + о – о + вольные упражнения и др.

техники – названия приборов, устройств или их частей, напр.: **bruska** + о – о + шлифовальный станок; **digitál** (разг.) / **digifotoaparát** + *digitální fotoaparát* – о + цифровой / цифровой фотоаппарат; **hasák** + о – о + трубный ключ; **zkrat** + о – о + короткое замыкание и др. **X** о + **čistič vzduchu** – воздухоочиститель + очиститель воздуха

филологии, напр.: **mateřština** + *mateřský jazyk* – о + родной язык; **nominativ** + *první rád* – о + именительный падеж; **otazník** + о – о + вопросительный знак; знак вопроса и многие другие русские АН в качестве соответствий чешских СН, ср. *časomíra, číslovka, středník* и др.

экономики, напр.: **dluhopis** + о – о + долговое обязательство; **dobropis** + о – о + запись в кредит счета и др.

5 ОБОЗНАЧЕНИЕ ВЕЩЕСТВ, МАТЕРИАЛОВ И ИХ СВОЙСТВ

Напр.: **slonovina** + о – о + слоновая кость; **stavivo** + о – строительный материал + строительный м.; **sušina** (*síra, krevní plazma*) + о – о + сухой остаток / вещество; **škodlivina** + *škodlivá látka* – о + вредное в.; **tříslovina** + о – о + дубильный м.; **výbušnina** / **třaskavina** + *výbušná látka* – взрывчатка (разг.) + взрывчатое в.; **zvonovina** + о – о + колокольная бронза; **žiravina** + о – едкое в.; **živina** + о – о + питательное в. и др. **X** о + **kompromitující materiál** – компромат (разг.) + компрометирующий м.

Напр.: **brousitelnost** + о – о + способность шлифоваться; **lepivost** + о – о + клеящая / склеивающая с.; **pronikavost** + о – о + проникающая с.; **propustnost** + о – о + пропускательная с.; **přetížitelnost** + о – о + с. к перегрузке; **ředitelnost** + о – о + с. к разбавлению; **řezivost** + о – о + режущая с. (ножей); **sálavost** + о – о + лучеиспускательная с.; **smáčivost** + о – о + смачивающая с.; **spřádavost** + о – о + прядильная с.; **vaznost** + о – о + связывающая с.; **výhřevnost** + о – о + теплоотворная с. и др.

6 ОБОЗНАЧЕНИЕ ОПЛАЧИВАЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

Напр.: **jízdenka** + о – о + билет на проезд; **jízdenka** (на поезд) + о – о + билет на поезд; **letenka** + о – авиабилет + билет на самолёт; **(výherní) los** + о – о + лотерейный билет;

o + los, který vyhrává – *o* + выигрышный билет; *palubenka / místenka* (на самолёт, поезд) + *o* – *o* + посадочный талон; *stravenka* + *o* – *o* + талон / чек на питание / обед; чек-питание; *vstupenka* + *o* – *o* + входной билет (на культурное мероприятие); *zpáteční (jízdenka)* + *o* – *o* + билет туда и обратно и др.

7 ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ БЫТА:

одежды и аксессуаров, напр.: *kapeník* + *o* – *o* + носовой платок; *konfekce* + *o* – *o* + готовая одежда и др. *X* *o* + *krátký dámský kostýmový kabátek* – жакет + *o*

8 ОБОЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ В ВИДЕ НАЗВАНИЯ:

родственников, напр.: *bratranec* + *o* – кузен (устар.) + двоюродный брат; *kmotr* + *o* – *o* + крёстный отец и др.

сказочных лиц, напр.: *bludička* + *o* – *o* + блуждающий огонёк; *divoženka* + *o* – *o* + лесная нимфа и др.

профессий, напр.: *primář* – *o* – главврач (разг.) + главный врач; *stavbyvedoucí* + *o* – прораб (разг.) + производитель работ; *školník* + *o* – *o* + школьный сторож; *vlakvedoucí* + *o* – *o* + начальник поезда и др.

социального статуса, напр.: *bezdomovec* + *o* – бездомный / БОМЖ + человек без определённого места жительства и работы; *jedináček* + *o* – *o* + единственный ребёнок / сын / дочь; *přítel / partner* + *o* – друг + молодой человек; *společník* + *o* – компаньон + участник общества и др.

свойства характера, напр.: *hlupák* + *hloupý člověk* – дурак; дура; глупец + глупый человек; *prospěchář* + *o* – корыстолюбец + корыстный человек; *protiva* (разг.) + *o* – *o* + противный человек (разг.); *surovec* + *o* – *o* + суровый / жестокий человек; *šťastlivec* + *šťastný člověk* – счастливчик; счастливец + счастливый человек

9 ОБОЗНАЧЕНИЕ СОВОКУПНОСТИ

финансов в форме денежных сумм, напр.: *clo* + *o* – *o* + таможенная пошлина; *hovorné* + *o* – *o* + плата за разговор по телефону / за телефонные переговоры / за телефон (разг.); *parkovné* + *o* – *o* + плата за парковку; *pohřebné* + *o* – *o* + пособие на похороны; *stravné* + *o* – *o* + плата за питание; оплата обедов; *školné* + *o* – *o* + плата за обучение / учёбу; *vodné* + *o* – *o* + плата за воду / водоснабжение; *vstupné* + *o* – *o* + входная плата; плата за вход и др.

отрасли, напр.: *bankovníctví* + *o* – *o* + банковское дело; *finančníctví* + *o* – *o* + финансовое дело; *gumárenství* + *o* – *o* + резиновая отрасль / промышленность; *hornictví* + *o* – *o* + горное дело; *hotelnictví* + *o* – *o* + гостиничное хозяйство / дело / сервис; *lázeňství* + *o* – *o* + курортное дело; *letectví* + *o* – *o* + лётное дело; *modeling* + *o* – *o* + модельный бизнес; *školsství* + *o* – *o* + школьное дело; *výstavnictví* + *o* – *o* + выставочное дело и др.

лиц в форме группы лиц, напр.: *družina* + *o* – продлёнка (разг.) + группа / школа продлённого дня; *mocní* + *o* – *o* + власть имущие и др.

Следует отметить, что указанные условные лексико-семантические группы образуются и перекрещиваются как в РЯ, так и, в меньшей степени, в ЧЯ и их количество и состав не ограничиваются выше приведёнными распределением и примерами.¹ Особенно в РЯ существует также большое количество отдельно стоящих АН, не входящих в какую-либо определённую группу для обозначения похожего значения, ср., напр., *kredenc* + *o* – *o* + кухонный шкаф; *kr-tina / krtinec* + *o* – *o* + кротовый холмик / кочка / насыпь; *kotvit* + *o* – *o* + бросить якорь; стоять на якоре; *šlapat* (на велосипеде) + *o* – *o* + крутить педали и мн. др.

¹ Сюда можно отнести и широкую область устойчивых глагольно-именных словосочетаний (см. Gregor 2008a; Gregor 2008b).

Показательно, что как в РЯ, так и в ЧЯ существует вышестоящая лексема с довольно общим значением, напр., *дорога, жук, завод*, нуждающимся в уточнении с помощью второй (других) лексемы, являющейся формальным опорным элементом словосочетания. Именно такой опорный элемент можно в другом языке ввиду его смысловой ослабленности (опустошённости), как правило, опустить. Возникающие цепочки лексем встречаются, в первую очередь, в РЯ, тяготеющем к употреблению аналитических наименований.

В соответствии с этим можно сделать вывод, что функционирование АН (мультивербов) в обоих языках руководствуется, по нашему мнению, следующими закономерностями:

- существует тенденция образовать целый ряд словосочетаний для выражения соответствующего значения на основании одной (или больше) формальной опорной лексемы в рамках той же модели в обоих сопоставляемых языках, ср., напр., *место / точка / поле / площадка...*; *завод / фабрика; мастерская / цех / магазин...*; *зал / комната...*; *дорога / путь; время...*; *вещество / материал...*; *способность; билет / талон; человек; плата...*; *дело...* и др.
- чем шире и неопределённее значение опорной лексемы (при наличии разнovidностей) в обоих сопоставляемых языках, тем вероятнее употребление «вспомогательных слов» вместе с ней, ср.: **дорога**: *железная д.* (železnice); *канатная д.* (lanovka); **жук**: *майский ж.* (chroust obecny); *колорадский ж.* (mandelinka bramborová); **завод**: *цементный з.* (cementárna); *кирпичный з.* (cihelna)...; **машина**: *камнерезная м.* (stroj na řezání kamene); *копировальная м. / ксерокс (разг.)* (kopírka); *посудомоечная м. / посудомойка (разг.)* (myčka (разг.) + myčka na nádobí); *сварочная м. / сварочный аппарат (svářečka)*...; *сверлильная м.* (vrtačka); *стиральная м. / стиралка (разг.)* (pračka); *м. иностранной марки / иномарка* (automobil cizí značky); **место**: *м. жительства / местожительство* (bydliště); *м. рождения / месторождение (устар.)* (rodiště); *м. нахождения / местонахождение* (sídl)...; **слово**: *вводное с.* (vsuvka); *сложное с.* (složenina); *сложносокращённое с.* (zkratka)...; **спорт**: *горнолыжный с.* (sjezdové lyžování); *конный с.* (jezdecktví); *конькобежный с.* (rychlolobruslení); *парашютный с.* (parašutismus); *парусный / яхтенный / яхтный с. / яхтинг* (jachting)...; **язык**: *иностранный я.* (cizí jazyk); *родной я.* (mateřština + mateřský jazyk)...; **dělat**: *д. reklam* (рекламировать); *д. hanbu / ostudu* – позорить...; **policista**: *дopravní р. / dopravák (разг.)* (регулировщик); *kriminální р. / kriminalista* (криминалист); **ruch**: *cestovní г. / turistika / turismus* (туризм); *dopravní г.* (движение транспорта) и др.
- чем вероятнее употребление таких «вспомогательных слов», тем выше в РЯ и ЧЯ частотность употребления данного типа устойчивых словосочетаний (АН);
- частотность употребления анализируемых устойчивых словосочетаний (АН), в свою очередь, приводит к созданию новых моделей, возникающих на основе существующих. Данную тенденцию можно снова наблюдать в обоих сопоставляемых языках.

Разница² между РЯ и ЧЯ состоит, на наш взгляд, не в том, что ЧЯ не создаёт АН, или в том, что РЯ не создаёт СН, а именно в реакции на возникновение АН, где в ЧЯ под сильным влиянием закона экономии речевых усилий проявляется характерная тенденция к универбации, прежде всего, путём деривации, в то время как в РЯ действуют все словообразовательные приёмы более равномерно (ср. Грегор 2009). Упомянутый процесс приводит впоследствии в ЧЯ часто к тому, что АН перестают постепенно употребляться (ср. *kopírovací stroj* → **kopírka**; *propisovací tužka* → **propiska**; *plášť do deště* → **pláštěnka**; *řidičský průkaz* → **řidičák**; *občanský průkaz* → **občanka**; *cestovní pas* → **pas**; *automatická pračka* → **pračka**; *mobilní telefon* → **mobil**; *automobil* → **auto**), в то время как в РЯ на возникновение (наличие) АН или никакой реакции нет (ср., напр., **by-pass** – АКШ + (аорто)коронарное шунтирование; **dozorna / velín** – зал управления; диспетчерский пункт; **rychlík** – скорый поезд), или такие АН продолжают сосуществовать наряду с СН (ср., напр., **(cestovní) pas** – загранпаспорт + заграничный паспорт; **elektrárna** – электростанция + электрическая станция (книж.); **železnice** – железка (разг.) + железная дорога).

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

АН – аналитическое наименование; РЯ – русский язык; СН – синтетическое наименование; ЧЯ – чешский язык.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРАКИН, В. Д. (2008): Сравнительная типология английского и русского языков. М. 232 с. ISBN 978-5-9221-0904-8
- ГРЕГОР, Я. (2009): Структурная и словообразовательная типология русских уни- и мультивербов по сравнению с их чешскими соответствиями. In: *Rossica Olomucensia XLVIII (za rok 2009)*. Olomouc, с. 87–93.
- ЛАПТЕВА, О. А. (2008): Новообразования на -ка в современной речи. М. 136 с. ISBN 978-5-06-005615-0
- РАЦИБУРСКАЯ, Л. (2009): Специфика словообразовательных процессов в современном русском языке. *Opera Slavica* 19, № 2, с. 1–10.
- ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2007): Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М. 152 с. ISBN 978-5-382-00368-9
- ШАНСКИЙ, Н. М. (2005): Очерки по русскому словообразованию. М. 336 с. ISBN 5-484-00070-X-7.
- GREGOR, J. (2007): *Typologie lexikálních vztahů ruských ustálených verbonominálních spojení s formálním slovesem datě a jejich souvztájných sloves (ve srovnání s češtinou)*. *Slavia* 76, č. 4, с. 373–38
- GREGOR, J. (2008a): *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu)*. Olomouc. 398 с. ISBN 978-80-244-1933-6
- GREGOR, J. (2008b): *Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou)*. České Budějovice. 300 с. ISBN 978-80-86708-56-0
- HARDOŠOVÁ, M. (2008): *Viacslovné ekonomické nominálne pomenovania v angličtine a ich slovenské ekvivalenty*. In: *Lingua rossica et communicatio*. Ostrava, с. 19–26.
<http://slovari.yandex.ru/~книги/Издательский%20словарь>
- CHLUPÁČOVÁ, K. (1977): *Systémové vztahy v ruské lexice a možnosti konfrontačního studia*. In: *Bulletin ruského jazyka a literatury*, 21. Praha, с. 5–20.
- ISAČENKO, A. V. (1957): *Obecné zákonitosti a národní specifčnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků*. In: *K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků*. Olomouc – Praha, с. 143–151.
- КОРЕЦКИ, Л. В. et al. (1979): *Пособие по лексикологии русского литературного языка*. Praha. 208 с. ISBN 14-572-79

² Ментальной сущностью формальных и содержательных отличий на сопоставительном уровне чешско-русского дискурса занимается, прежде всего, когнитивная лингвистика (см. Korostenski 2010).

- KOROSTENSKI, J. (2008): *Языковые рефлексии некоторых аспектов концепта ‚контейнер-емкости‘ в русском языке (в частичном сопоставлении с чешским)*. *Rossica Olomucensia* № 2 (XLVII). Olomouc, c. 15–28.
- KOROSTENSKI, J. (2010): *Kognitivní aspekty spojitelnosti v ruštině a češtině*. *Bohemica Olomucensia* 3 – *Linguistica*. Olomouc, c. 71–79.
- LOTKO, E. (2002): *O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny)*. In: *Slovanské studie* V. Ostrava, c. 7–23. ISBN 80-7042-609-8
- LOTKO, E. (2009): *Srovnávací a bohemistické studie*. Olomouc. 312 c. ISBN 978-80-244-2201-5
- RUDINCOVÁ, B. (2001): *Typy pojmenování v současné ruštině (zejména v podnikatelské oblasti)*. Ostrava. 210 c. ISBN 80-7042-586-5
- RUDINCOVÁ, B. (2002): *Univerbizace jako prostředek úpravy pojmenování*. In: *Slovanské studie* V. Ostrava, c. 71–84. ISBN 80-7042-609-8
- VAVREČKA, M. – RACLAVSKÁ, J. (2006): *Ustálená slovní spojení v češtině, polštině a ruštině*. In: *Pocta Evě Mrhačové*. Ostrava, c. 249–253.
- ŽAŽA, S. (1999): *Ruština a čeština v porovnávacím pohledu*. Brno. 122 c. ISBN 80-210-2058-X

ВАЛЕРИЙ ГРЕЧКО

Япония, Кобе

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ABSTRACT:

Paralinguistic Elements Used in Contemporary Russian Poetry

The present paper deals with the use of paralinguistic elements in contemporary Russian poetry. Various kinds of paralinguistic devices are distinguished. It is shown, that visual, kinetic, sonoric and other non-verbal components have become an important part of contemporary poetic praxis. The intensive use of the paralinguistic devices by contemporary poets makes it necessary to review the common definition of poetry as a verbal art.

KEY WORDS:

Paralinguistics – contemporary poetry – visual poetry – gestures – neo-avant-garde.

Согласно словарному определению, поэзия представляет собой вид словесного (вербального) искусства. Это именно то понимание поэзии, которое является наиболее очевидным и привычным. Однако если мы пролистаем сборники современной поэзии или посмотрим поэтические страницы, представленные в Интернете, то станет очевидным, что данное определение нуждается в корректировке. Уже беглого взгляда будет достаточно, чтобы понять, что наряду с вербальными, в современной поэзии используются и разнообразные паравербальные или паралингвистические средства.

В данном обзоре мы попытаемся дать общую классификацию паралингвистических средств современной поэзии, а также ответить на вопрос, каковы причины столь интенсивного их использования в последнее время. В своей классификации мы будем опираться на разделение, данное Т. Николаевой [Николаева 1990: 367]. Определяя паралингвистику как «совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации», она различает три вида паралингвистических средств: фонационные, графические и кинетические. Представляется, что говоря о поэзии, к этому перечню необходимо было бы добавить еще и обширный класс пограничных случаев, которые

можно было бы назвать «паравербальные». С него мы и начнем наше рассмотрение. Дело в том, что в противоположность обычному, непоэтическому употреблению языка, в котором языковой код представляет собой основу, а паралингвистические средства могут служить дополнением, в поэзии нередко возникают случаи, когда объектом экспериментов становится сам языковой код. В результате он теряет свой системный характер, а в некоторых случаях может полностью разрушаться. Наиболее известным примером подобного рода является так называемый заумный язык русских футуристов. Несмотря на непростую судьбу поэтической линии футуризма в XX веке, традиция заумной поэзии активно разрабатывается и современными поэтами (здесь можно назвать, например, основателя «Академии зауми» С. Бирюкова, а также С. Сигея, Р. Никонову и др.).

Трансформации стандартного языкового кода в заумном языке могут затрагивать различные языковые уровни и доходить до его полного разрушения (типа *дыр бул щыл* Крученых). В таких случаях мы имеем перед собой сообщение, лишь формально подходящее под критерии вербальности, по сути же являющееся псевдо- или паравербальным.

Важнейшим приемом заумного словотворчества является различного рода комбинаторика и пермутация. Предпосылкой для разнообразных сдвигов и комбинаторных перестановок является нивелирование иерархии языковых элементов разных уровней и отмена ограничений на их сочетаемость. Нужно заметить, что иерархия языковых уровней основана прежде всего на семантике, здесь же мы имеем дело в первую очередь с ненормативными синтаксическими последовательностями, которые вначале разрушают конвенциональную семантику, и лишь затем могут семантизироваться вторично (Роман Якобсон говорит в этой связи о «словах, как бы подыскивающих себе значение» [Якобсон 1987: 313]).

Вторичная семантизация – это в значительной степени игровой процесс, в котором автор может давать потенциальному читателю некоторые «подсказки»: рассечение, слияние и инкорпорирование слов и морфем (выраженные с помощью неконвенциональных пробелов или их отсутствия, разных шрифтов, заглавных букв и т.д.), особое расположение текста на странице или какие-либо иные указания, направляющие внимание читателя. В результате семантическое содержание корневых морфем подвергается переосмыслению в процессе «поэтической» этимологии, к тому же семантизации подвергаются даже те элементы, которые в стандартном языковом коде самостоятельного лексического значения не имеют.

Логическим продолжением комбинаторного принципа является нелинейность текста, также в значительной степени характерная для современной поэзии. С отменой языковой иерархии и ограничений на сочетаемость языковых элементов возрастает степень свободы пространственной организации элементов текста, с одной стороны, и последовательности их восприятия, с другой, так что пространственное расположение текстовых, графических и иных компонентов поэтического текста становится значимым фактором.

Нелинейность письма и отсутствие иерархии между элементами текста тесно связаны с использованием другой категории паралингвистических средств – графических. Ибо если языковые единицы лишены конвенциональной семантики и ограничений относительно последовательности своего употребления, то ничто не мешает рассматривать их лишь как графические образы и включать в текст визуальные элементы неязыкового характера. Современные поэты активно используют самые разнообразные графические элементы, создавая своего рода подобие пиктографического письма.

Визуальная поэзия открывает широчайшие возможности, хотя, конечно, чем шире эти возможности эксплуатируются, тем актуальнее становится дискуссия о границах поэзии как вербального искусства. Это еще более касается тенденции к кинетизации, где статичное изображение становится подвижным (видео, анимация и т.д.) и поэтический текст перерастает в сложный мультимедийный комплекс (например, «флэш-поэзия» Е. Кацюбы).

Интересным явлением, балансирующим на грани вербальности и визуальности, являются различного рода палиндромы, получившие в современной русской поэзии очень продуктивное развитие, достаточно назвать здесь имена Д. Авалиани или В. Гершуни. Палиндромы, хотя и состоят из последовательности отдельных звуков-букв, воспринимаются как целостные образы. Как отмечает Юрий Лотман, при восприятии палиндромов одновременно активизируются когнитивные механизмы, связанные с обработкой дискурсивной и пространственно-визуальной информации.

Следующей важной группой паралингвистических средств современной поэзии являются кинетические средства. В первую очередь сюда относится широкое использование жестов. В творчестве современных поэтов жесты представляют собой переходное звено между вербальными и визуальными средствами выражения, стоя в одном ряду с пиктограммами. Соотношение вербального и визуального моментов при использовании жестов может быть различным – от чисто экспрессивных жестов, призванных передать эмоциональные состояния или эпатировать публику, до целых систем жестовой символики, «переводящих» в движение элементы языкового кода. Так, в системе, разработанной Л. Березовчук, значение некоторых приставок кодифицируется с помощью определенных движений рук: приставка *до* исполняется как выталкивающее движение ладонями, *сверх* – раскрытые ладони возносятся выше головы и т.д. Нетрудно заметить, что подобные соответствия носят икононический, изобразительный характер и являются по сути дела реализованными в движении пиктограммами.

К этой же категории можно отнести техники, эксплуатирующие различные маргинальные моменты тактильного характера, например, движения рук при перелистывании текстов. Интересно отметить, что за явным игровым моментом здесь угадывается еще и очень глубокое родство вербального и телесного, заставляющее нас вспомнить о теориях жестовой природы языка и телесной основе всех когнитивных способностей.

В этом же ряду телесно-физиологических средств воздействия современной поэзии стоят фонационные паралингвистические техники – использование тембровых и интонационных возможностей голоса, где опять же интересный пример представляет собой «новая риторика» Л. Березовчук. А. Тумольский отмечает в этой связи «сильнейшее, первично – физиологическое воздействие» голосовых модуляций на публику [Тумольский 2005: 458]. Отметим, что на глубокую связь между физическими характеристиками артикулируемого звука и передаваемым им эмоциональным значением указывал еще Лев Якубинский [Якубинский 1986]. Кроме того, здесь можно также упомянуть и так называемую «сонорную поэзию», виднейшим представителем которой является В. Шерстяной, ставящую в центр внимания акустические и артикуляционные свойства отдельных звуков.

Как мы видим, определение поэзии как вида словесного творчества в применении к современной поэтической практике верно лишь отчасти. Паралингвистические средства составляют сегодня ее существенную часть, и этот процесс получает все большее развитие. Почему это так? Вопрос о причинах этой тенденции заслуживает отдельной обстоятельной дискуссии. Здесь мы ограничимся лишь парой замечаний.

Одна из причин может лежать в следующем. Так как поэзия является искусством и имеет коммуникативную природу, то будет оправданным применить к анализу состояния современной поэзии семиотические термины. Как известно, в теории семиотики выделяются три большие области, соответствующие наиболее общим типам семиотических отношений: область семантики, т.е. отношения между знаком и обозначаемым, область синтактики, т.е. отношения знаков между собою, и область прагматики – отношение знаков и человека, который их использует [Моррис 1983]. Исходя из представленного выше обзора, сформулируем в общем виде одну из важнейших тенденций, которая, по нашему мнению, характеризует современную поэзию: семантическое измерение отступает в ней на второй план, тогда как синтактические и прагматические аспекты необычайно усиливаются. Очевидно, что на данном этапе однозначным преимуществом пользуется комбинаторно-перформативный подход, а семантические искания представлены более скромно. В центре внимания оказываются, с одной стороны, различные техники организации поэтического текста и, с другой, способы его подачи, перформанс. Однако если семантика отходит на второй план, то вербальные знаки по своим комбинаторным или прагматическим качествам во многом уравниваются с другими элементами текста (графическими символами, жестами, фонацией) и зачастую уступают им по интенсивности экспрессивного воздействия. Лишившись семантики, языковой знак становится лишь равным среди равных и испытывает значительную конкуренцию со стороны других способов завладеть вниманием потенциального «реципиента».

Другая причина лежит, вероятно, в быстром развитии технических средств и диверсификации медиальных воздействий, с которыми столкнулась современная культура. Этот первоначально внешний фактор очевидным образом

уже перерастает во внутренний, перестраивая особенности восприятия и другие когнитивные функции каждого последующего поколения. Так, вероятно, интенсивное развитие и многообразие палиндромических форм в современной русской поэзии можно объяснить не только наследием Хлебникова, но и общей тенденцией к визуализации восприятия и развитием соответствующих когнитивных способностей, наблюдающихся под воздействием современных визуально ориентированных медиа. Принимая во внимание эту тенденцию, будет логичным и в дальнейшем ожидать повышения удельного веса визуально-пространственной поэзии и интересных находок в этой области.

Включение в вербальный текст визуального и кинематического рядов позволяет говорить о синкретической тенденции в современной поэзии, о стремлении воздействовать на аудиторию одновременно через различные каналы восприятия. Вербальность становится лишь одним из выразительных средств, не всегда даже самым важным. Как отмечает Фатеева в своем анализе новейших тенденций современной поэзии, «сегодня невозможно не говорить о синтезе разных форм существования поэзии – вербальной, визуальной, аудиальной (сонорной) и перформативной (акциональной)» [Фатеева 2005: 260].

Таким образом, вероятно, лишь вопрос времени, когда словарное определение поэзии придется дополнить и говорить не только о вербальных, но и о множестве других элементах.

Использованная литература:

- МОРРИС, Ч. (1983): *Основания теории знаков*. In: Семиотика. Сборник переводов. М. 1983, С. 37–89.
- НИКОЛАЕВА, Т. М. (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.
- ТУМОЛЬСКИЙ, А. (2005): *Событие поэтического «из-речения», или размышления очевидца*. In: Russian Literature 2005, № 57 (3/4), С. 451–463.
- ФАТЕЕВА, Н. А. (2005): *Поэзия рубежа XX–XXI веков: реализованные возможности и возможность их реализации*. In: Russian Literature 2005, № 57 (3/4), С. 259–273.
- ЯКОБСОН, Р. О. (1987): *Новейшая русская поэзия*. In: Работы по поэтике. М., С. 272–316.
- ЯКУБИНСКИЙ, Л. П. (1986): *О звуках стихотворного языка*. In: Избранные работы. М. 1986, С. 163–176.

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ГРИГОРЬЕВА

Россия, Уфа

ОБРАЗНЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

ABSTRACT:

Descriptive and Symbolic Meanings of Words

Study of descriptive and symbolic meanings gives the possibility to analyze the passage of human knowledge from the individual (author's) descriptive idea of the phenomena of the surrounding world to the collective (national) symbolic perception of the most significant element, for in different cultures the lingual association and values vary, which lay the basis of a national world view.

KEY WORDS:

Symbol – image – meaning – cognitive – structure – concept – semantics.

Современные подходы к исследованию семантики, в частности когнитивный подход, позволяют по-новому взглянуть на развитие значения слова, формирование его переносных лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Особый интерес в этом плане представляет изучение значений языковых единиц, репрезентирующих концепт, в основе которого лежит предметное явление. Такие единицы по-разному участвуют в процессе лингвокогнитивной интерпретации действительности и имеют свои семантические и синтагматические особенности.

Можно выделить два типа употреблений конкретной лексемы (репрезентанта определенного концепта) – создающих **образные** и **символические** значения. Первый тип употреблений выявляется в сочетании данного конкретного имени с конкретным же, вызывающем в сознании человека ментальный образ, который, будучи порожденным одновременным представлением двух предметных явлений, раскрывает свойства одного через свойства другого. Такой образ возникает на базе образной метафоры, «являющейся способом особого видения предметной сущности субъектом, такого видения, при котором из множества ее свойств высвечиваются лишь те, что необходимы в данный момент» [Чернейко 1989: 98]. В нем содержится информация о том, как человек познает одну когнитивную структуру через другую, через какую имен-

но структуру, какие связи устанавливает между явлениями действительности. В данном типе контекста исследуемая языковая единица выступает в роли метафоризируемого и употребляется в прямом значении, например: *кочья **осени*** (*Мимо бежали пёстрые подмосковные рощи в последних кочьях золотой осени*. И. Грекова. В вагоне), *лется **солнце*** (*На нас лется такое солнце, и от ясного моря нельзя отвести глаз* С. Н. Сергеев-Ценский. Благая весть). Схематично контекст, в котором рождается образ у слов *осень*, *солнце*, можно представить следующим образом: именами *осень*, *солнце* называется когнитивная структура А, которая мыслится и познается через когнитивную структуру В (одежда, вода), приобретая их определенные свойства. А – основной субъект метафоры, В – вспомогательный субъект, фокус метафоры (по М. Блэку).

Разбирая именные сочетания конкретной леммы с конкретной типа *копна волос*, *ковёр цветов*, *лес рук*, Л. О. Чернейко отмечает, что «денотатом сочетания является денотат основного субъекта метафоры: слов *волосы*, *цветы*, *руки*, сигнификат вспомогательного субъекта метафоры денотату основного не соответствует, что и создает сдвиг номинации. Несоответствие денотата сигнификату слова *копна* порождает переносное значение этого слова. При этом происходит взаимодействие сигнификатов слов *копна* и *волосы*: сигнификат слова *волосы* получает от слова *копна* признак «количество», а также не входящий в сигнификат ассоциативный (коннотативный) признак «пышность, растрепанность». Слово *волосы* устраняет из сигнификата слова *копна* субстанциональный признак «сено»» [Чернейко 1989: 96].

Таким образом в сочетаниях *кочья осени* и *солнце лется* возникает образное значение, благодаря которому можно говорить об образах осени и солнца, хотя сами леммы *осень* и *солнце* употребляются в прямом значении.

Во втором типе контекстов исследуемые языковые единицы выступают в качестве метафоризаторов и приобретают переносные значения, например: ***осень** жизни* (*Стихи он начал писать осенью на даче; в то же время название сборника намекает на осень жизни, когда «зима», т.е. смерть, уже не за горами*. М. Сидур. Послание из Атлантиды), ***солнце** жизни* (*Солнце жизни моей, Россия, Укрепи на подвиг меня!* Рыленков. Золотое облако зноя). Они помогают описать, раскрыть природу умопостигаемых явлений, поэтому употребляются в сочетании с абстрактными леммами. Они выражают определенные оценки социума, причем традиционно сложившиеся, условно принятые обществом.

Соединением конкретного имени с абстрактным, по мнению Л. О. Чернейко, создаются не образы, а символы [Чернейко 1989: 94]. Символ – это знак, выполняющий заместительную функцию. В данных контекстах компоненты зрительно воспринимаемой сферы (*осень*, *солнце* – А) замещают компоненты невидимой, умопостигаемой сферы – онтологической, эмоционально-этической – С, опредмечивая их. Таким образом, переносное значение конкретной единицы, помогающей представить непредметное явление, можно назвать символическим. При этом, «приспосабливаясь к обозначению свойств непредметных сущностей, значения слов, обладающие предметно ориентированной семантикой, переосмысляясь, абстрагируются от свойств предметного

ряда и преобразуются в значения отвлеченного типа» [Телия 1981: 17]. Схематично контекст, в котором реализуется символическое значение у слов *осень*, *солнце*, можно представить следующим образом: имена *осень*, *солнце* называют когнитивную структуру А, которая помогает описать когнитивную умопостигаемую структуру С (увядание, ценность), передавая ей свои свойства.

А	← образ	В	→ символ	С
конкретное имя с прямым значением		конкретное имя с переносным значением	абстрактное имя с переносным значением	С абстрактное имя с переносным значением

В основе символа лежит образ. Но, как отмечает Н. Д. Арутюнова, переход от образа к символу «определяется факторами экстралингвистического порядка», обуславливается приобретением образом «определяющей жизнь человека или коллектива функции» [Арутюнова 1999: 338]. «Если образ опирается на предметный мир, то символ перенес точку опоры в мир смыслов» [Арутюнова 1999: 340], что и обуславливает типичную сочетаемость лексемы *образ* с конкретными существительными (*образ матери*, *образ героя*), а лексемы *символ* с существительными абстрактными (*символ материнской любви*, *символ героизма*) (примеры Н. Д. Арутюновой).

Образ обогащается интерпретациями художников слова, их поэтическим видением данной реальности. В каком-то смысле писатели и поэты сами создают образ. Символы в отличие от образов не создаются – нельзя создать символ, как нельзя создать традицию. Символ складывается культурно, исторически – авторы только реализуют, используют уже существующий символический потенциал для решения своих художественных, творческих задач.

Образ становится символом в силу приобретаемой им особой значимости не только в жизни лица (личный символ), но и глобальнее – в жизни социума, государства, религиозной или культурной общности, идейного содружества, рода, наконец, в жизни всего человечества (архетипические символы). В этом последнем случае символ сближается с базисной метафорой, апеллирующей к интуиции (о таких базисных метафорах много говорилось в литературе – см., например: Лакофф Дж., Джонсон М., 1988; Брагина Н. Г., 1999; Сергеева Л. А., 2003). При этом мы не должны забывать, что в художественном произведении автор может «поднимать» любое конкретное явление до уровня символа, приписывать ему символическое значение. Так, например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» луна (свет луны) становится символом «истинного света», символом вечной духовной жизни [см. об этом: Бессонова 1995: 260–261]. Как нам представляется, здесь мы сталкиваемся с неким явлением удвоения символических смыслов: свет – символ духовной жизни, луна – символ света в этом понимании. В данном случае речь идет о литературном символе, а не лингвистическом. Не следует также смешивать понятие символа и понятие эталона (мерила, образца) какого-либо явления. В этом смысле показательное использование выражения *светлее солнца самого* Б. Гребенщиковым, когда следует говорить о солнце не как о символе света, а как о его эталоне: солнце – самый яркий источник света.

Большая часть символически насыщенных языковых репрезентантов концепта образует несвободные сочетания, для которых характерно ограничение выбора слов-компонентов. Рассматривая такого рода сочетания, В. Н. Телия отмечает, что они выступают «как составные названия определенной реалии, конвенционно закрепленные за ней. Несвобода такого рода сочетаний обусловлена тем, что один из лексических компонентов переосмысливается, обозначая какой-либо признак, присущий значению другого компонента сочетания, который не претерпевает переосмысления и играет роль слова, семантически ключевого для отождествления слова в переосмысленном значении. Последнее осознается поэтому как «связанное», так как оно указывает на мир и выполняет знаковую функцию только при совместной реализации с определенным словом (или рядом определенных же слов). Связанное значение слова обычно сохраняет мотивированную деривационную связь с «предшествующим», производящим значение слова, входя в полисемичную его структуру» [Телия 1981: 9].

Таким образом, символическое значение складывается в языковом сообществе часто во фразеологически связанных сочетаниях в компоненте со связанным значением (*осень жизни*). Символически насыщенный компонент – компонент со связанным значением – выступает метафоризатором для семантически главного слова с отвлеченным значением. Далее эта устоявшаяся символика развивается и может употребляться в контекстах уже вне фразеологических сочетаний (*Он уже чувствовал: пришла его осень.*), часто продолжая семантическое развитие в дериватах (*осеннее настроение, солнышко мое*), а также метафорически насыщается в синтаксических конструкциях (*Как сделать осень женщины золотой* – название статьи).

Итак, в содержании концепта, в основе которого лежит зрительно воспринимаемое явление, можно выделить образную и символическую составляющие, по-разному участвующие в процессе лингвокогнитивной интерпретации действительности. Образная составляющая реализуется в сочетаниях языкового репрезентанта концепта (употребляющегося в прямом значении) с конкретной лексемой (выраженной в переносном значении) – представителем другой когнитивной структуры, перенимая у нее необходимые признаки, подчиняясь ей и метафоризируясь; и тем самым отражает особенность человеческого мышления познавать одну структуру через другую, осмыслять менее понятное, зрительно очерченное через более привычное, имеющее четкие контуры. Символическая составляющая концепта проявляется в контекстах, в которых его языковой репрезентант употребляется в переносном значении и уже сам помогает оценивать фрагмент иной, умопостигаемой сферы: эмоциональной, этической, гносеологической и др., т.е. выступает в качестве метафоризатора.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Язык и мир человека*. М.
БЕССОНОВА, М. И. (1995): *Символ луны как форма выражения образа автора в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»* In: Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова: Тезисы докладов. М., с. 260–261.
ЧЕРНЕЙКО, Л. О. (1989): *К типологии переносных лексических значений слова* In: Русский язык: Межведомственный сборник. Выпуск 9. Минск, с. 90–102.
ТЕЛИЯ, В. Н. (1981): Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М.

ЛЮБОМИР ГУЗИ

Словацкая Республика

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ

ABSTRACT:

The Specific Linguoculturological Features of Historical Narrative of Documentaries

Historical narrative in the workplace of mass media meet with the new forms of representation, which are not extended in the form of scientific narration but documentary with a great deal of metaphorical expression of the historical fact correlation to the present state of society. The main role in this process act the language and cultural overtones both of the past and the present recipients.

KEY WORDS:

Historical narrative – linguoculturology – documentary – history of Russia – narration in mass media

П. Джойс справедливо считает, что «исторические тексты представляются «сценариями культуры», точнее – дискурсивными наборами символических систем. Историки постмодернисты утверждают, что «история никогда не является нам иначе как в дискурсивной форме, включающей все виды коммуникации, в том числе и невербальные» [Джойс 1998: 247]. Ниже нас будут интересовать лингвокультурологические особенности исторического повествования, то есть наррации, которая как подвид дискурсивности осуществляется особым языком и особыми средствами документалистики.

Определяя жанр документального фильма попадаем на довольно сложную платформу. Литературоведение по этому вопросу еще в 1920 году для обозначения науки о жанрах и родах ввело специальный термин «генология». Так как определением фильмовых жанров мы не будем заниматься, выделим лишь те их особенности, которые непременно касаются нашей проблематики – исторического нарратива и его лингвокультурологического анализа. Подробной, основополагающей, узко специализированной классификацией жанровой структуры документального кино в русской среде является классификация, предложенная Г. С. Прожико [Прожико 1980].

Исторический нарратив, также как и «нарратив» вообще, обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта. Чтобы исследовать феномен исторического нарратива исторической документалистики, мы должны, следовательно, проанализировать эти дискурсивные практики, их **культурологические** тексты и контексты. Аналитика истории, понятой как структура, сводится к каталогизации пяти компонентов, соответствующих разным концептуальным срезам исторического повествования или рассказа: – первая выступает как «**хроника**», – второй компонент представляет собственно «**история**», – в качестве третьей предстает **тип построения сюжета** (emplotment), – четвертая обозначается как **тип доказательства** (argument), – последней, пятой, является **идеологический подтекст** (ideological implication) (по [Уайт 2002]).

Но из этой схемы в документалистическом – авторском историческом нарративе на передний план выступает описание самого происходимого, т. е. «определенных событий». Этот *событийный нарратив* выступает как обоснование определенного документалистического приема курса, тех или иных поведенческих акций, как описание, объяснение и изображение сложившегося в былом времени. В отличие от других дискурсов, например, политического, в «авторском историческом нарративе» доминирует сама языковая наррация в широком смысле с богатой лингвокультурологической подоплёкой, метафизизацией, метонимикой и непрерывными отсылкам к историческим опытам государства а также сравнениям, например, в российском пространстве «трех империй» – российской монархической, советской и российской республиканской (так как и республика и монархия могут быть империями, давно это не привилегия последней), напр.:

– **В естествоиспытательской сфере** Екатерина готова рисковать и сама. **Чума XVIII века – это оспа.** ... «Едва заслышав о первых прививках, Екатерина приглашает из Англии доктора Динсдейла».

– При Александре II в России текстильный бум. Объем производства вырос даже втрое. **«Сатиновые короли» – Морозовы**, владельцы Трехгорной мануфактуры в Орехове-Зуеве, и **«ситцевые короли» – Прохоровы**, владельцы Трехгорной мануфактуры в Москве, переодевают прежде **льняную домотканую Русь**.

Самый легко достижимый юбилей супружеской жизни назовут – один год, назовут **«ситцевой свадьбой»**.

– Местечко – основной населенный пункт черты оседлости. Это совершенно не **уничжижительное.** ... Таким образом, на современном официальном языке – это **поселок городского типа**. И так же как **при советской власти поселок городского типа, ПГТ**, могли разжаловать в село, так и в Российской империи местечно в любой момент могли объявить деревней.

Метафоричность таких высказываний абсолютно ясна, причем авторы не редко прибегают к цитатам из тогдашней прессы, из воспоминаний или произведений классиков, демонстрируя, что такого рода приемы не новы:

В части об Александре Первом автор проекта «Российская империя», в отделе о «русской классике» говорит:

«Пушкин свергает с русского литературного пьедестала французов. Михаил Глинка с музыкального – итальянцев. До него уже двадцать лет в придворном театре пели «Ивана Сусанина» – оперу, сочиненную Катерино Кавосом. **Вообще в моде Беллини.** И только князь Одоевский злится: «**Публика совершенно взбеллинилась**» [РИ, Александр I, Ч. I].

А также, очень хорошее метонимическое переименования:

«Это радость, что не фольклор услышали, а профессиональную музыку. В знаменитом каноне «Пой в восторге русских хор, вышла новая новинка – *«Веселись, Русь! Наш Глинка уж не глина, а фарфор»*. С зарубежных постановок «Жизни за царя» пошла мировая слава русской симфонической музыки». «<...> дома автора поощряют **державно**: дают казенное жалование и квартиру с дровами. Глинке это надоест через два года, но его героико-трагическая **опера остается на госслужбе** навеки <...>»

«<...> в **XIX веке бушуют свои шестидесятники**<...>» [РИ, Александр II, Ч. II].

Как видно, метафоризация играет в историческом повествовании документального типа видную роль. В этом ничего неожиданного нет, ведь исторически метафора в контексте образного мышления выполняла функцию понятия. Она состояла в «перенесении» свойства одного предмета на какой-то другой. Существование метафоры, таким образом, уже свидетельствует о том, что субъект «образного мышления» обладал способностью к абстрагированию и обобщению. Но, является ли рассказывание историй неким жизненным эпизодом, не отличающимся от любого другого эпизода в том, что касается его генезиса? Й. Брокмейер спрашивает, должны ли мы подумать над тем, является ли рассказывание жизни и ее проживание одним и тем же по своей сущности феноменом, или «жизнь» и «жизненная история» сложным образом переплетены и вовлечены в один непрерывный процесс продуцирования значений и смыслов [Брокмейер 1997: 45]. Основные направления в изучении истории рассматривает Е. О. Опарина, но для нас важны главным образом произведения Ф. Анкерсмита, П. Рикёра и рассматриваемого нами Х. Уайта [Анкерсмит 1994; Рикёр 1974 и Уайт 2002], из русских исследователей важнейшие работы Н. Д. Арутюновой [1990], Е. О. Опариной [1999], Г. Н. Складневской [1993] или В. Н. Телия [1996]. Поль Рикёр назвал свое произведение «Время и рассказ» «братом-близнецом» его предшествующего сочинения «Живая метафора». В работе о метафоре, которую П. Рикёр называет «генетическим раг excellence феноменом в области речи», в свернутом виде присутствует основная тема его нарратологических исследований – тема семантической инновации. О повествовании, как о, по сути, «расширенной метафоре» пишет Х. Уайт [Уайт 2002: 52–59]. Авторитетными являются работы Ф. Анкерсмита, который выдвигает роль метафоры с точки зрения ее воздействия на мировоззрение и участие в создании идеологических мифов, которые помогает анализиро-

вать, в основном, в политическом дискурсе. Он признает «власть метафоры» и «власть слова» в общеполитической традиции Запада [Анкерсмит 2003: 156].

Из этого короткого перечня также вытекают наружу практически все основные характеристики и особенности исторического нарратива, который выстраивает вокруг изображаемой темы автор, а это, прежде всего: – метафоризация (метонимизация), – гиперроболизация гротеска определенных повествований, – аллюзивность, – литературоцентричность, – ирония. В документалистике авторской передачи важна также визуальная подоплека исторического повествования, что на примере «Российской империи» составляет: – **само место исторических событий**; – **отрывки из художественных фильмов**, преимущественно исторических; – **отрывки из документальных фильмов, исторических хроник** (включая самую первую с 1896 года – «Коронацию» Николая Второго); – **говорящие карикатуры** (например, «Неохотное возвращение казака на Родину» из Франции, изображение Аракчеева или «петербургских хулиганов из подворотни и проч.); – **мультимедialные карты на полу студии, статические (главным образом для цитат) и сюжетные мультимпликации.**

Исторический нарратив таким образом представляется сложнейшей языково-культурологической структурой, исследование которой строится не рассуждениями о нем, а практической работой над материалом.

Использованная литература:

- АНКЕРСМИТ, Ф. Р. (2003): *История и тропология: взлет и падение метафоры* / пер. с англ. М. Курцаева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: «Прогресс-Традиция».
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1990): *Метафора и дискурс*. In: Теория метафоры. Москва, с. 5–32.
- ОПАРИНА, Е. О. (1999): *Язык и культура*. М.: «ИНИОН».
- ПРОЖИКО, Г. (1980): *Жанры в советском документальном кино. 60-70-е гг.* М.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1993): *Метафора в системе языка*. СПб.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996): *Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- УАЙТ, Х. (2002): *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. «Изд-во Урал. унта», Екатеринбург.
- РИ – Российская Империя, Проект Леонида Парфенова «Российская Империя», посвященный 300-летию основания Империи и Санкт-Петербурга.* Телекомпания «НТВ» 2001–2003.
- BROCKMEIER, J. (1997): *Between life and story: Possibilities and limits of the psychological study of life narratives*. Paper presented at the Seventh Biennial Conference of the International Society for Theoretical Psychology, Berlin.
- JOYCE, P. (1998): *History and Postmodernism*. In: *The Postmodern History Reader* / Ed. by K. Jenkins. London; New York: Rutledge, p. 242–237.
- RICOEUR, P. (1974): *La metaphore vive*. Paris.

This paper is a result of the project implementation: *Retrofitting and Extension of the Center of Excellence for Linguaculturology, Translation and Interpreting* supported by the Research & Development Operational Programme funded by the ERDF.

ЗАМИРА ДЕРБИШЕВА

Кыргызстан, Бишкек

КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКОМ И ТЮРКСКОМ ЯЗЫКОВОМ ВОСПРИЯТИИ

ABSTRACT:

The Concept of “Time” in Slavonic and Turkic Language Perception

Time plays a special role in human life. The understanding of time involves not only understanding being in general, but that of human existence. The problem of time has an important philosophical significance. Interpreting language we can get access to understanding the modern world view of specific ethnic groups. This article deals with how the concept of “time” is perceived by different cultures and what are the ways of organizing the cognitive concept of “Time” in the Slavic and Turkic languages.

KEY WORDS:

Comparison – cross-cultural unit – concept – frame – slot – cognitive sign – ethnoculture – Turkic languages – Slavonic languages.

Время играет особую роль в жизни человека. Осмысление времени подразумевает осмысление не только бытия вообще, но и бытия человека. Проблема времени имеет важное мировоззренческое значение. Через призму его языковой интерпретации можно получить доступ к пониманию современного мировидения конкретного этноса. Кроме того, концепт «время» является межкультурной единицей, т. е. он воспринят разными культурами, несет в себе их следы, которые, отразившись в языке, предоставляют доступ к выявлению национально-культурных различий. Вместе с тем концепт «время» является глобальной категорией, что позволяет выявить соотношение долей универсального и культурно-специфического.

В основу нашего анализа положены результаты сравнительного исследования семантического потенциала концептов *время* и *čas* в русском и чешском языках [Мамонова 2006], которые будут рассмотрены в сопоставительном аспекте с киргизским языком. Киргизский язык принадлежит к тюркским языкам, в системе которого отражается специфика этнокультурного восприятия времени. В киргизском представлении концептуализация времени связана с особенностями ориентации этноса во времени. Нам представляется весь-

ма убедительной точка зрения Н. В. Андреевой, которая считает, что «одним из важных полей темпоральности является поле природной цикличности, которое отражает, соответственно субъективным представлениям общества, объективную цикличность природных явлений. Другими важными полями являются поле физиологической цикличности в жизни человека и поле цикличности деятельности людей. На протяжении суток или года в природе, в физиологии или в общественной жизни людей регулярно осуществляются те или иные события. Регулярность этих событий позволяет человеку использовать их в качестве временных ориентиров, а соответствующие названия – в качестве особых лексических единиц» [Андреева 2004: 257–258].

Особенности образа жизни кыргыза-скотовода могут создавать особый «облик» рутины, и с позиции стороннего наблюдателя их время представляется менее событийно насыщенным и более предсказуемым. Но для самого человека оно неизбежно рутинизируется и наполнение внутреннего времени остается привычным «жизненным потоком». В повседневной жизни кыргызов измерение времени осуществлялось через такие повседневные факты жизни, как дойка кобылиц, выгон стада на пастбище, окот овец, приготовление пищи и т.д.

В киргизском языке номинативная плотность концепта времени достаточно высокая. Ядерной лексемой концепта «Время» в киргизском языке, является слово *убакыт* (время). Еще 14 лексем вербализуют концепт времени в киргизском языке, выражая различные аспекты семантической детализации данного концепта: *мезгил, учур, чак, оокум, кез, кур, заман, доор, маал, саам, моонот, курак, жаш, кылым*.

В своем описании концепта «ВРЕМЯ – ČAS» Ю.А. Мамонова построила фреймовую структуру, в основу которой легли когнитивные признаки рассматриваемого концепта в сравниваемых языках. Концепт ВРЕМЯ в русском языке представлен 7 когнитивными признаками, в чешском языке концепт ČAS реализует 6 когнитивных признаков. Фреймовый анализ позволил автору раскрыть лингвокультурологическую и лингвокогнитивную специфику восприятия концепта «ВРЕМЯ – ČAS» в русском и чешском языках. По мнению Мамоновой Ю. А., «...основным выявленным отличием в фактуальном слое следует считать то обстоятельство, что имя концепта *время* отражает отрезок времени, как правило, качественный, то есть событийно насыщенный. Поэтому время пустое, время, не связанное с какими-либо событиями, может быть воспринято как потраченное зря, *потраченное впустую*. Следовательно, время для русских во многом параметр качественный, а только потом – количественный. В чешском сознании лексема ČAS, наоборот, часто обозначает время незаполненное событиями, некачественное. Именно «пустота», значимое отсутствие фона событий является характерной чертой восприятия этой лексемы. Время и события мыслятся раздельно, время – только резервуар для событий, который может спокойно оставаться пустым. Чешский язык предлагает даже специальную метафору, в которой наиболее емко отражена эта семантика слова ČAS, *náplň času (náplň pro čas) – начинка времени*» [Мамонова 2006: 14–15].

Принципиальное различие во фреймовой структуре концепта «ВРЕМЯ – ЫС» Ю.А. Мамонова видит в разном наполнении фрейма, которое представлено разным количеством слотов. Наличие или отсутствие тех или иных слотов свидетельствует об этноспецифичном восприятии данного концепта. Так, исследователь справедливо замечает, что понятие «Отрезок времени» у представителей двух языков имеет существенные когнитивные расхождения. В восприятии русского сознания «отрезок времени» когнитивно не различает признак «событиенаполненности», тогда как в чешском языковом сознании концепт «ЫС» нейтрален к когнитивному признаку «событиенаполненность». Именно поэтому, по мнению Ю. А. Мамоновой, в чешском языке существует специальная лексема DOVA, обозначающая, как правило, событийный отрезок времени. Наличие двух лексических единиц, обозначающих различные временные промежутки, является, по-видимому, свидетельством того, что чешское сознание разделяет время пустое, незанятое событиями (ЫС) и время событийное, качественное (DOVA). Для русского сознания указанное явление не характерно: можно говорить о некоем временно-событийном единстве, так как носители русского языка очень часто время отождествляют с наполняющими его событиями [Мамонова 2006: 16].

В киргизском осмыслении концепт «Время-Убакыт» актуализирует следующие когнитивные признаки: *Время – ценность; Время – лекарство; Время нельзя купить; Временем невозможно управлять; Время – наша жизнь; Время – безжалостный меч; Время – летящая птица; Время – тайна; Время – это бесконечность; Человек бессилён перед временем; Погоня за временем; Время как средство достижения цели.*

Сопоставление славянских языков с киргизским языком позволило выявить как совпадения, так и расхождения в тех свойствах, которые приписываются концепту «Время». Как отмечает Мамонова Ю. А., в славянском восприятии наиболее четко можно наблюдать наличие противопоставления дискретности (значения «Отрезок времени», «Период, эпоха», «Определённый момент») и непрерывности времени («Длительность времени»). В собственно восприятии времени психологи различают: а) восприятие временной длительности и б) восприятие временной последовательности. Как одно, так и другое включает в единстве и взаимопроникновении и непосредственные, и опосредованные компоненты» [Рубинштейн 2003: 250].

Фреймовая структура концепта «Время» в киргизском языке состоит из следующих слотов: «Длительность», «Отрезок», «Момент», «Ценность», «Средство». В отличие от славянских языков отсутствуют слоты «Эпоха» и «Языковая категория».

В сопоставлении с киргизским языком чешский язык обнаруживает сходство в том, что чешский концепт ЫС часто обозначает время, незаполненное событиями. Именно «пустота», как считает Ю.А. Мамонова, значимое отсутствие фона событий является характерной чертой восприятия этого концепта. Для киргизского сознания время и события мыслятся отдельно, время (убакыт) – только резервуар для событий, который может оставаться пустым.

В чешском языке существует специальная лексема DOVA, обозначающая, как правило, событийный отрезок времени. В киргизском языке отмечено две лексемы «Мезгил» и «Заман», которые обозначают время, занятое событиями. Для русского сознания указанное явление не характерно: можно говорить о некоем временно-событийном единстве, так как носители русского языка очень часто время отождествляют с наполняющими его событиями.

В свою очередь киргизский язык противопоставляется славянским языкам по такому параметру, как релевантность концепта времени в аспекте выражения его в качестве языковой темпоральной категории. В киргизском языке категория времени соотносится с другой лексемой «Чак».

При анализе значений отчетливо проявился и образный слой рассматриваемых концептов. В значениях «Деятельная антропоморфная субстанция» и «Сущность особого рода» актуализируется свойство субстанцииальности времени, способность его представлять в виде некой сущности, наделенной антропоморфными или зооморфными чертами, или же некоего предмета. Здесь можно наблюдать значительное сходство: большинство образов, которые предлагают русский и чешский языки, совпадают: *время – путник, время – высшая сила, время – ценность, время – вода*. В киргизском языке актуализируются такие образы, как *время – лекарь, время – летящая птица, время – безжалостный меч*. Специфика образного представления времени в сопоставляемых языках связана с этнокультурными особенностями восприятия времени представителями славянских и тюркских этносов. Кроме того наиболее распространенные образы времени дифференцируются по степени их значимости для этносоциума. Так, на первом месте среди чешских неодоушевленных образов времени Ю. А. Мамонова отмечает образ *время – ценность*. Время часто приравнивается, ставится на одну плоскость, прежде всего, с материальными ценностями, с деньгами. Исследователь убедительно демонстрирует, что «...те действия, которые можно производить с деньгами, можно совершать и в отношении времени». Далее автор отмечает, что для русского сознания отождествление времени и денег не столь характерно. Особняком стоит отношение ко времени в киргизском языке, где время представляет особую ценность, которую, напротив, нельзя купить. Киргиз отождествляет время с самой жизнью, подчеркивая особую значимость этой категории для себя. Вместе с тем существует и такая акциональная составляющая киргизского концепта «Убакыт», как «Время как средство», когда время понимается как средство достижения определенных целей в жизни.

Другой, не менее любопытный образ в киргизском восприятии, это осмысление времени в постоянной динамике, как необычайную силу, устремленную вперед, которую приходится догонять, успевать за ней. Такое восприятие непосредственно связано с кочевнической психологией киргизов, вся жизнь которых тысячелетиями проходила в движении как в пространстве, так и во времени. Кочевники как бы состязались с самим временем. Отсюда такое выражение, как «*погоня за временем*». Для кочевника время – это такая субстанция, которая ничему не подвластна, поэтому человек ощущает свое бес-

силе перед Временем. Ср: *Временем невозможно управлять; Время – наша жизнь; Время – это бесконечность; Человек бессилён перед временем.*

Таким образом, структура концептов *время*, *čas*, *убакыт* имеют разную организацию. И фактуальный и образный слои рассматриваемых концептов обнаруживают как совпадения, так и расхождения. Совпадения свидетельствуют об универсальности и общечеловеческой значимости категории «Время» для всех языков. Расхождения в интерпретации данной категории в трех сопоставляемых языках демонстрируют специфическое этноязыковое «видение» категории «Время» разными лингвосоциумами.

Использованная литература:

- АНДРЕЕВА, Н. В. (2004): *Язык и время. Лексический аспект категории времени*. In: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета «Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы» (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Казань: Изд-во Казан. ун-та.
- МАМОНОВА, Ю. А. (2006): *Имя ВРЕМЯ и имя ČAS в аспекте теории концепта*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь.
- РУБИНШТЕЙН, С. Л. (2003): *Основы общей психологии*. СПб.: Питер.

ЕКАТЕРИНА ЕГОРОВА

Россия, Архангельск

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПИСНЫХ КНИГ СЕВЕРНЫХ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI–XVIII ВВ.)

Abstract:

The Linguocultural Aspect of Analyzing Historical Texts for Special Purposes (Based on the Manuscripts of Northern Russian Monasteries of the 16th – 18th centuries)

The article is devoted to linguistic and culturological aspects of analyzing of manuscripts of northern Russian monasteries of the XVI–XVIII centuries. The works of T.V. Vinnichenko, G. V. Kolshanskii, E. S. Kubriakova, S. V. Repnevskaja etc. were used as the methodical background. The text of each copyist involved in making the manuscripts and features typical to them are analysed. Having analysed the linguistic material, the author comes to the conclusion that variation of canon of the text allows to reveal specificity of language picture of the world.

KEY WORDS:

Language and culture picture of the world – worldview – history of the Russian language.

Изучение на лингвистическом уровне ментальности человека XVI–XVIII вв. представляет значительные сложности, так как эти исследования имеют в своей основе вторичные опосредованные источники – памятники письменности, отражающие систему ценностей, мировоззрение и духовный мир человека указанного периода. Эта проблема проявляется особенно ярко в сравнении с аналогичными исследованиями современного человека, отраженного в публикациях последнего времени (см. труды В. В. Воробьева, Л. Ю. Буяновой, А. А. Ворожбитовой, Т. В. Симашко, В. В. Леденевой, Т. А. Лисицыной, Н. И. Николаева и др.).

Реконструкция и описание языковой картины мира писца на материале памятников деловой письменности Северной Руси XVI–XVIII вв. направлены на решение важной проблемы лингвокультурологии – исследование конкретной лингвокультурологической ситуации (Поморье XVI–XVIII вв.).

Отметим тот факт, что, по сути, лингвокультурологический аспект базируется на антропоцентрической парадигме в языкознании. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится такой точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 112].

Исследование документов северных монастырей XVI–XVIII вв. с позиций лингвокультурологии актуально, так как, с одной стороны, раскрывает некоторые особенности становления русского национального языка, с другой стороны, особенности картины мира носителей языка определенного исторического периода с ее ценностными параметрами, позволяет восстановить культурно-исторический фон предыдущих эпох для довольно обширного северо-западного региона.

Е. С. Кубрякова определяет картину мира как образ мира, который является результатом духовной активности человека и формируется в ходе всех его контактов с миром. В. Г. Колшанский считает, что картина мира, отображённая в сознании человека, «есть вторичное существование объективного мира» [Колшанский 2005: 169]. Языковая картина мира представляет собой вербальное воплощение картины мира. Как точно отметил Г. В. Колшанский, поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, отражая в сознании человека изменяющуюся реальность. Действительно, языковая картина мира долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Поэтому при сопоставительной характеристике деловых текстов, созданных по определенному канону и, на первый взгляд, максимально отстраненных от человека той эпохи, видно, как проявляется личность писца.

К настоящему моменту имеется ряд работ, касающихся типологических особенностей и лексической содержательности хозяйственных книг (А. В. Волинская), челобитных (С. С. Волков), сельскохозяйственных книг (Л. Ю. Астахина), таможенных книг (О. В. Баракова), писцовых и переписных книг (Ю. И. Чайкина, С. Н. Смольников), веревных книг (С. В. Репневская). Описные книги Северной Руси XVI–XVIII вв. привлекались для изучения различных промыслов и ремесел – лексики иконописания (А. А. Баландина), лексики художественного шитья (Т. В. Винниченко), антропонимики (Л. В. Окунева, Т. В. Симашко).

Определяя характерные черты монастырских описей имущества в сравнении с памятниками деловой письменности указанного периода, следует отметить ряд особенностей. Описные книги содержат сведения о монастырских постройках (храмах, кельях, казенной палате, гостиных, скотных и других дворах); о внутреннем убранстве храмов, иконах, служебных книгах, сосудах, церковном облачении. Отдельные разделы описей посвящены монастырскому

хозяйству, самым разнообразным запасам монастыря – краскам, мехам, ма-
монтной кости, тканям, драгоценностям; земельным и другим угодьям.

Тщательное фиксирование мельчайших деталей убранства храмов, вплоть
до отделки оклада каждой иконы и материала, из которого изготовлен тот или
иной предмет, например, паникадило, или узора, который вышит на надгроб-
ном покрове, делает описные книги незаменимым культурологическим источ-
ником, при этом информация такого рода в массе своей содержится, пожалуй,
только в описях монастырского и церковного имущества.

Описные книги церковного и монастырского имущества – это жанр деловой
письменности, предназначенный для сохранения и передачи сведений имуще-
ственного порядка содержания храмового комплекса, являющийся свидетель-
ством культурных и языковых реалий определенного временного периода.

Соловецкий фонд описных книг является своего рода эталоном этого
вида жанра. Нельзя не согласиться с мнением И. А. Кочеткова о том, что
«публикацию описей Соловецкого монастыря можно считать образцовой»
[Кочетков 2004: 128].

Содержание строго разбито на разделы, отчётливо прослеживается компо-
зиционная структура документов. Проявление «человеческого фактора», т.е.
субъективности, слабое, что обусловлено явным следованием канону, стремле-
нием зафиксировать информационный поток в заданной структуре.

Красногорские описания имущества представляют собой «лингвокультуроло-
гическую сокровищницу», при чтении и изучении данных документов воз-
никает ощущение свободного (творческого) стиля, важно отметить, что писец
соблюдает правила композиционного строения описания имущества.

Содержание Николо-Корельских описных книг строится согласно
канону данного жанра, но имеет свои особенности. Описная книга Николо-
Корельского монастыря 1602 года информационно насыщена, представлен-
ное описание имущества является ценным антропонимическим и топоними-
ческим материалом, а доминантой книги 1606 года выступают юридические
сведения, которые нашли отражение в грамотах, купчих, деловых, приходных
и расходных книгах.

Описные книги являются отражением отдельной языковой личности, важ-
ным свидетельством языка и культуры. Искусствоведы используют тексты
описных книг для идентификации икон, реконструкции иконостасов. Опис-
ные книги содержат подробные сведения о внешнем облике, размере, проис-
хождении образов.

Антропоцентрический подход в последнее время активно используется
при исследовании памятников деловой письменности старорусского языка,
и обычно такой подход определяет использование корпуса документов, при-
надлежащих перу одного писца. Сравнение же памятников, написанных раз-
ными лицами, но одного и того же жанра позволяет вычленивать обязательную
(канон) составляющую документа и индивидуально-авторские особенности. И
наиболее ярко личность писца проявляется при описании храмового комплек-
са (жанр описной или отводной книги) через отношение человека того време-

ни к религиозной атрибутике, памятники содержат разного рода оценку, эксплицируют приоритетную (для создающего текст) информацию.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АРУТЮНОВА, Н. Д. (1999): *Язык и мир человека*. Изд. 2. М.

КУБРЯКОВА, Е.С. (1995): *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа)* // Язык и наука конца XX века. М: Рос. гос. гуманитар. ун-т.

КОЛШАНСКИЙ, В. Г. (2006): *Объективная картина мира в познании и языке*. 4-е изд. («Лингвистическое наследие XX века»). М.

КОЛШАНСКИЙ, В. Г. (2005): *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. 2-е изд. («Лингвистическое наследие XX века»). М.

КОЧЕТКОВ, И. А. (2004): *Образцовое издание описи: [Рецензия]* / И. А. Кочетков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1, с. 127–128.

Описание имущества Красногорского монастыря 1695 года / ГААО, ф. 309, оп. 3, д. 17, лл. 136.

Описание имущества Красногорского монастыря 1703 года / ГААО, ф. 309, оп. 3, д. 19, лл. 79.

Описи Соловецкого монастыря XVI века / отв. ред. М.И. Мильчик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Описные книги Николо-Корельского монастыря 1602 года / ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 6, лл. 68.

Описные книги Николо-Корельского монастыря 1606 года / ГААО, ф. 191 оп. 1, д. 19, лл.25.

Экология культуры и языка: проблемы и перспективы: Сборник научных докладов и статей международной научной конференции / сост. Т. В. Винниченко, Т. В. Петрова. – Архангельск, 2006.

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА ЗИРКА
СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА КОЖУШКО
НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ХАБАРОВА

Украина, Днепрпетровск

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМЕ

ABSTRACT:

The Communicative Effect of Precedential Phenomena in Advertisements

The paper deals with the main characteristic feature of the modern (intellectual) ads - its evidently communicative-manipulative character. The important means of manipulation of consumer/reader's consciousness is the use of metaphor. It makes the annotation vivid, piquant, and remained in memory.

KEY WORDS:

Advertisement – attraction – communicative – manipulation – metaphor – precedential phenomenon – impact – annotation – novels.

Зависимость эффективности влияния и убеждения прецедентных феноменов в рекламе, в частности *идиом, клише и метафор*, рассматривалась неоднократно в многочисленных работах современных исследователей этих явлений (Е. М. Верещагин, К. А. Дмитриченко, В. В. Зирка, Н. А. Хабарова и др.). Установлено, что, обращаясь к *клише* или *метафоре*, автор стремится *убедить* адресата в истинности своей точки зрения в тех случаях, когда у него не имеется для этого достаточного фактического материала. Изучение этого феномена в текстах интеллектуальной рекламы – аннотациях к художественным произведениям и представляет тему данной статьи.

Как известно, метафора – не столько образное речевое средство, сколько ключ к пониманию человеческого мышления. Вполне естественно, что язык рекламы интенсивно использует этот механизм коммуникативно-манипулятивного воздействия на потребителя. Примером в этом плане могут служить РТ: «*la prairie*». *Женское сердце жаждет роскоши. Женская кожа жаждет обновления*». Мы утверждаем, что, будучи экспрессивным языковым средством, метафора в рекламном тексте *действительно дает новую жизнь*

старому свойству, удивляет своей необычностью, способствует преодолению пассивности восприятия, представляет информацию очень компактно, тем самым способствует ее лучшему запоминанию и усиливает воздействие. Она (метафора) навязывает специфический взгляд на мир – актуализирует только нужные рекламодателю признаки товара, услуги, их достоинства (например, *прекрасный, оригинальный вкус продукта: божественный вкус, взрыв вкуса, бриллиантовая улыбка*), при этом сомнительные качества товара нивелируются, затрудняя тем самым возможность объективной оценки. Рекламный текст с помощью метафоры «транспортирует» адресата в пространство некоего возможного *сюрреалистического, виртуального мира*, пытаясь заставить потребителя перенестись в этот самый «возможный мир». Метафора становится управляющим инструментом в рекламе, ответственной за поведенческие стереотипы потребителей. При помощи нее «легче усыпить бдительность» адресата и достичь желаемого результата. Обилие положительных метафор – специфическая особенность рекламной коммуникации [Зирка 2005].

Размышляя над сущностью метафоры с целью *привлечения внимания, возбуждения интереса, выработки желания приобретения товара и выбора соответствующего действия* (отражение рекламной формулы AIDA) потребителем/читателем как проявления коммуникативно-манипулятивного эффекта в интеллектуальной рекламе, обратимся к *аннотациям к художественным произведениям*. Наши наблюдения показывают: для активизации эмоционального воздействия, для привлечения внимания адресата используется **когнитивно-метафорическая** лексика. Ученые подчеркивают, что метафоры, метонимии – не только образная сетка, через которую воспринимается мир, но и определенное субъективное отношение к миру [Ксензенко 2000]. Однако метафора не только структурирует наше восприятие, мышление и деятельность, но и является экспрессивным выражением информационной направленности с четко выраженным когнитивным компонентом. Исследователи отмечают, что «спецификой вторичной номинации можно считать такое использование языковой формы во вторичной функции называния, когда признаки исходного значения языковой формы выступают в качестве своеобразной ономазиологической базы нового содержания и являются его семантическим стержнем» [Ретунская 1996: 99]. В результате процесса метафоризации новый класс объектов обозначается не непосредственно, т. е. исключительно через совокупность признаков этого класса, а косвенным путем, через призму опорного, базового значения языковой формы. Метафора в рекламе изучается и рассматривается не изолированно, а в рекламном контексте, т. к. именно в условиях рекламного контекста происходит насыщение слов смысловым звучанием [Зирка 2005].

Метафоричность рекламной аннотации – инструмент познания и представления информации. Примером служит аннотация к роману Елены Чудиновой «Держатель знака»: ... *Теперь ему отводится роль кукловода в театре кукол.... На страницах романа вы встретитесь ... со многими другими, чьи жизни стали легендой, ...* Метафора *теперь ему отводится роль кукловода*

в театре кукол связана с понятием «авторитарность» и характеризует главного персонажа как самого главного, который никому не подчиняется и не несёт ни перед кем ответственности. В метонимии *жизнь – легенда* наблюдается представление информации о жизни персонажей в форме фантастических сказаний.

Метафора в аннотациях связана с семантическими сдвигами; и это приводит к дополнительной семантической насыщенности текста в целом. По утверждению лингвистов, метафора как непрямая номинация существует сюрреалистично: на границе иллюзии и реальности и, таким образом, становится способом манипулирования. Образная составляющая способствует реализации функции действия. Подтверждением сказанному служит аннотация к роману Аллы Дерзай «Придуманная женщина»: ... *Всхлипывая и посмеиваясь, героиня собирает по кусочкам историю своей жизни – роман становится сборником фантазии, ошибок и откровений*. В метафоре всегда есть ресурс для манипулирования. Из метафоры *собрать по кусочкам историю своей жизни* не следует, что жизнь – это ваза, которую можно склеить. Здесь нет тождества, а есть авторское приравнивание. Но это, как правило, не обсуждается, а принимается имплицитно, как добровольное соглашение между коммуникантами.

Переносные значения, особенно метафорические, являются универсальным и наиболее мобильным средством коммуникации – выражения эмоционального отношения говорящего к предмету речи. Разумеется, большими выразительными возможностями обладают «свежие», неожиданные метафоры. Как отмечает исследователь метафоры Р. Хофман, «метафора исключительно практична... Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере..., где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [Иссерс 2008: 56]. Подтвердим нашими исследованиями метафоры, что ее использование в разных дискурсах продиктовано разными же целевыми установками [Хабарова 2009]. В информационном дискурсе, к которому мы относим интеллектуальные рекламные тексты, основными функциями метафоры являются коммуникативно-информативная, аргументативная, а также воздействия и манипулирования. Так, в аннотации к роману Бернард Шоу «Кузина Джейн» метафора *обрести корни на прекрасной земле информирует* читателей о сюжете мелодрамы: ... *Риз обретает свои корни на прекрасной земле Вайоминга и вместе со своей очаровательной и верной Джем становится родоначальником клана Макинтайров...* Интересной в этом плане является и аннотация к роману Бобби Хатчисон «Свободное меню»: *Как нелегко бывает порой растопить лёд непонимания! ....* Отношения между персонажами произведения понимаются как лёд непонимания и **воздействуют** на эмоции читателя благодаря переносу с объекта на свойства объекта. Лёд обладает свойством «холодный», соответственно отношение «непонимание» усиливается метафорическим переносом.

В качестве **аргумента** может служить употребление метафоры в аннотации к роману Валерии Горбачёвой «Медвежий камень»: *Она умна и привлекательна. Её глаза блестят как роковой огонь. ... Он потерял голову и забыл*

обо всем! О работе, о жене, и об... осторожности. О последнем же никогда не следует забывать ...

Когнитивный потенциал метафоры делает её эффективным языковым средством воздействия на адресата и формирует оценочное отношение читателя к аннотируемому произведению, т. е. она влияет на восприятие действительности: *...Он расположился, как садятся милиционеры, агитаторы и ночные гости. Лицо, тем не менее, оставалось заурядным, как бельевая пуговица. В нём горел огонь жизни. Похоже на растворение капли в океане* (Приспособление организма). *Похоже на горошину среди горошин. Похоже на луч фонарика* (Направленное сосредоточение активности).

Проанализировав метафору, мы пришли к выводу о том, что она нужна для того, чтобы соединить прошлое с будущим, старые теории с новыми. Ведь познание неизвестного возможно только через хорошо знакомое, а адекватное языковое отражение этого нового возможно при использовании хорошо знакомых слов, помещённых в новые контексты: ср., например, метафору, встречающуюся в рекламном тексте аннотации, которая обладает **манипулятивным** эффектом: *... Её персонажи горят огнём желаний...* . Метафора в *персонажах горит огонь желания* – перефразированная метафора А. С. Пушкина «*в крови горит огонь желания*», которая познаётся в новом контексте и является имплицитным средством передачи информации.

Представление информации, необходимое для интеллектуального рекламного текста, может создаваться на основе привлечения смежных понятий с помощью использования приёма имён знаменитых людей. Ср.: *1. В детективах Фандорина прослеживается стиль А.К. Дойля. 2. Этот роман навеян эпохой Умберто Эко*. Смежные понятия часто привлекаются для описания стиля произведения или писателя. Так, в романе Хулио Кортасар «Дивертисмент» присутствует метонимия типа «свойство – носитель свойства»: *рука зрелого мастера*, т. е. роман написан не конкретно автором, а в частности, его «зрелой рукой». В данном примере наблюдаем метонимическое перенесение с персоны автора на его собственный стиль написания уже в зрелом возрасте: *Роман «Дивертисмент» (1949) не был опубликован при жизни Кортасара, но в нем уже ощущается рука зрелого мастера...»*.

В заключении подчеркнем, что в последние годы рекламные тексты в целом, включая рекламные аннотации к художественным произведениям, характеризуются использованием всевозможных прецедентных феноменов, в нашем рассмотрении метафор, как простейшей и очень действенной стратегией рекламы. Эта стратегия нацелена на выделение и акцентирование особо значимых моментов рекламного текста, то есть тех самых феноменов, являющихся механизмом манипулятивного воздействия на потребителя. Мы подтверждаем, что их ввод в рекламу становится приемом коммуникативного, ценностно-манипулятивного характера, поскольку они играют роль косвенных регуляторов человеческой деятельности, определяют отношение человека к предметам купли-продажи, устанавливают значимость последних, служат ориентирами в ситуации выбора рекламируемого товара.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ДМИТРИЧЕНКО, К. А. (1999): *Идиомы современного английского языка в историческом контексте*.
In: Лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков. Иркутск, с. 40–42.
- ЗИРКА, В. В. (2005): *Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.02. «Русский язык»* / В. В. Зирка. К.
- ИССЕРС, О. С. (2009): *Речевое воздействие: уч. пособ. [для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью»]*. М.
- КСЕНЗЕНКО, О. А. (2000): *Когнитивный подход к анализу экспрессивности рекламных текстов*.
In: *Когнитивные аспекты языковой категоризации*. Рязань, с. 123–129.
- РЕТУНСКАЯ, М. С. (1996): *Английская аксиологическая лексика*. Н. Новгород.
- ХАБАРОВА, Н. А. (2009): *Метафора как средство художественной выразительности в аннотациях*.
In: Уч. зап. ТНУ им. В.И. Вернадского: Филология. Социальные коммуникации. Симферополь, Т. 22 (61). № 4 (2), с. 280–285.

НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА ЗЛОБИНА

Россия, Москва

Ф.И. БУСЛАЕВ И ЗАПАДНАЯ НАУКА

ABSTRACT:

F. I. Buslaev and European Science

The works of F. Buslaev are classics of Russian philology. Buslaev's conception is developed in close collaboration with European science. Connection of the historical and literature process with the spirit is the main idea of his conception. These views are topical for modern research of linguistics, folklore, history of literature and art.

KEY WORDS:

Philology – folklore – linguistics – archive materials – methodology.

Ф. И. Буслаев, русский ученый XIX в., обладавший энциклопедическими знаниями и цельной методологией, оказал мощное влияние на развитие и филологии, и искусствознания в России и за рубежом. Многие, сделанные им почти сто пятьдесят лет назад, демонстрирует и жизненность, и методологическую актуальность, и историко-культурную, и историко-литературную продуктивность, поэтому и говорить о нем сегодня следует как об ученом не только и не столько прошлого, сколько настоящего и будущего.

Русский ученый хорошо знал труды немецких, французских, испанских, сербских, чешских, словацких, польских исследователей. Отдавая дань первенства открытия отдельных тем в филологической науке немцам, прежде всего Я. Гримму, Ф. И. Буслаев ставил решение подобных задач на материале славянских народов: «Если немецкие ученые в мнимо исторических свидетельствах Тацита открывают древнейшие мифологические, поэтические и исторические предания; то почему же нам Славянам, позднейшим на поприще образованности, не сделать такой же попытки на свидетельствах позднейших, сохранившихся у летописцев Чешских, Польских, Русских и других? Действительно Козьма Пражский († 1125), так называемый Мартин Галл (в первой половине XII в.), Кадлубек, Винкентий Краковский (в начале XIII в.); Богухвал, Чешская

поэтическая Хроника Далемила (1282–1314), позднейшая Гаека († 1546), наши летописи и местные предания — предлагают множество данных для самой полной характеристики историко-поэтических преданий славянских племен. Устные народные песни и сказания служат существенным дополнением к фактам, извлекаемым из исторических источников» [Буслаев 1861б: 367–368]. Уверенно ориентируясь в изданиях западной науки, используя публикуемые материалы, опираясь на достижения в том числе Шафарика, Миклошича, Палацко-го и др. русский ученый самостоятельно строил свои исследования на русском материале как в лингвистике, фольклоре¹, искусствознании, литературе.

Для него авторитетны изыскания чешских ученых как в фольклоре, так и в лингвистике. Критикуя лингвистические сравнения Хомякова, Ф. И. Буслаев апеллирует к «здоровой этимологической науке, которую с таким успехом возделывали В. Гумбольдт, Я. Гримм, Диц, Миклошич и мн. др.» [Буслаев 1855: 37], указывает на «Корнеслов» Миклошича, в котором объяснены многие слова, например, клевета, к которым вновь обращается Хомяков. Поддерживая мнение «знаменитых издателей и комментаторов» Шафарика и Палацкого о значении выражения «перейти через три реки», как обычной эпической форме о движении полков, ведущей «начало из времен доисторических, от переселения народов», Ф. И. Буслаев характеризует украинскую поэзию как сохранившую древнейшие пласты фольклора [Буслаев 1861а: 215]. В статье «Славянские сказки» 1860 года ученый активно использует издания сказок Миклошича и Фидлера Славянской Библиотеки.

Ссылки ученого на труды европейских исследователей можно продолжать, но сейчас следует подчеркнуть, что естественно, многие близкие направления в русской науке Буслаев развивал самостоятельно, и его начинания влияли на европейскую науку. Так Ф. Миклошич в своей работе «Christliche terminologie» развивал идеи книги «О влиянии христианства на славянский язык». Сохранившиеся письма Ф. И. Буслаева, сообщающие о научных запросах чешских ученых, позволяют со всей определенностью говорить о том, что между Ф. И. Буслаевым и чешскими коллегами существовало тесное сотрудничество. В письме А. А. Кунику из Москвы от 24 ноября 1863 г. Буслаев заботился о том, чтобы исследования русских ученых были доступны чешским коллегам и обращался с просьбой «экземпляры моей Грамматики переслать Шлейхеру и Миклошичу, а третий благоволите принять от меня сами в знак моего постоянного к Вам уважения. Что касается до Гатталы, то я имею случай лично с ним снестись. И тем это для меня необходимее, что я обязан ему благодарностью за критику, которою он почтил мое 1-ое издание и которая много мне способствовала к улучшению второго издания» [Буслаев 1863: 1]. В письме же из Вены от 22 февраля 1864 года после личных встреч Ф. И. Буслаев подчеркивал, что Чешский музей «так лестно для русских уясняет все, что

¹ Можно, например, указать на такие его работы: «Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка» (1851), «Областные видоизменения русской народности» (1852), «Русский быт и пословицы» (1854), «О народной поэзии в древнерусской литературе» (1858), «Древнейшие эпические предания славянских племен» (1860), «Русский богатырский эпос» (1861) и др.

ни выходит у нас в свет» [Буслаев 1864: 2]. Ф. И. Буслаев помнил радушие чешских ученых при личных встречах с ними в Праге в январе-феврале 1864 г. «Пражские ученые так радушно принимают русских, что на другой день по приезде нашем сюда я успел познакомиться и хорошо сойтись со многими из них. С какою обязательно предупредительностью готовы они во всем руководить, все показать, что нужно объяснить, облегчить доступ! Вртятко и помощник его Патера предложили мне для изучения драгоценные рукописи с миниатюрами в Чешском Музее, Гануш в Университетской, иначе Императорской Библиотеке; Воцель, особенно занимающийся чешскими древностями и искусством, дал мне доступ к некоторым не менее замечательным рукописям из частных библиотек. Живя в Москве, отделенные и громадным пространством, и столькими препятствиями политического и разного другого свойства, мы не можем себе представить, как дорого все русское всякому благомыслящему чеху. Гаттала, профессор лингвистики в здешнем университете, приходит в восторг от русского словосочинения, и полагает, что мы русские вернее и больше прочих славян сохранили особенности древнейшего, первобытного славянского словосочинения. Эрбен, начальник Городского Архива, известный издатель чешских песен, после эпических остатков чешской старины в *Суде Любуше* и *Краледворской Рукописи*, ставит на первом плане русский эпос, богатырский и казацкий, малорусский, и потом уже юго-славянский, к которому относит сербский и болгарский. Помощник его по архиву, Ранк, издатель карманного чешского словаря, в последнее время за свое сочувствие к русским, подвергся даже разным пасквилям со стороны мальчишествовавшей партии. В одном из последних №№ своей газеты *Народ*, редактор Зеленый, из того же сочувствия всему русскому – называет г. Гильфердинга первым славянистом после Шафарика. Не будьте строги к увлечению, происшедшему из доброго источника. Палацкий искренно радуется великим реформам, совершающимся в настоящее время в России, - но, чтоб они принесли надежные плоды, он находит необходимым немедленно устроить правильную организацию народного обучения. И все эти симпатии к русским имеют особенную цену» [Буслаев 1864а: 3].

В статье «Заметки из истории чешской живописи» Ф. И. Буслаев рассказывает о художественном заседании у Напрстка, в котором принимали участие Ригер, Вышек, Палацкий, др. и Буслаев. Непосредственное знакомство с чешским искусством окончательно подтвердило его мысль о самобытности и независимости произведений чешской живописи от немецкой культуры. Взгляды Буслаева, сближаясь с мнением чешских ученых Шафарика, Палацкого, «знаменитого историографа Чешской земли, и также отличного оратора, человека, уважаемого во всей Чехии» были чужды немецкой идеалистической философии (Ф. Шеллингу и Гегелю).

Свою концепцию историзма Ф. И. Буслаев вырабатывал в диалоге с культурно-научным сообществом XIX века, в том числе западниками, славянофилами, позитивистами, западноевропейской философией. С точки зрения общеполитической, ученый стоит на позиции объективного идеализма,

но не западноевропейской, а святоотеческой традиции. Онтология, т.е. объяснение сущностной бытийной природы явлений, в русской и западной философской идеалистической мысли разная. Для Ф.И. Буслаева был принципиально неприемлем и «мистериально-оргаистический» историзм романтиков, в то время как включение фольклора в историю словесности, стремление исследовать «местные» варианты, сравнительно изучать мировую словесность нашли свое подтверждение и свое развитие в концепции ученого.

Трансцендентализм западного идеализма и внутренняя раздвоенность, т.е. совмещение онтологизма и трансцендентализма в гносеологии славянофилов Ф.И. Буслаеву были чужды, чем и объясняется его неприятие позиций славянофилов. Не совместимы с мировоззрением Ф.И. Буслаева были и близкие атеизму взгляды революционеров-демократов и позитивистов, которые рассматривали историзм как выход в практику революционного движения. Он критиковал социологический подход не только в русской науке (А.Н. Пыпин, Н.Г. Чернышевский), но и трудах европейских ученых (Ш. Низара, О. Каспари).

В исторической концепции Ф.И. Буслаева связь познавательных процессов со всей духовной сферой человека, т.е. цельностью духа, сохраняет близость к бытию в познании. Для Ф.И. Буслаева был характерен анализ словесности и искусства на уровне исходного онтологического содержания, поэтому в его терминологии наблюдаем литературоведческий инструментарий, близкий философским категориям святоотеческого учения [Злобина 2010]. Этим объясняются опора на такие общие категории как *духовность*, и привлечение понятий из области нравственного богословия. Православное мировоззрение исследователя сказалось в целостности подхода, умении связать явления разных сфер (иконографии, живописи, словесности, языка, архитектуры и др.) в единый комплекс, в этой целостности увидеть духовную основу фактов художественной деятельности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1855): *Рец. Сравнение русских слов с санскритскими, г. Хомякова* In: Отечественные записки. СПб. 1855. Сент. Т. СII, отд. IV, с. 36–57.
- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1861): *Об этических выражениях украинской поэзии (По поводу Сборника украинских песен, изданных г. Максимовичем. Киев, 1849)* In: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб. 1861а, с. 209–230.
- БУСЛАЕВ, Ф.И.: *Древнейшие эпические предания славянских племен* In: Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб. 1861б. Т. I, с. 355–376.
- БУСЛАЕВ, Ф. И. (1863): *Письмо А.А. Кунику от 24 ноября 1863 г. Москва* In: Архив РАН в Санкт-Петербурге. Фонд 95, опись 2, ед. хр. 124, л. 1.
- БУСЛАЕВ, Ф.И. (1864): *Письмо А.А. Кунику от 22 февраля 1864 г Вена.* In: Архив РАН в Санкт-Петербурге. Фонд 95, опись 2, ед. хр. 124, л. 2.
- БУСЛАЕВ, Ф.И. (1864): *Из Праги. Февр<аля> 8 (января > 27)* In: Современная летопись. 1864а. Фев. № 6, с. 3-7.
- ЗЛОБИНА, Н. Ф. (2010): *Концепция историзма в филологическом наследии Ф.И. Буслаева.* М., 336 с.

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ИВАНЧУК

Россия, Санкт-Петербург

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ)

ABSTRACT:

Stylistic Features of Rhetorical Universals (Based on Analysis of Public Speaking)

Beginning in antiquity, the authors of rhetorical studies and management pays close attention to the section elocution («ornament» or „verbal expression“). However, the ancient grammar knows this term, and the laws of logic, we obtain a realization in the works of Aristotle, in fact, addressed to the universal laws of thought process and their verbal explication. In the history of Russian rhetoric until the XIX century, trails and figures are considered in the aspect of the rationalist philosophy as a special form of the relation of logical categories of thought and language and rhetoric as a special category of rhetoric common to all historical periods of oratory.

KEY WORDS:

Rhetoric – universals – effective – analysis – metaphor – metaphorical models – syntactic parallelism – type of speakers.

Начиная с античности, авторы риторических исследований и руководств уделяли самое пристальное внимание разделу elocution («украшение» или «словесное выражение»). Однако античная грамматика знает этот термин, а законы логики, получающие реализацию в трудах Аристотеля, фактически обращены к универсальным закономерностям мыслительного процесса и речевым средствам их экспликации.

С XIII в. понятие универсалии известно и европейской лингвистической мысли, а начиная с XVI–XVII вв., идеи универсализма распространяются в Европе в связи с рационалистическим направлением в лингвистике.

«В современной теории речи предлагается разработать единую унификацию метафорических моделей в разных языках» – справедливо отмечают исследователи.

Разработать четкую систему концептуальных параметров, представить для обсуждения ряд наиболее распространенных во многих языках метафорических

моделей антропоцентрических метафор: ДЕРЕВО → ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК, МИФИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ → ЧЕЛОВЕК и др. Апробация данной темы проводилась со студентами-иностранцами из стран Азии, Европы и Африки. И каждый раз таблица с метафорическими наименованиями для человека была заполнена [Колясько 2009: 147].

А) Синтаксический параллелизм и его функционирование в дискурсах

Широкий срез публичной речи разных жанров (интервью, политические дебаты, встречи, популярные лекции, беседы и т.д.) и разных сфер и политической, и культурологической, – показывает, что элементы «высокого» стиля сохраняются главным образом на синтаксическом уровне. И одним из проявлений этого процесса и является синтаксический параллелизм.

Столь же характерно это средство красноречия и для ораторов других национальных культур. Показательно, что в самые драматические моменты истории в выступлениях выдающихся политиков XX в. Англии, Франции, Америки синтаксический параллелизм служит доминирующим приемом риторической организации речи. Ср. в переводах:

Мы солидарны с мнением исследователей риторических фигур (Э. М. Береговская, Ю. С. Воронов, В. И. Новичкова и др.), что перевод в границах индоевропейских языков сохраняет их релевантные свойства и тем самым подтверждает универсальную природу этих риторических средств языка.

Рузвельт: *Я вижу миллионы семей, живущих на столь скудные доходы, что семейная катастрофа каждодневно висит над ними <...> Я вижу миллионы лишенных образования, отдыха и возможности улучшить свою судьбу и участь своих детей <...> Я вижу треть нации, живущую в плохих домах, плохо одетую и плохо питающуюся...*

У. Черчилль: *Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, исчезает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли. <...> Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети <...> Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползучей саранчи.*

Ш. де Голль: *Мы хотим победителями вступить на его (врага – И.И.) территорию. Именно для этого французские авангарды под грохот пушек вошли в Париж. Именно для этого сильная итальянская группировка французской армии высадилась на юге и стремительно движется по долине Роны. Именно для этого наши славные внутренние силы получат вскоре современное вооружение. Именно во имя реванша, во имя мести и во имя справедливости мы готовы продолжить борьбу до последнего дня, до полной и окончательной победы [Воронов, Новичкова 2001: 14, 57, 133].*

Подобные параллели свидетельствуют об адекватности термина универсалия по отношению к фигуре синтаксического параллелизма (ср.: [Береговская 1984: 234]; применительно к языку фольклора – «типологическая универсалия» [Калашникова 1998: 6]). Эта риторическая фигура играет большую роль

в экспрессивизации современной публичной речи. По своей активности она сопоставима только с метафорой, которая в современном публичном дискурсе – едва ли не самое распространенное и действенное экспрессивное средство. Однако в пределах дискурсивного пространства синтаксический параллелизм до сих пор не подвергался специальному изучению. В общих работах по риторике роль синтаксического параллелизма, как и других фигур, высоко оценивается, но иллюстрируется, как правило, примерами из художественных текстов или из речей далекого прошлого [Михальская 1996]. В работах же по культуре речи, прагматике, коммуникационной лингвистике синтаксический параллелизм привлекается для решения исследовательских задач лишь в ряду других синтаксических единиц.

Для определения природы и роли синтаксического параллелизма – риторической универсалии, понимаемой нами в плане не только ее межъязыковой принадлежности, но и всеобъемлющей значимости во всех типах и видах публичной речи как средства экспрессии, – эта фигура рассматривается как одна из риторем экспрессивизации в разных аспектах: структурная организация синтаксического параллелизма, его стилистические особенности, связь с другими фигурами, когнитивными свойствами дискурса и др.

Б) Риторические универсалии как доминантный признак классификации типов ораторов современного коммуникативного пространства России

Современные процессы в языке: возросшее влияние на публичный дискурс разговорной речи, просторечия и даже жаргонов. И как следствие этого экспрессивизация (И. А. Стернин), сдвиг в понимании эталона «хорошей» речи, усредненность языкового стандарта, разрушение высокого слога – привели к снижению и риторического идеала, который совпал с представлениями о хорошей речи вообще и ее основных свойствах: ясность, точность, краткость, уместность, выразительность [Стернин 2003: 61], – а не пафос возвышенных чувств и «сверхъестественных перемен в слове», как это представлялось ранее («Основание красноречия <...> суть страсти» [Сперанский 1996: 74]).

Используя основные принципы типологии В. В. Виноградова: ориентация на разговорность и книжность, соотношение стилистического регистра лексики и синтаксических структур, особенности фонической, лексико-семантической и синтаксической экспрессии, – мы строим классификацию ораторов, выделяя в качестве одного из определяющих параметров риторические универсалии как восходящие к античности и свойственные всем последующим этапам развития европейского (а возможно и мирового) ораторского искусства средства создания экспрессии – образности и выразительности – в целях повышения воздействующей силы слова. К числу риторических универсалий, выступающих как доминанты, мы относим риторические фигуры (прежде всего, наиболее экспрессивную из них – синтаксический параллелизм и тропы, главной разновидностью которых в современном коммуникативном процессе, вслед за многими авторами), считаем метафору в широком понимании ее как тропа, основанного на любом семантическом переносе.

Материалом анализа служат публичные дискурсы носителей высшего типа речевой культуры – культуры элитарной. Выделяемые нами три типа раторов характеризуются своими доминантными признаками.

1-й тип риториков отражает стремление говорящих воздействовать, главным образом, «мелодикой синтаксических форм», в которых преобладают «синтаксические разговорные тенденции»; лексика «лишь приспособлена к равномерному синтаксическому движению», дискурс ориентирован на лексику «разговорно-речевого обихода» [Виноградов 1971: 130–131] (впоследствии о такой разновидности красноречия П. Сопер скажет: «Публичная речь в основном похожа на обычную» [Сопер 1995: 10]). Этот тип вместе со вторым представляют наиболее характерные образцы современных ораторов. К риторам I типа могут быть отнесены В. Розов, Л. Петрушевская, В. Познер, И. Соловьева, А. Смелянский. Основная черта дискурсов этих ораторов – соответствие простоты их синтаксических единиц (в том числе и формирующих риторическую универсалию – синтаксический параллелизм) и нейтрально-разговорного облика лексического строя.

2-й тип риториков, представленный дискурсами политиков (В. В. Путин, Е. Гайдар, Г. Явлинский, А. Чубайс), ученых (Д. С. Лихачев), актеров (А. Демидова, В. Рецептер), писателей (Ю. Бондарев, В. Распутин), характеризуется переносом центра в составе риторических средств с экспрессии разговорных синтаксических структур на средства книжной организации речи – логического убеждения, строгой аргументации.

3-й тип ораторов относительно редок и представлен (по имеющимся материалам) образцами красноречия писателей: Л. Леонова, А. Вознесенского, Ф. Абрамова. Для него характерны средства речевого выражения: развернутые образные контексты, разнообразные словесные ряды, антитезы, градация.

Тип ораторов определяется и характером присущих им доминант – риторических универсалий, из которых наиболее активны синтаксический параллелизм и метафоры. Внутри каждого из типов риторические универсалии функционируют в зависимости от типа институционального дискурса, жанра речи и индивидуальных вкусов, представлений и пристрастий. Задача практической риторики – на образцах современного красноречия обучать стилистической стройности дискурса, мотивированности отбора языковых доминант и гармонии их творческого сочетания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.
 АРУТЮНОВА, Н. Д. (1990) *Метафора и дискурс*. In: Теория метафоры. М.
 БЕРЕГОВСКАЯ, Э. М. (2000): *Градация как универсалия* In: Риторика – лингвистика, Смоленск.
 БЕРЕГОВСКАЯ, Э. М. (1984): *К теории фигур: семантико-функциональная характеристика хиазма*
 In: ИАН СССР, сер. л-ры и яз. т. 43, № 3.
 ВИНОГРАДОВ, В. В. (1971): *О теории художественной речи*. М.
 КОЛЪЯСЬКО, Е. В. (2009): *Антропологическая метафора в аспекте международной коммуникации*
 In: Русистика и современность т. 1, Лингвокультурология и международная коммуникация.
 ЛАПТЕВА, О. А. (2003): *Нерешенные задачи изучения структуры современного русского литературного языка и устной литературной речи в его составе* In: Проблемы речевой коммуникации, изд-во Саратов. ун-та.
 СОПЕР, П. (1995): *Основы искусства речи: Книга о науке убеждать*. Ростов-на-Дону.
 СПЕРАНСКИЙ, М. М. (1996): *Правила высшего красноречия*. Русская риторика: Хрестоматия. Автор-сост. Л.К. Граудина, М.
 СТЕРНИН, И.А. (2003): *Практическая риторика*. М.

ВЕРОНИКА КАПЛАНОВА

Чехия, Прага

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КОММУНИКАТИВНЫХ АКТОВ И ЛЕКСИКИ В ИНТЕРНЕТЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ABSTRACT:

The Function of Metaphor in Ornamental Prose by A. Bely and B. Pilnyak

In this article metaphor as a main means of expressivity in A. Bely's and B. Pilnyak's texts is considered, figurative synonymous lines, parallel (double) metaphors, interaction between metaphor and other means of expressivity in the text are described.

KEY WORDS:

Ornamental prose – metafor – figurativeness – metaphoric epithet – metonymic word division – synonymous lines – parallel metaphors.

Коммуникация через глобальную сеть становится все более широко распространенным и обыкновенным явлением. Интернет облегчает общение на расстоянии с лицами, с которыми была бы связь при других обстоятельствах невозможна или очень затруднена по финансовым причинам или же из-за расстояния. С другой стороны, он способствует уходу от традиционного личного контакта. В настоящее время этот относительно легко доступный ресурс, используемый при преподавании иностранным языкам и за его пределами, имеет свои преимущества и недостатки, так как он отражает естественное развитие языка, современного образа жизни и общества.

Коммуникативные акты формулирует Гендрих [Hedrich 1988: 35] как отдельные явления связи, например, разговор между двумя людьми или урок. Процесс коммуникации состоит из нескольких коммуникативных актов, которые могут иметь различные цели: информационные (это простой обмен информацией), кооперативные (договор о совместной деятельности), координационные (это совместное усилие или совместная деятельность), конфликтные (это эскалация или минимизация конфликта), репрессивные (с целью собственного улучшения за счет партнера), субмиссивные (как просьбы, запросы на опре-

деленные льготы), убеждающие (убеждения партнера) и контактные (которые являются конвенционным социальным контактом). Современное преподавание иностранным языкам иногда страдает от чрезмерной односторонности, когда в тренировке устной речи и письменном выражении преобладают или даже являются единственным видом коммуникативные акты с информационной целью. Информационные технологии помогают этот недостаток устранить, так как коммуникативные акты естественным образом мотивированы.

Электронное общение облегчает возможности говорения как основной речевой деятельности. Интеракция проходит таким же образом, как и личный контакт, сочетая вербальные, невербальные и паравербальные средства, поскольку говорящий может использовать аудио- и видеотехнику. При этом учащиеся имеют прекрасную возможность встретиться с культурно обусловленными жестами носителей языка, которую им никакой учебник не может предложить и до сравнительно недавнего времени, им предоставило такую возможность только пребывание в чужой стране. Студент входит в контакт с подлинной, не адаптированной, и в большинстве случаев спонтанной, речью носителей языка. Эти возможности предоставляет, например, служба Skype, которая к тому же, может быть использована в письменной форме.

В интернет-связи может быть один участник – говорящий или получатель, как и в традиционной коммуникации. Гендрих [Hedrich 1988: 33] определяет виды коммуникативных актов по количеству участников. 1. Коммуникация между двумя партнерами, например, повествование одному лицу или частное письмо. В интернете такого рода коммуникативный акт отражается в качестве переписки по электронной почте и посредством аудио-визуальной и текстовой коммуникации. 2. Связь с несколькими участниками позволяет, например, Skype, или ICQ и чат группы. Воборил [Vobořil 2008: 26] еще различает коммуникацию по синхронности/асинхронности. 1. Асинхронное общение в качестве, емейла, списков, рассылки и форумов. 2. К синхронному общению относятся, уже упоминаемый, чат.

Интернет является несомненно подходящим инструментом в обучении иностранным языкам. Сеть используется для формального и неформального общения, которое происходит между равноценными партнерами (например, друзьями), или же в ситуации, когда один из партнеров доминирует (например, обучение при помощи Skype). В преподавании иностранным языкам, необходимо установить как можно большее разнообразие связей, в которых выделяются различные отношения между партнерами.

Другой спецификой коммуникативных актов в интернете является быстрый темп общения, который приводит к отсутствию автокоррекции языка и точности. Последние же являются общими для других форм письменного общения. Такое общение, следовательно, ближе к устной коммуникации. Здесь присутствуют эллипсисы, разговорные конструкции, определенная небрежность стиля и пунктуация. Неправильное толкование типично коротких и избыточных сокращениями сообщений зачастую препятствует пониманию. Если к этому добавить незнание иностранного языка, включая специфический сло-

варный запас электронного текстового общения, пользователь может испытывать очень неприятные ощущения, исходящие из непонимания и нехватки знаний языка.

Одним из факторов является зависимость от технических средств. Помимо аудиовизуальных средств, «процесс речепроизводства и речевосприятия осуществляется с помощью клавиатуры и монитора» [Vobořil 2008: 27]. Пользователь, общающийся при помощи клавиатуры, следовательно, зависит только от клавишных элементов. «Почти исключительный носитель общения в интернете – графика» [Vobořil 2008: 27]. В неформальной переписке, невербальные и паравербальные средства обычно заменяются смайлами (*смайл*, *смайлик* от английского *smile* – *улыбка*), выражающие эмоции коммуникатора и сокращающие коммуникацию, заменяя словесное описание мнения или настроения автора.

Специфические черты лексики в интернете. Среди других исходных положений дидактики иностранных языков имеются вторичные межъязыковые воздействия, которые заключаются в передаче знаний и навыков одного языка на изучение второго языка. Английский язык, который является для многих учеников первым иностранным языком, им может помочь быстро сориентироваться в русском нейтральном профессиональном стиле терминов и сленге в среде интернета. Очень интересным является сравнение транскрибирования этой специфической лексики: *апгрейд* – *upgrade*, *линк* – *link*, *чат* – *chat*, *юзер* – *user*, *апплет* – *applet*, *геймер* – *gamer*, *лог* – *log*, *логин* – *login*, *онлайн* – *online*, *офлайн* – *offline*, *постмастер* – *postmaster*, *коннект* – *connect*, *контент* – *content*, *юзер* – *user*, *спам* – *spam*, *фishing* – *phishing*, *cookie* – *кукисы*, *визит* – *visit*, *аффтар* – *автор* – *author*, *блоггинг* – *blogging*.

В среде Рунета отмечается четкая тенденция к компрессии: сокращенные в русском языке заимствованные слова из английского языка: *плз* – *пожалуйста* (на английском языке тоже существует именно в электронной коммуникации аббревиатура *PLS*), *спс*: обозначает *спасибо* (*Thks* или *THX*). Они вслух не произносятся.

В нейтральном стиле профессионального языка часто отсутствует русский эквивалент, как онлайн, интернет, принтер. Другие неологизмы включают, например, слово *интернетить* – искать в интернете. В Рунете тоже можно найти элементы лексики, которые раньше относились к нейтральным словам: *квакать* – играть в *Quake*, *клава* – Клавдия (клавиатура), *аркада* – жанр компьютерных игр, *думать* – играть в *DOOM*, *полуось* – OS / 2 (operating system).

Несмотря на тенденцию заимствования лексики из английского языка, наблюдается тенденция сосуществования рядом с английскими русских слов, которые более часто используются в русской речи: *ЧаВо* вместо *FAQ*. Вне конкуренции, символ @ – *собака* или *собачка*, соответствующий глобальной тенденции, что этот знак на разных языках имеет гастрономическое или зооморфное наименование. С другой стороны, азбука в интернете и компьютерных играх заметно вытесняется латиницей.

Заклучение. Различные формы общения в интернете являются очень гибкими, поэтому существуют предположения, что в будущем интернет заменит непосредственное общение. Полностью заменить личный контакт, на мой взгляд, невозможно. То же самое относится к контакту учителя и ученика, который невозможно ничем заменить, даже в ситуации, когда интернет предоставляет множество возможностей эксплуатации в школьной и внешкольной деятельности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- HENDRICH, J. a kol. (1988): *Didaktika cizích jazyků*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, s. 33–35.
- VOBOŘIL, L. (2008): *Русский язык – его развитие и функционирование – в коммуникативных условиях виртуального веб-пространства*. In: Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů 30. 8.–1. 9. 2007, Olomouc 2008, s. 26–27.
- Развитие речевого общения как результат применения Интернета*, URL: <http://www.hr-portal.ru/article/gazvitie-rechevogo-obshcheniya-kak-rezultat-primeneniya-interneta>.
- Язык рунета: К вопросу о содержании термина*. URL: sem115.rocit.ru/files/russianlanginternet.doc.
- Смайлик – Википедия*, URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/смайлик>.

АННА СТАНИСЛАВОВНА КЕЙКО

Россия, Москва

ОБ ИЗУЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ABSTRACT:

Selected Verbs of Location Used in Teaching Russian as a Foreign Language in the Pre-university Education

The paper deals with specific features of Russian verbs of location in space and analyzing the studying of these verbs in the groups of foreign students. Besides, it is vital to highlight the importance of using of the verbs of statics in space and to have the system of exercises to form the students' skills and competence in Russian grammar at the lessons of Russian as a foreign at the pre-university stage of education.

KEY WORDS:

National culture – phenomenon of space – orientation on plane – localization of subject in space – semantic interference – linguistic competence.

Категория пространства – это одна из основных категорий человеческого бытия. Ещё древние философы пытались понять феномен пространства, окружающего человека, определить его характерные черты и особенности, а также причины и последствия его изменений. Кроме этого, они всегда стремились понять, как устроен мир в целом, и как человек, живущий в нем, приспосабливается к его изменениям и изучает их.

Представления о пространстве являются важным фрагментом как научной, так и наивной картины мира, и каждый язык по-своему их отражает. И если говорить о специфике национально-культурного восприятия пространства, то это «определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, так как люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются, по существу, с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране моделями» [Степанов 1994: 18].

В связи с этим, безусловно, необходимо учитывать тот факт, что категория пространства в различных языковых картинах мира, т.е. в сознании различных языков, будет включать различные средства для своего выражения.

Поэтому, по-нашему мнению, проблема пространства и пространственных отношений представляет особый интерес. Это является важным не только для учёных-лингвистов, но и для лингвистов-практиков, преподавателей иностранных языков, особенно для преподавателей русского языка как иностранного, так как категория пространства является универсальной категорией для любой языковой системы. Хотя в разных языках эта категория будет выражаться различными языковыми средствами.

При обучении русскому языку как иностранному как значительный интерес, так и значительные трудности вызывают глаголы, которые, наряду с другими средствами, обозначают положение в пространстве. На этапе довузовского образования РКИ более частотными глаголами со значением «положения в пространстве» являются глаголы **стоять, сидеть, лежать и висеть**. Лексемы данных глаголов обозначают определенный тип расположения объекта в пространстве, его горизонтальную или вертикальную ориентацию, а также наличие или отсутствие точки опоры. То есть можно сказать, что эти глаголы несовершенного вида (НСВ.В) обозначают определённый способ нахождения или положения предмета или человека в пространстве, а именно обозначают неподвижное горизонтальное, сидячее или вертикальное положение субъекта в /на определённом месте. Рассмотрим более подробно семантику данных глаголов.

1) **стоять** – употребление этого глагола предполагает наличия у объекта опоры:

– человек *стоит (на ногах)*; *стол, стул, шкаф*, если у них есть опора;

– *посуда стоит*, если в таком положении в неё можно что-то положить или налить (т.е. она готова к употреблению);

– *чемодан стоит на полу, книга на полке, телефон на столе* – так как эти предметы своей меньшей поверхностью соприкасаются с горизонтальной плоскостью;

2) **лежать** – значение этого глагола символизирует состояние покоя, гармонии:

– человек *лежит* (в постели);

– *одеяло, подушки, одежда, книги на столе, ковёр на полу* и т.д., так как эти предметы примыкают к поверхности максимально.

3) **висеть** – значение этого глагола «быть лишённым взаимодействия с поверхностью, не иметь опоры», что практически не свойственно человеку, а только предметам, например:

– *часы висят на стене; пальто висит на вешалке; яблоки висят на дереве* и т.д.

4) **сидеть** – означает такое положение объекта, при котором его опора имеет изогнутое положение, при этом действие объекта ограничено, нет возможности передвигаться по поверхности, то есть в этом глаголе имеется пространственная и функциональная ограниченность, а движение возможно

только при использовании транспортных средств: *человек сидит на стуле, птица сидит на ветке* или: *человек сидит в поезде*.

Кроме этого, в русском языке одни и те же предметы могут находиться в разных положениях, например:

Книга стоит на полке = Книга лежит на столе.

Чемодан лежит в шкафу = Чемодан стоит на полу.

Платье висит на стуле = Платье лежит в чемодане.

Следовательно, в русском языке выбор того или иного предиката зависит прежде всего от позиции субъекта, т.е. её вертикальной или горизонтальной ориентации, например:

На столе стоит чашка. Около чашки лежит ложка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что выбор позиционных глаголов зависит от локализации субъекта в пространстве, то есть от того, в каком положении он находится. Поэтому, употребление данных глаголов в русском языке предполагает трехмерное восприятие пространства, свойственное русской языковой картине мира.

Эти особенности использования глаголов положения в пространстве необходимо учитывать при обучении РКИ, особенно на этапе довузовского образования. Опыт работы в группах иностранцев, говорящих по-испански, по-английски и, особенно по-китайски, показывает, что изучение данной темы, как правило, вызывает значительные трудности.

Это связано с тем, что значение «нахождения в пространстве» в этих языках выражается по-другому. Так, для выражения значения «статика при вертикальном положении тела или предмета», т.е. русскому глаголу *стоять* в испанском языке соответствует словосочетание глагола *estar* (с суц.), имеющее значение «находиться»:

Стоять в комнате, на стуле = Estar (de pie) en la habitacion sobre la silla.

В английском языке используются глаголы *to stand*, *to be* тоже со значением «находиться»:

Тарелка стоит в шкафу. – *The plate is in the cupboard.*

Там стоял дом. – *There was a house.*

Где стоит ваша машина? – *Where is your car parked?*

Русскому глаголу *сидеть* в испанском языке соответствует словосочетание глагола с общим значением «наличия», «нахождения» где-либо с причастием *estar sentado*:

Сидеть в комнате на стуле, в (на) кресле = estar sentado en la habitacion, sobre la silla/ en la silla/. Для передачи же значения русского глагола *лежать* в испанском языке тоже нет глагола с соответствующей семантикой. Для этой цели нужно использовать глагол *estar/estar acostado*: *лежать в комнате в (на) кровати, на кресле = estar en la habitacion a la cama.*

В английском языке наравне с глаголом *to lie* используется глагол *to stay*:

Доктор сказал ему лежать – The doctor told him to stay in bed.

Ключи лежат в кармане. – The keys are in the pocket.

Также русскому глаголу *висеть* с семантикой «нахождения в пространстве без опоры на что-либо» в испанском языке соответствует глагольное словосочетание (т.е. глагол с причастием):

На стене висит картина = sobre la pared esta colgado el cuadro. Таким образом, если говорить о конкретной ориентации на плоскости, выражаемой в русском языке глаголами со значением «положения в пространстве» с соответствующими семами *стоять, лежать, сидеть, висеть*, то можно отметить, что в испанском и английском языках такая избыточность в выражении пространственных отношений отсутствует. То есть, в них нет глаголов со значением конкретного местоположения человека или предмета в пространстве. Это связано с тем, что в них существуют не предикаты, которые могли бы конкретизировать позицию субъекта в соответствии с тем, в какой плоскости он находится – вертикальной или горизонтальной, а глаголы общего значения с семантикой «нахождения». В русском же языке существует большая лексическая вариативность глаголов, в частности, для выражения значения «нахождения/положения в пространстве». Такая «особенность» русского языка часто вызывает затруднения у иностранных учащихся при выборе того или иного предиката для обозначения положения субъекта в пространстве. В связи с этим, в речи иностранцев можно отметить такие ошибки:

Книга сидит на полке – вместо: *Книга стоит (лежит) на полке.*

Ручки стоят в ящичке стола – вместо: *Ручки лежат в ящичке стола.*

Кроме этого, необходимо обращать внимание на ситуативно обусловленную необходимость использования тех или иных глаголов, например:

Тарелки стоят / лежат на столе.

Портфель лежит / стоит на стуле и т.д.

Таким образом, как показывает практика работы с иностранными учащимися на этапе довузовского обучения, детальная и длительная работа по семантизации русских глаголов положения в пространстве позволит предупредить возникновение в речи иностранных учащихся возможную семантическую интерференцию. А большое количество тренировочных упражнений позволит снять различные трудности, возникающие при изучении данной темы. В целом, такая работа будет способствовать не только повышению уровня языковой компетенции иностранных учащихся, но и общего уровня знаний, что в дальнейшем поможет им на этапе обучения в вузе по выбранной специальности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

СТЕПАНОВ, Ю.С. (1994): *Пространство и миры – новый, «воображаемый», «ментальный» и прочие*. In: *Философия языка: в границах и вне границ*. Международная серия монографий. Харьков, Око, т. 2, с. 3–18.

ЕЛЕНА КОРЯКОВЦЕВА

Польша, Седльце

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

ABSTRACT:

Occasional Words in Advertising Texts: Their Structure, Semantics and Pragmatics

The article gives an overview of the existing trends in creation of occasional words in advertising texts. Occasionalisms are very expressive because of unaccustomed perception and because of special concentration of content. The author reveals groups of expressive advertising occasionalisms in regard to their content and structural features. The research of categories of advertising occasionalisms is of much importance in theoretical as well as in applied plans, that is in comparative and pragmatic ones.

KEY WORDS:

Advertising texts – cognitive coding – expressivism – occasionalism – manipulation – naming – pragmatics – unique morphemes.

Любая реклама – это манипуляция сознанием и подсознанием потребителя. Одним из основных факторов манипулятивного воздействия на консументов рекламных текстов, способствующих изменению их картины мира, является экспрессивность, с помощью которой активизируется аффективная сфера человека. «Эмоциональные одежды» рекламных идей весьма затрудняют их логический анализ, надежно «застревая» в подсознании реципиентов рекламных текстов. Когнитивное кодирование осуществляется рекламистами с помощью разнообразных средств экспрессии, в том числе словообразовательных. Эффективной манипуляции сознанием реципиентов рекламных текстов способствуют окказиональные дериваты-экспрессивы, сочетающие в своей смысловой структуре эмоционально-аффективные и логико-понятийные компоненты.

Создавая окказионализмы-хремотонимы, в процессе так наз. «авторского нейминга»¹ рекламисты продуцируют уникальные аффиксоиды, по звучанию

---

¹ Нами был проанализирован лексический состав более 2000 рекламных слоганов, содержащихся в специальных интернет-базах, см.: http://www.content-stroy.ru/base_slogan.html, <http://www.slogan-base.ru/>, <http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>

напоминающие иноязычные морфемы и потому обладающие специфической «экспрессией заграничности», ср.: *-аль, -он, -угали(я), -эль*, ср.: **Моменталь** (сухие экспресс-обеды, слоган: *Перерыв на Моменталь. Прервись на момент!*); **Чипсоны** ‘воздушные чипсы’, (слоган: *Ешь «Чипсоны», слушай панк-рок и будь что будет*), **Тортугалия** (ЗАО «Челны-Хлеб», производящее торты и пирожные; слоган: *Тортугалия. Страна Вечной Вкусноты*), ср.: *Португалия*; **Шармэль** (пастила и зефир в шоколаде, слоган: *Шармэль. Маленькая женская радость*).

Окказионализмы-хрематонимы, созданные с помощью уникальных суффиксов, включаются в состав парцелированных слоганов, где, как правило, есть экспрессивно-метафорическая перифраза, называющая достоинства рекламируемого продукта. С помощью такой перифразы легко декодируется семантика эстетически эффектного окказионализма-хрематонима *Шармэль* – ‘то, что придает женщине шарм’: благодаря ассоциативным связям и паронимазийной графо-фонетической переключке возникает аллюзия: *Шармэль* = *шарм* + *Шанель* + *Шарм эль Шейх*, – которая базируется на стереотипе «успешной» современной женщины «с шармом», пахнущей духами «Шанель №5» и отдыхающей на дорогом курорте Шарм эль Шейх.

Аллюзивная игра раздвигает семантические границы уникальных, т.е. асистемных, окказионализмов, насыщает их эмоционально-экспрессивными оттенками, способствуя метафоризации, являющейся эффективным средством семантической компрессии. Создание окказионализмов по уникальным моделям, с помощью уникальных формантов способствует успешному решению коммуникативных и прагматических задач, которые ставят перед собой рекламисты. В сочетании с соответствующим визуальным кодом уникальные окказионализмы – семантические компрессаты – оказывают сильное психологическое воздействие прежде всего на целевые группы потребителей детского и юношеского возраста, для которых характерны отсутствие критического мышления и высокая степень внушаемости. Учитывая эти возрастные особенности, рекламисты нередко включают окказионализмы в слоганы, содержащие команду: *Не тормози! Сникерсни! Фруктанем на всю катушку!* Экспрессивные окказиональные отыменные глаголы *сникерсни* (=съешь **Сникерс**) и *фруктанем* (=вытъем-ка сок «**Фруктовый сад**»), образованные с помощью продуктивных суффиксов *-ну₂* - и *-ану-*, несмотря на их уникальное словообразовательное значение ‘интенсивно, экспрессивно потребить то, что названо мотивирующим существительным’, легко декодируются юными потребителями, при этом в их умах формируются образы престижных, жизненно необходимых товаров.

Рекламные тексты, основная задача которых – дать как можно больше сведений в пределах сжатой лексико-синтаксической структуры, являются благоприятной почвой для образования деривационных формально-семантических компрессатов. Такие компрессаты не только обозначают феномены, нуждающиеся в комплексной номинации, но и передают оценочную информацию в максимально сжатой форме. При их образовании элиминируются те компоненты, которые могут быть либо восстановлены из невербальной части рекламного текста, либо подсказаны пресуппозицией. Формально-семантические

компрессаты чаще всего образуются с помощью таких способов словопроизводства, как сложение основ и контаминация. Благодаря необычной форме и емкости содержания, окказиональные компрессаты – композиты и «телескопиды» – делают рекламный текст эмоциональным и структурно напряженным, максимально насыщенным информацией.

Экспрессивные рекламные компрессаты-композиты отражают различные ассоциативные связи между двумя предметами или явлениями, а само формирование образности и оценочности достигается чаще всего метафорическим переносом либо нарушением семантической сочетаемости морфем.

Так, обращает на себя внимание креативная механика образования в коротком рекламном тексте деривационной парадигмы, состоящей из метафорических окказиональных композитов, например: **Ореходуй** – орехов немерено! **Орехомет** – орехов немерено! **Орехопровод** – орехов немерено! В рекламном зачине, посвященном шоколадному батончику «Сникерс», копирайтеры информируют о большом количестве орехов в его составе, используя компоненты *-мет* и *-провод*, а также *-дуй*.

Радиксоиды *-мет* и *-провод* использовались ранее в рекламе пива (*пиво-мет*, *пивопровод*), компонент *-дуй* как часть композита появился впервые, и потому уникальный окказионализм *ореходуй* открывает рекламный зачин, привлекая внимание молодежной целевой аудитории своей необычной императивностью (*дуй* – разговорно-просторечн. ‘поглощай в больших количествах’). Для расшифровки окказиональных компрессатов-композитов *Орехопровод*, *Орехомет*, *Ореходуй* используется визуальный код (образ шоколадного батончика), поскольку общий корень *орех-* не обеспечивает понимания этих метафорических композитов – контекстуально-стилистических синонимов имени собственного *Сникерс*.

При образовании окказионализмов-компрессатов весьма активно применяется такой смешанный способ, как «усечение + сращение». С его помощью создаются композиты на базе словосочетаний, причем чаще усекается основа первого из входящих в него слов, ср.: *аромагия* = *аромат* + *магия* (**Аромагия** *сближает*), *Грацион* = *грация* + *рацион* (**Грацион**. *Грация* + *здоровый рацион*); *Иммунорм* = *иммунитет* + *норма* (**С Иммунормом** *здоровье в норме*); *Медэстетик* = *медик* + *эстетик* (**Медэстетик**. *Поможем обрести красоту и здоровье!*); *МосПицца* = *Московская пицца* (**Моспицца** *не для всех – попробуй лучшее!*); *Томаччо* = *томатный мачо* (**Томаччо**. *Мачо среди кетчупов*) и др.

Формально-семантическая компрессия при создании окказиональных композитов путем усечения первого компонента исходного сочетания и сращения с неусеченным вторым компонентом может сопровождаться: а) сменой парадигмы склонения (*норма* – женск. р., *Иммунорм* – мужск. р.), б) использованием фонетических средств выразительности (так, экспрессивное напряжение неоккомпозита *Томаччо* выражается в удвоении согласного **ч**); в) наслаением смысловых оттенков, обусловленным многозначностью одного из мотиваторов (ср.: *Медэстетик* – название центра врачебной косметологии, где работают *медики*, являющиеся одновременно **эстетиками**, т.е. ¹ценителями красоты, а также ²специалистами по эстетике’).

При формально-семантической компрессии крайне редко отсекается второй компонент словосочетания, мотивирующего неокмпозит, видимо для того, чтобы не осложнять реципиенту рекламного текста переработку информации. В интернет-базах рекламных слоганов нами найден единственный пример усеечения второго компонента мотивирующего словосочетания – *Флиртолетки* (название печенья, образованное путем сложения слов *флирт* и *тортолетки*). По мнению номинатора, создавшего это название по заказу «Минусинского пищевого комбината», оно «подвижное, элегантно и кокетливое, поэтому особенно должно понравиться женщинам, которые являются основной целевой аудиторией. Флирт – это всегда что-то приятное, таинственное, в то же время может быть связано с ситуацией потребления кондитерских изделий» [<http://www.free-lance.ru/user/DVScreative>]. Однако судя по реакциям потребителей интернет-рекламы, название *Флиртолетки* воспринимается не всегда так, как предполагал номинатор, ср.: *Флиртолетки..? Лариса, например* [http://ice_lorik] (в данном контексте *флиртолетки* – это пейоративное наименование лиц женского пола, ‘тех, кто летает (во 2 знач.) за мужчинами в поисках флирта’).

Экспрессивные окказиональные дериваты-компрессаты создаются рекламистами также с помощью «телескопического словообразования» – особой разновидности контаминации, которая сопровождается неполным сохранением обеих производящих основ. В результате появляются формально-семантические компрессаты, состоящие из начальной части первого из слов, слагаемых в одно целое, и конечной части второго слова, например *фрутешествие*. Значение этого окказионализма дешифруется только с помощью визуального кода – рекламного плаката фирмы-производителя сока «Фруктовый сад» (*фрутешествие* – путешествие, которое можно выиграть благодаря потреблению сока «Фруктовый сад»). Ср. с названиями новых марок йогурта: *Согурт (сок+ йогурт)*, *Фругурт (фрукты+ йогурт)*.

Телескопические окказионализмы, продукты причудливой структурно-семантической контаминации морфемных элементов, не только позволяют увеличить объем информации, но и делают рекламный текст запоминающимся, динамичным, ярким и даже эвристическим, поскольку его реципиенты вынуждены решать нестандартную задачу, занимаясь дешифровкой «телескопида». Такая дешифровка осуществляется с помощью внешнего контекста или пресуппозиции, т.е. на базе знаний реципиента и его способности адекватно воспринимать креолизованный рекламный текст, в котором рекламные образы транслируют тот же смысл, что и телескопические окказионализмы.

Броское стилистическое средство выразительности, привлекающее внимание к предмету рекламы, окказионализм обладает большой силой воздействия благодаря своей нестандартности и наслоению смысловых оттенков. Целенаправленно вводя в рекламный текст семантически ёмкие экспрессивные окказионализмы, рекламисты эффективно манипулируют информационным, интеллектуальным, эмоциональным состоянием потребителей рекламы, провоцируя их на определенную реакцию в ситуации выбора товаров, подталкивая к совершению покупки.

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА КОСТЯКОВА

Россия, Коломна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ А. БЕЛОГО И Б. ПИЛЬНЯКА

ABSTRACT:

The Function of Metaphor in Ornamental Prose by A. Bely and B. Pilnyak

In this paper metaphor is considered as a leading means of expressivity in A. Bely and B. Pilnyak texts, figurative synonymous lines, parallel (double) metaphors, interaction between metaphor and other means of expressivity in the text are described.

KEY WORDS:

Ornamental prose – metaphor – figurativeness – metaphoric epithet – metonymic word division – synonymous lines – parallel metaphors.

Тропы и фигуры являются неотъемлемой частью любого литературного произведения, но именно для русской литературы первых десятилетий двадцатого столетия характерна их особая роль и активное взаимодействие.

Русская орнаментальная проза, возникновение и развитие которой в начале двадцатого века было связано с «поисками новых, осязаемых, ярких форм поэтического изображения действительности, со стремлением переместить прозу с периферии искусства в его центр» [Новиков 2001: 320], буквально вся пронизана языковыми средствами художественной выразительности. Особая система тропов и фигур присуща прежде всего А. Белому, в творчестве которого русская орнаментальная проза достигла вершины своего развития. Именно А. Белый, по мнению А. А. Новикова, оказал заметное влияние на формирование стиля таких писателей, как Б. А. Пильняк, С. А. Клычков, А. Веселый, Е. И. Замятин и др. [Там же: 321–322]. Исследуя вопрос, в какой мере система А. Белого проявилась в творчестве других писателей-орнаменталистов, мы обратились к анализу тропов в прозе Б. А. Пильняка, называвшего А. Белого своим учителем.

Ведущая роль в тропеизации текста принадлежит, как известно, метафорам.

Отталкиваясь от устойчивых метафорических формул, А. Белый и Б. Пильняк значительно расширяют и углубляют образность данных средств. Один и тот же предмет речи зачастую получает сразу несколько образных соответствий. Так, традиционно обширен, например, образный ряд времени. Сравните у А. Белого: *водопад времени, семиноги недели, дымка дней, проливы лет, чаша времени*, у Б. Пильняка: *экспресс дней, глетчеры веков, сталактиты времени, полки лет, опилки десятилетий, крепкие хомуты времени*. Или, например, метафорические образы облаков у А. Белого: *облачная пыль, облачные сети, обрывки ведьмовских кос, нетопыриное крыло облаков, волна облаков, облака-змеи, туч атласы*, у Б. Пильняка: *белые конницы облаков, развалины облаков, лыко облаков, мокрые кисели облаков*. Следует отметить, что некоторые из данных образов традиционны и уже известны литературе 19-го и 20-го веков (например, «облачный кисель» Маяковского, «тени белых конниц – облака» Вячеслава Иванова), однако круг метафорических единиц значительно расширяется за счет индивидуальных ассоциаций писателей. Сравните, например, описание вечернего и ночного неба у Б. Пильняка: *Сумерки разводились водовозными клячами серых облаков, собравшихся в дождь (Волга впадает в Каспийское море). Сумерки налились каракатичной кровью ночи, тушевым мраком (Поокский рассказ). Черная дьяконова ряса полами разбрыкалась по облакам (Метель)*.

Вводя в текст развернутую метафору, автор рисует поэтическую картину, позволяющую по-новому взглянуть на привычные предметы и явления: *Небо – огромной фабрикой занялось покупкой и продажей стеганых одеял, просаленных до серого лоска (Пильняк. Повесть непогашенной луны). Молнии вспыхивали уже бесчисленно, все небо рвалось молниями в лоскутья, и все небо стало кегельбаном, чтобы веселыми стихиями катать кегли грома (Пильняк. Мать сыра-земля)*.

Контекст часто осложняется у Б. Пильняка двойной (параллельной) метафорой: *Это было таинство любви, тот кувшин, который нельзя расплескать так же, как кувшин революции (Волга впадает в Каспийское море). Историческое колесо <...> в очень большой мере движется смертью и кровью, – особенно колесо революции (Повесть непогашенной луны)*.

Важную роль А. Белый и Б. Пильняк отводят генитивной метафоре, основанной на сочетании конкретного и отвлеченного. Сравните у А. Белого: *бархат чувств, железо борьбы, жерло прошлого, лента событий, уксус страданий, бульжники слов, песок усталости, гранит отчаяния, новое вино религиозных исканий, золотая радуга романтизма*, у Б. Пильняка: *красная нить чудейства, футляр обыденности, озеро смертных мыслей, чарочка великого пафоса, пьяное вино девственности, российский лапоть кабалы к земле, лимонад психологии, пустые ветры смерти, жилетный карман души*. Такое использование слова в несвойственной ему сочетаемости расширяет границы образности текста, усиливает его символичность.

Тяготение к разветвлению тропов характерно для всей литературы первых десятилетий двадцатого века. Н. А. Кожевникова выделяет дан-

ную черту как одну из самых ярких и в творчестве А. Белого. Описывая подобные построения, она отмечает, что у А. Белого, например, исходное общее сопоставление развертывается в серии параллельных – прямых и тропеических обозначений [Кожевникова 1992: 113]. Сравните, например, простое соотношение тематически смежных предметов речи как целое и часть: *Звезды <...> зернистые искры, метаемые, как икра, как-то зря, <...> этой рыбой <...> вселенной (Маски)*, а также более сложный последовательный параллелизм между прямым и непрямым обозначениями: *Старый профессор ... передутый, пропученный, точно бутылка – ни звука; а папочка знает, что эта «бутылка» таит много пены и шипит; и ходит вокруг, собираясь испить разговор, и очками поводит, облизываясь, как кот; он подсядет с «позвольте спросить», чтоб вонзиться: своим языком, точно штопором: – вертит и вертит, и вертит его, и – потягивает за пробку; «бутылка» и хлопнет; и, пфукнув словами, она разольется шипучим шампанским; и все опьянеют; шипит «либеральный болтун» и заводит еловые поросли слов (Крещеный китаец)* (Цит. по [Кожевникова 1992: 113]).

Подобные построения характерны и для Б. Пильняка. Сравните аналогичное соотношение как целое и его части тематически смежных предметов речи: *... Европа, кошкой изогнувшаяся на земном шаре, где старая кошка нюхает молоко Гибралтара, где Пиренейский полуостров – голова, а ноги – Апеннинский полуостров (Мать-мачеха). В лесах, на песке, на валунах Сяси возник завод, похожий на корабль, на грандиозный морской корабль, который пошел в океан лесов и варочный цех которого, одиннадцатизэтажное здание, где стоят котлы в добрые двадцать метров вышиною, – центральное здание завода, – варочный цех которого есть спардак судна, а крыша – капитанский мостик, откуда на сотню километров кругом видны леса (Созревание плодов)*.

Метафорический образ, получая развитие в контексте, может наделяться символическим значением и осложняться целым рядом дополнительных, как бы уточняющих метафор: *Земля отсюда из высот – земля внизу кажется одетой в очень старую, очень заплатанную, многожды перешитую рубаху пажитей, лесов, гор, оврагов, лоцин, рек: вон та географическая карта, что лежит внизу, и есть рубаха России – то ржаная, то гречневая, опушенная овчиной лесов, расшитая серебром рек и позументами сел, – нищая рубаха и все же бархатная (Иван Москва)*.

В текстах орнаменталистов метафора активно взаимодействует с другими тропами. У А. Белого и Б. Пильняка она наиболее часто сочетается с метафорическим эпитетом, метонимическим переносом, выражает предмет и образ в сравнительном обороте. Например, у А. Белого: *на снежной, бархатной пустыне, бледнобирюзовый океан, бисерная пена стужи, стеклянный колпак небосвода*, у Б. Пильняка: *свинцовые губы волн, каракатичная кровь ночи, хрустальный серп*.

В результате взаимодействия тропов, использования слов в несвойственных им сочетаниях происходит расширение границ образности текста, усиление

его символичности. Многоплановая тропеизация позволяет найти новый подход к привычному образу. Сравните, например, описание работы мысли у А. Белого и Б. Пильняка:

... мысли-молнии разлетелись, как змеи от лысой его головы (Белый. Петербург)

Пучинны все мысли: океан бьется в каждой; и проливается в тело – космической бурею; восстающая детская мысль напоминает комету: вот она в тело падает; и – кровавится ее хвост (Белый. Котик Летяев).

Мысли идут ледоходными льдинками, трещат, лезут одна на другую (Пильняк. Нерожденная повесть).

За левым ухом, около подушки, под черепом, родилась мысль и побежала вверх по мозгу мыслью, шаря по извилинам мозга, физически его царапая, остановилась подо лбом, в сознающих областях, оформилась (Пильняк. Волга впадает в Каспийское море).

Таким образом, в творчестве как А. Белого, так и Б. Пильняка нашли свое продолжение литературные традиции эпохи, связанные с активным взаимодействием тропов, тенденцией к их развертыванию и трансформации традиционных образов, что значительно расширило фонд изобразительных средств языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

КОЖЕВНИКОВА, Н. А. (1992): *Язык Андрея Белого*. М.

НОВИКОВ, Л. А. (2001): *Избранные труды. Том 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea*. М.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КРЫЛОВА

Россия, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ, ВХОДЯЩИХ В ТГ «ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР», В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Selected Aspects of the Semantic Motivation of Names for Female Headdress in the Eastern Slavonic Languages

Semantic motivation as a set of differentiating-semantic features underlying designation of objects of the extralanguage reality by lexical units of language, is the original way to realise the conceptual development of the world around people. The paper deals with some ideas in the field of semantic motivation on the material of names for female headdress of Eastern Slavs. In particular, separate most widespread models on which nomination within the given lexical group is done, are demonstrated.

KEY WORDS:

Female headdresses – East-Slavonic languages – motivation – semantics – motivating features – dialects.

Сущность мотивационных отношений в языке, пути их изучения являются одной из актуальных проблем современной лингвистики. О. И. Блинова отмечает, что мотивационные отношения значимы как на уровне лингвистики вообще, поскольку мотивированные слова, а следовательно, и отношения мотивации, представляют собой лингвистическую универсалию, так и на уровне отдельного языка, т.к. отношения мотивации в языке (в отличие от других видов системных связей) имеют всеобщий характер, т.е. охватывают практически все слова языка. Мотивированность слова и связанные с ней лексические процессы являются порождением одной из ведущих тенденций языкового развития – тенденции к мотивированности языкового знака. В словарном составе значительного числа языков мотивированные слова составляют большую часть лексикона [Блинова 1984: 11].

Безусловно, особую значимость явление мотивированности слова приобретает в диалектной речи. Диалектная лексика отличается особой явствен-

ностью внутренней формы, что способствует усилению ее экспрессивно-стилистической окрашенности [Коготкова 1979: 79]. Носители диалектов хорошо разбираются в системе своего языка: могут указать на происхождение того или иного слова, составить синонимические ряды, привести варианты образования слова, охарактеризовать слова с точки зрения их принадлежности к активному или пассивному запасу и т. д. О. И. Блинова отмечает, что в языковом сознании носителей диалекта происходит осмысление связей между словами, осмысление значения слова [Блинова 1972: 93]. Диалектологи обращают внимание на то, что по количественному соотношению в говорах гораздо больше мотивированных слов, чем в литературном языке [Блинова 1984: 234; Коготкова 1979: 78], что отвечает тенденции к мотивированности языкового знака и говорит, как нам кажется, о большей привлекательности для носителей диалекта слова мотивированного по сравнению с немотивированным. В пользу значимости мотивированности слова для носителей языка говорят также явления лексической и структурной ремотивации (создание и воссоздание мотивированности слова на основе установления мотивационных отношений), неомотивации (создание мотивированных слов-параллелей к эквивалентным по значению немотивированным иноязычным словам или к исконно русским, утратившим мотивированность), а также образование диалектных неологизмов.

Данная статья представляет собой некоторые наблюдения в области семантической мотивированности на материале названий, обозначающих традиционный женский головной убор у восточных славян; в частности, приведены отдельные, наиболее распространенные модели, по которым происходит номинация в пределах указанной тематической группы.

Семантическая мотивированность как совокупность дифференциально-семантических признаков, лежащих в основе обозначения объектов внеязыковой действительности лексическими единицами языка, является своеобразным способом реализации концептуального освоения окружающего мира человеком, его мировидения.

Материал, анализируемый в данной статье, собран путем сплошной выборки из диалектных словарей трех восточнославянских языков и позволяет изложить некоторые предварительные соображения о мотивационных признаках, оказавшихся в основе наименования издавна типичного женского головного убора восточных славян (будем считать за таковой реалию, обозначаемую родовыми названиями *плат*, *платок*, *хустка*).

Так, в частности, обнаружено, что в восточнославянских языках существует значительное количество лексем, содержащих в себе условно названную нами «идею защиты», реализованную в многочисленных deverбтивах-названиях платка (платок производное от плат «кусочек ткани, полотно», собственно то, что и выполняло функцию первоначальной одежды человека). Это, прежде всего, разветвленное гнездо родственных номенов от глаголов *запинатися*, *напинатися*: укр. *запинка* «большой шерстяной платок» [Проблеми 1990: 20], *напиначка* «большой шерстяной платок с бахромой, который одевают на

плечи для красоты» [Вакалюк 1990: 181; Лисенко 1974: 13], *обпінанка*, *о(у)пенка* «большой зимний платок» [Корзонюк 1987: 245] и бел. *аб(а)піна(л, н)ка*, *абанінаха* «большой суконный платок» [Янкова 1982: 10, 15], *апіньянка* «большой платок, которым накрываются в дороге в холодную или мокрую погоду» [Янкоўскі I: 34], *апонка* [ПЗБ I: 90], *о(б)п(и, і)на(н, ч)ка*, *о(б)п(и, і)н(а, ё)ха* [Брэст 1989: 154; Тур 4: 233], *нап(ы, і)н(ан)ка* «вовняна хрустка» [Брэст 1989: 143; Янкова 1982: 200] и др.

Прозрачная внутренняя форма номенов-девербативов бел. *об'язанкна* «большой платок» [Брэст 1989: 150], рус. *обвязка* «платок на голову» [СРНГ 22: 13], *повязка* «вязаный или пуховой платок, шаль» [ЯОС 8: 17], *опов'язка* «головной платок» [СВГ 6: 63], *перев'язка* «платок» [СРГК 4: 436]; бел. *абкрыва́чка* «большой платок, которым покрывают плечи» [Магіл. 1981: 7] и *покрыванка* «то же» [Янкова 1982: 242], *абтулянка* «большой теплый платок» [Сцяшкoвіч 1983: 16], укр. и бел. *(за-, об-)матанка* «большой шерстяной платок» [Проблеми 1990: 206], рус. *накрывалка* «большая шаль, которой накрываются поверх всей одежды» [СРНГ 19: 351], *знуздалка* «второй платок, который одевают на шаль» [Маслова 1984: 664], *подвязальник* «то же» (там же) не требует особых комментариев.

Сюда же по мотивационным признакам необходимо приобщить и укр. *завійка*, рус. *окрутник*, бел. *окручванка*; рус. *наметка*, *наметочка* «длинный женский головной платок, обычно из тонкого или редкого холста; женское головное покрывало, накидка, вид фаты; вид чепца» [СРНГ 20: 35], укр. *намітка*, бел. *наметка*, которые являются синонимическими названиями реалии, использующейся для специального (обрядового) назначения или/и указывающей на социальный статус лица, которое/на которое одевает/ют ее.

Обнаружено, что среди указанных названий существует также значительное количество лексем, обусловленных кроме того следующими мотивационными признаками (МП): материал, способ ношения, способ изготовления, качество, цвет, форма, размер, функция и др.

Собранный материал свидетельствует о том, что группа наименований, объединенных вокруг общего мотивационного признака материал, в свою очередь, может рассматриваться как имеющая, с одной стороны, мотивационно прозрачные названия, образованные по моделям:

А) названия ткани $\Rightarrow$ название исследуемой реалии;

Б) название ткани $\Leftarrow$ название растения/птицы/животного, из которых изготовлена ткань или которая напоминает/похожа на реалию $\Rightarrow$ название реалии;

В) название ткани $\Leftrightarrow$ название города/местности, где впервые начали производить ткань $\Rightarrow$ название реалии.

С другой стороны, в процессе исследования обнаружены лексемы с прозрачной внутренней формой, которая включает в себя не только мотивационный признак материал, но и одновременно другие мотивационные признаки, как, напр., способ ношения, способ изготовления, функции и т.д.

Итак, к первой из названных групп, т.е. к названиям, образованным только по мотивационному признаку материал, следует отнести следующие лексемы, зафиксированные в русских говорах:

атласка «большой шелковый платок» [СРНГ 1: 290], производное от *атлас*, букв. «гладенький» – «шелковая или полусшелковая ткань с блестящей поверхностью», заимствование которого осуществлено из тюркских языков через возможное польское или немецкое посредничество. См. также *атласник* – «атласный платок», *атласница* – «нарядный атласный головной платок», *атласовка* – «большой шелковый платок фабричного изготовления»;

бурсовка «шелковая шаль без кистей с рисунком ковра» [СРНГ 3: 298] (можно допустить, что указанная лексема является производной от *бурса*. В частности, Фасмером осторожно высказано предположение о том, что этимологически *bursa* связывается с тур. *ibrisim* «шелковая нить» и персидским *berisem* «шелк»; анализируемая лексема, возможно, связана также с удмуртским словом *burstin* «шелк», которое, в свою очередь, заимствовано из чувашского языка (*porzin* «шелк»), а далее из турецкого [Фасмер 1: 247]; однако возможно еще одно объяснение анализируемого слова, но тогда оно уже не сможет рассматриваться только как такое, что содержит в себе мотивационный признак материал: с учетом возможного чередования гласных в корневой морфеме (*бурсовка* – *борсовка*) последнее можно увязать с укр. *борсати*, *наборсати* «низати, шнурувати, затягувати; нанизати, наплутати (ниток); обв'язати, обплутати», ср. еще неясное бел. диал. *барсаць* «завязывать» [ЕСУМ 1: 235];

астаметный платок, что означает «турецкий кашемировый платок, который носят на праздник в виде чалмы» [СРНГ 1: 287]; слово является производным от *стамед* (*астамед*) «вид шелковой ткани», заимствованное через немецкое/голландское посредничество или взятого непосредственно из итальянского *stametto* (откуда и ст.-фр. *estamet* «грубая шерстяная ткань»); первоисточником же, как полагает Фасмер, является лат. *stamen* «основа ткани» [Фасмер 3: 744];

голощинка, *голстинка* «платок, длинный платок или косынка» [СРНГ 6: 117, 330], *голотинка* «головной платок» [СРНГ 6: 329] – это названия, связанные с русским *холст*, *холстина* «покрывало», украинским *ховст* «глухой звук, шум», польским *chelst* «ткань, которая шелестит, трепещет» [Фасмер 4: 258]; однако и здесь можно предположить в определенной степени народноэтимологическое переосмысление, связь со словом немецкого происхождения *галстук*, где оно означает «нашейный платок» или «вещь для шеи».

К этой же группе следует причислить прозрачные названия, зафиксированные в белорусском языке: *кісейка* «перкалёвый платок», *батіста(о)ўка* [Янкова 1982: 48, 158], а также *паушарсцянка* «платок» [Янкова 1982: 258], *шарсцянка* «цветастый платок из шерсти фабричной выделки» [ЗНС 1975: 73], *шарсянка* «вязаный платок» [Брэст 1989: 267]. Последних три названия связаны с праславянским **sbrstь* «шерсть», что изначально, в исходном значении может трактоваться как «шершавая ткань» [Фасмер 4: 431].

Можно также предположить, что семантически близким к этим вышеназванным наименованиям является белорусское название *палавінчык* «полушерстяной платок» [Янкова 1982: 242], хотя его, скорее, можно объяснить как название, мотивированное формой реалии, откуда *палавінчык* – это «треугольный платок» [Брэст 1989: 41] в отличие от стандартного четырехугольного, т.е. половинный (ср. еще рус. *полуплаток*).

Образования по модели «названия растения/животного ⇔ название реалии» представлены белорусскими *пьянкоўка*, *к(а, о)ноплянка* и укр. названиями *баранка* и *борушненка*.

Рассмотрим эти лексемы подробнее. Так, в частности, *к(а, о)ноплянка*, являющееся производным от *копорја, а по мнению Фасмера, заимствованием из народной латыни [Фасмер 2: 312], используется для называния «небольшого хлопчатобумажного платка, теплого хлопчатобумажного платка из льняной ткани или льняного платка домашнего производства».

Слово *бору(и)шненки* можно рассматривать как производное от укр. *борушки* «шишки» [ЕСУМ 1: 200], что позволяет соотнести его со свадебным обрядом, подтверждением чего является указание на специфику использования платка – «праздничный да еще и украшенный цветами».

Второе образование *баранка*, возможно, представляет собой результат народноэтимологического переосмысления заимствованного, очевидно, из итал. *bargasano* «шерстяная ткань», что, в свою очередь, происходит из арабского *barrakan* «грубый материал». Анализируя данное слово, стоит обратиться еще и к рус. *баркан*, *баракан* «вид ткани», укр. и бел. *баркан* «то же» или «сорт ситца».

Интересным представляются зафиксированные в бойковских говорах лексемы *маринка*, которой называют «шерстяной клетчатый платок» [ЕСУМ 3: 395] (ср. еще бел. *шмарыноўка* «шерстяной клетчатый платок»).

Происхождение названных слов окончательно еще не определено, однако в данном случае можно предположить связь с названием травянистого растения марена, из корня которого добывали красную краску.

Белорусское слово может быть связано с глаголами: русским *шмарить* «хлестать, бить», *шмариться* «делаться шершавым», т.е. «лохматиться»; украинским *шмарити*, *шмаряти* «бросать» [Фасмер 4: 458], последние, возможно, указывают на действия, процессы обработки сырья и производства самой реалии.

Название еще одной птицы соотносимо с наименованием исследуемой реалии. Так, в говорах Прикарпатья зафиксировано слово *павунка* (производное от *павун* «павич») [СУМ 3: 85], которым обозначают «яркий клетчатый платок, украшенный кистями разного цвета» [Вакалюк 1990: 181–182]; лексема передает красочность/разноцветность реалии, подобие по этому признаку птицы и платка.

Оттопонимическими можно считать несколько названий тканей, которые лежат в основе номинации анализируемых реалий в восточнославянских языках. Это, в частности, украинское *кашемірові хустки* [Гуцульщина 1987: 198], белорусское *кашміроўка* «шерстяной платок» [ПЗБ 2: 448], *кашмырывка* «шерстяной цветной платок» [Брэст 1989: 92], с метатезой *камашырка* «шер-

стяной платок с кистями», *кашми́рка* «шерстяной платок» [Магіл. 1981: 42], рус. *кашамирка* «большой платок из тонкой шерстяной ткани, шаль» [СВГ 3: 50], *кашемирник* «платок из кашемира» [СРГК 2: 334] (фр. *cachemire* «мягкая шерстяная ткань», которое происходит от старого названия княжества *Cachemire* на севере Индии, где изготавливали эту ткань) [Фасмер 2: 215].

Названию города в Месопотамии мы должны быть обязаны, имея в белорусском языке слово *масліноўка* (*маслюнава хустка*) «летний шелковый платок», в русском – слово *муслиновка* «большой платок с крупными яркими цветами» [СВГ 5: 11], ведь заимствованное из фр. слово *муслин*, от которого ведут свое начало названные производные, означает «легкая, тонкая и мягкая ткань».

Известно, что одежда создается и совершенствуется в процессе взаимодействия разных этнических групп и является одним из ценных источников для решения вопросов, связанных с генезисом народов. Наличие в восточнославянских языках общих мотивационных признаков, лежащих в основе моделей, по которым образованы названия идентичной реалии, свидетельствует о давних связях украинцев, белоруссов и русских и определенных общих моментах в истории и взаимоотношениях с другими народами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЛИНОВА, О. И. (1972): *Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии*. In: Вопросы изучения лексики народных говоров: Диалектная лексика. 1971. Л., с. 92–104.
- БЛИНОВА, О. И. (1984): *Явление мотивации слов (Лексикологический аспект)*: Учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов. Томск.
- Брэст – *Дыялектны слоўнік Брэстчыны*. Мінск, 1989.
- ВАКАЛЮК, Я. Ю. (1990): *Лексико-семантична характеристика назводагу в говірках Прикарпаття*. In: Проблеми української діалектології на сучасному етапі. Житомир, с. 181–182.
- Гуцульщина. Історико-етнографічне дослідження*. Київ, 1987.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови*: В 7 т. / Під ред. О.С. Мельничука. Київ, 1982. Т. 1; 1989. Т. 3.
- ЗНС – *З народнага слоўніка*. Мінск, 1975.
- КОГОТКОВА, Т. С. (1979): *Русская диалектная лексика (состояние и перспективы)*. М.
- КОРЗОНЮК, М. М. (1987): *Матеріали до словника західноволинських говірок*. In: Українська діалектна лексика. Київ, с. 62–267.
- ЛИСЕНКО, П. С. (1974): *Словник поліських говорів*. Киев
- Магіл – *Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны*. Мінск, 1981.
- МАСЛОВА, Г. С. (1984): *Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах*. М..
- ПЗБ – *Слоўнік беларуськіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі І яё пагранічча*: У 5 т. Минск, 1980.
- Проблеми української діалектології на сучасному етапі*: Тези доповідей і повідомлень XVI Республіканської діалектологічної наради. Житомир, 1990.
- СВГ – *Словарь вологодских говоров*. Вологда, 1983–2007. Т. 1–12.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. М. –Л.; СПб., 1965–2010. Вып. 1–43.
- СУМ – *Словарь української мови*: В 4 т. / За ред. Б.Д. Грінченка. Київ, 1958–1959.
- СЦЯШКОВІЧ, Т. Ф. (1983): *Слоўнік Гродзенскай вобласці*. Мінск.
- Тур – *Турайскі слоўнік*. Мінск, 1985. Т. 4.
- ФАСМЕР, М. (1986): *Этимологический словарь русского языка*: В 4 т. М.
- ЯНКОВА, Т. С. (1982): *Дыялектны слоўнік Лоўшчыны*. Мінск.
- ЯНКОЎСКИ, Ф. М. (1959): *Дыялектны слоўнік*. Мінск.
- ЯОС – *Ярославский областной словарь*. Ярославль, 1989. В. 8.

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА КУПРИЕВА

Россия, Белгород

СИНОНИМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВНИМАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

The Synonymical Potential of Lexemes Nominating “Attention” in the Contemporary Russian and English Languages

The article deals with the positive features of frame semantics in the linguistic study of lexemes nominating attention. Frame «attention» is modeled and shown as the conceptual basis implying to unite the thematically different lexemes with the help of the obligatory criteria and to differentiate the semantic special features of it with help of optional criteria. The named optional and obligatory criteria are called frame elements.

KEY WORDS:

Frame «attention» – optional criteria – obligatory criteria – frame elements – synonyms – lexemes – semantic specifics.

Современная научная парадигма отдает предпочтение когнитивному подходу, предполагающему доминирующую роль антропоцентризма или «человеческого фактора» в языке. С таких позиций человеческое сознание рассматривается как некий аккумулятор данных об окружающей действительности, способный к трансмиссии полученных и переработанных знаний в значения лексем. При этом механизм работы человеческой когниции лингвисты описывают посредством имеющихся у них в арсенале условно моделируемых ментальных моделей, динамических и гибких, способных менять модуль и угол зрения в заданных условиях. Одной из таких условных моделей является фрейм, как единица опыта, «кусочек» знания, содержащий ту или иную информацию, ассоциируемую с концептом [Дейк 1989: 16–17]. Предполагается, что фреймы позволяют представить типичную экстралингвистическую ситуацию, в нашем случае ситуацию внимания, и дают возможность поставить вопрос о синонимическом потенциале разнородной лексики, функционально

или системно соотносящейся с процессом фокусировки сознания, на иную ступень описания

Итак, по факту изучения экстралингвистики (что вполне закономерно в рамках когнитивно-ориентированного исследования) и рассмотрения лексикографических данных стало возможным заключить, что ситуационный фрейм «внимание» структурно представляет собой иерархию обязательных и факультативных компонентов и признаков. Обязательные компоненты (СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ОБЪЕКТ, СТИМУЛ) и признаки («ментальность», «направленность», «сконцентрированность») фрейма образуют пропозициональную рамку и служат критерием идентификации фрейма «внимание» при учете разветвления структуры на уровне обязательных компонентов на подфрейм «произвольное внимание» и подфрейм «непроизвольное внимание», которые, несмотря на некоторые различия, обусловленные экстралингвистическими факторами, тесно связаны между собой, о чем говорит их неспособность к изоляции (наличие общих обязательных компонентов фрейма с поправкой на различия в их концептуальных признаках), и способность многих лексем внимания на системном и функциональном уровне участвовать в описании ситуации как произвольного, так и непроизвольного внимания. Тем не менее, такая условно смоделированная структура фрейма не может считаться объективно верной без учета максимального числа ее репрезентантов. Иными словами, верификация фрейма должна проводиться по факту изучения системного, функционального значения лексем исследовательского корпуса на предмет отражения в их семантике обязательных элементов. В результате такой процедуры в нашем случае были не только специфицированы отдельные элементы фрейма внимания, но и определен корпус единиц, способных описывать внимание на системном уровне в английском и русском языках. Таким образом были получены следующие единицы:

attract (sb's) attention, bring your/sb's attention to sb/sth, call sb's attention to sb/sth, catch, catch one's eye, catch sb's attention, catch sb's imagination, concentrate, concentrate your attention on sb/sth, devote your attention to sth, direct your/sb's attention at sb/sth, dominate, drag your attention to sb/sth, draw (sb's) attention to sth/sb, earn sb's attention, emphasize, engage, engage sb's attention, examine, eye, fix your attention on sb/sth, fix your mind on sb/sth, focus on/upon, focus your/sb's attention on sb/sth, gain sb's attention, give attention to sb/sth, grab sb's attention, hear, hold sb's attention, keep sb interested in sb/sth, keep your eye on sb/sth, keep one's eyes open, keep (your) sb's attention, mesmerize, monopolize sb's attention, note, notice, observe, obsess, pay attention (to sb/sth), pay (no) heed, prick up your ears, return your attention to sb/sth, seize sb's attention, surprise, take notice (of sth), take sb/sth seriously, transfer (your) attention to sb/sth, turn your/sb's attention to sb/sth, watch etc.; абстрагироваться, -анный, сосредоточить внимание, влечь, (у)влекать, -ечь, увлечённый, увлекательный, увлечение, вы-/упускать из виду, замечать, заметный, обращать внимание на какое-то обстоятельство, представлять кого-л./что-л. каким-то/ себе, сосредоточить(ся), -енный, -но, сосредоточить (-ся) внимание, сосредоточиться на чём-либо, увлекаться, увлечение, увлечь, (быть) увлечён (-ным, -ной) и т.д.

Именно вышепредставленные единицы на системном уровне способны эксплицитно/имплицитно актуализировать обязательные компоненты фрейма «внимания», что говорит об общности их значения и синонимии, несмотря на принадлежность к различным тематическим группам. Последнее обстоятельство, то есть тематическая разобщенность, подтверждается наличием актуализируемых ими факультативных элементов фрейма. Так, например, глагольно-именное словосочетание *give attention to sb/sth (listen to, look at, or think about something, so that you can deal with a problem [Longman])* описывает сознательную (произвольную) перцептивную/умственную деятельность индивида, направленную на объект как на проблему, подлежащую решению или изучению. Иными словами, в словарной трактовке, помимо указания на экспликацию таких обязательных компонентов СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ, зафиксировано «отражение», «перцепция», «ментальность», например:

Then she gave her attention to the dog, turned his face to her so he wouldn't miss a word she said [Fox 1998].

Кроме того, фактический материал изобилует данными, свидетельствующими о том, что в подфрейме «произвольное внимание», актуализируемом сочетанием *give attention to sb/sth*, профилируются концептуальные признаки «агентивность» и «контролируемость» компонента СУБЪЕКТ, в связи с чем происходит совпадение компонентов ЦЕЛЬ и СТИМУЛ, например:

Women can give attention to detail and because we were not married we used to devote ourselves to the place [BNC].

Словарное определение рассматриваемой единицы не указывает на экспликацию факультативного компонента СТЕПЕНЬ, однако соответствующие лексические средства позволяют судить о таких актуализируемых данным сочетанием свойствах внимания, как:

а) концентрация и объем, например:

..., he gave Nick his full attention [Donald].

б) переключение, например:

He gave his attention to the lemon again, ... [George].

в) объем и распределение, например:

He sipped his beer, and gave a proportion of his attention to Lee, ... [BNC].

Специфика другого глагольно-именного словосочетания – *devote your attention to sb/sth* заключается в способности передавать большую, по сравнению с сочетанием *give attention to sb/sth*, увлеченность деятельностью (актуализация компонентов ОБЪЕКТ и СТЕПЕНЬ) со стороны индивида (актуализация компонента СУБЪЕКТ). Такое заключение можно сделать, исходя из анализа значения глагола *devote* в сочетании с абстрактными существительными типа *attention* (1. to use all or most of your time, effort etc. in order to do something or to help someone [Longman]). Кроме указания на высокую степень концентрации внимания, данная словарная дефиниция, как и в случае с единицей *give attention to sb/sth*, информирует об актуализации подфрейма «произвольное внимание» и указывает на объективацию концептуального признака «непосредственность» и факультативного компонента ЦЕЛЬ. Указание на актуализацию компонентов СТЕПЕНЬ

и ОБЪЕКТ (в позиции компонента ОБЪЕКТ экстралингвистическая данность в единственном числе) дает основание предположить невозможность распределения такого внимания на несколько объектов внешнего мира, например:

Three years later Thomas Cook relinquished his printing business and devoted all his attention to being an excursion agent [BNC].

Однако, нередки примеры, когда фокусом внимания, описываемого глагольно-именного словосочетания *devote your attention to sb/sth*, является не один, а несколько предметов/лиц. В данном случае можно говорить о распределении внимания между несколькими однопорядковыми сущностями, например: *Much of my attention is devoted to both the positive and negative aspects of sport within education systems and society generally* [BNC].

В словарных дефинициях также не содержится указания на способность данного глагольно-именного словосочетания описывать ситуацию внешнего внимания, то есть актуализировать концептуальный признак «перцепция». Однако обращение к фактическому материалу показало, что, несмотря на высокую частотность использования данного сочетания для описания внутреннего внимания (актуализация концептуального признака «ментальность»), существуют немногочисленные примеры описания данной единицей ситуации внешнего внимания, например:

Goll the Gorm sat on her left and devoted all his attention to the food and Goibniu was two seats down [BNC].

В следующем примере особенно четко прослеживается совпадение компонентов ЦЕЛЬ и СТИМУЛ при актуализации концептуального признака «интерес»:

The Pentagon was obsessed with the Atlantic and had devoted inadequate attention to the problems of the Pacific [BNC].

Как постулирует фреймовая теория, границы фрейма, как динамической, подвижной структуры, открыты к поступлению новой информации, что позволяет дополнять структуру новыми данными и профилировать специфические грани рассматриваемой ситуации в значении лексем, что, в свою очередь, обеспечивает тематическую дифференциацию потенциальных синонимов на системном либо функциональном уровне. Единственным критерием в таком случае является условная модель с выделенными в ней элементами, которые, как было заявлено ранее, позволяет описать обязательные компоненты как критерии идентификации, причисления лексики к группе лексем внимания, и обеспечить ее единство, а факультативные компоненты как своеобразные дифференциаторы, число которых бесконечно и, соответственно, открывает большие перспективы поиска оттенков значений условно синонимичной лексики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ДЕЙК, Т. А. Ван (1989): *Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов. Язык. Познание. Коммуникация*. М.

Longman Dictionary of Contemporary English. L. 2003.

FOX, N. (1998): *The Groom's Daughter*. Richmond.

British National Corpus. Oxford. 1992. – Mode of access: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html>.

DONALD, R. (1999): *The Paternity Affair*. Richmond.

GEORGE, E. (2002): *A Traitor to Memory*. L.

ОКСАНА МАЛЫСА

Польша, Катовице

ПРЕЛОМЛЕНИЕ КОМИССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ И МЕЖСТИЛЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ABSTRACT:

Genre Migrations of Commissive Speech Genres in an Intercultural and Interstylistic Surroundings

The purpose of this article is to show genre migrations occurring between style divisions and various types of discourse. Appearance of genre in new surroundings leads to a change of its parameters (mainly semantic and pragmatic). Appearance of modified genres is also significantly affected by social and cultural determinants as well as social practices. In the article these issues are illustrated with examples using commissive speech genres in advertisements and literary texts in Russian and Polish.

KEY WORDS:

Culture – text – discourse – style – genre – commissives – ritual – oath – advertising – postmodernism.

Существование так наз. межстилевых разновидностей речевых жанров, классическим примером для которых служит письмо, является неотъемлемым элементом текстового пространства. Это может быть письмо в официальной корреспонденции и частной переписке, открытое в публицистических изданиях, вплетенное в канву художественного произведения либо лежащее в его основе¹, а также реклама в виде письма². Следует при этом подчеркнуть, что в случае художественных или рекламных текстов, письмо выступает во вторичной функции, предоставляя свою форму для наполнения жанра, исходному для конкретного речевого действия. Сущность вышеупомянутых текстов изящной словесности, вышедших из-под пера русских писателей, в жанровом сознании реципиентов определяется не иначе, как рассказ, который лишь имити-

¹ Достаточно вспомнить известное *Письмо ученому соседу* А. Чехова или из современной прозы – *Письмо для Бога* Олега Глушкина.

² В польском языке, кроме того, при трудоустройстве, т.е. в деловом обиходе, функционирует такая модификация письма, как *list motywacyjny*, соответствием чему на русском языке является *сопроводительное письмо*, что, безусловно, несколько иначе расставляет акценты жанрового воплощения текста в одной и той же ситуации.

рует письмо. Похоже и реклама воспринимается исключительно как рекламное объявление, формой для которого послужило письмо. Наряду с этим жанры, имеющие общие корни, модифицируются в пределах разных стилистических и дискурсивных парадигм, что находит свое отражение уже в различных наименованиях генологических реализаций. Так, к примеру, базовая категория – признание – проецируется, в частности, как исповедь, признание в любви, судебные показания, люстрационное заявление [Witosz 2009: 219]. Нами, в свою очередь, будут рассмотрены появляющиеся в несколько иных ракурсах тексты, которые восходят к кругу комиссивных жанров, т.е. образований, объединенных функционально и семантически на основании осуществления ими глобальных интенций *обещания* и *обязательства*. Статус данных жанров обуславливается прежде всего соответствующими речевыми актами, выход которых в текстовую плоскость предоставляет, в частности, возможность выявления многообразия их прагматических свойств в более широком плане, чем в их классической концепции, ограниченной рамками одного высказывания и привлекающей контекст в ограниченной степени [Маслова 2010: 69]. Кроме того, несмотря на не вызывающую сомнений общность этих понятий, жанр принадлежит к более развернутым и сложным структурам, которые могут включать и речевые акты, и фреймы, и, как уже было подчеркнуто, другие жанры. Все это не остается без значения для текста, взаимоотношение и взаимодействие в котором всех этих речевых комбинаций создает их новое изменение, а кроме того, придает индивидуальный штрих конкретному произведению. Парафразируя известное высказывание о том, что слово живет в языке и речи, можно сказать, что жанр приобретает жизнь в своей главной форме и в других речевых разновидностях.

В нашей работе прежде всего остановимся на таких разновидностях комиссивов, которые функционируют как стабильные, жесткие, своего рода фразематические, т.е. воспроизводимые в определенной ситуации практически без изменений. Речь идет главным образом о выполняющих регулятивную функцию ритуальных жанрах – клятве и присяге, которые, отдавая должное традиции и поддерживая чувство культурно-социальной общности, обладают неизменным и вневременным характером в своих реальных институциональных разновидностях. Тем не менее они способны отходить от своего канона, трансформироваться и переигрываться в иной, чем обычной для них, среде. Актуализируясь по-разному, они преимущественно сохраняют свой инвариантный интенциональный смысл, однако позволяют достичь и иную, нежели конвенциональную, цель высказывания.

Случаи нарушения незыблемости ритуальных формулировок можно проследить уже на примере супружеской клятвы, характерной для католического обряда вступления в брак. Ее текст погружен в соответствующие традиции и реалии, в связи с чем обладает определенными ценностями и статусом. Клятва составляет часть мира «долженствования» и обязательности, а ее ритуальные аспекты предопределяют то, что текст не может быть придуман в момент его произношения. В связи с этим он отличается стандартизованностью и

повторяемостью. Между тем во время свадебных церемоний, представленных прежде всего в американских романтических комедиях или комедийных сериалах, герои под воздействием эмоций спонтанно клянутся другу другу в любви и верности. К примеру, в сериале «*Как я встретил вашу маму*», жених говорит: «*Извините, но я забыл содержание супружеской клятвы*», на что невеста реагирует словами, что ничего, она тоже. «*Тогда скажите, что вы чувствуете в этот момент*», – предлагает ведущий церемонии и заключает брак, который признается действительным, пусть и в вымышленном мире.

Учитывая культурную составляющую супружеской клятвы, следует заметить, что русским получателям как представителям в целом иной, нежели католическая, среды ее текст явится только как потенциально ценный. Именно поэтому он становится вариативным не только в художественной плоскости. Ядро супружеской клятвы в римско-католическом костеле составляет глагол *ślubować*, соответствиями для которого в русском языке служат слова *клясться* либо *обещать*, ср.: *Я, Глеб, беру тебя, Стелла, в жены, и клянусь в любви, верности и супружеском уважении, пока смерть не разлучит нас; Я, (имя), беру тебя (имя) в жёны (мужья) и обещаю тебе сохранять любовь, верность и супружескую честность*. Перформатив *клянусь* по сравнению с *обещаю* характеризует большая степень трудности осуществления принятого на себя обязательства и последствия его невыполнения. *Обещаю* используется и в качестве эквивалента глагола *przrzekam*, который, в свою очередь, выступает в формулировке заявления об обоюдном согласии в отделе записи актов гражданского состояния в Польше (отметим, что сама церемония в обоих случаях имеет название *ślub* – от глагола *ślubować*), что также снижает его силу в русском переводе: *Przrzekam, że uczynię wszystko, aby nasze małżeństwo było zgodne, trwałe i szczęśliwe* – *Обещаю, что сделаю всё, чтобы наш брак был дружным, прочным и счастливым*. Обещание по своей сути сводится к тому, что говорящий выражает свою готовность сделать что-либо в любом случае, даже при неблагоприятных условиях [Гловинская 1993: 176–177]. Однако его произнесение вызвано, как правило, действительными или потенциальными нажимами со стороны адресата [Wierzbicka 2004: 44]. В отличие от лексемы *обещать*, использование глагола *przrzekać*³ в перформативной функции, как мы считаем, не столь весомо для реципиента, сколь востребовано самим говорящим. Таким образом, в его семантике отражается и тот факт, что адресант и адресат в ритуальном тексте часто является тем же самым лицом: когда человек участвует в ритуале, он сам себе говорит определенные важные вещи.

Подобная коммуникативная ситуация, конечно, характерна и для других культур, однако она порождает иные жанровые модели – к примеру, согласие на соединение или напутствие молодоженам в реалиях восточнославянских

³ В двуязычных словарях в качестве эквивалента глагола *przrzekać* приводится обычно *обещать*, однако уже существительное *przrzeczenie*, называющее данное речевое действие, дается с двумя эквивалентами, разграничивающими сферу их употребления на общеупотребительную (*обещание*) и юридическую (*присяга*). См.: Гессен Д., Стыпула Р.: *Большой польско-русский словарь*. Москва – Варшава 1988, с. 228.

стран. Существование же супружеской клятвы в польском свадебном ритуале в последнее время предопределяет ее выход в другие типы дискурса, к примеру, в рекламу по радио и телевидению. Так, в одной из телевизионных реклам, использующей мотив вступления в брак, во время кульминационного момента, когда должна прозвучать клятва сделать брак счастливым, невеста прерывает речь ведущего церемонию светского плана на словах *i przyrzekasz, że ...* (в русском переводе, как мы уже обращали внимание, *и обещаешь, что ...*), сообщая, что именно этого она хочет избежать. Кроме того, в качестве подкрепления своего решения она разрывает бумагу, которую необходимо было подписать в знак связания себя брачными узами. Голос из-за кадра убеждает в том, что как видим, можно жить свободно, без торжественных обещаний⁴, так как в новом Интернете на карту Play, без абонемента и без счета.

Безусловно, более заметная популярность также других разновидностей клятв и присяг в польском языке по сравнению с русским обусловливается привязанностью к их долгой и богатой традиции. Именно поэтому неслучайна их востребованность в рекламе, которая часто прибегает к использованию известных сюжетов, наделяя их при этом оригинальными чертами. Ритуальные тексты соотносятся с одними из наиболее значимых моментов в жизни человека, которые определяют изменение его социального статуса. Исполняя прежде всего регулятивную функцию, ритуалы, по мнению Эрвина Гоффмана [Goffman 2006: 45], также эмоционально привязывают личность к создаваемому ей образу. Положительный заряд, который несут действия такого рода, является подходящей базой для создания в рекламе благоприятной атмосферы, способствующей воздействию на адресата и связанной с приобретением им иного статуса – в данном случае, конечно, имущественного. Новая же интерпретация изначального ритуального текста – как отказ дать клятву в рассмотренном выше примере – свидетельствует о том, что он теряет свои первичные функции в пользу доминанции персуазивности. Так, приобретение карты Internet Play сохраняет свободу приобретателя этой услуги, как сохраняет ее молодая пара, отъезжающая со свадебной церемонии на мотоцикле (также известном символе свободы) без супружеской клятвы и без обязывающих подписей под документом.

Обеспечение жизни без каких-либо ущемлений гарантирует также радиореклама эластичного ипотечного кредита, который предлагает Polbank EFG. Ее ядро составляет клятва в вопросно-ответной форме: группа лиц несколько раз с энтузиазмом клянется в своей готовности совершать определенные действия. Однако когда звучит призыв к отказу от отдельных жизненных удовольствий на протяжении многих лет, голос коллектива ломается, произносится *Przysięgamy (Клянемся)*. Доминантой служат слова, что лишь кредит в данном банке не лишит воспользовавшихся его услугами всех радостей жизни.

⁴ В польской версии используется номинализация *przyrzeczenie*, образованное от рассмотренного нами выше глагола *przyrzekać*.

Нетрудно догадаться, что эта радость была бы неполной без инвестиции в неподвижность.

Обыгрывание конвенциональных жанровых установок отличает в большой степени также произведения постмодернизма. Так, в одном из романов Пелевина, «Чапаев и Пустота», наблюдаются параллели с присягами должностных лиц. Отметим, что ее принесение характерно только для престижных профессий или функций, возлагающих на человека определенные права и обязанности. Произнося слова присяги, человек не вправе ошибиться, иначе она теряет свою силу. Достаточно вспомнить принесение присяги американским президентом Бараком Обамой, когда только перестановка двух слов заставила усомниться в ее правомочии и привела к ее повторению. В художественном же мире Пелевина появляется ритуальный текст, выстроенный в форме диалога между Кавабатой и Сердюком, которого первый принимает, как сам говорит, на должность самурая:

- *Теперь скажите мне – готовы ли вы признать себя самураем клана Тайра?*

- *Еще бы.*

- *Готовы ли вы связать с нашим кланом свою жизнь и смерть? [...]*

- *Готов, – сказал он.*

- *Готовы ли вы будете, как настоящий мужчина, бросить эфемерный цветок этой жизни в пустоту за краем обрыва, если к этому вас призовет ваша гири? – спросил Кавабата и кивнул на гравюру.*

Сердюк еще раз посмотрел на нее.

- *Готов, – сказал он. – Конечно. Цветок с обрыва – запросто.*

- *Клянется?*

- *Клянусь.*

- *Превосходно, – сказал Кавабата, – превосходно⁵.*

Вопросы Кавабаты, включающие анафорические конструкции (*Готовы ли вы*), пафосные антитезы (*жизнь и смерть*) и сравнения (*как настоящий мужчина*) с влетенными метафорическими мотивами с японским колоритом (*эфемерный цветок жизни*), предопределенным тематикой, преимущественно соответствуют нормам текстов данного рода. Лишь последняя реплика, с качественным наречием *превосходно*, оценивающим свершившийся факт, выходит за рамки узуса. Подтверждения Сердюка, в свою очередь, явно нарушают его, перемещаясь из атмосферы торжественности и официальности в разговорно-бытовую область, о чем свидетельствует использование характерного для нее наречия *запросто*, употребление фразеологизированной конструкции *еще бы* и утвердительной частицы *конечно* вместо уместных здесь *да* или *готов*. Все эти элементы вписываются в современную довольно свободную манеру общения, которая часто ломает конвенции и устои, иронически интерпретируя действительность.

Таким образом, перемещение комиссивных жанров в текстуальном и культурном пространстве во многом видоизменяет их смысловую программу, эмо-

⁵ Диалог почерпнут из издания: Виктор Пелевин. *Чапаев и Пустота*. Москва 2004, с. 231.

циональную нагрузку и целевую направленность. Их облик претерпевает существенные модификации, сохраняя при этом в большинстве случаев свою основу – перформативный глагол.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (1993): *Семантика глаголов с точки зрения теории речевых актов*. In: Земская Е. А., Шмелев Д.Н. (ред.): *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М.

МАСЛОВА, А. Ю. (2010): *Введение в прагмалингвистику*. М.

GOFFMAN, E. (2006): *Rytuał interakcyjny*, tłum. Alina Szulżycka, Warszawa.

WIERZBICKA, A. (2004): „Akty mowy”. In: J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura (ред.), *Współczesna polszczyzna. Wybór opracowań. Tom 3. Akty i gatunki mowy*. Wydawnictwo UMCS, Lublin.

WITOSZ, B. (2009): *Dyskurs i stylistyka*. Katowice.

ИОАННА МАМПЕ

Польша, Гданьск

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДИСКУРСНОЙ ФОРМЫ

ABSTRACT:

The Pragmalinguistic Aspect of Discourse Form

The author deals with pragmatics that has recently become popular in science. The author presents its definition and tries to determine the scope and boundaries of the study on base of various opinions of famous scholars. This article provides a description of different approaches to the understanding of linguistic pragmatics. The author identifies three areas.

KEY WORDS:

Pragmatics – discourse – definitions and approaches to pragmatics.

Рассматривая проблемы, входящие в область нашего объекта, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами, относящимися к такой лингвистической дисциплине, как прагматика.

Прагматика, по определению Н. Д. Арутюновой, – это *область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи* [Арутюнова 1990: 389].

Лингвистические исследования последних десятилетий в области грамматики текста и дискурса, а также прагмалингвистики привели ученых к выводу, что для всестороннего, полного описания языка в его живом функционировании необходимо учитывать все реальные свойства высказывания. Под «реальными свойствами высказываний» понимаются свойства, определяющие уместность употребления данной языковой единицы в данном конкретном вербальном (невербальном) контексте (ситуации), а также направленность высказываний, реализуемых в акте коммуникации, на достижение определенной цели.

Заметим, что лингвистическая прагматика является еще относительно молодой наукой и, по замечанию Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой, – исследователи еще не пришли к однозначному пониманию прагматики. Еще решительнее на этот счет высказывается Т. В. Булыгина, отмечающая,

что нельзя сказать, что лингвистическая прагматика существует в качестве самостоятельного и целостного направления с четкой и принимаемой всеми программой.

Неустоявшиеся понятия относительно молодой науки, касающиеся как объекта прагмалингвистических исследований, так и вообще понимания прагматики, приводят к тому, что разные авторы декларируют задачи прагматики различным образом. Так, одни исследователи считают, что прагматика должна заниматься изучением речевого акта и условий его протекания; другие включают в сферу интересов прагматики речевую деятельность в целом; по мнению третьих, прагматика должна описывать взаимодействие контекста с грамматической структурой, из чего выводится значение высказывания в конкретных условиях общения.

В целом, если проанализировать различные подходы к пониманию лингвистической прагматики и объектами ее интереса, можно условно выделить три направления (соответственно три понимания) современной прагматики:

1. прагматика рассматривается как составная часть грамматики и содержит правила (стратегии) интерпретации реплик в разговоре. В таком понимании полный набор прагматических правил моделирует употребление языка, и правила прагматики сходны с синтаксическими правилами, а также позволяют определять пресуппозиции высказываний:

2. прагматика рассматривается как теория «семантического исполнения» и лежит вне пределов собственно грамматики. В ряде работ этого направления в сферу прагматики включается и так называемое *конверсационное знание* (стратегии ведения разговора; см. также ниже – исследования в рамках третьего направления), и знания онтологического характера.

3. прагматика рассматривается как дисциплина, занимающаяся изучением общих принципов интерпретации речевых актов. Здесь выделяются три течения:

- А. Исследование речевых актов и обстоятельств их протекания, составление классификации речевых актов и типологии высказываний;
- Б. Изучение речевой деятельности как таковой, установление иерархических отношений между отдельными видами речевых актов (в частности, выделение «главных» и «второстепенных» речевых актов);
- В. Анализ принципов «нестандартного употребления языка» в отличие от «стандартного употребления». Сюда можно отнести работы, созданные в русле «конверсационной прагматики».

Сам термин «прагматика» был введен в конце 1930-х годов У. Морисом, одним из основателей семиотики – общей теории знаков и знаковых систем. Выделение и формирование прагматики в качестве области лингвистических исследований началось в 1960–1970-х годах под влиянием логико-философских теорий речевого акта Дж. Остина, Дж. Серла, З. Вендлера, Х. Грайса и др.

Следуя идеям Ч. С. Пирса, У. Морис разделил семиотику на семантику и прагматику. По его мнению, прагматика имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, т.е. со всеми психологическими, биологическими и социальными

явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков [Моррис 1982: 62–63].

Данное трехчастное деление У. Морриса было дополнено Р. Карнапом, добавившим еще одно разграничение. Р. Карпан предложил различать *чистое* (или формальное) и *описательное* (эмпирическое) исследование: чистое исследование связывает с построением искусственных знаковых систем, а описательное – с эмпирическим изучением реальных языков [Карнап 1959].

Как уже отмечалось выше, прагматический поворот в исследовании речевого общения связывают с работами ученых *оксфордской школы*, среди которых выделяются имена Дж. Остина и Дж. Серля. Заметим, что прагматическое направление в языкознании в известной мере является антитезой к получившей широкое распространение структуралистской концепции Н. Хомского. По Н. Хомскому, суть производства высказывания – это переход от *глубинного* существования мысли к *поверхностному*, который осуществляется согласно системе правил порождения грамматически правильных предложений. В теории Н. Хомского указывается на важнейший для понимания речевой коммуникации факт наличия регулярности синтаксических структур, но анализу подвергается только информативная часть содержания, воздействующий (или интенциональный) аспект остается невыделенным, т.е. отсутствует объяснение механизма формирования структур.

Критическое осмысление попытки Н. Хомского дать объяснение употребления речевых высказываний без учета их функций в речевом акте позволило представителям нарождающейся лингвистической прагматики сформировать новый подход к анализу речевых высказываний, в основу которого положен учет прагматического эффекта высказывания, степень достижения прагматической цели говорящего. Этот подход называется теорией речевых актов. Теория рассматривает речевое общение как одну из разновидностей целенаправленного поведения, подчиняющегося определенным правилам: регулятивным и конструктивным. Первые определяют экстралингвистические условия производства и восприятия речевых актов, вторые – закономерности производства и восприятия. Идея правила распространения не только на речевое поведение общающихся, кроме того, это также правила организации взаимодействия. Дж. Серль формирует, кроме того, новую объективную область исследования речевого общения, в которую вводятся коммуниканты не только как допущения, но и как реализаторы интенций, и на этой основе производится детализация функций различных высказываний в речевом общении.

В рамках лингвистического подхода к коммуникации, сохраняя преемственность идеи Н. Хомского и Дж. Серля, концепцию коммуникативной ситуации сформулировали д. Вундерлих и П. Хартман. Основное положение их теории состоит в развитии идеи регулярности, неслучайности грамматического оформления речевых действий, иначе говоря, обусловленности структуры высказывания задачами общения.

Таким образом, к рубежу 1970–80-х годов лингвистика пришла к пониманию процессов и принципов порождения высказывания, определила правила

порождения грамматически правильных предложений, установила факт регулярности в формировании речевых структур, пришла к идее коммуникативной обусловленности их грамматического оформления.

Интенсивное развитие прагматического направления в исследовании языка потребовало, как мы уже говорили выше, разграничения объектов семантики и прагматики (в том числе и в сфере теории речевых актов). Р. С. Столнейкер оставил за семантикой описание условий истинности предложений без учета намерений говорящего. Остальной комплекс значений, связанный с интенцией, с общими энциклопедическими и ситуативными знаниями коммуникантов, с закономерностями диалогического взаимодействия, составляет, по его мнению, объект прагматического анализа.

Интересна в этой связи позиция французского лингвиста Р. Мартена. Он выделяет в области прагматики два раздела: иллокутивный и дискурсивный. В рамках иллокутивной прагматики исследуются языковые явления, которые подготавливают акты речи. И в том числе рассматриваются интенциональные категории. Последние выявляются путем интерпретации предложений, т.е. объект исследования ограничивается уровнем предложения, прагматические параметры которого являются в той или иной мере прогнозируемыми сущностями. Поэтому иллокутивный раздел прагматики, с одной стороны, характеризуется прагматическим аспектом анализа (целевая детерминированность и процессуальность речевых актов), с другой стороны, в качестве языковых данных использует семантический объект – предложение. Дискурсивная прагматика, по Р. Мартену, обращена к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связанности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиции, для его интерпретации.

Интересна также позиция Т. А. ван Дейка, который ввел понятия *прагматического* и *семантического фокуса* высказывания. Под «прагматическим фокусом» он понимает акт выбора, критерием которого является успешность и эффективность коммуникации, т.е. выбор тех объектов разговора, которые адресант считает наиболее важным для адресата, способным влиять в дальнейшем на его действия.

У Т. А. ван Дейка выделяются два аспекта *прагматического фокуса*. Первый связан с прагматической семантикой и учитывает тот факт, что контекст коммуникативного акта может существенно влиять на стратегию поведения коммуникантов. Второй аспект «прагматического фокуса» высказывания связан не с фактами, релевантными для контекста коммуникативного акта, а с последовательностью иллокутивных актов. Последовательность речевых актов разного рода прагматические последствия: например, вносятся изменения в исходные знания адресата. При анализе смены последовательностей речевых актов Т. А. ван Дейк вводит понятие перемены фокуса: так, *прагматический фокус* может переместиться с простой передачи информации на желательные для адресанта действия адресата: например при переходе к таким типам рече-

вого акта, как просьба, советы, приказания и т.д. Перемена прагматического фокуса связана с переменной цели коммуникативного взаимодействия.

Попытки описать соотношение теории речевых актов с прагмалингвистической наличествуют во многих работах. По существу, все ученые сходятся во мнении, что значение теории речевых актов для лингвистики состоит, в частности, в том, что «освобождает» чисто семантическое описание предложения, устраняя из него целый ряд компонентов коммуникативного происхождения: ведь далеко не все, что участники акта коммуникации извлекают для себя в том или ином высказывании (в контексте речевого акта), входит в собственно смысл предложения. Некоторые компоненты содержания не содержатся непосредственно в смысле, семантике его, а определяются контекстом, ситуацией, а также целым оборотом постулатов языкового взаимодействия.

Теоретически прагматическая интерпретация высказывания проанализирована В. З. Деменковым, который выводит следующие ее условия:

А) тип общения, в котором выражение может быть употреблено (при той или иной степени уместности)

Б) локация языковых выражений, входящих в высказывание

Исследования, проведенные в рамках теории актов, показали, что существенная часть понимания смысла высказывания связана с языковыми правилами, которые приписывают предложению определенное значение на основе значений составляющих его компонентов, а со способностью коммуникантов делать заключения о действительности намерения говорящего, не совпадающим с тем, что буквально им говорится.

Тем не менее, как замечает В. В. Петров, вопрос о границе между семантикой и прагматикой продолжает оставаться достаточно спорным. Но вместе с тем теория прагматики отличается от семантической теории как по объекту исследования, так и по форме теоретических обобщений и целей. Прагматические концепции – это в основном системы правил и принципов достаточно высокой степени общности типа принципов коммуникативного сотрудничества.

Можно констатировать, что несмотря на различные мнения о прагматике и объекте прагмалингвистических исследований, ученые-лингвисты вполне четко осознают границы области прагмалингвистического анализа. Определен глобальный объект изучения: в качестве такого объекта выступает языковая коммуникация, намечены актуальные проблемы исследования, поставлены конкретные цели и задачи, выделены базовые понятия и категории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1990): *Прагматика* In: ЛЭС. М.: Сов. энциклопедия.
 АРУТЮНОВА, Н. Д., ПАДУЧЕВА Е. В. (1985): *Истоки, проблемы и категории прагматики [Вступ. ст.]* In: Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика / Под общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс.
 БУЛЫГИНА, Т. В. (1981): Изв. РАН. Серия лит. и яз. Т. 40. – № 4.
 ВАН ДЕЙК, Т. (1978): *Вопросы прагматики текста*. In: Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 8, М.
 ДЕМЬЯНКОВ, В. З. (1986): *Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений)*. In: Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс.

- КАРНАП, Р. (1959): *Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике*. In: Р. М. Карпан. Изд-во иностранной литературы.
- МОРРИС, Ч. У. (1982): *Основания теории знаков*. In: . Ю. С. Степанов: Семиотика. Сборник переводов М.: Радуга.
- ХОМСКИЙ, Н (2005): *Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли [1966]* In: Н. Хомский. М.: КомКнига.

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА МИХЕЙКИНА

Россия, Москва

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ФОРМАТ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ABSTRACT:

The Museum Pedagogy as Means of Interactive Learning of the Russian Language

In the modern practice of teaching Russian as a foreign language students' experience is the primary source of knowledge. The important part of learning process is museum pedagogy. The use of various forms of interactive learning helps students construct their own knowledge.

KEY WORDS:

Museum pedagogy – interactive learning.

В современной практике преподавания русского языка как иностранного опыт студентов служит основным источником познания. Важной составляющей процесса обучения является музейная педагогика.

Ведущей деятельностью музейного педагога выступает приобщение человека к музейным ценностям. Но для соприкосновения с прекрасным личность должна обладать минимум тремя способностями: быть грамотным «музейным зрителем»; применять художественные способы познания и освоения мира; сопереживать и эмоционально откликаться на происходящее вокруг. Способность быть грамотным музейным зрителем предполагает наличие элементарной визуальной культуры, начальных навыков исследовательской деятельности, умения самостоятельно, без посредника, вступать в диалог с музейными объектами. Вот почему на современном этапе возросла ответственность преподавателей вузов за подготовительный этап экскурсии. Именно на плечи преподавателя ложится работа по развитию способностей студентов (особенно технических вузов) воспринимать музейную информацию, понимать язык музейной экспозиции, формировать ценностное отношение к культурному наследию, развивать вкус, эмоциональную сферу, умение в устной и письменной речи грамотно выражать свои мысли.

Совместные усилия специалистов музеев и высшей школы направлены на создание новых форм интерактивного обучения. Мы не случайно используем понятие формат в названии нашей статьи, подразумевая медийное наполнение контента современного образования. Блоки, составляющие контент, могут быть созданы в соответствии с каким-либо научным или научно-популярным жанром, но «совокупность параметров элементов, составляющих контент и определяющих особенности его подачи» отражает формат.

В Москве 240 музеев. Преподавателями кафедры русского языка разработана программа для студентов дальнего зарубежья и стран СНГ «А я иду, шагаю по Москве»:

I курс – «Да вечно славится Москва!» (Московский Кремль, Оружейная палата, Алмазный фонд, Храм Христа Спасителя, Музей истории города Москвы, Музей матрешки, Политехнический музей, Коломенское, Царицыно);

II курс – «В мире очаровательных тайн русской живописи» (Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственный музей Востока, персональные музеи художников (по выбору));

III курс – «Волшебная сила русской литературы» (Государственный литературный музей, Музей книги Российской государственной библиотеки, персональные музеи поэтов и писателей (по выбору)).

Знакомство с Москвой и ее достопримечательностями хорошо начинать с пешеходных экскурсий. Поэтому на кафедре сложилась добрая традиция начинать учебный год на I курсе с прохождения следующих маршрутов: Кремль; Зарядье – Красная площадь; Замоскворечье. Такие прогулки позволяют проникнуться духом старины, насладиться красотой «осени первоначальной», подружиться и почувствовать пользу и необходимость времяпрепровождения в столице. На втором-третьем курсах студенты с преподавателем выбирают маршруты прогулок по Москве. Это может быть знакомство с историей русского меценатства, жизнью и творчеством в Москве великих художников и поэтов. Наибольший интерес у студентов вызывает посещение мест, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. В Москве поэт родился, был крещен, провел годы детства. В Москве он повстречал юную Наталью Николаевну Гончарову, свою будущую жену, здесь он венчался и провел первые семейные месяцы в доме на Арбате. В «отставной» столице жили многие его друзья, приятели. Именно в родном городе взошла звезда его славы, был поставлен первый в России памятник поэту. А ведь многие «островки» пушкинской Москвы конца XVIII – первой половины XIX века сохранились до наших дней: Пречистенка, Арбат, Спасопесковская площадь, Мемориальная квартира А.С. Пушкина на Арбате, Немецкая Слобода, Ст. Басманная улица (дом В. Л. Пушкина, церковь Никиты Мученика), школа им. А. С. Пушкина № 353, Детский городок с героями пушкинских сказок, церковь Богоявления в Елохове, библиотека им. А. С. Пушкина, Огородная Слобода, Б. Харитоньевский пер., Юсуповские палаты, Бульварное Кольцо, Пушкинская площадь, Тверской бульвар, церковь Вознесения у Никитских Ворот, ул. Большая и Малая Никитские.

2011 год – год 120-летия со дня рождения М. А. Булгакова. Булгаковская Москва – востребованный экскурсионный маршрут у современных студентов. Возмож-

ность посетить тот самый дом, где находилась «нехорошая квартира» и «прожилвал» Воланд, Патриаршие пруды, дома Мастера и Маргариты, Старый Арбат, где рождались произведения Булгакова, позволяет вызвать у студентов желание перечитать произведение, сравнить свои представления о прочитанном с увиденным.

После проведения ознакомительных уроков с жизнью и творчеством писателя, анализа романа «Мастер и Маргарита» (студенты стран СНГ текст романа прочитали полностью на русском языке, а студенты дальнего зарубежья – полностью на родном языке, а отдельные главы на русском) целесообразно подключить потенциал музейной педагогики.

Алгоритм проведения интерактивного занятия «К юбилею М. А. Булгакова» (4 часа).
1-е занятие.

1. Вступительное слово преподавателя: краткое обобщение изученного; сообщение о том, что Культурно-просветительский Центр, Музей Булгакова с 30.04.11 по 27.08.11 проводит Международный юбилейный фестиваль М.А. Булгакова «120 дней с Мастером». Информация о фестивале служит отправной точкой для разработки проекта (совместного по конструированию нового знания, но индивидуального по результату) с целью создания презентации или видеоролика к юбилею писателя для участия в конкурсной программе.

2. Распределение студентов на малые группы по пять человек (в каждой группе студенты ближнего и дальнего зарубежья). Каждому студенту присваивается порядковый номер от одного до пяти.

3. Совместная работа малых групп над поиском информации в Интернете о предстоящем мероприятии. Студенты находят сайты <http://www.dombulgakova.ru/index.php?id=4>; <http://moscowturizm.ru/>, <http://lib.ru//bulgakov-kiev.tripod.com/>, <http://www.bulgakov.ru/>, содержащие полезную информацию и расширяющую полученные ранее знания. В случае необходимости студенты могут обращаться за помощью к преподавателю, который на данном этапе выполняет роль консультанта.

4. Перераспределение малых групп. Все студенты, имеющие порядковый номер 1, собираются в свою новую малую группу, вторые номера – в свою, третьи – в свою и т. д. Каждая группа получает задание. Задания для каждой из групп:

№ 1. Какие мероприятия проводит «Дом Булгакова» в период проведения фестиваля «120 дней с Мастером»?

№ 2. Какие документальные факты содержит электронная экспозиция, посвященная жизни и творчеству М. А. Булгакова (Культурно-просветительский Центр)?

№ 3. Какие театрализованные постановки предлагает Театр им. М.А. Булгакова?

№ 4. Сделать обзор публикаций в СМИ, посвященных предстоящему событию.

№ 5. Какие музейные экспозиции ждут посетителей по адресу Большая Садовая, 10?

5. Возвращение студентов в первоначальные группы и обучение других участников.

6. Проведение фронтального опроса преподавателем.

7. Распределение экскурсионных маршрутов для каждой группы: «Дом Булгакова + Нехорошая квартира» (ул. Большая Садовая, д. 10); Экскурсия на «Трамваяе 302-бис» «Булгаков и его эпоха»; Ночная пешеходная экскурсия и др.

8. Обсуждение домашнего задания: подготовить фоторепортаж с места экскурсии, проиллюстрировать фотографии цитатами из произведений писателя или афоризмами великих людей.

2-е занятие посвящено осмыслению увиденного и услышанного на предыдущем занятии и внеаудиторной экскурсии.

1. Каждая пятерка выступает с устным сообщением, представлением фоторепортажа о посещении музея или пешеходной экскурсии.

Интерес выступающих и слушающих неподделен. Разве можно забыть или эмоционально не откликнуться на рассказ о посещении бесплатных мастер-классов по танцам начала XX века?

2. Написание лирической зарисовки «Музей» по плану:

1) Запишите тему.

2) Подберите ассоциативный ряд к этому слову. Запишите в столбик любые ассоциативно-предметные образы.

3) Прочитайте вслух свой ассоциативный ряд. Можно пользоваться чужими ассоциациями. Допишите понравившиеся варианты. (Развиваются навыки работы в «команде», формируются умения слышать и воспринимать другого участника коллективной работы.)

4) Подберите эпитеты к записанным словам. Прочитайте вслух полученные словосочетания, обменяйтесь информацией и находками. Каждый этап работы показывает возможность и необходимость взаимодействия и взаимообучения.

5) Используйте сравнения, олицетворения и другие тропы для разработки темы. Обсудите полученные варианты.

6) Подберите слова, обозначающие эмоциональные состояния, сенсорные ощущения.

7) Прочитайте цитаты, отрывки из произведений мастеров слова (подготовленные преподавателем заранее) на эту тему. Запишите понравившиеся фразы, выражения.

8) Для усложнения задания можно использовать любой иллюстративный материал, подготовленный заранее.

В результате совместной работы у студентов возникает ощущение «погружения» в данную тему. В тетрадях записан необходимый словарный материал, и написание творческой работы превращается в увлекательное занятие, в котором нет проигравших.

3. Прослушивание музыкальных композиций, посвященных творчеству М. А. Булгакова.

Важно дать понять студентам, пробудить их желание расширять свой кругозор и развивать речь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ИСАЕВА, Н. В. (2010): *Развитие творческих способностей студентов технического вуза на занятиях по русскому языку и культуре речи*. In: Сборник научных статей по материалам Межд. науч.-тех. конф-и ААИ «Приоритеты развития автомобиле- и тракторостроения и подготовки кадров». М., МГТУ «МАМИ», с. 408–410.

ЛАШУК, О. Р. (2011): *Термин «формат» в массовой коммуникации*. In: Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ. Шанхай, с. 535–539.

МИХЕЙКИНА, С. Г. (2009): *Основы стилистического анализа художественного и публицистического текста*. In: М., МГТУ «МАМИ», 105 с.

МАРГАРИТА МЛАДЕНОВА

Болгария, София

НЕСКОЛЬКО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ABSTRACT:

Selected Phrasemes from Contrastive and Pragmatic Point of View

The paper deals with phrases containing the Russian and Czech verbs *дать/давать, взять/брать* and *dát/dávat, vzít/brát*. Some of them are identical from structural point of view (*дать знать = dát znát, dát vědět; не дают покоя = nedají pokoj*) but their semantic equivalence or inequivalence can be best decided about in translation because the discourse conditions in two languages are different even when they are from the same language family as Russian and Czech.

KEY WORDS:

Languages in contrast – pragmatics – phrases – typology of using possessive verbs – phrases using possessive verbs.

На первый взгляд трудно сочетать прагматический подход, у которого большую роль играет контекст и вообще дискурсные условия в широком смысле слова, с сопоставительным языкознанием, исследующим сходства и различия в языковых системах двух или больше языков именно на уровне целых языковых систем. Конечно, это только на первый взгляд.

Практическое пересечение этих двух подходов к языку обеспечивается процессом перевода, у которого практическое решение этих проблем иногда может предшествовать их теоретическое осмысление. Перевод в первую очередь предоставляет прагматические условия дискурса, которые необходимо учесть и в целевом языке перевода. Поэтому процесс перевода может коригировать стремление переводчика всегда переводить ФЕ фразеологизмом и наоборот – самостоятельное слово самостоятельным словом, а не ФЕ. Такое явление может иметь место даже в двуязычном словаре, если в нем является доминирующей специфическая стилистическая или прагматическая характеристика слов, как, например, в недавно вышедшем Коротком чешско-

болгарском словаре нелитературной лексики [Бачваров и кол. 2011]. Из-за несоответствия нелитературных языковых средств в чешском и болгарском языках здесь авторы как правило переводят словарные статьи (отдельные слова) нелитературного чешского языка (так наз. *obecná čeština* или *běžně mluvená čeština*) как отдельными словами, так и ФЕ, т. к. в болгарском языке оказалось больше фразеологических экспрессивных эквивалентов чешских нелитературных слов, чем отдельных экспрессивных слов.

В этом докладе нас интересуют отношения и взаимный перевод ФЕ, образованных каузативными посессивными глаголами [Апресян 1962: 12] *дать/давать*, *взять/брать* в русском и *dát/dávat*, *vzít/brát* в чешском языке, у которых не всегда можно говорить об экспрессивности и даже если они употребляются в устной форме и в прагматических условиях, которые предполагают экспрессивное нелитературное высказывание, они остаются в своей основной, нейтральной форме. Такие сочетания, но только с участием глагола *иметь* (напр., *иметь право*) мы уже рассмотрели [Младенова 2010]. Сейчас остановимся на некоторых экспрессивных выражениях (как, напр., *черт меня возьми*), как и на сочетаниях типа *дать/предоставить слово*, *взять под стражу*, *брать ванну* и т.д. Вторую группу, напр., В. Хлебда называет бесхозяйственными (*bezpaňskie*) согласно классической фразеологической теории, т.е. они воспроизводятся и повторяются в речи, но теоретически им не всегда признается право считаться фразеологизмами [Chlebda 2003: 96–99, 183].

Лингвистический материал для нашего доклада почерпнут из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и из его перевода на чешский язык. Самое большое количество сочетаний в обоих языках оказалось с участием глагола *dát* (52) и *дать* (39). Случаи с глаголом *давать* можно считать чаще всего их простыми видовыми вариантами. Меньше ФЕ образуется при помощи глаголов *взять* (17), *vzít* (17) и *брать* (11), *brát* (12), где отношения между двумя глаголами не только в сфере повторительности, т.е. встречаются дистрибутивные различия, которых нельзя отнести к семантическому различию объективной повторительности действия.

1. Сочетания с глаголами *дать/давать*

Среди вполне соответствующих друг другу сочетаний в русском и чешском языках можно подчеркнуть р. *дать знать* (*Но вы же могли дать знать ей; Ведь дают же люди знать.*) и ч. *dát znát* (*Markéta to na sobě nedala znát a vtírala ji do Wolandova kolene*), *dát vědět* (*Proč o sobě nedáš vědět; sen pak může znamenat jediné – že mi o sobě dává vědět!*). Но в нашем материале появляются и случаи, когда переводчик отдал предпочтение перифрастическому переводу: *только одно давало знать о вчерашних приключениях // takže všechna učerejší dobrodružství připomínalo jen jedno – jemné pošukávání v levém spánku.*

Возможность перевести выражение двумя способами естественна, самое интересное здесь, наоборот, полное формальное совпадение в 4 случаях употребления этого выражения, которое поражает своим единством. Необходимы дальнейшие разыскания, чтобы установить, является ли причиной единства генетическое родство обоих языков, или другой контакт. Этот тип ФЕ

можно рассматривать как переход между свободными и фразеологическими сочетаниями, с одной стороны, а с другой – как переходные между посессивным значением глаголов *дать/давать* и *dát/dávat* и их употреблений в функции вспомогательного глагола¹.

Подобного рода минимальную фразеологизацию можно наблюдать в чешском: *dávej laskavě pozor*, у которого русский эквивалент однословен: *Но ты смотри!* Здесь фразеологизованность чешского выражения² подчеркивается и однословностью русского (исходного) эквивалента. Особое место занимает соответствие двух чешских выражений с участием существительного *pozor* с глаголами *dát* и *mít*, у которых парадигматическая связь в области посессивности: *Příště si dej pozor, Nikolaji // Смотри, Николай! Это в последний раз; Měj se na pozoru, veleknězi! // Побереги себя, первосвященник.*

Как видно из приведенных примеров, в большинстве случаев в русском оригинале выступает один глагол, который переводится на чешский язык ФЕ *dát pozor/mít se na pozoru*. «Поведение» ФЕ, содержащих имя существительное *pozor*, в чешском языке очень гибко. Оно встречается в двух вариантах глагольного компонента (*dát :: mít*), так что можно положительно сказать, что семантическим ядром ФЕ является имя существительное *pozor*, а у глагольных трансформаций проявляется с одной стороны тенденция к грамматикализации, ровно как и их парадигматическая связь в области посессивности.

Прямая корреспонденция ФЕ, содержащих *дать/давать* и *dát/dávat*, с ФЕ, содержащими глаголы *иметь/mít*, проявляется еще и в сочетаниях типа *дать покоя*. У этих сочетаний в обоих языках проявляется большое разнообразие как в рамках одного языка, так и при сопоставлении взаимных эквивалентов.

Они почему-то мне все время не дают покоя //právě modly tě rožád připravují o klid; Но вот какой вопрос меня беспокоит // Pokoje mi však nedá jiný problém; Наконец Ивана отпустили. // Pak Ivanovi konečně dali pokoj; Вы уже пробовали, и будет с вас. // Vy už jste to zkusil, tak byste si snad mohl dát pokoj; не будет тебе, первосвященник, отныне покоя // Ty ale věz, veleknězi, že od této chvíle nebudeš mít klidu!

Из пяти случаев употребления этой ФЕ в нашем материале ни один не совпадает вполне в обоих языках, хотя очевидно, что русское *не дают покоя* и чешское *nedají pokoj* формально эквивалентны. Но об их тонком семантическом различии довольно красноречиво говорит третий пример, где значение чешского *dát pokoj* соответствует русскому *отпустить*, т.е. *оставить, перестать заниматься кем-л.* В то же время значение русского сочетания ближе к представлению душевного покоя и вообще состояния, исходящего из самого субъекта, не из окружающей среды.

¹ О подобном употреблении см. [Грегор 2007], о такой функции глагола в болгарском языке [Младенова 2006].

² К группе фразем относит их и СЧФИ [Šermák 1994: 691].

На другом полюсе степени фразеологизации стоят ФЕ, которые сильно нагружены экспрессивностью и вполне зависимы от прагматических условий (так наз. пропозиции). Их самостоятельное рассмотрение без контекста практически лишено референции: *Vy jste tomu dal, Berlioz!* // *Ах, Берлиоз, Берлиоз!*

Только условия широкого дискурса показывают, что здесь оба эти выражения использованы как формулировка неожиданности, изумления и возмущения от того, что случилось: *Zato Sofja Pavlovna, ta tomu dala!* // *А вот Софья Павловна хороша!*; *Koňak tu dal co proto už podruhé* // *Коньяк подвел его вторично*; *Co to pořád máj s tou pancéřovanou celou?* // *Вот далась им эта бронированная камера.*

И здесь в русском оригинале нет ФЕ, но оценка, выражаемая в рамках предиката (глагольного или именного), переводится на чешский язык фразеологизмом. Без знания дискурсных условий эти выражения непередаваемы.

С участием глагола *dát* мы обнаружили ФЕ *to dá rozum*, чье соответствие в русском материале тоже может быть в очень широком диапазоне: *když se ptal, kde byt je, tak tam šel poprvé v životě, to dá přece rozum*, *раз он справлялся о том, где она находится, значит, шел в нее впервые.* В этом примере чешский фразеологизм переводит универсальное причинно-следственное русское выражение *значит*. В одном примере реализовались оба глагола *dát* и *vzít* (*To dá rozum, že vás to vzalo!* // *Как же не взволноваться?*), где чешская ФЕ переводит тоже довольно универсальное обозначение логического следствия *как же*. В этом случае можно говорить прежде всего о дискурсной обусловленности употребления чешской пропозиции *to dá rozum*.

2. Сочетания с глаголами *взять* и *брать*

Гибкость формальной стороны выражений проявляется и у фразеологизмов, образованных при помощи глаголов *взять* и *брать*. Самую большую группу составляют проклятия с глаголами *взять/vzít*, содержащие слово *черт* (всего 12 случаев): *А уютный подвальчик, черт меня возьми!* // *Ať mě čert veme, jestli tohle není příjemnej sklípek!*; *Ну, конечно, Бегемот, черт его возьми!* // *Už zase ten Kocotour, aby ho čert vzal.*; *Молчи, черт тебя возьми!* // *Bud' už konečně zticha, krucifix!*; *А, черт вас возьми с вашими бальными затеями!* // *Čert aby vás vzal, i s těmi vašimi plesovými vutušlenostmi.*; *Черти чтоб взяли? А что ж, это можно!* // *Ke všem čertům? Inu, proč ne, to by šlo.*; *Фу ты черт, – неожиданно воскликнул мастер.* // „*Hrom aby to vzal!*“ *zvolal zničehonic Mistr.*

Как видно, возможна не только форма *черт кого-л. возьми*, но и условные и вопросительные формы, а также самостоятельное упоминание черта без глагола (*Фу ты черт* и *к черту его*). В чешском переводе появляются не только варианты *Ať mě čert veme* (5x), но и *ke všem čertům* (2x), *aby je husa kopla* (2x), *krucifix!* (1x), а также русское проклятие *черт его возьми* переводится однажды словом *zatrascený* и однажды перифразой *tám to vůbec vyslovit?*

Здесь нет возможности самостоятельно рассмотреть соответствия ФЕ как ч. *dávat přednost, dej jim pámbu nebe, dejme tomu*, р. *дать возможность, дать сигнал, надавать администратору по морде, дам на чай, дать отпуск* и др.,

на употребление которых очень интересное влияние оказывают именно дискурсивные условия.

В заключение добавим только, что самые тонкие нюансы употребления этих ФЕ обеспечивает перевод, а структурное совпадение между ними в большинстве случаев мы должны отнести к «ложным друзьям переводчика».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1962): *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. М.: Наука.
- БЪЧВАРОВ, Я. и кол. (2011): *Кратък чешко-български речник на не книжовната лексика*. София: Ето.
- МЛАДЕНОВА, М. (2006): *Езикова динамика и глобализация (За отражението на преводаческата практика върху отделни езикови употреби)*. Българска реч XII, № 1, 10–17.
- МЛАДЕНОВА, М. (2010): *Я не буду иметь покоя...: фразеологический потенциал некоторых притяжательных глаголов в чешском, русском и болгарском языках*. In: Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Сборник докладов 2-й Международной научной конференции «ФРАЗЕОЛОГИЯ, ПОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА» (Белгород, 7–9 сентября 2010 года). Т. 2. Белгород, с. 98–102.
- ČERMÁK, F. a kol. (1994): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A-P*. Praha: Academia.
- GREGOR, J. (2007): *Typologie lexikálních vztahů ruských ustálených verbonominálních spojení s formálním slovesem ДАТЬ a jejich souvztažných sloves (ve srovnání s češtinou)*. In: *Slavia*, s 373–387.
- CHLEBDA, W. (2003): *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Oficyna Wydawnicza LEKSEM. Łask.

Лилия НАЗАРЕНКО

Чехия, Устье-на-Лабѣ

СУБСТАНДАРТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

ABSTRACT:

Substandard Vocabulary in the Texts of Electronic Media

This paper is devoted to the usage of substandard vocabulary in the texts of electronic media. Considered are the pragmatic and stylistic effects as a result of the usage of slang and vernacular language in the texts of political and information portals.

KEY WORDS:

Electronic media – standard language – vernacular language – slang – stylistic effects.

В текстах электронных средств массовой информации находят отражение явления, которые типичны для современного русского языка в целом. Одним из таких явлений является экспансия субстандартных языковых единиц, проникающих в традиционные сферы функционирования литературного языка, а именно в тексты СМИ, язык политических и общественных деятелей. Очевидно, что причин широкого употребления разговорно-сниженных и нелитературных элементов национального русского языка в средствах массовой информации несколько. Прежде всего, это снятие всяческих запретов, отмена цензуры (как внешней, так и внутренней), ориентация журналистов на живую речевую стихию социума, стремление установить более непосредственный контакт с читателем, усилить эффект воздействия и др. Немалую роль в распространении субстандартных элементов играет культурная переориентация общества. Идеалы высокой культуры сменяются знаками массовой культуры, популяризаторами которой в значительной мере выступают массмедиа. Тексты электронных и печатных СМИ не только отражают новые явления в системе языка, но и сами определяют важные тенденции развития современного русского языка.

В данной публикации нам бы хотелось рассмотреть функционирование субстандартных языковых единиц в текстах информационно-политических Интернет-порталов и on-line версиях печатных изданий, а именно: www.kommersant.ru («Коммерсантъ»), www.gazeta.ru, www.lenta.ru, www.ng.ru («Независимая газета»), www.vz.ru («Взгляд») www.rbcdaily.ru и др. Выбор был обусловлен тем, что данные электронные издания отличаются серьезной подачей информации, специализируются на оперативных новостях, аналитических материалах о российской и международной политике, бизнесе и финансах. В отличие от таблоидов, где разговорно-просторечные элементы чувствуют себя, как дома, эти Интернет-ресурсы преимущественно ориентируются на стандартный литературный язык. Тем не менее, и в этих, относительно серьезных изданиях, мы довольно часто сталкиваемся с использованием субстандартной лексики. Нам было интересно проследить, какую роль играют жаргонизмы и просторечия в текстах общественно-политической и экономической тематики.

Отбор стилистически значимых элементов в современных информационно-публицистических текстах ориентирован на выполнение, прежде всего, возмывающей функции. Установка на выразительность предполагает использование стилистически и эмоционально окрашенных языковых средств. Именно с такой целью используется разговорная, просторечная и жаргонная лексика в электронных СМИ. Стилистический контраст субстандартных элементов с окружающей нейтральной лексикой повышает их прагматический потенциал, усиливает экспрессивность текста.

Говоря о стихии субстандарта в современном русском языке, исследователи используют термины просторечие, арга, сленг, жаргон, социолект и др. Действительно, разграничить отдельные нелитературные единицы бывает сложно. Например, слова *бабки*, *мочить*, *кинуть*, *беспредел*, *крыша*, *лох*, которые стали широко известными по причине их активного употребления в СМИ, уже перешли из криминального жаргона в состав разговорно-просторечного фонда. Р. И. Розина, О. П. Ермакова и Е. А. Земская считают, что жаргонизмы, утратившие признак закрепленности за речевой практикой отдельных социальных групп и регулярно употребляющиеся в качестве разговорных средств сниженной экспрессии, следует относить к общему жаргону [Розина 1999: 4]. Разговорно-просторечный язык и общий жаргон – это тесно связанные явления, провести между ними четкую разделительную линию практически невозможно. Поскольку жаргонную или просторечную отнесенность многих разговорно-сниженных единиц определить трудно, считаем целесообразным использовать более широкий термин субстандартная лексика.

В век обилия каналов коммуникации, высокой скорости передачи информации, жесткой конкуренции между различными СМИ большое значение приобретает вопрос завоевания и расширения аудитории, а вместе с тем увеличения прибыли Интернет-порталов. По данным Международного Агентства социальных и маркетинговых исследований, типичный русскоязычный пользователь Интернета – это мужчина в возрасте около 30 лет, имеющий высшее или незаконченное высшее образование (см. «Портрет российского Интернет-

пользователя», <http://info.tatcenter.ru/article/28270>). Соответственно, целевой аудиторией электронных СМИ являются, преимущественно, молодые люди с активной жизненной позицией. Именно на них ориентированы коммуникативные стратегии и тактики, а также языковые средства их реализации в текстах электронных СМИ. Официальный язык кажется молодёжи скучным, невыразительным, поэтому каждое поколение стремится найти новые языковые ресурсы выразительности. Единицы молодёжного жаргона, обладающие высоким экспрессивным потенциалом, интенсивно проникают на страницы серьезных изданий: *Кто слил ЕГЭ «ВКонтакте»?* (www.vz.ru); *Полный завал* (www.kommersant.ru); *Прикид с иголки* (www.kommersant.ru).

Для Интернет-ресурса, вступившего в конкуренцию на рынке информации, публикация текстов с эффектными заголовками, которые привлекают внимание аудитории, с большей вероятностью приведет к успеху на этом рынке, чем публикация материалов с сухими, информативными заголовками. По этой причине элементы общего жаргона часто появляются в заголовках публикаций. Ср.: *Минобороны отправило «бобики» на дембель* (www.izvestia.ru), *Вузы подрежут* (www.rg.ru), *Гаш, кокс и Шекспир* (www.ng.ru). Здесь заголовки выполняют, прежде всего, рекламную, а не информативную функцию. Яркий заголовок содержит большой экспрессивный потенциал и оценочность: *Партии нужен локомотив с баблом* (www.kommersant.ru), *Заниматься кидаловом* (www.vz.ru), *Ющенко не при делах* (www.vz.ru).

По нашим наблюдениям, на сайтах деловых изданий практически отсутствует просторечно-жаргонная лексика в названиях публикаций. Доминирует информативная и номинативная функция заголовков. Связано это с тем, что аудитория делового издания специфична, для нее приоритетными являются точность и достоверность информации, а не ее занимательность. Тем не менее, жаргонизмы находят свое место и в текстах деловых Интернет-изданий. Вот всего лишь несколько примеров из архива ежедневной деловой газеты РБК daily на сайте www.rbcdaily.ru: *Бонусы в общак*; *Здесь есть как женский, так и мужской «светящийся прикид»*; *Москва погружается в криминальный беспредел*; *Йордан ушел от «политических разборок»*.

На страницы электронных СМИ проникают элементы различных жаргонов, например, криминального жаргона: *За базар – ответишь. Юлию Тимошенко вызвали к прокурору* (www.lenta.ru); молодежного жаргона: *... сказал президент страны Дмитрий Медведев, добавив, что современная молодежь «не прикальвается» от старых музеев* (www.lenta.ru); компьютерного жаргона: *Банк Москвы: перезагрузка* (www.ria.ru).

Если сравнить частотность использования жаргонизмов и просторечий в текстах разного тематического наполнения, то на ведущее место выйдут авторские колонки и комментарии. Трудно себе представить, чтобы текст информационно-политического характера был насыщен ненормативной лексикой. Но вот в колонках комментаторов просторечно-жаргонная лексика стала уже «в порядке вещей». Субстандартные элементы вводятся в ткань текста, прежде всего, как стилистический прием создания эмоционально-сниженной

экспрессии. Такой прием способствует не только достижению выразительности, но и манифестации авторской позиции. В качестве примера приведем несколько цитат из статьи-комментария «Государство – штука простая» политолога С. Курганяна в ежедневной on-line газете «Взгляд»: «*Не в том дело, как именно вы прижмете американские деньги в России, а в том, чтобы вас не за что было прихватить там, а деньги, или, как вы любите говорить, «бабки» пришли сюда в количестве не менее четверти триллиона долларов*»; «*Ребята, которые понимают, что американцы натурально посадят и ограбят, ребята, деньги в страну быстро*»; «*Так вот из этого сора привезенных сюда «бабок» может сварганиться какая-то очень несовершенная и, с моей точки зрения, ничего по-крупному не решающая, но все же реальность. Потому что то, что сейчас есть, это антиреальность. Это маразм*» (<http://vz.ru/opinions/2011/7/6/505329.html>). Текст создает иллюзию устной речи с ярко выраженной негативной экспрессией, даже аффектацией. Этому способствует не только обладающая сильной экспрессией жаргонно-просторечная лексика *хапнуть, прихватить, прижать, пригнуть, бабки, дуришь* и др., но и синтаксические особенности текста – короткие, отрывистые фразы, эллиптические и присоединительные конструкции, имитация прямой речи. Автор как бы вступает в полемику с незримыми оппонентами, а чтобы его аргументы были доходчивее, он использует понятный оппонентам язык.

Субстандартные единицы во многих случаях выполняют наряду с экспрессивной функцией еще и номинативную функцию. Ряд жаргонизмов не имеет литературного эквивалента. Авторы их используют для того, чтобы заполнить номинационные лакуны литературного языка, более ёмко и точно описать явление, не прибегая к многословным описаниям. Например: *Новая игра позволит геймерам засветиться в голливудских блокбастерах* (www.rbcdaily.ru). *Вы планируете делать для сайта какие-то специальные «фишки»?* (www.lenta.ru). *Страну «клинит», и она теряет время на развитие* (www.vz.ru).

Функционально-стилистическое поле субстандарта нередко является результатом языковой игры, которая предлагает номинативную альтернативу литературному слову. Языковая игра может иметь социальный, рекреативный или лингвистический характер [Химик 2001: 103]. Обращение к субстандартным, стилистически сниженным элементам позволяет автору текста подчеркнуть непринужденность коммуникации, создать тональность иронии или сарказма, юмористического самовыражения. Ср.: *Он мне, говорит, должен по гроб жизни. И в гробу тоже* (www.ng.ru); *Дураки и раки* (www.kommersant.ru).

Электронные СМИ не только широко используют субстандартную лексику, но и выступают ее популяризаторами. Функциональность жаргонно-просторечной лексики, ее высокая оценочность, доминирование экспрессивной функции над номинативной создают особый прагматический эффект в публицистических текстах. Семантическая емкость и одновременная экспрессивность жаргонных и просторечных слов облегчает их вхождение в речевой узус. Становясь принадлежностью широких слоев населения, субстандартная лек-

сика пополняет выразительные средства литературного языка, что, в свою очередь, способствует перераспределению границ между стилистическими пластами лексики.

Не вызывает сомнений тот факт, что привлечение субстандартных единиц основано, прежде всего, на желании сделать издание более массовым, приблизить его к широкой аудитории.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Р. И. РОЗИНА, О. П. ЕРМАКОВА, Е. А. ЗЕМСКАЯ (ред.) (1999): *Слова, с которыми мы встречались: Словарь общего жаргона*. М.

ХИМИК, В. В. (2001): *Современное русское просторечие как динамическая система*. In: I Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сборник тезисов. М.: МГУ, с. 98–107.

СВЕТЛАНА НИКИФОРОВА

Чешская Республика, Брно

КОМПОЗИТЫ-ТЕРМИНЫ ХРИСТИАНСТВА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА В СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

ABSTRACT:

Composite Terms of Christianity in Russian and Czech Languages: Their Structure, Semantics and Pragmatics in Historico-Comparative Aspect

Composites, terms of Christianity in Slavonic languages are structurally and semantically related to the Old Church Slavonic tradition. The most productive and important in terms of pragmatics are the structures in which God appears as the main subject or object relations. Continuous Church Slavonic tradition in Russian and interrupted Slavic tradition in the history of the Czech led to significant differences in complex terms in these languages.

KEY WORDS:

Old Church Slavonic – history of Russian and Czech – composites – Christian terminology

Композиты-термины христианства в славянских языках в большинстве своем структурно и семантически связаны со старославянской традицией. При создании старославянского языка активно использовался один из видов заимствования – калькирование – и большая часть структурно сложных терминов стала его результатом. Однако нельзя говорить о слепом переводе славянскими книжниками греческих единиц: несомненно, процесс этот был творческим и глубоко осмысленным, так как и цель и задачи, стоявшие перед переводчиками / переписчиками, были насколько глобальными, настолько и сложными – создание и внедрение нового языка новой религии, а значит, создание и внедрение новой картины мира славянина-неофита. При всем многообразии композиционных моделей наиболее продуктивными и важными с точки зрения прагматики термина стали структуры с выраженным объектом или субъектом действия: в структуре композита оказываются заложены релевантные фрагменты картины мира – представления неофитов о структуре мира и соот-

ношении или взаимодействии его компонентов, при этом, безусловно, Бог выступает как главный субъект или объект отношений.

1. Мы обратились к анализу единиц с начальным *бого-*, чаще всего репрезентирующих в своей структуре отношения между Богом и человеком, которые могут выступать в качестве субъекта и объекта таких отношений. В старославянском языке все зафиксированные единицы восходят к греческим композитам-оригиналам (редко словосочетаниям), при этом некоторые из них подвергаются собственно славянской словообразовательной и грамматической обработке, что и создает известную для древнейшей терминологии вариативность, в первую очередь словообразовательную.

Случаи «действий» Бога на человека, когда Бог выступает в качестве субъекта отношений, редки: они фиксируются в структуре композитов *богоавлениЕ* (древнеславянские примеры даны в условной графике) ‘явление бога’, *богодъхновень* ‘вдохновенный богом’, *бозозъванъ* ‘избранный богом’, *богонаоучень*, *богооучень* ‘внушенный богом’. Гораздо больше единиц отражают Бога как объект отношений с человеком: *боговъгодънь*, *богогодънь*, *богооугодънь*, *боголъпнь* (*боголъпно*) ‘угодный богу’, *боготорьнь*, *богосварьнь*, *богосварьникъ*, а также *богобориЕ*, *богоборьнь*, *богоборьць*, *богоборениЕ* ‘борющийся против бога’, *боговесельнь* ‘радующийся богу’, *боговидьць* ‘видящий бога’, *боголюбивъ*, *боголюбыць* ‘любящий бога (набожный)’, *богоносивъ*, *богоносънь*, *богоносъць* ‘носящий в себе бога’, *богоприЕмъць* ‘богопримец, державший бога на руках’, *богопознаниЕ*, *богоразоумиЕ* ‘познание бога’, *богослов-* (все дериваты с этим комплексом *богословествовати*, *богословити*, *богословлениЕ*, *богословъ*, *богословьнь*, *богословьць*) ‘восхвалять бога’, *богочьст-* (все дериваты с этим комплексом *богочьстивъ*, *богочьстиЕ*, *богочьстьно*, *богочьтьць*, *богочьстьнь*) ‘чтить бога, бояться бога’ [Старославянский словарь], что очевидно: ранний христианский текст призван определить для человека новой формации круг необходимых и обязательных действий по отношению к высшей инстанции – Бога следует любить, носить его в себе, познавать, восхвалять, чтить и бояться, ему нужно радоваться и быть ему угодным. Борьба же против Бога оценивается как ересь, недостойное поведение.

2.1. «Базовый» состав композитов с начальным *бого-* старославянского языка существенно развивается на древнерусской почве: с одной стороны, благодаря дериватам – например, *боголъпни* / *боголъпници*, *богоносъ* / *богоносъць*, *боголюбивъши* / *боголюбиЕ* / *боголюбъство* и т.п.), с другой – благодаря появлению новых сложных образований по продуктивным моделям а) на базе старославянских одноосновных единиц, – *богохульници*, *богохульствиЕ*, *богохульствовати*, *богохульство*, *богохульникъ* при общем семантическом ядре ‘богохульствовать, т.е. хулить бога, поносить, оскорблять церковные реликвии, обряды’ – ср. ст.-сл. *хоула*, *хоулити* и др.; *богоотметьникъ* (*богоотметьници*), *богопротивникъ* (*богопротивьници*), *богоратьникъ* (*богоратьньници*), *богостоудънь* с общим семантическим ядром ‘противопоставленный, враждебный богу’; *богогласъ*, *богогласъници*, *богоглагольници* / *богоглаголивыци*, *богоглагольникъ* ‘вещающий по внушению бога, проповедающий слово

божие'; *богобоишы*, *богобоичивыи*, *богобоязливыи*, *богобоязненныи*, *богобоязливый*, *богобоязньство* 'богобоязненный, боящийся греха; благочестивый'; *богомольць*, *богомольца*, *богомольиЕ*, *богомольныи*, *богомольство* с общим семантическим ядром 'молиться богу'; *боготворити* 'обожествлять'; *богоспасаемыи* 'защищаемый, хранимый богом'; *богоотступьникъ* 'тот, кто отступил от бога, отрекся от религии' и др.; б) или на базе собственно русских одноосновных единиц – *богомазь* 'иконописец' (в ст.сл *мазати* только 'мазать').

Интересным для нас представляется тот факт, что многие из новых композитных образований характеризуют действия Бога по отношению к человеку (напомним, что в старославянском языке зафиксировано только 5 таких образований), т.е. именно Бог выступает в этих единицах субъектом действия: ср. *богоданьныи*, *богодатьныи*, *богоизбраньныи*, *боголишивыи* / *боголишиЕ* / *боголишь*, *богоненавидимыи*, *богоненавистьныи*, *богоотреченыи*, *богопопустьныи*, *богопустьныи*, *богораньныи*, *богохранимыи*. Таким образом, в древнерусском языке заполняется терминологическая ниша, позволяющая с помощью одной лексической единицы охарактеризовать Бога как действующее лицо христианской картины мира, и создаются новые термины нового языка религии – церковнославянского языка, маркирующие особую стилистическую систему.

2.2. В древнечешском языке находим лишь несколько образований с начальным *boho-*: *bohomila* (*bohumila*), *bohomilovník*, *bohonoše*, *Bohorodice*, *bohomluven* (*bohomluvna*), *bohomluvec*, *bohomluvník*, *bohobojný* (*bohobojně*), *bohobojeňství*, *bohomyšlný*, *bohomyšlnost*, *bohomyšlenie*, *bohuchvalna*, *bohochvalnost*, *bohoslavna*, *bohomoč*. Заметим, что чешский язык средневековья сохраняет лишь два из старославянских композитов – *bohonoše*, *Bohorodice*, а новые образования создает по продуктивным старославянским / славянским моделям: ср. ст.сл *боголюбць* – *bohomilovník*, *богословць* – *bohomluvec* / *bohomluvník*, с использованием компонентов, ставших диахроническими межъязыковыми синонимами, – ст.сл. *любити* / чеш. *milovati*, ст.сл. *словити* / чеш. *mluviti*. Однако если термины *богословць* / *bohomluvník* совпадают по семантике – 'богослов, теолог; teolog, znalec učení o Bohu', то термины структурно близкой пары *боголюбць* / *bohomilovník* семантически различны: *боголюбць* 'человек, любящий бога', а *bohomilovník* 'teolog, kdo se zabývá naukou o Bohu', *bohomila* / *bohumila* 'theologia, theosophia; или láska k Bohu (?)' [Vokabulář webový]. Последний случай позволяет нам выявить один из механизмов формирования и развития семантики сложного слова: в композите *bohomilovník* переосмысливается не столько семантика его второго компонента, сколько значение сложного образования в целом. Так, базовый элементарный смысловой комплекс 'boha milovati' трансформируется в 'zabývat se naukou o Bohu', где интерес к науке о Боге стал результатом любви к Богу.

2.3. Нам представляется интересным сопоставительный анализ древнерусских и древнечешских сложных образований для обозначения понятий поля 'благочестие, богобоязненность'. Если старославянский язык предлагает для реализации идеи о страхе Божиим и, как следствие, о соблюдении им христиан-

ских заповедей и обрядов только единицы с компонентом *чъст-* (в результате калькирования греч. -σεβ-) и начальных *благо-* и *бого-* (в строгом соответствии с греч. Θεο- и εὐ-), то древнерусский и древнечешский языки репрезентируют в составе композитов элементы *боу-* / *boj-* соответственно (от бояться / k bǒh и báti sě – báti se): ср. *богобоишьи, богобоичивьи, богобоязливьи, богобоязненньи, богобоязливьи, богобоязниЕ, богобоязньство, богочътьць / bohabáznivý, bohabojučí, bohobojný, bohobojúci*. Таким образом, в славянских языках появляются термины-компози́ты, эксплицирующие в своей структуре представления славян-неофитов о благочестии как страхе (о «почтении, надобном благочестивым людям; послушании» [Дьяченко 1900: 672]) перед Богом. Их деривационное развитие и глубокое укоренение в русской и чешской языковых системах (а композиты с комплексом *богобож-* / *bohoboj-* соответственно значительно преобладают в текстах) как религиозных терминов свидетельствуют, что страх перед Богом (сопряженный с почитанием) становится для верующего человека неотъемлемой частью новой, христианской, картины мира.

И вновь если русский язык сохраняет старославянскую традицию в описании этого фрагмента христианской картины мира (находим здесь и лексему *богочътьць*, и широкий ряд образований с комплексом *благочест-*), то чешский язык создает новую группу образований, делающих акцент на ином смысловом компоненте идеи о благочестии и набожности: почитая Бога и боясь его, человек о нем мыслит, думает (ср. *bohomyslný, bohomyslnost, bohomyšlenie – k bǒh и mysliti* [Vokabulář webový, Elektronický slovník staré češtiny]).

3. Современные русский и чешский языки существенно различаются в первую очередь по количеству композитов с начальным *бого-* / *boho-*: если в русском литературном языке (вне церковной сферы) ряд таких образований достаточно широк – *богоугодный; Богоматерь / Богородица; богохульник (богохульница), богохульствовать / богохульничать, богохульство, богохульственный; богослов; богобоязненный, богобоязненность; богомол / богомалец / богомолка, богомольный, богомольность, богомолье; богослужение, богослужебный; богоспасаемый; боготворить, обоготворение; Богочеловек, богочеловеческий*; то в современном литературном чешском языке их крайне мало – *bohoroúný; Bohorodička; bohoslovec, bohoslovecký, bohosloví; bohoslužba, bohoslužebný*. Таким образом, даже простое количественное сопоставление позволяет говорить о приоритетности той или иной структурной модели в языковой системе: известно, что чешский язык в гораздо меньшей степени, чем русский, реализует основосложение или словосложение как способы словообразования. Сфера ранее церковной, а сегодня во многом уже и светской лексики не стала исключением.

Ярким примером этой тенденции можем признать пару с древнерусским (и современным русским) композитом *богохульствовати* (см. также дериваты – *богохульникъ, богохульници, богохульствие, богохульство*; совр. – *богохульник, богохульница, богохульствовать, богохульничать, богохульство, богохульственный*) и древнечешским глаголом *porúhati / rúhati (rúhati sě, urúhati sě, vzrúhati sě, rouhat (rouhač, rouhání, rouhačský, rouhat se)*. При одинаковых

исходных условиях – отсутствии соответствующего композита в старославянском языке – древнерусский язык создает структурно сложный термин со значением ‘поносить бога и догматы веры’ (и его дериваты), чешский же язык репрезентирует это значение либо в одноосновном образовании, либо свободном словосочетании – ср., например, толкования в древнечешском языке глагола *porúhati, porúhati sě* 1. *koho/co znevažovat, tupit, zvl. posměchem*; 2. *relig. koho/co [božského] rouhat se komu/čemu [Vokabulář webový, Staročeský slovník]*. Таким образом, если русский язык создает термин-композит для обозначения узкого христианского понятия ‘богохульство’ (именно в структуре композита с указанием объекта и последующим ограничением сочетаемости сужается значение старославянского глагола *хулити*), то чешский язык развивает семантику одноосновной глагольной лексемы, вводя ее в церковный оборот и наделяя в христианском контексте новым более узким значением.

Так, непрерывная церковнославянская традиция в русском языке, с одной стороны, и прерванная славянская церковно-книжная традиция в истории чешского языка – с другой, обусловили существенные различия в составе сложных терминологических образований в этих языках: композиты-термины русского языка в большинстве своем или унаследованы из старославянского языка напрямую, или созданы в древнерусский период по его продуктивным моделям и на его лексическом материале, чешские же термины гораздо чаще демонстрируют самостоятельность системы как в выборе словообразовательных моделей (словосложение не является здесь столь продуктивным, как в русском языке), так и в выборе лексико-семантической базы для этих образований.

Использованная литература:

- ДЬЯЧЕНКО, Г. (2001) *Полный церковно-славянский словарь*. Репринтное издание 1900 г. М.
ЦЕЙТЛИН, Р. М., ВЕЧЕРКА, Р., БЛАГОВА, Э. (ред.) (1994): *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)*. М.
Vokabulář webový <http://vokabular.ujc.cas.cz>

Зоя Новоженова

Польша, Гданьск

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЖАНРЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ABSTRACT:

Esoteric Discourse in Contemporary Russia: Genres and Specific Verbal Means

The paper deals with one of the main markers of changes in modern Russian society, Russians' mind and Russian language, i.e. legalisation of esoteric discourse. The field structure of this discourse has been found out. We also describe various texts and genres belonging to various spheres of the discourse with emphasis on periphery of the discourse, which is characterized by combining of irrational and pragmatic vectors.

KEY WORDS:

Esoteric discourse – genre – specific verbal means.

Одним из признаков изменений в духовной сфере России, фактом освоения россиянами новых интеллектуально-духовных сфер и появления новых социально-речевых практик является своеобразный ренессанс эзотерического дискурса, который начался в России в 90-х гг. 20-го века.

Эзотерический дискурс формируется как совокупность вербальных высказываний и невербальных продуктов, возникающих в связи с общественно-речевыми практиками в области эзотерики, а также практиками, допускающими полностью или частично знания и убеждения эзотерики, принимающими эзотерическое объяснение человека и мира. Исходя из понимания дискурса, которое сложилось в современной науке, эзотерический дискурс можно понимать как тематический, личностно-ориентированный или институциональный.

Основными функциями эзотерического дискурса являются: изложение содержания эзотерического мировоззрения, пропаганда эзотерических взглядов на мир, поиски адептов, обслуживание эзотерических практик, использование эзотерики в целях манипуляции, всякого рода коммуникативные действия, проявляющие эзотерический модус в социальной и ментальной жизни россиян.

Интерпретация мира в этом типе дискурса определяется эзотерической позицией субъектов, системой их ценностных эзотерических установок. *Эзотерический* в современной науке понимается и определяется как *тайный, скрытый, предназначенный для посвященных*. Эзотеризм трактуется как философское мировоззрение субъективного познания природы, доступное лишь ограниченному кругу лиц. Оно противопоставляется научному познанию. Эзотеризм исходит из сакральных знаний язычества и культивируется во многих культурах как некое тайное знание на уровне теософии или философии древних и современных культур. В сферу эзотеризма (эзотерики) включаются также оккультизм, магия, астрология, теософия и антропософия. Важно отметить, что эзотерика трактуется современной наукой как вненаучное знание, не представляющее собой одну традицию или единую систему знаний. Предметная область эзотерики размыта, не имеет четких границ, что определяет и некоторые черты эзотерического дискурса, одной из которых является его полевое строение.

Общностями [Фуко 1996], стабилизирующими эзотерический дискурс, являются особый тип социально-речевого субъекта, сфера функционирования, особый тип сознания и ментальной установки. Последний фактор имеет решающее значение для формирования этого дискурса. Тип сознания, формирующий данный дискурс, можно определить как иррациональный, проявляющийся в стремлении исключить рациональное, логическое, реальное из процесса понимания и объяснения фактов устройства мира, человека, процессов взаимоотношения человека и мира. В этом типе сознания преобладает таинственное, интуитивное, религиозное постижение действительности, вера в божественные и иррациональные основы бытия.

Чем же объяснить столь активное развитие и укрепление этого дискурса в современной России? Увлечение российского общества эзотерикой, «оккультный синдром» россиян связан с исчезновением идеологического надзора, что позволило легализовать иррациональные формы общественного сознания, религию, идеалистическую философию, эзотерику и под. Кроме того, этот внутренний российский процесс поддерживается тем, что современное культурное сознание вообще, как отмечают ученые, «отмечено ослаблением традиционных рационалистических структур мышления и усилением иррационалистических мотивов и настроений» [Акопян 2004: 106]. Эзотерический дискурс обнаруживает специфику со стороны жанрового устройства и отбора языковых средств. При этом необходимо подчеркнуть, что жанры остаются для дискурса вообще вторичным образованием, первичными для него являются высказывания / тексты. Однако дискурсы, в том числе и эзотерический, обнаруживают жанровые предпочтения. Так, в жанровом пространстве эзотерического дискурса отмечены следующие жанровые образования: эзотерические трактаты, послания, манифесты, поучения, профетические тексты (откровения, предсказания), эзотерическая публицистика, астрологические прогнозы, словари имен собственных, сонники, словари эзотерической терминологии, эзотери-

ческая реклама, интернет-жанры, речевая практика всякого рода гадалок, экстрасенсов, целителей и под.

Достаточно популярным жанром эзотерического дискурса являются эзотерические трактаты, в которых, как правило, излагаются разные аспекты «сокровенного знания». Типичным примером такого жанра является текст «Учителя и их работа», фрагмент которого приведен ниже:

«Учитель Иисус, Который представляет Собой фокус энергии, протекающей через различные христианские церкви, в настоящее время живет в сирийском теле в определенной местности Святой Земли. Он много путешествует и много времени проводит в разных частях Европы. Он больше работает с массами людей, чем с индивидуумами, хотя и собрал вокруг Себя многочисленную группу учеников. Он находится на Шестом Луче, Луче Преданности, или Абстрактного Идеализма, и Его ученики часто отличаются тем же фанатизмом и преданностью, что проявляли мученики первых веков христианства. Сам Он скорее воинственного характера, человек дисциплины, железного порядка и воли» [<http://www.oneworld.ru/Blank-ru/sovvet/sov-o.htm>].

Данный текст обладает спецификой передачи сообщения (сокровенных знаний) и определенными коммуникативно-жанровыми чертами. Коммуникативная цель – общение с посвященными, влияние на непосвященных, поиски адептов; автор – эзотерик, обладающий сокровенными знаниями, верящий в сокровенные знания; адресат – эзотерик или неопит; событийное содержание (диктум) – передача сокровенного знания, обсуждение событий в мистическом, эзотерическом ключе, обнаруживающем мистическое понимание сути явлений и вещей.

Эзотерический дискурс характеризуется рядом специфических языковых свойств. Одним из таких свойств является функционирование в нем специфической эзотерической терминологии, а также включение в его сферу общенаучной философской и религиозной терминологии (*реинкарнация, карма, сокровенное знание, макро- и микрокосмос, чакра, аура, махатма, медитация, астрал*); особых словосочетаний терминологического порядка с особым символическим и метафорическим смыслом: *фокус энергии, мудрые агенты, мировой Учитель, истинная духовная жизнь, высший разум Вселенной, аувердическая диета, тайная доктрина, желанные условия, чистое сознание, луч воли, луч могущества, луч ума, великие дэвы ментального плана, осознанное саморазвитие, измененное сознание, тонкий план* и под.; употребление слов санскрита: *мантра, дэва*, (название) *Бхав, панчакарма* и под.

Показательно, что эзотерическая терминология проникает в иные языковые сферы, и в этом процессе может терять и приобретать дополнительные оттенки значения и дополнительную стилистическую окраску. Так случилось, например, со словом *карма*, которое в общеречевом употреблении становится синонимом слова *судьба*; словосочетание *измененное сознание* теряет свое эзотерическое значение ('состояние, в котором возможно применение паранормальных способностей: гипноз, транс, аутогенное погружение, состояние в период засыпания, просыпания и под. '), в употреблении идет в сторону конкретизации значения («Андрей Кошерев О Range Rover Sport: измененное сознание» – название статьи, содержание которой не имеет ничего обще-

го с эзотерической практикой). Термин *астрал* приобретает ироническое значение, широко употребляется в речи, проникает в молодежный жаргон (*ушел в астрал, вернись не скоро*) и, кроме того, активно употребляется в публицистике («Дом ушел в астрал – о начале отопительного сезона»).

Кроме того, эзотерические тексты отличаются продуктивностью образования неологизмов на основе словосложения: *светореализм, мыслеформа, всезнание, первоорганизация* и под. В данных текстах отмечен также особый высокий «магический» стиль, проявляющийся в пафосности и метафоризме: *непрерываемое сознание, просветленная память, высшая энергетическая связь, страшное время пронесется очищающим вихрем*. Пафосность проявляется также в использовании прописной буквы в случаях, нетипичных для русской орфографии (что хорошо видно в вышеприведенном тексте).

Можно сказать, что эзотерический текст «пробует увлечь неопита красотой тайны и поэзией непонимания» [Мечковская 1998: 117].

В свою очередь периферия этого дискурса демонстрирует наличие в нем текстов иной жанровой организации с характерными языковыми особенностями, см. [Новоженова 2007; Новоженова 2010]. Эта часть дискурса проявлена в разного рода текстах астрологических прогнозов, сонников, словарях, толкующих имена собственные, обслуживающих оккультные практики, эзотерической рекламе, в речевой практике волшебников, колдунов, предсказателей и под. Язык, обслуживающий эту сферу, отражает мировоззренческий эклектизм, своеобразное сращение иррациональной и прагматической установок. Эту часть дискурса формируют тексты, подобные нижеприведенному:

«Упражнение по открытию третьего глаза, или аджначакры, на удивление просто и действительно. После месяца занятий можно начать чувствовать неопределимый экстаз в области головного мозга и кроме того замечать до этого неизвестные и непонятные вещи». «Реклама. Дети до 10-ти лет консультируются за символическую плату; внимание: в июне состоятся посвящения с 50 % скидкой в каналы: Св. Будда, Св. Моисей, Св. Мухаммед, Св. Иисус, Агни, Хум, Агни-Хум. Информация по телефону...».

Таким образом, эзотерический модус существования россиян формирует дискурсивную формацию с соответствующими жанрово-речевыми формами, проявляющими социальные практики, ментальные установки, коммуникативные потребности российского общества, обусловленные современным социально-культурным контекстом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АКОПЯН, К. З. и др. (ред.) (2004): *Массовая культура*. М.
МЕЧКОВСКАЯ, Н. Б. (1998): *Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий*. М.
НОВОЖЕНОВА, З. (2007): *Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама... божественного*. In: Мир русского слова и русское слово в мире. Sofia, T. 3, с. 461–467.
НОВОЖЕНОВА, З. (2010): *Фактор иррационального в речевой коммуникации современной России: новые дискурсивные формации*. In: *Język rosyjski współczesnej Rosji*. Warszawa, s.151–169.
ФУКО, М. (1996): *Археология знания*. Киев.

ОЛЬГА ПРОХОРОВА, ИГОРЬ ЧЕКУЛАЙ

Российская Федерация, Белгород

КОМБИНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ЧУВСТВОВАТЬ/FEEL» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

ABSTRACT:

The Combinability of Lexemes with General Meaning of “to Feel / чувствовать” in Russian and English Linguocultures

The article deals with the problem of differences within the field of combinability and susceptibility of employment of the lexemes denoting sensorial and mental activity generalizing the idea of perception in English and Russian, namely, the verbs *чувствовать* and *feel*. The features of sameness and difference of the semantic morphological and syntactical combinability have been analyzed and revealed.

KEY WORDS:

Lexeme – combinability – meaning – structural scheme – word-form – syntagmatics – syntactical model.

Проблема комбинаторности, валентности является одной из наиболее привлекательных и важных при рассмотрении лексического значения в словарном составе того или иного языка. И это вполне оправданно и закономерно. Именно поэтому актуальным остается тезис Ю. С. Степанова о том, что значение лексических вхождений детерминируется структурными схемами [Степанов 2011]. Данное положение носит общий для ряда языков характер, и даже можно сказать, что оно относится к разряду универсалий.

Рассматривая вопрос о вхождении лексических единиц в структурную схему, мы непосредственно обращаемся к вопросу о синтагматике построений. В данной работе, в которой описывается специфика комбинаторного потенциала глагола «чувствовать/feel», прежде всего следует остановиться на дистинктивных характеристиках синтаксического строя английского и русского языков.

Русский язык, как известно, относится к флективным языкам с относительно свободным порядком слов и с развитой системой морфологических средств выражения связей между словами в предложении. В аналитических языках, к которым принадлежит английский язык, ведущее место в оформлении ре-

чевой цепочки отводится аранжировке слов внутри построения и позиции каждого слова. Степень жесткости/свободы порядка слова, однако, во многом зависит также и от преобладающего способа оформления синтаксических связей. В связи с потерей флексий в английском языке согласование как тип связи слов в предложении уходит на задний план, а на первое место выдвигается примыкание, где большую роль играет семантическая соотносимость слов. Функции слова, выполняющих те или иные роли, оказались закодированными в конфигурации структур, т.е. слова стали функционально маркированными уже самой их позицией. Взаимодействие двух факторов – аранжировки и семантической соотносимости – создало предпосылки для определенного варьирования роли этих двух факторов и возможного преваширования одного за счет другого.

Несомненно, синтагматика во многом определяется особенностями системы языка в целом, одним из важных синтаксических показателей которого является порядок слов [Сепир 1934; Глисон 1969 и др.]. Его значимость возрастает для языков типа английского, который характеризуется прочной стабилизированностью порядка слов, устойчивостью и непосредственной грамматикализированностью [Матезиус 1967: 51], что мотивировано задачами выражения членов предложения, ввиду их слабой морфологизации.

Общеизвестно, что синтагматика английского предложения, как и в других языках, выстраивается по принципу линейной последовательности – цепочки, но, в отличие от других языков, в английском языке она во многом детерминирована требованиями жесткого порядка слов в предложении.

Несомненно, на характер синтагматики того или иного предложения оказывает влияние общий «рисунок», модель предложения, а также семантические особенности слов, ведущие к установлению определенных отношений. Отражение отношений связи между предметами и явлениями в окружающем нас мире является одним из важнейших аспектов мыслительно-коммуникативной деятельности человека. Предложение, будучи канонической формой элементарной коммуникативной единицы – высказывания, передает особое обозначение события, которое так или иначе сводится к изменению отношений и связей. В денотируемом мире, в качестве языковых коррелятов денотируемых отношений и связей выступают синтаксические связи между компонентами предложения [Плоткин 1989: 35].

Английский язык характеризуется наличием особого типа построения синтагматической цепи, который во многом детерминирован особенностями его механизмов в целом. Наряду со свойствами аналитического языка, как показывают результаты развития лингвистической мысли на современном этапе, он содержит характеристики, позволяющие отнести его к языкам с полифункциональной аналитико-изолирующей морфологией [Долинина 1982: 3]. При всей полифакторности, свидетельствующей о политипологичности языка, что не удивительно, так как очень немногие языки являются «чистыми», гомогенными по типу образования форм по всей системе, напротив, большинство языков обнаруживает разные типологические признаки [Кобрина 1981: 52]. До-

минирующим же типом организации английского языка является изолирующий принцип. Изолирующий тип выявляется в том, что место слова в предложении предопределяет его синтаксический статус и характер синтагматического воздействия с окружающими словами, т.е. порядок слов выполняет ту роль, которая во флективных языках выполняется флексией. Возможность такой подмены предопределяется всегда имеющимся взаимным функциональным перекрыванием морфологических и синтаксических средств [Кобрина 1981: 59].

Проследим, как указанные особенности реализуются в английской глагольной лексеме *feel*. Если обратиться к ее лексикографическому толкованию, то можно обнаружить, что ее семантическая структура представлена 13 ЛСВ. Из всех данных словозначений наиболее рекуррентными являются случаи употребления этой лексемы в структурной схеме, передающей эмоциональное/физическое состояние субъекта, которую можно схематично представить как S+Pr (*feel*)+Adj/Participle II, например:

The usual questions as to his name, age, nationality, and social position were put and answered, and the replies written down in monotonous succession. He was beginning to **feel** bored and impatient... (E. L.Voynich. The Gadfly).

...and whenever he began to **feel** more than usually depressed he would come in here after business hours and sit with her... (E. L.Voynich. The Gadfly).

“Is it really time already?” Renee said to herself, sounding almost as nervous as I **felt**. “This has all gone so fast. I **feel** dizzy” (S. Meyer. Breaking Dawn).

Не менее частотной является модель S+Pr (*feel*)+ (Attr.) Noun. В рамках этой модели актуализируется значение “learn about, explore, by touching, holding in the hands”, например:

And he seemed to **feel** her kiss on his lips (S. Maugham. Of Human Bondage).

Данное положение распространяется и на предложения, включающие зависимые обороты с неличными формами глагола, как в следующем случае:

The grass whispered under his body. He put his arm down, **feeling** the sheath of fuzz on it, and, far away, below, his toes creaking in his shoes (R. Bradbury. The Dandelion Wine).

Наряду со значением «ощущать, чувствовать» данный глагол может передавать значение «понимать, осознавать». В этом случае он, как правило, употребляется в структурной схеме сложного предложения, например:

He stopped for a moment and then continued more slowly: «If you **feel** that you can still trust me as you used to do, I want you to tell me more definitely than that night in the seminary garden, how far you have gone” (E.L.Voynich. The Gadfly).

“I **feel** that in this there is a subtle association of myself with that unspeakable creature which soils and insults me” (R.Sabatini. Scaramouche).

Дистинктивной характеристикой английского языка является наличие в нём особых жёстких предикативных структур, именуемых «комплексами» (The Complex Subject, The Complex Object и др.). В этих структурах наряду с прочими глаголами чувственного восприятия достаточно рекуррентен глагол *feel*,

который вводит второе предикативное звено, в русском языке обычно объективируемое придаточным дополнительным, в частности:

He cradled our hands to his chest; I could **feel** his heart beat under my palm, and I guessed that he hadn't placed my hand there accidentally (S.Meyer. Breaking Dawn).

Данный пример является одним из свидетельств того, что в русском языке комбинаторика глагола *чувствовать* существенно отлична от англоязычной. Это, во-первых, выражается в управлении глаголом «чувствовать/feel» разными частями речи в исследуемых языках. Так, например, если в английском простом предложении *I feel hungry* глагол примыкает к прилагательному, то в русском языке глагольное управление в качестве обязательного компонента содержит существительное (*Я чувствую голод* при невозможности **Я чувствую голодным*), и для того, чтобы реализовать в русском языке прилагательное в данной структуре, глагол необходимо употребить в форме, соответствующей греческому медиопассиву, с возвратным местоимением *себя*.

Синтетизм русского языка позволяет шире использовать морфологические средства в организации структуры предложения, что обуславливает широкий спектр вариативности глагольных форм:

Артеьев с первого же взгляда заметил в ней перемену. Клара была разодета с вызывающей роскошью, в ней **чувствовалась** внутренняя собранность, даже некоторая настороженность (В. Пикуль. Моонзунд).

Какой музыкой звучал шелест и шорох их юбок! Какая ласка **чувствовалась** в прикосновении их маленьких рук, их шарфов и вееров!.. (А. И. Куприн. Поединок).

Более того, в русском языке в этом значении допустимо употребление безличного предложения:

Утро выдалось ясное, яркое, влажное. Деревья тихо вздрагивали и медленно качались. **Чувствовалось**, что между ними бродит ласковый прохладный ветерок и заигрывает, и шалит, и, наклоняя цветы книзу, целует их (А. И. Куприн. Поединок).

Представленные выше предложения подтверждают тезис о том, что в русском языке морфологические средства являются не только техникой синтаксиса, фиксирующей связи между семантикой и синтаксисом [Степанов 2011: 6], но ещё и важным средством выражения типов связи в предложении.

Наряду с морфологическими средствами, являющимися носителями первичного смысла, словообразовательные средства русского языка могут создавать специфические оттенки значения. Например, приставка *по-* может передавать единичное, «точечное» действие, обладающее категориальными признаками греческого аориста, в частности:

Наконец, гости явились за стол. Все были запылены, красны от жары и очень голодны. Никто не походил на принца Вюртембергского. Иван Осипович вдруг **почувствовал** приближение беды (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

Как показывает фактический материал русского языка, лексическое значение, передаваемое глаголом «чувствовать», во многом совпадает со значением

глагола feel «осознавать, понимать; ощущать физически или эмоционально». Различие лежит в плоскости морфологии, и в частности, в способах образования грамматических форм и средств словообразовательного потенциала, что вполне объяснимо принадлежностью исследуемых языков к разным морфологическим типам.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГЛИСОН, Г. (1959): *Введение в дескриптивную лингвистику*. М.
- ДОЛИНИНА, И. Б. (1982): *Валентностные категории английского глагола*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.
- КОБРИНА, Н. А. (1981): *О типологических чертах современного английского языка в сравнении с русским*. In: Проблемы сопоставительной типологии родного (русского) и иностранных языков. Л., с. 50–64.
- МАТЕЗИУС, В. (1967): *Основная функция порядка слов в чешском языке*. In: Пражский лингвистический кружок. М., с. 246–265.
- ПЛОТКИН, В. Я. (1989): *Строй английского языка*. М.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (2011): *Индоевропейское предложение*. М.
- СЕПИР, Э. (1934): *Введение в изучение речи*. М.

МАРИНА РАДЧЕНКО

Хорватия, Задар

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РОССИЙСКОЙ И ХОРВАТСКОЙ РЕКЛАМЕ

ABSTRACT:

Using Language Play in Russian and Croatian Advertisements

The article analyses various types of the language play (phonetic, graphical, morphological, word-formative language play, transformation of precedent phenomena etc.) used in advertising texts in Russian and Croatian languages.

KEY WORDS:

Russian language – Croatian language – language play – advertising texts – graphical play – word-formative language play – occasional words – precedent phenomena.

Среди функций рекламы прежде всего выделяется прагматическая функция, которая заключается в возбуждении интереса к товару или услуге и побуждении адресата к определенным действиям. Для языка рекламы характерно использование разнообразных средств воздействия на потенциального потребителя, при этом может происходить нарушение языковой нормы с целью усиления экспрессивности рекламного текста. Следует отметить, что язык рекламы давно привлекает внимание российских лингвистов, а в настоящее время существует немало работ, посвященных проблеме манипулирования языком рекламного текста в игровых целях [Гридина 1996; Ильясова, Амири 2009], в то время как в хорватской лингвистике игровые приемы, используемые при создании рекламных текстов, изучены еще недостаточно. В настоящей работе впервые проводится сопоставительный анализ наиболее распространенных приемов языковой игры (ЯИ) в российской и хорватской рекламе, а также выявляются особенности реализации различных игровых приемов в двух родственных славянских языках. Под ЯИ в рекламе понимается «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления вырази-

тельности рекламного текста с определенной материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» [Ильясова, Амири 2009: 36]. В обоих исследуемых языках выделяется несколько разновидностей ЯИ.

1. Фонетическая ЯИ может базироваться на подражании манере произношения в речи людей, ср.: *RED BULL* *окрыЛЯЯет* и *RED BULL daje ti kriiila!* (реклама энергетического напитка «RED BULL»). В рекламе препарата «Эффералган УПСА» обыгрывается звук шипения, возникающий при растворении таблетки: *Efikasno utišššajte sve simptome gripe i prehlade*. И в русской и в хорватской рекламе могут использоваться звуки, издаваемые каким-либо животным, а рекламный текст сопровождает изображение данного животного, ср.: *Мя-я-я-у-гкая мебель!* (реклама мягкой мебели) и *ВЕЕЕz brige!* (реклама изделий из овечьей шерсти). В обоих языках встречаются примеры фонетической игры, созданной на основе частичного совпадения звучания названия рекламируемого товара и какого-либо слова или нескольких слов в рекламном тексте: *Отличи «Живова» от неживого* (реклама пива «Живов»), *ВОТ КАК НАДО!* (реклама водки «Сретенка» – при произнесении рекламного текста происходит слияние первых двух слов и совпадение по звучанию с существительным *водка*), *ТОММУ – ТО МИ ТРЕВА!* (реклама универсама «Томму»).

2. Графическая ЯИ подразумевает выделение какого-либо сегмента в узуальном слове при помощи шрифта, цвета, знаков препинания, параграфемных элементов. Одним из самых распространенных видов графической ЯИ в российской рекламе является псевдочленение с помощью шрифтового выделения определенного сегмента, совпадающего с узуальным словом, обозначающим рекламируемый товар или услугу: *Покупая подарки в МЕГЕ, получи свой подарок ЧЕК*. *ПроЧЕКаЙ свой подарок ЧЕК* (слоган лотереи среди покупателей в торговом центре «МЕГА»), *Любовь не слуЧАЙна* (реклама чая «Принцесса Нури»). Активно употребляется псевдочленение с графическим выделением аббревиатур: *ТВоё сокровище по сказочной цене* (лозунг рекламной кампании цифрового телевидения «СТРИМ» в Москве, с экрана улыбается девушка в пиратской треуголке из «Острова сокровищ»). В рекламных текстах на хорватском языке незузальное чередование строчных и прописных букв встречается редко: *PoŠtedite se brige o novcu!* (реклама банка; *poštedite se brige* – ‘избавьте себя от забот’, *štedite* – ‘храните деньги в банке’), *Vaša dnevna doza ОВЈЕКТИVности* (реклама политического журнала «Objektiv»). Выделенная часть слова может совпадать с иноязычной лексемой: *DM damSKI kup 2011*. (реклама горнолыжных состязаний, *ski* – англ. ‘лыжа’). Возможно и псевдочленение на базе нескольких слов в предложении: *МАКСИmalan MIR u centru Zagreba* (реклама жилого комплекса «Maksimir» в Загребе), *eM su čokoladni, eM su u boji!* (реклама конфет M&M – название рекламируемого продукта выделено не только шрифтом, но и цветом).

В текстах хорватской рекламы широко распространен прием парентезиса (заклучение части слова в скобки), при помощи которого осуществляется передача максимального количества информации в минимальном объеме текста: *Moj jesenski dan za s(t)an* (реклама ипотечного кредита; *stan* – ‘кварти-

ра', *san* – 'мечта'), *Budi Zdrav(k)a* (социальная реклама; «*Zdravka*» – Хорватская ассоциация по борьбе с женскими онкологическими заболеваниями, *zdrava* – 'здоровая'), *Gotovinski kredit Joker za svaku (ne)priliku* (реклама потребительского кредита). Следует упомянуть и прием графоморфоактуализации (нетрадиционное разделение слова при помощи пробелов на сегменты, совпадающие с узуальными лексемами): *INOVACIJA. I NOVAC I JA* (реклама новых банковских услуг; *inovacija* – 'инновация', *i novac i ja* – 'и деньги и я').

В обоих языках представлены примеры кодографикации – замены букв параграфемными элементами (цифрами, денежными символами и под.): *Позвоните, мы поможем \$колотить и приЎмножить* (реклама компании, осуществляющей торговые операции на финансовом рынке; *c > \$, y > Ў*), *MJENJAČNICA* (пункт обмена валюты; *E > €*), *Internet cent@r* (*a > @*).

В российской рекламе активно употребляется прием графогбридизации [Попова 2007: 231] – оформление слов с помощью графических средств разных языков (игра с латиницей): *DOZA* *правься!* (реклама энергетических коктейлей «Doza»), *Lada PRI* *ora. PRI* *ми решение! PRI* *ёмистый двигатель. PRI* *ятное исполнение. PRI* *емлемая цена* (в данном примере наряду с графической ЯИ используется также фонетический прием – паронимическая аттракция). Характерной для хорватского языка разновидностью фонетико-графической ЯИ является иноязычное (чаще всего – английское) написание части слова на основе сходства по звучанию: *KUŽISH* (название закусочной, хорв. *kužiš*), *podROOM* (название кафе; ср. хорв. *podrum* – 'подвал' и англ. *room* – 'комната'). Последний пример можно рассматривать как контаминацию с графическим выделением.

3. Морфологическая ЯИ. В обоих языках одним из самых распространенных приемов данного вида ЯИ является образование окказиональных степеней сравнения от относительных прилагательных. Например, образование окказиональной сравнительной степени: *Лимоннее лимонов!* (реклама средства для мытья посуды «Fairu» с лимоном), *2 puta pandastičniji* (реклама фильма «Кунг-фу Панда 2»). В последнем примере окказиональная степень сравнения образуется от окказионального прилагательного *pandastičan*, мотивированного существительным *panda*. Возможно образование и окказиональной превосходной степени сравнения относительного прилагательного: *Самый французский поцелуй!* (реклама помады «Pour la vie» от «Буржуа Париж»), *NAJ-Božićniji sajam* (реклама рождественской ярмарки). В последнем примере морфологическая ЯИ сочетается с графической (выделение приставки при помощи прописных букв и использование приема дефисации).

4. Словообразовательная ЯИ в текстах российской и хорватской рекламы представлена окказиональными инновациями, ср. окказиональные глаголы, мотивированные именем рекламируемого продукта: *He тормози. Сникерсни!* (реклама шоколадного батончика «Сникерс»), *Studenizirajte se uz studena funkcionalne vode* (реклама воды «Studena»), *DINERSIRAJ!* (реклама банковской карты Diners Club).

Среди незузальных способов словообразования, используемых в обоих языках, следует упомянуть контаминацию: *Что такое ХОРАСО?* (хорошо + РАСО –

страховая компания), *Oličan internet! Najbrži u Hrvatskoj* (odličan ‘отличный’ + Olič – фамилия хорватского футболиста, рекламирующего услугу доступа в Интернет). Контаминация нередко сопровождается графическим выделением сегмента в окказиональном новообразовании: *АББА* *абсолютно солнечный мюзикл!* (абсолютно + АББА) – реклама мюзикла «МАММА МΙΑ!», основанного на песнях группы «АББА»; *Ponuda u koju sam se zaljubila!* (zaljubila se + Billa) – реклама скидок в универсаме «Billa». При создании контаминаций широко используются иноязычные лексемы, сохраняющие исконное написание, а также параграфемные элементы: *Жемчужина эволюции* (эволюция + VOLVO), *Почувствуй вибрацию вечеGREENки* (вечеринка + GREEN), *На100%ячая вода* (настоящая + 100%); *Effiekasnost u marketingu* (efikasnost + Effie), *bau-Maksimalna nagrada!* (maksimalna + bauMax).

5. Игра с прецедентными феноменами (ПФ) дает авторам рекламного текста возможность вовлечь потребителя в игру, вызвать у него положительные эмоции, улучшить запоминание рекламируемого товара. В рекламных текстах обыгрываются цитаты, устойчивые обороты, названия различных произведений. Чаще всего один из компонентов в ПФ заменяется на слово, передающее информацию о рекламируемом товаре или услуге: *Держи формат шире* (девиз, анонсирующий новый увеличенный формат журнала «Секрет фирмы»), ср.: фразеологизм «Держи карман шире»; *Бережёного банк бережёт*, (слоган-название вклада «со страховкой в подарок», Кредит Европа Банк), ср.: пословица «Бережёного Бог бережёт»; *Svi putevi vode k Žuji* (реклама пива «Ožujsko»), ср.: фразеологизм «Svi putevi vode u Rim»; *Ljubav na prvi i na sto tisuća prvi pogled* (реклама окон), ср.: фразеологизм «Ljubav na prvi pogled»; *Obrij muški!* (реклама средств для бритья «Nivea»), ср.: кинофильм «Umri muški» (англ. «Die Hard»). С целью привлечения внимания потенциального покупателя используются различные структурные и семантические трансформации ПФ: *Я всегда в своей тарелке* (реклама AmEx), ср.: фразеологизм «Быть не в своей тарелке»; *Itamo sve daske koje Vam fale* (реклама спортивного магазина), ср.: фразеологизм «Fali mu daska u glavi» (русский эквивалент – «винтиков в голове не хватает у кого-л.»), в рекламном тексте существительное *daska* ‘доска’ употребляется в переносном значении – ‘специальная доска для занятий серфингом’ (обыгрывание многозначности языковой единицы).

Проведенный анализ фактического материала показывает, что в рекламных текстах российской и хорватской рекламы используются аналогичные приемы ЯИ: фонетические, графические, морфологические, словообразовательные, обыгрывание многозначности, омонимии, прецедентных феноменов и др. В обоих языках возможно одновременное использование нескольких приемов ЯИ, приводящее к усилению экспрессивности рекламного текста.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГРИДИНА, Т. А. (1996): *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург.
 ИЛЬЯСОВА, С. В., АМИРИ, Л. П. (2009): *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. М.
 ПОПОВА, Т. В. (2007): *Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в.* In: Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы, М., с. 230–231.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА РЕПНЕВСКАЯ

Россия, Архангельск

ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПОДВИНЬЯ¹

ABSTRACT:

The History of the Agricultural Lexicon of Slash-and-Burn of Northern Russia

In article the history of terms of slash-and-burn of Northern Russia is considered. The methods of structural analysis are used. The characteristics of terminological system is given. Not yet studied hand-written archival documents of XVI–XVII centuries are involved in research.

KEY WORDS:

Agricultural lexicon – historical lexicology – the componental analysis – terminological system.

Земледельческая лексика является древнейшим пластом словаря русского языка, т.к. земледелие было основным занятием восточных славян задолго до образования государства [Греков 1953, с.35–55]. Эта лексика широко представлена в памятниках деловой письменности разных жанров, однако до конца не выявлена и не подвергалась специальному исследованию. Изучение данной тематической группы возможно в плане формирования, семантической эволюции, территориального распределения, позволяет прикоснуться к ряду важнейших проблем исторической лексикологии и диалектологии.

Центром нашего внимания является земледельческая терминология замкнутого региона как лексико-семантическая микросистема старорусского языка. Территория Северного Подвинья – это часть Русского Севера, включающая бассейн Северной Двины, притоки рек Вага, Пинега, частично Сухона. Говоры этого региона с XII в. испытали воздействие двух колонизационных потоков: освоение земель в верхнем Подвинье началось выходцами из Ростово-Суздальских земель. Говоры нижнего Подвинья сложились на основе древне-новгородского диалекта.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного фонда, проект № 11-14-29007 а/С.

В качестве источников послужили памятники деловой письменности: монастырские документы земельных владений, представленные в фондах северных монастырей.

Семантическим центром, объединяющим всю сельскохозяйственную лексику в терминосистему, является гиперсема «сельскохозяйственное использование». Кроме нее, в значении терминов земледелия выделяется 4 постоянных обязательных семантических компонента: «способ обработки», «время», «местоположение», «принадлежность». Каждая из этих сем может проявляться в значении слова одним из своих конкретизаторов, например: «сельскохозяйственное использование» – «под посев», «под сенокос»; «способ обработки» – «пашенный», «беспашенный» и т.д. Любой из выделенных семантических компонентов может быть интегральным и объединять слова в микротерминосистемы. Для данной лексики ядерным является семантический компонент «беспашенный способ обработки». Внутри группы слова дифференцируются в зависимости от конкретного проявления признака, уточняющего способ подготовки земельного угодья к эксплуатации. Основная часть архаичных двинских терминов подсечно-огневого земледелия представляет собой образования, мотивированные глаголами с исходным значением «чертить», «подсекать», «драть», «чистить», «теребить»: *чертеж, подсека, дрань, дор, дерба, чищенина* и др. Ряд терминов отразил в своем наименовании семантический признак «новый», «впервые разработанный». Эта группа объединила слова *новина, новоросчисть, новоросчистной (лес, земля, угодье, сенные покосы), новопричистное место, новотереб*.

Термины *репище, льнище, ржище*, у которых значение «подсека» является производным, дифференцируются в зависимости от конкретного проявления признака: «под репу», «под лен», «под рожь». Показателем наличия в значении слова определенных семантических компонентов могут служить аффиксальные элементы. Так, сема «добавочное угодье» манифестируется префиксом *при-* (*причисть, притереб*), а семантический компонент «земельный участок» выражается суффиксом *-ищ(е)* (*репище, льнище, ржище, чертежище*), имеющим пространственное значение. Не весь семантический объем терминов проявляется контекстуально. Одна из причин этого кроется в разном количестве старорусских источников, в которых зафиксировано данное слово, а также в жанровом своеобразии контекстов.

Лексика подсечно-огневого земледелия представляет собой наиболее обширную группу сельскохозяйственной терминологии. В XV–XVII вв. этап ее становления уже завершился. Терминологическая система включала слова и словосочетания, возникшие в разные периоды развития языка в различных диалектах. Она испытала влияние общерусской нормы и находилась в процессе семантической эволюции.

Наиболее архаичный пласт лексики составляют слова *чертеж, дрань, тереб*, восходящие к праславянскому лексическому фонду и имевшие в языке-источнике сельскохозяйственное значение. Земледельческие термины праславянского происхождения *репище, льнище, ржище* развили значение «под-

сека» в древнерусском языке. Все возникшие в древнерусский период однословные термины подсечно-огневые земледелия (*чертежище, дор, росчисть, чища, притереб, полянка, прогализна, пенье*) образованы от праславянских корней. Наиболее многочисленная группа слов возникает в среднерусский период по продуктивным словообразовательным моделям и имеет однокоренные соответствия в других славянских языках: *дерба, новоросчисть, чищенье, чищенина, причисть, причистка, теребок, теребишко, ветошь, новина* и др. и словосочетания, в состав которых входят данные слова или производные от них (*новоросчистная земля, новопритеребные земли* и др.).

Первые фиксации слова в старорусских памятниках не всегда являются доказательством его позднего происхождения. О длительном бытовании слова может свидетельствовать его устойчивое употребление в топонимии или в составе языковой формулы в памятниках письменности.

Особенностью терминов с точки зрения географической локализации является их распространение на территории, ограниченной северно-русскими говорами. Самый широкий ареал имеет слово *репище*, зафиксированное в документах Севера и Центра. Ареал однословных и составных терминов *дрань, тереб, чища, полянка, страдамая земля* охватывает территорию нижнего Подвинья, Беломорья и за пределами старорусских двинских говоров распространяется на северо-запад. Эти слова и словосочетания отмечены в древнерусский период в памятниках новгородской письменности и попали в Подвинье с новгородской колонизационной волной. Диалектная зона слов *чертеж, подсека, дор, росчисть, новоросчисть, новочисть, чищенье, ржище, новина* ограничена территорией северо-востока и центра. Лексемы *чертеж, дор* свидетельствуют о заселении части территории верхнего Подвинья выходцами из ростово-суздальских земель. Появление в северодвинской письменности слов *новоросчисть, новочисть* объединяется усилением экономических связей Подвинья с центром в среднерусский период.

Ряд локальных сельскохозяйственных терминов зафиксирован только в двинских источниках XV–XVII вв. Это слова *чертежище, чищенина, чищенье, причисть, ветошь*, а также составные наименования *пенье и колодые, пенье и клоцье*. К числу семантических регионализмов старорусского языка относятся лексемы *льнище, новина, куст*, имевшие в Подвинье значение «подсека».

В старорусском языке наблюдается количественный рост лексики подсечно-огневого земледелия. Новые термины образуются продуктивными для многих терминосистем способами словообразования.

Аффиксальным способом образуются новые слова от основ, известных в праславянском и древнерусском языках: **dorъ – дерба, *cistъ – новочисть, новоросчисть, чищенье, чищенина, причисть, причистка, *terbъ – теребок, теребишко*.

Лексико-семантическим способом образуются у ряда слов новые значения «подсека» в результате актуализации конкретизатора семы «способ подготовки» и изменения лексической и синтаксической сочетаемости (*репище, льнище, новина*). Наиболее характерными оказались следующие семантические пе-

реносы: «открытое место» – «расчищенный участок» (*полянка, прогализна*), «растительность» – «место, покрытое этой растительностью» (*ветошь, куст*).

Одним из способов создания терминов подсечно-огневого земледелия является синтаксический, проявляющийся в возникновении расчлененных наименований. Наиболее многочисленную группу составляют атрибутивные сочетания с опорными словами *земля, место, лес*. Среди них выделяются ранние по происхождению составные наименования, возникновение которых было связано со стремлением языка преодолеть синкретизм древнерусских слов, закрепить терминологическую однозначность. Словосочетания такого типа вступали в родо-видовые отношения с однословными терминами, являлись промежуточным звеном для образования новых слов через семантическую конденсацию: *земля – страдамая земля – страдище; земля – топорная земля – топорня; пожня – ветхая пожня – ветошь*. Терминологические сочетания типа *новоросчистная земля, причистное место*, наоборот, дублировали уже имевшиеся в языке однословные термины. Основную семантическую нагрузку в них нес зависимый компонент. Замена односложного термина атрибутивным словосочетанием являлась одним из способов обработки устных показаний для передачи их в документах.

Вторую группу двусловных наименований составляют более устойчивые сочетания слов, соединенных сочинительной связью: *пенье и колодые, пенье и ключье*. Постоянство компонентов, выражение одного понятия способствует фразеологизации таких сочетаний [Костючук 1983: 18].

В период своего возникновения каждое наименование подсеки обозначало конкретную разновидность подсечного участка или определенный этап его подготовки. Вычленение семантических компонентов в значении слов показало, что семы, актуальные для более ранних периодов развития языка, в дальнейшем становятся ослабленными или совсем затухают. В среднерусский период термины подсеки в основном уже не дифференцировались относительно стадии разработки участка. Так, слова *подсека, чертеж, репище, новина* могли быть названием места, где будет разрабатываться подсека, названием сожженного участка, впервые засеянного участка или заросшей подсеки, вновь подвергнутой разработке.

В старорусском языке в основном сохранилось смысловое разграничение терминов подсечно-огневого земледелия, называющих участки, разработанные под посев (*дерба, чертеж, подсека*) или под сенокос (*новоросчисть, чищенье, тереб, теребок*), т.к. целенаправленное сельскохозяйственное использование вело к четкому разграничению реалий.

В национальный период термины подсечно-огневого земледелия претерпели изменения. Они не вошли в состав лексической системы современного русского литературного языка, т.к. осталась в прошлом сама архаичная система земледелия. Основная часть исследуемой лексики сохранилась в русских территориальных диалектах. Ряд терминов со значением «подсека» не употребляется и в говорах, что обусловлено утратой реалии (*причисть, чертежище*) или принадлежностью слова в прошлом письменно-деловой речи (*новорос-*

чисть, новопритеревная земля). Слова *дор*, *новотереб* сохранились в составе топонимических названий. Семантическая структура группы слов изменилась за счет появления новых сем или лексико-семантических вариантов: *чища* «мелкий лес», *дерба* «сенокосное угодье», *репище* «огород», *льнище* «место, где расстилают лен». Закономерен переход терминов подсечно-огневого земледелия в состав географической терминологии (*репище*, *полянка*) или лексики пашенно-парового земледелия (*дерба*, *новина*, *новочисть*, *полянка*).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ГРЕКОВ, Б. Д. (1953): *Киевская Русь*. М.

КОСТЮЧУК, Л. Я. (1983): *Процессы становления и функционирования устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах*. Л.

НАТАЛЬЯ РУЖЕНЦЕВА

Россия, Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)

ABSTRACT:

Forming Language and Culturological Competence of Foreign Language Learners of Russian Language (Based on the Experience with Chinese Students)

The article deals with the means of key competences in the process of teaching Chinese students Russian. The article includes 2 text-books for Chinese students of the basic level that may help improve all the kinds of conversational activities in Russian and establish intercultural communication in general.

KEY WORDS:

Teaching – competence – Russian as a foreign language – teaching systems – culturology – texts – didactics – tests.

С целью обучения китайских студентов русскому языку в настоящее время создано достаточное количество учебников и учебных комплексов. Это известные комплексы «Восток» и так называемый «Харбинский комплекс», комплекс «Дорога в Россию», учебник русского языка для говорящих по-китайски и другие. Однако, несмотря на огромную работу, проделанную авторами дидактического материала, в преподавании русского языка китайским студентам остается область, которая нуждается в дальнейшей разработке. Эта область связана с курсами «Стилистика» и «Русский язык и культура речи». Последний курс входит в обязательный компонент Государственного федерального стандарта для вузов России и нацелен на формирование коммуникативной и языковой компетенции российских студентов, обучающихся по любой специальности. Однако создание и введение в практику такого курса для китайских студентов не менее значимо, чем для российских студентов, ввиду несформи-

рованности коммуникативной и языковой компетенции китайцев, изучающих русский язык, и специфики их высказываний на русском языке.

Коммуникативная компетенция, согласно российской академической традиции, – это сложная пятиуровневая структура, включающая психофизиологические особенности личности, социальную характеристику и статус личности, культурный фонд личности, языковую компетенцию личности и прагматикон личности [Виноградов 1996: 147–149]. В свою очередь, «по Апресяну, языковая компетенция («владение языком») представляет собой набор умений и способностей, куда входят: 1) умение выражать заданный смысл разными способами (способность к перефразированию); 2) умение извлекать из сказанного смысл, различая при этом внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимов) и находя общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); умение отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных; умение выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики его участников (селективная способность)... Релевантными оказываются и другие лингвистические характеристики личности: объем и глубина языковых тезаурусов – лексического и грамматического, уровень владения литературным языком и его нормами, умение продуцировать и понимать тексты различных типов на литературном языке» [там же].

Повышение уровня коммуникативной компетенции **должно рассматриваться как основная задача лингводидактики**, в том числе лингводидактики РКИ. Применительно к последней мы вслед за О. Д. Митрофановой и В. Г. Костомаровым считаем, что «владение языком **свободно**, если учащийся умеет пользоваться всеми предусмотренными программой способами выражения заданного смысла (ситуации, референта) и находить их в текстах; **корректно**, если учащийся не допускает нарушений системы, нормы и узуса изучаемого языка в собственной речи и замечает их в речи других лиц; **адекватно**, если учащийся не испытывает затруднений при вербализации своей тактики речевого поведения и при понимании тактики собеседника» [Митрофанова, Костомаров 1990: 14]. С нашей точки зрения, основной задачей вузовского курса «Русский язык и культура речи» для китайских студентов, изучающих русский язык на базовом уровне, является **корректное владение языком**. Именно эта мысль положена в основу созданных нами (авторский коллектив – Ю. А. Антонова, Н. Б. Руженцева, Ли Минь) учебных пособий «Коррекционная грамматика и стилистика» и «Тестовые задания по стилистике и культуре речи».

Культурологическую концепцию этих учебных пособий можно вкратце свести к следующему. Мы являемся убежденными сторонниками включения в дидактический материал элементов родной культуры учащихся. Это обусловлено необходимостью установления полноценного диалога культур, формирования не только умений и навыков, связанных с восприятием чужой (русской) культуры, но и умений и навыков рассказывать о своей стране, ее культуре,

традициях и истории, что соответствует темам, ситуациям и задачам программ по русскому языку как иностранному. Отраженная в учебном пособии культурологическая концепция будет, как мы считаем, способствовать быстрейшему установлению дружеских партнерских отношений между народами России и Китая, свободных от национальной нетерпимости, этнофобии и ксенофобии.

Учебное пособие «Коррекционная грамматика и стилистика» состоит из трех разделов. В основу 1-й и 3-й частей пособия положена мысль о том, что специфика ошибок, допускаемых китайскими студентами в русском языке, иная, чем специфика ошибок, допускаемых носителями русского языка. Поэтому раздел 1 («Нормы русского языка. Ошибки китайцев в русской речи») и раздел 3 («Обучение тексту монолога») сделаны на основе большого экспериментального материала, который позволил выявить наиболее типичные ошибки китайцев при построении русского высказывания и предложить систему упражнений и заданий, направленных на коррекцию высказывания.

Раздел 2 («Обучение тексту диалога») включает в себя большое количество диалогических ситуаций, релевантных для живого устного общения. Мы попытались, насколько это возможно, уйти от образцовых учебных диалогов и приблизить разговорное общение китайцев к тем формам и стилистическим нормам, которые бытуют сейчас в российском обиходно-бытовом и деловом дискурсах.

Сборник тестов для китайских студентов, изучающих русский язык на базовом уровне, построен также по культурологическому принципу (первая часть - «Узнайте о России», вторая часть «Расскажите о своей стране»). Третья часть («Готовимся к экзаменам по русскому языку») содержит тексты диалогов, имеющих современный разговорно-дискурсивный характер и способствующих возможной адаптации китайских студентов к чуждой языковой среде. В целом сборник тестов ориентирован на проверку и одновременное формирование ряда важнейших культурно-речевых умений и навыков.

Первая и вторая части сборника содержат по 7 комплексных тестов, рассчитанных на 100 баллов. Каждый тест состоит, в свою очередь, из 6 тестовых разделов. Разделы имеют разностороннюю направленность и способствуют формированию и развитию языковой и культурологической компетенции студентов. Применительно к последней нужно заметить следующее. При составлении тестов мы придерживались следующего принципа: **любой тест должен быть не случайным набором предложений, а по возможности связным текстом**, раскрывающим ту или иную тему, связанную с культурой России и Китая.

Первый раздел «Восстановите текст». Напишите слово, заключенное в скобках, в правильной форме» нацелен на проверку умения выбирать правильную форму русского слова и строить корректное словосочетание и предложение.

Второй раздел «Раскройте скобки. Вставьте пропущенные буквы» нацелен на проверку знания русской орфографии и умения пользоваться словарями для проверки написания русского слова.

Третий раздел «Вставьте пропущенные знаки препинания» проверяет знание основных принципов русской пунктуации.

Четвертый раздел «Выберите правильный вариант» имеет лексико-грамматическую направленность. Проверяются умения а) точно выбрать сло-

во (например, из ряда однокоренных приставочных глаголов или паронимической пары), б) корректно выбрать форму глагола (в некоторых заданиях на выбор даются четыре варианта глагольных форм: инфинитив, личная форма глагола, причастие, деепричастие); в) корректно выбрать форму имени существительного, прилагательного и местоимения; г) адекватно выбрать предлог или союз, уместный в том или ином словосочетании или предложении.

Пятый раздел «В каких предложениях допущены ошибки?» ориентирован на проверку сформированности важнейшего умения – отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных. Некорректные высказывания, приведенные в сборнике, вновь отражают специфику ошибок в русском языке, которые допускаются именно носителями китайского языка.

Шестой раздел «Напишите другой вариант данных предложений, точно соответствующий им по смыслу» имеет целью проверку сформированности важнейшей составляющей языковой компетенции китайских студентов – умения выражать смысл разными способами, то есть навыка трансформации высказывания. В разделе представлен материал, допускающий множественные трансформации. Это трансформации форм сказуемых, причастных и деепричастных оборотов, простого предложения в сложное и сложное – в простое, а также трансформации сложных предложений (например, сложноподчиненного в бессоюзное сложное, и наоборот), трансформации, связанные с заменой двойного отрицания на утвердительную конструкцию и т.д.

Третья часть сборника тестов, содержащая материал диалогов, способствует формированию умения «выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики его участников» [Виноградов 1996: 147].

Подводя итоги, мы хотели бы сказать, что развитие коррекционного направления в дидактике РКИ является актуальным для практики преподавания русского языка студентам любой национальности. Лишь с учетом национальной специфики высказывания на неродном языке и основных трудностей, которые испытывает человек той или иной национальности, говоря на чужом языке, можно создать комплексный, одновременно интегрированный и дифференцированный курс «Русский язык и культура речи» для студентов любой национальности. Именно этот курс будет способствовать достижению триединства свободного, корректного и адекватного владения речью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АНТОНОВА, В. Е., НАХАБИНА, М. М., САФРОНОВА, М. В., ТОЛСТЫХ, А. А. (2007): *Дорога в Россию: Учебник русского языка в 4-х частях*. СПб.: Златоуст.
- БАЛЫХИНА, Т. М., ЕВСТИГНЕЕВА, И. Ф., МАЕРОВА, К. В., МЕНЬШУТИНА, О. Н. (2008): *Учебник русского языка для говорящих по-китайски*. М.: Русский язык. Курсы.
- ВИНОГРАДОВ, С. И.: *Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи*. In: *Культура русской речи и эффективность общения*. М.: Наука, 1996. с. 121–152.
- ЗАЛМАНОВА Т. С., РИМСКАЯ-КОРСАКОВА, Н. Н. (2004): *Учебник русского языка «Восток» в 4-х частях*. Пекин: Пекинский институт иностранных языков; Россия: ГИРЯП.
- МИТРОФАНОВА, О. Д., КОСТОМАРОВ, В. Г. (1990): *Методика преподавания русского языка как иностранного*. М.: Русский язык.
- Программа по русскому языку для иностранных граждан*. Первый сертификационный уровень. Общее владение. – СПб: Златоуст, 2009.

СТАНИСЛАВ РЫЛОВ

Россия, Нижний Новгород

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКИМ

ABSTRACT:

The Syntagmatic Form of a Sentence in Russian and Czech Languages

A syntagmatic form of simple sentence in Russian and Czech newspaper and scientific texts is analysed as an important structural-grammatical features of this sentence-utterance. The author describes the likeness and essential distinctions in syntagmatic organization of Russian and Czech sentence. Distinctions seem to be more vivid in the newspaper style.

KEY WORDS:

Syntactic syntagmatic – functional-style analysis – syntagmatic form of the simple offer-statement in newspaper and scientific texts.

Одной из актуальных в сопоставительной славянской синтактологии является проблема синтаксической синтагматики, не получившая пока всестороннего осмысления и анализа. **Синтаксическая синтагматика** рассматривается нами, во-первых, как закономерности (свойства) сцепления синтаксических единиц языка в процессе их речевого функционирования. Во-вторых, это не только и не столько «линейное развертывание синтаксической структуры» [Русский язык 1997: 474], но и семантико-грамматические отношения между сочетающимися элементами в цепочке членов предложения (řetězec větných členů [Štěpán 1988: 219]). Оригинальная сочетаемость грамматических элементов в речевой последовательности, устойчиво повторяющаяся в текстах одинакового функционального назначения, может служить диагностирующим показателем функционального речевого стиля. Поэтому синтагматическая организация структуры предложений-высказываний как минимальных коммуникативных единиц речи оказывается в прямой зависимости от коммуникативного назначения текстов, их стилевых особенностей, и рече-языковые признаки стиля могут и должны проявляться в характере син-

тагматической организации предложений-высказываний. Большой интерес с этой точки зрения представляет сопоставительное исследование **простого предложения-высказывания (ППВ)** в русском и чешском языках. В качестве существенной структурно-грамматической характеристики ППВ рассматривается **синтагматическая форма**, под которой нами понимается реальная речевая последовательность грамматических элементов (ГЭ) в их морфологическом оформлении, построенная на основе определенной языковой синтаксической модели. Исследование синтагматической формы ППВ предполагает разноаспектный анализ как ее внешней, так и внутренней стороны.

Задача настоящего исследования: на основе анализа отдельных параметров внешней и внутренней синтагматической формы ППВ в русских и чешских газетно-публицистических и научных текстах, соотносительных между собой в функционально-речевом плане, установить сходства и различия в синтагматической организации простого предложения-высказывания. Материалом для анализа послужили: а) газетные тексты (ГТ), опубликованные в современных российских и чешских периодических изданиях 2008–2011 гг. («Российская газета», «Аргументы и факты», «Нижегородская правда», «Mladá fronta DNES», «Lidové noviny», «Hospodářské noviny»); это сопоставимые в жанровом и тематическом отношении информационно-аналитические материалы, освещающие проблемы политики, экономики, образования, культуры; б) научные тексты (НТ) теоретического характера, опубликованные в 2003–2010 гг. в журналах «Вопросы языкознания», «Opera Slavica. Slavistické rozhledy», а также в лингвистических научных сборниках. Всего выделено в русских и чешских текстах по 1000 ППВ.

Грамматическая структура конкретного предложения в речи (высказывания) формируется на базе определенной языковой синтаксической модели: двусоставного / односоставного предложения (термины, традиционно сложившиеся в русской грамматической науке) — соответственно, как принято в чешской грамматике, *větné struktury dvojčlenné (podměťové) / jednočlenné (bezpodměťové)* [Навгánek, Jedlička 1960: 330–334; РМČ 1995: 388]. Поэтому внешняя синтагматическая форма ППВ, а через нее – и внутренняя во многом должны определяться тем структурным типом предложения, который лежит в основе построения простого высказывания. Основные типовые синтаксические модели славянских языков, по мнению многих исследователей, представляют собой универсальные (общеславянские) явления [Норман 1988: 9, 26]. Вместе с тем, реализуясь в речи, эти модели могут различаться, и порой существенно, своей **активностью**.

Проведенный анализ показал, что во всех обследованных речевых разновидностях синтагматическая форма подавляющего большинства ППВ (73–91 %) базируется на модели двусоставного предложения / *dvojčlenné věty* – наиболее обычной модели языкового выражения логического суждения-мысли. Интересно, что в газетном стиле, в отличие от научного, обнаруживаются значительные **межъязыковые** различия в структурно-грамматическом оформлении синтагматической формы ППВ: а) в чешских ГТ она намного чаще, чем

в русских ГТ, базируется на модели *dvojčlenné věty* (доли — соответственно 0,91 и 0,73 по отношению к общему количеству всех выделенных в каждом текстовом массиве ППВ — имеют существенный характер расхождения); б) в русских ГТ, напротив, в гораздо большей степени, чем в чешских ГТ, структурной основой синтагматической формы ППВ оказывается односоставная модель с глагольным предикатом в качестве главного члена (доли соответственно 0,27 и 0,08). Отмеченные различия количественного характера, несомненно, обуславливают качественные особенности синтагматической организации простого высказывания в русской и чешской газетно-публицистической речи.

Особого внимания заслуживает более чем в 2 раза преобладающая в русских ГТ, по сравнению с чешскими, активность высказываний, построенных по модели **безличного предложения** (доли соответственно 0,16 и 0,07). Многие лингвокультурологи видят в широкой распространенности в русском языке безличных (и вообще безагентивных) высказываний выражение созерцательности, рефлексии, иррациональности сознания русского народа. Однако наши наблюдения показывают, что относительно частое использование безличных ППВ в русских ГТ объясняется скорее особым способом подачи материала: такие конструкции позволяют журналисту не указывать главное действующее лицо, не анализировать причины событий или из-за осторожности, или из-за неуверенности в достоверности сведений, что дает возможность журналисту выражать свои субъективные оценки. Безличные высказывания становятся ярким средством создания **субъективной модальности** текста. При этом реализуются такие значения субъективной модальности, как *необходимость, долженствование, возможность / невозможность, вынужденность* — при использовании специфической синтагматической формулы безличного предложения «предикативное наречие *необходимо, надо, нужно, можно, пора* или модальный глагол *следует, приходится* + зависимый инфинитив»: *Для того чтобы вырастить хорошего математика или физика, **надо не лишать** его химии и истории, а **поднимать** планку по профильным предметам (РГ, 2011, №53); Пока есть творческий конкурс, мы существуем. Если **нет**, то **можно будет закрывать** нас совсем (РГ, 2011, № 173).*

Что касается чешских безличных конструкций, то дело не только в их гораздо меньшей, по сравнению с русскими ГТ, употребительности, но и в их структурно-смысловой специфике. Так, чешская безличная структура «глагол *být* в качестве предиката → обстоятельственный член с темпоральным значением» не имеет прямого эквивалента (безличного ППВ) в русском языке, а скорее соответствует русской модели двусоставного типа, ср.: ***Je před volbami, ale kvůli krizi se nerozdává*** (Dnes, 18.06.2009) ~ *Наступает предвыборная пора...* Наиболее распространены в чешских ГТ предикатные синтагматические формулы, играющие роль **дискурсивов** в тексте: ***Jde o záchranné lano pro některé «milionáře»*** (Dnes, 18.06.2009); ***Jde o největší divadelní přehlídku*** (Dnes, 27.05.2010); ***Jde o to, že by si zaměstnanec mohl odejít z daní určitou částku*** (Dnes, 18.06.2009). Порой чешские безличные ППВ оказываются близкими к двучленным (*dvojčlenné / podmětové věty*): ***Čeká se*** (to), *jak na tom*

Česko v době nástupu nové vlády bude ekonomicky (Dnes, 18.06.2009); Omylem desítek Chlestadkovů je (to), že jej režisérři pojali jako protřehého podvodníka (LN, 26.03.2010).

Существенная характеристика синтагматической организации простого высказывания – его длина (размер). Это параметр, который показывает количество ГЭ в самой синтагматической форме ППВ, или степень **протяженности** его грамматической структуры. Анализ показывает, что синтагматическая форма наиболее распространенных моделей ППВ «приспосабливается» к специфике определенного функционального стиля: для всех синтаксических моделей **стилевые** различия в протяженности ППВ и в русском, и в чешском языке более глобальны, чем межъязыковые различия внутри каждого из стилей. Например, как в русских, так и в чешских текстах протяженность высказываний наиболее распространенной модели – двусоставного предложения / dvojčlenné věty – намного выше в научном стиле, чем в газетном, – с разницей в среднем в **три синтагматические позиции** в русских текстах и в **четыре** – в чешских. Интересно, что в газетном стиле, в отличие от научного, по многим параметрам обнаруживаются явные **межъязыковые** различия, в частности: для русских ГТ в целом характерны, по сравнению с чешскими ГТ, большая протяженность и более значительная развернутость грамматической структуры ППВ, а порой – и заметная ее громоздкость.

Специфические задачи двух анализируемых функциональных стилей определяют и общий **синтагматический рисунок** высказываний двусоставной модели / dvojčlenné věty, который оказывается **существенно** различающимся для двух стилей по многим структурно-семантическим параметрам. Для русских и чешских газетных текстов, по сравнению с научными, характерны меньшая развернутость и усложненность структуры ППВ, ярко выраженная **субъективная модальность**, регулярное использование **метатекстовых** конструкций, объясняющих движение мысли автора.

Вместе с тем, именно в газетно-публицистическом стиле обнаруживаются заметные **межъязыковые** различия. Так, для чешских ГТ, в сопоставлении с русскими ГТ, характерны следующие особенности: а) «прозрачность» синтагматической формы ППВ; б) большая лаконичность – за счет активного использования коротких двусоставных (dvojčlenných) ППВ, в том числе состоящих из двух-трех ГЭ; в) более экспрессивный характер построения высказывания, при котором проявляется живость, движение мысли – в результате регулярного обращения к перестановкам членов предложения, их вынесению, особенно **сказуемого**, в начало высказывания. В ходе анализа удалось выявить специфические синтагматические конструкции, устойчиво применяемые в чешских ГТ: 1) ППВ с рамочной (опоясывающей) синтагматической формой главных членов предложения: *Stav knih se v naší škole na konci roku známkoval (Dnes, 02.09.2010); Dramaturgie festivalu se během devatenácti let trvání proměnila (Dnes, 27.05.2010)*; 2) высказывания со своеобразной синтагматической формулой, в которой предикативный центр приобретает «веерообразную» симметричную форму с подлежащим-местоимением **to** внутри двух элементов со-

ставного именного сказуемого **Je to N**, ср.: **Je to vzpomínka na základní školu konce 80. let** (*Dnes*, 02.09.2010); **Není to řešení pro deficit** (*Dnes*, 18.06.2009); **Ve skutečnosti je to jen ubohý petrohradský podúředník** (*LN*, 26.03.2010); **Je to nástroj sebezáchovy, od původu neutrální** (*LN*, 07.07.2008).

Итак, анализ синтагматической организации ППВ в двух функциональных стилях русского и чешского языков выявил как сходства, так и межъязыковые различия, проявляющиеся в разнообразных параметрах синтагматической формы ППВ и относящиеся прежде всего к **газетно-публицистическому** стилю. Разумеется, проведенный анализ не претендует на исчерпывающую полноту, но он показал направления дальнейших исследований в области сопоставительной синтактологии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

КАРАУЛОВ, Ю. Н. (гл. ред.) (1997): *Русский язык. Энциклопедия*. 2-е изд. М.

НОРМАН, Б.Ю. (1988): *Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков*. Минск.

ŠTĚPÁN, J. (1988): *K termínu řetězec v syntaxi*. In: *Slovo a slovesnost*, 3, s. 216–219.

HAVRÁNEK, V.; JEDLIČKA, A. (1960): *Česká mluvnice*. Praha: SPN.

PMČ: *Příruční mluvnice češtiny*, Praha: LN, 1995.

ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Польша, Гданьск

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА» И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» В САТИРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: СТРАТЕГИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ДИСКРЕДИТАЦИИ

ABSTRACT:

The Ideological Concept of “State” and “National idea” in Feuilletons: The Strategies of Self-Determination and Discredit

In this article the author deals with a file of Russian feuilletons of the first decade of the 21st century in aspect of use by the publicist of communicative discredit and self-determination strategies. The strategic task of the feuilletonist it not only to acquaint the reader with event, but first of all, to express the relation to it and to convince the reader of correctness of author's vision. The judgement of the information the individual occurs through it conceptualizing. In this article language ways of realization base for publicism concepts “state” and “national idea” are analyzed.

KEY WORDS:

Feuilleton – political discourse – ideological concept – strategy of discrediting.

Анализируемый массив фельетонных текстов охватывает события первого десятилетия XXI века. Публицистика рассматривается современными исследователями в свете теории убеждающей коммуникации и квалифицируется как персуазивный тип дискурса. Для публицистического дискурса глобальной дискурсивной стратегией является стратегия убеждения, реализуемая через частные стратегии (прежде всего, дискредитации, самоопределения, апологетики), которые в свою очередь воплощаются с помощью тщательно выбираемых автором определенных ходов и тактик. Детерминантом при этом является проработка ключевых идеологических концептов.

В сатирической картине мира обнаруживается несоответствие между социально-политической реальностью и ее отражением в фельетоне, всегда критическим и изобличающим, основанным на осуждении и обвинении [Истомина 2008: 85]. Осмысление поступающей к индивиду информации проис-

ходит путем её концептуализации, т.е. образования концептов, концептосфер в человеческой психике. Одними из центральных идеологических концептов сатирико-публицистического дискурса являются «образ государства» и «национальная идея». Рассмотрим подробнее языковую реализацию этих идеологем в свертхтексте современной русской фельетонистики.

Толковый словарь Ожегова определяет лексему «государство» как: 1. Основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры. 2. Страна, находящаяся под управлением политической организации, осуществляющей охрану её экономической и социальной структуры [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/41686>]. Итак, концепт «государство» имеет две составляющих: единство и власть. Первая из сем включает идеологему «государство / страна / Россия» в сферу универсального оценочного поля «мы», в то время как вторая – «государство / власть/органы управления страной» – в коннотативно противоположную сферу «они». Согласно исследованиям, в современном политическом дискурсе лишь в 10 % словоупотреблений данный фонетико-графический комплекс выступает в значении «страна, люди, живущие в этой стране». В 90% случаев эта лексема употребляется в значении «органы госуправления, правительство, люди, находящиеся у власти» [Воронцова 2003: 35].

I. Маркированный отрицательно, вплетенный в сферу «чужого», в текстах сатирической публицистики графико-фонетический комплекс «государство» является гиперонимом по отношению к номинациям любого органа государственной власти (президент, правительство, Кремль, Дума) и с лексемой «власть» употребляется зачастую синонимически. При таком словоупотреблении в фельетонистике меняется место концепта «государство» в языковой картине мира: из того, что объединяет общество, государство превращается в то, что противостоит обществу [Воронцова 2003: 36]. Дискредитацию имиджа государства и социально-политических проблем современности фельетонисты осуществляют путем реализации следующих приемов:

1. Употребление ярких, негативно маркированных **эпитетов-характеризаторов**: *Есть три вещи, которые вынуждают говорить, что Россия – всё еще **оккупированная** страна: счета госчиновников в зарубежных банках, монетаризм в умах и доллар в кармане.* (А. Синцов, Зелёный сор) Под влиянием идеологической позиции публициста в фельетонном тексте некоторые нейтральные прилагательные приобретают резко негативную окраску. Так, популярным способом умаления представителей сферы «чужих» является частое употребление отономастических прилагательных, указывающих на «виновников» плачевной ситуации в стране: **Путинских** золотовалютных запасов никто не видел. **Путинской** армии никто не боится. **Путинские** надбавки к пенсиям и зарплатам давно проедены. **Путинская** Россия больна, вымирает. (А. Синцов, Операция «Преимник»)

2. Среди прямых приемов дискредитации текущего положения дел в России следует назвать **дефинирование ситуации**, которая, по убеждению публициста, сложилась в стране: *Ситуация, которая установилась в стране,*

называется **ХУНТА** – т.е. власть, основанная на коллегиальном объединении высших государственных и административных органов страны, опирающихся на инструментарий насилия. (В. Тор, «План Пу»)

3. Установление ассоциативных связей с объектами, наделенными маркерами чуждости или враждебности. В основу параллели кладется образ, который в сознании носителя русского лингвокультурного фонового знания имеет негативную коннотацию.

– **исторические параллели:** *Чувствительность моя обострена. Россия при Распутине¹ и Путине – одна и та же, в сущности, страна.* (Д. Быков, Верхи хотят)

– **геополитические параллели:** *Плакат в метро. Большими буквами: ЕГИПЕТ. Я ЭТО ЗАСЛУЖИЛА. <...> Волошин сформулировал это на десять лет раньше: «С Россией кончено». В начале девяностых показалось, что Волошин все-таки ошибся. Но увы – снова «прогадали, проболтали...» А пока... ЕГИПЕТ. Я ЭТО ЗАСЛУЖИЛА.* (В. Шендерович, Тьма египетская)

– **литературные параллели:** *Страна похожа на прикованного Прометея, к которому устремляются орлы со всех концов света, чтобы расклевать печень, глаза и сердце.* (А. Проханов, Новый Путин: из куколки в бабочку)

4. Прием контраста, когнитивного столкновения частотен в фельетоне, что связано с агональностью сатирико-политического дискурса в целом. Это может быть использование контрастных исторических, геополитических параллелей либо противопоставление реальной ситуации в стране (негативные стороны которой нередко доведены до гротеска) и иллюзорной, обещанной политиками: *Президент Медведев <...> зовёт к обновлению страны, где появятся прекрасные дороги и космические корабли, чудесные города и дивные стадионы, где расцветет демократия и воцарится свобода, распусться все цветы и станут дружить все сословия. Россия превратится в сказочное Беловодье, в земной рай, где овны спят в обнимку с волками, в кисельных берегах текут млечные реки, а власть напоминает прекрасную деву, заслоняющую народ благодатным покровом. Давно мы не вкушали столько мёда, не нюхали такого вкусного одеколona, не слышали таких упоительных звуков. Сегодня **Россия напоминает** Саяно-Шушенскую ГЭС, изуродованную страшным взрывом, с остановленными грандиозными машинами, умерщвлённым персоналом, окруженную ворами, лжецами и диверсантами. <...> Россия – воплощение катастрофы, чуть прикрытой фиговым листком президентского послания.* (А. Проханов, Саяно-Шушенская ГЭС имени Орбакайте). Приведенная иллюстрация содержит еще один прием,

¹ Распутин Григорий Ефимович, фаворит императора Николая II, авантюрист. По советам Р. назначались и смещались даже самые высшие лица государственных и церковных управления; он проводил выгодные для себя финансовые «комбинации», оказывал за взятки «протекции». «Распутинщина» явилась ярким проявлением распада и вырождения царского режима, всей правящей верхушки Российской империи. (*Большая советская энциклопедия*, <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Распутин/>)

дающий широкие возможности для сатирической обрисовки и дискредитации непреемлемой обстановки в стране, – прием художественного **сравнения**, реализуемый в тексте конструкциями *Россия похожа на, Россия напоминает, Россия как*.

5. Колоссальную оценочную нагрузку в сатирико-публицистическом тексте несет **метафора**. Она позволяет реализовать важнейшие черты современного политического дискурса: визуальность и театральность, манипулятивный характер и агональность содержания [Кошкин 2009]. В публицистике метафора, часто возникающая как авторская, будучи подхваченной, быстро становится устойчивым, клишированным образом. Популярными среди фельетонистов являются метафорические модели театра/цирка, болезни, гниения, детского сада, зверинца, преисподней с демонами: *На больничной койке – общество, нация, государство. <...> Собрание разноцветных деятелей общественно-политического здравоохранения в белых халатах соглашается: перед нами опухоль.* (А. Синцов, Симптомы налицо)

6. Помимо метафоры важную роль при реализации стратегии дискредитации социально-политического облика современного фельетонисту государства играют приемы **персонификации** и **аллегории**. Персонифицированный образ России зачастую построен на утрировании, гротеске и драматизации и реализует стратегию создания психологического напряжения (что порой вызвано описываемыми событиями, например, трагедией в Беслане): *Из жуткого хаоса, из рыданий и детских криков встала исстрелянная, в ожогах, в бинтах, но живая, с седыми волосами Россия, детской кровью умытая.* (А. Проханов, Россия, кровью умытая). Персонификация дает сатирику широкие возможности для дискредитации результатов деятельности представителей государственной власти, оцениваемых публицистом как источниках деструктивных изменений в стране либо ситуации на международной арене: *Введен запрет на сало с Украины. Обидевшись на бывшего вассала, сперва Россия перекрыла газ, а вскорости ввела запрет на сало, сказав, что этим салом травят нас.* (Д. Быков, Моление о сале)

7. Важное место в сатирической публицистике занимает развенчание официальных политических **мифов** или идеологических **штампов**, наиболее распространенными из которых являются такие конструкты, как «Москва – третий Рим», «мессианская роль России», «особый путь России», «великая российская империя», «Россия поднимается с колен»: *Живем ведь в непростое время, в непростом мире. Россия встает (или уже давно встала, как утверждает г-н Путин) с колен.* (Д. Круторогов, «Распил бабла» как искусство) Жанровое своеобразие фельетона позволяет переосмыслить и иронически воплотить в текст извечный для политического дискурса концепт «врага»: *Все, что Россия - это хорошо, а все, что хорошо – это Россия. Соответственно, все, что плохо – результат происков врагов России. А кто враги? Как кто? Американцы, евреи и марсиане!* (В. Шендерович, Дежурные по закулисе)

Кроме того, важную роль в создании сатирически заостренного образа современной России, соответствующего интенции публициста, играет **ирония**, **депатетизация**, погружение в низкий контекст **прецедентных текстов**, речевая **абсурдизация** описываемого явления и другие языковые способы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВОРОНЦОВА, Т. А. (2003): *Государство – это не мы!* In: Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, с. 34–36.
- ИСТОМИНА, А. Е. (2008): *Фельетон как жанр политического дискурса*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- КЛУШИНА, Н. И. (2008): *Интенциональные категории публицистического текста* (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.
- КОШКИН, С.А. (2009): *К вопросу о специфике современного российского политического дискурса*.

ЕЛЕНА СОБОЛЕВА

Россия, Екатеринбург

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЕЩАНИЯ И КОМПЛИМЕНТА В РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

ABSTRACT:

Speech Strategies of Promise and Compliment in Russian Advertisement

Relationships between participants of advertising communication are determined by two strategies – the strategy of promise and the strategy of compliment. Advertisement promises various “goods” to the addressee. These promises can be divided into two groups of abstract and concrete. This article deals with basic methods and means used to decrease the distance between promise and the target group. Strategy of compliment is realized in advertisement with three basic tactics.

KEY WORDS:

Advertisement – speech strategy – promise – compliment – goods – speech tactics.

Рекламная коммуникация, по определению, является коммуникацией обезличенной: она анонимна, не содержит в тексте указаний на конкретного автора и хотя адресована определенной целевой аудитории, но функционирует и распространяется в широком медийном пространстве. Парадокс рекламной коммуникации кроется в том, что при неличном характере она призвана выполнять две основные функции – информировать и воздействовать. Однако воздействие возможно лишь при обращении человека к человеку, поэтому в рекламном сообщении тем или иным образом моделируются представления о говорящем и адресате. В рекламной коммуникации выделяются два основных вида речевых стратегий, которые реализуются говорящим: стратегия обещания, при которой рекламное сообщение построено на обещании потребителю определенных благ, и стратегия лести, при которой рекламное сообщение построено на комплименте потребителю.

Можно провести параллель между обещанием в рекламе и обещанием политического деятеля своим избирателям. Цель в обоих случаях – продажа (в рекламе – товара или услуги, в политической листовке – кандидата). Задача – убедить целевую аудиторию в необходимости сделать правильный выбор.

В предвыборных кампаниях депутаты предлагают в большинстве своем одно и то же, обещания не отличаются друг от друга. Поэтому очень важно уменьшить дистанцию между политиком и обещанием, которое он дает: обещание должно закрепиться за конкретным человеком, вызывать ассоциацию с ним. В рекламе товаров и услуг похожая ситуация. Уникальное обещание придумать очень сложно. Если же это происходит, то вскоре оно копируется конкурентами. Поэтому необходимо построить обещание таким образом, чтобы оно ассоциировалось только с определенной маркой, и закрепить эту мысль в сознании потребителя.

Предлагаемые адресату обещания – «блага» – условно делятся на две группы: конкретные и абстрактные. «Конкретное благо – это социальное явление, которое имеет материальное воплощение, может быть просчитано, измерено, отражено в юридическом документе» [Федотовских 2004: 48]. Абстрактное благо в обыденном сознании существует как знак того, на что должно быть направлено внимание, но смысл чего как результат понимания не абсолютный, а относительный [Федотовских 2004: 56–57]. В основе абстрактных текстов лежат нечеткие понятия, причем только контекст может помочь адресату выбрать тот смысл, который подразумевается отправителем сообщения. В рекламе косметических средств такими обещаниями являются *красота, молодость, свежесть*. Эти понятия, абстрактно представляющие определенные признаки, в силу отвлеченности значения каждый пользователь языка представляет себе по-своему. Конкретные обещания – это обещания, которые можно проверить, измерить, задокументировать. К ним можно отнести такие обещания, как *увлажнение, смягчение, эффективность*. Этим понятиям, называющим отвлеченные действия, свойственна некоторая двойственность: с одной стороны, их можно измерить, с другой – в сфере косметики и парфюмерии они все-таки обладают некоторой долей неопределенности.

Однако мало что-либо пообещать. Рекламисту важно посредством определенных способов и средств уменьшить дистанцию между обещанием и его получением. Для уменьшения дистанции между рекламируемым «благом» и адресатом речевая практика выработала комплекс языковых приемов и средств. Прежде всего это аргументация. Аргументы «к человеку» представлены определенной референтной группой – звездами кино, спорта, шоу-бизнеса, экспертами (например, врачами или учеными). Подтвердить реальность обещания помогают аргументы «к делу». Это указание на состав средства: *Blend-a-Med содержит формулу с экстрактом натурального жемчуга*; использование цифр: *Garnier. 48 часов против влажности. 48 часов против запаха. 9 из 10 женщин в России удовлетворены результатом*.

Во-вторых, сократить расстояние между товаром и потребителем помогает использование слов с определенной стилистической окраской. В рекламе косметической продукции – это научная терминология: *Черный Жемчуг содержит эктоин и комплекс МагнийРелакс*. На лексическом уровне подтвердить реальность обещаний помогают глаголы с семантикой возможности либо намерения: *Age Exelium сделает Вашу кожу молодой и красивой, поможет уве-*

личить энергию клеток; слова с семантикой новизны и уникальности: *Иновация от Garnier*. Помимо этого, для реализации обещания активно используются тропы: метафоры *Atway – секретное оружие молодости*; сравнения *Gillette. Ощущение свежести весь день, как после ванны*; эпитеты *Необыкновенная свежесть. Cliven*; эмоционально окрашенные слова: *Захочу – стану гламурной и буду купаться в роскоши. Digi*; окказионализмы: *Красная линия Сенсотерапия*; фразеологизмы *Cliven. Всегда у Ваших ног*. Также активно используется игра слов: *Herbal Essences. Погрузись с головой в удовольствие!*, а также приемы синтаксического параллелизма, градация и т.д. Все перечисленные приемы и средства помогают создать эмоциональную связь с потребителем и способствуют лучшей запоминаемости марки.

Помимо стратегии обещания, в рекламе для создания особых отношений с потребителем, с целью формирования лояльности к бренду используется стратегия комплимента. Комплимент – «это прямое признание адресату в симпатии, это показатель включенности в сферу интересов адресата» [Иссерс 1999: 178]. Комплимент – это особая форма похвалы, выражение одобрения, уважения, признания или восхищения. Но в похвале, в отличие от комплимента, выражается объективная оценка какого-либо факта. Комплимент же претендует не на объективность, а на экспрессивное выражение положительных эмоций. Если для комплимента преувеличение достоинств адресата и повышенная эмоциональность являются нормой, то для похвалы это неприемлемо. От похвалы ждут объективной оценки, признания реальных заслуг и достижений, а комплимент воспринимают как лестный, даже льстивый знак внимания и расположения [Иссерс 1999: 178]. При этом трансляция комплимента в рекламной коммуникации происходит преимущественно посредством перевода качеств товара в качества потребителя.

В рекламном тексте стратегия комплимента реализуется с помощью трех тактик: 1) благодаря рекламируемому товару адресат становится кардинально другим (X становится Y): *Кадиллак. Дорогу королю! Ауди А4. Азарт победителей*; 2) благодаря рекламируемому товару адресат становится лучше по сравнению с тем, каким он был (X становится X+): *Sunsilk. Теперь меня можно не узнавать!*; 3) адресат обладает положительным свойством, и рекламируемый товар тоже обладает таким свойством, поэтому он соответствует адресату (X имеет положительное свойство Y, и рекламируемый товар также имеет свойство Y, следовательно, PT соответствует X): *Казино Мельница. Для джокеров и козырных тузов! Луи 13. Только для гениев*.

Комплименты по способу выражения коммуникативного намерения (интенции) говорящего делятся на прямые и косвенные. В прямых комплиментах дается явно выраженная положительная оценка каких-либо качеств адресата: внешнего вида человека в целом: *Ворожея. Вы обворожительны*; отдельных элементов внешности, частей тела (глаза, ресницы, губы, улыбка, кожа, волосы, ноги, фигура и т.п.): *Вы прекрасны, когда улыбаетесь*.

В косвенных комплиментах о достоинствах человека говорится непрямо, опосредованным образом. Адресат сам обнаруживает комплимент в скрытых

семантических компонентах высказывания. Как правило, говорящий хвалит не самого адресата, но то, что тому дорого – близких людей, домашних питомцев, предметы, окружающие адресата и имеющие для него особую ценность: *Пренто. У Вашей мебели красивое будущее.* Также объектами комплимента могут выступать реальные/воображаемые достижения, качества адресата (его умственные, интеллектуальные способности; внутренние моральные качества – доброта, сила характера, обаяние, лидерство, профессионализм, терпение и т.п.): *Опель Астра. Для тех, кто понимает.* Косвенный комплимент свойственен третьей тактике стратегии комплимента, когда рекламируемый товар обладает такими же положительными качествами, что и адресат сообщения, за счет чего рекламируемый товар соответствует адресату.

Стратегия комплимента выработала определенный реестр языковых средств. Семантика комплиментарности входит в структуру лексического значения слов на правах оценочных сем. В поле языковых средств репрезентации стратегии комплимента входят оценочные прилагательные, наречия, существительные с указанной семантикой: *С нами Вы великолепны. Лучшие люди для лучших компаний. Волосы такие, что ах!* Также для создания комплиментарности активно используется языковая игра, построенная на антонимии, метафоре, гиперболе, оксюмороне, сравнении, олицетворении, фразеологических оборотах и крылатых фразах: *Ноутбуки. Маленькие компьютеры для больших людей. Лореаль. Взгляд, который убивает.* Усилению прагматического задания – «соблазнить адресата лестью» – подчинены и синтаксические средства: градация; риторические восклицания; эллипсис; номинативные конструкции; парцелляция: *Пурина. Потому что кошка вам доверяет.*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ИССЕРС, О. С. (1999): *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.* Омск: Омск. гос. ун-т.
ФЕДОТОВСКИХ, Т. Г. (2004): *Ситуация обещания: эксплуатация ключевых смыслов в предвыборных листовках.* In: *Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 42–86.

МАРИЯ СТАРОСТИНА

Чехия, Оломоуц

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ И АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯ ИМЕНИ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Synonyms and Associations of the Concept Name “Power” in Czech and Russian Languages

The author analyses synonyms and associations of the concept name “power” in Czech and Russian languages. A concept is a “structural material” for the world image, because the concept does not only include cultural aspects, but also peoples’ emotions, connotations and associations. In order to understand the concept better, the author combines semantic and cognitive approaches and shows the concept’s “substance”.

KEY WORDS:

Concept – synonym – association – power – government – state – opportunity – semantic interpretation.

Концепты представляют мир в сознании человека, образуют концептуальную систему и складываются в картину мира. Таким образом, концепт является «строительным материалом» для мозаичного представления о мире, он многомерен по своей внутренней форме, т.к. включает в себя не просто осмысление социокультурных аспектов, а скорее то, как они переживаются носителем языка, какие эмоции, ассоциации и коннотации они вызывают у человека. Исследование парадигматических и синтагматических отношений имени концепта с другими словами поможет дополнить картину, создаваемую в нашем исследовании, и глубже изучить наполнение концепта «власть». Таким образом, мы будем использовать семантико-когнитивный подход, и понимать концепт как понятие, погруженное в культуру, вслед за Н. Д. Арутюновой и В. Н. Телией.

Так, синонимический ряд существительного власть в русском языке включает в себя слова: *воля, право, господство, держава, сила, могущество, полномочие, престол, царство, власти, правительство, начальство, администрация, правление, управа* [Воробьева, Гольдич 1970; Абрамов 1999]. В синонимический ряд существительного *vláda* входят: *řízení, vládnutí, správa, panování, velet, poroučet, úřadovat, pořádat, organizovat co, národní výbor,*

úřad; náčelnictví, politika, rozkaz, velení, donucení. Синонимами существительного *moc* являются слова: *autorita, vláda, právo, kompetence, plná moc, dozor nad kým (čím), působivost, vliv, schopnost, velikost, síla, převaha, vis major, násilí, panovačnost, pánovitost, překonávat, převyšovat koho, co, chytit koho.*

Антонимичные ряды к рассматриваемым словам в обоих языках развиты слабо. Антонимом власти являются как в чешском, так и в русском языках существительные со значением «отсутствие власти»: *безвластие, bezmoc, bezvládí.*

Как мы видим, в сознании русских и чехов понятие «власть» обнаруживает сходные ассоциации. То есть и в русском и в чешском языках «власть» – это *управление, господство, право*, а также *сила, влияние, могущество* и т.д. Кроме того, «власть» – это и *лица, наделенные властью, администрация, орган управления, начальство в целом.* При этом в русском языке, в отличие от чешского, в синонимическом ряду сохранились, казалось бы, неактуальные для современного состояния языка лексемы (престол, царство).

Основным различием является то, что для русских «власть», помимо всего прочего, ассоциируется еще и с «волей», для чехов же «власть» связывается с «насилием», «приказом», «принуждением», с семантикой «быть сильнее кого-то» и т.д.

Однако для того, чтобы уточнить и дополнить описанные выше наблюдения, мы считаем необходимым обратиться к результатам ассоциативного эксперимента. Русское ассоциативное поле было нами взято из «Русского ассоциативного словаря». При этом мы обратились к обеим частям словаря. Первая его часть построена по принципу «от стимула к реакции», а словарная статья представляет собой ассоциативное поле связанных со стимулом слов, «причем разнообразие возможных связей столь велико, что охватывает все формальные и содержательные характеристики попарно связанных слов – стимула и ответа на него» [РАС 1994, 1: 191]. Во второй части находится обратный словарь ассоциативного словаря. Он строится по принципу «от реакции к стимулу». «Словарная статья задана той словоформой, которой реагировали участники ассоциативного эксперимента на перечисленные в правой части статьи стимулы» [РАС 1994, 1: 191].

В первой части слово-стимул *власть* отсутствовало, поэтому мы обратились к слову-стимулу *правительство*. Такой выбор был обусловлен тем, что в чешском языке *vláda* (как одно из слов-эквивалентов русского слова *власть*) в первом значении понимается именно как «правительство».

Так, в русском сознании *правительство* ассоциируется с: *наше; страны; советское; СССР; Горбачев; государство; временное, глава, государства; буржуазное, власть, Москва, народное, поставило; глупое, Кремль, начальство, партия, плохое, справедливое* и т.д. [РАС 1994, 1: 128].

Во второй части словаря ответ «власть» был реакцией на следующие слова: *государство; монополия; король, правительство; взять; борьба, отменить; абсолютный, армия, возьмем, воссоздать, выйти, держать, лев, мно-*

го, надменный, начальник, нога, отнять, передать, расти, сильнейший, совет, советский, удовольствие [РАС 1994, 2: 42].

Ввиду отсутствия чешских ассоциативных словарей, из которых можно было почерпнуть материал для исследования, мы прибегли к проведению ассоциативного эксперимента, где словами-стимулами были существительные *vláda* и *moc*. Эксперимент был проведен в группе чешских студентов-русистов первого, второго и третьего курсов философского факультета Университета имени Палацкого в г. Оломоуц. В эксперименте приняло участие 125 человек.

После подсчетов и анализа результаты эксперимента оказались следующими (лексемы расположены в порядке убывания по количеству повторений). Так, «*moc*» для респондентов ассоциировалась в первую очередь с: *vláda*, *vládnutí*, *ovládání* (44); *schopnost*, *možnost* (28); *síla* (24); *prezident* (21); *peníze* (14); *Hitler* (14); *korupce*, *podplácení*, *úplatky* (13); *zákony* (11); *Stalin* (11); *král* (10); *politika* (9); *zneužívání* (9); *parlament* (8); *vliv* (8); *volby* (8); *rozhodování* (6); *výhoda* (6); *absolutismus* (6); *autorita* (6); *negativní věci* (5); *postavení* (5); *nadvláda* (5); *neomezenost* (5); *zodpovědnost* (4); *války* (4); *touha* (4); *bezmoc* (4); *boj* (4); *monarchie* (4); *panovník* (3), *osobnost* (3); *nadřazený* (3); *kontrola* (3), *manipulace* (3); *majetek* (3); *despotismus* (3); *diktatura* (3) и т.д.

«*Vláda*» же в сознании респондентов ассоциировалась с: *moc* (36); *prezident* (36); *politik*, *politika* (29); *korupce* (28); *zákony* (27); *parlament* (26); *volba*, *volby* (17); *ministři*, *ministerstvo* (11); *senát*, *senátor* (10); *král* (10); *skupina lidí* (9); *demokracie* (8); *republika* (8); *zodpovědnost* (7); *sněmovna* (7); *řízení* (6); *stát* (6); *Praha* (6); *hloupost* (5); *panovník* (5); *síla* (5); *strany* (5); *podvod* (4); *Klaus* (4); *Hrad* (4); *Paroubek* (4); *vedení* (4); *problémy* (3); *komunismus* (3); *kampaň* (3); *absolutismus* (3); *Havel* (3); *sliby* (3); *snaha* (3); *vlajka* (3); *vliv* (3); *zasedání* (3) и т.д.

Сравнив чешский и русский ассоциативные ряды, можно заметить, что власть в чешском и русском сознании вызывает сходные представления. У чехов «*vláda*» и «*moc*» во многих случаях связаны друг с другом, однако несколько участников эксперимента сделали помету, что не всегда одно обуславливает наличие другого. Было также выявлено, что «*moc*» ассоциируется, как правило, с одним человеком: сочетание *schopnost jedince* было отмечено участниками эксперимента 22 раза, *vláda jedince* – 5 раз. Кроме того, здесь же приводились имена людей (правителей), которые были, по мнению опрошенных, наделены властью: *Hitler* (14), *Stalin* (11), *Ivan Hrozný* (3), *Karel IV.* и т.д. Примечательно, что *prezident* больше ассоциируется с понятием «*vláda*», чем с понятием «*moc*» (соответственно 36 против 21 повторения). «*Vláda*» же логично представляется в большинстве случаев в виде группы людей, о чем ясно говорят такие примеры как: *skupina lidí*, *lidé*, *parlament*.

В русском сознании в период перестройки (словарь вышел в 1994 году) с правительством ассоциировался М. Горбачев, что, на наш взгляд, не противоречит идее о том, что и у русских понятие «власть» представляется какой-либо отдельной личностью (*глава*, *король*, *начальник* и т.д.).

Обратим внимание также на ассоциации с местами непосредственной локализации власти: *Москва, Кремль и Praha, Hrad*, а также государствами, обладающими властью: *СССР, USA, SSSR, Čína, ČR* и т.д.

Кроме того, как в чешском, так и в русском сознаниях отразилось двойственное отношение к власти как таковой. С одной стороны, проявляются ярко выраженные негативные ассоциации: в русском, например, *плохое, глупое, отнять, надменный* и т.д.; в чешском языке – *podvod, manipulace, despotismus, korupce, negativní věci, problémy, diktatura, hloupost, bordel, lež, nepořádek, neschopnost* и т.д. А с другой стороны, осознание того, что без власти как таковой нельзя обойтись: *справедливое, zodpovědnost, republika, volby, demokracie, zákony* и т.д. Отметим, что в чешском языке таких ассоциатов намного больше, чем в русском языке.

Кроме того, власть, по мнению респондентов, приносит материальные блага и свободу. В русском ассоциативном словаре реакцией на слово-стимул «деньги» были власть и свобода [РАС, 2 1994: 42]. А по результатам нашего эксперимента, довольно часто опрошенными повторялись слова: *peníze* – всего для обоих слов-стимулов 25 раз, *majetek* – всего 3 раза, *výhody* – всего 7 раз, один раз было приведено также слово *svoboda*.

Обратим внимание также на тот факт, что, по результатам нашего эксперимента, власть ассоциируется у чешских студентов с чем-то тотальным, абсолютным, деспотичным: *absolutismus, totalita, tyranie, autokracie, despotismus* и т.д. (ср. в русском: *монополия, абсолютный, сильнейший*), а также, что обладание властью является мечтой и желанием (*touha*). В русском ассоциативном словаре также приводилось слово *удовольствие*, а вот ассоциация власти с чем-то чрезвычайно жестоким не нашла в нем своего отражения. В чешском же, наоборот, лексем с такой коннотацией представлено много: *arogance, krutost, tičeni, násilí, nebezpečí, zvěle* и т.д.

Таким образом, подводя итог, можно с уверенностью сказать, что и в русском, и в чешском языках в содержание концепта «власть» входят следующие понятия: тот, кто управляет; тот, кто подчиняется; место, где находится власть; место, откуда она исходит; признаки власти; черты власти; сам процесс управления; черты того, кто управляет, и представления о том, каким человек, наделенный властью, должен быть.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АБРАМОВ, Н. (1999): *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. М.: Русские словари.
- ВОРОБЬЕВА, А. А., ГОЛЬДИЧ, Е. А. (1970): *Словарь синонимов русского языка в двух томах*. Л.
- КАРАУЛОВ, Ю. Н., СОРОКИН, Ю. А., ТАРАСОВ, Е. Ф., УФИМЦЕВА, Н. В., ЧЕРКАСОВА, Г. А. (1994): *Русский ассоциативный словарь в 2-х т.* М.
- ТЕЛИЯ, В.Н. (1986): *Коннотативный аспект семантики языковых единиц*. М.

ТАТЬЯНА СТЕКСОВА

*Россия, Новосибирск***«Я» ИЛИ «МЫ» В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: ПРАГМАТИКА
КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР****ABSTRACT:****“I” and “We” in the Language of Scientific Texts: Pragmatics as the Determinative Factor**

In the article the author discusses the problem of the choice of nomination of the author of the scientific text. The reasons of the shaping the stereotype are considered.

KEY WORDS:

Author of the scientific text – stereotype – pragmatics.

Любой автор научного текста, приступая к работе, должен для себя определить, какую номинацию он будет использовать: «я» или «мы»? Как известно, научная речь наиболее регламентированная, в ней очень ярко проявляются социальные стереотипы. Но по наблюдениям Н. С. Валгиной, в настоящее время в литературе нет единого мнения о том, какую форму местоимения, «я» или «мы», следует использовать автору научного текста [Валгина, 2003]. Так, в рекомендациях аспирантам утверждается, что диссертация – работа сугубо авторская, личная, поэтому все в ней сказанное, написанное – это авторское, следовательно, «я». Местоимение «мы» может обозначать как автора и его научного руководителя, так и научный коллектив. Когда представляется личный труд, каковым является диссертация, никакой неточности не должно быть. Если вполне логично представлять научные результаты коллектива через местоимение «мы», то логично представлять свою работу через «я». Так считает и А. К. Скворцов, выдвигая в качестве аргумента следующее рассуждение: «...речь идет о научном языке, где первое требование – ясность и точность. Кто сообщает тот или иной факт, кто ручается за его достоверность, кто автор того или иного суждения? Если автор прячется под **мы**, возникают смехотворные, неграмотные речевые обороты, вроде: *не будучи специалистом, мы воздерживаемся от суждения ...*» [Скворцов 2002].

Прямопротивоположное мнение выражает Ю. Г. Волков: «Стиль диссертации – это стиль безличного монолога, лишенного эмоциональной и субъективной окраски. Не принято использовать местоимение первого лица единственного числа «я», точку зрения автора обычно отражает местоимение «мы», например: «нами установлено», «мы приходим к выводу» и т. д. Благодаря такому стилю создается впечатление, что мнение автора как бы имплицитно подкрепляется мнением стоящих за ним людей – научного коллектива, школы или направления. Кроме того, такая подача текста выглядит скромнее, позволяя автору не выдвигать себя на первый план» [Волков, 2001, URL: <http://dis.finansy.ru/publ/volkov/o11.htm>]. Эту точку зрения разделяют Н. С. Валгина, П. Битюков, Л. А. Пронина и Н. Е. Копытов и многие другие. Но и сторонники данной точки зрения отмечают, что нагнетание в тексте местоимения «мы» производит малоприятное впечатление. Чтобы этого избежать, ученые предлагают использовать конструкции, исключающие употребление местоимений: неопределенно-личные, безличные, страдательные. Это представляется им оправданным и разумным, так как сам автор очевиден из ситуации и упоминание о нем обычно является излишним.

В связи с наличием прямо противоположных мнений по этому вопросу интересным показалось проверить, какую же форму выражения авторства предпочитают современные авторы научных трудов, чем мотивируется их выбор. Для этого был проведен опрос: преподавателям университета и студентам-филологам 4–5 курсов было предложено ответить: какую форму выражения авторства выбирают они при написании научной работы и почему. Из двадцати опрошенных преподавателей шестнадцать (80 %) безоговорочно назвали форму местоимения множественного числа «мы». Основной аргумент – традиционное использование, стилистическая норма. В качестве дополнительных аргументов указывали на то, *что свои выводы делают, основываясь на опыте предшественников; что им неловко «якать»; «мы» создает объективность, «я» кажется неприличным; форма «мы» снижает ответственность.* Большинство из них также ответили, что предпочитают безличную форму с незамещенной позицией субъекта (*представляется, что..., важным кажется*) или форму третьего лица (*автор данной работы считает...*). Из четырех, выбравших форму «я», один отметил, что общепринятое «мы» при научной полемике он всегда заменяет местоимением «я». Другой считает, что *«мы – устаревшая форма, совершенно невозможная в устном научном дискурсе»,* третий дополняет, что *«удобно говорить /писать «я», если речь идет об эксперименте, проведенном индивидуально».* И четвертый опрошенный отмечает, что *«мы», в его представлении, очень нескромно...». Из сорока семи опрошенных студентов тридцать восемь выбрали форму множественного числа «мы». Но мотивировка этого предпочтения двоякого рода: восемнадцать человек (38 %) считают, что подобная форма – это соответствие требованиям, норме научного стиля. Примечательно, что один из этих восемнадцати студентов отметил, что *«раньше никогда об этом не задумывался»,* а другой признался, что *«пишет**

«мы», т.к. это принято, но хотелось бы выбрать «я», т.к. исследование, научную работу выполняю я». Один из студентов, употребляющих форму местоимения во множественном числе, считает, что «использование формы «я» предполагает авторитетность в науке и наличие собственного стиля». Двадцать студентов, выбравших форму «мы», аргументируют это тем, что работа, по большому счету, принадлежит не только им, но и их научным руководителям, а также отмечают, что в своих изысканиях они опираются на работы предшественников. Как следует из этих ответов, «мы» студентами используется в прямом значении: я и другие. Два человека из этой группы считают, что, используя данную форму местоимения, они вовлекают в научный процесс своего читателя. Девять студентов категорично выбирают форму единственного числа, мотивируя это тем, что «это работа авторская, и для выражения собственной позиции нужно выбрать форму «я», «в научной работе я доказываю свою точку зрения», «пишу самостоятельно и выражаю свое личное мнение».

Итак, результаты анкетирования показывают, что 80 % преподавателей и 38 % студентов считают, что «мы» – это традиционная форма обозначения авторства в научной речи. Причем более устойчиво этот стереотип сформирован у преподавателей, опыт которых в создании научных текстов, конечно, больше, чем у студентов.

Как справедливо замечал А. А. Леонтьев, «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, **социальных стереотипов**, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда **этнически обусловлено...**» (выделено нами – Т. С.) [Леонтьев 2004: 128]. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли стереотип выражения авторства местоимением «мы» – это проявление этнической обусловленности? Как оказалось, это не совсем так. В научных трудах российских ученых конца 19-го – начала 20-го вв. вполне употребительно местоимение «я»: *Ставя вопрос, я заявляю, чтобы не было никаких недоразумений, что признаю, ибо должен признать, зависимость психологических процессов от физиологического субстрата* (И. А. Бодуэн де Куртене). *Я буду называть процессы говорения и понимания «речевой деятельностью»...* (Л. В. Щерба). Эти примеры можно было бы дополнить аналогичными, но важно обратить внимание на тот факт, что в текстах этих ученых также встречается и местоимение «мы». Но такая форма номинации употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет об общеизвестных фактах, доступных многим, либо «мы – инклюзивное» употребляется в целях объединения автора и адресатов, как способ активизации их восприятия. В подобных случаях «я» как способ выражения своей собственной точки зрения естественным образом заменяется на «мы». Ср.: *Наши собеседник может говорить плоско, художочно, неизобразительно, растянуто, неточно даже – мы со всем этим будем мириться. Но если он будет говорить непонятно, мы просто прекратим разговор. Мне могут возразить, что понятность требуется и в естественной речи...* (А. М. Пешковский).

Итак, в русской научной традиции местоимения «я» и «мы» употреблялись в своем прямом значении. Когда же сложился стереотип выражения своей авторской позиции с помощью местоимения во множественном числе? Представляется, что начало этого процесса приходится на 30-е годы 20-го столетия, в дальнейшем в годы Советской власти этот процесс поддерживался и насаждался. Местоимение «я» еще встречается в трудах Л. С. Выготского, умершего в 1934 г, но довольно редко и только в ситуации научной полемики для усиления категоричности своей авторской позиции, во всех остальных случаях употребляется «мы»: *Мы начали наше исследование с попытки выяснить внутреннее отношение, существующее между мыслью и словом на самых крайних ступенях фило- и онтогенетического развития* (Л. С. Выготский). Вполне очевидно, что в данном примере местоимение не имеет инклюзивного значения, оно обозначает конкретного единичного автора исследования, т.е. заменяет собой местоимение «я». Примеры с местоимением «я» единичны. В трудах Выготского все чаще используются безличные конструкции с незамещенной позицией субъекта: *Было бы ошибкой сказать...; Нечего и говорить...* В научном дискурсе других российских исследователей 20-го века местоимение «я» полностью исчезает (см., например, публикации А. Н. Леонтьева, Н. И. Жинкина, А. Ф. Лосева, А. А. Леонтьева и многих других), уступая место местоимению «мы», безличным конструкциям с незамещенной позицией субъекта, страдательным конструкциям, а также тенденции выражать авторскую позицию от 3-го лица: *автор данного исследования полагает...* Таким образом, можно предположить, что обсуждаемый стереотип окончательно сложился ко второй половине 20-го в. Причиной этому послужили, вероятнее всего, экстралингвистические, точнее идеологические, факторы. Как известно, в годы Советской власти отдельный человек воспринимался лишь как винтик в государственной машине, не могущий иметь своего собственного мнения, а обязанный выполнять волю «партии и правительства». Наука рассматривалась как дело коллективное, роль конкретного ученого преуменьшалась, любое научное достижение расценивалось как итог коллективного труда. Так, Пумпянский писал, что если в XVI в. научное творчество носило индивидуальный характер, то в наш век прогресс науки и техники возможен лишь в результате коллективных усилий ученых и инженеров, которые воспринимают свои работы не только как плод индивидуального творчества, но в основном как посильный вклад в усилия большого числа людей (Пумпянский 1982: 20). Соответственно, «яканье» в науке стало считаться неприличным, по крайней мере, нескромным. К тому же, немаловажным фактором является и наличие «железного занавеса» в Советском Союзе, некоторая оторванность советской науки от мирового научного процесса. Все это способствовало тому, что для выражения авторизации в научном тексте прочно выработался стереотип использования местоимения «мы» в качестве эквивалента местоимению «я», а также безличных и страдательных конструкций с нулевой позицией субъекта как показатель «скромности» ученого.

Как же обстоит дело с выражением категории авторизации в сегодняшней науке? Возвращаясь к анкетированию студентов и преподавателей, напомним, что 20 % преподавателей и 19 % студентов выбрали форму «я». Что представляет собой этот отказ от стереотипа: исключение из общего правила или отражение формирования новой тенденции? Представляется, что возвращение в научный дискурс местоимения «я» обусловлено изменениями в социальной жизни россиян, что подобного количества «исключений» не могло быть до начала перестройки. Падение «железного занавеса», интеграция российской науки в мировой научный процесс, доступность зарубежных научных источников, возможность публиковать свои труды за рубежом и мн. др. привели к признанию индивидуальных заслуг ученого, к повышению самооценки. Это не могло не отразиться на языковых особенностях научного стиля. В рекомендациях, как перевести научный труд с русского языка на английский для публикации в зарубежных журналах, прямо диктуется, что местоимение «мы» следует заменить местоимением «I» или притяжательной формой «me». Эту же тенденцию отмечает и А. К. Скворцов: «...зарубежные руководства по стилю и языку научных трудов (а их издано немало, особенно в Америке) и редакторы (говорю по собственному опыту) решительно проводят линию в пользу я» [Скворцов 2002]. Все чаще на научных конференциях доклады делаются от первого лица единственного числа и даже в официальных отзывах научных оппонентов эта форма и форма притяжательного местоимения в ед. ч. получили право на существование. Ср.: *Если я не выскажу в своем отзыве никаких критических замечаний, то не только нарушу законы построения жанра рецензии, но и, возможно, вызову подозрения в поверхностном ознакомлении с работой* (М. Ю. Федосюк); *Достоинством работы я считаю рассмотрение обвинения в ряду жанров...* (Т. В. Шмелева).

Таким образом, можно предположить, что наблюдается «слом» советского стереотипа и возможное формирование нового или, скорее, возвращение к старому, общепринятому.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВАЛГИНА, Н. С. (2003): *Теория текста*, М.
- ВОЛКОВ, Ю. Г. (2001): *Диссертация. Подготовка, защита, оформление*. Практическое пособие. // В помощь аспирантам [Электронный ресурс]. URL: <http://dis.finansy.ru/publ/volkov/011.htm> (дата обращения: 25.02.2011).
- ЛЕОНТЬЕВ, А. А. (2004): *Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии*. М., Воронеж.
- ПУМПЯНСКИЙ, А. Л. (1981): *Введение в практику перевода научной и технической литературы*. Изд. 2-е, доп. М.
- СКВОРЦОВ, А. К. (2002): *О языке современной русской научной литературы*. In: *Природа*. №5. // VIVOS VOCO [Электронный ресурс] URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NATURE/05_02/LANGUAGE.HTM (дата обращения: 24.02.2011).

Людмила Алексеевна Стребуль

Украина, Днепрпетровск

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В НОМИНАЦИИ (СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ОДНОГО ВИДА НОМИНОВ)

ABSTRACT:

The Communicative Aspect of Nomination (the Structural and Semantic Modification of One Type of Nomination)

One of the most spread layers of onomastic space – the names of higher educational establishments is analysed, their structural-semantic organization is defined.

KEY WORDS:

Communication – structure – semantics – nomination – component-determinant.

Исследуя состояние и развитие языка, Л. В. Щерба справедливо отмечал, что «язык находится в состоянии лишь более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия» [Щерба 1974: 50].

Такое постоянно изменяющееся и развивающееся состояние языка характерно и для процесса номинотворчества, особенно активно происходившего на территории б\СССР с конца XX – начала XXI вв. в силу социально-экономических преобразований в обществе. Эти изменения существенно повлияли, в частности, на значительную часть ономастического пространства.

Как известно, в ономастику (науку о собственных наименованиях объектов) входит большой массив названий организаций, общественных и производственных объединений, в том числе официальных наименований высших учебных заведений.

В данной статье в общем виде ставится проблема изучения структурно – семантических особенностей современных названий вузов, представляющих собой специфический тип речевой деятельности, где первоочередным является его соответствие коммуникативному предназначению – кратко и доступно донести до коммуниканта необходимую информацию. При этом в отборе

языковых средств определяющим является прагматический подход, дающий возможность сконцентрировать лингвистические средства для образования данных номининов.

Вполне понятно, что любое исследование по изучению современного состояния ономастического пространства и определение основных особенностей процесса номинации представляется актуальным.

В связи с этим заслуживают внимания номинативные комплексы, широко используемые для обозначения объектов действительности, в частности, официальных наименований высших учебных заведений. Эта сфера номининов достаточно узкая, но интенсивно развивающаяся и совершенствующаяся.

Исследование номинации в центре внимания многих современных ученых-лингвистов, в частности, В. Г. Гака (1972), Е. С. Кубряковой (1986), Г. В. Колшанского (1975), А. А. Уфимцевой (1997), В. А. Горпинича (2004) и других.

Например, В. Г. Гак определяет номинацию «как процесс и результат наименования, при котором речевые элементы соотносятся с объектами, которые они обозначают» [Гак 1972: 37]. По мнению Е. Кубряковой, «номинация демонстрирует заинтересованность коммуниканта на признаках задействованного в его деятельности объекта, и, что «прагматика и когниция выступают в неразрывном единстве в акте наименования» [Кубрякова 1973: 9].

Многие исследователи выделяют несколько функций названия объекта, среди которых номинативная, информативная, рекламная, а также фокусировочная, концептуально-оценочная, что в широком плане присуще и названиям вузов. Можно сказать, что наименование – это визитная карточка конкретного высшего учебного заведения.

«Акт номинации как акт семиоза связывает тело знака с той группой концептов, которую сформировал интерпретант» [Кубрякова 1973: 9]. Следовательно, номинины призваны выполнять свою прагматическую функцию – способствовать эффективной коммуникации.

Очевидно, что смена общественно-политической системы в СССР, преобразование социально-экономических структур повлекли изменения в ономастическом пространстве не только в названиях населенных пунктов, но и в названиях предприятий, организаций, производственных и новых объектов. Это естественно потребовало достаточно информативных и благозвучных названий.

Как отмечает А. Уфимцева [Уфимцева 1977: 8], «номинация есть процесс обращения фактов действительности в знаки, значения и категории, отражающие общественные аспекты носителей языка».

Продолжая наши исследования в сфере номинации вузов, в данной статье проанализируем наименования вузов России, Украины, Беларуси и других стран СНГ и Европы, функционирующие до 2010-го года. Как правило, информация, представленная в наименованиях учебных заведений, складывается из значений компонентов, образующих целостную содержательную структуру номининов. Эти составляющие информативные компоненты можно представить в следующей схеме:

1) слово, указывающее на объект и статус вуза (*академия, университет, институт, высшее учебное заведение, факультет, филиал вуза, центр*);

2) слово или словосочетание слов, указывающие на местонахождение вуза (*Днепропетровский, Московский, областной, Всероссийский, Кабардино-Балкарский, Евразийский*);

3) слово или словосочетание, указывающие на специализацию вуза (*институт восточнославянской филологии, институт сервиса и туризма, университет международных отношений и мировых языков, академия транспорта и коммуникаций, центр гуманитарных проектов*).

Для наглядности приведем примеры современных номининов, отражающих продуктивную современную 3-х компонентную конструкцию ААС, где А – определение, выраженное согласованным именем прилагательным, С-стержневое слово, имя существительное в Им. п., ед. ч., С – слово или именное словосочетание в Р. п. ед. ч.

Харьковский университет радиотехники, Донецкий университет туристического бизнеса, Национальная академия управления, Российский университет Дружбы народов, Западно-Уральский институт экономики и права.

Наиболее продуктивными являются 3-х, 4-х-компонентные синтаксические структуры: ААС, АААС, ААСС-А, в которых согласованное определение, выраженное именем прилагательным в Им. п. ед. ч., С – стержневое слово, выраженное именем существительным в Им. п., ед. ч., С – несогласованное определение, выраженное именем существительным в Р. п. ед. ч. или мн.ч.

Например: *Российский новый университет, Московский государственный университет леса, Мексиканский национальный автономный университет, Московская протестантская духовная академия.*

К продуктивным синтаксическим конструкциям наименований вузов мы относим также и 4-х–5-ти-компонентные с указанием имени ученого или известного государственного деятеля; структурно мы представляем их так: ААСС– *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. АААСС – Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова.*

К непродуктивным синтаксическим конструкциям наименований можно отнести некоторые из вновь созданных и реформированных переименований «старых», которые принимают нетрадиционную синтаксическую структуру: во-первых, с профильным компонентом в препозиции к стержневому слову – объекту вместо локализирующего компонента – *Технологический университет Подолья*, во-вторых, *Государственный университет «Львовская политехника»*, где компонент-детерминант «Львовская политехника» объединяет два признака: локализирующий и профильный.

Нужно признать, что структурно-семантические модификации наименований вузов осуществляются сознательно для достижения тех или иных целей и свидетельствуют об определенной тенденции поиска новых оптимальных моделей, например: *Академия народного хозяйства при правительстве РФ, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Центр гуманитарных проектов Интеркласс Молдова*. Сравнивая наименования вузов СНГ и некоторых стран зарубежья, можно отметить краткость и упрощенность структур, например: *Университет Фрибур (Швейцария), Карлов университет в Праге (Чехия), Университет КА Фосфари (Италия), Сельчукский университет (Турция), Университет Гарбиат Модарес (Иран)*. Как исключение: *Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадак Дагестанского научного центра РАН*.

Как мы видим из приведенных примеров, что при комбинировании элементарных компонентов в конкретные номины, выбираются такие варианты комбинаций, которые способны оптимально осуществить коммуникативную цель.

Ныне функционирующие, структурно упрощенные наименования как раз и представляют собой образцы адаптации соответствующих синтаксических моделей наименований в современном социальном контексте.

Чтобы наглядно представить те изменения в сфере номинации, которые произошли за последние 20 лет, приведем примеры номинатов, существовавших до 90-х годов XX столетия и отражавших общественно-политическую эпоху того периода.

Прежде всего следует отметить, что большинство наименований вузов до 1990-го года имели, кроме 3-х базовых компонентов, еще 2-3 и более компонентов-детерминантов, отражающих особенности социально-экономической и политической системы б\СССР с указанием на присвоение конкретному вузу ордена или медали и имени государственных и политических деятелей. Было социально престижным указание на отмеченность деятельности вуза в соответствующих сферах развития науки и техники, указание на присвоение имени, однако с точки зрения прагматики употребления языкового знака это кажется проблематичным.

Условно можно выделить два направления в процессе номинотворчества:

- 1) замена старых номинатов,
- 2) образование новых названий в связи с появлением новых объектов.

В качестве иллюстрации рассмотрим этапы и варианты переименований некоторых вузов г. Днепропетровска: *Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени воссоединения Украины с Россией* (до 1990 г.), *Днепропетровский государственный университет*; (с 1993 г.) *Днепропетровский национальный университет* (статус национальный присвоен вузу в связи с 80-летием со дня основания и за заслуги в развитии науки); *Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара* (имя выдающегося украинского писателя и общественного деятеля, Героя Украины Олеса Гончара присвоено по случаю 90-летия ДНУ).

Эта тенденция к первоначальному упрощению структуры наименования и компрессии содержащейся в нем информации была характерной для большинства названий вузов в СССР. Так, например:

1) *Московское ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственное высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана;*

2) *Московский государственный технический университет;*

3) *Московский государственный университет имени Н. Э. Баумана.*

Как мы видим, в переименованиях 1-ой, скажем, волны (условно 1993–1996 гг.) крайне редкими стали компоненты-детерминанты, указывающие на присвоение вузам орденов и медалей СССР, так как была утрачена их социальная значимость, следовательно, эта часть названий унифицировалась при переименованиях. То же можно сказать и об именах государственных деятелей – они унифицировались. 2-ая волна (1996–2000-ый гг.) принесла замену компонентов «государственный» на «национальный». Прежде всего это касается вузов Украины.

3-ья волна (с 2000-го года) принесла изменение статуса большинства вузов: академия → университет, институт → академия, высшее училище → институт и др. Речевые средства в названиях вузов отражают также новые направления в образовании. Так, в последнее десятилетие появилась тенденция к новым специальностям, вызванными выполнением целевых инновационных программ международного рынка образовательных услуг (*криогенная техника, имиджеология, религиоведение, ресурсосбережения* и др.).

О новых нетрадиционных направлениях социальной жизни общества свидетельствует введенный в Справочник для поступающих в вузы России новый раздел «Духовные вузы», презентующий содержательно новый тип номинируемых: *Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа, Академия иудаики (Ешива) Торат Хаим, Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем* и др.

Уже на этом небольшом по объему фактическом материале четко прослеживается механизм образования и та содержательная база, которая отражает восприятие номинируемых в коммуникации и их прагматико-ценностное отношение к реалиям. Видоизмененные и функционирующие сегодня наименования вузов позволяют говорить о достаточно глубоком проникновении социального в ткань языка, о содержательной роли информации – предельно точно и кратко характеризовать объекты образовательной системы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: Издательство АСТ; ООО Русские словари, 2002. 960 с.

ГАК, В. Г. (1972): *Высказывание в ситуации.* In: В. Г. Гак, Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, с. 353–355.

КУБРЯКОВА, Е. С. (1986): *Номинативный аспект речевой деятельности.* М.

УФИМЦЕВА, А. А. (1977): *Лексическая номинация (первичная, нейтральная).* In: А. А. Уфимцева, Языковая номинация. Виды номинаций. М.

ЩЕРБА, Л. В. (1974): *Очередные проблемы языкознания.* In: Л. В. Щерба, Языковая система и речевая деятельность. Л.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА СЪЯНОВА

Россия, Санкт-Петербург

ЛЕКСИКА СМЕШАННЫХ РУССКО-УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

ABSTRACT:

The Lexis of Mixed southern Russian-Ukrainian Dialects (Based on the Voronezh Dialects)

The study of mixed southern Russian dialects, in particular the Voronezh dialects, presents a special interest from the point of view of the interference of Russian and Ukrainian dialects. The lexical composition of the given dialects is presented on the whole by general Russian words, the function of which is defined in Ukrainian-speaking villages by phenomena (phonetic and morphological) of the Ukrainian language. Interaction of Ukrainian dialects with southern Russian allowed for the development of synonymical system, doubling (*спрызьба – завалинка, сокыра – топор, драбына – лестница*, etc.).

KEY WORDS:

Lexical composition – interaction of Ukrainian dialects with southern Russian.

До настоящего времени остаются нерешенными проблемы по изучению говоров в полосе смежных языков, хотя данный аспект имеет давнюю традицию в лингвистической науке. Уже в 50-60 гг. XX в. в отечественном языкознании появляются работы в контексте этого направления (А. М. Брицын, М. С. Тихомирова, И. Ф. Нелюбова, С. И. Габ, К. К. Удовкина и др.). В то же время в научной литературе практически не рассматривался вопрос взаимодействия южно-русских и украинских говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области. Лишь отдельные исследователи обращались к анализу украинских говоров, изолированных от основного массива Слободской Украины (М. Т. Авдеевой и др.).

Правомерно говорить о существовании на территории Воронежского края диалектов двух языков – русского и украинского. Их взаимоотношения можно определить термином *интерференция*: языковые системы находятся в состоянии взаимопроникновения, взаимовлияния, взаимообогащения при объективном критерии разнородности. Представляя в целом лексический массив

смешанных русско-украинских говоров Воронежского края, следует обозначить ряд составляющих.

1. Лексический состав изучаемых говоров представлен в основном общерусскими словами: *вода, молоко, голова; ходить, расти, возить* и др. Функционирование общерусских лексем в украиноязычных говорах Воронежского края характеризуется фонетическими признаками, обусловленными явлениями материнского (украинского) языка¹. Необходимо отметить, что фонетическая основа языка жителей исследуемых сел и сегодня остается украинской. В свою очередь на лексическом уровне можно говорить о вытеснении украинского словаря русским. Фонетические различия не мешают пониманию между носителями украинских говоров, с одной стороны, и южнорусских говоров, с другой стороны. Например: *Подорожжык нэвысокэнький. Дуце на дорогах ростэ; У юрок по яґуды пишлы; Лис – цэ ольха, дуп, вэрба. Сосна так и называйтьця сосна* (село Подосиновка Новохопёрского района); *Коров дошлы; Свячэной водой личють и людэй, и тэлят, и всяку скотыну; У покойной золовки хороша лошадь була; У матэри начав нарывать пальць; У батька заболылы ўлаза; Рука так и нэ ўодылась; И я захворала. У мэнэ ўрудь распухла, тэмпература, хот на стинку лизь; Мы ўоворылы: «Пэрэстань плакать»; Ныколы ложкы нэ убирай со стола и нэ мой. Собэры, сложы в салхветку и положы в стакан* (село Власовка Грибановского района) и др.

2. В результате взаимодействия со смежными южнорусскими говорами в украинских говорах, функционирующих на обозначенной в теме работы территории, активно закрепились лексические русизмы. Это способствовало развитию синонимической системы. Многие из лексических единиц оказались дублетами украинских вариантов. Например: *спрызьба – завалинка, пивынь – петух (питух) – кочет (кочит), горобэць – воробей, чёбот – сапог* и др. (*Питух: и пивынь, и питух, а кочит – сэ в соседним сили, в Губарях, у москалив, мы их москалям зовэм, а мы ш хахлы; Горобэць – сэ варабей* (село Макашевка Борисоглебского района); *Завалинка – эт спрызьба. Насыпалы навозу на зиму, я помлю* (село Власовка Грибановского района); *Чибаток, эт имейт форму в видь сапауа, а па-нашыму, пь-хахлячы, чёбаты нэзвают, а эт значит в виде сапауа, если па-русски сказать* (село Кутки Грибановского района).

1 Основные черты вокализма: 1) Характерной чертой является *оканье*. Заметим, что на территории Воронежской области представлены в основном южнорусские акающие говоры, в частности, имеет место недиссимильтивное *аканье*: [*вада, травы, залой*] (села Третьяки, Танцырей, Воскресеновка и др.). 2) На месте старого «ять» употребляется звук [и], совпавший в русском языке с е: *снцү, сино, хлиб, дид, вишати*. 3) Случаи неперехода [э] в [о]: *бэрэзка, опэньки* и др.

Основные черты консонантизма: 1) Отсутствие ассимиляции по глухости/звонкости согласных в слабой позиции. 2) Аффрикаты [ц] и [ц'], [ч] и [ч']: *очэрэт, паляньця*. 3) Отсутствие смягчения согласных звуков (кроме шипящих [ж], [ш] и аффрикат [ц], [ч]) перед гласными переднего ряда: *вэлыкый, бэрэзка, врэмя, нэсты*. 4) Наличие вторичного в словах с начальным *о*, изменившимся в *и*: *викно* (окно), *вивця* (овца) и др.

Следует учитывать и социолингвистический аспект. В речи старшего поколения, как правило, доминантным оказывается «материнский язык»: **Заслинка** – *ото у пичь закрывають, печку закрывають, а по-руськи я нэ знаю. А так мы называлы заслинка* (М. В. Ивченко, 78 лет, 7 классов образования; село Власовка Грибановского района); *Je Осыково, цэ там ростэ осыка* [осина] (П. Е. Ерёмченко, 98 лет, образование 2 класса; село Власовка Грибановского района). В речи старшего поколения можно также наблюдать функционирование лексики, имеющей архаический характер, и соответственно практически неизвестной среднему и молодому поколению: *В той рик [год] собыралыся. Но тых бактисьтив розоуналы* (П. Е. Ерёмченко).

3. Полевые данные еще раз подтверждают тесные связи южнорусских, в частности – воронежских говоров, в том числе и русско-украинских, с говорами западной и северной зоны. Например, лексема **артюха** представлена в исследуемых говорах в значении «неопрятный, неповоротливый»: *Ух ты й артюха!* (село Старомеловая Петропавловский район); *Иды сюда, артюха, я почистю туби кустюм* (хутор Гринёв Калачеевского района). В Словаре русских народных говоров (далее – СРНГ) **артюха** «разухабистый человек, головорез» дается с пометой Смол.; также: **артюшка** «оборванец» (Дон.). Лексема **имжыть** в значении «моросить» широко манифестируется анализируемыми говорами: – *Шо там на двори – доц? – Та так, шось имжыть* (Богучарский район). Лексема зафиксирована также в Петропавловском, Грибановском и др. районах Воронежской области. Также **имжычка** «морось»: *На двори туман и така якась имжычка* (Богучарский район). В СРНГ: **имжить** «моросить (о мелком дожде)» (Калуж., Тул., Курск., Смол., Зап.-Брян.); **имжица** «мелкий дождь, туман; изморось» (Зап.-Брян., Ставроп.). Реализацией данной единицы являются **мгичка**, **мжичка**, широко представленные на исследуемой территории и в целом в контексте южнорусских говоров и говоров Западной зоны.

Данные смешанных русско-украинских говоров позволяют расширить ареал функционирования той или иной лексической единицы. Например, в СРНГ лексема **изуро'чить** (*изуро'чивать*) представлена с географическими пометами Амур., Иркут., Южн. Урал. в значении «уродовать, обезобразивать», с пометами Вят., Иван., Влад., Яросл., Костром., Волог., Сев.-Двин., Арх., Новг., Пск., Смол., Саратов., Перм., Оренб., Свердлов., Челяб., Урал., Заурал., Курган., Тобол., Алт., Том., Кемер., Зап.-Сиб., Сиб., Енис. и др. в значении «причинять вред дурным глазом, колдовством», с пометой Бурят. АССР в значении «приводить в негодность, ломать», также с пометой Амур. в значении «испугать». В русско-украинских воронежских говорах также функционирует данная лексическая единица в значении «причинить вред колдовством, навести порчу»: *Шоб двир ништо ны изурочив, нужно осынови колля вбывать в читьрѣх уулах; У нас одна жинка була - йѣји изурочилы на свадьби прямо. Та ны так изурочилы, шо она родыла трѣх дитьшонок и ослипла* (село Власовка Грибановского района).

Отметим тот факт, что общая лексика с западным ареалом может иметь различные рефлексы в воронежских говорах с одной стороны и западных – с дру-

гой, например, лексема **бу'кало** в смешанных говорах Воронежской области функционирует в значении «выть»: *Наши хлопцы одын раз поймали букало и прынэслы в школу* (село Лосево Павловского района). По материалам СРНГ, *букало* имеет значение «колокольчик, подвязываемый скоту на шею» (Пск.).

При общем выражении манифестирующих лексем имеем, с одной стороны, различные рефлексы в воронежских смешанных говорах и соответственно севернорусских, а, с другой – можно наблюдать незначительные семантические сдвиги в структуре рефлексующих единиц.

Например, слово **пешня** в анализируемых говорах функционирует в значении «рыболовецкая снасть, с помощью которой раскалывают тонкий лед». По материалам СРНГ *пешня* имеет преимущественно северо-западную рефлекссию: «лом для колки дров» (Прионеж. КАССР), «вбитый в прибрежный лед железный лом, за который крепится род гарпуна, используемого при моржовом и белужьем промысле» (Арх.), «вбитый в землю кол, за который крепится канат при причаливании судна, плота» (Волж.), «большая игла» (Кабан. Бурят. АССР), «жало насекомого» (Новосиб.), «подставка для лучины – светец» (Новосиб.), только в значении «род долота с длинной рукояткой для долбления ульев, желобов, глубоких пазов и т. д.» данная лексическая единица зафиксирована как орловская и в значении «ручная трамбовка» как московская (СРНГ).

4. Лексика, имеющая темную этимологию. С. А. Мызников указывает на неоднозначное решение вопроса соотношения лексемы **шульга** с *шольга*, *шольник*, имеющие широкий ареал в Обонежье, Каргополье, Белозерье, на территории Костромской области, при вепсском *šol'ŋod* «водоросли», *šol'ŋpaik* «место, где растут водоросли» [Мызников 2007: 72–73]. В то же время в исследуемых нами говорах лексема **шульга** широко представлена в значении «краснотал, или ива остролистная»: *Вэришы плылы, як кашолка. Вэришу плэтуць с хворосту тонэнькоуо, из шульуы* (село Власовка Грибановского района). Омни-мичный характер имеет апеллятивная составляющая партикулярного имени *Шульговка* (ул. Красная Звезда в селе Чигорак Борисоглебского района), образованного на основе прозвища Шульга (от *шульга* – «левша»).

В работе [Мызников 2003] единица **хока** «нечистый дух» приводится среди прочей автохтонной лексики финно-угорского происхождения, функционирующей на территории Новгородской области. Выделяемый пласт лексики не фиксируется в других ареалах, отмечает С. А. Мызников, «хотя возможно в редких случаях дополнение территорией смежных говоров Псковской и Тверской областей» [Мызников 2003: 29]. Проводится этимологическая параллель с карельским *hökki* «дурак, болван, простофиля» при следующих лексических соответствиях **кегря**, **тегря** «черт, нечистая сила» (Валд., Окул.), **кегря** «старый мужчина, старик» (Борович.), **тегря** «страшилище, которым пугают детей» (Валд.), при кар. твер. *kegri* «ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла, страшилище, которым пугают детей», кар. *kekri* «старый осенний праздник, «кекри», окончание полугодия в прошлом», «человек, наряженный пугалом», «изображение старика, помещенное в углу избы на празднование «кекри» [Мызников

2003: 16–17; 29]. Однако в ходе экспедиции 1997 года в украиноязычное село Власовка Грибановского района Воронежской области нами была зафиксирована та же единица в значении «мифологическое существо, которым пугают детей»: *Як диты плачють, мы уворылы: «Лэрэстань плакать. Кто идэ, хока идэ, возмэ тэбэ»* (Е. П. Ефимовна, 98 лет, образование 2 класса, коренная жительница села). В говорах Воронежского края (как в южнорусских, так и украинских говорах) используется повсеместно в названном значении слово *бабай* (лексема, широко представленная на всей территории функционирования русских говоров). Следует также указать на омонимичную лексическую единицу – имя собственное *Хока*, отмеченное в речи диалектоносителей данного населенного пункта: *Хока, уде Мичюрины баба Катя жыла. Эт муж иё Стёпа Хока*. А. В. Суперанская приводит *Хока* как разговорный вариант имени *Фока* [Суперанская 2003]. Таким образом, остается открытым вопрос этимологического происхождения или соответственно проникновения данного слова в украиноязычный континуум Воронежской области.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- МЫЗНИКОВ, С. А. (2007): *Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада*. СПб.
- МЫЗНИКОВ, С. А. (2003): *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада (этимологический и лингвогеографический анализ)*. Автореферат. СПб.
- Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–42. М.: Л.: СПб. 1965–2008.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (2003): *Словарь русских личных имен*. М.

ЛАРИСА ВИКТОРОВНА ТАТАРИНОВА

Россия, Иркутск

СЕМИОТИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ НА СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

ABSTRACT:

The Semiotics of Word Modeling on the Semantic Level Demonstrated on Animal Verbs

Semantic models of the so-called animal verbs (such as *to bull*) function as a cognitive system that is reflected in the language world image. Alternation of icon-component and symbol-component in a sign entails predominating of either the first or the second. That is the essential issue in modeling of animal verbs as signs. So there are three verbmodels: a) with icon-component predominating, b) with symbol-component predominating, c) with only symbol component represented in the sign.

KEY WORDS:

Semiotic – semantic – modeling – animal verb – sign – icon – symbol – cognitive – predominating – language world image – meaning

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать знакообразующие связи семантических объектов с одной из сторон языкового знака – означающим, которые дают разные модели отношений внутри самого знака, что приводит к образованию новых значений слова. Объектом нашего исследования будет представитель класса так называемых **анималистических** (от англ. animal – животное) глаголов или **зооглаголов** – глагол *быковать*.

Это достаточно новая лексема для русского языка. Значения глагола «быковать» зафиксированы в Википедии [ru.wikipedia.org] и в словаре молодежного сленга [<http://teenslang.su/id/10629>].

Быковать

Значение (1): делать что-либо непонятно, глупо и по-деревенски. Употребляется явно недоброжелательно хоть и не несет в себе явного оскорбления. Значение (2): Вести себя агрессивно по отношению к кому-либо, наезжать.

Как показывают наблюдения, «модельный ряд» значений глагола *быковать* включает не одно значение, что нашло яркое отражение в Националь-

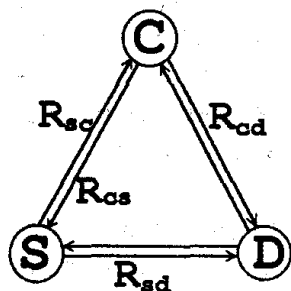
ном корпусе русского языка, а также в различных блогах и форумах, где приведены примеры его контекстного употребления с различными оттенками значения:

(1) «А если ты быковать приехал, так я тебе кольцо в нос продену, реально говорю» [Виктор Пелевин НКРЯ].

(2) «А правда, что в год Быка – надо быковать? – если ты в год крысы крысятничал, то да» форум [<http://odvet.mail.ru/question/20966354>].

(3) «А где у нас Леха? – Так он второй год как у братвы быкует» [<http://www.webpark.ru/comment/11327>].

Рассмотрим подробнее как моделирует значение глагола во всех приведенных случаях с семиотической точки зрения. Для удобства воспользуемся схемой структуры знака, представленной в виде так называемого треугольника Фреге (Рисунок 1), отражающего двойственную природу знака. Выглядит треугольник Фреге так:

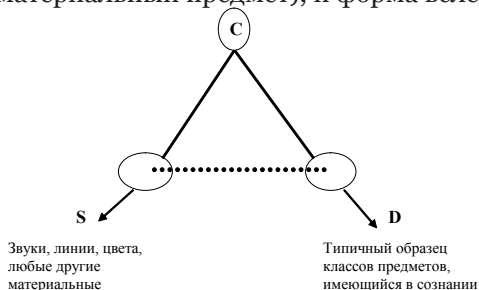

S – знак
C – концепт, смысл, «план выражения»
D – денотат, «план содержания»

Рисунок 1

Отношения и взаимосвязь между вершинами треугольника обозначаются стрелками и R. Учитывая классификацию знаков Ч. Пирса, в соответствии с которой знаки делятся на иконы, индексы и символы по соотношению означающего и означаемого, каждый знак имеет свой треугольник. К примеру, если взять знак-символ – слово или имя «бык», от которого образуется зооглагол, то структура этого знака будет выглядеть следующим образом:

Пунктирная линия, соединяющая S и D, означает, что они соотносятся между собой не непосредственно, а через C: денотат отражается в значении, значение придает знаковость форме (до этого форма – это просто то, что существует как материальный предмет), и форма вследствие этого представляет денотат.

Звуки, линии, цвета, любые другие материальные

Типичный образец классов предметов, имеющийся в сознании

Рисунок 2

Стрелки, «оттягивающие» противоположные углы основания треугольник в разные стороны, схематически означают крайнюю отдаленность формы (C) и

денотата (D), **конвенционально** связанных друг с другом только через значение (S) – вершину треугольника [Маслов 1997: 25–30]. Таким образом, план выражения и план содержания (или означающее и означаемое), в нашем случае это лексическая единица «бык» и то, что оно означает «известное домашнее животное, *Bos Taurus*, когo самка называется коровой; ...наш крупный рогатый скот» [Толковый словарь Даля <http://slovardalya.ru/description/byk/2462>] соотносятся условно.

А теперь рассмотрим значение глагола *быковать* в примере (1). У этого знака в приведенных примерах план содержания подразумевает действия человека, схожие с поведением животного, именуемого быком, которому характерны такие качества, как суровость, агрессивность, упертость (упрямство). В этих ситуациях глагол можно заменить на «упрямиться». Поскольку здесь имеет место частичное подобие означающего и означаемого: действия животного проецируются на действия человека, знак *быковать* не может быть чистым символом, т.к. речь уже идет о наличии элементов иконичности. В данной связи Р. Якобсон считает, что «различие трех основных классов знаков – это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими» [Якобсон 1983: 106]. В нашем случае с глаголом «*быковать*» в приведенном примере фактор иконичности преобладает над символичностью.

Схематически структуру этого знака можно так же представить с помощью треугольника Фреге, соответствующего иконичному знаку, но с учетом наблюдений Р. Якобсона.

Схема (Рис. 3) для иконического знака по Фреге несколько видоизменяется по сравнению со знаками-символами. Значение сближается с формой, которая начинает выполнять, помимо своей роли, еще и роль «информационного центра» знака. Треугольник (основание треугольника) превращается в линию:

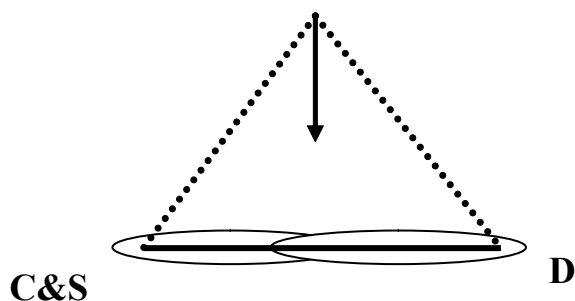
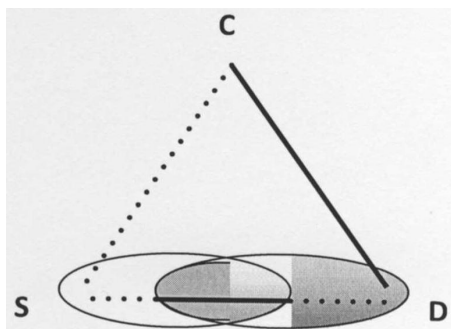

Рисунок 3

Преобладание иконичности на схеме можно изобразить следующим образом (Рис. 4):

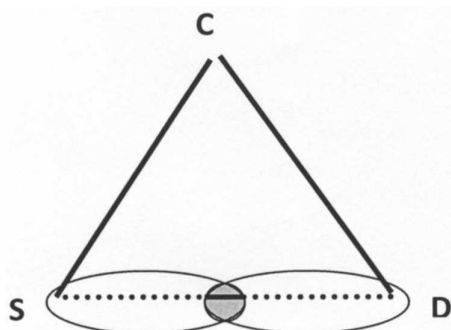

Рисунок 4

Судя по рисунку 4, мы не можем сказать, что значение сближается с формой, как в чисто иконическом знаке (рис. 3), но связь между ними опосредованная, поэтому линия между S и C пунктирная; форма все-таки представляет денотат, так как заимствована от имени-символа, поэтому сторона треугольника сплошная. Области S и D имеют общую (заштрихованную) часть, которая символизирует «подобие» – подобие поведения человека поведению животного. В этой части основание треугольника – сплошная линия – знак иконичности на схеме.

А теперь рассмотрим пример (3) с преобладанием символичности. На наш взгляд, область «подобия» (рис. 5) уменьшается, так как действие (S), именуемое «быковать» (C), подразумевает «вести незаконный образ жизни» (D).

Пунктирная линия означает связь S и D через C, т.е. через форму, хотя элементы иконичности (заштрихованная область) имеют место: этот образ жизни связан с нападением и агрессией. Данное наблюдение подчеркивает мысль о том, что зооглагол может также содержать какой-либо признак, который не фигурирует в семантической структуре зоонима, от которого он образован [Солнцева 2004].

Рисунок 5

В следующем примере (2) *быковать* означает «жить в год быка». В последнее время стало актуальным придавать новую семантическую определенность глаголам, произошедшим от названий животных из восточного календаря. Так, при переходе от старого года быка к новому году тигра, граждане перестают «быковать» и начинают «тигрить». Эти глаголы не несут никакой другой информации, кроме того, что в социальной жизни поменялся восточный знак года, поэтому схема этого глагола-знака будет полностью соответствовать структуре символического знака (рис. 2), то есть форма (C) и денотат (D) связаны друг с другом **конвенционально**.

Аналогичные примеры можно встретить в цитатах из сервисов Интернет:

– «*Тигрить надо – год тигра на дворе*» [<http://blog.imhonet.ru/author/pm-golushko/post/1422536>)].

– «*Так, что в год кролика надо всё делать быстро, а то потом в год дракона останется только драконить*» [<http://www.rap.ua/articles/2599>].

Итак, мы постарались показать на примере зооглагола *быковать*, как моделирует значение в рамках одной формы в зависимости от отношения между знаком и объектом – это тот различительный критерий, который лег в основу классификации знаков Ч. Пирса. Мы получили цикл «от символа к символу»: от имени «бык», от которого был смоделирован зооглагол, до глагола *быковать* со значением, ничего не имеющего от признаков этого животного. Способность к символизации – это наивысшая форма способности языка, неотъемлемая от самой сущности человека, это способность представлять объективную действительность с помощью «знака» [Бенвенист 1974].

Семиотический подход помог нам продемонстрировать, как человек – субъект коммуникации с помощью знаков моделирует в своем сознании соответствующий фрагмент мира и порождает актуальную информацию об этой действительности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БЕНВЕНИСТ, Э. (1974): *Общая лингвистика*. М., с. 21–32.

МАСЛОВ, Ю. С. (1997): *Введение в языкознание*. М.: «Высшая школа», с. 25–30.

СОЛНЦЕВА, Н. В. (2004): *Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: дис. канд. филол. наук: 10.02.20* Омск, 220 с.

ЯКОБСОН, Р. (1983): *В поисках сущности языка*. In: Семиотика, М.: Радуга, с. 102–117.

ВАЛЕНТИН РАХИМОВИЧ ТИМИРХАНОВ

Россия, Уфа

ЭЙДЕТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ЯЗЫКОВОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

ABSTRACT:

Eidetic Resource of Language Precedential

The nature of the phenomenon of precedential has not yet got its due theoretical understanding in the framework of linguistic conceptualization. The paper presents an attempt to give grounding to this phenomenon from the viewpoint of Russian realistic linguophilosophy. Precedential is considered as a cognitive-synergic phenomenon testifying to the personality manifesting itself in the language in its dynamic links with the eidoses of being as well as through collective and individual images.

KEY WORDS:

Precedential – linguophilosophy – imyaslavyie – mythologem of the name – synergy – media – newspaper headline.

Явление языковой прецедентности все более активно обсуждается сегодня лингвистическим сообществом. В современной когнитивистике термин «прецедентность» стал едва ли не одним из самых частотных, конкурируя с самыми заметными единицами ее метаязыка. Однако до настоящего времени природа феномена прецедентности не получила должного теоретического осмысления в рамках лингвистического концептуализма; о ней высказываются самые разные мнения. Очевидно, подходы к пониманию прецедентности во многом определяются методологической позицией, мировоззренческой интенцией лингвистов. Вот почему статус этого сложного явления, как нам представляется, должен получить прежде всего лингвофилософское обоснование. Следует ли передать его в монопольное использование когнитивной лингвистике или имеет смысл установить и представить иные, альтернативные философско-теоретические основы для выявления более полной картины языковых смыслов, стоящих за функционированием в речи прецедентных структур? Считаем, что обращение к реалистической философии языка позволяет установить мощный эйдетический ресурс, скрывающийся в природе языковой прецедентности как явления онтологического порядка.

Если отталкиваться от понимания языка как динамического и синергийного феномена, признавая также вслед за сторонниками имяславской лингвофилософии (С. Н. Булгаковым, П. А. Флоренским, А. Ф. Лосевым) «сплошность» и «непрерывность» языкового континуума, необходимо увязывать факты конструирующей себя в языке личности, личности, обеспечивающей вместе с тем процесс своего понимания и со-понимания другими языковыми со-знаниями, с явлениями человеческого *духа*, с архетипическими представлениями и базовым фондом идей, возводимых к эйдосам Богочеловеческого общения в языке.

К. Касьянова выдвигает гипотезу о том, что «... в основе этнического характера... лежит некоторый набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определённой культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций. Появление в сознании любого из этих предметов приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою очередь, является импульсом к более или менее типичному действию» [Касьянова 1994: 32]. Такие единицы «принципиального знаменателя личности» К. Касьянова называет *социальными архетипами*, существующими в сознании на «невербальном, чаще всего на неререфлексируемом уровне...» Набор «культурных предметов», отражённых в сознании феноменов материального или духовного мира, отражает и определяет специфику национального характера, этнического и языкового сознания. Подобные «предметы» называются прецедентами. В этой концепции обращают на себя внимание две принципиальные позиции: невербально-когнитивная природа идей-архетипов и динамика активного взаимодействия таких идей с ценностными структурами сознания и языка.

Однако имеет ли феномен прецедентности, помимо очевидно когнитивных черт, еще и синергийные проявления? Оговоримся, что категорию *синергии* мы понимаем не столько в рамках активно развиваемой ныне парадигмы языка как самоорганизующейся системы, сколько в смысле онтологическом, символично-ономатологическом (в свете реалистической лингвофилософии имяславия). В смысле соприкосновения активной семантики языка с творческой интенцией говорящего и миром внетекстового, внеязыкового бытия [Тимирханов 2007: 57, 60–62, 89]. Такой контакт, по нашему мнению, обязательно имеет место, ибо каждое новое употребление прецедентного имени, равно как и его модификация, связаны с переосмыслением и рождением новой интерпретации идеи вещи как денотата и предмета речи. Прецедентное имя выступает в речи как своеобразная мифологема, призванная динамично соединить, «столкнуть» в одном слове, ноэматически интерпретировать в языковом сознании смысловые пласты, восходящие к разным типам образов: эйдетическим (архетипическим, некогнитивным, непсихологическим), образам коллективного сознания (формам общекультурного и общезыкового знания), а также индивидуально-личностным образам. Содержание прецедентного имени *мифологично, многослойно*, а его употребление *динамично, оценочно* и непременно *выразительно*. В транскрипции онтологического учения о языке это означает, что природа словесной мифо-поэтической выразительности принципиально синергийна: «Выражение всегда динамично и подвижно...

Выражение – арена встречи двух энергий, из глубины и извне, и их взаимообращение в некоем цельном и неделимом образе, который сразу есть и то и другое, так что нельзя решить, где тут «внутреннее» и где тут «внешнее»... Слово – всегда *выразительно*. Оно всегда есть *выражение, понимание*, а не просто вещь или смысл сами по себе. Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоско. Таков же и миф. Миф или прямо словесен, или словесность его скрытая, но он всегда выразителен; всегда видно, что в нем два или больше слоев и что эти слои тем отождествляются друг с другом, что по одному из них всегда можно узнать другой» [Лосев 1994: 58].

При использовании прецедентных единиц языка интеллектуальная, эмоциональная и морально-этическая перекодировка исходной когнитивной базы стандартного (словарного) значения или предтекста позволяет широко использовать аллюзии и реминисценции, в том числе предельно минимизируя используемые языковые средства. Апелляция к читателю в этом случае не ограничивается исключительно обращением к семантике языковой единицы с набором ее заданных, известных когний. Автор текста приводит в динамику стабильные, находящиеся в состоянии системного равновесия компоненты значения, переформатирует их, обеспечивает индивидуально-личностное и «реально-жизненное» понимание исходного значения. Таким образом автор подчиняет активно-смысловое начало своей интенции синергичному потенциалу языка.

Обратимся к иллюстрациям, материалом для которых послужили заголовки статей в «Новой газете». **«Чу Гевара»**. Подзаголовок: *Покушение на Чубайса. Зачем из полковника ГРУ лепят народного героя*. От: Че Гевара. Автор статьи говорит о появлении нового «Че Гевары», т.е. своеобразного народного мстителя, борца за «справедливость», который покушался на Чубайса. Ноэтическая интерпретация междометия *чу*, выражающего призыв отозваться, отыскаться и одновременно намекающего на потерпевшего. **«Кандолиза-прайс»**. Подзаголовок: *У Америки свой счёт с Лукашенко*. От: Кандолиза Райс. Контекстное значение слова ‘прайс’ дается в подзаголовке, при этом происходит ноэтическое совмещение семантики: «прайс» – перечень товаров и услуг и цен на них, иными словами, счёт; и устойчивое словосочетание *сводить счёты*. **«Фантом-ас»**. Подзаголовок: *Виртуальный персонаж блестяще закрепился на самой вершине*. От: Фантомас. В статье речь идёт о Путине и искусственно культивируемой любви к нему. Ноэтически интерпретируется семантика идеи прецедентного имени киногероя *Фантомас* в свете контекстной семантики существительных *фантом* и *ас*: фантом, ибо – виртуален, ас – блестяще умеет управлять общественным сознанием).

Ср. также другие примеры: **«Рядом с нашими Барби-Яга»** (от: Баба-Яга). **«Алиса Длинныйчулок»** (от: Пеппи Длинныйчулок). **«Мини Пожарский»** (от: Минин и Пожарский). Или заголовочные структуры, возникающие на основе окказионального словообразования в результате смысловой контаминации двух лексем. При этом образуемое слово, ноэтически интерпретируя новую идею в свете исходных когний, семантически «преломляет»

значения соотносимых языковых репрезентантов, сохраняя ссылку на обе мотивирующие основы. **«Дегенерал»** (от: дегенерат (дегенерация) + генерал). **«Думопомрачение»** (от: Дума + умопомрачение). **«Пой-мальчики»**. Подзаголовок: *Корпоративные гимны*. От: пай-мальчики. **«Бомжеметатели»**. Подзаголовок: *Рецепт раскрытия терактов: поймать психически больных бомжей и научить их собирать взрывные устройства*. От: Бомбометатели.

Базой таких модифицированных заголовочных структур является своеобразное языковое соглашение автора и читателя, основанное на 1) особенностях ноэматической интерпретации архетипических символов, 2) коллективном языковом знании прецедентов, общей когнитивной базе и 3) синергийных условиях организации смысловых реминисценций.

Синергийный механизм формирования прецедентности может рассматриваться как процесс активно-смыслового установления аксиологического (онтологического, сущностного) контакта прежде всего на уровне эйдосов, идеальных предметностей, априорного смысла, самоданных этических истин, которые не извлекаются из фактов языка или языкового знания. Установление связи между некогнитивными и когнитивными объектами происходит на ноэматическом уровне, при этом соположенные эйдосы (разные стороны одного эйдоса) интерпретируются в свете каких-либо определенных культурных, этических идей и соотносимой с ними наличной языковой семантики. Так на уровне реального текстопорождения осуществляется корреляция эйдосов с символами архетипического сознания и его когнитивно-языковыми репрезентантами, в результате чего возникает ноэматическое отождествление, перекодировка и трансформация стабильной когнитивной базы языковых значений, а сами они как отстоящие друг от друга, но неизолированные семантические единицы (точки открытого и подвижного смыслового множества) языка получают актуальное понимание и реально-жизненное, личностное обоснование в пределах новой смысловой конфигурации (семантического интервала), что имеет для коммуникантов конситуативную социальную, культурную, этическую ценность. Замечания о синергийных основаниях языковой прецедентности подчеркивают важную мысль «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева о том, что «слово есть заново сконструированная и понятая личность» [Лосев 1994: 193].

Отмеченные особенности природы и функционирования прецедентных феноменов в пространстве медийной коммуникации позволяют с известной долей уверенности предполагать, что такие языковые модели обладают вполне определенным статусом интегративных синергийно-когнитивных объектов. При этом онтологическая философия языка имеет достаточно серьезную методологическую базу для их перспективного исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КАСЬЯНОВА, К. (1994): *О русском национальном характере*. М.
 ЛОСЕВ, А. Ф. (1994): *Миф – Число – Сущность*. М.
 ТИМИРХАНОВ, В. Р. (2007): *Имяславие и лингвистика корня*. М.

СВЕТЛАНА ФАЩАНОВА

Россия, Томск

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

ABSTRACT:

Evaluation as a Pragmatic Factor of Language Play

In this article evaluation is considered as a pragmatic factor of language play in radiodiscourse. The most frequent communicative strategies and their language means of expression are focused on. Techniques of language play are analyzed in the aspect of positive / negative evaluation and in the aspect of the speech impact.

KEY WORDS:

Radiodiscourse – language play – communicative strategies – evaluation – speech impact.

В последние десятилетия языковая игра из экспрессивного приема, иллюстрирующего лингвокреативное мышление автора и реализующего преимущественно эстетические задачи, превращается в способ речевого воздействия средств массовой коммуникации. Использование игровых элементов позволяет сделать процесс коммуникации более результативным и действенным, экономит время и усилия обеих сторон коммуникативного акта. Одним из эффективных способов реализации речевого воздействия в дискурсе средств массовой коммуникации является аксиологический потенциал языковой игры, поскольку оценка – это «наиболее яркий представитель прагматического значения» [Арутюнова 1988: 5].

В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть проблему оценочности языковой игры в радиодискурсе в аспекте реализации коммуникативных стратегий. Материалом для исследования послужили стенограммы радиопрограмм, записанных на радиостанциях «Радио Маяк», «Радио Сибирь», «Русское Радио», «Эхо Москвы», а также названия передач, транслирующихся в эфире перечисленных радиостанций.

Основным языковым уровнем, выражающим все виды оценок, является лексический, так как именно лексика способна быстро, адекватно и деталь-

но отражать изменения, происходящие в общественной жизни, и именно отбор лексических средств отражает отношение субъекта речи к предметам и явлениям. Соответственно большая часть приемов языковой игры, содержащих оценочность, зафиксирована на лексическом уровне.

Единицы языковой игры с положительной оценочностью чаще всего используются при реализации стратегий презентации и самопрезентации. Востребованность языковой игры в данном случае объясняется ее повышенной экспрессивностью, что способствует успешной реализации таких коммуникативных целей, как одобрение, похвала, привлечение внимания к объекту презентации, ср. следующий текст: НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ: *Уильям Генри Гейтс Третий, широко известный как просто Билл Гейтс, миллиардер, демиург, и, я бы даже сказал, творец новой реальности. <...> Он открыл современникам окно, а, вернее, окна Windows – в будущее («Эхо Москвы»)*. Использование трансформированного прецедентного текста в качестве приема языковой игры направлено на привлечение внимания к герою программы – Б. Гейтсу. Положительная оценочность, заложенная в данном прецедентном тексте позволяет одновременно реализовать другую коммуникативную цель: сформировать положительный образ Б. Гейтса как новатора, коренным образом изменившего жизнь человечества.

Выступая в качестве языкового воплощения стратегий презентации и самопрезентации, языковая игра нередко основана на эффекте так называемого «обманутого ожидания», например, слово с негативными коннотациями приобретает положительную оценочность благодаря ситуативному контексту: САВЕЛЬЕВ: *Друзья, наконец-то, он пришел! Этот мерзавец! Сколько можно ждать? 4 месяца! У нас в гостях Тимур Батрутдинов. Тима, привет!* («Радио Маяк») Слово *мерзавец* используется ведущими в качестве шуточного, игрового представления гостя радиопрограммы. Давнее знакомство и игровая атмосфера в студии позволяют снять коммуникативное напряжение, привлечь слушательскую аудиторию и задать положительный настрой для дальнейшего общения.

Положительная оценочность языковой игры востребована при реализации стратегии привлечения внимания, в частности, языковая игра активно используется в названиях радиопрограмм и акций, проводимых радиостанциями: «*Ночь рождения*» (празднование 18-летия радиостанции «Радио Сибирь», ср.: день рождения), «*Веселые скачки*» («Радио Сибирь», программа, во время которой можно «скачать» понравившийся рингтон, мелодию), «*Кто? Где? В чем?*» (программа о моде на «Эхо Москвы», ср.: название интеллектуально-шоу знатоков «Что? Где? Когда?»)

Языковые единицы с положительной оценочностью используются при реализации рекламной стратегии: *Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Программа «Привет» на «Радио Сибирь»* («Радио Сибирь»). Положительная эмоционально-оценочная модальность данного высказывания обусловлена ассоциациями, связанными с классической литературной цитатой, которая является узнаваемой носителями языка и содержит положительные

коннотации (ср.: *Мгновенье! О как прекрасно ты, повремени!* И. В. Гете. «Фауст»).

При языковом воплощении рекламной стратегии изначально нейтральные языковые единицы приобретают оценочный компонент значения: *Ваш лоцман в море информации – «Эхо Москвы»* («Эхо Москвы»). Метафорическое сравнение радиостанции с лоцманом в море вызывает ассоциативно-образные представления, связанные с надежностью, уверенностью, правильным выбором, соответственно с помощью такой языковой игры создается положительный образ радиостанции, повышается ее рейтинг, усиливается доверие к качеству информации.

Негативный оценочный потенциал языковой игры используется при языковом воплощении коммуникативной стратегии дискредитации, при этом в большинстве случаев реализуются коммуникативные цели осуждения, порицания, неодобрения: *ВАССЕРМАН: Ну так эколухи всегда славились тем, что их рекомендации дают результаты прямо противоположные их пожеланиям* («Радио Маяк», об акции Всемирного фонда дикой природы, который предлагает выключить свет на час). Окказиональное слово содержит в своей семантике отрицательные коннотации, его употребление усиливает общее негативное отношение к специалистам-экологам, пропагандирующим подобные акции. Ср. подобный пример реализации стратегии дискредитации: *Н. ТРОИЦКИЙ: Мустафа Мохаммед Абдель Джалиль должен обеспечить новое цивилизованное, как бы демократическое лицо не вполне понятной ливийской власти. У него явно не получится перекадафить Каддафи. Хотя неясно, получится ли что-нибудь* («Эхо Москвы»).

Частным случаем реализации стратегии дискредитации можно считать стратегию самокритики. Единицы языковой игры, содержащие отрицательно-оценочный компонент значения, также являются востребованным средством ее языкового воплощения: *ВЕСЕЛКИН: Сейчас будет скандал, но тихий, друзья. Тихий скандал. Маленький. Леш, мы приступаем ко второй части наших бдений. Околомузыкальные, полумузыкальные вопросы. КУЗЬМИНА: Где-то даже недомузыкальные* («Радио Маяк»). Одновременное использование нескольких окказиональных единиц с похожей семантикой («не относящиеся к музыке») в радиопередаче, гостем которой является певец А. Воробьев, демонстрирует критичное отношение ведущих к собственным вопросам и способствует установлению атмосферы неформального общения в радиоэфире. Ср. также: *МИРОШНИЧЕНКО: Здравствуйте. Рада вас видеть. Здравствуйте, мой дорогой «Маяк». КАРЛОВ: Да, «Маяк», кстати говоря, все более и более дорогой с годами, знаете ли* («Радио Маяк»). Одновременная актуализация разных значений: 1) близкий сердцу и 2) стоящий больших денег, покупаемый / продаваемый по высокой цене – создает эффект языковой игры, в ходе которой дается негативная оценка тенденциям развития радиостанции [Ефремова: электронный ресурс].

Языковое воплощение стратегии критического оценивания (восприятия) действительности осуществляется с коммуникативной целью осуждения, вы-

ражения неудовлетворения: АСКАРОВ: *У нас сейчас большая проблема, большая беда в юморе: камедиклабщина, аншлаговщина и так далее. Давайте открывать новые имена, давайте открывать новые таланты. Я готов поучаствовать в этом с большим удовольствием* («Радио Маяк»). С помощью оценочного компонента, содержащегося в окказиональных словах, гость студии негативно характеризует состояние современной юмористической эстрады. Для усиления достоверности высказывания адресант использует ряд однородных членов предложения.

В радиодискурсе выражению оценки способствуют преимущественно лексические средства языковой игры, используемые для языкового воплощения целого комплекса различных коммуникативных стратегий. Положительный оценочный потенциал языковой игры востребован при реализации стратегий презентации и самопрезентации, привлечения внимания, рекламной стратегии. Отрицательная оценочность чаще всего используется при реализации стратегии дискредитации и в стратегии критического оценивания фактов действительности. Оценочность, заложенная в языковой игре, позволяет реализовать прагматический компонент значения высказывания, следовательно, способствует достижению коммуникативных целей адресанта.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1988): *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука.
ЕФРЕМОВА, Т. Ф.: *Толковый словарь* [электронный ресурс]. URL: <http://tolslovar.ru/d6057.html>
(дата обращения: 03.09.2011).

* Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 11-34-00365а2 и проекта РГНФ № 11-34-00707м.

ГЕЛЕНА ФЛИДРОВА

Чехия, Оломоуц

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РУССКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧЕШСКОЙ

ABSTRACT:

Asyndetic Composite Sentence in Russian for Special Purposes in Comparison with Czech

Based on the analysis of language material, the author demonstrates the fact that some types of asyndetic composite sentence occur both in Russian for special purposes and in Czech for special purposes (although less frequently in the latter case). On the other hand, moreover, Russian for special purposes – unlike Czech – employs also asyndetic composite sentences equivalent to complex sentences with dependent nominal content clauses (subject clauses and object clauses) which find their counterparts in Czech syndetic complex sentences.

KEY WORDS:

Asyndetic composite sentence – Russian and Czech for special purposes – nominal content clauses (subject clauses and object clauses) – syndetic composite sentence.

Между синтаксическими элементами, т.е. между членами предложения и между предложениями (точнее, предикативными частями) можно различать два основных типа смысловых связей: сочинительная связь и подчинительная связь. Эти связи выражаются разными формальными средствами.

Сочинительная связь как между членами предложения, так и между предложениями выражается при помощи сочинительных союзов или бессоюзно (асиндетически). Это так наз. паратактическое оформление (паратаксис).

Подчинительная связь между членами предложения выражается при помощи согласования, управления и примыкания и между предложениями при помощи подчинительных союзов и относительных местоимений и местоименных наречий.

Это так наз. гипотактическое оформление (гипотаксис).

Однако в некоторых случаях сочинительная связь вместо соответствующего ей паратактического оформления может иметь гипотактическое оформление. Напр., *отец с матерью* (вместо паратактического *отец и мать*), или *Наша команда хорошо подготовилась, что даёт нам надежду на победу*

(вместо паратактического *и это даёт нам надежду на победу.*). Иногда, наоборот, подчинительная связь вместо гипотактического оформления имеет паратактическое оформление – бессоюзие. Напр.: *Настанет лето – поеду на родину* (вместо *Когда настанет лет, поеду на родину.*).

Следовательно, бессоюзие (асиндетон, юкстапозиция) является одним из основных средств паратаксиста. Оно встречается как между членами предложения, в рамках однородных членов предложения, так и между предложениями, находящимися в сочинительной связи (напр., *Телевизор смотреть надоело, читать я устала.*) или в подчинительной связи (напр., *Лес рубят – щепки летят.*). Предметом нашего интереса будет бессоюзие в сложном предложении, т.е. бессоюзное (асиндетическое) сложное предложение.

Отсутствие союзов придает особую роль интонации, поэтому бессоюзные сложные предложения типичны для устных сфер общения, прежде всего для разговорной речи (напр., *Не хочешь ехать, оставайся.*). Форму бессоюзного сложного предложения нередко имеют также пословицы, поговорки, афоризмы (напр., *За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.*). Бессоюзные сложные предложения широко используются также в текстах художественной литературы.

В чешском языке бессоюзные сложные предложения встречаются реже, чем в русском. Их чешскими эквивалентами являются в большинстве случаев сложные предложения с союзами. Это касается главным образом сложных предложений с подчинительной связью между предикативными частями, которым в чешском языке соответствуют сложноподчинённые предложения с подчинительными союзами. Напр.: *Лес рубят – щепки летят. – Když se kácí les, lítají třísky. Думаю, вы правы. – Myslím, že máte pravdu.* Поэтому в чешской научной литературе бессоюзным сложным предложениям почти не уделяется внимания. Подробно ими занималась в своей статье *Asyndeton v současné ruštině ve srovnání s češtinou* [1961] только пражский русист К. Кожевникова. Она справедливо отмечает, что бессоюзие нельзя сводить лишь к эллипсису союзов или же, наоборот, считать его совершенно особой связью, абсолютно не связанной с союзными конструкциями. Специфика бессоюзных конструкций заключается, по её мнению, в том, что они выражают отношение при помощи целого комплекса языковых и неязыковых средств (т.е. смыслового содержания, построения предложения, интонации, пунктуации, видо-временного соотношения сказуемых), которые, как правило, помогают выразить отношение и в союзных конструкциях, однако в бессоюзных выдвигаются на первый план.

По исследованиям К. Кожевниковой, в чешском языке бессоюзие встречается прежде всего там, где причина его употребления заключается в несложности выражаемых отношений; если смысловая нагрузка бессоюзной связи слишком большая, чешский язык избегает бессоюзия. Это связано главным образом с большим использованием интонационных средств в русском языке и с отличиями в построении русского и чешского предложений.

В «Русской грамматике» пражских русистов [1979] приводится, что «бессоюзное оформление – это наименее тесное объединение составных частей сложного предложения. Данная область связей соприкасается с областью свя-

зей между последовательностями простых предложений в тексте и резкой границы между ними нет» [РГ 1979: 900].

В русской грамматической традиции в классификации сложного предложения бессоюзные предложения всегда считались самостоятельным типом наряду с предложениями сложносочиненными и сложноподчиненными [ср., напр., АГ 1960, АГ 1970]. В такой классификации, однако, первые две группы (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения) выделялись на основании смысловых связей между предложениями, в то время как третья группа – бессоюзные сложные предложения – на основе формальных средств связи.

Это привело некоторых русских исследователей к тому, что они стали считать бессоюзное сложное предложение не типичным сложным предложением, а особой структурой – так называемым бессоюзным соединением предложений, стоящим на границе сложного предложения и связного текста [ср., напр., РГ 1980, Краткая русская грамматика 1989]. В Краткой русской грамматике указывается: «Бессоюзные соединения (сочетания) предложений – это целостные синтаксические образования, в большей или меньшей степени соотносительные со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями. Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации; предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются смысловой взаимосвязанностью, которая выявляется разнообразными совместно действующими лексическими и морфолого-синтаксическими средствами.» [Краткая русская грамматика 1989: 612]

Бессоюзные сложные предложения в русской научной литературе классифицируются по-разному. Для иллюстрации приведем здесь структурно-семантические разряды бессоюзных сложных предложений по Н. И. Формановской [1989]:

1) Бессоюзные соединительно-перечислительные предложения. В них события, названные в частях, перечисляются как соединенные, сосуществующие одновременно или последовательно. По своей структуре и семантике они аналогичны сложносочиненным соединительным предложениям. Напр.: *Нам читают лекции, мы занимаемся в семинарах, совершенствуем практическое владение речью.*

2) Бессоюзные сопоставительно-противительные предложения. Два события, названные в частях, сопоставляются или противопоставляются. Они синонимичны сложносочиненным сопоставительным и противительным предложениям. Напр.: *Лекция в аудитории на третьем этаже – семинар на втором. Лекция состоится – семинар отменили.*

3) Бессоюзные обусловленные предложения. Два события, названные в частях, соотнесены так, что первое обозначает условие для осуществления второго. Общая обусловленность может конкретизироваться как значение условное (*Не поспешишь – опоздаешь в театр*), временное (*Сдам экзамен – поеду в отпуск*), уступительное (*Давно пора спать – он сидит над словарем*). Такие бессоюзные предложения синонимичны сложноподчиненным.

4) Бессоюзные объяснительные предложения. Два события, названные в частях, соотнесены так, что второе объясняет, поясняет, дополняет,

определяет то, что названо в первой части. В этом большом структурно-семантическом классе Н. И. Формановская выделяет четыре группы:

А) Бессоюзные предложения с изъяснительным значением. Они синонимичны сложноподчинённым изъяснительным с союзами *что, как, будто*. В первой части есть слово со значением речи, мысли, восприятия и т.п. Напр.: *Володе казалось: никто не видит его волнения перед экзаменом (что/будто). Коля слышал: в общежитии все постепенно затихает (как/ что).*

Б) Бессоюзные предложения с определительным значением. В первой части таких предложений есть существительное, которое определяет, поясняет вторая часть. Эти предложения синонимичны сложноподчинённым с определительной придаточной частью. Напр.: *Наташа поразила нас своим докладом: такой может сделать только аспирант. Томас вспоминает первый день занятий: он не мог сказать по-русски ни одного слова.*

В) Бессоюзные предложения с присоединительно-пояснительным значением. Одна из частей содержит местоименный элемент, который сигнализирует информативную недостаточность и требует присоединения второй части. Такие предложения синонимичны сложносочинённым с союзом *и* и местоимением *это* или пояснительным с союзами *то есть, а именно*. Напр.: *Скоро начнутся экзамены – это надо учитывать. Выход был только один, а именно: подготовиться к экзамену за три дня.*

Г) Бессоюзные предложения с причинно-следственным значением. Два события, названные в частях, соотнесены как причина и следствие. Такие предложения синонимичны сложноподчинённым предложениям с причинной придаточной частью или с придаточной частью следствия, или сложносочинённым предложениям причинно-следственным. Примеры: *Наташа не пропускает ни одной лекции по синтаксису: она хочет иметь записи полного курса (потому что). Наташе больше не нравится морфология: она перестала посещать спецкурс (так что/ и поэтому).*

Приведенные структурно-семантические разряды свидетельствуют о разнообразии отношений между частями бессоюзного сложного предложения.

Русские бессоюзные сложные предложения широко распространены в текстах разных стилей, следовательно, они не чужды также научным текстам, хотя последние отличаются прежде всего логичностью, точностью и последовательностью изложения, на основании чего можно было бы предполагать в них только союзные средства связи.

Н. М. Кожина [1972], исследуя употребление разных типов предложений в научном стиле речи, приводит, что бессоюзные предложения, выражающие подчинительные связи, составляют примерно половину всех бессоюзных, причем наибольший процент среди них составляют предложения с причинно-следственным значением. Анализируя бессоюзные сложные предложения в нашем материале, мы пришли к выводу, что некоторые их типы могут встречаться как в русской, так и в чешской научной речи (хотя там они появляются реже), другие только в русской научной речи.

По нашим исследованиям, в обоих языках встречаются прежде всего бессоюзные предложения, аналогичные сложносочиненным предложениям с разными отношениями между предикативными частями.

Напр.: *Бизнес-школы – это не башни из слоновой кости, они должны общаться с представителями бизнеса.* (противительное отношение)

Для успешной коммуникации заявить позицию мало, надо еще донести эту позицию до слушателей. (противительно-градационное отношение)

Далее, в обоих языках часто появляются бессоюзные предложения пояснительные, синонимичные сложносочиненным пояснительным предложениям с союзами *то есть, а именно*.

Напр.: *Общий облик современного синтаксического оформления резко меняется: фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными.*

Компрессивные и редуцированные структуры прямо связаны с определенными стилевыми сферами общения: их процент возрастает на пути к стилям неофициальным и спадает на пути к официально-деловому письму.

Пояснительное значение имеют и бессоюзные предложения с местоименным элементом (местоименным словом, напр., *следующий, такой, другой*) в роли катафорического коннектора, который образует формализованную конструкцию бессоюзных предложений.

Напр.: *Такой способ передачи мысли служит еще и **другому**: он помогает выделить логически основной момент высказывания.*

В обоих языках нередко встречаются также бессоюзные изъяснительные предложения с определительным значением, аналогичные сложноподчиненным с определительной придаточной частью.

Напр.: *Наблюдается одна интересная тенденция: с увеличением доли инфинитива в деловых текстах усиливается и степень категоричности предписания.*

Наконец, как в русской, так и в чешской научной речи появляются бессоюзные предложения с причинным значением, аналогичные сложноподчиненным предложениям с причинной придаточной частью.

Напр.: *Они в свое время объявили, что конвергенция невозможна – разница слишком большая.*

Только в русской научной речи, в отличие от чешской, встречаются, по нашим исследованиям, бессоюзные предложения, аналогичные сложноподчиненным предложениям с изъяснительными подлежащими и дополнительными придаточными частями, содержащие в первой части выражения со значением процессов речи, мысли, восприятия и т.п.

Бессоюзные предложения с подлежащей придаточной частью – примеры.: **Разумеется**, собранные здесь статьи не исчерпывают всех типов и жанров в системных исследованиях языка.

Нам думается, неверно считать, например, эстетическую функцию языка выше других.

Казалось бы, автор хотел обобщить его жизнь и творчество.

Видимо, именно эта закономерность и послужила хорошей почвой для усвоения письменной речью этих конструкций.

Возможно, некоторые из них могут посчитать эту развязность тона как проявление недостаточно высокой речевой культуры автора.

Как видно из приведенных примеров, выражения в первой части бессоюзных предложений близки к вводным словам и в некоторых случаях они выступают в роли вводных слов.

Напр.: *Теоретическое рассмотрение темы и анализ конкретного материала, думается, позволяют подвести некоторые итоги.*

Бессоюзные предложения с дополнительной придаточной частью – примеры:

Полагаем, это отражает значимость и для современной русской культуры древнейших традиций.

Следует подчеркнуть: характеризующие признаки при имени бытующего предмета не служат целям идентификации.

Думаю, мы не конкурируем, так как на самом деле не существует рынка аккредитаций.

Чешскими эквивалентами приведенных русских бессоюзных сложных предложений, аналогичных сложноподчиненным предложениям с подлежащими и дополнительными придаточными частями, являются сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими и дополнительными с союзом *že*, там бессоюзие нельзя употребить. Однако бессоюзными и в чешском языке являются сложные предложения с дополнительной придаточной частью, первая часть которых содержит сочетание *как видим*. Напр.: *Как видим, причины, вызывающие общие черты, принципиально различны в разговорной речи и устной научной речи. – Jak vidíme, jsou příčiny vzniku obecných rysů podstatně odlišné v hovorovém jazyce a v mluveném odborném jazyce.*

На материале русских бессоюзных сложных предложений в научной речи мы попытались хотя бы в общих чертах показать некоторые отличия между русским и чешским языками. Небезынтересно было бы, по нашему мнению, исследовать также употребление в обоих языках знаков препинания (запятая, двоеточие, тире), служащих для разграничения предикативных частей бессоюзного сложного предложения. Познание закономерностей синтаксического построения русской и чешской научной речи в сопоставительном плане мы считаем важным и полезным для того, чтобы хорошо ориентироваться в иноязычном тексте с целью его понимания и правильного перевода на родной язык.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARNETOVÁ, V., BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H., LEŠKA, O., SKOUMALOVÁ, Z., STRAKOVÁ, V. (1979): *Русская грамматика 2*. Praha: ČSAV.
- BAUER, J. (1972): *Parataxe a hypotaxe při studiu souvětí*. In: *Syntactica Slavica*, UJEP, Brno, s. 202–209.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- KOŽEVNIKOVÁ, K. (1961): *Asyndeton v současné ruštině ve srovnání s češtinou*. In: *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české II. Studie syntaktické*. Praha: ČSAV, s. 364–428.
- ВИНОГРАДОВ, В. В., ИСТРИНА Е. С. (ред.) (1960): *Грамматика русского языка, том 2, синтаксис, часть 2*. М.: АН СССР.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (1970): *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука.
- КОЖИНА, М. Н. (1972): *О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими*. Пермь.
- ШВЕДОВА, Н. Ю., ЛОПАТИН, В. В. (ред.) (1981) *Краткая русская грамматика*. М.: Русский язык.
- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И. (1989): *Сложное предложение в современном русском языке*. М.

ЯНА ФОЛЬПРЕХТОВА

Чехия, Прага

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМУ КОМПЛЕКСУ «КЛАСС» 1, 2, 3

ABSTRACT:

Developing Communicative Competence Using the New Textbook Class 1, 2, 3

The aim of this paper is to present a new Czech textbook for the Russian language teaching in grammar and language schools in the Czech Republic. It is the textbook KCLASS 1, 2, 3, published by the publishing house KLETT in Prague 2010 (the first part) and 2011 (the second part). The third part is in preparation. The textbook KCLASS 1, 2, 3 as a complex corresponds to levels A1, A2 and B1 according to the Common European Framework of Reference for Languages.

KEY WORDS:

Structure of the Russian language textbook – communicative approach to the Russian language teaching – communicative competence and the communicative skills in the textbook KCLASS 1, 2, 3 – listening as a focus of the Russian language teaching – pronunciation exercises – presentation of grammar – vocabulary and memory.

Настоящая статья ставит себе целью ознакомить читателя с новым учебно-методическим комплексом по обучению русскому языку как иностранному. Речь идёт об УМК «КЛАСС» 1, 2, 3, разработанном чешским авторским коллективом под руководством доц. Н. Орловой, к. ф. н., заведующей кафедрой английского языка в университете имени Я. Е. Пуркине в городе Устье-на-Лабе.¹ Членами авторского коллектива состоят д-р М. Вагнерова, сотрудник Университета Южной Чехии в городе Чешске Будейовице, и М. Кожушкова, бывший сотрудник Экологической гимназии в Праге. Все трое авторов известны как опытные методисты и специалисты по обучению иностранным языкам (в том числе русскому или английскому). Их учебно-методический комплекс предназначен для обучения русскому языку как второму иностранному в четырёхлетней средней школе и в языковых школах Чешской Республики.

---

¹ Точные библиографические данные см. Использованная литература.

В состав УМК «КЛАСС» входит учебник, интегрированная рабочая тетрадь, два аудио-компакт-диска и электронная версия методического руководства для учителя. Первый том УМК «КЛАСС» вышел в 2010 г., второй том появился в 2011 г., а третий (последний) пока только готовится к печати. В настоящей статье УМК «КЛАСС» будет представлен с точки зрения рецензента учебников РКИ по заказу Министерства образования Чешской Республики, однако, этот рецензент одновременно располагает довольно богатым стажем практического обучения РКИ в разных типах школ (свыше 25 лет педагогического труда).

УМК „КЛАСС» 1, 2, 3 разработан в соответствии с Европейским языковым портфелем и государственными стандартами образования, действующими в учебных заведениях Чешской Республики. Первый том УМК соответствует уровню А1, второй том уровню А2, а третий том уровню В1 по Европейскому языковому портфелю. Это значит, что УМК «КЛАСС» можно использовать для обучения русскому языку в группах, в которых необходимо обеспечить систематическую подготовку к основному уровню экзамена на аттестат зрелости по русскому языку (т. е. необходимо достичь уровня В1).

Речевые ситуации, на основе которых происходит усвоение русского языка в рамках УМК «КЛАСС» 1, связаны с приключениями **пяти главных героев учебника**: Виктора, Вадима, Даши и Иры из Санкт-Петербурга, и Вероники, пятнадцатилетней чешки из Праги. Их регулярные встречи иллюстрируются в учебнике цветными фотографиями, служащими для повышения мотивации учащихся. В вступительном слове к учебнику авторы подчёркивают, что учащиеся узнают много интересного из жизни своих современных русских сверстников и что они могут выучить очень полезные повседневные выражения, типичные и необходимые для естественной разговорной речи на русском языке. Большое внимание уделяется тому, чтобы все начинающие хорошо понимали более сложные русские высказывания. Поэтому в учебнике «КЛАСС» 1 некоторые мотивирующие тексты переведены на родной язык учащихся (на чешский).

Большое практическое и учебное значение для самих учащихся имеет правильная и быстрая **ориентация в структуре учебника**. В УМК «КЛАСС» 1 она полностью обеспечена благодаря наглядному обзору отдельных тем, соответствующих им речевых интенций и необходимого языкового материала. Составной частью каждой отдельной темы учебника являются проекты, выполняемые в большинстве случаев с помощью поисков в Интернете (Рунете). Кроме отдельных тем, сопровождаемых сериями языковых и коммуникативных упражнений в интегрированной рабочей тетради, учебник содержит наглядный грамматический обзор, показывающий и постепенно обобщающий весь пройденный на более ранних этапах обучения грамматический материал. Прочное усвоение словарного запаса поддерживается поурочным переводным русско-чешским словарём, который тоже является неотъемлемой составной частью учебника в целом.

В отдельных **темах первого тома учебника** учащиеся усваивают основные фразы речевого этикета и учатся решать повседневные коммуникативные задачи (как поздороваться, представиться или познакомиться, как поговорить

о своих близких, о своей семье, о любимых и нелюбимых предметах и о жизни в школе, как можно отмечать день рождения, где и как выбрать и купить подходящий подарок, где можно вкусно поесть). Второй том содержит такие темы, как: с кем я дружу, какой у меня режим дня, какие праздники отмечают люди в разных странах, как можно ориентироваться в незнакомом городе, как надо заботиться о здоровье, какую роль в жизни человека может играть красивая одежда, чем можно заниматься в свободное время.

В грамматической прогрессии первого тома важную роль играют такие темы, как: формы обращения в русском языке, связка быть в настоящем времени (т. е. предложения типа *Папа – инженер*), конструкция *у меня есть что, у меня нет чего, я люблю или не люблю что*, притяжательные местоимения, спряжение глаголов *жить, говорить, изучать* в настоящем времени, количественные числительные 0–20, 30–100, 200–1000, порядковые числительные, спряжение глаголов *писать, подарить, купить*, прошедшее время глаголов, дательный падеж некоторых существительных, сочетание числительных с существительными (сочетания типа *два, три, четыре года, пять лет*), спряжение глаголов *пойти, поехать*, местоимения *какой, этот*, лексическое усвоение прилагательных.

Во втором томе продолжается усвоение морфологических явлений прежде всего в области склонения существительных (творительный падеж ед. числа некоторых существительных, существительные после предлогов *в, на, у, возле, до, напротив*, родительный и предложный падежи ед. числа некоторых существительных, дательный, предложный и творительный падежи мн. числа) и в области спряжения глаголов (1-ое, 2-ое и 3-ье лицо ед. числа, возвратная_ частица в тех же формах, 1-ое, 2-ое и 3-ье лицо мн. числа и возвратная форма тех же глаголов, спряжение глагола *надеть*, повелительное наклонение некоторых глаголов). На уровне синтаксиса происходит усвоение предложений с союзами *если* и *так как*, а также усвоение конструкции типа *тебе нельзя + инфинитив*. В методах презентации грамматического материала в обоих томах явно преобладает функциональный подход, который выразительно опережает проникновение учащихся в системные отношения грамматических явлений. Такое решение приводит к довольно быстрому успеху в решении элементарных коммуникативных задач, но с учётом возраста учащихся можно предполагать, что некоторые из них время от времени будут просить у учителя более детального объяснения соответствующих грамматических правил.

В структуре урока в УМК «КЛАСС» 1 выделяются следующие элементы:

1. вводная страница с чёткой информацией о целях данного урока (на родном языке учащихся) + мотивация при помощи цветных фотографий;
2. тексты и речевые ситуации к данной теме + новые слова;
3. языковые и предречевые упражнения;
4. упражнения на развитие речевых умений;
5. интересные страноведческие факты (частично на родном языке учащихся);
6. проект, направленный на расширение страноведческих знаний;
7. раздел *Шаг за шагом*, – усвоение произношения, закрепление грамматики, повторение лексики;
8. Грамматические схемы и таблицы к данному уроку;
9. интегрированный языковой портфель – учащиеся могут отметить, чему они уже научились (с точки зрения чётко сформулированных речевых интенций).

Методическое руководство к УМК «КЛАСС» 1 разработано в электронной версии. Этот материал содержит дидактические заметки и творческие идеи к реализации отдельных уроков и упражнений; графическую запись всех текстов для аудирования; решение всех упражнений с однозначным решением (в учебнике и рабочей тетради); дидактические тесты по всем девяти темам; решение всех тестов.

Практическая проверка всех составных частей УМК, в том числе и МР, проводилась в гимназии города Духцов в северной Чехии. Результаты пилотажного обучения показали, что УМК «КЛАСС» 1 соответствует не только потребностям учащихся, но и индивидуальным особенностям стиля работы разных преподавателей.

Лингвометодическая концепция УМК «КЛАСС» 1 опирается на три основных принципа построения современного учебника иностранного языка: принцип коммуникативной направленности процесса обучения, принцип личностного подхода к учащимся и принцип межкультурного общения с учётом особенностей родного языка и культуры. К отличительным чертам построения УМК «КЛАСС» 1 относится **обильное аудирование** практически на каждом уроке и усвоение правильного произношения в неразрывной связи с систематическим **развитием фонематического слуха** учащихся. Такой подход убедительно обоснован психологическими и психолингвистическими аргументами.

С психологической точки зрения важную роль в усвоении правильного произношения играет тот факт, что обучение русскому языку в четырёхлетней средней школе в Чешской Республике начинается в не очень выгодный возрастной период учащихся. В пятнадцать лет уже давно жёстко сформирована **артикуляционная база родного языка**, что оказывает очень сильное отрицательное влияние на эффективность работы над усвоением звукового плана любого иностранного языка, в том числе русского. Кроме того, учащиеся в этом возрасте, как правило, уже не обладают спонтанной детской склонностью к подражанию разным звукам, даже наоборот, им часто приходится с большим усилием преодолевать всякого рода внутренние **психические барьеры**, когда они усваивают иноязычные звуки и выражения. Именно при таких условиях очень важную роль играет регулярное слушание и постепенное развитие фонематического слуха в рамках данного иностранного языка. Эту общую закономерность, несомненно, могут подтвердить все чешские преподаватели русского языка, которые по собственному опыту знают **экстремальную тенденцию чешских учащихся к твёрдому произношению мягких согласных** даже в таких позициях, как *будете, едете, знаете* итд. Недостаточное усвоение произношения влечёт за собой большие проблемы при чтении вслух, особенно в случае не совсем знакомых текстов и в случае относительно длинных русских слов. Таким образом, обильное слушание может помочь учащимся преодолеть чувство неуверенности в себе при работе над чтением русских текстов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ORLOVA, N., VÁGNEROVÁ, M., KOŽUŠKOVÁ, M. (2010): *Klass 1. Ruština pro střední školy*. Praha: Klett.
ORLOVA, N., VÁGNEROVÁ, M., KOŽUŠKOVÁ, M. (2011): *Klass 2. Ruština pro střední školy*. Praha: Klett.

ГАНА ЦИВЕЛОВА

Чехия, Оломоуц

КОНСТРУКЦИИ С ПРЕПОЗИТИВНЫМИ И ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИЧАСТИЯМИ КАК СРЕДСТВО СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНДЕНСАЦИИ В РУССКОМ НАУЧНОМ СТИЛЕ

ABSTRACT:

Prepositional and Postpositional Constructions with Participles as Means of Syntactic Condensation in Russian Text for Special Purposes

Participial constructions are used more widely in Russian than in Czech. The aim of this paper is to characterize all functions of the participial constructions depending on their position to the expression they determine. The aim is to demonstrate their possible translations from Russian into Czech on the examples from specialist literature.

KEY WORDS:

Participle – participial construction – special style – adjective – attribute – preposition and postposition – translation – contrastive Russian-Czech point of view

Атрибут в научном стиле выражается кроме морфологического прилагательного и конструкциями с препозитивными и постпозитивными причастными оборотами. Цель настоящей статьи – более подробно рассмотреть мотивированность этих конструкций на конкретных примерах, исследовать и ввести возможности их перевода с русского на чешский.

Абсолютное большинство предложений как повседневного, так и научного языка содержит определения, однако, определения научного языка и определения общелитературного языка часто отличаются. Специфические особенности научного стиля проявляются, прежде всего, в семантическом плане. В случаях, когда словосочетание образовано существительным и согласованным препозитивным прилагательным, данное словосочетание часто образует единое научное понятие – термин. Данные термины могут иметь различную степень специализации в зависимости от сферы своего употребления, напр.: *условный рефлекс, научное исследование, социальный психолог.*

Кроме согласованных прилагательных значительное место среди определительных конструкций занимают в современном русском языке также причастия – либо одиночные, либо в составе причастных оборотов. Данные причастные обороты заменяются придаточными предложениями с соответствующими союзами в научном стиле реже в сравнении с другими стилями. Этот факт связан с общей тенденцией научного стиля к языковой экономии и синтаксической конденсации. Научному тексту свойственна насыщенность, сжатость и сложная структура текста, и поэтому, как правило, в нем отдается предпочтение средствам выражения, позволяющим изложить сложность мысли «экономно». К этим средствам конденсации принадлежат также и причастия.

Более того, причастия способны представлять признак в его динамике, во времени, обладая грамматическими категориями времени, вида и залога, которые отражают становление признака и способствуют их возможному полупредикативному характеру. Причастия, как и другие формы, выражающие определение, могут быть препозитивными или постпозитивными, в зависимости от своей позиции к определяемому слову.

Причастия, имеющие полупредикативный характер, встречаются в научном стиле очень часто. По характеристике В. Матезиуса [1966] и В. Грабе [1964], полупредикативные конструкции, как правило, выделяются интонационно и, конечно, употребляются в большей степени в книжном стиле, а именно публицистическом и научном стилях, чем в стиле разговорном. В. Матезиус [1966] считает полупредикативными те выражения, которые больше не являются настоящими предложениями, но которые в то же время ещё не стали простыми членами предложения. В. Грабе [1964] уточняет характер полупредикативных конструкций и определяет его как отношение взаимозаменяемости полупредикативной конструкции придаточным предложением.

Полупредикативные причастные обороты, образующие обособленные согласованные определения, могут присоединяться к определяемому существительному обособленно и выделяются запятыми (в тех случаях, когда находятся в постпозиции), напр.: *В системе органического земледелия известны скотоводческие фермы, смешанные предприятия и предприятия, **работающие только на пахотной земле.*** Данное послозитивное присоединение, в котором причастие выступает в функции определения, является нейтральным даже с точки зрения стилистики. Полупредикативные причастные конструкции вообще имеют уточняющий характер, выражают побочное сообщение, на что указывает и их частое нахождение в постпозиции по отношению к определяемому члену.

Однако, полупредикативные причастные обороты могут присоединяться также препозитивно и необособленно и, таким образом, запятыми обычно не выделяются. Это касается так наз. обмыкания, имеющего книжный характер, но широко применяемого, главным образом, в публицистическом, административном и научном стилях.

Следует также отметить, что есть случаи, когда причастные обороты обладают функцией предикативного определителя, напр.: *В противоречие с замыс-*

лом эти особые качества и свойства интерпретировались как развивающиеся по тем же законам, что и качества индивидов. / V rozporu se záměrem byly tyto specifické vlastnosti interpretovány tak, jako by se rozvíjely podle stejných zákonitostí jako vlastnosti individuí.

Здесь необходимо подчеркнуть некоторые особенности причастий в русском языке. По мнению П. Адамца [1966], между чешским и русским языками принципиальная разница в использовании причастия в функции определения проявляется именно в так называемой интерпозиции – обмыкании. Есть два типа обмыкания: во-первых, обмыкание в рамках согласованного определения, напр., *лежащая на столе книга*. Во-вторых, речь идёт об обмыкании в рамках несогласованного определения, когда между несогласованным определением в родительном падеже и существительным находится ещё другой расширяющий член, как в примере, приведенном П. Адамцем: *В такой универсальности мозга заключается одна из важнейших сторон способности к безграничному познанию человеком окружающего его объективного мира*. В чешском языке обмыкание не встречается, так как несогласованное определение ставится, как правило, после управляющего члена. Таким образом, как приводит В. Грабе [1982], русский язык присоединяет распространяющие определения, выраженные причастиями, препозитивным и постпозитивным способом, тогда как в чешском языке возможен лишь один способ выражения – постпозиция (*Kniha ležící na stole*).

В рассматриваемых нами научных текстах также довольно часто встречаются примеры обмыкания, напр.: *Другой подход был предложен с точки зрения получившей в те годы популярность реактологии. / Druhý přístup byl formulován z hlediska tehdy populární reaktologie. // Именно в этом смысле и говорят о наступившем на длительный период «перерыве» в развитии социальной психологии. / Právě v tomto smyslu se někdy mluví o dlouhodobém «přerušeni» vývoje sociální psychologie*. Интересно исследовать чешский перевод, который подтверждает отсутствие обмыкания и даже отсутствие причастия в чешском языке.

Что касается чешских эквивалентов полупредикативных причастий, то при переводе употребляется либо соответствующая форма чешского причастия (*Учебник написан на основе лекций, прочитанных на факультете психологии МГУ в 1975–1978. / Tato učebnice byla napsána na základě přednášek ze sociální psychologie přednesených na katedře psychologie Moskevské státní univerzity v letech 1975–1978.*), другая форма причастия (*Принципы экологического земледелия, пропагандируемые его основателями, в общем и целом, были правильными. / Principy ekologického zemědělství propagované jeho zakladateli byly jako celek správné.*), либо относительное придаточное предложение (*Максений располагал хорошей преторианской армией, составившей римский гарнизон. / Maxenciůs měl k dispozici dobrou přetoriánskou armádu, která tvořila římskou posádku.*). Тем не менее, есть и случаи, где можно встретить совсем другие варианты, напр.: *В данном случае имеются в виду препараты, содержащие медь, серу или различные биологические экс-*

тракты./ Zde jde například o měďnaté preparáty, síru nebo o různé biologické extrakty.

Итак, полупредикативные причастные обороты очевидно употребляются в русском языке гораздо чаще, чем в чешском, что связано как с тенденцией русского языка к именному выражению и с их излишней книжносью в чешском, так и с отсутствием причастий настоящего времени страдательного залога в чешском языке. Более того, причастия прошедшего времени действительного залога в современном чешском также употребляются ничтожно мало [Г. Балаж, 1989].

Полупредикативные причастные обороты, особенно обмыкание, могут вызывать затруднения для чехов прежде всего с транслатологической точки зрения, из-за своей сложной конструкции, являющейся беспримерной в чешском. Необходимо обращать внимание на синтаксические связи в данных конструкциях и учитывать, что при переводе часто требуется длинное сложное предложение или даже два предложения, прежде всего для того, чтобы избежать возможных разночтений, переводить точно и правильно.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ADAMEC, P. (1966): *Порядок слов в современном русском языке*. Praha.

BALÁŽ, G. a kol. (1989): *Современный русский язык в сопоставлении со словацким. Морфология*. Bratislava.

BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. (1960): *Пříruční mluvnice ruštiny pro Čechy II*. Praha.

HRABĚ, V. (1964): *Polovětné vazby a kondenzace „druhého sdělení“ v ruštině a v češtině*. Praha.

KUBÍK, M. a kol. (1982): *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*. Praha.

MATHESIUS, V. (1966): *Řeč a sloh*. Praha.

МИТРОФАНОВА, О. Д. (1973): *Язык научно-технической литературы*. М.

ТАТЬЯНА ЕГОРОВНА ШАПОВАЛОВА

Россия, Москва

ВРЕМЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

ABSTRACT:

Tense and Time Used in Advertisement Texts

The paper deals with time as an objective-subjective grammatical category that represents intonational and syntactic, morphological and syntactic, lexical and semantic, lexical and syntactic, structural and syntactical language features. It is shown that temporal characteristics of sentences that are used in advertising texts are based on semantic features and predetermined by the intention of the speaker.

KEY WORDS:

Advertising communication – slogan – morphological tense – syntactic tense – temporal uncertainty – timelessness.

Язык рекламы является областью, актуальной для лингвистического описания. Появившиеся в последние десятилетия работы нацелены

- на определение сущности рекламы как вида коммуникации;
- на описание разнообразных форм реализации рекламы;
- на исследование её прагматической целевой установки;
- на выявление основных семантических характеристик частотных лексико-грамматических единиц, используемых в языке рекламы, и изучение их функциональных особенностей и пр. (см., например, [Дудина 2006; Сердобинцева 2010]).

Концептуализация и категоризация, теория текста, эксплицитное и имплицитное в тексте, языковая игра – вот далеко не полный перечень тех общелингвистических проблем, которые на сегодня являются актуальными применительно к рекламной коммуникации.

Целью настоящей работы является описание временной семантики русских рекламных слоганов, представленных в языковой действительности начала XXI века. Для достижения поставленной цели обратимся к слоганам на тему «Сладости».

Под слоганом мы понимаем такую разновидность рекламного текста, которая обладает прагматическими и стилистическими особенностями, состоит из одного или нескольких предложений и находится в отношениях

взаимозависимости с брендом, или товарным знаком, что способствует максимальному сжатию и концентрированию рекламной информации. Слоган имеет большой потенциал воздействия, характеризуется тем, что закрепляет у потребителя положительный образ продукта и компании. Хороший слоган должен строго соответствовать линии бренда, учитывать все аспекты маркетинговой стратегии, быть лаконичным, благозвучным, легко запоминающимся, а значит, и воспроизводимым (см.: [Джефкинс 2002]).

Как показал проведённый анализ, при образовании слоганов используются модели разных синтаксических конструкций:

- простого двусоставного предложения полной и неполной разновидностей;
- односоставного глагольного обобщённо-личного предложения;
- односоставного субстантивного номинативного предложения;
- сложного бессоюзного и сложноподчинённого предложений.

В названных структурах время как составная и обязательная часть предикативного признака грамматической основы предложения репрезентируется интонационно-синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексико-семантическими, лексико-синтаксическими, конструктивно-синтаксическими средствами языка.

По нашему мнению, синтаксическое время хотя и опирается на морфологическое время глагола, но по своей природе отличается от соответствующей морфологической категории. Рекламное высказывание строится с одновременным использованием нескольких временных показателей, причём наблюдается регулярное их совмещение, проецирование друг на друга, что объясняется сложностью и многоаспектностью самого понятия времени. Формы, используемые в языке для выражения временных отношений, вступают в сложное взаимодействие, функционально дополняя друг друга.

Конечно, глагол занимает центральное положение в семантико-синтаксической структуре предложения-слогана и не только интерпретирует действие как процесс, но и эксплицитно или имплицитно даёт временную характеристику ситуации. Однако в роли сказуемого могут выступать и имена, передающие семантику состояния.

В рекламных текстах характер отношения к временной оси зависит от способа изображения действительности говорящим субъектом и детерминирован наличием материально выраженной или нулевой формы связки *быть* в составном именном сказуемом: *Wispa. Всё дело в волшебных пузырьках. Молоко вдвойне вкусней, если это Milky Way!*

В двусоставном предложении с составным именным сказуемым значение синтаксического времени передаётся связками – особым классом слов, специально предназначенных языком для выполнения указанной грамматической функции [о функциях связок см.: Лекант 2004]: *Mars. Всё **будет** в шоколаде. С «Алёнкой» всё **будет** сладко да гладко.* Будущее время связки предполагает развитие. Следовательно, предстоящее событие может мыслиться как предполагаемое, связанное с наличием определённых условий. По выражению В.В. Виноградова, «бросается в глаза разнообразие модальных оттенков,

связанных с формами <...> будущего времени» [Виноградов 1947: 580]. В информативной структуре данных слоганов содержится указание на презентацию модальной семантики обусловленной возможности с оттенком целесообразности.

Наличие нулевой формы связки *быть* в составном именном сказуемом не является показателем конкретной временной характеристики рекламного высказывания: *Tis Tac. Сладость в двух калориях*. Неотмеченное настоящее время, свойственное нулевой форме связки *быть*, отвлекается от непосредственного восприятия действительности и приближается к знанию о действительности и к познанию действительности, служит выражением семантики временной неопределённости, поскольку ситуации представлены как узуальные, абстагированные от конкретного времени, а «вневременное, обобщённое действие становится способом выражения свойства, качества предмета» [Золотова 1975: 150].

Имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время присутствует рекламным высказываниям, где репрезентируется при помощи *есть* - формы третьего лица настоящего времени от глагола *быть* - нечто обычное, очевидное, неоспоримое: *Время есть. Есть Meller*. Нелокализованность потенциального действия, выраженного независимым инфинитивом, во времени придаёт им значение постоянного свойства чего-либо, проявляющегося в прошлом, настоящем и будущем, а ситуация, отражённая в слогане, приобретает вневременной характер, в результате чего значение настоящего экзистенциального затемняется – акцентируется семантика временной неопределённости.

В слогане *Dirol Kids. Теперь банановый!* наречие времени *теперь* оказывается ключевым словом в презентации темпоральных отношений, поскольку актуализирует не только частный признак рекламируемого продукта, но служит распределителем, структурирующим последовательность событий.

При описании слоганов с формами императива в роли главного члена обобщённо-личного предложения необходимо учитывать субъективный аспект языка, конкретных адресата и адресанта, реальную коммуникативную ситуацию, в которой употребляются формы повелительного наклонения, отражающие связь языка не только со структурой мышления, но и с ситуациями действительного и возможного мира и речевой деятельности. Граммемы повелительного наклонения не сочетаются с граммемами категории времени, поэтому темпоральная семантика выражается в подобных слоганах другими способами: *Nuts. Заряжай мозги! Twix. Сделай паузу, скушай твикс*. Значение временной неопределённости, а точнее, временной обобщённости, неразрывно со значением обобщённого лица и создаётся конструктивно-синтаксическим способом: *Snickers. Сникерсни без шелухи! Snickers. Не тормози, сникерсни*. В структуре слогана появляются окказиональные глаголы, предназначенные для выражения экспрессии и образности и содержащие эксплицитные указания на рекламируемый товар. Слоганы с формами

императива имеют проспективную временную направленность, будучи ориентированными на будущее поведение исполнителя.

Рекламные тексты, созданные по модели односоставных субстантивных номинативных предложений, обладают инвариантным значением утверждения или обнаружения, установления говорящим бытия, наличия, существования какого-либо предмета, явления, события или состояния. Носителем обозначенной семантики являются слова с общим категориальным значением предметности – существительные в форме именительного падежа. Бытийность и предикативность данных конструкций опираются на одни и те же средства – независимую позицию субстантива, интонацию сообщения. Как правило, в структуре номинативного предложения реализуется имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время: *Mentos. Свежее дыхание. Bounty. Райское наслаждение. Alpen Gold. Центр притяжения.* В рекламном тексте происходит уточнение абстрактного бытийного значения номинативного предложения, имперфективное экзистенциальное значение настоящего синтаксического времени видоизменяется, оно приближается к семантике вневременности.

В рекламном тексте, построенном по модели бессоюзного сложного предложения, связь предикативных признаков воспроизводится, неоднократно, регулярно, периодически повторяясь, и представлена в обобщённо-временном плане независимо от того, какая глагольная форма выступает в роли главного члена конструкции: *Skittles. Не кисни – на радуге висни. Snickers. Съел – и порядок!*

Подведём итоги:

- временная характеристика предложения в рекламных текстах основывается на семантическом признаке: учитывается характеристика предложения с точки зрения абстрактности или конкретности передаваемого в нем факта;
- в рекламных текстах значение настоящего экзистенциального затемняется – акцентируется семантика временной неопределённости;
- в предложениях с компонентом *есть* имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время видоизменяется, оно приближается к семантике вневременности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1947): *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* М.; Л.
- ДЖЕФКИНС, Ф. (2002): *Реклама.* М.
- ДУДИНА, Е. П. (2006): *Семантика и функции лексико-грамматических единиц в рекламе:* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск.
- ЗОЛотова, Г. А. (1975): *К понятию предикативности* // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.
- ЛЕКАНТ, П. А. (2004): *Синтаксис простого предложения в современном русском языке:* учебное пособие. М.
- СЕРДОБИНЦЕВА, Е. Н. (2010): *Структура и язык рекламных текстов:* учебное пособие. М.

ЕЛЕНА ЮРИНА

Россия, Томск

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛИНАРНОЙ МЕТАФОРЫ И ФРАЗЕОЛОГИИ ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

Culinary Metaphor and Idioms Analyzed Using the Russian Language Corpus

The article deals with possibilities of using text database and information retrieval of the national Russian language corpora to research figurative lexis and phraseology, which realize culinary metaphor. It provides the details of methods and results of the analysis of the metaphor “Something like “Blin (Pancake)”, which is basic for the Russian language, and idioms with the component “Blin”.

KEY WORDS:

Culinary metaphor – metaphorical model “Something like “Blin (Pancake)” – phraseology – corpus linguistics.

Одной из сфер активной метафорической экспансии во многих языках мира выступает сфера кулинарии. Еда является насущной витальной потребностью человека, поэтому процессы производства и добычи продуктов питания, приготовления кулинарных блюд, ритуализированные формы приема еды и напитков занимают исключительное место в бытовой и социально-производственной сфере жизнедеятельности. Во всех мировых культурах вышеназванные процессы наполняются культурно-символическим содержанием: обретают обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смысл, получают особое аксиологическое значение [Банкова 2008: 132, Капелюшник 2011: 11 и др.]. Ментальные образы пищевых продуктов хранятся в памяти человека в виде предельно ярких, наглядных картинок-гештальтов, а также фреймов и слотов определенного сценария приготовления и поглощения еды, связанных с целым спектром сенсорных ощущений. Подобная сенсорная и эмоционально-психологическая нагруженность кулинарных образов, их символическая и ценностная значимость делают кулинарную метафору предельно эффективным средством воздействия на адресата речи и обуславливают частотность её использования в со-

временных дискурсивных практиках, что подтверждают, в частности, данные такого электронного лингвистического ресурса, как Национальный корпус русского языка (РНК) [[http://: www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)].

Кулинарная метафора понимается как когнитивная метафорическая модель осмысления явлений окружающей действительности сквозь призму кулинарных образов [Лакофф, Джонсон 1990]. Данная модель находит воплощение в таких образных средствах языка и речи, как метафоры, образные слова с метафорической внутренней формой, устойчивые образные сравнения, идиомы разной структуры, пословицы и поговорки (общезыковые образные средства), индивидуально-авторские тропы, реализующие аналогию со сферой кулинарии. На сегодняшний день в рамках подготовки «Словаря русской кулинарной метафоры» [Юрина 2011] собрано и проанализировано более 700 лексических (метафор и метафорических дериватов) и 650 фразеологических единиц русского языка (образных сравнений, идиом и паремий).

С целью полноты охвата лексической и фразеологической состав образных средств объединяется в мотивационно-образные парадигмы (МОП), включающие однокоренные образные слова, восходящие (непосредственно или опосредованно) к одной исходной мотивирующей лексической единице с семой 'пицца', и образные выражения, имеющие в составе эти единицы. Рассмотрим на примере МОП с вершиной **БЛИН** возможности использования Национального корпуса русского языка для комплексного и многоаспектного исследования кулинарной метафоры. Парадигма включает такие образные единицы, как метафоры **блин** 'металлический груз в форме диска на спортивной штанге', **блин** 'плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)'; образные лексемы **блинчатый** 'плоский, расплюснутый, напоминающий по форме блин'; **блинообразный** 'плоский, округлой формы, напоминающий блин'; устойчивые образные сравнения **как блин** 'о лице человека', 'о солнце и луне', 'о плоских округлых предметах'; творительный сравнения **блином, блинчиком** 'о форме головных уборов', 'о форме различных предметов'; компаративные идиомы **сиять как блин [масленный, с маслом]** 'выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке)'; **печь как блины** 'производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)'; идиомы **первый блин [вышел / получился / стал] комом (не комом)** 'первый опыт деятельности был неудачным (удачным)' во множестве речевых модификаций, поговорка к **тёще на блины** и восходящий к ней фразеологизм **не к тёще на блины (идти, ехать)** 'направляться в место, пребывание, в котором опасно, связано с трудностями' и др.

Текстовые данные РНК дают возможность создать лингвистическую модель кулинарной метафоры в образном строе русского языка, а также модель дискурсивного функционирования кулинарной метафоры в различных речевых ситуациях. Начинается поиск в системе с запроса контекстов, содержащих искомые языковые единицы, для последующего анализа реализации контекстуальной семантики этих единиц. Так, на запрос «блин» система выдала 571 документ, на запрос «блин*» – 1 448 документов.

Первый тип запроса исключает попадание созвучных слов (например, «**блиндаж**»). Второй тип запроса позволяет учесть все грамматические формы и словообразовательные дериваты: **блином, блинчик, блинный, блинообразный** и под. Каждый документ содержит, как правило, от 1 до 3 контекстов из одного источника, но некоторые документы включают до 15 контекстов.

Полученный текстовый массив далее дифференцируется. Разграничиваются неметафорические контексты, содержащие анализируемые слова в исходных или других необразных значениях, и метафорические контексты, содержащие различные образные лексические и фразеологические единицы, связанные с представлением о кулинарном продукте по принципу аналогии. Так, образные контексты составили 20 % от общего числа (в абсолютном выражении – 238 контекстов), необразные – 80 %, в их числе 50 % – это контексты с междометием-эвфемизмом и 30 % – контексты с исходным кулинарным значением.

Благодаря возможностям Корпуса, уточняется лексико-фразеологический состав языковой экспликации базового образа с учетом частотности речевого употребления каждого образного слова или выражения и возможности его дискурсивной модификации. Так, ранее не фиксировалось в словарях, но обнаружилось в контекстах образное слово **блинчатый** ‘состоящий из нависающих друг над другом складок (о толстом подбородке человека, напоминающем стопку блинов)’: «Там стояла невысокая тяжеловесная **женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье**, да еще с двумя нитками красных крупных бус» [В. Дудинцев. Белые одежды]. Обнаружилось устойчивое в языковой системе метафорическое значение слова **блин** ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’: «Там в полумраке дрожала вода, темная, как кофе, **плавали блины зеленой плесени**» [В. Дудинцев. Белые одежды]. Выражение **сиять как блин [масленный, с маслом, на сковородке]** ‘выражать своим видом радость, счастье, довольство’ можно интерпретировать как устойчивый компаративный фразеологизм, так как компонент **сиять, как блин** во многих контекстах сохраняется и не варьируется: «Уж как наш администратор – **педантичный, хмурый Гудков** – был против этой елки, а теперь вон, активней всех с малышами с горки катается, шарики всем подряд надувает – того и глядишь, лопнет, и **сияет, как блин на сковородке**» [Е. Маркова. Отречение].

По данным метафорических контекстов выявляются особенности образного ассоциирования, характерные для системы определенного национального языка и её дискурсивной реализации, уточняются сферы метафорической референции, а также лежащие в основе уподобления признаки референта и агента образной номинации. Посредством кулинарных образов блина, стопки блинов, блинного теста, процедур изготовления блинов (лить тесто на сковородку, переворачивать блины) именуется и характеризуются такие концептуальные области, как «Человек» (внешний вид, поза, выражение лица, форма и цвет лица, структура кожи лица, форма головы, подбородок, грудь, эмоциональное состояние, память, ме-

ханические действия человека); «Животное» (форма тела), «Артефакты» (головные уборы: берет, кепка, фуражка, пилотка, картуз; металлические диски; расплющенные вследствие деформации предметы; подушки, матрасы; пласти вещества); «Природа» (луна, солнце, снежинки, грязь); «Пространство» (рельеф и характер местности: площадь, берег, город); «Социальная деятельность человека», «Абстрактные категории» (нечто тривиальное, простое, обычное).

При этом материал высвечивает ядерные, ключевые свойства агента образной номинации, задействованные в процессе метафоризации у большинства образных средств языка и их речевых употреблений. Это форма: круглый, плоский, с неровными краями; структура: плотная, но мягкая и гибкая, пористая, маслянистая; цвет: от бледно-желтого до коричневого; жирный блеск от масла; температура: горячий; традиции и особенности изготовления: печь блины в большом количестве и складывать в стопки; прилипание блина к недостаточно разогретой сковородке и др.). Выявляются также периферийные, но вовлеченные в сферу метафорического ассоциирования признаки. Например, такая особенность формы и цвета, как наличие коричневатой волнистой поджаристой корочки по краям – *Смотрит художник в чужое лицо и видит блин. Блин известного блинного цвета, по краям рыжие кружева, а сверху две облупленные дыры*» [Митьки. *Вода и трава*]. Кроме того, с учетом частотности, по принципу ядро-периферия можно дифференцировать и сферы референции (лидируют сферы «Человек» и «Артефакты»), а также денотаты образной номинации и характеристики (лицо человека, головные уборы, плоские округлые предметы).

Контекстный материал демонстрирует типовые, устойчивые обороты речи, а также окказиональные авторские вариации общенациональных кулинарных образов. Наиболее частотны устойчивые образные сравнения разной структуры: «*Лицо у нее было плоским как блин, с таким же, как и у блина, множеством мелких пористых рытвин, глаза точно узенькие щелки, зато огромный рот протягивался от уха до уха*» [Д. Емец. *Таня Гроттер и магический контрабас*] и идиома **первый блин комом** во множестве речевых вариаций: «*Куда ни кинься, трудно на Руси обойтись без кувалды. Первый блин комом. Сколько неудачников на этом и заканчивали свою карьеру*» [Ф. Чуев. *Ильюшин*]. Редко встречаются развернутые авторские метафоры: «*Солнце, зевая, высунулось из-за черных, пахнувших прелью и мышами стогов и, барахтаясь, застряло в вязком тумане, купаясь в нем, как ржаной блин в жидкой сметане*» [В. Скрипкин. *Тинга* // «Октябрь», 2002].

Благодаря корпусным технологиям, появляется возможность анализировать частотность использования определенных образных средств языка в тех или иных типах дискурса, а также учитывать динамику временных изменений употребления образных средств языка на протяжении 20–21 века. Использование текстовой базы Корпуса позволяет детально моделировать фрагменты общезыковой образной системы, и главное – создавать динамическую модель дискурсивного функционирования ключевых метафор русской лингвокультуры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАНКОВА, Т. Б. (2008): *Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке*. In: Сибирский филологический журнал, № 4, Новосибирск, с. 128–138.
- КАПЕЛЮШНИК, Е.В. (2011): *Человек сквозь призму кулинарного кода культуры*. In: Вестник Томского государственного университета, № 345, с. 11–14.
- ЛАКОФФ, ДЖ., ДЖОНСОН М. (1990): *Метафоры, которыми мы живем*. In: Теория Метафоры. М., с. 387–415.
- ЮРИНА, Е.А. (2001): *«Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи*. In: Вестник Томского государственного университета. Филология, №3 (15), Томск, с. 70–78.
- Русский национальный корпус*. Интернет-ресурс, режим доступа: [http:// www.ruscorgora.ru](http://www.ruscorgora.ru)

ЛЮБОВЬ ЮРЧЕНКО

Украина, Харьков

ЛОГИКА ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

ABSTRACT:

The Logic of Globalization Discourse in the Conditions of the Economical and Ecological Crisis

Globalization of problems and tasks of humanity causes the necessity of adequate language, clear and applied in different public structures. On the first plan the system of logical concepts which designate common to all mankind values goes out in this language. Without such discussion it is impossible to work out those problems which appeared in modern society.

KEY WORDS:

Logic – globalization – language – concept – discussion – values – society – crisis – economic – ecological.

Культура, как отражение социальной действительности, оказалась в центре глобального дискурса. Это справедливо можно отнести и к сфере философско-лингвистической. Современные процессы глобализации оказывают существенное и неоднозначное влияние на формирование новой «билингвильной» картины мира, когда существует альтернатива языкового выбора. Знание иностранных языков продиктовано временем и становится условием повышения профессионализма, возможности трудоустройства, миграции, эффективности пользования интернетом, ознакомления с достижениями культуры других народов и даже просто выживания в условиях экономического и экологического кризисов.

В этом аспекте информационная и коммуникационная компетентность субъекта является неперенным условием его совершенствования на данном этапе развития культуры, которая находит свое непосредственное выявление в области мышления и языка. Поэтому актуальность темы исследования обусловлена естественной необходимостью осмысления роли языковой коммуникации в эпоху глобализации на фоне мировых экономических и экологических кризисов, когда формируется новая языковая картина мира, новый человек и новое качество его жизни.

В современных философско-антропологических исследованиях на передний план выходят когнитивные, лингвистические проблемы, связанные с целостным анализом знаков как средств коммуникации и языковой способности человека к передаче информации. Классические проблемы языка и мышления послужили промежуточным звеном между лингвистикой, философией и социально-гуманитарными науками, открывая новые перспективы глобального дискурса. Интересной является концепция Б. Уорфа о влиянии языка на мышление, названная теорией «лингвистической относительности», в соответствии с которой люди в значительной мере находятся под воздействием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. К. Юнг, исследуя подсознание, различает сознательный и подсознательный аспекты мышления, обращает внимание на роль слова как знака для передачи сообщения, которое имеет смысл только при взаимном понимании собеседников [Юнг 1996]. Заслуживает внимания лингвофилософская концепция В. Гумбольдта, согласно которой язык является не продуктом деятельности, а самой деятельностью, выражающей «глубинный дух народа». Таким образом возникает направление генеративной лингвистики, т.е. лингвистики порождающей [ЯКОМ 2003].

В целом вопросам языка, культуры, глобализации посвящено большое количество работ. Однако значение языка в нашем изменчивом мире в эпоху глобализации определена явно недостаточно. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выяснить, в чем заключается и как проявляется культурно-интегрирующая роль логико-языкового аспекта коммуникации в эпоху глобализации на фоне всеобщего эколого-экономического кризиса.

Каждому языковому акту непременно предшествует определенная логическая форма, основу которой составляет понятие. Логическая проблема заключается в том, чтобы научить человека сознательно применять законы и формы мышления и на основе этого лучше чувствовать и ориентироваться в мысленно-языковом пространстве.

Между понятиями языка существуют многочисленные перекрестные связи, которые задаются множеством всех высказываний, в которые входят данные понятия. В традиционной логике, когда говорят о понятии, указывают на две функции понятия: служить элементом мысли, то есть способом формирования мысли, и в то же время концентрировать в себе уже имеющиеся мысли, знание о предмете. Языковой объект (слово), который выражает понятие, используется в качестве элемента для построения модели действительности и ассоциируется со всеми моделями, в которых он принимает участие.

Проблема взаимодействия языка, мышления и культуры, в современных философско-антропологических исследованиях имеет фундаментальное значение. Язык экоадапционно связан со всеми сферами культуры, оказываясь таким же многогранным в своих проявлениях феноменом, как и сама культура. Человечество живет в мире культуры так же, как живет в биосфере, неотделимо от нее, как неотделимо от социальной и экологической среды. Поэтому закономерным стало усиление в XXI веке антропологической доминанты с осознанием того, что человек не только высшая ценность, но и единственное существо, способное принять ответственность за жизнь на планете.

Лингвистический парадигмальный поворот в гуманитарных науках современности обозначил взаимодействие мышления, языка и культуры. Начало третьего тысячелетия ознаменовалось еще более пристальным интересом к этому процессу, который объективно связан с такими приметам глобализации, как возрождение этнических культур, межкультурная коммуникация и в то же время нарастание эколого-экономических проблем, резкое сокращение живых языков, которое ведет к свертыванию языковых картин мира.

Проблема языка и культуры является важнейшей проблемой человеческого бытия. Поскольку язык невозможен без мышления, как и мышление без языка, то дискурс нужно исследовать в рамках триады «мышление – язык – культура». Ни один из этих трех компонентов не может функционировать без двух последних. Наличие этой триады является необходимым условием для формирования картины мира. А поскольку такое построение возможно только при наличии коммуникативных отношений между людьми, то ведущую культурно-интегрирующую роль в этом процессе играет язык, в частности его базовая понятийная часть. Дискурс, будучи продуктом культуры, сам выступает как фактор, который оказывает влияние на развитие и трансляцию культуры, поскольку понимание себя возможно только через понимание других народов.

Современный дискурс является необходимым и общим условием жизнедеятельности человека и одной из фундаментальных основ существования общества. Он осуществляется на междунациональном, межэтническом, и других уровнях, что ведет к полилогу культур. Эта тенденция особенно заметна в эпоху глобализации и порожденных ею экономических и экологических проблем.

Глобализационный дискурс, несомненно, способствует сближению народов, размыванию границ; зачастую ведет к культурному однообразию или верховенству одной культуры над другими. Однако, каждый этнос имеет свое прошлое, традиции, закрепленные в мышлении, в его языковом отображении. Потеря любого звена глобализационного дискурса – это не только исчезновение следов истории, образа жизни, но и мышления, и развития человеческого сознания, и культуры в целом. Уничтожение национального многообразия ведет к культурному обнищанию, к этическому одичанию. В современном мире все более заметны тенденции борьбы за сохранение уникальности национальных культур.

Нельзя игнорировать и тот факт, что само культурное многообразие дает возможность создавать и распространять широкий диапазон высококачественных произведений культуры. Важно отметить, что коммуникативная культура допускает общее понимание, единство мировоззренческих установок, взглядов, относительно ключевых эколого-экономических международных проблем.

Вызывает интерес глубинная архетоническая зависимость процесса глобализации от состояния языка. Очевидно нельзя считать, что система логических понятий формирует физическую реальность, но она проектирует эту реальность в социум, инсталлируя образ вселенной. Система логических понятий в языке является своего рода метафизическим кодом физической, материальной реальности. Предпосылкой каждого языка является определенный способ восприятия и кодировки мира с помощью логических понятий. Выражае-

мые в языке понятия складываются в целостную систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая усваивается всеми носителями данного языка. Именно система логических понятий формирует и модель мышления, а следовательно, и поведения каждого из своих носителей. Таким образом, логические понятия языка глобализации приводят своих носителей к единственному стандарту мышления и поведения. Выходит, что глобализация не может быть осуществлена полностью до тех пор, пока все те, кто привлечен в поле активного действия данного процесса, не начнут пользоваться единой системой логических понятий.

Язык является метафизическим кодом выражения физической реальности в сознании субъекта-носителя. Будучи процессом прежде всего социальным, а не физическим, глобализация предстает по отношению к физической реальности, как явление метафизическое, становясь своего рода философским понятием в определенном социуме, который формируется именно языком. Значит, глобализация является порождением языка и явлением прежде всего языковым. Язык же – это система четко установленных понятий, которые находятся в четко определенном соотношении друг с другом: предметов, явлений, признаков, действий и др. Если язык формирует у своих носителей стандартный модус мышления, а этот модус формирует стандартную модель поведения, то и социальные процессы формируются именно языком и возникают внутри языка как метафизические идеи, что эксплицируются через социальную реальность в реальность физическую. Таким образом, социальные эколого-экономические процессы являются в некоторой степени порождениями языковых процессов. С другой стороны, если глобализация имеет своей целью приведение всего мира к единственному стандарту, то она не может быть окончательно осуществлена без единственного универсального, глобального языка. Возможна ли такая ситуация? Покажет время. Современные социолингвистические исследования не дают однозначный ответ на этот вопрос. Зато с уверенностью можно утверждать, что каждая эпоха имеет свой язык и свойственные ему специфические возможности дискурса. В периоды, когда разрушается диалог эпох, проблема понимания всегда актуализируется, что наблюдается и во время глобализации. Коммуникативное взаимодействие языков и культур, ведет не только к информационному обмену, который наблюдается на данном этапе глобализации, но и к равноправному диалогу (полилогу) культур в будущем для совместного решения эколого-экономических проблем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КАЦНЕНЬСОН, С. Д. (1972): *Типология языка и речевое мышление*. Л., 415 с.
- КОЛШАНСКИЙ, Г. В. (1995): *Логика и структура языка*. М., 187 с.
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. (2006): *Культура и мь*. / Д. С. Лихачев. Режим доступа: <http://ugo.narod.ru>
- ЛОСЕВ, А. Ф. (1991): *Диалектика мифа* // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, с. 21–186.
- УОРФ, Б. Л. (1990): *Отношение норм поведения и мышления к языку*. In: Новое в лингвистике. Выпуск 1. Москва: Издательство иностранной литературы, с. 135–168.
- Юнг, К. Г. (1996): *Душа и миф : шесть архетипов*. // К. Г. Юнг [пер. с англ. В. А. Менжулина]. К.: Гос. Б-ка Украины для юношества, 383 с.
- ЯКОМ: *Языки как образ мира*. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003, 568с.

ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВА

Россия, Уфа

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ УФЫ: АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ABSTRACT:

The Language Situation in the Multinational City of Ufa: the Aspects of Linguistic Studies

The article is devoted to the problem of studying of the multinational city of Ufa, because “in the linguistic history of a city collision and crossing of various types of cultures take place” (B. Larin). Studying of the city language code, etiquette stereotypes, which consolidated in it, the processes of renewal of distinctive means in the situation of changing of cultural guiding lines of development and increasing of their quantity suppose to consider the language of the city as a special phenomenon of a city culture, its peculiar component.

KEY WORDS:

Language of the city – sociolinguistic – psycholinguistic – city speech – colloquial language – “city as text” – mentality of citizens.

Город – искусственная среда обитания, которая конструируется людьми исходя из их личностных потребностей. Такое понимание сложилось уже в древности, о чём свидетельствует сложная семантика слова «город», известного во всех индоевропейских языках (*urbs*, *polis*, *градъ*, *miasto*, *town*, *city* и пр.).

За последние несколько десятилетий город стал объектом комплексного исследования. В силу своей многоаспектности он изучается с позиций разных дисциплин: 1) географии (геоландшафтные механизмы современного народорасселения и пр.); 2) истории (исторические «роли» города в разные эпохи); 3) экономики (типология городов по производственно-экономическим функциям; «город как геометрическая точка экономического пространства»); 4) экологии («образ жизни», «качество жизни»); 5) социологии и культурологии (город как форма социального конструирования, как «опредмеченный социокультурный проект»); 6) градостроения и архитектуры (совокупность архитектурно-инженерной инфраструктуры; эстетическое восприятие горо-

да); 7) семиотики, лингвистики, литературоведения (структура городского пространства, семиотическая модель, «текст», «символ», «миф»).

1. Изучая город как **территорию**, имеют в виду, прежде всего, его общее устройство, архитектонику, объединяющую градостроительную сферу (здания, памятники и пр.), инфраструктуру, а также предметно-вещественную зону (символику, уникальные «локусы», транспорт, внешнюю рекламу и пр.). Перечисленные сферы играют существенную роль в жизни города, оказывая влияние на внутренний мир и модели поведения городского населения, поскольку «опредмеченное пространство» напрямую связано с существованием качественно разнородных городских жизненных сред и культурных ареалов. Кроме того, на конкретную территорию накладывает отпечаток концентрированное местонахождение определённых социальных групп и субкультур. В этом плане не случайно появление терминов – *социально-функциональная зона, пространственно-поведенческий комплекс, культурно-историческая единица*. Структурируя город по пространственно-поведенческим комплексам, ученые исходят из того, что на каждые 500 тысяч человек населения приходится 1 культурно-историческая единица.

2. Город как **территория** сопоставляется в урбанологии с понятием город как **социокультурное пространство**, то есть символическая область, куда входят семантически значимые объекты, составляющие городскую структуру. Сегодня важнейшим «градообразующим» фактором, задающим целостность пространству, являются средства массовой информации, существенно влияющие на социальную, политическую, экономическую и культурную жизнь города. Таким образом, исследователи должны изучать город как пространство активной повседневной деятельности его жителей, в котором сосуществуют разнонаправленные векторы коммуникативно-информационных потоков, реализуемых с помощью различных языковых кодов.

Филологическая урбанология, активизировавшаяся в конце XX века, использует при изучении города как пространства различные антропоцентрические дисциплины: *семиотику, социо- и психолингвистику, фольклор, риторику, поэтику* и др. Они способствуют анализу языка города как особого рода **урботекста** [термин наш – Е.Я.] со своим синкретическим кодом, знаковой системой, вариативной семантикой, постоянно пополняемой новыми смыслами. С этой позиции памятные места и связанные с ними личности горожан, здания, сады и парки, городские топонимы, эпиграфика, граффити и пр. обладают поистине неиссякаемой информацией.

Особое понимание города как **текста** продолжает расширяться. Именно поэтому материалы, в которых город сего «знаками», «образами», «фольклором», «мифами» представляет собой «реальность, не исчерпываемую вещно-объектным уровнем» и имеющую определенную субъективно-оценочную направленность [Топоров 1995: 8], все больше привлекают внимание исследователей. Если ввести термин **«урботекст»**, то можно представить лингвистическое градоведение как «многоотраслевую» дисциплину, изучающую сложные городские коммуникационные сети: устную городскую речь (го-

родское просторечие, молодежный жаргон, корпоративные языки), письменные тексты (номинации городских объектов, торговые вывески, внешнюю рекламу, граффити, уличные объявления и пр.) [Яковлева 2004: 2007].

3. Инновационным для филологической науки (поскольку при этом используют понятия и термины психологии и литературоведения) является также понимание города как некоего **«образа»**. *«Париж – не город. Париж – образ, знак, символ Франции, ее сегодня и ее вчера, образ ее истории, ее географии и ее скрытой сути»* [Берберова 1996: 262–263].

«Образ города» напрямую связан с его восприятием, под которым понимается целостное и комплексное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при соприкосновении с ними личности и обусловленное рядом индивидуально-психологических особенностей (памятью, характером, мотивацией), а также социально детерминированной целью. С помощью восприятия формируется «образ города» в виде субъектной картины мира или его фрагментов. основополагающую роль в процессе восприятия и формирования «образа города» играет слово, знак, символ. Это проявляется, в частности, в том, что с давних пор люди наделяли города не только собственными именами, но и индивидуальными характеристиками: *Москва златоглавая, вольный Новгород, Одесса – мама, Ростов – папа*. В старину даже существовали своеобразные «локусные» поговорки или даже «дразнилки» городов и его жителей: *Вятка всему богатству матка; Орел да Кромы – первые воры; Пермь – центр евроазиатской культуры; Уфа – чертова чернильница* и пр. Устоявшиеся выражения и подобные высказывания заставляют урбанистов задуматься также и о нерешенной проблеме типологии городов на основе социо-демографической, психологической, культурно-исторической и иных характеристик, поскольку именно с ними напрямую связаны понятия «большой», «маленький», «столичный», «провинциальный», «студенческий», «рабочий», «сибирский», «уральский», «приморский», «родной», «чужой», «старый», «молодой», «русский», «город-герой», «город-спутник», «наукоград».

Город, таким образом, – это не только «генеральный план застройки», но и совокупность «сакральных мест», мифов и символов. Наличие у города особого «образа» говорит о его уникальности, о том, что он является носителем идеальных значений, имеющих аксиологические параметры: именно «образ» связывает мировосприятие жителей с ценностными ориентирами. Идея единства, взаимосвязи территории и пространства (локуса и способа жизни) позволяет говорить также и о специфической языковой картине города, которую формируют когнитивные, сенсорные и поведенческие структуры («*Петербург Достоевского*», «*Булгаковская Москва*», «*Бабелевская Одесса*»). Отсюда осознание себя *москвичом, петербуржцем, ростовчанином, томичом, уфимцем*, что непосредственно либо опосредовано влияет и на жизнь человека.

Итак, «образ города», сложившийся на протяжении времени его существования и базирующийся на когнитивно-селективном уровне, является социокультурным феноменом, регулирующим поведение горожанина. «Образ города» складывается в определённой степени спонтанно, однако, кристаллизуясь,

он превращается в некоторую очевидность: как понимание порядка, как намерение, направленное на определённый *modus Vivendi*, как стратегия обычного и речевого поведения, наконец, как шкала ценностей, значений и смыслов. «Образ Уфы» обуславливает понимание регионального варианта русского языка, включающего тюркизмы (местные шутки про *негра*, *Карлсона*, *бабуягу* и *деда мороза*, типа «*гуталин-малай*», «*вертолет-малай*», «*кошмар-апа*», «*колотун-бабай*», которые легко понять, зная значение слов «*малай*» ‘мальчик’, «*апа*» ‘тетя’, «*бабай*» ‘старик’).

«Образ города» выполняет в жизни горожан специфические функции. Среди главных можно назвать *мировоззренческую* (городской патриотизм: осознание себя, к примеру, «коренным уфимцем», чувство гордости за великих земляков: «*Нестеров нам музей подарил*», «*Нуриев – это наш и Шевчук наш тоже*», «*Спиваков родился у нас, в Уфе*»). Эта функция способствует появлению различных сообществ и землячеств за пределами родного города.

Среди других функций следует упомянуть *социализационную*, способствующую усвоению социальных норм поведения, характерных для горожанина, информированию жителей о различных социальных группах (профессиональных, локальных, возрастных, национальных и пр.), о субкультурах (студенческих, молодежных), к которым можно примкнуть. Социализационная функция во многом обусловлена территориальным делением города: не секрет, что различные городские районы отличаются территориально-ландшафтными, экономическими и, в конечном счете, статусными характеристиками. Эти «*локусы*» состоят, по мнению урбанистов, из *смысловых точек*. Смыслы становятся точками жизненного пространства, а применительно к городу – точкой отсчета городского пространства. Эти осмысленные «*зоны*» выстраивают некий порядок, задают *шкалу мест*. Люди насыщают точки своими символами: храмами, властью, работой, отдыхом, торговлей, жильем. Постепенно смысловые точки среды обрастают плотным телом разнообразной застройки и деятельности, вокруг них складывается жизнь города. Они являются основой *осмысленной неравномерности городского пространства*. Зачастую этот аспект напрямую воздействует на личность горожанина, его характер, уровень развития, ценностные ориентиры. Примером этому могут служить социально-оценочные названия различных районных и дворовых группировок, сложившиеся в уфимском сленге: например, сниженный образ спального района Сипайлово: «*Есть ещё один микрорайон Уфы, который имеет достаточно много «кличек» – это Сипайлово: «Сипуха», «Сипа», «Сипа-сити», Пустыня», «Уфимская Сахара»* (в этом районе очень мало растительности, он построен практически на песке), «*Каменные джунгли*».

Образ города – с позиции филологической урбаниологии – выполняет город своего рода *магическую* функцию, с которой, на наш взгляд, связаны выражения, типа «*Карфаген должен быть разрушен*», «*Москва – третий Рим*» или «*Увидеть Париж – и умереть*».

Подобный взгляд на современную урбаниологию, а также риторическая методология, предложенная нами, позволяют сформировать коммуникатив-

ную модель: «**город – урботекст (городской дискурс) – коллективный горожанин**». Она «работает» на всем протяжении существования города (в частности, Уфы, которой исполнилось 436 лет). Эта модель представляет собой модификацию классической риторической формулы Аристотеля «**оратор – текст – аудитория**», усовершенствованной Р.Якобсоном (**адресант – референция / сообщения / контакт / код – адресат**) [Якобсон 1975]. Число субъектов такого диалога практически неисчислимо: и коллективные, и индивидуальные, и город как целое. Субъекты диалога в городе, появляясь и исчезая, образуют сложную, постоянно изменяющуюся структуру коммуникации, разновидности которой универсальны и присущи всем как простейшим, так и высокоорганизованным систем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БЕРБЕРОВА, Н. (1996): *Курсив мой*. М.

ТОПОРОВ, В. Н. (2003): *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб».

ЯКОБСОН, Р. (1975): *Лингвистика и поэтика* In: Структурализм: «за» и «против». М.

ЯКОВЛЕВА, Е. А. (2004): *Урбоцентрическая коммуникативная модель: к проблеме изучения языка города (на примере Уфы)* In: Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы II Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ, Филологический факультет, 18–21 марта. М., с. 377–378.

ЯКОВЛЕВА, Е. А. (2007): *Риторический аспект изучения различного рода дискурсов // Антропосфера дискурса: Монография*. – Уфа: Гилем, с. 177–239.

Печатается при поддержке гранта РГНФ: научный проект **10-04-84409а/У**

ДОКЛАДЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

ОЛЬГА БАГДАСАРЯН

Россия, Екатеринбург

РУССКАЯ КЛАССИКА В КОМИКСАХ И ГРАФИЧЕСКИХ НОВЕЛЛАХ

ABSTRACT:

The Russian Classic Literary Works as Remade into Comics and Graphic Novels

The article deals with various strategies of comic books creation based on classic Russian literature stories (“Crime and Punishment”, “Anna Karenina”). Poetics of the comics determines the specificity of literary text recycling: plot reduction, simplification of hero’s psychology, usage of visual quotations, etc. In general based on classics mass-comic books indicate the situation of “classic-non-recognition” by modern reader.

KEY WORDS:

Russian literature – comics – remake – text recycling – plot reduction.

Интермедиальное пространство современной культуры предлагает многочисленные варианты производства «вторичных текстов». Одни из наиболее заметных тенденций – переработка классических литературных сюжетов для создания «ремейков» (кинематографических, «комиксовых») и процесс обратный – трансформация визуальных текстов в вербальные («новеллизация»). Однако если экранизация и новеллизация кажутся более или менее привычными формами переработки, то комиксы, основанные на литературной классике, для российского читателя пока остаются явлением экзотичным.

А. Барзах, говоря о поэтике комикса, причину настороженного и во многом пренебрежительного отношения к комиксу видит в специфической модели времени, которую разрабатывает комикс как вид искусства и которая подрывает аксиому безразрывного поступательного (тотального) времени [Барзах 2010: 36], актуального в том числе и для русской классической литературы. Комикс «останавливает движение в точке изобразительной фиксации – а значит, в каком-то смысле останавливает время» [Барзах 2010: 38].

В. Ерофеев указывает на такие черты комикса, как стремление к анонимности, стереотипность, что вступает в противоречие с традиционными представ-

лениями о классической литературе с ее установкой на оригинальность художественного мышления и совершенство стиля [Ерофеев 1996: 441].

Вместе с тем комикс с постоянством обращается к известным литературным произведениям для переделки. Рассмотрим, как осуществляется эта трансформация в нескольких комиксах по классическим русским романам.

«Преступление и наказание» Ф. Достоевского не однажды подвергалось такому «перекодированию». Так, самый известный комикс, созданный на основе романа, принадлежит Осаму Тэдзука. Японский художник предложил вольную интерпретацию классического произведения в 1953 году, за несколько лет до бума переработки мировой литературы в «жанре манги». Работа О. Тэдзука им самим рассматривается как вариант национальной адаптации [Тэдзука 2011: 133], однако если манга О. Тэдзука опознается как авторская (проявляющая концепцию художника и выполненная в свойственной ему художественной манере), то американский комикс-вариант романа намеренно отсылает к представлениям о комиксе в его массовом изводе.

Американский комикс апеллирует ко всем известной сюжетной канве романа Достоевского, но в свернутом виде (так, как если бы ее вспоминал человек, прочитавший роман очень давно). Сюжет лишен ответвлений (оставлена линия Раскольниковова, остальные же только заданы, исключен целый ряд персонажей: Свидригайлов, Разумихин, Лужин и мн. др.), фактически он воспроизводит стереотипную схему (ярлык), связанную в массовом сознании с романом Достоевского.

Характерно, что комикс «Преступление и наказание» вписывает переделанный вариант романа Достоевского в общую серийную концепцию издания: так, в финале дается комментарий: «Но это уже другая история, а эта история закончена. Не пропустите наш следующий выпуск». Обложка «Преступления и наказания Достоевского» стилизована под обложки комиксов 1930–40-х гг. (своего рода «классику жанра») и создает впечатление, что читателю предлагается один из целой серии (см. пометку “Raskol-International comics” и номер выпуска – «Июль №1»). Сокращение «ДС» (Dostoevsky comics) совпадает с аббревиатурой одного из издательств комиксов (“Detective comics”).

Облик героя комикса Раскола накладывается на легко узнаваемую (не только в Америке, но и во всем мире) фигуру супергероя – Бэтмена (маска, плащ, знак на груди: у Бэтмена это летучая мышь, у Раскола – топор), представляя историю Раскола как элсворлд – историю, в которой рассказывается о том, что было бы, если бы судьба героя сложилась иначе, то есть как еще одну комикс-линию про Бэтмена. К приключениям супергероя читателя отсылает и внешность Раскола, и цветовая гамма комикса, и принцип организации кадра: так, в ряде сцен используются детали, характерные для историй о Бэтмене (летучая мышь, фоновый желтый круг, желтая луна и т.д.). Основанием для сближения героя Достоевского и Бэтмена стало то, что Бэтмен – единственный из целой серии комиксовых «суперлюдей», не наделенный сверхспособностями, а целенаправленно культивирующий в себе героическое начало (чем не Раскольников?). Аннотация к комиксу гласит: «Этот альянс русской классики и

Темного Рыцаря свидетельствует о том, что все лучше с Бэтменом» [Batman by Dostoyevsky 2007].

В итоге возникает вполне постмодернистский эффект от игры «визуальными цитатами», смешение кода классической литературы (см. сам посыл – переложение классики, великий русский роман, автор на обложке) и кода «массового» (воспринимаемого в высокой культуре как «низовой») дает возможность их взаимного освещения. Комикс переворачивает традиционные представления о вневременном характере, созданного классикой, делаю героя романа одним из вариантов бессмертного Бэтмена и актуализируя идею вечного возвращения (таким образом поддерживается мифологический статус комикового героя).

Что касается российских комиксов на основе литературных сюжетов, то тут можно отметить две основные тенденции: создание авторских комикс-иллюстраций классического романа (с сохранением трепетного отношения к первоисточнику и повышением удельного веса вербального компонента) или постмодернистские провокативные произведения, как, например, работы Кати Метелицы и нескольких художников, издающих серию комиксов для новых русских. Первым детищем проекта стал «Новый русский букварь», вторым – комикс «Анна Каренина by Leo Tolstoy», так как, по словам автора, «научив читать, мы должны были дать книгу для чтения – и появился комикс «Анна Каренина», книжка, где много картинок и мало текста» [Соколова 2001]. Это комикс, текст к которому написан самой Катей Метелицей, – «конспект» романа Толстого, сосредоточенный на сюжетной линии Каренина-Вронский.

В комиксе К. Метелицы история Анны Карениной дана на фоне, сотканном из атрибутов гламура: Cosmo, Martini, кокаин, лимузины и т.д. Визуальный ряд комикса иронично обыгрывает принятые в обществе стереотипы и даже фразы. Так, дети Анны Карениной не изображаются – мальчика и девочку в комиксе замещают в соответствии с принятыми «гендерными» цветообозначениями голубой и розовый игрушечные зайцы; красавец Вронский в комиксе похож на молодого Джона Траволту из фильма «криминальное чтение» (отсылка к гангстерским фильмам через фильм Тарантино); доктор, лечащий Анну во время родовой горячки, срисован с Айболита из советского мультфильма 1980-х гг. и т.д. Авторы комикса спорят с финалом оригинального текста. По мнению Кати Метелицы, Лев Толстой поступил очень жестоко, убив Анну, и именно этого не может простить ему современный читатель. Травестируя идею авторитарности классического дискурса, художники в одном из кадров, якобы визуализирующих бредовые видения Анны, изобразили надвигающийся на героиню паровоз «Leo Tolstoy».

Иронический модус комикса оправдывается в первую очередь авторским посылом, обозначенным в названии серии («Новая русская библиотека классики»), особенностями издания (малый тираж, высокая цена, книги продаются в магазине «Мир новых русских», который находится в фойе отеля «Рэдиссон-Славянская»). Играя на том, что при перекодировке вербальных компонентов в визуальные утрачивается свобода зрительных ассоциаций, создатели комикса осуществляют взаимную ревизию современного и

классического текстов. Сильно сокращенный и адаптированный для «целевой аудитории» текст Толстого, включенный в иную систему координат (эстетика комикса), в свою очередь дает возможность более или менее искушенному читателю получать удовольствие от того, как осмысляются авторами механизмы и штампы массовой культуры.

В целом же при разности авторских способов обращения с классическими произведениями общим для комиксов оказывается стремление к редуцированию разветвленного классического сюжета. Объясняется это не только и не столько попыткой упрощения, сколько спецификой художественного времени в комиксе, которое А. Барзах называет «фрагментированным», тяготением комикса к изображению эпизодов в их кульминационных точках (в точках «экстремума») [Барзах 2010: 38–39]. Эта особенность комикса, а также несвобода читателя в визуализации словесного портрета позволяет свести сложную психологию героя классического произведения к привычной схеме (сюжетной, характерологической) и таким образом сделать невнятную для современного читателя фигуру классического героя понятной, вписать его в относительно стабильный, неотпугивающий и привычный сценарий.

Переделка литературной классики, рассчитанная на современного читателя, осознанно или неосознанно прочерчивает траекторию разрушения самооценности и цельности субъекта: в манге О. Тэдзука все герои напоминают персонажей мультфильмов, в американском комиксе Раскольников – комикс-вариант Бэтмена, Каренина в работе К. Метелицы – гламурная морфинистка и т.д. Комикс, как может, борется с актуальным для постмодерна кризисом идентичности, пытаясь найти приемлемый сценарий для нахождения и опознания субъекта.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Batman by Dostoyevsky. Drawn and Quarterly #3 (2000) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.againwiththecomics.com/2007/08/batman-by-dostoyevsky.html>

Анна Каренина by Leo Tolstoy. Комикс. – М.: МНР, СканРус, 2000.

БАРЗАХ, А. (2010): *О поэтике комикса*. In: Русский комикс: Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, с. 9–52.

ЕРОФЕЕВ, В. (1996): *Комиксы и комиксовая болезнь*. In: Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. Эссе. М., с. 430–447.

СОКОЛОВА, Я. (2001): *Опущенные монстры special for Анна Каренина*. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/200451/>

ТЭДЗУКА, О. (2011): *Преступление и наказание*. – Екатеринбург: Фабрика комиксов, 144 с.

НИНА ВЛАДИМИРОВНА БАРКОВСКАЯ

Россия, Екатеринбург

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ABSTRACT:

A Dialogue between Generations in Contemporary Russian Literature

Post-Soviet Russian literature reflects personal crisis of self-identity in the situation of both fragmentation and isolation of social structure. Different generational experience of the “fathers” and “children” has led to different types of verbal behavior, making it difficult to communicate inside the family. Literary works, equipped with a thesaurus, demonstrate an attempt to establish a dialogue between generations.

KEY WORDS:

Contemporary literature – Natalya Nusinova – Eduard Kochergin – dialogue – discourse – family – generation – book with thesaurus.

Фрагментация и изоляция социальных укладов в постсоветском обществе [Дубин 2009: 6], отсутствие общей гражданской идеи, множество субкультур при ослаблении культуры базовой – всё это приводит к тому, что возрастает роль **семьи** как главного фундамента самосознания личности. Осмысление своего «Я» через историю семьи/рода предпринято, например, в книге стихов Б. Херсонского «Семейный архив» (2006), повести Е. Туровой «Слезы ливневницы» (2006), пьесе Е. Исаевой «Про мою маму и про меня» (2003).

Вместе с тем, программирование семей жизненных сценариев нередко приводит к тому, что молодое поколение обречено повторять неудавшиеся жизни родителей, как, напр., в пьесе Майи Тульчинской «Страсти по дивану» (2009). Украинский автор С. Жадан в повести «Депеш мод» (2005) с отчаянием размышляет: «Потом начинается старость, ты просто пустой внутри <...> Где твоя ненависть? Где твоя злость? Что с тобой стало? Во что тебя превратила система?» [Жадан 2005: 80]. Т. А. Круглова полагает, что изменения 90-х не затронули глубинных основ коллективной психологии, унаследованной от советской эпохи [Круглова 2009: 69]. По мнению С. Ушакина, перестройка была **революцией реставрационного типа**: разгерме-

тизирував общество, она не породила ни новых концепций, ни нового способа осмысления реальности [Ушакин 2009: 760]. Стабилизация первого десятилетия XXI в. заставила оглянуться на прошлое: «Проблема создания нового общества напрямую связана с идеей преемственности, с идеей сохранения русской, в том числе советской, культуры, общества и государства» [Вепрева 2009: 221].

Институт семьи достаточно консервативен, как и вся система обучения и воспитания. Однако сегодняшних «отцов» и «детей» формировали разные социокультурные факторы. Старшему поколению пришлось пережить травму, связанную с распадом советской системы. «Дети» могут намеренно отвергать нормы старших, дабы подчеркнуть свою непринадлежность к «совку», к «бывшим людям», к «людям безнадежно устаревших профессий» (если вспомнить название книги стихов А. Родионова). С другой стороны, ориентация молодежи на успех, карьеру, деньги вызывает упреки со стороны «отцов», см., напр., стих. В. Нугатова «Старперы». В 2010 г. на страницах журналов развернулся **спор о новом поколении**: бунтари? потерянное поколение? конформисты? [Роднянская 2010: 5–55; Кукулин 2010: 155–170, Сенчин 2010: 179–188], см. также дискуссию [Левинсон и др. 2010: 164–173].

Осложняет коммуникативную ситуацию отсутствие общего языка у отцов и детей. *Афористично выскажется Вера Павлова, обращаясь к дочери: «Мой язык литературен, / твой проколот»* [Павлова 2011: 227]. Распространение мобильных телефонов и компьютеров сформировало «поколение Сети», «поколение большого пальца», со своими психическими особенностями и своим компьютерным жаргоном [Золотухина 2010: 49].

Литература не только фиксирует разлад поколений, но и пытается восстановить как «вертикальные», так и «горизонтальные» связи в обществе. Любопытное явление – **книги со словарем (тезаурусом)**, наглядно демонстрирующие поиск общего языка.

Обратимся к двум произведениям, одно из которых повествует о советском прошлом (Н. Нусинова «Приключения Джерика» [Нусинова 2009:], второе устремлено в будущее (К. Арутюнянц «Вторая попытка» [Арутюнянц 2007]). Наталья Нусинова, дочь известного киносценариста, внучка репрессированного литературоведа И. М. Нусинова, предупреждает нынешних детей, что многие слова из советской эпохи им будут непонятны (их она выделяет крупным шрифтом и дает в конце книги иронический словарь), как будут непонятны и мотивы поступков тех, кто «строили коммунизм, хотели добиться равенства и справедливости, а создали еще большую несправедливость, совсем не будучи при этом плохими людьми».

К книге приложен «Список трудных и советских слов». Он включает разделы (тематические группы): «Дома и в семье», «На даче», «Любовь и свадьба», «Собака», «Техника», «В школе», «В СССР», «Каникулы, выходные и праздники», «Организации, в которые должны были вступать маленькие и большие дети», «Магазины», «Преступления», «За границей», «Кино». Таким образом, характеризуются все сферы жизни ребенка конца 60-х – 70-х гг. (пери-

од т.н. «застоя» позднесоветского общества, время, на которое пришлось детство сегодняшних «отцов», т.е. родителей). Список построен по принципу расширяющегося пространства жизни ребенка. Если проследить за содержанием разделов, то можно заметить постепенное уменьшение мотивов любви, доброты, доверия и нарастание мотивов чужести. *Коммуналка, уплотнение, примус, дефицит, сознательность, несознательные элементы, октябрята, тимуровцы, ЦК, съезд партии, партсобрание. Устав партии, Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, воздействовать, поставить в пример, прояснить ситуацию, сын врага народа, космополитизм, проявить инициативу, общественное благо* – эти слова непонятны современным детям, как, впрочем, не были понятны и Наташе, выписывавшей их в особую тетрадку.

Авторская тональность в книге мягко-ироничная. В словарики ирония становится более резкой, доходя до сарказма. Например: *«Центральное отопление» – это если не сам себе печку топшишь, а топят где-то там, наверное, в КОМПАРТИИ (их потому так и называют – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ), – они себе топят, а у людей от этого раскаляются батареи и болит голова»* [Нусинова 2009: 136].

Главной ценностью представлен мир семьи, где людей связывают любовь и забота, тот «кокон шелкопряда», по выражению Нусиновой, который окружает детей в семье, чтобы защищать потом во взрослой жизни. Дома говорят на родном языке (таковы поговорки и народные словечки, обращения к Богу в речи бабушки – верной жены старого большевика).

Если в книге Нусиновой показано, как одни и те же люди по-разному говорят в **разных социальных сферах**, то в повести Карена Арутюнянца «Вторая попытка» соотнесены отец и сын – представители разных социокультурных формаций **внутри одной** семьи. Вектор внимания направлен не в прошлое, а в будущее – высокотехнологичное, информационное, капитализированное общество. Словарь включает компьютерные термины (*видео карта, винда, драйвер, инет, CD-rom и проч.*). В книге Нусиновой тоже был раздел «Техника», в котором рассказывалось об устаревших моделях (телевизор «КВН», машине «Победа», катушечный магнитофон и др.), но все эти предметы береглись, были тесно связаны с жизнью страны.

Компьютеры, о которых идет речь в повести Арутюнянца, постоянно ломаются (беречь их нет смысла, поскольку постоянно выпускаются все более совершенные версии), с чем и связана сюжетная коллизия. Сын в течение одного дня исправляет неполадки в компьютерах своих знакомых (попутно проходя своего рода инициацию во взрослую жизнь) и зарабатывает столько денег, сколько и не снилось его интеллигентным родителям. Любопытно, что мальчик испытывает чувство неловкости, беря деньги, стесняется какое-то время рассказать об этом отцу.

Раздражение детей вызывает неспособность родителей заработать деньги для приличной жизни. Молодые предпринимают «вторую попытку» – не жертвуя своим призванием, завоевать с помощью денег достойный социальный статус.

И однако, повесть написана отцом и сыном в соавторстве, мальчик по-настоящему любит родителей, ему приятны их похвалы. В конце дня герой размышляет: «За один день я заработал почти тысячу долларов. Что это – случайность? Может ли эта случайность стать закономерностью? Если да. То жизнь прекрасна! На такие деньги можно делать все, что угодно!» Перебирая разные соблазны, он решает: «А еще можно... как же я сразу не догадался! Можно издать книгу собственных стихов или... книгу папы! Самую крутую книгу из жизни юных футболистов!»

Таким образом, в повести выражена надежда на то, что дети, сумев адаптироваться к рыночной экономике, сохранят ту культуру, которую привили им отцы. Знаками прежней, **классической культуры**, выступают в словаре: *Афродита, Толстой Лев Николаевич, Ибрагимов Николай (1778–1818), адъюнкт-профессор Казанского университета*. Этих слов ничтожно мало, но важно, что они все-таки есть. Новый герой презирает наркоманов (в словаре не так уж много наркоманских выражений: *ганджа (анаша), нарик, обгащенный*), его подлинная страсть – джаз, зарубежные культовые музыканты, писатели, киноактеры (*Гордер Юстейн, Джексон Майкл, Круз Том, Брайан Мей, Лавинь Аврил* и др.). Большую часть словаря составляет **молодежный сленг**: *бабло, базар (разговор), базарить, баклажка (пиво в пластиковой бутылке), бакс, бухло, втыкать (внимательно вслушиваться, понимать)* и проч. С одной стороны, этот жаргон обусловлен стремлением молодых «неформалов» отгородиться от «совковых» отцов. Однако, как известно, в основе сленга, наряду с американизированными выражениями, лежит «**феня**», т.е. воровской тайный язык, получивший широкое распространение в России XX в. в связи с массовыми репрессиями и последующими амнистиями. Э. Кочергин, главный художник БДТ, Заслуженный деятель искусств, в мемуарной книге «Крещённые крестами» [Кочергин 2009] рассказал о своем трудном детстве сына врагов народа. После шести лет труднейшего пути из сибирского детприемника до родного Ленинграда мальчик встречается со своей матерью, осужденной ранее за шпионаж. Мать ласково говорит сыну по-польски, однако вмешивается «чистенький капитан» милиции: «*Что ты ему пшекаешь? Ботай с ним по фене, он в этом языке больше разбирается*». И мать нарочито вежливо спросила капитана: «*А вы, гражданин начальник, на моего пацанка какую-нибудь ксиву дадите?*» Следовательно, можно предположить, что имплицитно молодежный сленг хранит тот **травматический опыт советской истории**, который оказался, в какой-то мере, вытеснен из интеллигентского, книжного языка «отцов».

Таким образом, литература 2000-х гг. стремится наладить «связь времен», установить диалог, сформировать единый, общепонятный язык на «базовой» территории семьи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АРУТЮНЯНЦ, К.: *Вторая попытка*. Проза.ру [Электронный ресурс] <http://www.proza.ru/2007/12/13/452>.

ВЕПРЕВА, И. Т. (2009): *Рефлексия советского как база для развития качественного значения лексемы советский в постсоветский период*. In: Советское пришлое и культура настоящего: моно-

- графия: в 2 т. / отв. ред.: Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, Т. 2. с. 220–230.
- ДУБИН, Б. (2009): *Режим разобщения*. In: Pro et Contra, Т. 13. № 1, с. 6–19.
- ЖАДАН, С. (2005): *Депеш мод*. СПб.: Амфора, 272 с.
- ЗОЛОТУХИНА, Д. (2010): *Другой антропологический вид-2. Чем современная молодежь не похожа на своих предков*. In: Русский репортер. Апрель 1-8. с. 44–53.
- КОЧЕРГИН, Э. (2009): *Крещённые крестами: Записки на коленках*. СПб.: ВИТА-НОВА, 272 с.
- КРУГЛОВА, Т. А. (2009): *Ценности и символы коммунальной коллективности сквозь призму диалога поколений*. In: Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред.: Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, Т. 1. с. 69–86.
- КУКУЛИН, И. (2010): «Создать человека, пока ты не человек»: заметки о русской поэзии 2000-х. In: Новый мир. №1. с. 155–170.
- ЛЕВИНСОН, А. и др. (2010): *Еще одно потерянное поколение?* In: Знамя. № 9. с.164–173.
- НУСИНОВА, Н. (2009): *Приключения Джерика: автобиографическая повесть*. 2-е изд. М.: Самокат, 168 с.
- ПАВЛОВА, В. (2011): *Однофамилица*. М.: Астрель, 448 с.
- РОДНЯНСКАЯ, И. (2010): *Пророки конца эона: Инволюционные модели культуры как актуальный симптом*. In: Вопросы литературы. №1. с. 5–55.
- СЕНЧИН, Р. (2010): *Питомцы стабильности или новые бунтари? Дебютанты нулевых годов*. In: Дружба народов. №1. с. 179–188.
- УШАКИН, С. (2009): *Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии*. In: Новое литературное обозрение. №100. с. 760–792.

ИННА ВАСИЛЬЕВА

Россия, Москва

МЕСТО УНИВЕРСАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО АРХЕТИПА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

ABSTRACT:

The Role of the Universal Cultural Archetype in Russian Literary Process of the Boundary of the XIX–XX-th Centuries

Cultural archetype is a form of schematization of cultural experience of mankind. Archetypal images have always accompanied man; they were realized in culture, philosophy, art, mythology. The special cultural archetype which has been implemented in Russian art and the literature of the boundary of the XIX–XX-th centuries, is neo-romanticism.

KEY WORDS:

Archetype – culture – images – myth – art – literature – neo-romanticism.

Культурный архетип является формой схематизации культурного опыта человечества. В пассионарной теории этногенеза Лев Гумилёв говорит о том, что создаются они крупными историческими общностями – субэтносами, этносами, суперэтносами, консорциями (группами людей, объединенных общей исторической судьбой) и конвиксиями (группами людей с общим местом обитания и единым бытом). Отдельные личности не создают, а воспроизводят в своем сознании и жизнедеятельности универсальные культурные архетипы, архетипические образы всегда сопровождали человека, они реализовались в культуре, философии, искусстве, мифологии. Более того, именно в мифологических системах обрабатывались и закреплялись архетипические образы. Универсальные культурные архетипы нашли свое отражение в религии, в сфере сакрального. По Юнгу, логическое мышление тоже связано с миром архетипов, но это косвенная связь.

В составе каждой культуры выделяются универсальные и этнические архетипы. К универсальным культурным архетипам можно отнести образы-символы хаоса и космоса, огня и воды, земли и воздуха, луны и солнца, «золо-

того», «серебряного» и «медного» веков, брачного союза мужского (солярного) и женского (лунного) начал и т.д.

Культурные архетипы, возникшие в глубокой древности, возрождаются и угасают, чтобы пережить очередное рождение на другом историческом этапе. Каждый этнос обладает такими угасающими и возрождающимися культурными архетипами, мифологизированными архетипическими образами.

В основе русских этнокультурных образов лежит ориентация на потаенную святость, которая выражена в образе «поддонного града Китежа», а также культ Софии Премудрости Божией, Вечно Женственного начала мироздания. Одним из характерных русских этнокультурных образов является фольклорный и литературный Христос – нищий, исходивший всю Русь-матушку «в рабском виде». К числу характерных для русского «коллективного бессознательного» архетипических образов можно отнести устойчивые представления о женской сути России, о Руси-матушке и царе-батюшке. Поклонение **Софии Премудрости Божией, Вечно Женственному** началу мироздания нашло свое ярчайшее отражение в образе Прекрасной Дамы в творчестве А. Блока (в лирическом цикле «Стихи о Прекрасной Даме»).

Все голубое – за Вами

И лучезарное – к Вам. [Блок 1971]

Голубой цвет – символ высокой красоты и откровения, цвет мистической голубой розы, прорастающей сквозь мироздание, голубой – это преддверие небесной лучезарности, поэтому в стихотворении Блока светлый храм Прекрасной Дамы возвысился именно голубыми мечтами и стоит на пути к Лучезарному.

Лирический герой цикла «Стихи о Прекрасной Даме» - это и рыцарь, и монах, и послушник, ожидающий монашеского сана. Его молитвенный подвиг – служение Даме, Деве, Царевне, Купине. Интерес к легенде о невидимом граде Китеже в русской культуре обусловлен, прежде всего, идеей национального самосознания, наиболее остро проявившейся на рубеже эпох. Революции, перевороты, социальные конфликты, утрата истинных духовных ценностей становятся толчком к возрождению образа Китежа как идеального места на земле. Он отмечен печатью святости, благочестия и героического подвига, освещен милостью. Бога и олицетворяет высшую форму нравственности.

Китеж (Китеж-град, град Китеж, Большой Китеж) - это мифический древнерусский город, находившийся, согласно преданию, в северной части Нижегородской области, неподалеку от села Владимирского и города Семёнова на реке Люнде. На месте, где по преданию некогда стоял Большой Китеж, теперь простёрло свои воды озеро Светлояр.

Культ священного озера Светлояр и «поддонного града Китежа» отражен в «Китежском летописце» («Книга глаголимая летописец...»), памятнике, созданном в среде старообрядцев-бегунов, в 80-90-е годы XVIII века. Другим памятником, в котором отражена легенда о Китеж-граде, является «Повесть и взыскание о граде сокроуенном Китеже». Эта легенда стала фольклорной основой для многих произведений искусства, в частности, для оперы Н. А.

Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», созданной в 1903 году.

Согласно легенде, Великий князь Владимирский Юрий построил на Волге город Малый Китеж (сегодняшний Красный Холм, по другой версии Городец). Позднее князь построил на берегах озера Светлояр город под названием Большой Китеж. «Китежский летописец» сообщает, что князь приехал к озеру Светлояр и увидел место необычайно прекрасное и многолюдное, где и построил город. Предполагается, что название города произошло от княжеского села Кидекши, во Владимиро-Суздальской земле, уничтоженного татаро-монгольской ордой в 1237 г. Хан Батый узнал о граде Китеже и приказал захватить его. Монголы захватили Малый Китеж и вынудили Юрия отступить в леса к Большому Китежу. Жители Большого Китежа не собирались защищаться и только молились. Из-под земли хлынула вода и затопила город. Китеж погрузился в озеро. Последним под воду ушел крест на куполе собора. Согласно финальной части предания, люди, чистые сердцем и душой, найдут путь в Китеж. В тихую и безветренную погоду можно услышать, как под водой звонят колокола соборов града Китежа. Поэтому озеро Светлояр называют «русской Атлантидой», которую поглотила вода, как остров Антлантиду из рассказанного Платоном мифа. Великий град Китеж стал символом потаенной святости, райским местом, которое открывается немногим избранным душам. Китеж – это пример универсального культурного архетипа, который прочно вошел в концептосферу и ментальность русского народа.

Интересна легенда о граде Китеже проявляла и поэт Н. Клюев в стихотворении «Русь-Китеж». Понятия Русь и Китеж в произведениях поэта тесно связаны, предполагают одно другое. Полное отождествление их наблюдается в стихотворении **Русь-Китеж (1919)**, где прошлое, настоящее и будущее соотносимы с тремя эпохами: эпоха Древней Руси, дониконовской веры, эпоха Антихриста, поругания Святой Руси и грядущая эпоха. Историческое прошлое — эпоха Древней Руси, «древляго» благочестия, старой веры. С ним в поэзии Н. А. Клюева связан мотив непоправимой утраты. Вероятно тот же смысл заключен и в опере композитора Н. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», написанной в 1903 году, и в картине М. Нестерова «Град Китеж (В лесах)», созданной 1917-1922 годах.

Таким образом, опираясь на всё вышеизложенное, можно утверждать, что универсальные культурные архетипы диахронически и синхронически проявляются в мифологических образах и сюжетных элементах, в религиозных учениях и обрядах. Они находят свое отражение в национальных идеалах, концептосфере и ментальности. На уровне личностного бессознательного культурные архетипы проявляются в сновидениях, фантазиях и фобиях и, конечно же, в любом из возможных видов творчества. Только художник, наделенный талантом особого восприятия и видения мира способен «оживить» и усилить некоторой новизной «первообраз», т.е. придать ему осознанное проявление, которое принято называть мифом. В этой связи особенно показателен процесс возрождения сначала в романтизме, а затем и в неоромантизме ряда таких ар-

хетипов. Культурные архетипы, возникшие в глубокой древности, возрождаются и угасают, чтобы пережить очередное рождение на другом историческом этапе. Каждый этнос обладает такими угасающими и возрождающимися культурными архетипами, мифологизированными архетипическими образами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЛОК, А. (1971): *Собрание сочинений в 6 т. Т.1.* М.: Правда, с. 34.
ГУМИЛЁВ, Л. (2001): *Этногенез и биосфера земли.* СПб.: Кристалл.
КЛЮЕВ, Н. (1977): *Стихотворения и поэмы.* Л. Советский писатель, с. 243.
ЮНГ, К. Г. (1991): *Архетип и символ.* М.: Ренесанс. с. 55.

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ГРЕЧАНИК

Россия, Москва

ПРИНЦИП ДИАЛОГИЧЕСКОГО РАСШИРЕНИЯ СМЫСЛА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

ABSTRACT:

The Principle of an Expansion of Sense of the Dialogues in the Novel *Brothers Karamazov* by F. M. Dostoevsky

The below article is devoted to the concept of dialogue which allows to see the latent sense of the novel *Brothers Karamazov* and to hear beyond the lines of the work “a tragical opera” – the “dramatic” not ended novel-reminder about the eternal Hero. The second “pillar” of the novel *Brothers Karamazov* is the metaphysical sense meaning a possibility to speak about a person and remind the reader during the same time a maximum of its possible embodiments. Such discourse also specifies the “dramatic” tone to all subsequent narration. The impossibility of direct transfer of sense is confirmed with words of the author-storyteller, and the author of article attempts decoding some latent senses of the novel by means of their expansion.

KEY WORDS:

Dialogue – F. M. Dostoyevsky – Brothers Karamazov – Crime and punishment – V. V. Kozhinov – expansion of sense – philosophical implied sense – religious implied sense – spiritual brotherhood – unification in the Christ.

Если мы обратимся к расширенному понятию диалога как межкультурного явления, то увидим, что импульсом к развитию, условием жизнеспособности любой культуры будет являться её «сверхпроводимость», способность к закономерному обмену и сравнению с другими культурами. Расширение культуры происходит тогда, когда традиция встречает ценности иного культурного комплекса и тогда возникает то, что называется «диалогом культур» или «культурной полифонией».

В классической философии схему диалога можно представить так: от тождества – к различию – к противоречиям – к синтезу – к новому целому. Здесь нет конфликта, а есть различия. Цель диалога – взаимопонимание, движение к истине. Таким образом, можно говорить о таких антиподах диалога как монолог (в котором встречаем абсолютное тождество) и конфликт (где не рождается новое целое). Иными словами, диалог – это механизм развития, прин-

цип познания, альтернативный «монологическому разуму»; способ самоопределения и необходимое условие любых подлинных отношений – не случайно теоретики диалога считают, что сознание начинает по-настоящему функционировать, только когда появляется второе сознание, а парадокс существования культуры – в её возникновении на границах бытия.

Постижение художественного мира Ф. М. Достоевского также возможно только на грани рационального-внерационального, что соответствует представлениям писателя о столкновении «жизни» и «теории». Роман «Братья Карамазовы» в ракурсе диалога обращён к абсолютному «Ты». В действительности же, по другую сторону находится восприятие читателя, расширяющее или сужающее заложенные в произведении смыслы.

Принцип диалогического расширения смысла реализуется на разных уровнях: от включённых в ткань романа частных реалистических деталей до смысловой перспективы «вселенского масштаба»: расширяется время, пространство, образы, идеи. Расширяются все структурные элементы произведения: заглавие, эпизоды и т.п. Так, например, грандиозный художественный мир романа «Преступление и наказание» не может быть исчерпан изложением идеи Раскольникова или какими-либо подтекстами: философскими, социальными, психологическим и т.п. В этом и заключается «неисчерпаемость» романного смысла.

Можно привести многочисленные примеры интерпретаций, в той или иной мере сужающих творчество Ф. М. Достоевского. Так, Н. А. Бердяев считал, что «Ф. М. Достоевский – прежде всего психолог», «великий антрополог, предвосхитивший Ницше» [Бердяев 1918]; С. Н. Булгаков присвоил Ф. М. Достоевскому «почётное звание художника-философа» [Булгаков 1902]; в советский период много писалось о «противоречивости», «двуликости», «ущербности» Ф. М. Достоевского. Но художественный талант писателя нельзя поместить ни в прокрустово ложе гуманитарно-научных изысканий, ни в идеологические тиски. Глубинный подтекст «Братьев Карамазовых» не менее всечеловечен и грандиозен, чем подтекст «Преступления и наказания»

Обращаясь к истории создания романа «Братья Карамазовы», видим, что до появления замысла «Братьев Карамазовых» и всё последующее время сознание Ф. М. Достоевского было занято «всецельностью и духовной нераздельностью» [Достоевский 1877], «духовным единением» [Достоевский 1880], «всесветным единением во имя Христово» [Достоевский 1881], что отражено в дневниковых записях писателя. Далее, учитывая многочисленные трактовки фамилии Карамазовы, обратимся к заглавию романа и поставим акцент на первой составляющей – «братья». Через это слово, предвещающее повествование и являющееся ключом к последующему тексту, передана идея духовного единства, соотнесённости каждой личности со всем миром, столь значимая для Ф. М. Достоевского. Подобный обобщающий смысл переводит семейное родство в степень родства всеобщего, обращая, тем самым, текст произведения ко всем и каждому.

Исходя из этого, можно говорить о том, что в романе запечатлено «духовно нераздельное» братство «незрячих» (по одной из версий, фамилия Карамазовы прочитывается как «не смотрящие») – «чёрненьких», стремящихся ко Христу, носящих его в себе, претерпевающих искушения, так же, как и Он, но не достигающих Его идеала – «братство Карамазовых». Сложное и непоследовательное движение человечества сразу в двух направлениях – от Бога и к Нему – реализует ту самую «незавершённость» романного мира Ф. М. Достоевского, «высвобождающую художественную энергию», без которой произведение превращается в плоскую завершённую нелепость.

Отголосок «грандиозного» смысла слышится в первых строках повествования. Ф. М. Достоевский энергично привлекает внимание читателя к личности никому не известного героя и объясняет необходимость такого пространного вступления неким особым замыслом: «...всё-таки, дескать, заране в чём-то предупредил» [Достоевский 1880].

Попытаемся расшифровать это предупреждение художника, опираясь на следующие фразы предисловия: «Начиная жизнеописание героя моего...» [Достоевский 1880]; «...Хотя я и называю ... моим героем, но однако сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбежные вопросы в роде таковых: чем же замечателен..., что Вы выбрали его своим героем? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение фактов его жизни? Последний вопрос самый роковой, ибо на него могу лишь ответить: *Может быть, увидите сами из романа*» [Достоевский 1880]; «Для меня он примечателен, но решительно сомневаюсь, успею ли доказать это читателю. Дело в том, что это, пожалуй, и деятель, но деятель неопределённый, не выяснившийся. ...Одно, пожалуй, довольно несомненно: это человек странный, даже чудак. ...Бывает так, что он-то пожалуй и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» [Достоевский 1880].

Если воспринимать предисловие в свете диалогического принципа расширения смысла, выстраивается чёткая цепь вопросов, в ходе ответов на которые возникает образ единственно значимой в таком ключе для Ф. М. Достоевского личности – личности Христа. «Жизнеописание у меня одно, а романов два» [Достоевский 1880] – действительно, жизнеописание Христа – единственное в своём роде. Чьё жизнеописание могло так волновать писателя, чтобы он решился сделать его всеобщим достоянием? Почему – и это Ф. М. Достоевский называет «роковым вопросом» – читатель должен тратить время на изучение фактов его жизни? Кто ещё мог быть назван неоднократно и с поразительной настойчивостью «моим героем», которого Ф. М. Достоевский «сам выбрал»? Знаменитая ситуация выбора между Христом и истиной, думается, легко встраивается в этот логический ряд.

Чем же для писателя упомянутый герой так «примечателен»? Ф. М. Достоевский подчёркивает «невеличие» этого человека, неопределённость его деятельности – каковыми и выступают в глазах обывателя личность и деятель-

ность Христа, связанные не с победой, а с кажущейся неудачей его земной проповеди. Кто мог носить в себе «сердцевину целого»? От кого могли «почему-то» отпасть, «оторваться» «каким-нибудь наплывным ветром, на время» люди? И в этом ключе мы можем увидеть дальнейшее расширение смыслов в последующем повествовании.

Так, особый смысл приобретает борода штабс-капитана Снегирёва (известное изречение о Боге штабс-капитана Лебядкина из «Бесов» достраивает эту коннотацию) – в герое, дразнимом Мочалкой за бороду (читаем, за христоводобие), проступают уже иные, более высокие черты. История с бородой получает сходное развитие в эпизоде разговора Коли Красоткина «с народом» на ярмарке, – здесь Ф. М. Достоевский иносказательно характеризует состояние русского общества: «У мужика борода замерзла! – громко и задирчиво крикнул Коля, проходя мимо него. – У многих замерзла, – спокойно и сентенциозно промолвил в ответ мужик» [Достоевский 1880].

Показательна также беседа Коли Красоткина и Алёши Карамазова, в которой можно увидеть черты диалога («Но про себя очень, очень хотел познакомиться...»; «Любил, ужасно любил, любил и мечтал об вас!») и антидиалога (Коля: «всегда наружно выказывал презрительно равнодушный вид...»; «... изю всех сил стараясь принять самый независимый вид») [Достоевский 1880]. В антидиалогических аспектах беседы сквозит явная ирония писателя: («Я пришел у вас учиться, Карамазов, – проникновенным и экспансивным голосом заключил Коля» [Достоевский 1880]). Высказывания Коли Красоткина диалогической направленности часто перерастает в пародийный диалог и в других случаях («Я всегда готов признать ум в народе»; «Я люблю поговорить с народом...»; «Я верю в народ и всегда рад отдать ему справедливость...») [Достоевский 1880].

С точки зрения расширения смысла выглядит в новом свете и образ Илюши Снегирёва: сына, страдающего и заступающегося за своего отца, искушаемого и принимающего смерть – за этим сюжетом прочитываются евангельские события о других Отце и Сыне. Характерны возгласы Илюши, обращённые к отцу: «Папа, папа, поди сюда...» – пролепетал было Илюша... вдруг бросил свои обе исхудалые ручки вперед и крепко, как только мог, обнял их обоих разом, и Колю и папу, соединив их в одно объятие и сам к ним прижавшись»; «Папа, папа! Как мне жалко тебя, папа!» [Достоевский 1880] и т.п. Они обращают нас к знаменитому библейскому призыву Иисуса «Или, Или, лама савахфани!» («Отче, Отче! Зачем оставил ты меня!») Авторские характеристики Илюши только подтверждают данную версию: «Мальчик хоть и старался не показывать, что ему это неприятно, но с болью сердца сознавал, что отец в обществе унижен, и всегда, неотвязно, вспоминал о мочалке и о том страшном дне» [Достоевский 1880].

«Братское» примирение после смерти Илюши снова воспроизводит библейскую легенду, только пародийно, и выглядит иллюзорным воссоединением человечества после жертвы Христа: «Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и

вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!

- Так, так, вечная, вечная, – прокричали все мальчики своими звонкими голосами, с умиленными лицами.
- Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!
- Будем, будем помнить! – прокричали опять мальчики, – он был храбрый, он был добрый!
- Ах как я любил его! – воскликнул Коля» [Достоевский 1880].

Второе дно романа «Братья Карамазовы» – дно метафизического смысла: говоря о человеке – напоминать в это же время о высшем из возможных его воплощений. Такой дискурс диалогического приращения смысла и задаёт грандиозный тон всему последующему повествованию. Невозможность прямой передачи романного смысла и потребность в диалогическом расширении подтверждают слова автора-повествователя: «Ну а коль прочтут роман и не увидят... Говорю так, потому что с прискорбием это предвижу» [Достоевский 1880].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕРДЯЕВ, Н. А.: *Откровение о человеке в творчестве Ф. М. Достоевского* [электронный ресурс] In: Бердяев, Н. А. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/otkrov.html>. Дата обращения: 25.05.2011.
- БУЛГАКОВ, С. Н.: *Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип* [электронный ресурс] In: Булгаков С. Н. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>. Дата обращения: 25.05.2011.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М.: *Братья Карамазовы* // Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч.: в 30 т. [электронный ресурс] / Достоевский Ф. М. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/dostoevs/dostfo1.htm>. Дата обращения: 25.05.2011.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1877): *Дневник писателя*. Январь, 1877 г. In: Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч.: в 30 т. [электронный ресурс] / Достоевский Ф. М. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn13.htm>. Дата обращения: 25.05.2011.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1880): *Дневник писателя*. Август, 1880 г. In: Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч.: в 30 т. [электронный ресурс] / Достоевский Ф. М. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn23.htm>. Дата обращения: 25.05.2011.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1881): *Дневник писателя*. Январь, 1881 г. In: Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч.: в 30 т. [электронный ресурс] / Достоевский Ф. М. – Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn24.htm>. Дата обращения: 25.05.2011.

МАРКЕТА КРОПАЧКОВА

Чехия, Брно

ЖЕНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Л. С. ПЕТРУШЕВСКАЯ

ABSTRACT:

The Female Characters of Past and Present: F. M. Dostoevsky and L. S. Petrushevskaya

The paper is focused on the description of miscellaneous female characters in selected literary works by F. M. Dostoevsky and L. S. Petrushevskaya. The study endeavours to highlight the fact that Dostoevsky and Petrushevskaya have in many ways analogous methods of depiction of a live story of Russian women. The writers insert a feeling of loneliness and helplessness into their literary heroines. But they also represent morally strong women which can survive all the iniquity with the help of faith and humbleness.

KEY WORDS:

Russian Literature – L. S. Petrushevskaya – F. M. Dostoevsky – Women's Prose – Realism – Postmodernism – Prostitution – Socialism.

Женщина во все времена вдохновляла музу поэтам и писателям. Русские художники выявили в женских образах характеристические черты русского народа, обращая внимание особенно на изображение внутреннего мира и сложные переживания женской души и душевной красоты. Начиная с XII века, через русскую литературу проходит образ русской женщины-героини, приготовленной на великие подвиги. Писатели XX века, следуя традиции своих предшественников, тоже создают галерею сильных героинь, располагающих индивидуальными чертами характера. Они носительницы народных идеалов; ими восхищаются, их ненавидят и любят.

Целью доклада¹ является рассмотрение интонационных особенностей женского образа в русской прозе на примере произведений Л. С. Петрушевской и ее предшественника, представителя русской классической литературы Золотова века, Ф. М. Достоевского.

¹ Статья возникла за помощи проекта „SLOVANSKÉ AREÁLY“ MUNI/A/0902/2010.

Достоевский и Петрушевская создавали свои произведения в периоды социокультурных трансформаций, когда показываются новые художественные системы. Их рассказы основаны на противоположных идеологических и художественных принципах данного времени. С помощью абсурда, алогизма и дисгармонии писатели в книгах превращали обыкновенные социально-исторические принципы существования человека. Ценность произведений Ф. М. Достоевского и Л. С. Петрушевской заключается в том, что они помогают читателям найти ответы на многие жизненные вопросы так, как в их прозах помещаются элементы литературного текста и самого мира. Это соединение особенно сильно в прозах Л. С. Петрушевской, которая обращает внимание читателей на естественную оппозицию мужского и женского. Ее произведения представляют собой своеобразную энциклопедию женской жизни от юности до старости (напр., *Приключения Веры*, *Три девушки в голубом*, *История Клариссы*, *Дочь Ксени*, *Гигиена* и многие другие). В своих книгах Петрушевская раскрывает культуру мужского тоталитарного типа, проникнутого языком лжеистины, которому автор противопоставляет женственность без мужской агрессивности и насилия.

Достоевский и Петрушевская авторы очень разные по своим стилистическим привычкам, но они согласно обращаются к темным тупикам социальной жизни. Жанр их рассказов можно определить как бытовое произведение с частыми философскими отступлениями. Проблематика таких произведений очень обширна: отношение людей к любви, феномен дома-крепости, взаимоотношения между разными поколениями, семья, смысл жизни, чувство долга... Между тем, как Достоевский логически клонится скорее к мужскому мировоззрению, Л. С. Петрушевская в своем творчестве представляет синтез маскулинного и феминного, которые только вместе раскрывают драматизм бытового мира российской женщины. В жизни женщин Петрушевской много горького, они страдают от недостатка любви, дружбы, материнства и добра в обществе. Ее героини могут достойно вынести ужас жизни; и все это напоминает нам специфическую природу творчества Достоевского. В центре проз Л. С. Петрушевской семейно-бытовые события, окружающие женщину. Мы здесь встречаемся с самыми обычными житейскими и литературными мотивами, а также мифами [Липовецкий, 1993].

Художественный метод Л. С. Петрушевской критики определяют как гиперреализм или жесткий реализм. Женщина изображена как замученное бытом существо с несовершенственным характером, чья жизнь згущена в ужас повседневного стереотипа. Автор так концентрирует в своих героях социально детерминированное зло. Все героини Петрушевской одинаковы в своем страдании: «Нечего есть, бедность, работа за гроши, тараканы в коммунальной комнате, муж пьет, бьет или ушел к другой, сын в тюрьме, мать в психбольнице, дочь неожиданно рождает; нет денег, нет вообще денег, вот и все» [Рыкова 2003: 179]. Но главное в том, что «женщина у Петрушевской внешне всегда поставлена в самые унижительные обстоятельства. Но при этом она совсем не предстает маленькой, забытой и униженной. Она – целый мир, к которому

мужчина относится как часть к целому» [Касаткина 1996: 20–36]. Петрушевская обращается к внутреннему миру героини, обладающему силой любви, которая лечит души или снова добывает потерянную любовь друга.

Творчество Достоевского и Петрушевской полно ситуаций, концентрированных на образ двусмысленности жизни – её грешность и святость. Тем не менее, в этих экспрессивных выражениях практически нет негативных коннотаций, поскольку в мире, который писатели раскрывают, физическая и духовная сторона жизни находятся в неделимом единстве. Героиня Петрушевской и её мир поражает читателя парадоксальностью и фабулой; она не похожа на стереотип женского идеала мягкости и женственности, но она несомненно сильна. Как уже замечено по этому поводу, здесь возникает немало ассоциаций с Достоевским. Авторы в своих произведениях излишне не разрабатывают систему причинно-следственных связей. Взамен в пространстве своих проз концентрируют мрак и ужас жизни в невыносимой степени, заменяют психологию персонажей и раскрывают темные образы героинь, изо всех сил сдерживающих эмоции. Их творчество в некотором смысле является отражением отчаянной женской души.

Рассматривая внутренний мир героинь Петрушевской и их женский взгляд на мир, нельзя не заметить разработку одной из важных тем русской классической литературы – тему проституции как символа жертвенности, ярко представленной в романах Ф. М. Достоевского. Выбор этой проблематики не случаен так, как писатели раскрывают тему проституции аналогично. Достоевский и Петрушевская в своих произведениях («Преступление и наказание» и «Дочь Ксении») открывают это общественное табу; персонажи проституток идеализируют и романтизируют, но одновременно они не отрицают их принадлежность ко дну общества.

И почему они интересуются темой проституции? Для русской культурной традиции совершенно естественно, что писатели, как строители общественного сознания, чувствуют ответственность за ситуацию в обществе. Как заметила Л. С. Петрушевская в рассказе «Дочь Ксении»: «Задача литературы, видимо, и состоит в том, чтобы показывать всех, кого обычно презирают, людьми, достойными уважения и жалости. В этом смысле литераторы как бы высоко поднимаются над остальным миром, беря на себя функцию единственных из целого мира защитников этих именно презираемых, беря на себя функцию судей мира и защитников, беря на себя трудное дело нести идею и учить» [Петрушевская 2002].

В произведениях Достоевского посредством ссылок на жизнь проституток и их семей отразился сырой реализм. Автор обращает наше внимание на плохое положение девушек, денежные и экзистенциальные проблемы, которые их заставили страдать и с помощью веры и уверенности под конец покаяться за свои грехи. А именно этот авторский подход Достоевского и его жестокий способ изображения нравственно сильной павшей женщины-проститутки повлиял на персонажи Петрушевской. Читатели Достоевского не упрекают героини за их погрешность; то же самое чувство возбуждают также героини

писательницы, которые находят себя в опасности для своей жизни, испытывая при этом насилие и позорное унижение. Мы хотим пожалеть их, дать им надежду на лучшее будущее, но это не мыслимо.

Продолжая традицию Достоевского, Петрушевская дает описание женщин-проституток через человеческую сострадательность: «Действительно, чье бы сердце, даже закоренелое сердце, не содрогнулось бы при виде проститутки так и хочется сказать – простоволосой, хотя на голове у нее есть какой-то свалывшийся, как валенок, грубый шарфик, но сдвинутый на затылок, так что волосы висят» [Петрушевская 2002]. Петрушевская особенно внимательна к переходу от предельно-обобщенного к индивидуально-конкретному. Истории писателей носят дискретный характер, но из складывающегося текста мы постепенно узнаем некоторые подробности из жизни, взгляда и характера героинь. В рассказах Достоевского и Петрушевской мы столкнемся с душевной чистотой и добротой проститутки, с ее отношением к миру. И вновь мы можем говорить о традиции русской классической литературы, ее обращении к теме веры и спасения человеческой души.

Посредством образа проститутки авторы своим читателям согласно предлагают одну из жгучих философских проблем современного мира – проблему девальвации основополагающих для человеческой души составляющих. Именно Петрушевская остро чувствует враждебные результаты современного общества – любовь, сочувствие и внимание к человеку постепенно исчезают из нашей жизни.

В образах художественного изображения женщины и ее чувств всегда отражаются определённые моральные принципы, имеющие силу в данном времени и месте. Литература, изображающая любовь, готовность и смирение в их различных видах, ничего не прикрывающих, так, как их изобразил Ф. М. Достоевский в лице Сони – это феномен, который исчез с поля русской литературы советского периода, но мы его снова обнаруживаем в шокирующих произведениях Л. С. Петрушевской. Ее попытка найти новые средства художественной выразительности, без сомнения, обогатила современное русское литературное сознание и достойно продолжает творческое направление Достоевского.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BAKER, A. M. (ed.) (1999): *Consuming Russia: popular culture, sex, and society since Gorbachev*. Duke University Press, Durham [N.C.], s. 318–336.
- KRTIČKOVÁ, T. (2011): *Postava prostitutky v díle L. Andrejeva a F. M. Dostojevského*. [Diplomová práce], FF MU, Brno.
- КАСАТКИНА, Т. (1996): *Но страшно мне: изменишь облик ты...* In: Новый мир. №4., с.20–36.
- ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Н. (1993): *Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики)*. Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л. С. (2002): *Дочь Ксени*. Он-лайн текст доступен на [<http://www.litmir.net/bg/?b=21817>][20.8.2011].
- ПРОХОРОВА, Т. Г. (2007): *Проза Л. Петрушевской как художественная система*. Казанский гос. Ун., Казань.
- РЫКОВА, Д. В. (2003): *Духовные искания героев малой прозы Л. Петрушевской. Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира*. Материалы Всероссийской научной конференции УлГТУ, Ульяновск.

ИРИНА МОКЛЕЦОВА

Россия, Москва

СТРАННИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Л. Н. ТОЛСТОЙ, Н. С. ЛЕСКОВ

ABSTRACT:

The Tradition of Pilgrimage in Russian Culture and Classical Literature: F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, N. S. Leskov

The article deals with modern study of Russian cultural traditions. In Russian conception of the world pilgrimage is presented with a wide circle of ideas and realities.

KEY WORDS:

Cultural traditions – pilgrimage – literature.

Странническая традиция получила в русской культуре самобытное воплощение. Восходит она к дохристианскому периоду и тесно связана с обычаем древних славян с уважением принимать пришельцев, предоставлять им кров, пищу, при необходимости – защиту. Богатый материал по этой теме предоставляет русский фольклор. Христианизация славян приобщила их к мировому духовному опыту, значительно обогатила культуру. В связи с этим образ странника приобретает в славянской культуре новые черты, наполняется иными духовными реалиями: жизнь – странствие в поисках спасения души. В культуре различаются «странничество» как культурный концепт и «странничество» как духовный подвиг, выбираемый подвижником благочестия для своего спасения.

Странники так прочно вошли в русскую действительность, а образ странника – в русскую культуру, что породили целый ряд жизненных установок и форм поведения, а также понятий и представлений. Странник – это богомолец, который смиренно, соблюдая пост, пешком передвигается от святыни к святыне. Оставив привычную жизнь, родных, близких, странник отправляется на встречу с Господом, посвятив остаток своей жизни аскезе, смирению, покаянию, молитве, в том числе молитве Иисусовой.

Слово «странник» и его производные неоднократно встречаются в Библии, определяя ценностное содержание человеческого существования. Все праведники Ветхозаветной Церкви проводили земную жизнь сообразно назначению, данному Богом. Новозаветное странничество имело для себя образцом жизнь Иисуса Христа.

Специальной литературы, посвященной странническому концепту в русской культуре не так много. Этой темой преимущественно занимаются историки, этнологи [Мальцев 1999; Щепанская 1995; Громыко 2007; Дутчак 2008], филологи [Благой 1962; «Уход» и «воскресение» героев Толстого 1978; Гуминский 1987]. Для целостного восприятия страннической традиции целесообразно привлечь источники богословского и историко-церковного характера, прежде всего тексты священного Писания и Предания [Библия 1997; Игнатий 1989; Лествица 1991]. Большую ценность имеет труд священномученика Сергия Сидорова, которому принадлежит оригинальная типология странничества [Сергий 1999]. Автор отмечает, что Русь знает три страннических пути.

Первый путь «ведет от Церкви в необозримые путаницы дорог, это путь ухода от ограды Христовой, путь самости, желания создать свою собственную религию, желания выявить во что бы то ни стало новое». Это путь русских пантеистов, бегунов, ужаснувшихся злу мира, «...конец его зрится в темных делах ночных и осенних дорог».

Второй путь – путь богоискателей, которые жаждут, но не могут найти Христа. Идущие этим путем знают легенды и сказания о Граде Китеже, о Церкви Христовой, закрытой за семью замками, ищут ключи от этих затворов. «Это путь русских интеллигентов, аскетов с пробудившейся совестью, жаждущих веры и не могущих ее обрести. Их дороги беспокойны, они безнадежно длинны, и нет в конце их тихого пристанища, о котором так томятся вступившие на этот путь люди».

Но есть и третий путь, светлый путь странничества, когда, порвав с уютом и семьей, выходят странники во имя Христа на дорогу для того, чтобы уйти с нее в могилу. «Они видят Христа, грядущего по весям и долам, по тропам лесным и берегам глубоких рек, и идут за Ним, радостные, твердо веря, что эта дорога земная подымет к небу и сольется со светлой дорогой надзвездной» [Сергий 1999: 94–95].

Странники первых веков христианства послушание, равное в то время подвигу: оповещали общины о важных событиях, например, о решениях церковных соборов, распространяли послания апостолов и святых отцов, помогали ссыльным и заключенным. «Калики перехожие» связывали Русь со святынями Востока и Запада, доводили до современников свидетельства о новейших чудесах; приносили из святых мест мощи, частицы древа Креста Христова, камни от Гроба Господня.

В истории Русской Церкви подвиг странничества ярко высвечивается в XVIII в., когда «впервые рационалистическая культура стала вытеснять внешне и внутренне самые дорогие святыни Православия» [Сергий 1999: 103]. Напомню имена известных странников XIX в.: старец Феодор Кузьмич, Даниил, изобра-

женный О. Кипренским, юродивый странник Филиппушка, веселая странница Ксения, суровый странник Фома. Их нестяжание, смирение в скорбях и обидах, принижение своей значимости делают странничество духовным подвигом и связывают с подвигом юродства.

Предоставление безвозмездно крова и пищи всем странникам и паломникам требовало особого подвижничества и известно как страннолюбие или странноприимство: Среди известных странноприимцев XIX в. были Матрена Наумовна Попова, Василий Григорьевич Горбыч, иеромонах Никон. Их жизнеописания хранят скорбные строки о вынесенных ими гонениях из-за любви к «странным мира сего» [Сергий 1999].

С XVII в. странничество стало формой выражения религиозных, политико-идеологических воззрений, образом жизни представителей секты «бегунов» или «странников». Надо отметить, что бегунам мы обязаны сохранением книжной рукописной традиции и тех бесценных образцов нашей культуры, оригиналами которых они до сих пор пользуются [Мальцев 1999; Дутчак 2008].

Подвиг странничества рождал провидение будущего. Многие странники были вестниками грозных новостей, известий о близкой кончине, утраты близких. В странничестве нашли отражение апокалиптические представления не только русских сектантов, но и подвижников благочестия.

Концепт «странничество» окончательно сложился в русской культуре XIX в. Большое значение в его новом прочтении сыграли представители западноевропейских направлений сентиментализма и романтизма. Русская реалистическая литература XIX в. активно использовала тему странничества, увязав ее как с темой народной жизни и воссозданием национального характера. Остановимся на повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (1873), романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875), повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» (1890–98).

Среди творческих задач Н. С. Лескова было создание образов русских праведников, так называемых «антиков», воплощающих русский национальный характер. Герой повести «Очарованный странник». Иван Северьянович Флягина по прозвищу «Голован» оказывается в роли странника поневоле, в силу материнского обета. Автор исследует основные духовные ценности русской жизни и культуры.

Лесков использует форму сказа, которая ориентирована на социально и духовно чужую речь. По мнению М. М. Бахтина, в сказе автору важна прежде всего манера видеть и изображать, а не только типическая манера мышления, переживания и речи повествователя [Бахтин 2000: 89]. Повесть «Очарованный странник» можно прочесть буквально, разделяя мысли и чувства героя, исповедуя его патриотизм, веру без рефлексии и богословских прений, укорененное в нем стремление к добру, любви, совести, справедливости. Прочтение повести под другим углом зрения обнаруживается сомнение в праведности героя, его подлинности, несоответствии той полноценной народной жизни, которая окружала писателя, что вызывает представление о чудаковатости, не типичности героя, его «странности». Многомерность прочтения образа стран-

ника у Лескова дает возможность читателю рассмотреть странническую традицию с разных точек зрения, тем самым подчеркивается ее сложность и значительность.

В произведениях Толстого упрощение представлений о Богочеловеке, низведение Его до простого морализатора привели к существенной трансформации христианского понимания странничества. На первый план в его произведениях выступают сильные герои, которые Богочеловека и в мыслях своих не имеют. Многие его персонажи совершают уход из привычного мира в поисках подлинной содержательной жизни, но, по мнению исследователей, типизированы наподобие западноевропейского героя-скитальца [«Уход» и «воскресение» героев Толстого 1978; Благой 1962].

Герой повести «Отец Сергей» князь Степан Касацкий экзотичен, романтизирован. Перед читателем возникает образ человека, переживающего многолетний духовный кризис, обремененного сомнением в существовании Бога и веры, обуреваемого плотскими искушениями. Его страннический опыт дает ему возможность познать смирение, бескорыстие, любовь к окружающему миру. Финал повествования – арест за бродяжничество, суд и ссылка на поселение в Сибирь – прямо направляет нас к жизнеописанию знаменитого сибирского старца Феодора Кузьмича, в котором современники признавали императора Александра I [Громько 2007].

Важнейших христианских представлений – «нищие духом», «рабы Божии» – у него в произведениях не возникает. Поэтому при всей любви к народной культуре Толстому не удалось создать полнокровный образ русского странника во всей полноте и глубине проявлений. Уход Толстого из Ясной Поляны предопределен влиянием страннической традиции и венчает его личный поиск духовности, отрешенности от всего земного.

Иначе раскрывается странническая традиция у романе «Подросток» Ф. М. Достоевского, который соединяет в одном художественном пространстве оба типа странников: взятого из народной жизни и литературного, воплощенных в образах Макара Ивановича Долгорукова и Андрея Петровича Версилова. Это произведение писателя вызвало обширную научную литературу [Фридлендер 1985; Мочульский 1995; Бем 2001].

Мечта о «золотом веке» человечества с его простотой, гармонией, целостностью оставалась у Достоевского в рамках христианского мировоззрения. В отличие от Толстого, Достоевский никогда не сомневался в Богочеловеке и видел в Нем свой идеал. Все это нашло отражение в образе Долгорукого. Смирение, нестяжание, молитвенное стояние, любовь ко всему окружающему миру, понимание трагизма человеческих отношений и в то же время радость бытия, обретение мужества и мудрости жизни через страдания позволяют назвать этого героя воплощением достоинств русского национального характера в понимании Достоевского. Повествование от лица подростка, вступающего в жизнь при сложных семейных и социальных обстоятельствах, ограничения в восприятии действительности, налагаемые отсутствием соответствующего жизненного опыта, делают Макара Ивановича в глазах подростка почти мифическим су-

ществом, воплощением чего-то хорошего, но давно прошедшего. Между тем, произошедшие с подростком перемены, становление его личности неотделимы от странника Макара и близкой к нему по духу матери Аркадия.

Второй странник-«скиталец», русский европеец, оторвавшийся от родной почвы, – отец подростка Версилов. В отличие от Макара, его слова и дела расходятся, противоречия характера не позволяют ему стать для Аркадия подлинным отцом, наставником, защитником. Долгорукий на протяжении многих лет уравнивает, в какой-то степени, его семейное положение, которое бесконечно колеблется из-за противоречий и крайностей со стороны этого «странника», всю жизнь мечущегося между своими заблуждениями. Внутренний мир героя формируется без главного для Достоевского чувства – христианской любви. Отсутствие подлинного религиозного опыта, замена которого идеями и чувствами приводит героя к катастрофе, уравнивается в романе жизнью и странника смертью Макара Ивановича, богатыря духа, которому было открыто то истинное, что сохранила многовековая народная традиция.

Конечно же, страннический подвиг – удел избранных людей, бравших на себя один из самых тяжелых крестов в деле спасения души. Св. Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лествице» так определяет его: «Странничество есть невозвратное оставление всего того, что в отечестве противодействует нам к достижению цели благочестия» [Лествица 1991: 20]. В своем творчестве русские писатели-реалисты XIX в. прибегают к странничеству как к богатому источнику средств и приемов в выражении своих представлений о жизни и смерти, взаимоотношениях человека с Богом, о войне и мире.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БАХТИН, М. М. (2000): *Проблемы творчества Достоевского*. In: Собр. соч. в 7 т. М., Т.2.
- БЕМ, А. Л. (2001): *Исследования. Письма о литературе*. М.
- БЛАГОЙ, Д. Д. (1962): *Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой*. М.-Л.
- ГРОМЫКО, М. М. (2007): *Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный: Исследования и материалы к житию*. М.
- ГУМИНСКИЙ, В. М. (1987): *Открытие мира, или Путешествия и странники*. М.
- ДУТЧАК, Е.Е. (2008): *Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.)*. Томск.
- ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ), СЯТИТЕЛЬ (1989): *СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ*. IN: БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ, СБ. 29. М., с. 284–320.
- Лествица преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы*. М., 1991.
- МАЛЬЦЕВ, А. И. (1999): *Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.* Новосибирск.
- МОЧУЛЬСКИЙ, К. В. (1995): *Гоголь. Соловьев. Достоевский*. М., с. 219–562.
- Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью В. С. Бобринской*. М.
- ФРИДЛЕНДЕР, Г. М (1985): *Достоевский и мировая литература*. Л.
- ЩЕПАНСКАЯ, Т. Б. (1995): *Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства)*. In: Русский Север. СПб.

Людмила Мосунова

Россия, Киров

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК АТРИБУТ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (ПО РАССКАЗУ И. А. БУНИНА «КАВКАЗ»)

ABSTRACT:

The Binary Oppositions as an Attribute of Dialogic Structure of Fiction (novelette by I. A. Bunin “Caucasus”)

The binary oppositions as a structural accessory of fiction, doing author’s intensions objective and causing dialogical essence of Russian literature, are considered; little known I. A. Bunin’s story «Caucasus» is analyzed from this point of view.

KEY WORDS:

Binary oppositions – structure of fiction – operations of binary analysis.

В литературоведении давно и плодотворно развивается идея М. М. Бахтина о природе искусства как диалога. Вместе с тем представления о диалогической структуре русской литературы возникали не только в трудах литературоведов. Интересно, что с похожими представлениями связаны и лингвистические, и семиотические теории понимания текстов. Я. Линцбах, например, считал, что необходимость применения одновременно нескольких точек зрения чувствуется и в обыкновенном языке, ибо, желая сделать нашу мысль возможно более понятной, мы высказываем ее многократно, различными словами. Он подчеркивал, что это повторение одной и той же мысли в различных выражениях составляет, как известно, необходимую принадлежность ораторского и писательского искусства. Ю. М. Лотман, говоря о том же в терминах теории информации, утверждал, что многократность перекодировки позволяет построить общее для разных систем семантическое ядро, которое воспринимается как значение, выход за пределы знаковых структур в мир объекта. Развивая эту мысль далее, отметим, что многократность «перекодировки» картины мира в уникальных художественных образах позволяет искусству сохранять и

транслировать на протяжении тысячелетий общечеловеческие смыслы и ценности, продолжая одновременно бесконечный диалог с великими мастерами прошлого.

В основу нашего представления о диалогической структуре русской литературы положена идея двоичных антитез. Диалогичность проявляется в возможности в любом художественном тексте обнаружить и выстроить бинарные оппозиции, помогающие уяснить точку зрения автора. В науке достаточно широко представлен метод описания мифологических и социальных структур в терминах двоичных (бинарных) противопоставлений. Роль бинарных оппозиций в мышлении, особенно если их понимать как единство противоположностей (материя и сознание, свобода и ответственность, случайность и закономерность), невозможно отрицать. Мы не исключили также вероятность, что бинарный принцип может обусловить структуру литературоведческого анализа и понимания художественного текста. Суть этого действия была определена путем переноса идей структурального анализа мифов на анализ художественных текстов. Элементы текста тоже могут составлять оппозицию, то есть являться взаимосвязанными и противопоставленными один другому.

Выявление бинарных оппозиций – важнейшая сторона леви-стросовской методики [Леви-Строс 1983]. По К. Леви-Стросу, выявление бинарных оппозиций включает операции выделения необходимых «узлов», или «пучков отношений». Оттолкнувшись от противопоставления элементов найти их взаимосвязь, связать их в «узлы» – значит создать опору для выявления функции данного «пучка отношений». Противоположности могут ограничивать и объединять в диалектическое единство пространство-время, события, характеры, поступки героев, их речь, художественные детали и т.д. Затем результаты анализа текста можно схематически изобразить в виде серии бинарных оппозиций, в последовательности от широких к узким. Данные операции предвосхищают смысл художественного сообщения путем выстраивания смысловых полюсов в рамках художественного единства. Здесь мы исходим из того, что механизм достраивания целого всегда присущ акту понимания и обуславливает его целостный характер.

Выявление бинарных оппозиций актуализирует и делает осознанной задачу обнаружения авторских смысловых «ориентиров» в художественной информации, как бы выносит наружу процесс установления связей внутри изображенного предметного мира. Тем самым создаются более широкие возможности реконструкции и соотнесения исследователем различных элементов художественной структуры, формируется представление о художественном тексте как о «сложно построенном смысле» (Ю. М. Лотман), как о целом, все элементы которого суть элементы смысловые. Выявление бинарных оппозиций расширяет арсенал умственных средств, позволяющих исследователю концептировать смысл художественного произведения, дает ценный опыт постижения мысли-чувства автора.

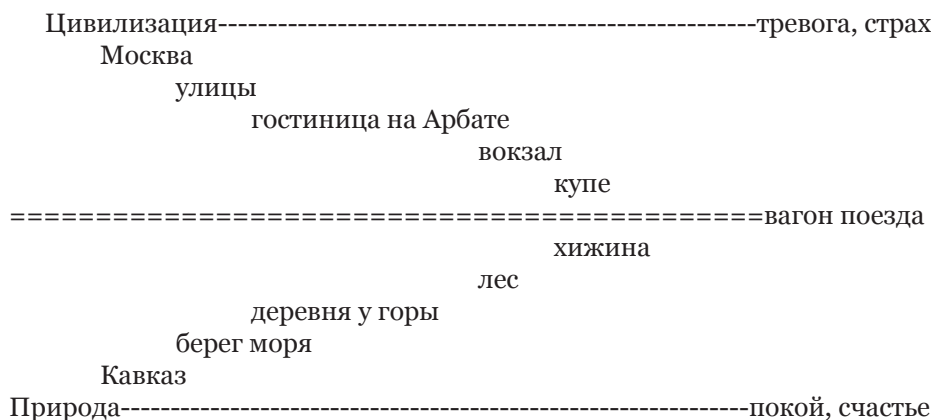
Выявление бинарных оппозиций поддается операционализации. Представим последовательно операции бинарного анализа.

1. Выбираем в тексте какой-либо компонент художественной структуры: пространство, время, характеры и т. д.
2. Находим все определения, относящиеся к данному компоненту.
3. Группируем атрибуты в пары как взаимосвязанные противоположности – бинарные оппозиции.
4. Располагаем пары в виде серии бинарных оппозиций – от широких к более узким.
5. Находим, если есть, члены-медиаторы.
6. Определяем смысл данного структурного компонента.
7. Соотносим смысл компонента со смыслом текста в целом.

Рассмотрим для примера бинарные оппозиции в рассказе И. А. Бунина «Кавказ», входящем в цикл «Темные аллеи».

Содержание рассказа связано с проблемой жизненных ценностей, их приоритетов, с проблемой жизненного выбора на основе ценностей и ответственности, платы за этот выбор. Проблемы сложные, неоднозначные, но у автора есть позиция, которую исследователь должен понять. Постигнуть ценностно-смысловой аспект произведения можно, опираясь на авторские ориентиры – двоичные противопоставления, которые пронизывают ткань текста и составляют его идейно-художественную основу. Для этого выполним названный выше ряд операций и разберём на основе этих операций процесс построения трех серий бинарных оппозиций.

Самая обширная оппозиция связана с художественным пространством рассказа: это Москва и Кавказ. Внутри полюсов этой широкой оппозиции выстраиваются пространственные оппозиции менее широкие: «незаметные номера в переулке возле Арбата» – деревня в горах; городские улицы – берег моря; московский вокзал – «лесные чащи» и «снежные горы»; «маленькое купе первого класса» – «хижина под черепичной крышей». Помимо крайних членов есть элементы-медиаторы. Вагон поезда, в котором любовники уезжают на Кавказ, находится на границе двух миров. Внутри – душно, пахнет мылом, одеколоном и «всем, чем пахнет людный вагон утром». Но за «мутными от пыли» окнами разворачивается совсем иное, открытое, пространство – «ровная выжженная степь», «пыльные широкие дороги», «безграничный простор нагих равнин». Не случайна еще одна смысловая метка: именно в поезде любящая женщина в первый раз говорит любимому «ты». Удаляясь от Москвы, где она «должна быть страшно осторожна», а он «терпелив», герои освобождаются от пут условностей, приближаются друг к другу. Вне текста находится другой полюс ориентира, помеченного автором как «место первобытное», «совсем дикое». Однако оппозиция достраивает художественное целое: это цивилизация, мир, созданный людьми. Представим первую серию бинарных оппозиций.

Итак, Москва в рассказе Бунина – это неприятное место, где идут «холодные дожди», где «грязно, сумрачно», а вечер «темный, отвратительный». Кавказ – земной рай, где «сильно, чисто и радостно» светит «горячее солнце», где «великолепно» пылают над морем «удивительные облака», где лазурно светится, расходуется и тает в лесах «душистый туман». Выявление пространственных оппозиций рождает мысль о несовместимости мира природы, а также всего, что в людях связано с природным началом, и мира цивилизованного, искусственного, погруженного в условности.

Эту мысль подтверждает анализ перемен во внутреннем состоянии влюбленных. Анализ воплотится во второй серии противопоставлений. Разное бытийное пространство рождает у героев диаметрально противоположное мироощущение. В Москве оба испытывают мучительнейшие переживания. Герой остановился в номерах «воровски»; по дороге на вокзал внутри у него все «замирало от тревоги и холода»; предположив, что возлюбленная не придет, он «похолодел от страха», третий звонок «оглушил» его, а тронувшийся поезд «поверг в оцепенение». Десятирублевую бумажку кондуктору (безрассудная щедрость!) он сует «ледяной рукой» – так велико внутреннее напряжение. Любимая потрясает его чувством жалости. Она безумно боится мужа, которого считает способным на все «при его жестоком, самолюбивом характере». Любящая женщина бледнеет от мысли об их «дерзком» плане «уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели»; она не может обедать, с трудом выдерживает «страшную роль» до конца.

На Кавказе все иначе. Их души обретают покой и радость жизни, открываются навстречу счастью взаимной любви и красоте окружающей природы. Это их глазами мы видим горячие, веселые полосы света, тянущиеся через сквозные ставни в знойном сумраке хижины; море цвета фиалки, лежащее ровно, мирно; позднюю луну, похожую на какое-то дивное существо. Мечта быть рядом с любимым человеком, которая казалась героям слишком великим счастьем, сбылась, любовь свершилась. И красота мира, и глубина и сила чувств

возлюбленных воспринимаются ими как воплощение божественного промысла. Чувство восхищения природой и радости бытия настолько велико и прекрасно, что героиня может выразить его только в слезах: она «радостно плакала», глядя на чекалок, твякающих «под блестящим ливнем».

Воспроизведение состояний обостряется, подчеркивается более широкой оппозицией. Это постоянное ощущение внутреннего и наружного холода в Москве («похолодел от страха», «ледяная рука») и такое же непрерывное ощущение огня на Кавказе («горячий» свет, «знойный» сумрак, «блестящий» ливень). Широкая оппозиция обусловлена внутренним состоянием, переживаниями персонажей – тревогой, страхом, испытываемыми в Москве, и покоем, счастьем, которые герои обрели на Кавказе. В целом вторая серия бинарных оппозиций открывает смысл душевных переживаний влюбленных, помогает понять отношение к ним автора.

Москва-----Кавказ
холод-----тепло
оцепенение-----движение
тревога-----покой
страх-----радость
страдание-----счастье

Оппозицию составляют качества персонажей, проявляющиеся в сюжете и конфликте рассказа. Робкие, трепетные, нежные любовники противостоят уверенному, твердому, решительному мужу героини. Только любовь дает силы беглецам: «Лучше смерть, чем эти муки», – говорит слабая женщина с «жалостной» улыбкой, невыносимо страдающая от мысли, что муж будет преследовать их. Внутренняя сила «мужа и офицера», как он называет себя, подчеркивается художественными деталями – выразительными подробностями, несущими существенную смысловую нагрузку. Рассказчик «поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке». Муж шагает «широко», входит в вагон «хозяйственно», с достоинством целует и крестит жену, прощаясь с ней. Также с достоинством, спокойно и обдуманно, он уходит из жизни: надев «чистое белье» и «белоснежный китель», выпив бутылку шампанского, «не спеша» выкурив сигару.

Построим еще одну модель, отразив схематично свойства, характеризующие героев рассказа.

Москва

муж-----любовники
«Я ни перед чем не остановлюсь»
сила-----слабость
достоинство-----нарушение норм
уверенность-----растерянность
Спокойствие-----напряженность

Кавказ

«Лучше смерть, чем эти муки»

неприятие своей участи-----принятие своей судьбы
 упорство в преследовании-----пассивное сопротивление
 утрата смысла жизни-----радость жизни
 сила умереть-----сила жить
 честь, долг-----любовь

Примеры бинарных оппозиций можно увеличить. Противопоставления есть в описании звуков, запахов, красок, деталей предметного мира и т.п. Их выявление и схематическое оформление обогащает и дифференцирует восприятие, углубляет понимание, подтверждает и уточняет гипотезы исследователя относительно смысла произведения в целом. Мы ограничились для образца тремя сериями оппозиций, обобщенно воссоздающих три главных элемента художественной структуры: пространство рассказа, динамику внутренних состояний влюбленных и характерные особенности персонажей.

Осмыслим теперь оппозицию «жизнь – смерть». Она конкретизируется в данном тексте как «упоеание жизнью – отказ от жизни» и включает более узкое противопоставление: побег влюбленных на Кавказ – бесчестие мужа, несовместимое с его представлениями о жизни, где честь – важнейшая из ценностей. Вероятно, первоначально он готов стреляться с любовником жены, защищая свою «честь мужа и офицера», которая требует, чтобы он покарал соперника. Отсюда наличие двух револьверов. Но Кавказ меняет его внутреннее состояние. В итоге скрытых от нас душевных движений он направляет дула револьверов на себя. Два револьвера становятся знаком силы этого человека, мощности его чувств, символом безграничности его горя, безмерности страдания. Выбрав смерть, муж и офицер сохранил сокровище жены, для которой нет жизни без любимого («лучше смерть, чем эти муки»), как для него нет жизни без чести. Только ли великодушие и благородство движет им? Возможно. Как сказал Байрон, «В судьбе мужчин любовь не основное, Для женщины любовь и жизнь – одно». Однако ориентиры, расставленные автором, позволяют думать, что человек с жестоким, самолюбивым характером, способный на все, каким он представлялся жене, глубоко и самозабвенно любит ее. Именно потому ее счастье оказывается важнее мести, ценнее жизни. Невозможность взаимного счастья лишает жизнь смысла. Высокая трагедия вечного выбора между долгом чести и чувством любви, двумя абсолютными ценностями души, ставит обманутого мужа в центр рассказа.

Наконец, бинарный анализ позволяет понять смысл заглавия рассказа «Кавказ», уяснить его интенцию, целевую направленность, связанную с замыслом автора. Очевидно, что это не просто указание на место драматических событий. Ответ лежит вне текста произведения, смысл заголовка определяется через более широкий контекст, а порождение высшего смысла приобщает читателя к высшим ценностям. Выявление бинарных оппозиций, проясняя диалогическую структуру художественного текста, становится опорой и для до-

страивания смыслового целого, обуславливая целостный характер восприятия. Кавказ, противопоставленный Москве как миру условностей, порожденных социумом, – обозначение мира естественного, безусловного, где человек пребывая в единстве с окружающей природой и в согласии со своей внутренней жизнью, осуществляет главные человеческие потребности – в счастье, любви, красоте. Ответ, даваемый автором, несет не объяснительный, а оценочный, нормативный смысл. С одной стороны, он является средством творческого самовыражения художника, а с другой – нравственным императивом, который он предлагает нам.

Теперь нам ясен авторский замысел, определен ценностно-смысловой аспект, который порождается приобщением к высшей ценности. Любовный треугольник в рассказе Бунина – это модель отношений людей, принадлежащих разным смысловым мирам, исповедующих разные системы ценностей. Внутри собственного мира каждый прав и достоин понимания. Однако столкновение этих смысловых миров трагично, ибо существование одного исключает существование другого, как и отказ от жизненных ценностей лишает смысла саму жизнь. На Кавказе сущностные, бытийные смыслы открываются вдруг всем героям и определяют их выборы.

Итак, на примере рассказа И. А. Бунина «Кавказ» мы показали, что бинарные оппозиции свойственны художественному тексту как важный атрибут. Они во многом определяют его диалогическую структуру и являют собой элементы системы индивидуальных приемов авторского творчества, способствующие построению смыслового содержания произведения. Предлагаемые нами формы взаимодействия литературоведа с художественным текстом углубляют анализ и понимание точки зрения автора.

Использованная литература:

- БАХТИН, М. М. (1975): *Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет*. М.: Худож. лит., с. 504.
- БУНИН, И. А. (1988): «Кавказ» / Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М.: Правда, с. 9–13.
- ЛЕВИ-СТРОС, К. (1983): *Структурная антропология*. М.: Наука, с. 535.
- ЛИНЦБАХ, Я. (1916): *Принципы философского языка: опыт точного языкознания*. СПб: Новое время, с. 228.
- ЛОТМАН, Ю. М. (1970): *Структура художественного текста*. М.: Искусство, с. 19.
- МОСУНОВА, Л. А. (2006): *Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов*. М.: ПЕР СЭ-Пресс, с. 336.

МИХАЭЛА ПЕШКОВА

Чехия, Пльзень

МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА: ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ИНВЕРТИРОВАННЫЙ ОБРАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ 20–30 ГГ. 20 ВЕКА

ABSTRACT:

The Motive of Solitude: Its Official and Inverted Form in Russian Literature in the 1920's

The paper deals with heterogeneous conception of motive of solitude in Russian literature in the 1920's. It is based on the Leyderman's and Lipovecky's theories of socialist realism, postmodernism and post-realism, and vindicates this theory. The paper also sums up the conception of solitude of protagonists in Dostoyevsky's works. It also deals with the solitude model of individual in totalitarian society.

KEY WORDS:

Russian literature in the 1920's of the 20th century – motive of solitude – socialist realism – post-modernism – totalitarianism.

Доклад сосредоточивается на анализе разных парадигм художественного изображения одиночества литературного героя в русской пореволюционной литературе. Одиночество является древним литературным мотивом. Оно рассматривается как следствие давления внешнего мира на личность, которое и заставляет человека отгораживаться от мира, бежать от него, одновременно страдая от этого. Одиночество чаще всего воспринимается как нечто деструктивное по отношению к личности. Однако именно русский язык четко различает два типа одиночества, противопоставляя одиночество уединению как негативное позитивному, травмирующее успокаивающему, навязанное свободному, инертное плодотворному.

Также Достоевский, проникающий в психологию, психопатологию и криминалистику, ставит проблему разнообразия одиночества человеческой души. Он раскрывает замкнутость сознания, бегства в подполье. Герои Достоевского испытывают трудности в смысле групповой идентификации и социальной адаптации. Его персонажи неудачно вращаются среди людей своего круга. Писатель анализирует психику одиночек-преступников, исклю-

чительный индивидуализм гордых «сверхчеловеков», одиночество «единых справедливых». Он описывает социальное одиночество человека в многолюдном городе.

Человек XX века оказался перед лицом сложного мира и потом перед лицом тоталитарных идеологий. Историки и теоретики тоталитаризма дают в принципе вот такое толкование чувства одиночества человеческой личности в обществе с массовым образом жизни: 1) Ханна Арендт вводит понятия «атомизация», «изоляция» и «одиночество». «Изоляция» характерна для всех деспотических режимов. Она «предтоталитарна», при тоталитаризме она должна быть дополнена «одиночеством» — внутренним саморазрушением способности к опыту и мысли, которое лишает личность способности к действию, в том числе политическому [Новая философская энциклопедия].

Русский социолог Юрий Левада характеризует советского человека как человека изолированного во внутреннем, внешнем, временном и пространственном смысле. Однако такой человек, в отличие от западных массовых обществ, страдает скорее не от одиночества, а от принудительной социальности. Он вынужден растворяться в группе [Левада 2011: 10]. Как известно, в 20 гг. в России коллективизм был объявлен высшим нравственным принципом, индивидуализм осуждался как грех, пережиток прошлого. Жизнь семьями или в одиночку, что укрепляло индивидуалистические и собственнические навыки, изображалась как продолжение старого быта, как буржуазный пережиток. Основой нового общества легли коллективный труд и к. хозяйство, коллективный отдых после работы, к. воспитание детей, общее питание и т. д.

Теоретик постмодернизма М. Н. Эпштейн в связи с советским обществом говорит о новой советской социальности, которую он называет «гиперсоциальностью». По его мнению обязательная теснота советского быта была симуляцией общности. В действительности социальные связи между людьми стремительно разрушались. Самое сплоченное общество в мире было на самом деле лишь собранием одиночек [Эпштейн 2001: 235—236].

Однако, некоторые историки ставят под сомнение, возможно ли социум без дружеских отношений. Не преобладала ли, наоборот, в тоталитарное время солидарность в личных отношениях в качестве противовеса официальной политике?

Далее хотелось бы коснуться разных художественных толкований мотива одиночества в трех художественных направлениях 20-х гг. XX века, как их определили Лейдерман и Липовецкий: в соцреализме, постмодернизме и постреализме. Эти направления каждый по-своему осваивают современный мир, показывая и преодолевая его сложность и хаотичность [Лейдерман, Липовецкий 2003: 13—22].

Социалистический реализм

Соц-реалистическое искусство, несомненно, помогает тоталитарному режиму создать миф о советском обществе как самом сплоченном обществе в мире. Так как тоталитарная культура испытывает страх перед пустым пространством, страх ни перед чем, вытесняет также одиночество, но и уединение из челове-

ской жизни. Страх перед пустым пространством и одновременно бездельным проведением времени – это страх перед собой, перед пустым пространством внутри человека, перед «внутренней бездной».

Уже пролетарская поэзия заявляет о конечном снятии одиночества. Молодой Платонов пишет: «Ничья не будет душа одна» [Платонов 1998], что представляет собой одну из базовых идей раннего коммунизма. В счастливой, единоклюнной массе человек освобожден от страданий физического и психического одиночества.

Блаженство и оздоровительные функции коллективистской жизни подчеркивает также, например, Антон Макаренко: «На поверхности коллектива ходят анекдоты и шутки, переливается смех и потрескивает дружеское нехитрое зубоскальство. Вот так же точно по зрелому пшеничному полю ходят волны, и издали оно кажется легкомысленным и игривым. А на самом деле в каждом колосе спокойно грезят силы, колос мирно пошатывается под ласковым ветром, ни одна легкая пылинка с него не упадет, и нет в нем никакой тревоги» [Макаренко 1933–1935: 246]. Одиночество педагог использует в качестве наказания: «Аркадий начал переживать тяжелые дни совершенного одиночества, дни эти тянулись пустой, однообразной очередью, целыми десятками часов, не украшенных даже ничтожной теплотой человеческого общения» [Макаренко 1933–1935: 311].

Выше сказанное не значит, что герои соц-реалистической литературы никогда не могут оставаться одними. Однако отсутствует экзистенциальный размер такого одиночества. Герой должен всегда осознавать принадлежность к группе, даже тогда, когда он один, и испытать себя частью «великой силы». Возьмем несколько примеров из Островского романа «Как закалялась сталь». В эпизоде, когда Корчагин служит на советско-польской границе, его физическое одиночество резко отличается от одиночества польского солдата. Оба много часов маршируют на посту одни, оба замерзают, однако одиночество и замерзание Корчагина, по его собственным словам, совсем другое, потому что он замерзает за «общее дело». Корчагин чувствует себя дома везде, где он может помогать этому «общему делу». Постоянная смена места работы и жилья по указам партии ни в коем случае не приносит ему никаких ощущений одиночества. Самым одиноким он себя чувствует в родном доме, далеко от товарищей.

Даже традиционный мотив «другого тела», например, больного, которое героев обычно обрекает на трагическое одиночество, в социалистическом реализме превращается. Психика больного Корчагина не меняется ни под натиском приближенной смерти. Его травмы никак не изолируют его, а наоборот. Не приходят экзистенциальные чувства как боль, тоска, жуть, скука, отчаяние, не приходит ни отчуждение, ни одиночество, а наоборот, стремление к активности до самого конца.

Вытеснение одиночества из гаммы человеческих чувств связано еще с соц-реалистическим упрощением. Как известно, мир социализма был построен на простых и однозначных основаниях, интеллектуальной узости и прямолинейности. Соц-реалистический (положительный) герой должен жить так же

прямолинейно, всегда «снаружи». Его внешнее лицо должно полностью отождествляться с внутренним переживанием. И одиночество человека просто не принадлежит к надлежащим гражданским чувствам.

Постмодернизм

Только фантазмагорический мир литературы постмодернизма, или, лучше сказать, предшественников постмодернизма, например, цикл *Случаи* Даниила Хармса, показывает, что тотальный внешний коллективизм вызывает внутреннее одиночество и истощение. В пре-постмодернистской литературе одиночество героев проявляется в основном в кризисе коммуникации, неспособности договориться с другим человеком. Владимир Набоков в *Приглашении на казнь* пишет: «Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке; или короче: ни одного человека, говорящего; или еще короче: ни одного человека» [Набоков 1935–1936: 43].

Постмодернизм, предполагающий мнимость объективной действительности, предлагает героям решать свое одиночество бегством от действительности в мир фантазии и сна. У героев, в отличие от героев соц-реализма, появляется жажда по уединению, желание жить в мире, похожем на остров, освобожденном от влияния государства и внешнего мира вообще: «Шел Петров однажды в лес, / Шел и шел и вдруг исчез!» [Хармс]

Постреализм

Писателей постреалистического течения можно считать наследниками Достоевского. Из постреалистической литературы не исчезает вся неоднозначность внутреннего мира человека и всемирный, метафизический и духовный горизонт. Поэтому героям хорошо известно даже космическое одиночество человека в бесконечном пространстве. Мучительность одиночества здесь может открывать и даровать новые зрения и прозрения. Наблюдаются мотивы странствования, бегства в пустыню в качестве нозтического путешествия, мотивы видения.

Если герои соцреализма должны всегда чувствовать свою принадлежность к интернациональному социалистическому, а потом советскому обществу как к своей «большой семье», то герои постреализма постоянно ищут свой дом. Это типичная парадигма для литературного героя XX века: потерянный или забытый дом, брожение, бездомье. Герои постреалистической литературы не отказываются от поисков возможностей личного одиночества. Они часто создают даже различные ненормативные пары и коллективы, зачастую основанные на сектантстве.

В заключение можно заявить, что оформление мотива одиночества подтверждает теорию Лейдермана и Липовецкого трех литературных направлений, выделившихся в 20-х гг. 20-го в. Соц-реализм строит новый мир как наглядный космос, постмодернизм воспринимает хаос как норму и постреализм ведет диалог с хаосом современного мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

HODROVÁ D. a kol. (2001): *...na okraji chaosu... Poetika literárního díla 20. století*. Praha: Torst.
OSTROVSKIJ, N. A. (1964): *Jak se kalila ocel*. Praha: SNKLU.

- ЛЕВАДА, Ю. (2001): «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм. In: Мониторинг общественного мнения. Н 2, с. 7–16.
- ЛЕЙДЕРМАН, Н. Л., ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Н. (2003): *Современная русская литература 1950–1990 годы. Том 1*. М.: Академия.
- МАКАРЕНКО, А.: *Педагогическая поэма*. Доступно из: <http://tululu.ru/read71427/246/>, [цит. 01.09.2011]
- НАБОКОВ, В.: *Приглашение на казнь*. Доступно из: <http://www.vvnabokov.ru/kazn-043.html>, [цит. 01.09.2011]
- Новая философская энциклопедия*. Доступно из: <http://iph.ras.ru/elib/0249.html> [цит. 01.09.2011]
- ПЛАТОНОВ, А.: *Голубая глубина*. Доступно из: http://lib.ru/PLATONOW/platonov_golubaja_glubina.txt_with-big-pictures.html, [цит. 01.09.2011]
- ХАРМС, Д.: *Шел Петров однажды в лес*. Доступно из: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=16669>, [цит. 01.09.2011]
- ЭПШТЕЙН, М. Н. (2005): *Постмодерн в русской литературе*. М.: Высшая школа.

Článek vznikl jako výstup postdoktorského projektu GA ČR 405/09/P062 *Idea „nového člověka“ v ruské literatuře 20. a počátku 30. let 20. století*

ТАТЬЯНА ПУДОВА

Польша, Слупск

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ

ABSTRACT:

The “Petersburg Text” in the literary works by Elena Chizhova

The article analyses literary works “Nyutochkin House” and “Time Women” of modern writer H. Chizhova. The novel “Nyutochkin House” is a remake of the Gogol’s “The Overcoat” (Shinel): the main protagonist is the typical “small person”. In the novel “Time Women” the author shows that “the small person” can rise above himself and devote his life to another person. The both literary works are the part of the Petersburg Text of Russian Literature.

KEY WORDS:

The Petersburg Text of Russian Literature– urban space – that the small person – the motif of duplicity – mirror – historical memory.

Уникальность Петербурга в русской истории и культуре позволяет рассматривать Петербург, с одной стороны, как текст, а с другой стороны, как механизм порождения текстов, что дает возможность говорить о петербургском тексте русской литературы [Лотман 1984: 3]. «Восприятие Петербурга в русской культуре определено синтезом реалий города, истории его основания и жизни и его отражением в литературе. Образ Петербурга подобен личности, «я» со своей собственной судьбой. С другой стороны, «Петербургский текст» – свидетельство действительного смыслового единства, родства составляющих его произведений, прослеживаемого в общности мотивов и образов, отсылках и реминисценциях» [Ранчин].

Елена Чижова, писатель, родившийся, живущий в Петербурге и пишущий о нем, ответ на вопрос, можно ли считать ее произведения петербургским текстом, оставляет литературным критикам и культурологам. В своих произведениях современный автор обращается скорее к гоголевскому восприятию Петербурга.

Повесть Е. Чижовой «Нюточкин дом» – ремейк петербургской повести Н. В. Гоголя «Шинель». Образ Нюточки близок образу Башмачкина. Словно его

дальняя родственница, она вобрала в себя все типичные черты «маленького человека». Сюжет повести современный автор также заимствует у Гоголя, но переносит действие в современное пространство и заменяет предмет мечты, которая овладевает всеми помыслами «маленького человека», становится его жизненной целью, в итоге приводящей к гибели. Правда, замена не меняет сути: шинель или ремонт собственной квартиры всего на краткое время одухотворяют внутренний мир «маленького человека». Вещественность, материальность мечты не позволяют ему выйти за собственные рамки. Прежними остаются и взаимоотношения «маленького человека» с внешним миром. В «Нюточкинском доме» складывается впечатление, что они изменились, что внешний мир перестал быть ему враждебен. На самом деле мир, изменившись внешне, остался внутренне таким же, каким и был: враждебным, равнодушным, жестким и жестоким. В состязании с государственно-бюрократической системой «маленькому человеку» по-прежнему не выиграть. Особенно этот конфликт обостряется сегодня, когда мир стремительно меняется, усложняется, удаляется от человека, чья ценность провозглашается лишь на словах. Сама жизнь доказывает глубину и неразрешимость проблемы, растущая пропасть отчуждения и непонимания между внешним миром и проблемами человека, пусть и «маленького», лишь обостряет другие противоречия современного мира.

В романе «Время женщин» Петербург выступает, скорее, как место действия. Однако сама атмосфера города, постоянное, уходящее в подтекст присутствие городского пространства в жизни героев произведения создают особую, питерскую, среду обитания и обуславливают их поступки и поведение.

«Время женщин» – роман, повествующий о жизни простых, ничем не примечательных людей, принадлежащих к разным поколениям и социальным слоям, оказавшихся связанными местом жительства. В определенном смысле их можно назвать «маленькими людьми». Коммунальная квартира, расположенная в центральной, старой части Петербурга, объединила вместе трех «досоветских» старух, молодую женщину Тонию, приехавшую в Ленинград из провинции, и ее маленькую дочь.

«Время женщин» – роман полифонический: из многоголосья рассказчиков читатель узнает об их прошлом и настоящем. Время и история нивелировали жизни старух, как жизни миллионов других людей, сделали их одинаковыми, превратили в советских «маленьких людей». Одинокими их сделала революция, сталинский террор, война и блокада. В итоге разные молодые судьбы обернулись одинаково нищей и никому не нужной старостью.

Появившаяся в их квартире девочка нарушила монотонный ход заурядной жизни, поставив на первое место заботу не о себе, а заботу о ней. Воспитывали бабушки Сюзанну, исходя из собственных представлений о жизни, добре и зле. Незачем отдавать девочку в «их» детский сад или вести на новогодний утренник: ничему хорошему она там не научится. А вот спектакль в Мариинском театре – другое дело. И, действительно, балет «Спящая красавица» с красочны-

ми костюмами, декорациями, с чудесной музыкой, в прекрасном зале производит на Сюзанну неизгладимое впечатление.

Отторжение всего советского, проявлявшееся на бытовом уровне, передавалось и девочке. Продолжая употреблять старые названия (улицу Декабристов называют Офицерской, Московский вокзал – Николаевским), они словно сохраняют память о дореволюционном городе и передают ее в будущее через Сюзанну. Объединяющим старушек началом была и вера в Бога, к которой они приобщили и девочку, при крещении дали ей имя Софья. Одновременно они старались оградить ее от неприглядной стороны действительности. Девочку не пускали на темную, вонючую черную лестницу, никогда не брали ее и в очередь за мукой, которая часами стояла в душном и сыром полуподвальном помещении.

Неизлечимая болезнь Тони и неизбежная ее смерть заставили бабушек задуматься о дальнейшей судьбе Софьюшки. После смерти матери ее, не имеющую отца, ждал детский дом. Решив спасти девочку от сиротской участи, бабушки начинают решительно действовать. Появилась цель, ради которой стоило жить, преодолевать препятствия, восстанавливать разорванные временем отношения, бороться с внешним миром за то, чтобы у них не отняли девочку.

Если у современных «маленьких людей», как и у Башмачкина, цель жизни остается материальной, то цель жизни бабушек изначально наполнена высшим смыслом и благородством: в первую очередь они думают о Софье. Эта высокая цель поднимает их над серостью и заурядностью жизни, не позволяет думать о них как о «маленьких людях». Их жизнь обретает подлинный смысл. Несмотря на раннюю смерть матери, девочка выросла в атмосфере любви и теплоты. Бабушкам удалось сохранить связь времен и передать девочке ту духовную матрицу, носителями которой были они сами.

Чижова затрагивает в романе также проблему взаимоотношений города и приезжего человека. Так, для Тони, приехавшей из деревни и устроившейся работать на завод, город никогда не станет своим, навсегда останется для нее закрытым, не пустит в себя, будет ее отторгать. Вся ее короткая жизнь протекает между домом и работой, в постоянных заботах и труде. Даже в театр она ни разу не сходила. Пожалуй, самым большим эстетическим потрясением для нее стал Гостинный двор с его избытком товаров. Красота же города остается для нее недоступна, она попросту не замечает его неповторимость и уникальность. Для Тони «в городе дома большие, одинаковые. Не то что в деревне...» [Чижова 2010: 76]. Если бы девочку воспитывала мать, город и для нее был бы чужим. Бабушкам же удалось передать свою любовь к городу, свое к нему отношение девочке, для которой город становится родным.

В произведении город является средой, которая формирует сознание ребенка. В ее детской головке перемешиваются впечатления от сказанного бабушками и от увиденного в доме и на улице. Лишенная возможности говорить (в детстве Софья только слышала, но не разговаривала), она все свои впечатления воплощала на бумаге. Рисование стало способом самовыражения. В результа-

те в ее рисунках возникает фантастическое городское пространство, в котором все перемешано: и реальный город, и рассказы, воспоминания бабушек.

Присущий петербургскому тексту мотив двойничества также используется автором романа. Свое отражение в зеркале Сюзанна воспринимает как другую девочку, которая живет в ином мире, но в точно такой же комнате, правда, у той девочки есть не только мама, но и папа. «У них квартирка маленькая: зачем им? – бабушек-то нету. Бабушки здесь, со мной живут» [Чижова 2010: 36]. Постоянные разговоры бабушек о смерти, о загробном царстве переплавились в ее голове в собственное понятие о другом мире, где все мертвые счастливы, улыбаются и смеются, где жизнь продолжается. Зеркальный мир словно отрицает смерть. «Умрут, к той девочке отправятся, с ней будут жить. Девочка их встретит, обрадуется. Только комнатка у нее маленькая – жить тесно. Пусть и комнаты их умрут – чтобы всем разместиться...» [Чижова 2010: 40]. Девочка из зеркала поселилась вместе с родителями и в бумажном кукольном доме, подаренном ей мамой на Новый год. Телевизионное изображение воспринималось ею тоже как другой мир, отрицающий смерть: «Мертвые – веселые. По улице идут – смеются... Улицы у них широкие, праздничные. Поперек гирлянды висят. Машины ездят. И дети их умерли. Вот они: гуляют под музыку – тоже не разговаривают...» [Чижова 2010: 101]. Оказывается, потусторонний, зеркальный мир реален и жизнь не прерывается, она бесконечна.

«По Чижовой, человек и живет для того, чтобы помнить ушедших, тем самым продлевая их бытие. Невыполнение этого долга грозит катастрофой, разрывом цепи времен» [Ратькина]. Став знаменитым художником-авангардистом, Софья не уехала за границу даже после смерти бабушек («Я уеду, а они останутся... Как бы они остались без меня?»), купила большую квартиру, «чтобы у них был дом, в котором больше не страшно» [Чижова 2010: 190]. И тем самым она становится хранительницей исторической памяти, восстанавливающей разорванный мир в своем единстве.

Анализ произведений Е. Чижовой *Нюточкин дом* и *Время женщин*, в которых в смысловом единстве, «как в янтарной смоле, законсервированы в единой затейливой форме время, город и маленький человек в нем» [Курсанов 2006: 9], позволяет включить их в петербургский текст. Чижова актуализирует в своих произведениях традиционные образы, мотивы, сюжеты, переносит их в современное пространство, наполняя новыми смыслами. Осмысление петербургско-ленинградских реалий середины XX века с позиций сегодняшнего дня расширяет временные границы петербургского текста.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КУРСАНОВ, П. (2006): *Смена вех*. In: Новые петербургские повести, СПб., с. 5–13.
ЛОТМАН, Ю. (1984): *От редакции*. In: Труды по знаковым системам, Тарту, выпуск 18.
РАНЧИН, А.: *Петербургский текст Владимира Топорова*. In: <http://lit.iseptember.ru/article.php?ID=200701615>
РАТЬКИНА, Т. (2011): *Елена Чижова. Время женщин*. In: М. Знамя, №9.
ЧИЖОВА, Е. (2010): *Время женщин*. Москва, с. 5–192.

ЕЛЕНА СОЗИНА

Россия, Екатеринбург

МИФОПОЭТИКА И ЭТНОТОПИКА СЕВЕРА В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ ПИСАТЕЛЕЙ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (М. ПРИШВИН, К. ЖАКОВ, А. РЕМИЗОВ)

ABSTRACT:

The Mythopoetic and Ethnic Problems of the North in the Dialogue Between Writers of the Silver Age (M. Prishvin, K. Zhakov, A. Remizov)

The article is devoted to northern journeys of three authors of the Russian Silver Age: M. Prishvin, K. Zhakov, A. Remizov. Prishvin creates in the books of essays individual myths and presents special view of Russian explorer to inhabitants of the North. This myths partly coincide with the images by Remizov in the cycle of "The Midnight Sun". A book by Komi writer Zhakov is entirely mythological and has the model of sacred geography of the North.

KEY WORDS:

Geoconcept – sacred geography – the northern journey – myths – ethnic problems.

Север – особый геоко́нцепт в русской культуре. По словам Н. М. Теребихина, «в русском умозрении ... Север распознается как запредельное инобытийное островное пространство, постижение которого возможно лишь на путях аскезы, опрощения, кенозиса, отречения от пут здешнего, посюстороннего мира. Северный путь пролегает через горизонты мифа о вечном возвращении мира и человека к своим родовым корням и истокам, к своей покинутой прародине» [Теребихин 2004: 43]. В этом последнем значении север нередко отождествлялся с востоком или же замещался им. «Северо-восточное направление имеет явное преимущество перед остальными, оно тесно связано с самой судьбой России» [Лотман 2005: 26].

Серебряный век заново открывал для культурного освоения многие регионы мира и Российской империи. Именно в этот период в русской культуре оформляется своя мифопоэтика и этнотопика Севера. В широком смысле следует говорить о процессе экспликации мифологического потенциала, накопленного

XIX веком, и экстраполяции его из сферы поэзии – хранителя и транслятора универсальных мифологем в новоевропейской литературе – в иные виды и жанры литературного творчества. Вновь становятся популярны травелогии, в содержании которых осуществлялся частый выход авторов к темам, связанным с жизнью коренного населения описываемых регионов. Эту последнюю предметность мы и называем здесь «этнотопикой», подразумевая под ней не только пространственный образ мира, свойственный тому или иному этносу и получивший отражение в тексте, но и совокупность мотивов и образов, раскрывающих этнический идентитет в целом, хотя главным образом – со стороны пространственно-географической, внешней (а именно с этой стороны путешественник начинает знакомиться с этносом).

М. М. Пришвин начал свой путь в литературу с описания северных путешествий: это его очерки, изданные в виде отдельных книг, – «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края» (1907) и «За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии» (1908). Современник Пришвина, выходец из земли коми, **К. Ф. Жаков** менее известен широкому читателю, но он органично вписывается в атмосферу Серебряного века. С путевыми очерками Пришвина соотносится книга Жакова «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905), хотя в жанре путешествий или о путешествиях написаны многие его рассказы и очерки. **А. М. Ремизов** попадает в этот ряд благодаря циклу «Полунощное солнце» (1903–1905), часть которого была создана им по мотивам и на материале мифологии коми, когда Ремизов находился в ссылке в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар).

Первоначально Пришвин ориентировался на обычные для XIX в. образцы этнографических очерков, тем более что и в свою первую поездку по северу он отправился как этнограф и фольклорист. Но от описаний путешествий писателей XIX в. («Год на Севере» С. В. Максимова, «Лесное царство» П. В. Засодимского и др.) его текст отличает избирательность, произвольность рассказа, который подчиняется логике странствий путешественника и его личному выбору «объектов» описания, а не следует жестко принятой его предшественниками, а зачастую и современниками схеме этнографического нарратива. Сам Пришвин впоследствии отмечал: «Но все-таки эти карельские камни, славянские песни о соловьях, которых здесь никто не слышал, и моя собственная, единственная в своем роде, неповторимая короткая жизнь: ведь только вспышкой моей живой жизни освещались эти финские скалы и славянские былины!» [Пришвин 1984: 407]. Если в его первой книге больше довлеет этнографический и антропологический взгляд, то во второй научный объективизм в позиции рассказчика начинает вытесняться поэзией народного слова и мира и его личным восприятием Севера.

Суть Выговского края выражают у Пришвина выделенные им этнотипы и этнотопы. К первым относятся типы богатырей, о которых сложены былины и которые нашли свое продолжение в нынешних жителях северных лесов, сказителей и сказочников. Важнейшей фигурой (и типом, выделяемым автором) на севере является колдун, и здесь с наблюдением Пришвина перекликается

нарратив Жакова – у него именно «памы» и «туны», т.е. колдуны и мудрецы являются героями произведения. Сама природа задает духовное своеобразие Севера. «Лес, вода и камень» [Там же: 20] – таково его естественное состояние, да еще ветер, главный друг и враг рыболовов. За исключением камня, стихии леса, воды, ветра определяют качественный состав природного ландшафта и в картине зырянского севера, географически располагающегося восточнее Выга, русского Поморья, об этом мы также сможем прочесть у Жакова.

Уже в первой книге Пришвина проявляется скрытый символизм авторского письма, порождающий его особую, индивидуально-авторскую мифологию. Таков имеющий корни еще в XIX веке, но выраженный совершенно по-новому символ «человечество как один человек», раскрываемый на последних страницах обеих книг как образ гигантского человека, живущего в мире с природой; таков и образ-символ полуночного («полуночного») солнца, из введения к первой книге Пришвина мигрирующий во вторую. Ожидание встречи с полуночным солнцем станет центральным мотивом этой книги Пришвина. Сема сокрытости, невыявленности вовне глубокого внутреннего содержания определяет жизнь Севера, и с этой его особенностью мы сталкиваемся и в нарративе Жакова, и в поэмах Ремизова. «Но вот он (проводник. – Е. С.) ушел, и вместо него начинает говорить и это пустынное, безлюдное место. Ни одного звука, ни одной птицы, ни малейшего шелеста, даже шаги не слышны на мягком мху. И все-таки что-то говорит... Пустыня говорит...» [Там же: 216]. Для Жакова, уроженца севера, понятие пустыни в применении к северу невозможно, язык того, что ею названо у Пришвина, для него изначально понятен, и лес, и реки, и скалы – все полно безусловного значения. Пришвинский герой вынужден наполнять пустыню теми смыслами, которые возникают от соприкосновения с нею в его собственном сознании, он испытывает и передает неожиданные, совершенно новые, порой противоречивые ощущения. Их пик рассказчик переживает, когда он с лопарями путешествует через Хибинские горы и наконец встречается с полуночным солнцем. Затухают лучи красного гаснущего солнца – и с ними останавливается мир, само время, которого не замечают лопари. Сознание героя словно раздваивается: погружаясь в довременное состояние, он отслеживает толчки сердца и регистрирует заливающий все кругом красный свет потухшего солнца. «Будто разумная часть моего существа заснула и осталась только та, которая может свободно переноситься в пространства, в довременное бытие. <...> Это не сон, это блуждание освобожденного духа при красном, как кровь, полуночном солнце» [Там же: 246].

При встрече с непривычным и странным в природе или среди людей рассказчик Пришвина стремится понять свои ощущения, разъять их на части и прокомментировать, пусть даже сам комментарий имеет художественный, образный характер. Иной характер носит письмо Ремизова. В третьей части цикла его поэм, давшей название всему циклу, – «В царстве полуночного солнца» – северной ночи при свете замершего солнца посвящены первые шесть миниатюр. Здесь не столько рефлексия, сколько констатация состояний души, отзывчивой на пограничность природных явлений, но общее течение самой белой

ночи, ощущение остановки времени и настроение безотчетной тревоги, а порой и тоски, возникающее в ответ на природные аномалии, передается у Ремизова в не меньшей степени, чем у Пришвина. Меняется лишь доминанта цвета: тревожный красный свет незаходящего полуночного солнца Пришвина – и зеленоватый, путающий очертания предметов и вещей, но и обещающий более жизнь, чем смерть свет ночи в описании Ремизова:

«Зеленоватая ночь, туманная, в колеблющихся тучах.

Не слышно ни звуков, ни голоса. Но все живет, заваянное зеленоватым светом.

И кажется, пройдут века, и ничто не шелохнется, никто не подаст голоса. Бесшумно поднимаются мысли, идут и замирают, сливаясь с зеленоватым светом.

И то, чего минуту так сильно желал, отступает. <...>» [Ремизов 2000: 100].

Иной и вместе с тем в чем-то схожий характер имеет путь автогероя Жакова в его книге «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом». Он стремится найти следы пребывания на севере Пама Бур-Морта, сына легендарного Пансотника, который когда-то был побежден Стефаном Пермским, а с ним вместе пала и старая вера зырян в своих богов. Согласно легенде, Пам Бур-Морт отправился в южные края за новой верой, вернулся седым старцем и жил в дремучей парме, поучая людей. Однако путешествие героя Жакова не ограничивается указанной, отчасти тоже (как и у Пришвина) этнографической целью. Он движим идеей возвращения на родину, в страну своего детства, и хотя в процессе этого путешествия-странствия родина оказывается совсем не той, которую он видел внутри себя, но он заново открывает страну своих предков и совершает главное движение – к самому себе. Путь героя Жакова сродни средневековому паломничеству или хождению, об этом писала В. А. Лимерова, и, как доказала исследовательница, север для героя-рассказчика Жакова выступает в качестве «не только географического, но и духовного отечества» [Лимерова 2005: 16].

Для Пришвина «чувство природы» постоянно и неизменно. Природа – некая константа и в мире Жакова. По мере продвижения в глубь северной территории меняется сознание его героя: городское недовольство миром, разочарования в виденном уступают место его искреннему интересу к окружающему миру, к своим соотечественникам, и мир начинает открываться перед ним. В одной деревне ему отдают тетрадь некоего «неизвестного поэта», жившего здесь когда-то, и его «песни» и рассказы входят в состав книги путешествий Жакова. «Неизвестный поэт» становится другим «я» героя-рассказчика. Сам же герой меняет направление и движется на восток, и на Печоре, в угрюмом северном краю, находит старика, который поет ему песню о Паме.

Таким образом, путешествие жаковского героя совершается в согласии с координатами сакральной географии: север совмещается с востоком и становится главным пунктом притяжения для человека, достигшего определенного возраста, а с ним и необходимого этапа духовной зрелости, который толкает его на поиски истины. Сходный путь, но более извилистый и географически

протяженный совершает Пам Бур-Морт, ипостасью которого начинает ощущать себя жаковский автогерой. Покидая север, Пам движется сначала на юг, но затем незаметно меняет направление и пускается к востоку, к Индии, где и получает, наконец, искомое знание: «Все это Майи, кажущееся; существующее неуловимо, как душа, оно убегает от нас, как тень; но оно едино вечно, и страдает, и блаженствует, выражаясь в разных планетах, в разных людях, под разными покровами. Сущность ее одна. <...> Все, что видишь ты – пересечение твоей души с тем, что существует» [Там же: 138–139].

В поучениях жаковского Пама обнаруживается неожиданная параллель Пришвину. Символический образ гигантского человека, в который сливается все человечество (о нем мы говорили выше), имеет своим философско-мифологическим и поэтическим аналогом единую мировую душу, которую искали еще романтики, но которая у Жакова имеет вполне конкретный, «материализуемый» облик: воплощением мировой души и всего человечества, рассыпанного по космосу, ощущает себя сам Пам Бур-Морт, и этому он учит своих соплеменников.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЖАКОВ, К. Ф. (1905): *На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом*. СПб.

ЛИМЕРОВА, В. А. (2005): *Традиции средневековых жанров в творчестве К. Ф. Жакова*. Сыктывкар.

ЛОТМАН, М. Ю. (2005): *О семиотике страха в русской культуре* In: Семиотика страха: Сб. статей. М. с. 13–35.

ПРИШВИН, М. М. (1984): *За волшебным колобком: Повести*. М.

РЕМИЗОВ, А. М. (2000): *Северные цветы. В царстве полночного солнца* In: Ремизов, А. М. Собр. соч. Т. 3. М., с. 51–112.

ТЕРЕБИХИН, Н. М. (2004): *Метафизика Севера*. Архангельск.

НАТАЛЬЯ ШВЕДЮК

Чехия, Оломоуц

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАЛОГА ТАТЬЯНЫ КУКОЦКОЙ И СЕРГЕЯ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

ABSTRACT:

The Realization of the Dialogue of Tatjana Kukutskaya and Sergei in the Novel “Kukotsky’s Case” by L. Ulitskaya

In this article we take a closer look at the dialogue of Tatjana and Sergei in the novel “Kukotsky’s Case”. The scheme suggested by Bakhtin is used as a basis for analysis of the novel texture. The research reveals regularities as well as deviations of the novel if compared to the scheme. Special attention is paid to construction of the dialogue between the characters in the framework of set time and space organization.

KEY WORDS:

Dialogue – chronotop – time and space organization – Ulitskaya – contemporary prose.

Произведения Л. Улицкой довольно интересны с точки зрения анализа пространственно-временной организации. В романах встречаются различные типы пространства и времени, описанные в работах М. Бахтина, а также четко прорисовываются реализации диалогов как внутри одного и того же типа пространства, так и между различными типами.

Одной из особенностей прозы Л. Улицкой является насыщенность событиями и деталями, соотношенными с различными культурами и эпохами, межкультурным взаимодействием и диалогом поколений. Возможность реализации диалога тесно связана с пространственно-временной организацией произведений.

В качестве основных понятий в работе прежде всего использованы синонимичные термины: «художественное время и пространство» (или «времяпространство») и «хронотоп». Понятие «хронотоп» было введено в литературоведение М. М. Бахтиным, стало широко использоваться при анализе произведений сначала реалистической литературы 19 века, а впоследствии при исследовании произведений современных писателей.

В нашей работе мы будем опираться на классическое определение термина «хронотоп», предложенное М. М. Бахтиным: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе – «времяпространство»)».

Появление определения «художественное времяпространство» в гуманитарных науках было связано с возникновением в начале 20 века, нового, постклассического взгляда на природу времени и пространства, ассоциирующегося с именем Альберта Эйнштейна и его теорией относительности, которая постулировала теснейшую взаимосвязь физических пространства и времени. Возникновение понятия «хронотоп» стало возможным благодаря длительному осмыслению мировой фундаментальной наукой таких основополагающих атрибутов Бытия, как пространство и время.

В 20 веке филологи, философы, культурологи много размышляли над природой пространственно-временного континуума. Здесь нужно выделить работы Анри Бергсона и Мартина Хайдеггера, а среди отечественных исследований – Д. С. Лихачёва, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, А. Б. Есина, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова. Немаловажная роль отводится статьям и монографиям Бахтина.

На примере линии отношений Тани и Сергея проследим тип «авантюрного романа испытания» [Бахтин 1979: 237] в романе «Казус Кукоцкого». В данном романе встречаются и другие типы пространства, наиболее отчетливо прорисованы раблезианский хронотоп, авантюрно-бытовой хронотоп, идиллический хронотоп и др. Мы будем рассматривать взаимодействие внутри одного типа – авантюрно-бытового. В данной статье мы попытаемся наложить схему, представленную М. Бахтиным, на линию отношений Татьяны и Сергея в романе Л. Улицкой и проследим возможную реализацию конструктивности диалога данной пары.

Роман «Казус Кукоцкого» был написан значительно позже романа «Медея и ее дети» и создавался в течение 10 лет. Жанр данного романа так же, как и жанр романа «Медея и ее дети», определить непросто. В своей диссертации «Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика» Н. А. Егорова приводит такую точку зрения: «Масштаб проблем, который затрагивается Л. Улицкой в произведении «Казус Кукоцкого», требует особого типа романа, обладающего огромной «вместимостью», способного раскрыть бытие человека на всех уровнях (от поведения в домашнем быту до проявления бессознательного)» [Егорова Н. А, сайт]. Рассматривая жанровое своеобразие романа Улицкой, правомерно говорить о синтетизме жанров. Одни исследователи усматривают в этом «вирус игрового мировосприятия» (Е. Носов), а другие – сложность для самого автора, т.к. жанровые трансформации романа носят сегодня самый разнообразный характер.

Некоторые исследователи (Н. Вакурова, Л. Московкин) определяют «Казус Кукоцкого» как медицинский роман. Действительно, в современном произведении Л. Улицкой решаются извечные медицинские вопросы жизни и смерти,

текст наполнен медицинскими терминами, натуралистическими описаниями, анатомическими подробностями. Однако онейрологическая (сновидения Елены) и символическая («ирреальная» часть) составляющие позволяют говорить о приметах жанра притчи. В романе «Казус Кукоцкого». Притча – дидактико-аллегорич. жанр литературы, в основных чертах близкий басне. В отличие от нее форма П. возникает в некотором контексте, в связи с чем она допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, символич. наполненность; с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка. В своих модификациях П. – универсальное явление мирового фольклора и литературного творчества [Литературный энциклопедический словарь, 1987: 305].

Однако в «Казусе Кукоцкого», как и в «Медее и ее детях», для писательницы важное значение занимает тема семьи, семейных взаимоотношений. Для воплощения данной темы наиболее адекватным автору представляется жанр семейной саги и семейной хроники.

Словно возвращаясь к удавшемуся опыту семейной саги, своему лучшему роману «Медее и ее дети», Улицкая снова пишет историю семьи. События сменяют друг друга, вычерчивая сперва жизненный путь гениального врача-акушера, затем его падчерицы. Литературный критик «Независимой газеты» отмечает, что чем ближе к финалу, тем повествование становится хаотичней, «совершая вдруг резкий рывок у финишной черты и комкая все и вся, словно спортсмен окончательно потерял дыхание и вынужден сойти с дистанции» [Независимая газета, 1998]. Автор затрагивает еще один жанрообразующий компонент – жанр путешествия. Напомним, что в журнальном варианте роман «Казус Кукоцкого» имел название «Путешествие в седьмую сторону света». Путешествие – лит. жанр, в основе которого описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо в первую очередь незнакомых читателю или малоизвестных, странах, землях, народах, в форме заметок, записок, дневников, очерков, мемуаров. Особый вид путешествия – повествование о вымышленных, воображаемых странствиях, с доминирующим идейно-художественным элементом, в той или иной степени следующие описательным принципам построения документального путешествия [Литературный энциклопедический словарь 1987: 314].

Обратим внимание на возможность реализации диалога в авантюрно-бытовом типе романа. Отметим, что речь пойдет только о реализации диалога внутри авантюрно-бытового типа романа, а именно этому типу соответствует история взаимоотношений Татьяны Кукоцкой и Сергея.

В романе состоится встреча юноши и девушки брачного возраста, которые наделены исключительной красотой: «Попутно обнаружилось, что Таня пользуется универсальным успехом у всех молодых и не очень молодых людей – от продавцов на рынке <...> до отдыхающих в соседнем военном санатории молодых капитанов» [Бахтин 1979: 237]. Отклонением от данного типа хронотопа является то, что в греческом хронотопе «авантюрного

романа», герои были исключительно целомудренны. Таня и Сергей не блюдают нравственные законы.

Молодые люди, как следует схеме, неожиданно встречаются друг с другом, «вспыхивают друг к другу внезапной и мгновенной страстью, непреодолимой как рок, как неизлечимая болезнь»: «Сергей ей ужасно понравился. Как никто и никогда» [Улицкая 2001: 209]. Однако брак между влюбленными не может состояться сразу, герои встречают препятствия, задерживающие его. Сама Таня замужем, а Сергей сожительствует с балериной петербургского театра. Кроме того, молодые люди проживают в разных городах: Таня – в Москве, Сергей – в Петербурге. Но так как в данном романе исключается целомудрие, то сам факт заключения брака не является решающим. Герои могут быть вместе и без брака, тем самым, бросая вызов общественному мнению своим поведением.

Одним из факторов, влияющих на развитие сюжета, в авантурном романе считается несогласие родителей. Но в данном случае такой фактор не играет важной роли, так как молодые люди живут своей жизнью, которая мало пересекается с жизнью родителей: «Родители Сергея давно были с ним в полном разрыве. Уже восемь лет, со смерти бабушки, он их <родителей> не видел, а из дому ушел, едва окончив школу» [Улицкая 2001: 235]. В семье Тани так же давно уже начал происходить разлад. Мать больна, отец слишком занят наукой. Родители предназначали для невесты другого жениха, точнее, предлагали на выбор одного из двух – братьев Голбергов, но Таня выбирает талантливого музыканта Сергея.

Далее, по схеме М. М. Бахтина, возлюбленных ожидает путешествие. Это сюжетное действие разворачивается на очень широком и разнообразном географическом фоне. В романе даются описания некоторых особенностей мест, различных сооружений произведений искусства, нравов и обычаев населения. Закрывающая сюжетное движение точка – благополучное соединение молодых людей в браке. Но так как этот тип романа, как мы уже отмечали, не является «чистым», а трансформирован, то роман не заканчивается на соединении влюбленных, а продолжается и заканчивается смертью одного из них (Тани). Заметим и еще одно отступление от данного типа. Любовная линия захватывает около двух лет жизни героев, время циклично, но перед этим автор нам сообщает о жизни героини достаточно полно, с самого рождения. Да и о Сергее автор, используя различного рода вкрапления текста, сообщает некоторые данные. В данном случае хронотоп с участием Тани и Сергея напоминает греческий авантурный роман, но учитывая тот факт, что некоторые условия были нарушены, как следствие хронотоп трансформирован.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАХТИН, М. (1979): *Вопросы литературы и эстетики*. М.

ЕГОРОВА, Н. А.: Проза Л. Улицкой 1980-2000-х годов: проблематика и поэтика. Автореф. на соиск. учен. степ. Источник найден на сайте: <http://venec.ulstu.ru>.

КОЖЕВНИКОВ, В. М., НИКОЛАЕВ, П. А. (ред.) (1987): *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, с.305.

УЛИЦКАЯ, Л. (2001): *Казус Кукоцкого*.

Сайт *Независимой газеты* http://www.ng.ru/culture/2000-10-11/7_sense.html

**ДОКЛАДЫ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

АННА ВЯЧЕСЛАВОВНА АГАПОВА

Чехия, Оломоуц

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ПЕРЕВОДОВ ЧЕШСКОЙ ПРОЗЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ABSTRACT:

Some Aspects of the Contemporary Stage of Translations of Czech Prose into Russian Language

Contemporary Czech-Russian literary relations cover the period from 1990 till the present day. Translations of Czech prose did not appear evenly during this period. From a statistical point of view, this period is further divided into three stages – the transitional stage (1990-1991), the recession stage (1992–2000) and the boom stage (2001–2009). This development model describes the history of translations from Polish into Russian as well, although it is not typical for the Russian market of books in translation taken as a whole.

KEY WORDS:

Literary translation – history of translation – prose translations – translation from Czech into Russian – translation from Polish into Russian – Russia's publishing market.

В настоящее время готовится к выходу в свет «Словарь чешско-русских литературных отношений» под редакцией М. Заградки [Zahradka]. Словарь построен следующим образом: в заголовок словарной статьи вынесено имя чешского литератора, далее следует краткая биографическая справка, за ней – список опубликованных переводов этого автора и критических работ о нем, написанных русскими богемистами.

Благодаря любезной помощи З. Выходиловой нам удалось познакомиться с рукописью этого словаря. Те сведения, которые в ней содержатся, позволяют построить историю переводов чешской литературы на русский язык и с количественной точки зрения описать состояние чешско-русского художественного перевода в тот или иной отрезок времени.

Именно под этим углом зрения мы хотели бы посмотреть в данной статье на современный этап художественного перевода с чешского на русский язык. Под современным мы понимаем период с 1990 г. по настоящее время, но здесь мы будем пользоваться данными о переводах, выполненных с 1990 г. по 2009 г.

Уже беглый просмотр статей «Словаря чешско-русских литературных отношений» позволяет предположить, что современный этап переводов чешской литературы на русский язык не был однородным, что переводная чешская литература переживала периоды низкой и высокой издательско-переводческой активности. Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы подсчитали, с одной стороны, **сколько книжных изданий, содержащих новые переводы чешской прозы, выходило ежегодно** с 1990 г. по 2009 г., с другой стороны, **сколько чешских авторов увидело новые переводы своих произведений**.¹

В среднем с 1990 г. по 2009 г. в России ежегодно издаются **4 книги** с новыми переводами чешской прозы, и эти новые переводы появляются в среднем у **4 чешских прозаиков**. Эти показатели действительны и для периода с 2004 г. по 2009 г. Напротив, с 1992 г. по 2000 г. среднее число изданий с новыми чешскими переводами и среднее количество переведенных авторов снижается по сравнению с соответствующими показателями для всего рассматриваемого периода (3 автора и 2 книги в год). Наконец, 1990, 1991, 2001 и 2003 гг. – это своего рода издательско-переводческие пики, что видно из следующей таблицы:

Таблица 1

Год	Число книг с новыми прозаическими переводами	Количество переведенных авторов
1990	11	9
1991	12	12
2001	5	14 ²
2003	7	6

Таким образом, новейшая история художественного перевода с чешского на русский язык может быть представлена в виде трех периодов, которые мы могли бы назвать следующим образом: **переходный период** (1990–1991 гг., в это время еще работают модели советской эпохи), **период кризиса** (1992–2000 гг.) и **период подъема** (2001–2009 гг.).

В пользу такой периодизации говорит и **анализ жанрового репертуара** современных переводов чешской прозы. **Книги для детей и сказки** стабильно издавались вплоть до 1993 г. включительно. До этого времени каждый год выходил какой-нибудь новый перевод детской литературы с чешского языка. Так, например, в 1990 г. были изданы повести Войтехы Стеклача «Алеш и его друзья» (пер. И. Граковой), в 1991 г. – повесть-сказка Вацлава Ржезача «Вол-

¹ Здесь и далее в своих подсчетах мы учитывали только новые прозаические переводы, опубликованные в книжных изданиях. В круг нашего внимания, таким образом, не попали переводы поэзии и драматургии, переводы, вышедшие в периодических изданиях, переиздания переводных произведений, а также собрания сочинений.

² Разница между двумя показателями для 2001 г. объясняется тем, что в этом году был опубликован прозаический сборник «Черный Петр», содержащий повести и рассказы 10 чешских авторов.

шебное наследство» (пер. В. Аркадьевой), в 1992 г. – «Микеш» Йозефа Лады (пер. Г. Шубина). Однако после 1993 г. чешская детская литература, как, впрочем, и русская, начинает издаваться гораздо меньше. Новые переводы чешских книг для детей появляются лишь sporadически (см. также [Vychodilová 2008: 57]).

Подобным образом дело обстоит с **историческими романами** и **научно-фантастической литературой**. Интерес к этим жанрам чешской прозы сохранялся в начале рассматриваемого периода (в 1990–1991 гг.), но затем наступил резкий спад, который продолжается по настоящее время. Если в самом начале 1990-х были опубликованы исторические романы Владимира Неффа, Милоша Вацлава Кратохвила, Владислава Ванчуры, фантастическая проза Йозефа Несвадбы, Алексея Плудека, Людвика Соучека, то за последующие 18 лет едва ли наберется больше пары чешских авторов, чьи исторические или фантастические произведения были переведены на русский язык.

Чешские **романы** активно переводились на русский язык в 1990–1991 гг. и после 2001 г. Второй из этих двух «романных» периодов (2001–2009) был столь же продолжительным, как и предшествующий ему период затишья (1992–2000). Однако за это время в свет вышло почти в пять раз больше романов, чем с 1992 по 2000 гг. (по данным «Словаря чешско-русских литературных отношений», соответственно 23 и 5 романов).

Период с 1992 по 2000 гг. – это затишье и в области **малой прозы**. В это время публикуются переводы отдельных рассказов в сборниках и периодике и практически не издаются переводы целых сборников рассказов одного автора. Напротив, в 1990–1991 гг. и в 2001–2009 гг. сборники рассказов того или иного чешского автора издаются довольно регулярно. Так, например, в 2004 г. на русском языке вышел прозаический сборник Михала Айваза («Возвращение старого варана», пер. Е. Бобраковой-Тимошкиной), в 2005 г. – сборник памфлетов Карела Чапека («Письма из будущего», пер. В. Каменской и О. Малевича), в 2006 г. – сборник рассказов Ивана Климмы («Мои опасные путешествия», пер. Н. Фальковской).

Наконец, существует еще один критерий, позволяющий выделить внутри современного этапа чешско-русского художественного перевода именно те три периода, которые мы описали выше. Речь идет о количестве авторов, которые были впервые изданы на русском языке. В среднем за весь период русская культура ежегодно «открывает» двух чешских прозаиков, так было и в 2001–2009 гг. Однако в 1992–2000 гг. число «открытых» чешских писателей меньше, были годы, когда русский читатель незнакомился ни с одним новым для него чешским автором.

Создавая внутреннюю периодизацию современных переводов чешской прозы, мы можем предположить, что она не является уникальной, что и другие переводные литературы пережили в России точно те же периоды упадка и подъема. Это предположение не подтверждается, если мы прослеживаем судьбу переводной литературы вообще. Б. С. Есенькин, крупный специалист по книжному делу в России в своей статье «Структурный анализ книжного

рынка России: 1990–2000 гг.» утверждает: «Количество переводов за годы реформ резко выросло к 1993 г., потом был отмечен некоторый спад. За последние пять лет [с 1995 г. по 2000 г. – А. А.] количество переводов постоянно увеличивалось... В то же время тираж переводной литературы постоянно сокращался и в 2000 г. был в 6,5 раз меньше, чем в 1991 г. <...> В целом после 1996 г. наблюдается тенденция к увеличению количества переводов при продолжающемся сокращении выпуска их тиражей» [Есенькин 2002: 15–16].

И тем не менее мы решили проверить свою гипотезу на примере конкретной переводной литературы. Для сравнения мы выбрали другую западнославянскую литературу – польскую – и воспользовались данными картотеки мировой художественной литературы, пополняемой сотрудниками Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). По этим данным, переводы с польского занимали в структуре российского книжного рынка более видное место, чем переводы с чешского: в период с 1990 по 2009 гг. ежегодно издавалось в среднем **19 книг**, содержащих новые прозаические переводы с польского, и переводилось в среднем **17 польских прозаиков** ежегодно. И тем не менее, несмотря на разницу в объеме переводов с польского и чешского языков, колебания этих статистических показателей в польской переводной литературе, в общем, повторяют линию чешской переводной прозы. Таким образом, переводы польской прозы пережили тот же переходный период (1990–1991 гг.), период кризиса (1992–2001 гг.) и период подъема (2002–2009 гг.).

Таблица 2

Период	Среднее число книг с новыми переводами (ежегодно)	Среднее число переведенных прозаиков (ежегодно)
1990–1991 гг.	27	31
1992–2001 гг.	16	13
2002–2009 гг.	21	20

В заключение отметим, что те названия, которые мы дали периодам развития чешского и польского художественного перевода на современном этапе, не случайно совпадают с названиями стадий экономического цикла. Сходство в логике количественного развития переводной чешской и переводной польской прозы свидетельствует о том, что ее во многом определяют внешние причины. Эти причины, очевидно, носят экономический характер: рынок переводной чешской и польской прозы оказывается чувствителен к состоянию издательской системы и – шире – экономики в целом.

Так, период кризиса (с 1992 г. по 2000 г.) открывается реформой ценообразования (1992 г.), которая привела к гиперинфляции и, как следствие, к увеличению стоимости издания книги. В это время многие частные издательства ориентируются на выпуск литературы, на которую гарантирован высокий спрос.

На период с 1992 по 2000 гг. приходится также кризис 1994 г., когда в результате дестабилизации цен «резко упали тиражи изданий, возросли издержки, остановились отпусковые цены на книги» [Ильницкий]. Через четыре года российская экономика переживает дефолт 1998 г., после которого сократились тиражи книг, снизилось качество изданий и уменьшился выпуск переводной литературы [Ильницкий].

Преодолев кризис 1998 г., российское книгоиздание переживает подъем, и в начале XXI века стало возможно говорить о «стабилизации российского книгоиздания» [Акопов]. Рынок переводной чешской и польской прозы тоже вступает в стадию стабилизации в начале нулевых годов и сохраняет завоеванные позиции, по крайней мере, до 2009 г.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АКОПОВ, А.: *Особенности и тенденции развития российского книгоиздания в рыночных условиях*. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=274&level1=main&level2=articles>

ЕСЕНЬКИН, Б. (2002): *Структурный анализ книжного рынка России: 1990-2000*. In: Есенькин, Б., Симонов, Р. (ред.), *Книжный рынок России: история, теория, практика: Межведомственный сборник научных трудов*. Вып. 1(9). М. 2002. с. 5–26.

ИЛЬНИЦКИЙ, А.: *Книгоиздание в современной России*. URL: http://www.kulichki.com/moshkow/COMPULIB/il_izdat.txt

VYCHODILOVÁ, Z. (2008): *K překládání české beletrie do ruštiny v posledních dvou desetiletích*. In: Kalivodová, E. et al (eds.), *Tajemná translologie? Cesta k souvislostem textu a kultury*, Praha, s. 55–65.

ZAHRÁDKA, M. et al.: *Slovník česko-ruských literárních vztahů* (rukopis).

ANDREJ ARTEMOV*

Česká republika České Budějovice

K VÝVOJI LEXIKOGRAFICKÉHO KOMPARATIVNÍHO POPISU ČEŠTINY A RUŠTINY

ABSTRACT:

Selected Aspects of the Development of Lexicographical Comparative Description of Russian and Czech

The bilingual lexicography of the language pair Czech and Russian has a long tradition and is rich in history. Its development has gone through the periods of both considerable flourishing and significant reduction of the interest in compiling the bilingual dictionaries. In individual periods, the extralinguistic factors, such as historical and social events, later followed by the economic impacts, influenced the increasing interest or the lack of interest in the lexicographical vocabulary processing.

KEY WORDS:

Lexicography – Czech language – Russian language – bilingual dictionary – subject word – excerption – methodology of dictionary's creation – methodology of including lexicon into a dictionary.

1. Bilaterální lexikografie češtiny a ruštiny

Dvoujazyčná lexikografie jazykového páru čeština – ruština má dlouhodobou tradici a bohatou historii. Její vývoj prošel obdobím výrazného rozkvetu, ale také značného poklesu zájmu o tvorbu dvoujazyčných slovníků. V jednotlivých obdobích ve větší míře působily na zvýšený zájem či nezájem o lexikografické zpracování slovní zásoby extralingvistické faktory (především historické a společenské události, později ekonomické). Přesto vznikly v období od 30. do začátku 90. let 20. století velice kvalitní dvoujazyčné slovníky všech možných typů a žánrů: kapsní slovníky, slovníky tezaurového typu, školní slovníky, slovníky odborného jazyka atd. V rámci některých uvedených žánrů se vyskytuje i drobnější členění. (To se však především týká odborných slovníků,¹ ačkoliv počet jejich výtisků nebyl příliš velký.) Kromě slovníků se v hojném množství objevily publikace, které se dají jako slovník označit pouze v širokém smyslu [Vavrečka 2007], ale stojí za pozornost jako publikace

¹ Najdeme slovníky elektrotechnické terminologie, slovníky pro hospodářskou sféru, gastronomii a mnoho dalších.

---

podklady pro formování slovníku, s čímž souvisí i dodržení homogenní reprezentace lexikálních jednotek ve slovníku.

Hlavní směry, kterými se převážně ubíral dvoujazyčný lexikografický popis češtiny a ruštiny konce 20. a začátku 21. století, spočívají podle našeho názoru v tvorbě slovníků v rámci dříve specifických a nezmapovaných oblastí lingvistiky.

Především je to frazeologie. Frazeografické práce zaměřené na kontrastivní popis češtiny a ruštiny vznikaly i dříve,⁶ ale jsou již zastaralé a neoperují s frazeologií v jejím současném pojetí. Bylo by možné se zmínit i o zařazení ruských frazeologických ekvivalentů do *Slovníku české frazeologie a idiomatiky*.⁷ Nicméně skutečně novátorským a špičkově kvalitním dílem se stal *Česko-ruský frazeologický slovník* (Mokijenko 2002), vydaný v Olomouci. Tento slovník je ojedinělým výsledkem dlouhodobé (od 50. let 20. stol.) činnosti českých a ruských frazeologů. Zanedlouho na něj navázal *Rusko-český frazeologický slovník* (Stěpanova 2007). Oba tyto slovníky uvádějí velice rozsáhlý materiál (prezentují frazeologickou zásobu současné ruštiny a češtiny „v plné šíři – od knižních frazémů ..., po nové hovorové a lidové i slangové obraty“⁸), mají hluboce promyšlenou koncepci, což se odráží jak v samotném uvádění frazeologické jednotky, tak i v dalších aspektech, které se k ní vztahují (propracovaná sémantika, volba ekvivalentů, přihlíží se k větší či menší přesnosti ekvivalentu, k jeho stylistickému zabarvení, existují odkazy na synonymické výrazy atd.).

Dále je to lexikologie a lexikografie novotvarů, která se vyvíjí pravděpodobně pod vlivem pomalejšího vydávání nových velkých dvoujazyčných slovníků. Tato tendence spočívá v pouhé aktualizaci lexikonu. Autoři slovníků neologismů se v posledním desetiletí skutečně přiklánějí k náročné excerpci, ale zároveň se často vzdávají hlubšího zpracování lexikálních jednotek. Mezi propracovanější slovníky v této oblasti lexikografie patří *Rusko-český a česko-ruský slovník neologismů* (1. vyd. 1999, 2. vyd. 2004), jehož přínosem je snaha doplnit existující slovníky o takové složky slovní zásoby, které jsou nejproměnlivější a podléhají změnám.⁹ Slovník se opírá o „koncept praktického použití“, je určen čtenářům současné literatury, nicméně v úvodu podává přehled zařazeného materiálu. Zde se vysvětluje, proč je heslář tak nesourodý, proč je zařazeno větší množství vulgarismů atd.

Na rozdíl od uvedeného slovníku se setkáme i s poněkud tendenčními¹⁰ pokusy o dvoujazyčné zmapování slangových slov a výrazů, mimo jiné také vulgarismů (zřejmě pod vlivem ekonomických tržních impulsů).

Mezi další tendence poslední doby patří vývoj počítačové lexikografie, nejčastěji se zaměřením na praktické využití širokou veřejností. Zde se vyskytují buď elektronické

---

⁶ Martinková, M.: *Rusko-český frazeologický slovník*. Praha 1953.

⁷ Čermák, Fr.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha 1983, 1988, 1994. Tento slovník neměl za úkol přímo prezentovat česko-ruskou frazeologii, ale ilustrativní ruské ekvivalenty, které uvádí, jsou velkým přínosem pro komparativní zpracování frazeologie.

⁸ *Rusko-český frazeologický slovník* (Stěpanova: 5)

⁹ Savickij 1999, s. 5

¹⁰ Tendenčními zde nazýváme snahy o subjektivní vytýčení toho, „co do slovníku patří a co ne“ z hlediska nedefinované aktuálnosti. Viz 2. vyd. *Česko-ruského slovníku nové a problémové ruštiny*, Praha 2005 a výrok autora v doslovu: „Uživatel mého slovníku neplatí při koupi za staletý balast (voda, ucho, slovo atp.), který lze nalézt v libovolném školním slovníku.“ [Dvořáček 2005, s. 5.]

verze již existujících knižních slovníků (Sádlíková 2005), nebo zcela odlišné slovníky, využívající intermediálních možností PC, např. obrázkový „mluvící“ *Česko-Ruský slovník „Lingvosoft 2008“*¹¹.

Velký význam pro budoucí vznik dvoujazyčných česko-ruských a rusko-českých slovníků pak má korpusová lexikografie. Paralelní korpus se v tomto směru jeví jako jedna z nových možností o přesnější zpracování bohatšího lexikálního materiálu.

Kromě tendencí uvedených výše jsou i některé pokusy spojené spíše s tematickým obohacením česko-ruského a rusko-českého slovníkářství¹² a rozšíření počtu titulů stávajících oborových dvoujazyčných slovníků.

2. Nejzdařilejší dvoujazyčné slovníky

Jedním z nejzdařilejších, leč v současné době již značně zastaralým, především z hlediska obsahového, je šestidílný *Velký rusko-český slovník* (Kopecký 1952–1964), který se stal prvním dvoujazyčným slovníkem slovanských jazyků takového rozsahu.¹³ Rusko-česká lexikografie má v tomto slovníku dosud nepřekonaný příklad a jeho metodologická báze rozhodně potřebuje detailnější prozkoumání.

Kromě tohoto velkého díla, které nemá obdoby, je třeba uvést zdařilý a dodnes aktuální již zmíněný *Česko-ruský slovník* (ve dvou dílech) L.V. Kopeckého, J. Filipce a O. Lešky (1976) a také *Rusko-český slovník* (dvoudílný) L.V. Kopeckého, O. Lešky a kol. (1978).

Při tvorbě budoucích lexikografických prací je třeba provádět hlubší analýzu a detailnější zpracování skutečného (tj. excerpovaného) lexikálního materiálu (ne „výtahů“ z již existujících slovníků). Hlubší analýza lingvistického zpracování a vědeckých postupů, které se projevily v doposud vydaných slovnících, poskytne možnost syntetického využití starších a přínosných poznatků v novějších slovnících. Vyčlenění jednotlivých metod a postojů, které se odrazily v tvorbě a sestavování hesláře, ukáže souvislosti modulace hesla nového typu s využitím novějších poznatků (se zapojením sémiotiky, kognitivní lingvistiky atd.) a technologií (korpusová lingvistika).

POUŽITÁ LITERATURA:

- БЕРКОВ, В. П. (1975): *Решение вопроса об опорном слове в двуязычных словарях*. In: Учёные записки ТомскГУ. № 93, вып. 3. Томск. Стр. 16–25.
- ČERMÁK, Fr. (1992): *Paradigmatika a syntagmatika slovníku: problémy a možnosti*. In: Slovo a slovesnost, 53. Str. 249–264.
- ČERMÁK, Fr. (1995): *Manuál lexikografie*. Praha.
- ČERMÁK, Fr. (2001): *Sémiotika slovníku*. In: S. Ondrejovič, M. Považaj. (eds): *Lexicographica 99*. Bratislava. Str. 114–125.
- ИЗОТОВ, А. И. (2008): *О новом «Большом чешско-русском словаре»*. In: Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович

¹¹ Uvádíme tento slovník pouze jako příklad, jelikož je jeho zpracování pouhou komerční záležitostí. O „nebezpečí zjednodušené představy o využití počítačů v lexikografii“ viz I. Němec *Vědecké a technické možnosti rozvoje české lexikografie*. In: *Slovo a slovesnost*, 53, 1992. Str. 48–55.

¹² Zde můžeme uvést *Rusko-český* (Dlouhá 2000) a *česko-ruský* (Dlouhá 2002) odborný slovník policejně právní terminologie a kriminálního slangu.

¹³ Isačenko, Al. *Základní dílo československé rusistiky*. In: *Československá rusistika*, 10, 1965, č. 1, s. 50–51. Бабкин, А. М. *Лексикографические заметки*. In: *Вопросы языкознания*, 1955, č. 2, s. 91. Kout, J. *Nejvýznamnější dvojjazyčný slovanský slovník*. In: *Ruský jazyk*, 16, 1965/66, č. 2, s. 91–93.

- (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). Москва. Стр. 492–503.
- КОТЕЛОВА, Н. В. (1983): Банк русских неологизмов. In: *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград.
- МОКIJЕНКО, V. M. (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc.
- NĚMEC, I. (1992): *Vědecké a technické možnosti rozvoje české lexikografie*. In: *Slovo a slovesnost*, 53. Str. 48–55.
- SÁDLÍKOVÁ, M.; SAVICKIJ, N.; ŠIŠKOVÁ, R. (1994): *Slovník postpřelomové doby*. In: *Slavia* 63, 1994, č. 3. Str. 267–276.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc.
- VAVREČKA, M. (2007): *Ruská slovesa a jejich české ekvivalenty. Klasifikace sloves do tříd, tabulky vzorů, česko-ruská homonyma, cvičení s klíčem*. Brno.

*Autor příspěvku je pracovníkem Vysoké školy technické a ekonomické v Českých Budějovicích.

ДАНИЕЛ БОРИСОВСКИ

Польша, Ополе

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКО-РУССКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ. ИНТЕРНЕТ-ПОИСК И ВЕРИФИКАЦИЯ

ABSTRACT:

On the Polish-Russian equivalence. Internet-based Search and Verification.

During the last decade Internet-based search has become the main method to achieve information. This paper is devoted to web search engines and the possibilities, they give throughout translation process. On the example of two Polish idioms (*podkładka pod piwo; jest, jak jest*), we present the way of establishing their Russian equivalents, using Google.com and Yandex.ru engines mostly. We also ascertain the main advantages, as well as disadvantages of Internet-based search in that matter.

KEY WORDS:

Polish-Russian equivalence – Polish idioms – Russian idioms – phraseology – translation – translation studies – Internet-based search – Google search engine.

Интернет – это коммуникация. Но это также поиск. Поиск, который за последнее десятилетие существования Всемирной паутины стал неотъемлемым элементом цифровой активности каждого Интернет-пользователя. Поиск – это двигающая сила массовой культуры, а даже культура сама по себе. Так сказать, **поисковая культура**, которая в принципе не цифровая, а реальная, материальная¹ [Battelle 2006: 9–11]. В Интернете добывается информация по потребительским потребностям, по интересам, по трудовой деятельности и др. В первую очередь поиск осуществляется при помощи поисковых систем, гарантирующих немедленный доступ к огромному количеству ресурсов. Фразеологу-переводчику поисковые системы служат инструментом отбора многочисленных текстов, а затем экскерпции искомым **единиц**. С точки зре-

---

¹ John Battelle, автор книги *The Search. How Google and Its Rivals Rewrote the Rules of Business and Transformed Our Culture*, Интернет-поиск считает элементом материальной культуры человечества. В миллиардах запросов запечатлеваются, по его мнению, человеческие потребности, стремления, желания – деятельность в целом.

ния настоящей статьи – многолексемных идиоматических выражений² польского языка и их русских эквивалентов.

Эффективный поиск и установление эквивалентов требуют от переводчика (преподавателя, студента) особой осторожности и внимательности при анализе ответной информации, выданной поисковыми системами. Сомнительно, чтобы содержание ответов вполне соответствовало предполагаемому результату, но избавиться от лишней информации, ограничить ее количество, тематику не так и сложно. В этом плане качественный ответ обеспечивает лишь точная формулировка запроса. Одна из популярнейших систем, использующая инновационные технические достижения, наукоемкие решения – Google.com (далее, Google) – предоставляет пользователю ряд специальных слов-операторов, символов, которые обогащают поиск, модифицируют результаты соответственно запросу³. Некоторые из них обсудим на практическом материале.

Цель этой статьи – указать путь от исходной единицы на польском языке к русскому эквиваленту. Базируясь преимущественно на интернетовских текстах (также картинках, видеороликах С подписью), полученных как результат веб-поиска. Поставленную задачу мы выполняем на примере двух единиц: *podkładka pod piwo; jest, jak jest*.

Podkładka pod piwo.

1. Польская единица. Иногда исходной точкой для поиска эквивалента единицы определенного языка является именно этот язык. Фразема, извлеченная из сочинения студента (*Он собирает подкладки под пиво*), пробудила наш интерес к анализу по двум причинам. Во-первых, возник вопрос о правильности польской единицы, точнее сказать, о ее нормативном статусе; вопрос: как средний статистический носитель польского языка, не задумываясь, назовет этот картонный кружок – *podkładka* или *podstawka pod piwo*? Во-вторых, следовало установить как мотив калькирования, так и сам русский эквивалент.

Использование студентом лексемы *podkładka* было связано, несомненно, с семантической близостью польских *podkładka* и *podstawka*. На русском же языке насколько семантика глаголов *подкладывать* / *подложить* частично совпадает с семантикой глагола *подставить*, настолько в значениях существительных (*подкладка* / *подставка*) эта смежность уже не выражается⁴. Сомнения, связанные с единицами польского языка, мы рассеяли, высылая в поисковую систему Google два запроса – *podkładka pod piwo* / *podstawka pod piwo*. Это обнаружило, что оба этих варианта употребляются примерно с этой же частотностью (по несколько десятков тысяч ответов). Итак, исходная единица – ***podkładka / podstawka pod piwo***.

² Такое понимание **единицы языка** сохраняется во всей статье.

³ См. по адресу <http://www.google.com/support/websearch/> полную справку по базовому и расширенному поиску.

⁴ *Подкладка* по фразеологической сочетаемости не соответствует схеме *postawić / podstawić co₁ pod co₂*, (имея в виду предмет, который ставим под другой предмет, чаще всего под сосуд).

2. Русская единица. В первую очередь мы ввели в браузеры Google и Yandex.ru (далее, Яндекс) калькированную единицу *podkladka pod пиво*, с целью подтвердить ее неправильность. Результат – соответственно: 2 и 1 ответ в Google, 8 и 6 ответов в Яндексе⁵. Затем, мы выслали в те же поисковые системы запрос «**подставка под ***»⁶. Анализ около 100 текстов, отобранных довольно случайно из перечня ответов, выявил такую же сочетаемость приведенного предложного выражения, как польских *podkladka / podstawka pod (подставка под стакан, под кружку, под мисочку, под чайник и др.)*. В следующем шаге мы интуитивно использовали также форму множественного числа (*подставка и подставки под пиво*). Такой выход подсказывал способ формулировки заглавий некоторых веб-страниц или Интернет-аукционов, а также рекламных лозунгов, напр., *дешевые машины...*, *лучшие компьютеры...*, *новейшие пластинки...*, что зачастую связано с продажей, иногда производством, реже обменом. Это значительно увеличило количество контекстов, в которых использовалась данная единица, одновременно указывая типовой функциональный вариант. Этот запрос оказался окончательным – в общей сложности поисковая система Google выдала около 800 тыс. ответов. Но в довольно большом текстовом материале мы обнаружили и другие переводные варианты. Предлагаем следующую запись [Chlebda 2006: 10–11]: **podkladka / podstawka pod piwo – подставка под пиво X подставка под <пивную> кружку X бирдекель X костер X бирмат**. Доказательством эквивалентности послужило также переключение фильтрации результатов по типу содержания на **Картинки** (боковая часть Интернет-витрины Google).

Jest, jak jest.

1. Польская единица. Установление эквивалентов (транслятов) зачастую связано с определением некоторых особенностей исходной единицы (транслянда) – ее семантического содержания, стилистического характера, принадлежности к лексической категории. Но в большей степени существенно указать, в каких аналогичных ситуациях (лучше всего найти большое количество таких аналогий), для выражения какого эмоционального состояния или оценки носитель польского языка употребляет фразему *jest, jak jest*. Не всегда, как было уже сказано, результаты высланного запроса соответствуют нашим предположениям. Среди без малого 3 миллионов ответов преобладали те, относящиеся к разным названиям: *Jest, jak jest* – это, между прочим, польский телесериал (режиссеры – Януш Дымек и Ян Ломницки), часть заглавия песни в исполнении Яна Бoryсеvича и Павла Кукиза – *Wo tutaj jest, jak jest* – и заглавие сборника рассказов Энни Пру *Dobrze jest, jak jest*. Запрос **jest jak jest** (запятая не нужна, поскольку поисковые системы не учитывают знаки препинания) мы модифицировали, используя доступные операторы: **jest jak jest ***

⁵ Все запросы, перечисленные в этой статье, осуществлялись в конце 2010 – начале 2011 годов.

⁶ Словосочетание, взятое в двойные кавычки, будет рассматриваться системой в неизменной форме, именно в таком порядке компонентов. Звездочка означает любое слово (ряд слов), но образующее с запрашиваемым логическое целое.

-dymek -borysewicz -proulx⁷. Написание приведенных ниже цитат [1]-[11] сохраняется согласно оригинальному:

[1] *Obiecuje, obiecuje, a **jest jak jest**,*

[2] *Nie dziwne ze w polsce **jest jak jest** (...).*

Поскольку среди остальных результатов еще много относилось и к другим заглавиям (названиям), пришлось обратиться к материалам Национального корпуса польского языка. NKJP фиксирует искомую единицу 735 раз, напр.:

[3] (...) *obiecywały złote góry, a **jest jak jest**, czyli nie ma obiecanych autostrad (...),*

[4] *dzięki za pocieszenie, no ale **jest jak jest** i nic tego nie zmieni.*

Анализируя несколько десятков любых ответных текстов (как интернетовских, так и корпусных) мы убедились, что средний статистический носитель польского языка употребляет это обращение в значениях: ‘*jest tak, a nie inaczej*’, ‘*miało być inaczej*’, ‘*jest tak i nie można tego zmienić*’, ‘*nie jest tak, jak powinno być*’, ‘*jest źle*’, ‘*mogłoby być lepiej*’ и т.п., сообщая о фактическом состоянии чего-л., часто выражая свое недовольство, воспринимая возникшее, случившееся как продиктованное, неизменяемое. Как ни странно, имеющиеся переводные словари [WSPR HS, WSPR JW] не фиксируют данную единицу – фиксируют, однако, фраземы типа *co ma być, to będzie; co będzie, to będzie; niech będzie, co chce; niech się dzieje, co chce*. Более того, не фиксирует эту единицу большинство толковых словарей польского языка⁸.

2. Русская единица. Остановившись на мертвой точке, мы решили выслать в поисковую систему Google калькированный запрос *есть, как есть*. Результат: около 170 тыс. ответов и несколько затруднений⁹:

[5] *Что **есть, как есть**? (...) С одной стороны, ахаем и охаем, что ребенок бледен и часто болеет, с другой, не даем себе труда элементарно посмотреть, а чем же он питается?,*

[6] *А силы, чтобы создавать (...) нужную пользу, **есть, как есть** и желание ее принести.*

Исследуя ряд контекстов, удалось выделить единицу, выполняющую то же функциональное значение, что польское выражение *jest, jak jest*:

[7] *Но не очень жалею об этом. Уж **есть как есть**. Больше жалею, что мне не удалось реализовать себя, как художника.*

Является ли это эквивалентом на самом деле? Языковой материал вскрыл лишь, что такой вариант используют недостаточно широко, чтобы признать его правильным. Стало необходимо проконсультироваться с носителем русского языка. Т. А. Милютин (сотрудник Опольского университета) подсказала нам две единицы: *как есть, так и есть; как будет, так и будет*. Два следующих запроса выявили (выдав по несколько миллионов ответов), что корреляция единиц **jest, jak jest – как есть, так и есть, co ma być, to będzie – как будет, так и будет** заслуживает статуса эквивалентности, ср.:

⁷ Такой запрос исключает тексты со словами данными после минуса.

⁸ SJP SZ, USJP. Лишь Практический словарь современного польского языка (ред. Г. Згулкова) дает фразему *Jest, jak jest*, но не предлагает толкование.

⁹ С одной стороны, появились вопросы, касающиеся питания, что связано с омонимией русских *есть* в значении ‘кушать’ и *есть* – 3 л. мн. ч. глагола *быть*. С другой, (...) *есть, как есть* (...) встречалось на стыке предложений, будучи компонентом двух разных синтаксических частей (ср. [6]).

[8] **Как есть так и есть**, ничего не поделаешь,

[9] *Ладно, как есть, так и есть... Может измениться ситуация?*,

и:

[10] **Как будет так и будет**, в принципе разницы конкретной мы не почувствуем,

[11] *А дальше – как будет, так и будет.*

Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что Интернет не представляет собой реальное отражение языка. Даже миллионы ответов не свидетельствуют о фактическом состоянии определенной единицы, не сказываются на общем использовании такого выражения. Результаты иногда нуждаются во внимательном критичном анализе и консультации.

Подытоживая, для современной лексикографии Интернет – это вспомогательный инструмент при исследовании вопросов эквивалентности. Не забывая о его недостатках, надо умело пользоваться предоставляемыми им возможностями. Поисковые системы в свою очередь лишь первый уровень проникновения в массив Интернет-ресурсов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

BATTELLE, J. (2006): *Szukaj. Jak Google i konkurencja wywołali biznesową i kulturową rewolucję*, przekład Maciej Baranowski, Warszawa, s. 9–11.

CHLEBDA, W. (2006): *Czym jest „Idiomatykon” i jak z niego korzystać*. In: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, red. W. Chlebda, z. 1, Opole, s. 10–11.

NKJP: *Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <http://nkjp.pl/>.

WSPR HS: *Wielki słownik polsko-rosyjski*, D. Hessen, R. Stypuła, Warszawa 2004.

WSPR JW: *Wielki słownik polsko-rosyjski*, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2005.

SJP SZ: *Słownik języka polskiego*, red. M. Szymczak, Warszawa 1992.

USJP: *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz, Warszawa 2003.

ЭВА КОНЕФАЛ

Польша, Гданьск

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА

ABSTRACT:

Compositional Transformations in Translation of Journalistic Texts

The objective of the article is an analysis of the composition of the original press publication and its translation. Composition transformations are connected with relocation, permutation (exchange), addition or deletion of verbal and non-verbal components which participate in the creation of the global sense of an utterance, and above all which influence the reception of the text by the reader. The described composition changes result not only from the necessity to standardize press publications (to adjust them to the character of the edition), but also from the pragmatic factor of the translation.

KEY WORDS:

Translation – composition transformations – press text – verbal and not-verbal components – title – subtitle – headline – lead.

Каждый текст как единица высшего уровня, основными признаками которой являются завершенность, связанность и цельность, имеет свою как внутреннюю, так и внешнюю композицию. Принимая во внимание факт, что «мастерство журналиста заключается не только в выборе актуальной темы, подборе убедительных факторов, точной жанровой тональности, но и в умении почувствовать всю «наметку» материала – от заголовка до последней фразы» [Кайда 1989: 62], внешняя сторона организации текста является не менее важной, чем его внутренняя композиция. Они наравне формируют глобальную структуру и смысл текста.

Каждый газетно-журнальный текст обладает своей сформировавшейся внешней организацией, строится из определенного числа компонентов как вербальных, так и невербальных, связанных структурным и семантическим единством, которому подчинены все его элементы [Самарцев 2007: 260]. К вербально выраженным элементам принадлежат так называемый заголовочный комплекс и основной текст публикации (корпус). К компонентам за-

головочного комплекса обычно относят – рубрику¹, надзаголовок², заголовок³, подзаголовок⁴, лид⁵. Конечно, не все перечисленные выше компоненты входят в структуру каждой газетной публикации – надзаголовок, подзаголовок и лид факультативны. К необязательным вербальным компонентам газетной статьи можно также отнести комментарии к иллюстрациям, анонсы на первой полосе газеты или на обложке журнала⁶, содержание (только в журналах, что отличает их от газет) и так называемые врезки. Непременные компоненты газетно-журнальной публикации это лишь заголовок и основной текст. Не менее важную, хотя часто недооцениваемую позицию в композиции газетно-журнального текста занимают и невербальные (иконические, изобразительные) компоненты, то есть приложенные к тексту рисунки и фотографии. Они не только поясняют и дополняют текст, но также усиливают эффект его воздействия.

Обращение к композиции газетно-журнального текста и к преобразованиям, которые можно обнаружить в их переводах неслучайно, так как объектом перевода является текст (не отдельно взятые его единицы) как единое неразделимое целое, со всеми компонентами. Проблема эта до сих пор не привлекала особого внимания теоретиков перевода, тем не менее изучение внешней структуры газетно-журнального текста является очень важным вопросом, так как в настоящее время газетный материал стал «товаром», который необходимо эффективно продвинуть на рынке, соответствующим образом «довести до читателя». Этой рекламной функции подчиняются и оригинальные тексты, и их переводы.

Материалом для настоящих наблюдений послужили перепечатки российских периодических изданий в польском еженедельнике «Форум». Источники переводов из российской прессы характеризуются большим разнообра-

¹ Состоит из одного или нескольких журналистских текстов, объединенных тематической принадлежностью (тематическая рубрика – «Политика», «Общество», «Культура», «Экономика» и т.д.), жанровой принадлежностью (жанровая рубрика – «Фельетон», «Репортаж» и т.д.) или интегрирует тексты одного автора (авторская колонка, например «Колонка Ричарда Бренсона» в «Независимой газете», авторские блоги в электронных версиях газет и журналов). Часто имеет свою подрубрику или распространяющий и детализирующий заголовок, вид надзаголовка. Каждое газетное издание обладает своей системой рубрик, которые обычно занимают в нем постоянное место. Рубрика помогает читателю ориентироваться в характере материала.

² Находится над основным заглавием и является дополнением к нему.

³ Занимает самую сильную позицию в заголовочном комплексе, может отражать один элемент смысловой структуры текста – тему, развивать главную мысль, содержать аналитическую оценку ситуации, составлять иллюстрацию и фон к цели сообщения; или несколько (комплексное заглавие) – см. [Лазарева 1989: 28–36].

⁴ Уточняет, поясняет или дополняет основной заголовок. Подзаголовок либо заключают в круглые скобки, либо помещают отдельной строкой, набранной шрифтом меньшего, чем заголовок, кегля.

⁵ Ин. вводка – первый абзац, чаще всего представляет собой содержание всего текста. Как пишет Лазарева, вводка «занимает внутритекстовую позицию, сохраняя изолированное положение (...); входит в смысловые отношения с текстом, являясь его выдвинутой, подчеркнутой частью» [Лазарева 1989: 18]. Она отделена от основного текста пробелом или набрана другим шрифтом.

⁶ Анонс на обложке журнала связывает первую полосу газеты и ее разворот, при первом просмотре ориентирует читателя в материале [Лазарева 1989: 15].

зием – это центральные российские газеты («Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда» и др.), журналы («Итоги», «Огонек», «Власть», «Вокруг света» и др.), а также электронные издания (Частный корреспондент, Газета.ру, Slon.ru и др.). Указанных три источника отличает не только периодичность издания и способ оформления (обложка, содержание, расположение текста на полосе), но и канал сообщения – электронные издания существуют только в «интернет-пространстве» и имеют свой ограниченный круг реципиентов. Описываемый еженедельник, независимо от источника перевода (английская, немецкая, французская или польская пресса), обладает своей собственной композицией, имеет сформировавшееся деление на рубрики, постоянные элементы заголовочного комплекса (рубрика/наименование рубрики, заголовок, лид, основной текст, информация об источнике перепечатки).

Немаловажное значение для стратегии перевода описываемого вида текста имеет характер издания, в котором помещается перевод, издания, которое, несмотря на то, что помещает не свои тексты, лишь перепечатки (является вторичным отправителем), имеет тоже свое идеологическое направление, существует на другом издательском рынке, имеет другой круг получателей с совсем другими фоновыми знаниями и читательскими ожиданиями.

По натуральным причинам композиционная стройность оригинального текста и его перепечатки почти никогда не совпадает. Композиционные трансформации при переводе газетно-журнальных текстов связаны чаще всего с передвижением, взаимной заменой, опущением или добавлением различных вербальных и невербальных компонентов (заголовок, подзаголовок, лидов, абзацев, фотографий и т.д.), формирующих смысл текста.

Трудно описать все комбинации переводческих преобразований (это более сложный вопрос, требующий более детального описания), поэтому свои наблюдения постараюсь продемонстрировать на материале перепечатки одной статьи авторства Антона Денисова «Мифы и реальность дворницкой жизни», опубликованной в «Независимой газете» от 2 марта 2010 года в рубрике «Стиль жизни». Ее перепечатка под заглавием «Zamiatają i oszczędzają»⁷ была помещена в 50 номере еженедельника «Форум» за 2010 год в рубрике «Общество».

Первое существенное различие касается характера источника перевода. Газета и журнал обладают другими способами оформления, наличием поясняющих компонентов, участвующих в восприятии материала.

Описываемую перепечатку отличает от оригинальной публикации прежде всего присутствие анонсов. Первый анонс на обложке «Форума», на которой вместе с логотипом газеты-оригинала появляется предварительная, не лишённая эмоционально-экспрессивной нагрузки информация о материале в форме двучленного образования (заголовок и подзаголовок) «POZAMIATAJ

---

⁷ Подстрочник: «Подметають и економлять».

I ZMIATAJ. Moskwa nie wierzy emigrantom»⁸. Следующий анонс можно встретить в содержании номера – «Zamiatają i oszczędzają. Gastarbeiterzy sprzątają Rosję»⁹. Рядом с содержанием весьма выразительная фотография, представляющая ряд свежеслепленных снежных баб с комментарием «Czarna robota na białym śniegu, czyli los emigranta w Moskwie»¹⁰. Все эти «ласточки» предстоящего материала переполнены многочисленными аллюзиями и выразительностью, не сравнимой с выразительностью оригинальной публикации.

После ознакомления с анонсами можно перейти к странице, где помещен главный материал. Статья начинается с той же фотографии, которая была помещена при содержании, только намного больше своим форматом. К фотографии прилагается следующий комментарий: «Co zrobić z odgarniętym śniegiem? Ulepić bałwany. To jeden z celów robót publicznych w Moskwie dla emigrantów»¹¹. Вторая приложенная к тексту перевода фотография изображает рабочих, починых брусчатку на Красной площади вблизи Мавзолея и Кремлевской стены. Оригинальная статья снабжена двумя лишними выразительности фотографиями – первая из них представляет собравшуюся на улице группу мужчин с комментарием «Чужие?», вторая – человека, выбрасывающего мусор в контейнер с комментарием: «Этой работой москвичи заниматься не хотят».

Следующие преобразования касаются структуры заголовочного комплекса. Композиция заголовочного комплекса оригинальной публикации не является особенно развернутой, к ней принадлежат – приведенный выше заголовок и подзаголовок («Трудно жить по-человечески, когда рядом те, кому в этом отказано»). В состав заголовочного комплекса перевода входят: свойственный для «Форума» надзаголовок – распространение рубрики («Być imigrantem w Moskwie»¹²), приведенный выше заголовок и лид, сохраняющий мысль, выраженную в подзаголовке оригинального материала: «Trudno żyć po ludzku, skoro obok żyją ci, którym się prawa do życia po ludzku odmawia – pisze rosyjski publicysta o smutnym losie gastarbeiterów w swoim kraju»¹³.

Перепечатку и ее источник дифференцирует также внешняя организация главного текста публикации, абзацное деление, которое служит показателем перехода от одной мысли к другой. Кроме факта, что в оригинале 18 абзацев, а в его переводе – 13 (они или опущены, или соединены с другими абзацами), внимание обращает также снабжение корпуса перепечатки отдельными заголовками, которые, с одной стороны, помогают читателю перевода лучше разобраться в содержании статьи, с другой, являются также способом выражения

⁸ Первая часть анонса строится из предложения, использующего рифмические средства и разговорную лексику. В подстрочном переводе «Подмети и уходи». Вторая часть, в подстрочнике «Москва не верит эмигрантам», должна вызвать у читателя ассоциации с фильмом «Москва слезам не верит»..

⁹ Подстрочник: «Подметаю и экономят. Гастарбайтеры убирают Россию».

¹⁰ Подстрочник: «Черная работа на белом снегу, то есть судьба эмигранта в Москве».

¹¹ Подстрочник: «Что сделать со сгребнутым снегом? Слепить снежных баб. Это одна из целей общественных работ для иммигрантов в Москве».

¹² Подстрочник: «Быть эмигрантом в Москве».

¹³ Подстрочник: «Трудно жить по-человечески, если рядом те, кому в этом отказано, – пишет российский публицист о грустной судьбе гастарбайтеров в своей стране».

авторской позиции, позволяют с помощью лексических средств повысить выразительность материала¹⁴.

К отсутствующим в оригинальном материале компонентам можно перечислить также приложенную к перепечатке краткую справку на тему иммигрантов в России (их количество, национальная принадлежность, статус), составленную на основе данных другого источника – Newsru.com.

Как видим, композиция оригинального текста существенно отличается от композиционной структуры его перепечатки, в связи с чем текст начинает жить своей собственной, автономной жизнью. Авторская позиция в переводе выражается главным образом за счет поясняющих компонентов, как вербальных, так и невербальных. И сколько бы ни говорить о переводческой эквивалентности газетно-журнального текста, он всегда будет обладать совсем другой «наметкой». Хорошо это или плохо – однозначного ответа нет.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КАЙДА, Л. Г. (1989): *Эффективность публицистического текста*. М.
ЛАЗАРЕВА, Э. А. (1989): *Заголовок в газете*. Свердловск.
САМАРЦЕВ, О. Р. (2007): *Творческая деятельность журналиста*, М.

---

¹⁴ В основном тексте перевода два заголовка: «Koszmary duże i małe» (подстрочник: «Кошмары большие и маленькие») и «Lewy Rosjanin» (подстрочник: «Нелегальный россиянин»).

ЗУЗАНА ЛОРКОВА

Словакия, Братислава

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЕРДЦА ЧЕТЫРЕХ В. СОРОКИНА

ABSTRACT:

The Problematic Moments in Translation of “Four Stout Hearts” by V. Sorokin

The translation problems of the works written by the contemporary Russian writer Vladimir Sorokin are up-to-day in Slovak cultural area. During the last years three translations of his texts appeared that brought controversial themes, heroes and language absolutely new to Slovak readers. In this short analysis we would like to concentrate on the key moments and stylistic problems that occurred while translating his text “Four stout hearts” into the Slovak language.

KEY WORDS:

Vladimir Sorokin – slovak translation – Four Stout Hearts – translation problems – stylistics.

«Я получаю колоссальное удовольствие, играя с различными стилями. Для меня это чистая пластическая работа – слова как глина. Я физически чувствую, как леплю текст...» [Генис 1999: 73].

Неспроста начинаем наш доклад словами Владимира Сорокина (1955) о своем фирменном приеме – об эксперименте на уровне слова, языка и стиля. Все это довольно осложняет и так уж нелегкую работу переводчика. Понимаем, что анализ перевода художественного произведения нуждается в комплексном анализе, но предоставленное нам время позволяет лишь коротко изложить некоторые переводческие проблемы. Поэтому мы решили сосредоточиться на специфическом моменте перевода текста *Сердца четырех* (1991) – на стилевой разнообразности, представляющей некую имитацию всех течений русской литературы XX столетия. Автором словацкого перевода с названием *Srdcia štyroch* (2009) является известный словацкий писатель, композитор и опытный переводчик Ян Штрассер (1946)¹.

---

¹ Автор переводов всех словацких книжных изданий произведений В. Сорокина. Конкретно – *День опричника* (*Opričníkov deň*, 2008), *Лёд* (*Lad*, 2008) и *Сердца четырех* (*Srdcia štyroch*, 2009). В ближайшем будущем ожидается и издание перевода текста *Метель*.

Однако сначала коротко о произведении: *Сердца четырех* – роман о приключениях квартета и квазисемьи (старика Генриха Штаубе, подростка Серёжи, молодого мужчины Виктора Реброва и девушки Ольги Пестрецово́й), членов тайной организации. Все они преодолевают целую серию преград и непонятных миссий, обсуждают какие-то бестолковые планы, посредством чего хотят запустить какой-то агрегат, расположенный в бункерах на территории Сибири. Сюжет романа как будто присутствует и развивается динамично, но общая картина так и остается для читателя загадкой. Читатель наблюдает то за садистскими, то за канибалистскими или мазохистскими актами героев и ждёт разгадки их зверского действия; но в конце концов становится ясно, что их действия абсолютно нелогичны и абсурдны.

Итак, в чем же заключается проблематика перевода данного произведения? Первые вопросы возникают уже при попытке определить жанр текста, и литературоведы расходятся в мнениях: С. И. Тимина охарактеризовала его как «текст, который строится по рецепту советского традиционного производственного романа» [Тимина 2010: 102], А. Генис скорее как «боевик или авантурный роман, содержащий весь спектр либеральной советской литературы» [Генис 1999: 74]. И действительно проблема состоит в том, что «... Сорокин заполняет текст разностилевыми мазками. В этой коллажной технике выписанные в разных литературных манерах эпизоды напользают друг на друга, перемешиваются и совмещаются, создавая единое повествовательное поле» [Генис 1999: 74].

Этот коллаж создают разнообразные отрывки или повествования, например:

- Цитаты из произведений – из философского произведения Ф. Ницше с названием *О тысяче и одной цели* (стр. 43) или из «Князя Серебряного» А. Толстого (стр. 197)
- Имитации военной прозы – моральный рассказ старика Штаубе о своем детстве
- Имитация триллера, детектива или компьютерной игры-стратегии – выполнение разных миссий (стр. 236)
- Отрывки из энциклопедий или научной литературы из области биологии человека и животных (стр. 44, 164), а также антропологии (стр. 45), которые содержат множество терминов, знакомых только узкому кругу ученых
- Имитация мемуарной прозы – исповедь матери Реброва, вспоминает семью и жизнь в лагере (стр. 129)
- Дискуссии о русской истории, о русских деятелях и политиках, советском режиме, о культуре личности и т.д. (стр. 142, 193)

Такая жанровая/стилевая разнообразность проявилась и на языке произведения. В подавляющем большинстве В. Сорокин использовал прямую речь, диалоги или монологи, содержащие весь диапазон словарного запаса – терминологию, жаргон, сленг, вульгаризмы, диалектизмы, фразы на иностранном языке (в данном случае на украинском языке), но и культурные и исто-

рические реалии, географические названия, события, названия и сокращения учреждений и т.д.

Из всех перечисленных стилистических разновидностей приводим имитацию военной прозы (таб. 1) и триллера (таб. 2).

Роман начинается с невинной сцены на улице возле булочной в духе соцреалистического произведения. Генрих Штаубе читает мораль тринадцатилетнему мальчику за то, что выкинул хлеб, который до этого уронил в лужу. Старик Штаубе рассказывает ему о своей молодости, о жизни во время второй мировой войны, голоде и о недетской работе:

Таблица 1

Оригинал	Словацкий перевод
«Мы тогда с бабушкой, да с младшей сестренкой, Верочкой, остались. Отца в первый день , двадцать второго июня, под Брестом. Старшего брата – под Харьковом. А маму на Васильевском , в бомбоубежище завалило. И остались мы – стар, да мал . Бабуля в больницу пристроилась, Верочку на дежурства с собой брала, а я на завод пошел. Научили меня, Олег, недетской работе – снаряды для « Катюш » собирать. И за два с половиной года собрал я их столько, что хватило бы на фашистскую дивизию.» [Сорокин 2008: 7]	„Ostali sme vtedy sami s babkou a s mladšou sestričkou Vieročkou. Otec padol prvý deň , dvadsiateho druhého júna pri Breste. Starší brat pri Charkove. A mamu zabilo na Vasilievskom ostrove v protiletackom kryte. Ostali sme len my, starena a malé deti . Babka začala pracovať v nemocnici, Vieročku brávala so sebou do služby a ja som šiel do fabriky. Naučili ma, Oleg, prácu, čo nebola pre deti – skladať granáty do katuší . A za dva a pol roka som ich poskladal toľko, že by ich bolo dosť na fašistickú divíziu.“ [Sorokin. 2009: 8-9]

Предложения данного отрывка коротки и просты, используется разговорная и просторечная лексика (бабуля), фразеологизмы (стар да мал), лексика с эмоционально-экспрессивной окраской (маму завалило), уменьшительно-ласкательные суффиксы (сестренка), типична экономия речевых высказываний (отца в первый день), географические названия исторически важных мест (Васильевский, дополнение в слова «остров» в словацком варианте менее знакомом в нашем культурном пространстве), но «Катюшу» наоборот не нужно читателю уточнять, так как песня и военное орудие достаточно знакомы в словацком контексте.

Следующий пример – сцена, как будто вырезанная из фильма боевика при выполнении миссии Ольгой Пестрецово́й:

Таблица 2

Оригинал	Словацкий перевод
<p>«На лестнице слышался шорох. Ольга сняла сапоги, взяла в левую руку. Киселек осторожно двигался вдоль стены коридора, держа автомат наготове. Дойдя до первой двери, он распахнул ее ногой, вбежал, осмотрел комнату и сразу выбежал. Когда он приблизился к холлу, Ольга издала громкий гортанный звук и бросила сапоги налево. Киселек дал очередь в сторону упавших сапог, Ольга прыгнула из за колонны направо, выстрелила. Пуля попала Кисельку в левое плечо, он закричал, нажал на спусковой крючок.» [Сорокин 2008: 236]</p>	<p>„Na schodišti bolo počuť šramot. Oľga si vyzula čížmy, vzala ich do ľavej ruky. Kiseľok sa opatrne zakrádal chodbou pozdĺž steny, samopal mal pripravený. Došiel k prvým dverám, otvoril ich kopancom, vbhol dnu, obzrel si miestnosť a hneď vybehol. Keď sa priblížil k hale, Oľga vydala hlasný hrdelný zvuk a hodila čížmy naľavo. Kiseľok vypálil dávku na miesto, kam dopadli čížmy. Oľga vyskočila spoza stĺpa doprava, vystrelila, Guľka zasiahla Kiseľoka do pravého pleca, vykrikoval, stlačil spúšť.“ [Sorokin 2009: 160]</p>

Типичными чертами такого жанра — насилие, действие, напряжение. В тексте это достигается с помощью коротких и простых синтаксических конструкций (первые два предложения), разговорной речи и фразеологизмов (дать очередь), описания действия шаг за шагом без лишних дополнений (как в компьютерной игре) и сильной концентрацией глаголов движения для создания «боевой» и «напряженной» атмосферы. Причина изменения «левого» плеча на правое в словацком варианте неясна, но смысл в тексте не изменяется и не теряется.

После этого краткого обсуждения отрывков и вышеупомянуемого диапазона стиливых разнообразностей данного произведения можно только констатировать, что сложность перевода данного текста заключается и в его «коллажности» (но не только), неоднородности на всех языковых уровнях. Текст постоянно трансформируется, меняется атмосфера, повествование, жанр и лексика и переводчику приходится приспособлять и менять переводческую стратегию. Для Сорокина все это игра и он «виртуозно демонстрирует владение разнообразными стилями, от соцреалистического до классических и модернистских...» [Тимина 2010: 102], переводчику поэтому остается лишь адекватно передать и эту игру с текстом (кроме всех других нюансов) в целевом языке.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ГЕНИС, А. (1999): *Иван Петрович умер*. М.

СОРОКИН, В. (2008): *Сердца четырех*. М.

ТИМИНА, И. С. (2010): *Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.)*. М.

SOROKIN, V. (2009): *Srdcia štyroch*. Bratislava.

САВАНАЛИ НУРАДИЛОВ

Россия, Москва

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. КЭРРОЛЛА И В. В. НАБОКОВА)

ABSTRACT:

Specific Aspects of Play of Words in Translation from English to Russian (Demonstrated in Books by L. Carroll and V. V. Nabokov)

The article includes some views on converting play of words in fiction when translating from English into Russian. The books by L. Carroll and V. V. Nabokov are used for analysis. The main types of play of words such as a pun, an allusion, a parody, are described. Also a short review of Carroll translators is given. Parallels between the two styles are outlined and the concept of Game is tracked in a fiction worlds of both writers.

KEY WORDS:

Play of words – pun – parody – allusion – translinguism – pun technique – idiostyle.

Изучение языковой игры имеет длительную традицию, восходящую к античности; однако первые серьезные труды, посвященные этой теме, появились в XX веке. Значительное влияние на исследование проблемы оказали работы Е. А. Агеевой, Т. В. Булыгиной, И. Н. Горелова, Т. А. Гридиной, Н. А. Николиной, В. З. Санникова, К. С. Седова, А. Д. Шмелёва.

При этом переводческий аспект изучения языковой игры, т.е. проблемы и вопросы передачи игрового использования языковых средств из одного языка в другой, изучен мало и нуждается в расширении, т.к. с появлением новых образцов художественной литературы постоянно растет число единиц, нуждающихся в адекватном переводе. По мнению ряда ученых, воссоздание авторской языковой игры средствами языка перевода включает в себя три этапа: этап интерпретации подлинника, этап перевыражения экспериментальных авторских аномалий в аспекте результатов интерпретации и этап внедрения вторичного текста в иноязычную литературную и переводческую традицию [Устинова 2004: 17]. Примечательно, что в эту схему не попадает этап анализа тех причин

и того комплекса факторов, которые побудили автора использовать игру слов; последний указанный выше этап должен был бы означать именно поиск адекватного понятия-образа в языке-реципиенте.

Предметом настоящей статьи служит творчество Л. Кэрролла и В. В. Набокова, авторов, в творчестве которых языковая игра занимает огромное концептообразующее место. Всемирно известные сказки первого из них ставили и продолжают ставить сложные задачи перед все новыми поколениями переводчиков. Второй же переводил собственные произведения и сочинения других авторов (включая и Кэрролла), блестяще обходя все подводные камни переводческого процесса.

Различны причины, по которым оба писателя применяют в своих текстах элементы игры. Для Кэрролла это возможность погрузиться в мир языкового нонсенса, использовать латентные ресурсы языка; возможно, также развить воображение у подрастающего поколения. Для Набокова же ключевым является аспект игры как средство защиты героя от враждебного ему мира. З. Пехал, блестяще проанализировавший всю известную в XX в. крупную прозу Набокова и выстроивший свою стройную концепцию игры в романах, противопоставляет мир героя – «детский мир» – миру взрослому, «чужбине»: «...игра является освобождением от господствующей правды и созданного неприемлемого порядка мира. Игра рушит всякую иерархию, запреты и нормы» [Pechal 1999: 200]. Тем более ответственной в таком случае становится миссия переводчика, призванного сохранить и передать заключенную в Тексте Игру – как игру слов, так и сложную, проходящую красной нитью по всему телу произведения игру героя с окружающей его реальностью. Викторианская назидательность Кэрролла в свою очередь не отменяет сложности выстраиваемого им мира, но его герои живут в этом детском мире, ни разу не пересекаясь со взрослым миром. Поэтому чрезвычайно важной задачей переводчика становится в полной мере отразить в другом языке существование этих миров.

Исследователь творчества Кэрролла А. В. Усолкина отмечает, что за более чем столетнюю историю переводов сказок об Алисе на русский язык регулярно менялись подходы к этой задаче и представления переводчиков о том, как следует передавать текст, изобилующий языковой игрой. Авторы первых переводов «Алисы» ориентировались преимущественно на детскую аудиторию и «трансформировали оригинал в соответствии с канонами русской действительности» [Усолкина 2002: 10]. Такими являются переводы М. Гранстрем, А. Рождественской, П. Соловьевой, М. Чехова, В. Набокова (последний признается одним из лучших и талантливых переводов сказки). В переводах 20-40-х гг. заметно влияние господствовавшей тогда тенденции к прямому, почти дословному переводу текста оригинала; и как следствие, «сказки Л. Кэрролла неизбежно теряли многое из оригинальной языковой игры» [там же]. К указанному периоду относятся переводы А. Оленича-Гнененко, В. Азова и др.

Начиная с 1960-х, когда вышел считающийся образцовым, практически безупречным перевод Н. Демуровой, число переводчиков сказки на русский язык пополняется именами Б. Заходера, А. Щербакова, В. Орла и др. «В чем-то

они повторяют приемы предыдущих переводчиков, где-то создают свои новые традиции» [там же: 11]. Именно эти тексты, в основном, и являются объектами изучения современных российских исследователей творчества Кэрролла.

К числу последних переводов «Алисы» можно отнести неопубликованные отдельным изданием, но размещенные в свободном доступе в Интернете, транслатологические варианты Ю. Нестеренко, Н. Старилова, А. Кононенко. В. М. Литвинова отмечает, что хотя эти версии и заслуживают отдельного изучения, но отмечены теми или иными недостатками (формалистичностью с одной стороны, отдалением от оригинала – с другой), которые явно указывают на то, что «авторы переложений удаляются от кэрролловской конфигурации, придумывая свои лингвистические игры» [Литвинова 2004: 15].

Примечательно взглянуть на редкий симбиоз двух мастеров языковой игры, случившийся в переводе Набоковым первой части знаменитой дилогии Л. Кэрролла об Алисе. Набоковская Алиса была перенесена на русскую почву; собственно, так оно и есть, ибо ее здесь даже зовут Аней. Как утверждает Б. Л. Кларк, в этом заключается то единственное изменение, которое позволил себе Набоков по отношению к оригинальному тексту [Clark 1986: 43]. Но это как раз и означает более масштабную смену декораций (изменились имена некоторых персонажей, введены реалии русского быта, все стихотворные пародии имеют своим объектом прежде всего русские источники), производить которую с соблюдением точности и близости к оригиналу крайне сложно.

Анализ переводов набоковского наследия представляется большой работой. Из числа последних работ, посвященных различным аспектам данной тематики, можно выделить труды О. Н. Бакуменко, Д. Ю. Жука, Л. А. Каракуц-Бородиной, А. А. Прокопьевой, Е. С. Хованской.

Классификация языковой игры представляет собой непростую задачу в силу сложности определения понятия и неоднозначности самого явления. Каракуц-Бородина называет 10 разных видов транслингвем, т.е. инкорпорированных в систему идиостиля единиц, которые были заимствованы из иностранных языков и принципиально пребывают за пределами системы принимающего языка.

В качестве одной из характерных форм языковой игры можно привести литературную аллюзию, которая важна прежде всего в качестве характерного приема Набокова. Здесь сполна реализуется принцип «разгадывания» как один из ключевых для понимания творчества Набокова в целом. Для возникновения языковой игры необходимо присутствие не только хитроумного автора, замысловато расставляющего намеки на уже кем-то осуществленные литературные замыслы, но и не менее умного и пытливого читателя, способного справиться с расшифровкой. Автор одного из самых подробных исследований романа «Лолита» К. Проффер не без иронии замечает, что «тот, кто берется за чтение ... Набокова, должен иметь под рукой энциклопедии, словари и записные книжки, если желает понять хотя бы половину из того, о чем идет речь» [Проффер 2000: 17–18].

Открытым остается вопрос о разграничении аллюзии и *пародии*. О последней в творчестве Набокова написано уже немало; мы можем

вспомнить работы А. В. Млечко, Г. Мондри, Д. Стюарта. Что касается пародии в творчестве Кэрролла, то он активно прибегал к этому виду аллюзии в ряде стихотворений, декламируемых героями «Алисы». Каждое из этих стихотворений представляет собой забавную переделку какого-нибудь хорошо известного английскому читателю хрестоматийного стихотворения.

Кроме того, об авторе «Лолиты» и «Дара» известно, что он «широко применяет самые разнообразные варианты каламбурообразовательной техники. При этом он не только находит возможности усовершенствования давно известных приемов каламбурообразования, но, опираясь на опыт [...] Л. Кэрролла и эксперименты Дж. Джойса, вводит малоизученные и даже незафиксированные их варианты» [Люксембург, Рахимкулова 1996: 87]. Исследователи насчитывают более двух десятков разновидностей каламбуров.

О том, что все вышесказанное справедливо и по отношению к Кэрроллу, можно судить по тому, что Набоков переводил «Алису» на русский язык, сделав ее более понятной русскому читателю, но ни чем не погрешив против оригинала. Несмотря на это, главной особенностью набоковского идиостиля является его уникальная способность переводить собственные каламбуры. Если взглянуть на проблему перевода художественного текста, то очевидно, что сложность возрастает обратно пропорционально тому или иному уровню языка, т.е. наиболее легкой оказывается возможность перевести слово в слово на синтаксическом уровне; а на уровне фонетики, морфологии, лексики и словообразования у переводчиков обычно возникают значительные осложнения, «при этом основным приемом перевода служат разного рода замены» [Усолкина 2002: 14].

Общее же количество разновидностей каламбуров в произведениях Кэрролла и Набокова значительно; некоторые довольно удачные попытки описать их были предприняты рядом российских и иностранных исследователей. Изучение набоковских каламбуров и, в особенности, вопросов их перевода на другие языки, представляется задачей повышенной сложности, требующей от исследователя-переводчика солидной эрудиции, способности к творческим озарениям и в ряде случаев умения предлагать нестандартные решения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КАРАКУЦ-БОРОДИНА, Л. А. (2009): *Транслингвальная языковая личность Владимира Набокова как эстетический и лингвистический феномен: монография*. Уфа, 104 с.
- ЛИТВИНОВА, В. М. (2004): *Метатекстуальные специализированные речевые жанры в аспекте лингвоэстетического анализа (на материале русских переложений дилогии об Алисе Л. Кэрролла)/Автореф. дис....к. филол. н.* Ижевск, 18 с.
- ЛЮКСЕМБУРГ, А. М., РАХИМКУЛОВА, Г. Ф. (1996): *Магистр игры Виван Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура)*. Ростов-на-Дону, 202 с.
- ПРОФФЕР, К. Р. (2000): *Ключи к «Лолите»*. СПб: «Симпозиум», 302 с.
- УСОЛКИНА, А. В. (2002): *Языковая игра как текстообразующий фактор (на материале сказок Л. Кэрролла и их переводов)/Автореф. дис....к. филол. н.* Екатеринбург, 20 с.
- УСТИНОВА, Т. В. (2004): *Языковая игра в художественном тексте и варианты ее перевода (на материале литературных сказок Льюиса Кэрролла и их переводов на русский язык)/Автореф. дис.... к. филол. н. – М., 26 с.*
- CLARK, B. L. (1986): *Reflections of Fantasy: The Mirror-Worlds of Carroll, Nabokov, and Pynchon*. New York; Berne; Frankfurt am Main: Lang, 198 p.
- PECHAL, Z. (1999): *Hra v románu Vladimíra Nabokova*. Olomouc: Un. Palackého, 212 s.

ЭЛЕНА ОПЛЕТАЛОВА

Чехия, Оломоуц

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСКРИПЦИИ УКРАИНСКИХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

ABSTRACT:

The Transcription of Ukrainian Personal Names into Czech

The article deals with transliteration and transcription of Ukrainian personal names. The authoress analyzes official standards for transfer of Ukrainian cyrillic graphemes with help of letters of the Czech alphabet set by *The rules of Czech orthography* (Prague, publishing house Academia, 1993, pages 76-89), by *Government Regulation No. 594/2006* and by Czech standard ČSN ISO 9 (ČSN 01 0185) – *Transliteration of Cyrillic into Latin Characters*.

KEY WORDS:

Transcription – transliteration – Ukrainian – personal names – cyrillic – latin alphabet – orthography.

При судебном переводе переводчику недостаточно быть мастером своего дела. Переводимые в документах имена собственные должны быть вчленены в язык-приёмник по определённым официальным правилам.

Чешский алфавит считается одной из самых подходящих систем для трансформации кириллицы в латиницу. Благодаря диакритике, введённой в чешскую письменность Я. Гусом в 1411 г., типично славянские звенящие и шипящие звуки передаются в нём, в отличие от латинского алфавита, при помощи одного знака. Это экономно *ж, ш, ч*, не записываются при помощи диграфов как *zh, sh, ch*, а как один знак *ž, š, č*. Система письма, в которой над некоторыми латинскими буквами ставятся надстрочные знаки, «выиграла» конкурс в конце XIX в., когда возникла необходимость в транслитерации при создании прусских научных библиотек. Инструкции по транслитерации, составленные для нужд библиотек, послужили в XX в. основой стандарта для перевода нелатинских письменностей на латиницу (напр., международные нормы ISO или советские ГОСТы).

Чешский язык имеет приоритет ещё в одной области: в ЧР в отличие от многих иных стран процесс передачи знаков кириллицы (и иных письменностей) графемами чешского алфавита закреплён в законе.

Передачу украинских имён, фамилий или географических названий регулируют следующие нормы:

1) Nařízení vlády č. 594/2006 Sb. o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy, příl. 2 PŘEPIS ZNAKŮ CYRILICE tab. III. Zvláštní přepis některých znaků cyrilice z ukrajinského jazyka (ve znění Nařízení vlády č. 100/2007 Sb. (*Постановление правительства ЧР № 594/2006 св. зак. «... о передаче знаков в форме, в которой они изображаются в информационных системах органов управления, прил. № 2 ПЕРЕДАЧА ЗНАКОВ КИРИЛЛИЦЫ таб. III Особая передача некоторых знаков кириллицы с украинского языка (по формулировке Постановления прав. № 100/2007 Св. зак.»*).

2) Zákon č. 326/1999 Sb. § 81 O pobytu cizinců ve znění Zákonu č. 290/2004 Sb. §82 (*Закон № 326/1999 Св. зак. § 81 «О проживании иностранцев по формулировке Закона № 290/2004 Sb. §82»*).

Составной частью вышеуказанных документов является таблица для передачи букв украинской азбуки знаками чешской латиницы. Обе таблицы – идентичны. Одинаковая таблица входит также в академические правила чешского языка, в которых особый раздел посвящён правилам единой передачи иноязычных имён собственных (*Pravidla českého pravopisu*, изд. Academia, 1993, табл. „*Pravidla jednotného přepisu cizojazyčných osobních jmen do češtiny*“, стр. 76–89).

Вышеприводимые таблицы обязательны для судебных переводчиков и для государственных органов управления. Они основаны на принципе транскрипции, при которой иноязычные имена передаются графическими знаками языка – приёмника с учётом его максимально точного произношения в языке – источнике. Невыгодой данного метода по сравнению с транслитерацией, которая используется в библиотечарском деле, является вариантная передача некоторых графем украинской азбуки чешской латиницей. При транслитерации средства одной письменности передаются средствами другой письменности побуквенно, каждый графический элемент (знак) одной системы представляется одним и тем же графическим элементом другой системы письма (Целунова, Е. – семинар KST, июнь 2011). Госстандартом, базирующемся на принципе транслитерации ČSN ISO 09 (ČSN 01-0185) *Transliterace cyrilice do latinky – slovanské a neslovanské jazyky, Český normalizační institut, zredigovaná podoba z r. 2002*“ (*Госстандарт ЧР ČSN ISO 09 (ČSN 01-0185) Транслитерация кириллицы на латиницу – славянские и неславянские языки, Чешский институт по нормализации, отредактированная форма с 2002 г.*) руководствуются, напр., работники чешских библиотек. Выгодой данного госстандарта является возможность конверсии письма, при которой возможность восстановить имя автора в оригинальном написании имеет благодаря таблице даже человек, не знающий украинской азбуки.

Правильное воспроизведение имени собственного в языке-приёмнике является одним из основных и обязательных навыков сведущего переводчика, в особенности судебного. Переводчик – человек, отлично владеющий языком-источником и языком-приёмником. Он должен быть способным воспроизвести имена, фамилии и географические названия и без транскрипционных таблиц. Было бы идеальным, если бы вариант имени собственного в его переводе совпадал с результатом передачи имени, который бы благодаря официальной таблице составил без знания оригинального написания (и языка источника), допустим, работник метрики. Это бы было возможным в случае, когда транскрипционная таблица, которой обязаны руководствоваться переводчики и представители органов государственных институций, была настолько ясно и однозначно проработанной, что не возникало бы спорных интерпретаций.

В то время, когда у работников библиотек при включении украинских авторов в каталог в связи с транслитерацией их имён не возникает никаких вопросов и двусмысленностей, Милослава Кнапшова, филолог и передовой судебный эксперт в области языкознания, специализирующийся на передаче иноязычных имён собственных, в своей книге „*Naše a cizí pŕijmení v současné češtině*“ («*Наши и иностранные фамилии в современном чешском языке*») судебных переводчиков с украинского (и русского) языка упрекает в некомпетентных переводах: «В настоящее время в метрической практике при регистрации, напр., рождения, заключения брака и т.д., надо всегда исходить из свидетельства о рождении. Весьма часто при данном административном акте следует заверять правильность передачи ... имён и фамилий с иностранных метрических документов, оформленных кириллицей, в особенности, на русском и украинском языках. Переводчики с указанных языков иногда орфографические принципы передачи на чешский язык не соблюдают или же даже не знают их, иногда случается, что у клиентов по несколько разных вариантов записи имени. В таком случае работникам метрик приходится исправлять записание имён и фамилий на правильную форму. ...» [Кнаррová 2002: 173].

В защиту переводчиков следует сослаться на два весьма определённых источника ошибок и недорозумений в метрической практике.

Первый из них – это столкновение двух взаимопротиворечащих чешских правил, регулирующих записывание украинских имён в чешских документах. Закон № 326/1999 Св. зак. § 81 «О проживании иностранцев ...» согласно последним редакциям позволяет лицам с заграничным паспортом, выданным на Украине, оформлять в ЧР документы под именем, «возникшим» записью через английскую транскрипцию (до 90-х гг. в СССР в ОВИРах выдавались загранпаспорта с французской транскрипцией). Таким образом украинец или украинка могут поступать в чешские ВУЗы или регистрировать фирму, напр., под фамилией *Yushchenko*. Однако, чешские отделы метрик (ЗАГСы) согласно тому же закону обязаны выдавать свидетельства, оформленные строго по правилам орфографии чешского языка. В случае, когда госпоже или господину *Yushchenko* потребуется зарегистрировать акт своего гражданского состояния, чешский ЗАГС (*matriční úřad*) выдаст ей / ему свидетельство о браке (о рождении ре-

бѣнка, о смерти, в посл. время также об однополовом браке) на основании судебного перевода её / его украинского свидетельства о рождении на чешский. Переводчик, как цитировалось выше, согласно закону № 326/1999 Св. зак. § 81 обязан записать имя через чешскую транскрипцию, чтобы выдаваемое свидетельство могло быть оформлено по правилам чешского правописания. Так в семье *Yushchenko* родится ребёнок *Juščenko*. Причиной многовариантности одной и той же фамилии является двойная (минимально) латинизация кириллического имени собственного – в украинском ОВИРе и в чешском ЗАГС-е. Судебные переводчики часто «сжаливались» над своими клиентами, не желающими начать вдруг существовать под другим именем, чем то, под которым они уже несколько лет в ЧР жили (с английской транскрипцией). Некоторые не воспринимали своего имени, записанного при помощи чешской диакритики. В таких случаях переводчики во избежание вторичной латинизации имён своих клиентов не соблюдали правил чешской транскрипции по закону № 326/1999 Св. зак. § 81 (одновременно и по Постановлению правительства ЧР № 594/2006 св. зак., см. выше). Проблема варьирования кириллического имени собственного решалась на семинаре, организованном в Праге в июне 2011 г. Палатой судебных переводчиков. После бурных обсуждений и по рекомендации г-жи Невечержаловой М., в течении многих лет заведующей Спец. ЗАГСом в г. Брно, компетентном в записях гражданских актов иностранцев, между работниками метрик и переводчиками была отсогласована следующая процедура: в тексте перевода имена собственные должны записываться в чешской транскрипции, их иную транскрипцию, приводимую, напр. в паспорте, внести в «Примечание переводчика».

Вторым явным источником недоразумений между переводчиками, работниками чешских ЗАГСов и носителями имён собственных являются непроработанные стандарты ЧР. В качестве примера приводим опечатки из транскрипционной таблицы в «*Nařízení vlády č. 594/2006 Sb. o přepisu znaků...*»:

CYRILICE (UKRAJINSKÁ VARIANTA)	PŘEPIS	PŘÍKLADY	PŘEPIS
<i>e</i> <i>нэ (де, те)</i>	<i>je kromě po n, d, t</i> <i>ně (dě, tě)</i>	Єрофеїв Коломієць синє	Jerofejiv Kolomijec syně

В строчке, которая должна была служить образцом для передачи украинской графемы «е», эта буква записана как «е». Вместо уточняющих слогов «не (де, те)» приводятся *нэ (де, те)*, причём графема «э» не входит в состав украинской азбуки. Вместо «Коломієць» – в таблице «Коломієць». В итоге – в одной строчке у одной графемы – 5 опечаток. Идентичные таблицы с одинаковыми опечатками входили, как приводилось выше, в закон № 326/1999 Св. зак. и в академические правила чешской орфографии. Хотя в последних редакциях

законов внесены поправки, они дошли не до всех отделов ЗАГСов и иных органов управления.

«Палата судебных переводчиков Чешской Республики» («KST ČR») в 2009 – 2011 гг. организовала семинары, на которых многократно встретились её члены-украинисты и представители органов, компетентных в записывании имён собственных. Результатом этих рабочих встреч являются открытые письма меж «KST ČR» и Отделом гражданства при Министерстве внутренних дел ЧР (ему подведомственны чешские ЗАГСы), Институтом славистики (отд. лексикологии и лексикографии) и Институтом чешского языка (отд. ономастики) АН ЧР. Принята новая транслитерационная таблица с украинского на чешский язык, которая в ближайшее время должна быть закреплена в законодательном порядке [Bulletin Soudní tlumočnick č. 1/2010 – стр. 37]. Прежде, чем это будет внедрено, заведующая отд. гражданства МВД ЧР К. Гулушкинова рекомендовала работникам ЗАГСов украинские имена собственные в судебных переводах не исправлять [Bulletin Soudní tlumočnick č. 1/2010 – стр. 37].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Bulletin Soudní tlumočnick č. I, II za r. 2010. Vyd. Komora soudních tlumočnicků ČR.

ČSN ISO 9 (ČSN 01 0185) *Transliterace cyrilice do latinky – slovanské a neslovanské jazyky*.

KNAPPOVÁ, Miloslava (2002): *Naše a cizí příjmení v současné češtině*. Vyd. VLADIMÍR TAZ AZ KOR, Liberec.

Materiály z I.–IV. ukrajinsko-českého terminologického semináře, uspořádané Komorou soudních tlumočnicků České republiky v Praze a v Brně společně s Ústavem slavistiky FF Masarykovy univerzity v letech 2008–2011.

Nařízení vlády č. 594/2006 Sb. o přepisu znaků do podoby, ve které se zobrazují v informačních systémech veřejné správy, příl. 2 PŘEPIS ZNAKŮ CYRILICE tab. III. *Zvláštní přepis některých znaků cyrilice z ukrajinského jazyka* (ve znění Nařízení vlády č. 100/2007 Sb.).

Zákon č. 326/1999 Sb. § 81 *O pobytu cizinců ve znění Zákonu č. 290/2004 Sb. §82 Údaje obsažené v průkazu o povolení k pobytu a doba jeho platnosti*.

МАРТИНА ПАЛУШОВА

Чехия, Оломоуц

К ПЕРЕВОДУ ПЬЕСЫ «ЧИНЗАНО» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ НА ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ПОСТАНОВКЕ

ABSTRACT:

The article deals with the translation of the Petrushevskaya's play Cinzano into the Czech language and its theatre production. It considers problematic parts of Moravkova's translation and indicates semantic and stylistic modifications that may occur during the theatre production of the play or its translation in semantic and formal level.

KEY WORDS:

Translation – russian – drama – interpretation – staging.

Данная статья посвящается переводу пьесы «Чинзано» Л. Петрушевской на чешский язык и ее постановке. Статья обращает внимание только на некоторые проблемы перевода Алены Моравковой и указывает на семантический и стилистический сдвиги, которые могут произойти во время постановки (и не только) перевода пьесы как в плане содержания, так и в плане выражения.

1. Сюжет и тема пьесы

Действие происходит в основном в диалогах, заключается в прибытии Вали и Кости к Паше, решении своих финансовых дел (возвращении долгов), покупке чинзано, выпивке и разговорах о деньгах, работе, семье и о жизни вообще. Автор в пьесе использует минимум авторских ремарок. Тем более важным является точность переводчика, способность все понять, знать реалии и социально-культурный контекст, который он способен в тексте обнаружить и расшифровать. В пьесе, казалось бы, не хватает конфликта и классической композиции драматургического произведения (хотя это одноактная пьеса) с завязкой, конфликтом, его кульминацией и развязкой. Однако, вопреки кажущейся статичности, в пьесе можно обнаружить множество конфликтов – фактически каждый персонаж решает свою собственную проблему. Соединя-

ющей линией всех персонажей являются постоянные споры о деньгах, которые они в конце концов все-таки тратят на алкоголь.

Персонажи представлены в будничной среде с семейными и жилищными проблемами и недостатком денег. Все свои проблемы они топят в алкоголе. Автор показывает персонажей и постепенную деградацию их чувств к родителям (смерть родителей – средство приобретения квартиры), супругам и себе самим.

Петрушевская не знакомит нас с историей персонажей, а прямо ставит их на сцену без вводной авторской ремарки о месте действия и подробной информации о персонажах. Отсутствие информации о контексте, характерах, времени и пространстве усиливает универсальность и возможность перенесения тем, заключенных в пьесе.

Для персонажей характерно то, что они ничего от жизни не ожидают, для них важно только выживать как можно легче и без обязательств. С другой стороны у персонажей появляется сильная тема одиночества, отчуждения и постепенного отказа от высоких целей в жизни: Паша говорит о том, что постепенно теряет зрение и что скоро ослепнет, Костя заявляет, что врач ему дал бюллетень на дисфункцию организма – это можно понимать не только как физическую проблему, но и как полную неспособность человека жить и как бегство от реальности в слепоту.

2. Язык драмы и речь персонажей в оригинале и переводе

Петрушевскую в начале ее творчества критика упрекала в использовании т. н. «магнитофонного языка» [Громова 2005: 151] и в чрезмерном увлечении городским жаргоном (здесь можно наблюдать начало того, как с языком пьес в настоящее время работает современное поколение драматургов, прежде всего пишущих пьесы для документального театра). На самом деле автор использует язык, подслушанный в повседневной жизни. Справиться с таким типом языка – нелёгкая задача для переводчика. Моравкова компенсирует такой спонтанный разговорный характер речи удачно последовательным использованием обиходно-разговорного чешского языка (*obecné češtiny*), к сожалению, не всегда при помощи подходящих лексических средств, как будет указано далее. В ее переводе можно увидеть многолетний опыт с переводами, что в большинстве случаев выгодно для пьесы, однако ей не удалось избежать некоторых клише типа:

*K o s t я. Не поверите, говорит, я тоже **по паспорту** Кольцова. Я говорю: не верю, **паспорт**. Предъявляет.*

В переводе:

*Ko st a. Nebudete mi to věřit, povídá, ale já mám taky zapsáno v **legitimaci** Kolcovová. Já na to: Nevěřím, ukažte **legitimaci**.*

Вместо широко употребляемого термина «обšанка», переводчица использовала автоматизированное слово *legitimace*, характерное прежде всего для устарелых переводов из русской литературы. Однако, таких переводческих клише в тексте появляется немного и это в общем не снижает качество перевода.

Язык пьесы – носитель нескольких функций. С одной стороны, язык носитель действия (пьеса с виду статическая, выражает все действия только посредством язы-

ка первичного текста – вторичный текст в виде авторских ремарок почти отсутствует); речь дальше характеризует персонажей драмы, их состояние, поступки, жизненную обстановку, социальное положение и общественно – культурный контекст.

Для текста характерна недосказанность, языковое несовершенство, разные грамматические и стилистические отклонения, скороговорка и фонетическая деформация слов. Чем меньше алкоголя остается в бутылках, тем более это проявляется на речи персонажей. Автор для этого использует разные языковые средства: алогичность словосочетаний, отдельные высказывания не реагируют друг на друга, каждый персонаж говорит только о своём, без какой-либо логической связи. Речь драмы основана прежде всего на диалогах – это дано тем, что язык, и конечно, речь, являются главным носителем действия, а длительные монологи чрезмерно усиливали бы статичность пьесы. Диалогическая форма наоборот содействует динамическому характеру пьесы. Живой темпоритм удалось сохранить также в переводе, хотя во многих случаях переводчица меняет синтаксическую структуру отдельных высказываний – упрощает ее, или наоборот, образует сложные предложения, дополняет обязательные члены предложения, которые в соответствии с речевым обычаем в русском языке пропускаются. Это, например, эксплицитное выражение объекта для того, чтобы избежать той конструкции предложения, которая характерна для русского языка :

В а л я. Они все уже старые более-менее. К тому идет.

К о с т я. Она у него сейчас в больнице лежит, да?

*П а ш а. **Скоро забирaju. Завтра.***

*В а л я. Завтра суббота, **выпуски нет.***

*П а ш а. **А я заберу.***

*К о с т я. **У нее малокровие?***

*П а ш а. **Выпьем за упокой.***

В переводе А. Моравковой:

Vařja. Všecky jsou už víceméně starý. K tomu to směřuje.

Kořta. Zrovna teď leží v nemocnici, vid' ?

*Pařa. **Hned zejtra pro ni jedu.***

*Vařja. Zejtra je sobota, v sobotu **nikoho nepouřtěji.***

*Pařa. **Zejtra pro ni jedu, a basta.***

*Kořta. **Co je jí ? Chudokrevnost ?***

*Pařa. **Napijme se. Ať odpořívá v pokoji.***

Моравкова соблюдает русские собственные имена персонажей и их уменьшительные формы, вставляя текст конкретно в русскую среду. В пьесе можно найти и другие показатели того, что действие происходит в России, как, например, общественно-культурные обстоятельства, которые представлены в жилищном вопросе или в алкоголизме. Вопрос в том, желательна ли такая конкретизация для пьесы. Особенно, когда Моравкова наоборот приближает исходный текст чешской среде, переводя, например, уменьшительную форму имени Вадик как Владик, что напоминает о чешском имени Владислав или Владимир. Кроме того, имя Паша имеет в чешском языке совсем другие конотации, чем уменьшительная форма имени Павел.

Костя, живущий вместе с родителями своей жены, называет своего тестя Иван, Ваня или дед Ваня. Моравкова, вероятно, пытается облегчить ориента-

цию в персонажах, которые в пьесе только упоминаются, компенсирует все варианты только одним словом – тесть. Таким образом, к сожалению, теряется легкий намек на дядю Ваню, который постановщики могли бы использовать во время постановки пьесы.

Пьеса «Чинзано» была поставлена в театре П. Безруча в Остраве, где с успехом игралась с 2004 года. Постановщиком стал польский режиссер André Hübnér-Ochodlo. Посмотрим на отрывок чешского перевода пьесы и текста постановки, основанной на том же переводе. Пьеса была снята на видео в 2004 году.

Petruševská, Ludmila: Cinzano, přel. Alena Morávková, Dilia 2004:

Kostá. A džínem. Jo, jo...Minule jsme tam s Pašou přespali. Prostě to jinak nešlo.

(Píjí.) Seděli jsme v kuchyni a pak jsme našli v ledničce lék jejího fotra na vysokéj tlak a vypili jsme to. Byla to síla. Vypadalo to jako vodka. Nedalo se to rozeznat. Ráno jsme jeli metrem a najednou nám katastrofálně klesl tlak. Buďto na nás zapůsobil ten skandál, anebo to byla autosugesce.

Paša. Nejspíš ten skandál. Při každým skandálu mi klesne tlak.

TV záznam inscenace, 2004:

Kostá. A džínem. My jsme tam jednou zkolabovali, ježkovy voči.

Valja. Proč?

Kostá. My jsme fakt museli zalehnout na matrace, to se jinak nedalo. Podívej, my jsme tak jako chlastali u ní v kuchyni a najednou ti najdem takhle v ledničce lék jejího fotra na vysokéj tlak.

Paša. Tlak, ty vole.

Kostá. To víš, že jsme to vyžahli.

Paša. Ale durch, ty vole, všechno.

Kostá. A to byl fuj, a to vypadalo úplně jak vodk, naskládaný krásně. A ráno jedeme metrem, jo, a nám najednou katastrofálně klesl tlak. A to byl tujo... Jestli to byl následek toho nočního skandálu, anebo, víš, ta autosugesce, jo.

Paša. Ne, to byl určitě ten noční skandál, protože když je nákej noční skandál, tak Pašovi Kolcovovi strašně klesá krevní tlak.

Приведенный пример доказывает, что текст пьесы является только составной частью драматического произведения (постановки) вместе с актерами, режиссером, светом, реквизитом и т. д., влияющими друг на друга; это материал, с которым надо будет еще работать, и с этим также должен считаться переводчик. Постановка пьесы – это режиссерская (и актерская) интерпретация. Как написал известный чешский эстетик Отакар Зих: «Драматургическое произведение состоит из двух разнообразных, но неразделимых и изобразительных частей, а именно видимой (оптической) и звуковой (акустической). Необходимым условием для существования драматургического произведения является реальное его осуществление.» [Зих 1987: 18-19] Как говорил один из известнейших чешских переводчиков драматургических произведений (прежде всего Чехова) Леош Сухаржица – перевод – это интерпретация, однако, постановка пьесы тоже интерпретация, и пьеса предназначена для того, чтобы ее ставить. Переводчик должен считаться с этой информацией и, переводя пьесу, не создавать идеальное произведение, а оставить материал для дальнейших интерпретаций в театральных постановках режиссеру.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

PETRUŠEVSKÁ, L. (2004): *Cinzano*. Dilia.

ГРОМОВА, М. И. (2005): *Русская драматургия конца XX – начала XI века*, Москва, Флинта и Наука, с. 151.

ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л. (1989): *Чинзано*, Москва, Изд-во «Искусство», zdroj: <http://lib-drama.narod.ru/petruševskaya/cinzano.html>, 12. 8. 2011.

ZICH, O. (1987): *Estetika dramatického umění*. Panorama, Praha, s. 18–19.

НАТАЛИЯ ПРОСОЛЕНКО

Чехия, Оломоуц

ВЛИЯНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПЕРЕВОД

АБСТРАКТ:

The Word Order in Russian and Czech and Its Influence on Translation

The article deals with the word order in Czech and Russian. It illustrates the most common mistakes in the word order in Russian (the tendency of keeping word combinations, contact placement of words that are able to make a word combination etc.) and in Czech (placement of enclitics, connection of subordinate clauses starting with *který* to the main clause etc.) and shows the mistakes made in translation.

KEY WORDS:

Word order – mistakes in word order – grammatical tendency – grammatical norm – topic/comment – word combination – enclitic.

Несмотря на то, что роль порядка слов в организации словосочетаний неоспорима, многие лингвисты недооценивают его значение в организации предложений. При этом широко распространенное мнение о свободном порядке слов в русском и чешском языках можно считать главной причиной ошибок при организации предложений.

Что касается **русского языка**, особенно распространенными О. Б. Сиротина называет **ошибки, совершенные под действием тенденции сохранять словосочетания** [Сиротина 1965: 160]. В случае столкновения двух противоположно действующих грамматических закономерностей, в некоторых случаях побеждает тенденция сохранения более привычного, распространенного или более тесного словосочетания: *Это популярный хит во всем мире. Мы видим удобное платье для ношения в городе. Спутник не вышел на орбиту из-за неправильно заложенной программы в разгонный блок*¹.

В данных случаях сталкиваются две грамматические тенденции: тенденция сохранить сочетание определения с определяемым словом (*популярный хит*,

¹ Примеры взяты из передач российского телевидения.

удобное платье, заложенная программа) и тенденция сохранить сочетание прилагательного с существительным (*популярный во всем мире; удобное для ношения в городе; заложенная в разгонный блок*). При этом связь определения и определяемого слова более сильная, она действует и на расстоянии, поэтому в данном случае должно быть сохранено сочетание прилагательного с существительным (*хит, популярный во всем мире; платье, удобное для ношения в городе; программы, неправильно заложенной в разгонный блок*). Еще более проблематичны сочетания трех словосочетаний: *Театр позволяет почувствовать зрителям особую атмосферу*². В данном случае также сталкиваются две тенденции: сохранение сочетания глагола с инфинитивом (*позволяет почувствовать*) и сохранение сочетания глагола с дополнением, прямым или косвенным (*позволяет зрителям; почувствовать атмосферу*). Здесь грамматической нормой является сохранение сочетания глагола с дополнением в ущерб сочетанию глагола с инфинитивом: *Театр позволяет зрителям почувствовать особую атмосферу*.

Нередки также **ошибки в порядке слов, проявляющиеся в разрыве словосочетаний**, в частности словосочетаний неопределенного местоимения с прилагательным или частицы со словом, к которому она относится: *Книги всегда что-то приносят интересное* (правильно *что-то интересное*). Особенно это хорошо видно в его поздних романах (правильно *особенно хорошо это видно*). Кроме того, неверный порядок слов может привести к двусмысленности высказывания, причиной которой становится **контактное расположение слов, которые грамматически способны образовать словосочетание**: *Такие фильмы о войне в мировом кинематографе являются частью явления. На просмотрах зрителей больше всего интересуют американские фильмы*. В устной речи непониманию приведенных высказываний препятствует интонация, однако в письменной речи подобное контактное расположение слов может привести к возникновению «ложных» словосочетаний типа *война в мировом кинематографе, просмотры зрителей* и т. д.

Что касается **чешского языка**, здесь, по нашему мнению, наибольшее количество затруднений вызывает **размещение энклитик**, прежде всего возвратного *se* и *si*. Согласно грамматической норме чешского языка, они должны быть расположены за первой частью предложения, несущей на себе фразовое ударение. Неоднозначность данного правила однако часто становится причиной ошибок: *Pak vás ale napadne, že takové množství lidí se vysvětluje tím, že už je odpoledne*³. *Je zajímavé, že francouzští katolíci a protestanti se poprvé setkali a hovořili tváří v tvář o náboženských tématech na ruské půdě*⁴. Еще более проблематичной является организация двух и более энклитик в одном предложении.

Вызывает затруднения и **присоединение придаточного предложения определительного**, начинающегося словом *který*. В тех случаях, когда

² Этот и следующие примеры взяты из сочинений студентов русистики.

³ Пример взят из сочинений студентов чешской филологии.

⁴ Данный пример взят из перевода книги Николая Бердяева «Самопознание. Опыт философской автобиографии», сделанного Маркетой Валковой.

характеризуемое слово отделено от придаточного предложения зависимыми словами, совпадающими с ним в роде и числе, может быть непонятно, которое именно слово определяется этим придаточным предложением. Л. Углиржова указывает, что наиболее часто это касается несогласованного определения, выраженного именем существительным [Uhlířová 1987: 31–32]: *Již jsem říkal, že celý záměr mé knihy O učení člověka, která je možná nejsystematičtější z mých knih, mě napadl najednou, když jsem byl na baletu Ďagileva, který neměl žádnou souvislost s tématem knihy.* В данном случае человеку не всегда может быть после первого же прочтения ясно, что имеется в виду: с темой книги Бердяева не был связан балет или Сергей Дягилев? Подобные ошибки характерны и для русского языка.

Как в чешском, так и в русском языке, большое количество ошибок вызывает **неакцептирование роли актуального членения в предложении**, собственно данное и новое немотивированно меняются местами: *Alespoň v případě, že si nevzpomenete na poslední chvíli, že vlastně na festival chcete jet⁵.*

В некоторых случаях определенного порядка слов вообще следует избегать: *В Смоленской области произошла авария. Автобус, перевозивший 48 пассажиров, перевернулся после столкновения с грузовым автомобилем. На перекрестке автобус протаранил камаз⁶.* В данном случае непонятно, что является подлежащим, а что дополнением, и скорректировать порядок слов здесь недостаточно, необходимо изменить само предложение: *Автобус врезался в камаз. Автобус был протаранен камазом* и т. д.

Ошибки в порядке слов, возникающие непосредственно при переводе, определяются различиями грамматической нормы чешского и русского языка. По нашим наблюдениям, наиболее частой ошибкой при переводе с чешского языка на русский и наоборот, является нарушение правила, гласящего, что в русском языке прямой порядок слов (подлежащее, затем сказуемое) сохраняется и в том случае, когда им предшествует второстепенный член предложения, в то время как в чешском языке в таком случае грамматической нормой становится **обратный порядок слов** (сказуемое, затем подлежащее): *Никогда не удовлетворит предложение самых качественных постановок страстных любителей фильмовых эффектов. Издавна было посещение театра культурным событием. Особенно таким образом может молодой человек сформировать хорошее отношение к театру. Иногда фильм настолько интересный, что я хочу прочитать книгу, по которой был фильм снят⁷.* Аналогичный порядок слов в чешском языке был бы грамматически правильным, однако правила русского языка предусматривают иной порядок слов: *никогда предложение самых качественных постановок не удовлетворит; издавна посещение театра было культурным событием; особенно таким образом молодой человек может; книгу, по которой*

⁵ Пример взят из сочинений студентов чешской филологии, грамматика авторов сохранена.

⁶ Пример взят из программы новостей русского телевидения.

⁷ Примеры взяты из сочинений студентов русистики, грамматика была сохранена.

фильм был снят. Подобные ошибки, естественно, совершаются и при переводе с русского на чешский язык: *Na konci filmu zklamaný dědeček jede zpátky se smutnými zprávami. Nakonec film byl natočen s velmi omezenými finančními prostředky, přesto zapůsobil silně i co se týče stylu a způsobu natačení*⁸. В подобных предложениях чешский язык отдает предпочтение иному порядку слов: *Na konci filmu jede zklamaný dědeček...; nakonec byl film natočen...*

Г. Флидрова в качестве еще одного отличия русского и чешского порядка слов приводит то, что в русском языке **дополнение, выраженное личным местоимением или указательным местоимением это**, часто находится в постпозиции за глагольным сказуемым [Flídrová, Žaža 2005: 88]. В чешском языке в данной ситуации действует выше упомянутое правило организации энклитик, однако оно может забываться: *Film je režisérova prvotina. Moretti natočil ho, když mu bylo dvacet. Mnozí diváci si určitě položili otázku, zda se opravdu toto může stát?* Такой порядок слов – калька с русского языка, где последовательность *Моретти снял его, когда ему было двадцать; ...действительно ли это может произойти?* является нормой, в то время как чешский язык предписывает порядок *Moretti ho natočil, když...; zda se to opravdu může stát*. Такие ошибки нередки и при переводе с чешского языка на русский: *У театра есть будущее. Большинство людей скажет, что его любит*⁹. Более удачным был бы следующий вариант: *Большинство людей скажет, что любит его*.

Причиной следующего отличия порядка слов в чешском языке от русского является **энклитический характер личных местоимений** первого, что не позволяет им занимать первое место в предложении. При переводе с русского языка на чешский данное правило часто забывается: *Mě překvapilo, že na promítání skoro nikdo nebyl*¹⁰. В русском языке порядок слов *Меня удивило, что...* правилен, однако в чешском приемлемо только *Překvapilo mě, že...*

Следующей ошибкой является **размещение обстоятельства в постпозиции** за сказуемым, в то время как ему чаще свойственна препозиция: *Атмосфера в театре будет всегда более интимная, чем в кинозале*¹¹. Данное правило, однако, нельзя считать обязательным, так, например, Г. Флидрова говорит скорее о тенденции [Flídrová, Žaža 2005: 90]. Тем не менее в приведенном примере препозиция обстоятельства является более удачной: *атмосфера в театре всегда будет более интимной...*

Следующим отличием в грамматической норме русского и чешского языка, является интерпозиционный порядок слов, так называемое **обмыкание**, при котором между определением и определяемым словом вкладываются слова, развивающие определение. Хотя такой порядок слов несет книжный оттенок, в русском языке он встречается довольно часто, в чешском же языке он

⁸ Эти и последующие примеры взяты из сочинений студентов чешской филологии, грамматика была сохранена.

⁹ Пример взят из сочинений студентов русистики, грамматика была сохранена.

¹⁰ Пример взят из сочинений студентов чешской филологии, грамматика была сохранена.

¹¹ Пример взят из сочинений студентов русистики, грамматика была сохранена.

свидетельствует об интерференции русского порядка: *Ve filmu se setkáváme s tradičními pro režiséra postupy. Rozhodující pro život otázky Samanta skoro neřeší.* В русском языке порядок слов с традиционными для режиссера методами; решающие для жизни вопросы вполне возможен и отвечает грамматической норме, однако в чешском языке необходима корректировка: *s postupy tradičními pro režiséra otázky rozhodující pro život.*

Кроме того, часто встречаются ошибки в актуальном членении предложения. В русском языке рема может находиться на предпоследнем месте в предложении, в чешском языке для нее предпочтительно последнее место: *Tuto knihu jsem už dlouho zamýšlel napsat. Někteří přátelé mě žertem nazývají nepřitelem rodu lidského. A to i při tom, že je mi velmi vlastní lidskost¹²* (под влиянием русского *Книга эта мной давно задумана. И это при том, что мне очень свойственна человечность*).

Этим мы считаем список наиболее распространенных ошибок, возникающих при переводе с русского языка на чешский и наоборот, исчерпанным. Как мы видим, проблематика порядка слов доставляет переводчику, особенно начинающему, большое количество затруднений, возможно, отчасти и потому, что этому вопросу в учебных пособиях уделяется гораздо меньше внимания, чем другим языковым аспектам. Кроме того, довольно часто некоторые правила, определяющие порядок слов, не действуют абсолютно, порядок слов изменяется, подчиняясь нуждам актуального членения предложения или его стилистической окраске. Именно поэтому переводчику необходимо не только знание грамматических правил, но и языковое чутье и постоянная внимательность.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- СИРОТИНИНА, О. Б. (1965): *Порядок слов в русском языке*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 172 с.
- BERĎAJEV, N. (2005): *Vlastní životopis*. Refugium Velehrad-Roma, Olomouc. 440 s. Z ruského originálu přeložila Markéta Válková.
- FLÍDROVÁ, H., ŽAŽA, S. (2005): *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. 1 vyd. Olomouc: Univerzita Palackého, s. 164.
- UHĹÍŘOVÁ, L. (1987): *Knížka o slovosledu*. Academia, Praha. 164 s.

¹² Данные примеры взяты из перевода книги Николая Бердяева «Самопознание. Опыт философской автобиографии», сделанного Маркетой Валковой.

ХАЙНРИХ ПФАНДЛЬ

Австрия, Грац

**РУССКИЙ ПЕРЕВОД РОМАННОЙ ДИЛОГИИ
ДАНИЭЛЯ ГЛАТТАУЭРА «ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО
ОТ СЕВЕРНОГО ВЕТРА» И «ВСЕ СЕМЬ ВОЛН»:
НЕУЖЕЛИ МЫ ТАКИЕ РАЗНЫЕ?
(НА ПРИМЕРАХ ИЗ ПЕРВОГО ТОМА.)**

ABSTRACT:

The Russian Translation of the Novel Dilogy *Good Against Northerly Wind* and *All Seven Waves*: Are We Really So Different? (Demonstrated by examples from the first volume.)

The article “The Russian translation of the novel-dilogy *Gut gegen Nordwind* (literally: Good against Northerly Wind; originally published in 2006) [English translation: *Love virtually*, 2011] and *Alle sieben Wellen* (lit.: All seven waves; originally published in 2009) provides an analysis of the translation of the first part of the novel-dilogy into Russian (*Лучшее средство от северного ветра*; published in Moscow/St. Petersburg 2010, translated by R. Ejvadis). Based on examples from the first volume, the paper discusses the cognitive-discursive aspects of translating into Russian discourse which is at the same time supra-national and deeply influenced by the ideology and characteristic ways of thinking of Western civilisation. The paper concludes that the differences in Western and Russian thinking are still very evident, due to the fact that Russian culture and civilization had been isolated for centuries. This contrast is additionally reinforced by the different voices of the “old translator” and the “young author”.

KEY WORDS:

Glattauer – Daniel – Ejvadis – Roman – translation – intercultural distance – Russian – German – Austria.

Появление перевода австрийского бестселлера «Лучшее средство от северного ветра» в 2010 году [Глаттауэр 2010], а через год и его продолжения под названием *Все семь волн* [Глаттауэр 2011] встретило русскую читающую публику не на пустом месте: За несколько лет до Глаттауэра, в 2005 году, на русском книжном рынке появился схожий по тематике и по форме роман Януша Леона Вишневого «Одиночество в сети» (изд. Азбука-классика), ставший бестселлером не только на бумаге (и, добавим не слишком остроумно, в *сети*), но и в качестве кинофильма. В романе, кстати говоря, первом литературном

произведении автора-химика, виртуальная любовь, родившаяся в сети (чаты, имейлы), становится реальностью.

То же самое происходит в первой книге австрийского популярного журналиста Даниэля Глаттауера, которая по-немецки носит название *Gut gegen Nordwind* (дословно: Хорошо против северного ветра) [Glattauer 2006]. Книга читается легко, оторваться трудно, и большинство читателей, судя по блогам, прочитало ее за ночь или за сутки. Роман за несколько лет был переведен более чем на 30 европейских языков, словом: не могло быть сомнения в том, что его перевод и в России будет встречен тепло.

Сразу бросается в глаза небольшая разница в заглавии. Переводчик на русский язык Р. Эйвадис, известный благодаря переводам из Гельдерлина, Гессе, Зюскинда и других немецких авторов, выбором заглавия *Лучшее средство...* счел нужным уточнить или просто добавить от себя, что главная героиня книги считает своего электронного собеседника не просто потрясающим средством ср. ([2006: 142]), но даже *лучшим* (чего не сказано в оригинале) средством от северного ветра, дующего в ее спальню.

Австрийский читатель русской книги, хорошо знакомый с оригиналом, с радостью открывает русский перевод и думает: наконец-то появилась книга, с помощью которой русский читатель поймет, как мы живем, мыслим, мечтаем, влюбляемся, конфликтуем, разочаровываемся, ссоримся, миримся и, наконец, находим друг друга. Попытаемся проверить, дает ли существующий перевод русской читающей публике такую возможность.

Книга начинается следующим текстом [2010: 7]:

Я хотела бы отказаться от подписки. Достаточно ли будет одного этого заявления, или нужно предпринять еще какие-то шаги?
Всего доброго.

Э. Ротнер

Оригинал пользуется несколько иным ... дискурсом, если под дискурсом понимать манеру выражаться, смотреть на мир, вести себя [2006: 6]:

Ich möchte bitte mein Abonnement kündigen. Geht das auf diesem Wege? Freundliche Grüße, E. Rothner.

Но дело не столько в том, что Эмми Ротнер выражается по-немецки проще, менее сложно, сколько в маленькой, но многозначительной детали: текст, написанный привыкшей к электронному общению молодой женщиной, не может выглядеть так, как в русском переводе (абзацы, расположение подписи). Если австрийский оригинал действительно имитирует беглый деловой имейл, то перевод напоминает архаичное советское заявление 1980-х гг. Австрийский текст написан 45-летним журналистом, хорошо знакомым с образом мышления, а в результате и с дискурсом 30-летних (фиктивной Эмми Ротнер в момент написания первого имейла 33 года), русский перевод сделан пожилым переводчиком, мало знакомым с деталями жизни молодых австрийцев.

Я специально начал с этого примера, чтобы доказать, что речь идет не о «блохах», которых я в переводе якобы ищу, как выразился на прениях после доклада уважаемый мной коллега К. Л. Левитан из Екатеринбурга. Увы, эти

(вовсе не) блохи говорят о многом: о принципиальном взаимонепонимании двух культур. Но об этом ниже. О настоящих блохах (коих тоже некоторое количество) в статье почти не будет упомянуто, и вовсе не из-за ограниченного места.

Когда на следующей странице та же Эмми Ротнер отправляет по тому же (ложному, как выясняется) адресу письмо с текстом “muss ich Ihnen leider mitteilen: Ich zahle nichts mehr” [2006: 6], перевод звучит так: «прошу Вас принять к сведению, что я не намерена больше платить за газету» [2010: 8]. В немецком оригинале Эмми не категорически заявляет о своем *намерении* больше не платить, а констатирует *факт*. Кроме того, речь идет не о газете, а о глянце-вом женском журнале, как явствует из многих других мест оригинала. Это важно, так как письмо попадает в руки интеллигента, а журнал выписывала Эмми Ротнер для своей пожилой матери.

Не будучи носителем русского языка, я не буду поддаваться соблазну предложить альтернативные решения перевода, тем более что речь идет не об отдельных местах, а, как уже отмечено, о разных дискурсах, об интонации в целом. Не исключено, что средствами русского языка невозможно передать то раскованное, лишённое комплексов и предрассудков общение, которое, начиная с первых мейлов, развивается между этими двумя партнерами – для тех, кто книгу не читал, резюмирую ее содержание: Эмми Ротнер, отправив вышеприведенные мейлы в редакцию журнала, ошиблась адресом, и письма отправляются некому Лео Лейке, венскому лингвopsихологу, с которым она вступает в переписку. Эпистолярное общение становится все более личным и даже эротичным, в конце концов партнеры по переписке договариваются о встрече в венском кафе, на которой замужняя Эмми не появляется. Переписка обрывается по причине отъезда Лео в Бостон на научную стажировку. Второй том [Glattauer 2009], под названием “Alle sieben Wellen” (в русском – на этот раз дословном – переводе «Все семь волн») [Глаттауэр 2011], возобновляет переписку Эмми с вернувшимся из Штатов Лео и доводит дело до реальных встреч и даже неопределенного хэппи-энда.

Рассмотрим в дальнейшем несколько, на мой взгляд, спорных мест из русского перевода первого тома. Перевод второго тома, скажем сразу, гораздо ближе воспроизводит ту атмосферу, которую нам передает автор. Из-за счастливой концовки вторая книга была встречена критикой гораздо хуже, в том числе и автором этих строк (на страницах австрийского журнала «Корзо»), однако после повторного прочтения второго тома я вынужден пересмотреть это суждение: предпочтенная автором развязка теперь представляется мне по-человечески удачным решением. Но обратимся снова к переводу.

На с. 75 немецкого оригинала Эмми отвечает на вопрос, не обиделась ли она из-за отказа Лео встретиться с ней на следующий день, следующим образом:

Nein, nein, Leo. Ich bin nur sehr beschäftigt und deshalb so kurz angebunden.

То есть она объясняет короткость своего предыдущего ответа тем, что она очень занята. По-русски этот момент передается правильно, но мотивируется иначе [2010: 113]:

Нет-нет, Лео. Просто я сейчас очень занята и поэтому ответила так «неприветливо».

Речь идет, как мы видели, вовсе не о степени приветливости ее ответа, а о том, что она по практическим (сиюминутным) соображениям не успевает ответить подробным образом, как обычно. Переводчик, судя по всему, сам понял неловкость своего решения и поставил наречие в кавычки. Казалось бы, блохи, деталь, но нет: эти кавычки заполняют весь перевод, от первой до последней страницы, и они более чем мешают. Они беспрерывно указывают на неловкость, неточность, порою даже неправильность переводческих решений, но даже это не главное: главное в том, что они иллюстрируют чужой тон, неподходящий дискурс, неудачную стратегию, которыми сделан перевод. Позволю себе привести несколько примеров таких кавычек с параллельным текстом оригинала и с обширным контекстом (с выделением немецких мест без кавычек) – для экономии места в виде таблицы (в скобках указания на страницы в оригинале и переводе):

Wie lange haben Sie für Ihre E-Mail mit der Darlegung Ihres "Ei"-Fehlers gebraucht? [9]	[...] сколько Вам понадобилось времени, чтобы разяснить эту «хроническую проблему» с «e» и «i». [12]
Ich hätte schwören können, dass Sie eine Schnellsprecherin und Schnellschreiberin sind, eine quirilige Person , der die Abläufe des Alltags niemals rasch genug vonstatten gehen können. [10]	Я мог бы поклясться, что Вы очень быстро говорите и очень быстро пишете, что Вы – непоседа, «электровеник» , опережающий свой собственный темп жизни. [15]
[...] denn mir gefallen Männer prinzipiell nicht, sieht man von wenigen (zumeist schwulen) Ausnahmen ab. [34]	[...] потому что мужчины мне в принципе не нравятся, если не считать нескольких исключений (главным образом «голубых»). [51]
[...] wünsche ich Ihnen und Ihrer Familie jetzt schon eine angenehme Schiwoche . Gute Nacht. [...] [41]	[...] желаю ... приятного «катанья на лыжах» – Спокойной ночи. [...] [61]
[...] aber ich wollte Sie beide nicht zusammenführen . [...] Ich war mir Ihrer tatsächlich zu sicher , Leo. [...] [128]	[...] но совсем не хотела вас «сводить» . [...] И я действительно была уверена, что Вы «никуда не денетесь» , Лео. [193]
Ich hatte heute schon Streit mit einem Kunden. Außerdem kriege ich meine Tage . [143]	Сегодня мне и так уже «подняли настроение» – поругалась с одним клиентом. К тому же у меня начинаются «критические дни» . [216]

Leo???? Nicht melden ist unfair! Und es ist **abtörnend**. [90]

Лео!!! Это нечестно! А еще это совсем не **«секси»**. [136]

Список этот можно было бы продолжить: слова и выражения, которые в оригинале не снабжены ни кавычками, ни скобками, ни знаками препинания, в русском выделяются с помощью кавычек. “Ei”-Fehler, это просто ошибка при печатании, но даже если контекст это подсказывает, не «хроническая проблема», “eine quirlige Person” остроумно переведено как *электровеник*, но зачем в кавычках? *Schwul* в немецкой речи давно приобрело статус нейтрального обозначения гомосексуалистов (превратившись из ругательства в нейтральное слово, что в лингвистике иногда обозначается термином *Disphemismus-Tretmühle* (дословно: ступальная мельница дисфемизма), вслед за термином Стивена Пинкера *Euphemismus-Tretmühle* (тупальная мельница эвфемизма) [ср. Pinker 2003: 298–300]. И уж совсем анекдотично ставить в кавычки невинные слова вроде *Schiwoche* – неделя катания на лыжах. “Ich war mir Ihrer ... zu sicher” переводится оригинально, но зачем опять кавычки (что Вы «никуда не денетесь»)? И, наконец, жеманные кавычки делают из месячных «критические дни», стандартный эвфемизм, на мой взгляд, также не заслуживающий кавычек. Как, впрочем, и не совсем точный перевод неологизма *abtörnend* простым словом *секси*, так как речь идет не (только) о сексуальном компоненте слова, но и об эротическом напряжении в целом, которое якобы тормозится (<англ. *to be a turn off*) паузой в переписке. Но опять же: из-за этих кавычек в первую очередь страдает дискурс.

Если задаться вопросом, почему все эти выражения украшаются кавычками, можно лишь догадаться об их причине: не исключено, что переводчик сам не доволен своим решением и пытается кавычками как бы свалить ответственность то ли на автора, то ли на героев, то ли на немецкий язык в целом, которым он владеет без сомнения превосходно, но боится придать немецко-австрийской речи начала XXI века тот статус современного, раскованного и свободного средства общения, который не присущ его (переводчика) собственной русской речи.

Повторяю: я намеренно не остановился на явных ошибках, вроде непонимания английского слова *date* (встреча, свидание; слово заменило давно (теперь устаревшее) немецкое слово *Stelldichein* и французское заимствование *Rendez-vous*) [2006: 196 и 2010: 294] или перевод вопроса “Was sagt eigentlich **Ihr** Mann dazu?” [2006: 31] ошибочным «Что, собственно, обо всем этом думает **ее** муж» (вместо: Ваш) [2010: 47] – таких ляпсусов немного и они совершенно простительны ввиду обычной для переводчиков вынужденной спешки, их средний читатель даже не замечает. Речь идет о другом: Когда я читаю шуточный упрек Эмми: “Leo, Leo! Das gibt Punkteabzüge” [2006: 146] – и сравнивая его с фразой «Лео, Лео! Вы набрали слишком много штрафных очков!» [2010: 220], передо мной встает образ советской женщины средних лет (то есть в моем понимании, простите, 50-летней тети), которая раздает штрафные очки и говорит замшелым, безнадежно-устаревшим языком из

учебника Е. А. Брызгуновой [1969]. Размышления о том, что не стоит плакать по старым временам – в виде “*Wer alten Zeiten nachtrauert, der ist alt und trauert*” [2006: 169] – передать как «Если ты грустишь по старым временам, значит, ты – плаксивая старуха» [2010: 255], значит, совершенно не понимать образ мышления 34-летней женщины, которая ни за что не будет пользоваться трафаретным, стертым выражением (в Национальном корпусе русского языка – одно вхождение, в Яндексе 12 находок в именительном падеже). Эмми сказала (написала) всего лишь: «Кто грустит по старым временам, тот стар и грустит». Причем тут плаксивая старуха, когда речь вообще идет о ее (мужском) партнере по переписке.

Анализ стилистических контрастов между оригиналом и переводом наводит на мысль, что, несмотря на распад Советского Союза и сближение политических систем, на падение пресловутого «Железного занавеса» и открытые границы, и даже несмотря на связавшую всех паутину интернета, взгляд на мир, манера поведения и мышления по-прежнему отделяют Европу (в узком смысле слова) от России. Мы попытались показать этот факт на примере когнитивно-дискурсного диссонанса между 40-летним автором и его более пожилым переводчиком, но думается, дело не только в возрасте. Дело в том, что общественное сознание и отношение к нормативным и ненормативным разновидностям языка имеет сильно выраженную социокультурную специфику. И как это ни печально констатировать, многолетний барьер между Россией и Европой, закрытость России со времен Ивана Грозного (с небольшим перерывом), и особенно со времен Октябрьской революции и до времен перестройки, развели наши дискурсы более, чем мы себе представляем. Но дело идет к сближению, и успех книги Вишневого и относительный успех дилогии Глаттауэра (и, скажем прямо, более удачный перевод второго тома тем же переводчиком) – тому свидетельство.

Использованная литература, источники:

БРЫЗГУНОВА, Е. А. (1969): *Звуки и интонация русской речи*. М.

ГЛАТТАУЭР, Даниель (2010): *Лучшее средство от северного ветра*. Перевод с нем. Р. Эйвадиса. Москва: Эксмо, СПб: Домино, 336 с. Тираж 20.000 экз.

ГЛАТТАУЭР, Даниель (2011): *Все семь волн*. Перевод с нем. Р. Эйвадиса. Москва: Эксмо, СПб: Домино, 336 с. Тираж 15.100 экз.

GLATTAUER, Daniel (2006): *Gut gegen Nordwind. Roman*. Wien: Deuticke, 223 с.

GLATTAUER, Daniel (2009): *Alle sieben Wellen. Roman*. Wien: Deuticke, 222 с.

PINKER, Steven (2003): *Das unbeschriebene Blatt. Die moderne Leugnung der menschlichen Natur*. Berlin.

АНДЖЕЙ ХАРЦИАРЕК

Польша, Катовице

ГОРОДСКИЕ НАДПИСИ В ПЕРЕВОДНОМ СЛОВАРЕ

ABSTRACT:

The Public Notices in Bilingual Dictionaries

The article presents issues related to translation of public notices in bilingual dictionaries. The author claims that one bilingual dictionary is not a sufficient source of information for its users. Lack of public notices related to realia in dictionaries results in providing incomplete information. Dictionaries focus on grammaticality rather than on textuality, which makes it impossible to meet users' needs. This poses a significant risk of making mistakes in finding right equivalents by a dictionary's author.

KEY WORDS:

Lexicography – translation – bilingual dictionaries – Polish – Russian.

Многим казалось, что правила свободного рынка, обязывающие с начала 90-ых годов прошлого столетия, принесут качественно новые лексические труды, в том числе и двуязычные (польско-русские и русско-польские) словари. Вскоре, однако, стало очевидным, что лексикографической революции не произойдет. Появились, правда, многие переводные словари, однако их авторы часто реализовали концепции своих предшественников, практически не осуществляя новых постановок и не предлагая решений насущных проблем.

В настоящей статье мы хотели бы затронуть лишь отдельные из вопросов, которые, на наш взгляд, имеют фундаментальное значение для составления словника двуязычного польско-русского словаря, и которые до настоящего времени остаются либо нерешенными, либо решены лишь в малой степени.

Общеизвестно, что словарь должен удовлетворять потребности его пользователей, не говоря об учете их перцептивных возможностей. Эти потребности непосредственно связаны с их функционированием в языковом пространстве, неотъемлемым элементом которого они и являются.

Группа лексических единиц, которая, мягко говоря, не находится под пристальным вниманием лексикографов, это всякого рода вывески, надписи, таблички, объявления и т.д. Как пишет М. В. Китайгородская, «вывески адекватно и в прямом смысле слова «наглядно» фиксируют переменчивую картину

социальной жизни города» [Китайгородская 2003: 127]. Эти своеобразные информационные тексты – обязательные элементы языкового пространства, которое за последние двадцать лет в результате политических, экономических и общественных перемен в Польше и России резко изменилось. Приведем конкретные примеры с целью продемонстрировать необходимость их учета в переводном словаре.

В классических, даже новейших, польско-русских словарях в качестве эквивалента польской единицы *kwiaciarnia* приводится словосочетание *цветочный магазин*. В принципе получается на первый взгляд приемлемый перевод названия того магазина, в котором продаются цветы. Однако, в случае функционирования этого названия как надписи оказывается, что русским эквивалентом нередко будут *ЦВЕТЫ*. Мало того, польский трансланд, обозначающий место продажи цветов, также может приобретать форму *KWIATY*. Следовательно, в случае перевода надписи левая и правая сторона переводного словаря значительно отличается от словарной статьи единицы *kwiaciarnia*, которая называет торговое предприятие. То, что *цветы* часто функционируют в качестве надписи, не исключает использования в той же функции названия *цветочный магазин*, часто с прибавленным собственным названием.

О том, что надписи функционируют иначе, что это своеобразные микротексты, свидетельствует пара трансланд – транслят: *księgarnia* – *книжный магазин*. По существу, устоявшимся эквивалентом польской единицы *księgarnia* является *книжный магазин*. Однако, если посмотрим на надписи над польскими и российскими магазинами, окажется, что далеко не всегда увидим там эти названия. Нередко будет написано также *DOM KSIĘGARSKI*, *DOM KSIĄŻKI*, *КНИГИ* или *КНИЖНЫЙ ДВОР*. Правда, можно сказать, что ведь *dom księżki* и *книжный двор* это скорее собственные названия, чем категориальные названия магазинов. Однако, в надписях они функционируют как синонимические варианты исходных *księgarnia* и *книжный магазин*. Этот факт должен учитываться авторами двуязычных словарей. Отсутствие этих единиц в переводном словаре вряд ли позволит его пользователю определить русский эквивалент *Книги*, поскольку исходный польский трансланд к такой форме его не приведет.

Похожая ситуация выстраивается в случае близкой по значению пары лексических единиц, обозначающих магазины, покупающие и продающие подержанные и старинные издания, т.е. соответственно *antykwarjat* и *букинистический магазин*. Если в польских надписях явно преобладает *ANTYKWARIAT*, то в русских ситуация выглядит сложнее. Конечно, можно встретить и *БУКИНИСТИЧЕСКИЙ МАГАЗИН*, однако реже, чем другие: *БУКИНИСТ* или *СТАРАЯ КНИГА*, которые можно считать полноценными эквивалентами единицы-вывески *ANTYKWARIAT*. Так, целесообразно говорить о том, что правая сторона словаря необязательно должна содержать один эквивалент. Их может быть больше, поскольку этнические (в этом случае родственные) языки по-другому отражают и расценивают отдельные элементы действительности, в том числе и надписи. Преобладающая в лексических исследованиях система один трансланд – один транслят часто затушевывает количественную асимме-

трию между единицами двух сопоставляемых языков, несущих один и тот же смысл.

Убедительно весомость этой проблемы показывает сопоставление польской единицы *fryzjer* и русского *парикмахер*, т.е. слов, обозначающих мастеров, занимающихся стрижкой волос. Если подробно начнем исследовать эти единицы, то окажется, что они функционируют в своих языках по-другому. Единица *fryzjer* может выступать в качестве надписи над предприятием, *парикмахер* же – нет, поскольку происходит замена на *парикмахерскую*. Польские названия *FRYZJER DAMSKI* или *FRYZJER MEŃSKI*, хотя постепенно устраниаются из надписей, все же остаются в употреблении. В современном польском языке в функции надписи чаще единицы *FRYZJER* применяются *SALON FRYZJERSKI* и *ZAKŁAD FRYZJERSKI*, а в русском – *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ*.

Очередной вопрос, который практически не затрагивается лексикографами, связан с переводом возможных вариантов этих надписей. Очевидно, что *SALON FRYZJERSKI* и *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ* предназначены для конкретной группы клиентов, и этот факт также находит воплощение в содержании надписей. На польских улицах видим наиболее распространенные формулы *SALON FRYZJERSKI – DAMSKI (MEŃSKI)* (часто со сложным прилагательным *damsko-meŃski*), которые также нуждаются в переводе, а, как правило, не фиксируются в словарях. Трудность их перевода не заключается в том, что их нельзя перевести. Наоборот, *женская парикмахерская* или *мужская парикмахерская* – это нормативные словосочетания, которые по аналогии образует пользователь даже небольшого словаря. Проблема только в том, что они практически не выступают в надписях. Русские современные надписи обычно приобретают форму *ПАРИКМАХЕРСКАЯ* или *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ* без дополнительных компонентов. То, для кого предназначено предприятие, не выясняется даже типом собственного названия¹, напр., антропонима (обычно женского имени) – *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ СВЕТЛАНА*. В русской традиции *парикмахерская* или *салон-парикмахерская* для всех, однако отдельные залы – для женщин и мужчин. Таким образом, эквивалентом надписи *SALON FRYZJERSKI – DAMSKI (MEŃSKI)* будет скорее *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ* с возможным дополнением *ЖЕНСКИЙ (МУЖСКОЙ) ЗАЛ*. Аналогично, польскую надпись *SALON FRYZJERSKI DAMSKO-MEŃSKI* уместно перевести *САЛОН-ПАРИКМАХЕРСКАЯ – ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ ЗАЛЫ*. Эти примеры хорошо подтверждают целесообразность говорить о польском и русском языковом пространстве, которое обусловлено историей и традицией этих народов, особенностями образа их жизни. Все это оказывает влияние на процессы номинации. Попутно отметим, что надписи вызывают большой интерес как объект социо- и этнолингвистических исследований.

В переводном словаре должны также фиксироваться лексические единицы, которые часто не замечают носители языка в повседневных ситуациях. Яркий пример этому – рекомендации для клиентов, которые находятся на стеклян-

¹ В советские времена парикмахерские в больших городах имели свои номера, напр. *ПАРИКМАХЕРСКАЯ № 23*.

ных дверях, напр., в торговых предприятиях. Польских покупателей информируют надписи о способе открытия дверей *PCHAC* и *CIAGNAC*, т.е. глаголы в форме инфинитива. В аналогичной ситуации в российском пространстве не находим семантических эквивалентов *толкать / толкайте* и *тянуть / тяните*, зато находим *ОТ СЕБЯ* и *К СЕБЕ (НА СЕБЯ)*². Это еще раз подтверждает связь эквивалентности перевода с конкретными ситуациями употребления, в которых оригинал и транслят сохраняют функциональное тождество.

С вышеприведенными единицами тесно связаны единицы, а скорее, словосочетания в форме объявлений, содержащие запрет или просьбу не совершать то или иное действие. Образцовые польские запреты в разных общественных местах – это *PALENIE WZBRONIONE* и *ZAKAZ PALENIA* (с возможным относительно редким вариантом *PALENIE SUROWO WZBRONIONE*). Не считая вариантов, в принципе в польском языке существуют лишь эти две ведущие надписи, запрещающие курение. В русском языке переводных эквивалентов значительно больше. Выбор не ограничивается только *КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ*³ или *КУРЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО*. В российской действительности есть еще и другие предупреждающие надписи: *НЕ КУРИТЬ*, *У НАС НЕ КУРЯТ* или *ПРОСЬБА НЕ КУРИТЬ*. Несмотря на то, что в них использованы разные языковые средства, все три объявления описывают одну и ту же ситуацию, что дает лексикографу или переводчику возможность выбора одного из четырех эквивалентов. Таким образом, обращение к действительности недостаточно, оно не решает проблему, указывая только на возможные варианты перевода. Следовательно, окончательный вариант будет также результатом определения отношений между языковыми единицами оригинала и его переводного эквивалента. Попутно отметим, что в отличие от *КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ*, в вариантах *У НАС НЕ КУРЯТ* и *ПРОСЬБА НЕ КУРИТЬ* в значительной степени снимается категоричность запрета. Так, их можно считать смягченными вариантами *КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ*, свидетельствующими о постоянных изменениях в языке, в том числе в обиходно-деловом стиле. Кроме того, эти изменения могут происходить быстрее или медленнее в пределах отдельных языков.

Необходимо также отметить, что приведенному выше польскому варианту надписи *PALENIE SUROWO WZBRONIONE* отвечают в русском *КУРИТЬ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ* и *КУРЕНИЕ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО*. Если в переводный словарь не занести эти надписи-предостережения, можно ожидать, что пользователь словаря, переводя слово за словом, создаст по аналогии другие варианты (несуществующие или очень редкие), не устанавливая как раз в этом случае отношений эквивалентности между *surowo* и *категорически*.

Как уже было упомянуто выше, изменения, происходящие в повседневной жизни, неразрывно связаны с социально-экономической трансформацией, ко-

² Следует подчеркнуть, что новейший «Большой польско-русский словарь» под редакцией Я. Вавжиньчика фиксирует эти надписи на дверях (WSPR 2005: 90).

³ Примечательно, что возможный вариант *КУРИТЬ СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ* практически не используется в надписях.

торая началась в обеих странах в девяностые годы прошлого столетия. Резкие перемены в общественной и экономической жизни вызвали модификации и в лексическом составе языка. Изменения структуры общества, поведенческих моделей, ценностных ориентаций и социальных установок всегда отражаются в содержании надписей.

Надписи *ARTYKUŁY PRZEMYSŁOWE* или *SKLEP PRZEMYSŁOWY*, обозначающие магазин, в котором продаются промышленные товары, все реже появляются на стенах зданий польских городов. Не иначе дело обстоит в российском пространстве, где надписи *ПРОМТОВАРЫ* постепенно исчезают из обихода. Трудно не заметить важной, особенно в аспекте польско-русского перевода, информации о том, что русская единица *промышленный магазин* как надпись не функционирует. Этой особенностью обладает аббревиатура *ПРОМТОВАРЫ*.

Совершенно новая тенденция последних двух десятков лет – это названия торговых сетей или фирм производителей в качестве надписей на магазинах. Эти часто международные фирмы создают новые стандарты языковой информации, которая передается покупателям. Уже название магазина, напр., *LEE COOPER* сразу ассоциируется с одеждой, *ESTEE LAUDER* с косметикой, *BURGER KING* с ресторанами быстрого питания. Казалось бы, что главная задача лексикографа касается прежде всего наблюдения за тем, как отдельные языковые системы адаптируют эти чаще всего заимствования. Однако это далеко не так. Проблема перевода не заключается в том, что, напр. название английской торговой сети *TESCO* в польском языке не склоняется, а в другом – наоборот. Это естественный результат грамматических преобразований, которым подвергаются заимствования в «новых» языковых системах. Серьезные переводческие проблемы возникают тогда, когда то же название *TESCO* переводится с польского на русский. Как известно, в России этой торговой сети на рынке нет. Мало того, возможные эквиваленты на русском языке *ТЕСКО* / *ТЭСКО* уже существуют, но эти региональные слова обозначают либо российские предприятия, либо магазины. Данная незафиксированность в языковом сознании препятствует адекватной рецепции надписи *TESCO* россиянами, которая как относительно новый заимствованный элемент польского быта не имеет переводного эквивалента в русском языке. Таким образом, в подобных случаях можно говорить о межъязыковой лакунарности. Конечно, есть выработанные лексикографами приемы заполнения подобных лакун в русской понятийно-лексической системе. Так, в случае *TESCO* или аналогичных применяется конкретизация (*сеть супермаркетов, магазин сети супермаркетов*)⁴.

Поскольку мы считаем перевод надписей в переводных словарях целесообразным и концептуально обусловленным, следует отметить динамизм изменений, которым они подвергаются. Одни появляются, напр., названные выше, в то время как другие исчезают с улиц польских и российский городов, к при-

⁴ Интересно отметить, что с переводом на русский надписи французской сети супер- и гипермаркетов *Auchan (Ашан)* проблем не возникает (во всяком случае не должно) в силу его функционирования на российском рынке.

меру, традиционные, сугубо общие типа *DELIKATESY / ГАСТРОНОМ, SKLEP SUKIERNICZY / КОНДИТЕРСКАЯ* или *PIEKARNIA*⁵ / *БУЛОЧНАЯ*⁶. Они, правда, выступают, однако только в развернутых названиях магазинов, напр., вместе с широко использованными личными именами.

Учет приведенных нами групп лексических единиц в переводных словарях родственных языков позволяет устранить переводческие ошибки их пользователей. Кроме того, описание подобных единиц свидетельствует о качествах самого словаря – фиксации динамичных процессов в развитии обществ, в которых происходит своеобразное сочетание старого и нового, локального и глобального, «своего» и «чужого».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Быкова, Г. В. (2003): *Лакунарность как категория лексической системологии*. Благовещенск.

Китайгородская, М. В. (2003): *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация*. Отв. ред. Л. П. Крысин, Москва.

PIPR 2009 – *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z. 4.*, red. W. Chlebda, Opole 2009.

WSPR 2005 – *Wielki słownik polsko-rosyjski*, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2005.

WSRP 2004 – *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*, red. J. Wawrzyńczyk, Warszawa 2004.

---

⁵ В последнее время значение лексемы *piekarnia* в современном польском языке значительно расширилось. Ныне она обозначает не только предприятие для выпечки мучных изделий, но и также магазин, торгующий хлебобулочными изделиями.

⁶ Новейший «Большой польско-русский словарь» под редакцией Я. Вавжиньчика фиксирует единицы *sklep ze słodyczami* – кондитерская, *sklep z artykułami przemysłowymi* – магазин промтоваров, *sklep mleczarski* – магазин молочных продуктов / молочная, *sklep z naczyńiami* – посудный магазин (WSPR 2005: 614). Как можно заметить, практически ни один из них не функционирует как надпись (вывеска). Кроме того, употребительность многих этих наименований как в польском, так и в русском языке невысока.

УЛЬЯНА ХОЛОД

Чехия, Оломоуц

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПРОЗЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА

ABSTRACT:

Borrowed Words from Russian Language in Contemporary Ukrainian Prose and the Problem of Their Translation

The research is devoted to the topic of borrowing Russian words in the Ukrainian language and their literary translation into the Czech, Polish, Russian and other languages together with the Ukrainian text being the integral part of this process. The phenomenon of writing some belles-lettres text by means of a mixed Russian-Ukrainian dialect is another specific feature of Ukrainian literature. This colloquial linguistic phenomenon appeared as a result of systematic interference in the Russian and Ukrainian languages and it was performed on the phonetic, morphological, lexical and syntactic levels.

KEY WORDS:

Russian words – Ukrainian language – literary translation – phenomenon of writing – systematic interference – phonetic – morphological – lexical – syntactic levels.

Для современной украинской прозы постмодернизма характерно наличие разных типов прямых заимствований из других языков, стилистической целью которых является подчеркнуто реалистическое изображение окружающего мира как вечного хаоса людских характеров и мировоззрений, иронического отношения писателя к установленным нормам и упорядоченности повседневной жизни, потери иллюзий человека о возможности изменить мир, систематизировать его. Свободный и независимый писатель-постмодернист преподносит нам свои мысли без какого-либо эстетического «фильтра», включая «игру» с нормами и правилами литературного языка. Здесь имеется ввиду переплетение стилей (классического и сентиментального, художественного с научным или публицистическим и др.), использование диалектной, сленговой, жаргонной лексики и в том числе так называемых вкраплений или варваризмов из других языков.

Наиболее частыми языковыми вкраплениями в украинской прозе являются слова, словосочетания, предложения русского языка, как правило, в форме диалогов, прямой речи персонажей художественного произведения. Более того, украинский сленг, жаргон, арго и просторечные выражения во многом базируются на русском языке. Например: *облом, комок, лажа, шалава, совдеп, бомж, чмо* и др., также русские слова, переданы украинской графикой: *убойный, стрьомный, безпредел, сверчок*, а у некоторых авторов и за фонетической транскрипцией:

Зойка, шампан нэсли нам в номера, но это всо било вчера... [Процюк 2007; 163]

Футинути штотакое, ужастакой приснілса, нікакой нікагда небило, нет ідажебиць німожет! [Издрик 1998: 19]

Всьо ви, учоние людї, видумиваете, – скрушно похитав головою дідок. – Літ би как-нібудь вивернуться! А на самом деле – только лень душевная да омертвеніе. Не хочет душа спастись! І отягчїлись сердца ваші об'єденієм і п'янством і заботами житейскімі... [Андрухович 2006]

– Я дікоїзвіняюсь, – кажеш якомога гречніше, – можно лі от вас позвонїть? [Андрухович 2006]

В результате взаимного коммуникативного влияния двух языков в русский жаргон также на правах заимствования вошли слова из украинского: *халява, забываеть бакы, гириый, цікавий, ковтать, вабить, файный* и другие.

Внедрение русских элементов в украинский текст можно разделить на два типа. Первый тип представляют прямые заимствования из литературного русского языка: крылатые выражения, отрывки стихотворений или прозы известных писателей в форме диалогов и прямой речи для реалистической передачи русскоязычных героев в литературном произведении.

Закопают, заруют глубоко, бедный холмик травой порастёт... [Процюк 2010: 31]

Умом Россию не понять... [Процюк 2010: 89]

Мать учит наизусть телефоны морга, когда её нет дома слишком долго... [Процюк 2010: 176]

Ко второму относятся специфические элементы суржика – смеси местного наречия с многочисленными русизмами, носители которого неудовлетворенно владеют как русским, так и украинским литературным языком. Как правило, грамматика и произношения являются украинскими (иногда нарушены нормы украинского словообразования и стилистики: *построїв, ухитряться, куражиться, завідуючий секцією, працює в якості бухгалтера, гостра біль*), а значительная часть лексики заимствована из русского языка: *самольот, січас, тормозити* и другие. Лексические заимствования из русского языка в суржике зависят от образования, языкового опыта говорящего и общей языковой ситуации данного региона.

Некоторые произведения современных украинских писателей Богдана Жолдака и Леся Подеревянского написаны на суржике для создания комического эффекта.

Чомусь наші історії про ізвращьоньців не кінчаються, а навпаки. Бо був ув Кїві один із них такий геть жуткий, хоча, як потом з'ясувалося, він виявився не простий ізвратнік, бо це був перст судьби. По срамненію з котрим любий покажеця младенцьом, як,

приміром, той младець, який взяв і випав ізо сімнадцятого ітажа, чим остався жив.
[Жолдак 2010]

Одним из проблемных моментов перевода подобного текста является вопрос о возможности сохранения стилистического уровня оригинального текста, оставляя иноязычные вкрапления или перевода их на другой язык, используя стилистическую трансформацию. Особенно это касается перевода вышеприведенных украинских текстов на русский язык.

Современный теоретик перевода, автор многих статей о украинско-русском двуязычии и суржике Виталий Радчук считает, что язык был, есть и будет на каком-то уровне суржигом, смесью с другими языками в результате внедрения заимствованных слов, а задание переводчика не состоит в том, чтобы осуществить только стилистическую трансформацию, но чтобы реализовать в переводе творческую идею писателя, сохранить прагматику оригинала.

Милан Грдличка предлагает много разных вариантов перевода иноязычных вкраплений в тексте, ссылаясь на классиков теории перевода Иржи Левега, Александра Фёдорова и других. Среди предложенных вариантов перевода наиболее распространённым является использование элементов диалекта или просторечия в тексте перевода, частичный перевод иноязычных вкраплений на язык текста-перевода (у близкородственных языков, например, русский-украинский, остается без перевода та часть иноязычного текста, которая наиболее лексически и формально идентична с языком перевода и может быть понятна читателю).

Таким образом, украинский текст, написанный суржигом с целью комического эффекта, может быть переведён на русский язык частично, оставляя ненормированные лексико-грамматические формы, похожие на русский язык, или его можно перевести с элементами русского социолекта (жаргона, сленга и других его составляющих).

Краткие вкрапления на русском литературном языке должны быть воспроизведены русской графикой, но можно оставить слитное написание слов, согласно образцу фонетической транскрипции.

Когда украинский текст с русскими заимствованными элементами нужно перевести на чешский, иной славянский или на другие языки, то суржик возможно переводить подобно вышеприведенному типу – частично, оставляя отдельные слова и словосочетания, которые могли бы быть переписаны латинской графикой, а в ссылках будет наведен перевод или объяснение.

Подобным образом были созданы переводы художественных произведений современной украинской писательницы-постмодернистки Оксаны Забужко на чешский язык Ритой Киндлеровой. Также некоторые произведения Юрия Андруховича были переведены на чешский Томашем Ващутом¹. Переводчики использовали разные приёмы для передачи украинского суржика и иноязычных вкраплений (русских, английских, польских), присутствующих в украинских текстах.

...вали с пляжа, дядя... [Забужко 1995: <http://exlibris.org.ua/text/ukrsex.html>]

¹ Andruchovič, J.: *Rekreace aneb Slavnosti Vzkříšeného Ducha*, Překlad Tomáše Vašuta, Olomouc 2006.

...padej dědku... [Zabužko 2001: 15]

...ніхто ні фіга не тямить... [Забужко 1995]

...i když slova nikdo nechápe...[Zabužko 2001: 15]

... класною бабою була, «девочка сладенькая», «фантастическая женщина», “stud woman“..., [Забужко 1995]

...byla to super ženská, «девочка сладенькая», «фантастическая женщина», “stud woman”... [Zabužko 2001: 27]

В первых двух примерах русское вкрапление переведено на чешский язык просторечной лексикой, а в следующих примерах просторечное выражение передано нейтральными лексикальными средствами в чешском языке. Последние примеры демонстрируют наличие русских и английских вкраплений как в тексте оригинала, также и в тексте перевода с украинского на чешский язык.

Английские вкрапления в украинском тексте Забужко переводит в сносках под текстом, но в чешском тексте английские фразы не переводятся и не комментируются.

“Gosh, if he only weren't such a damned good painter!” – казала ти, сидячи в барі «У Крістофера» на Портер-скве..., [Забужко 1995]

“Gosh, if he only weren't such a damned good painter!” – říkala sis, když jsi seděla v baru U Christophera na Porter Square... [Zabužko 2001: 30]

Итак, прямые заимствования из русского языка в современной украинской прозе имеют свою композиционную и стилистическую функцию. С одной стороны, подчеркивают иноязычную атмосферу, индивидуальность и особенность героев художественного произведения, с другой – являются средством комического эффекта. Мастерством переводчика в первую очередь является сохранение прагматического уровня текста оригинала. Поэтому переводчик должен оценить функцию всех языковых средств оригинала с целью создания эстетически гармоничного и приемлемого в иной культурной среде перевода.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

АНДРУХОВИЧ, Ю. (2006): *Московиада*. Київ, <http://www.ukrcenter.com/>Московиада.

ЖОЛДАК, Б. (2010): *Про ізвращоньців*. Київ, <http://gn.org.ua/zholdak>.

ЗАБУЖКО, О. (1995): *Польові дослідження з українського сексу*. Київ.

ІЗДРИК, Ю (1998): *Острів Крк та інші історії*. Івано-Франківськ.

ПРОЦЮК, С. (2010): *Руйнування ляльки*. Київ.

ПРОЦЮК, С. (2007): *Тотем*. Івано-Франківськ.

РАДЧУК, В. (2000): *Суржик як недопереклад*. In: Українська мова та література, №11(171), с. 11–12.

СТАВИЦЬКА, Л., Труб, В. (2007): *Суржик, міф, мова, комунікація*. In: Українсько-російська двомовність, Київ, с.31–121.

HRDLIČKA, M. (2001): *Jak překládat cizojazyčné prvky v uměleckém textu*. In: O Přeložitelnosti. Praha, s.39–47.

ZABUŽKO, O. (2001): *Polní výzkum ukrajinského sexu. Překlad z ukrajinského Rity Kindlerové*. Praha 2001, <http://exlibris.org.ua/text/ukrsex.html>.

АНТОН ЭЛИАШ

Словакия; Братислава

РЕАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В СЛОВАЦКИХ ПЕРЕВОДАХ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

ABSTRACT:

The Realization of Author's Intention in Slovak Translations of Eugen Onegin

The article deals with the problem of identification, interpretation and transposition of the author's intention in four Slovak translations of A. S. Pushkin's novel in verses Eugen Onegin. The attention is paid to the translators' (S. Bodický, J. Jesenský, I. Kupec, J. Štrasser) original text understanding and to its stylistic realization in Slovak. The results of the analysis are presented in summarizing conclusions focusing on some partial aspects of translators' semantic operations with the original text as well as on the global aesthetic effect of the translated texts.

KEY WORDS:

Author's intention – interpretation – translator's conception – irony – actualization – archaization – aesthetic function.

Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» был до сих пор на словацкий язык переведен четыре раза, причем отдельные переводы возникали с временным расстоянием приблизительно тридцать – сорок лет (перевод С. Бодицкого был впервые опубликован в 1900 г., перевод Я. Есенского в 1942 г., перевод И. Купца в 1973 г. и перевод Я. Штрассера в 2002 г.). Уже этот факт является убедительным свидетельством того, что четыре поколения словацких переводчиков художественной литературы чувствовали настоятельную потребность высказать «свое слово» об этом произведении, раскрыть своим современникам актуальное для своего времени восприятие «Евгения Онегина», что этот роман, несмотря на его всемирно давно признанный статус «литературной классики» и больше чем полтора столетнюю историю словацкой рецепции волнует нашу культурную среду ощущением чего-то недосказанного или «не так сказанного» в словацких переводах. Чувство неудовлетворенности переводами предшественников вытекало из естественного стремления найти наиболее подходящее решение трех важных аспектов транспозиции любого художественного произведения из одного исторического времени в другое, а также

из одной культуры в другую, которые можно определить как создание цельной переводческой интерпретационной концепции оригинала, решение проблемы актуализации – архаизации оригинала в тексте перевода как предпосылки адекватной передачи авторской интенции в новой среде и влияние актуального состояния принимающей литературы и доминирующей практики художественного перевода на транспозицию оригинала.

В дальнейшем попытаемся охарактеризовать существующие словацкие переводы «Евгения Онегина» с точки зрения этих трех аспектов. Правда, тщательная разработка этой темы заслуживает пространства монографии и своим объемом значительно превышает возможности этой статьи. Поэтому ограничимся подведением итогов проведенного нами анализа вышеупомянутых словацких переводов.

Необходимой предпосылкой каждого перевода является интерпретация оригинала, осознание авторской интенции в широком смысле слова, т.е. осознание не только структурного единства всех композиционных элементов художественного произведения, но и отношения к литературному и внелитературному контексту времени его возникновения. В случае пушкинского романа в стихах в связи с авторской интенцией неоднократно подчеркивалась способность Пушкина воспринимать современность (литературную и внелитературную) с иронического (нередко даже пародического) расстояния. По мнению В. Шкловского, Ю. Лотмана, С. Бочарова и целого ряда других литературоведов, эта черта пушкинского отношения к изображаемой реальности является одним из важнейших композиционных и стилистических свойств романа.

В. Шкловский, например, утверждает, что «Евгений Онегин, так же, как и Тристрам Шенди, пародийный роман, причем пародируются не нравы и типы эпохи, а сама техника романа, строй его» [Шкловский 1923: 206], и настаивает на том, что следы отчетливой пародизации несут и авторские лирические отступления, сюжет, оригинальное строфическое сложение «с переломом в двух последних строках, связанных с собой парной рифмой и заключающих в себе или суммирование строфы, или чаще ее пародийное разрешение» [Шкловский 1923: 215], словарь Пушкина с целым рядом нарочно подчеркнутых варваризмов и даже типы персонажей, так как тип в этом романе рассматривается не «как величина бытовая», а «как величина стилистическая» [Шкловский 1923: 220].

Ю. Лотман тоже оценивает иронию как одну из ключевых отличительных черт авторской интенции в конструкции «Евгения Онегина», причем в этой связи указывает не только на «специфическую структуру пушкинского романа в стихах, при которой любое позитивное высказывание автора тут же незаметно может быть превращено в ироническое» [Лотман 1995: 393], но и на разные историко-культурные контексты времени возникновения романа, в которых «противоречие между предметом беседы и обликом собеседников придает тону повествования иронию» [Лотман 1995: 401]. Источниками иронии в этом произведении он считает и такие приемы пушкинского стиля, как «резкая смена тона повествования (в результате чего одна и та же мысль может

быть в смежных отрывках текста высказана серьезно и иронически), столкновение текста и авторского к нему комментария» [Лотман 1995: 409]. Исходя из детального текстового анализа, он приходит к заключению, что «доминирующее место иронии в стилевом единстве Евгения Онегина – очевидный факт», вследствие чего «механизм иронии составляет один из основных ключей стиля романа» [Лотман 1995: 425–426].

К аналогичному заключению о характере пушкинского стиля с его открыто или латентно выраженной иронией приходит и С. Бочаров, по мнению которого в пушкинском романе в стихах «образ реальности возникает в сближении двух разнонаправленных стилистических вариантов ее выражения, как их контрапункт» [Бочаров 1974: 70].

Какое выражение нашли эти черты пушкинской композиции и стиля в вышеупомянутых словацких переводах?

Перевод С. Бодицкого несет отчетливые следы значительной зависимости на тексте оригинала. В качестве основной семантической единицы высказывания соблюдает стих; сохраняет тоже пушкинское стремление ставить в рифменной позиции полнозначные слова – правда, нередко только благодаря высокой фреквенции русизмов. Инверсия, анаколут, в целом ряде случаев применение архаических слов и падежных форм с целью сохранить число слогов четырехстопного ямба являются дальнейшими отличительными чертами его перевода. К сожалению, эта поверхностная, «механическая» близость к оригиналу не сумела адекватно транспонировать те специфические стилистические «сломы», ту «резкую смену тона повествования», которая считается одним из основных источников пушкинской иронии. Перевод как бы без сопротивления поддается «давлению» авторитета канонизированного восприятия оригинала, в результате чего в других исторических условиях и другой культуре звучит как-то приглаженно, монотонно, теряет пушкинский задор, живость, энергию и провокативность. Дело в том, что на этой эмбриональной стадии развития словацкого художественного перевода актуализация считалась просто недопустимой. Перевод Бодицкого, таким образом, оказался *de facto* изолированным от интеракции с более широким литературным и внелитературным контекстом, в который он вступал и с которым мог бы «полемизировать» в духе пушкинского оригинала. Поэтому авторская интенция и эстетическое воздействие оригинала реализовались в нем только частично. Несмотря на этот факт, перевод был встречен положительно и в словацкой читательской публике вызвал сравнительно большой отклик, потому что – как отметила А. Валцера – «Евгений Онегин воспринимался как тематический контрапункт к преобладающему патетическому парнасизму (П. О. Гвездослав) и предпочтения деревенской и семейной среды в словацкой литературе» (П. О. Гвездослав, С. Г. Ваянски)¹ [Valcerová 2006: 206].

¹ В этом и в следующих случаях цитированные пассажи из работ словацких литературоведов на русский язык перевел автор статьи.

Перевод Я. Есенского уже несет следы более свободного подхода к тексту оригинала, хотя в основном переводчик отдает предпочтение принципу сохранить тождество текста перевода с текстом оригинала в максимально возможной мере. Но проблема архаизации – актуализации переводимого текста уже начинает оказывать влияние как на его интерпретацию пушкинского романа, так и на его переводческую стратегию. Перевод Есенского сохраняет трезвость и простоту пушкинской образности, стремится стилистически адекватно передать авторскую иронию, не отклоняется от семантической замкнутости стиха (хотя анжамбеманы в нем встречается чаще, чем в оригинале) и стремления не ослабевать смысловой нагрузки рифм. Перевод Есенского, таким образом, не только учитывает тогдашнее состояние словацкого художественного перевода, но и вносит в его развитие новые импульсы (внедрение «городского» разговорного языка словацкой интеллигенции за счет излишней языковой натурализации посредством диалектизмов, уже упомянутые попытки актуализации переводимого текста, и т.п.). Для сегодняшнего читателя он, правда, звучит уже архаически (это впечатление усиливают и все еще появляющиеся в словацком тексте русизмы, сравнительно частая инверсия и некоторые «парнасские» метафоры), но в целом этот перевод остается до сих пор читательски приемлемым и до определенной степени даже живым наследством предшествующих этапов словацкой рецепции пушкинского творчества, благодаря прежде всего – как отметила А. Валцеровá – философской и образной глубине, с какой Я. Есенски сумел постичь и донести до словацкого читателя авторский замысел оригинала [Valcerová 2006: 208].

Перевод И. Купца, к сожалению, нельзя считать особенно успешным. Дело в том, что в ситуации, когда словацкий художественный перевод уже отдавал предпочтение актуализации переводимого текста, исходя из принципа, что «переводить нужно не только текст, но и его эффект, его эстетическое воздействие» [Feldek 1977: 101], что «перевод классики – это поиск ее современного смысла» [Zambor 2000: 93], т.е. в ситуации, когда в процессе переводческой рецепции привилегированную позицию начинает занимать читатель, И. Купец, с одной стороны, остается как бы в плену канонизированного восприятия текста оригинала, а с другой, когда он стремится к его более свободной переводческой интерпретации, допускаются целого ряда ошибок, которые противоречат характеру пушкинского стиля: предметность и конкретность пушкинского образа неоднократно заменяется пустой в идейном отношении «набивкой», доинтерпретированием пушкинского слова, излишней экспрессивизацией и метафоризацией текста и соблюдением некоторых элементов архаизации языка. Поэтому в конечном итоге текст перевода теряет непосредственность, производит впечатление какой-то искусственности, неуклюжести и тяжеловесности, т.е. впечатление практически противоположное оригиналу и пушкинской авторской интенции.

Перевод Я. Штрассера, пожалуй, наиболее убедительно доносит до читателя иронию Пушкина, его здоровым скептицизмом отмеченный взгляд на общество, эпоху и самого себя. Эту черту пушкинского отношения к миру перевод-

чик даже усиливает, так что в конечном итоге текст перевода – как показывает А. Валцеровá – «становится еще более суровым и иронически неоднократно более прямолинейным, чем текст Пушкина» [Valcerová 2006: 207]. Хотя Штрассер учитывает пушкинскую сжатость, точность и конкретность и для ее транспозиции часто находит блестящие решения, в некоторых случаях все-таки не смог избежать ловушки метафоризации и экспрессивизации перевода, которая местами нарушает эстетическую гармонию его текста. Штрассер с большей свободой, чем его предшественники, работает и с семантическими и синтаксическими границами пушкинского высказывания: характерной чертой его перевода является высокая фреквенция анжамбеманов, благодаря чему текст приобретает более разговорный, непринужденный характер. В «Евгении Онегине» Я. Штрассера сочетается точная, эмпатическая интерпретация оригинала с обдуманной стилистической и образной концепцией перевода. Смелая актуализация, однако, в некоторых случаях привела переводчика к еще более смелым субституциям, вследствие чего текст перевода «слишком выходит навстречу» современному читателю [Valcerová 2006: 208]. Несмотря на этот факт, нельзя не признать, что в переводе Я. Штрассера пушкинская авторская интенция дождалась наиболее полного выражения и что переводчик своей изобретательностью, спонтанностью, поэтическим мастерством и способностью посредством актуализации, аллюзивного «сочетания» онегинского прошлого с современной словацкой культурной, общественной и языковой реальностью сумел вдохнуть «Евгению Онегину» новую жизнь и приблизить этот классический шедевр восприятию сегодняшнего читателя.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОЧАРОВ, С. Г. (1974): *Поэтика Пушкина*. М.: Наука.
 ЛОТМАН, Ю. М. (1995): *Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки*. Искусство: СПб.
 ШКЛОВСКИЙ, В. (1923): *Евгений Онегин (Пушкин и Стерн)*. In: *Очерки по поэтике Пушкина*. Берлин: Эпоха, с. 194–220.
 FELDEK, L. (1977): *Z reči do reči*. Bratislava: Slovenský spisovateľ.
 PUŠKIN, A. S. (1900): *Eugen Onegin*. Knihkupecko-nakladateľský spolok, Turčiansky Sv. Martin.
 PUŠKIN, A. S. (1958): *Eugen Onegin*. Bratislava: Mladé letá.
 PUŠKIN, A. S. (1982): *Eugen Onegin, Boris Godunov a iné*. Bratislava: Tatran.
 PUŠKIN, A. S. (2002): *Eugen Onegin*. Bratislava: Petrus.
 VALCEROVÁ, A. (2006): *Hľadanie súvislostí v básnickom preklade*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
 ZAMBOR, J. (2000): *Preklad ako umenie*. Bratislava: Univerzita Komenského Bratislava.

Статья является результатом исследований, проводимых в рамках научного гранта VEGA V–11–090–00.

**ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ АЛЕФИРЕНКО

Россия, Белгород

НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

ABSTRACT:

The Phraseological Neology in the Context of Cognitive Discourse Theory

It deals with the methodological basis of cognitive-discourse theory at the modern phraseological neology. Newphrasema is interpreted as the “alive” illocutive sign of language consciousness and it is the expressive-associative way of condensation of multicanal notional energy in the new or reconsidered verbalized concept which is appeared in the process of reshaping and renewal of the language picture of the world.

KEY WORDS:

Methodological basis – cognitive-discourse theory – phraseological neology – illocutive sign – multicanal notional energy – language picture of the world.

Введение. С последней трети XX века европейские языки подвергаются настолько влиятельному «неогенному» фактору, что в науке о языке пришлось выделить новую отрасль – неологию, а в её рамках (в связи с неофразеологическим бумом начала XXI века) – фразеологическую неологию. Лингвоконцептуальный анализ неофразем предполагает прежде всего выявление когнитивно-ономасиологических схем, порождающих устойчивые сочетания слов на основе соответствующей ассоциативно-смысловой мотивации [Касьянова 2006: 97]. Основу таких схем составляют концепты, лежащие в основе фразеологической номинации, поскольку именно на уровне концептов осуществляются все процессы, связанные с формированием значения целого (Кубрякова). Обобщив все выявленные процессы фразеологизации в современных славянских языках, В. М. Мокиенко членит фразеологические неологизмы на две группы: а) семантико-функциональные и б) стилистико-функциональные [Мокиенко 2008: 36–37]. Первое направление на материале украинского языка представлено в работе М. Кочергана и Г. Минчак [Кочерган, Минчак 2008: 54–58], второе (на материале белорусской идиоматики) – в исследовании Е. Е. Иванова [Иванов 2008: 45–53]. Однако

несмотря на разные векторы исследования, их объединяет убеждение в том, что неофразеологизация обуславливается особенностями концептуальной картины мира разных народов и своеобразием их менталитета [Кочерган, Мінчак 2008: 55]. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема неофразеологизация в аспекте когнитивно-дискурсивной неологии, освещение которой является основной целью данной статьи.

Изложение основного материала. Задачей когнитивно-дискурсивного анализа неофраземики является определение исходного концепта и реконструкция когнитивно-ономасиологического механизма косвенно-производного именованного познаваемого или переосмысливаемого объекта. При этом важным является адекватное понимание когнитивных стимулов неофразеологизации. Мы исходим из того, что потенциально актуальная с точки зрения коммуникативной прагматики информация как объект чувственного переживания, обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам. Языковое сознание ищет при помощи ассоциативного мышления *новые символы* (С. Георгиева) косвенно-производного характера.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально приобретает фреймовую структуру, которая может выступать когнитивным субстратом фразеологического значения самостоятельно, преобразоваться в некий суперконцепт, представление или образ. Фрейм наиболее типична для фразеологической семантики когнитивная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (Т. А. ван Дейк). Структура значения неопраземы в таком случае приобретает полевую организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с фреймом. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его интенционал, а соотносимая с фреймом периферия – импликационал.

Так, ядром значения неопраземы *железный занавес* – ‘маска непреступности’ служит концепт «непроницаемость», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека». С первичным денотатом генетическими узами связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно своим поведением или непроницаемым выражением лица что-л. скрывать». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным об-

разом «железной маски» и т.п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «закрытый для других человек, хорошо скрывающий свои мысли, переживания и чувства»; б) «надежная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определенных смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликационную структуру фреймового типа.

Смыслообразующим источником фразеологической семантики выступает концепт, а когнитивной основой интерпретанты фразеологического знака – фрейм. Кроме того, концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы *неологизации* и *понимания* неофраземы. В силу такого их когнитивного статуса они «вынуждены» дублировать свою структуру для достижения необходимого в коммуникации взаимопонимания.

Вновь сформировавшиеся коммуникативно и прагматически значимые фрейм-структуры вербализуются фразеологическими неологизмами, как правило разговорно-просторечного характера (нередко сленгового происхождения). Полученная таким образом неофразема является вербальным аналогом фрейма, в основе которого обычно лежит пропозиция или набор пропозиций. Структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в два уровня. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как облигаторные компоненты характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «обманывать». В его структуре выделим 3 слота: а) **источник** – указание на причину обмана, б) **событие** – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) **следствие** – указание на то, как отразился обман на окружающих и на того, кого обманывают. Это обязательные компоненты фрейма «обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они получают, как правило, разное выражение: *гнуть мулю* – (1) обманывать., *забить мулю* – ‘обмануть’, *забить телегу* – ‘рассказать небылицу’, *загонять мулю* – ‘обманывать’; *запудрить мозги* – обмануть, *кинуть на бабки* – обманом завладеть деньгами, *гнуть пургу* – (2) обманывать; *ездить по ушам* – обманывать и др.

Возникновения неофраземы в речи связано со структурированием и целостным оформлением «новорожденного смысла», выражающего, по Г. Г. Шпету, укорененность индивидуального сознания в личностном бытии человека. Такая связь необходима потому, что языковой знак, в том числе и неофразема, подключает личностное сознание, в пределах которого появился данный смысл, к сознанию общественному, к культуре. Следует подчеркнуть, что такого рода подключение осуществляется нашим разумом только при помощи «живого» знака, каким и является неофразема. Только неофразема, будучи истинно живым знаком, способна через речемыслительную деятельность

реализовать «живые концепты», – видение познаваемого объекта изнутри, то, что ранее называли «разумением духа народа». Отсюда органическая связь объективируемой мысли с культурой – культом рождения, преображение, возрождение и разумения духа, заключенного в живой неофраземе, порой необычном сцеплении слов. При этом нарушение привычной смысловой дистрибуции оказывается когнитивно оправданной игрой слов, призванной ассоциировать *логическую* и *чувственную* энергии познающего субъекта. Каждое такое слово как потенциальный фразеомообразовательный элемент на этом этапе объективации концепта выступает архетипом культуры, поскольку его обозначаемое представляет первичное ценностно-смысловое восприятие познаваемого предмета. Если слово как первичный номинант – архетип культуры, то интерпретируемое живое слово, вовлеченное в орбиту фразеопорождения, – это одновременно и *генотип* – совокупность всех наследственных признаков исходного концепта, и *фенотип*. Иными словами, семантика фразеомообразовательной лексемы представляет собой совокупность всех признаков и свойств, сформировавшихся в процессе вербализации того конкретного «живого знания» (термин В. П. Зинченко), которое нуждается в своей объективации некой неофраземой. Объективированный неофраземой живой концепт содержит в себе когнитивный, исполнительный и оценочный компоненты, то есть те креативные конструкты, из которых затем формируется целостное, хотя и многоярусное, смысловое содержание культурного концепта, лежащего в основе семантики неофраземы.

В итоге **неофразема** как «живой» илолокутивный знак языкового сознания выступает экспрессивно-ассоциативным **способом конденсации многоканальной смысловой энергии вербализуемого нового или переосмысленного концепта, возникающего в процессе перекраивания и обновления языковой картины мира**. Если перефразировать мысль П. А. Флоренского, высказанную о слове, то неофразема, сфокусировав в себе энергию живого концепта, становится той молнией, «которая раздирает небо от востока до запада, являя воплощенный смысл»: в неофраземе, можно повторить философа, «уравновешиваются и приходят к единству накопившиеся энергии» [Флоренский 1990: 292]. Такого рода гармония предметно-чувственного и логического в смысловом содержании неофраземы достигается благодаря ее способности не только «ваять» образ, но и формировать концепт, проникая в сущность отражаемых и познаваемых предметов. Своей внешней формой, акустическим образом, неофразема вызывает в сознании человека наглядно-чувственный образ референта. Следовательно, неофразема, хотя и является элементом второй сигнальной системы, не порывает с «первосигнальными», чувственными формами мышления. Конденсация внутреннего смыслового содержания (означаемого знака) формирует представление. А в своем асимметричном дуализме они (акустический образ и внутреннее смысловое содержание) представляют нашему сознанию концепт как когнитивную категорию, органически совмещающую в себе предметно-чувственное и обыденно-

понятийное. Именно в силу способности неофраземы в зависимости от условий и задач общения обозначать как чувственный образ, так и когнитивную структуру позволяет ей быть универсальным средством в дискурсивной деятельности человека, поскольку выражение конкретного и отвлеченного в речи не остаются автономными. Они – два синергетических крыла в дискурсивном полете мысли.

Неофразема, таким образом, в отличие от единиц других (не естественно-языковых) знаковых систем не просто замещает или обозначает: неофразема – плоть дискурсивная, деятельная, разрешающаяся в событие (О. Мандельштам). Ее рождение связано с чувственным переживанием анализируемых и обобщаемых свойств, качеств и признаков обозначаемого фрагмента познаваемой действительности, а затем и с их упаковкой в ту или иную когнитивную форму (концепт, гештальт или фрейм). В ходе такой аналитико-синтезирующей деятельности языкового сознания выделяются наиболее значимые для данной дискурсивной ситуации признаки, что может привести к полисемии неофраземы: *раскидывать / раскинуть рамсы* – 1) ‘объяснять что-л., выяснять отношения’; 2) ‘думать рассуждать’; 3) ‘хвастаться’; *парить мозги* – 1) ‘заниматься умственной работой’; 2) ‘давать слишком большой объем информации, утомлять’. Если следовать концепции Л. С. Выготского [Выготский 1982: 50], то языковое сознание, обладающее множественностью дискурсивных признаков, можно назвать структурной надсистемой образа мира. Благодаря ее механизмам аккомодации и ассимиляции в языковом сознании завершается переработка чувственного восприятия действительности в когнитивно-прагматическую доминанту сознания. Согласно нейропсихическому учению А. А. Ухтомского [Ухтомский 2002], в нашем организме при отражении того или иного фрагмента действительности активизируется господствующий очаг возбуждения, который подчиняет себе всю систему текущих реакций организма. Принцип доминанты, по А. А. Ухтомскому, служит физиологической основой не только внимания, но и предметного мышления. Поэтому всякая когнитивная структура (культурный концепт, представление или понятие) есть след от некогда пережитой доминанты, сущность которой заключается в выделении *важного, существенного* для данного момента с торможением всего, что для данного момента является второстепенным или и вовсе индифферентным. Такого рода доминанты, находясь между этнокультурным сознанием и миром, проецируют специфику внутренней формы неофразем даже близкородственных языков, которая, в свою очередь, обуславливает своеобразие их компонентного состава. Вокруг пресуппозиционного признака, объективируемого чаще всего метафорой, в результате приращения (контаминации или комбинаторики) смыслов и формируется новый образ. Именно он служит когнитивной основой неофраземы. Ср.: *обмолот пробежал* – (говорят при неудаче, используя контаминацию слов *облом* и *бегемот*) ‘задуманное не осуществилось’, *парикмахер Котовского* – шутл. ‘о чем-либо несуществующем’ (пресуппозиционный признак: Котовский – герой гражданской войны был лысым).

Начальным когнитивным субстратом неофраземы выступает универсальный (предметно-изобразительный) предметный код (УПК). Он служит предметным остовом смысловой структуры неофраземы, на базе которого возникает ее внутренняя форма (об этом подробнее: [Алефиренко 2008: 35]). УПК – схема-посредник между неофраземой и предметом косвенно-производного знакообозначения; предметный остов – амодальный (беспристрастный) образ уже осуществившегося или будущего предметного действия, стержневой элемент мысли. В процессе дискурсивной деятельности УПК и предметный остов превращаются в «живую» внутреннюю форму неофраземы, из которых «произрастает» сигнификативное (понятийное) ядро и коннотации значения новой фраземы. Следовательно, в движении (развертывании, развитии) смысла формируются базовые компоненты семантической структуры неофраземы: УПК – схема, локализуемая во внутренней речи, предметный остов включает в себя амодальный образ действия, моторную программу, виртуальную реальность. Через неофразему предметному остову сообщается определенный дискурсивный смысл. Внутренняя форма, опираясь на УПК и предметный остов, наполняет семантику неофраземы дискурсивной энергией и субъективной страстью познания, придавая тем самым «живое» движение вербализуемому смыслу. Да, УПК и предметный остов в какой-то степени выполняют роль земного (предметного) притяжения, якоря, который крепит неофразему к ее денотату и без которого мысль превращается в неуловимую жар-птицу. Вместе с тем, они служат также трамплином для дальнейшего полета мысли (развертывания смысла). Познав в процессе фраземопорождения суть номинируемого предмета, сознанию необходимо соотнести фразеологическое значение с соответствующим предметным значением, поскольку именно предикаты формируют и разграничивают сигнификативные значения (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов). Используя метафору трамплина, Г. Г. Шпет пишет: «Оттолкнувшись от трамплина, мысль должна не только преодолевать вещественное сопротивление, но им же и пользоваться как поддерживающей средой» [Шпет 1994: 397]. Это трамплин наших сопереживаний, которые, собственно, и порождают в неофраземе различные коннотативные смыслы.

Поскольку порождение неофразем вызвано потребностью в знаках косвенно-производной номинации их образование, наряду с внешними факторами (они бросаются в глаза и поэтому оказались более обследованными), подчинено **имманентным законам** развития, обновления, внутрисистемного преобразования и совершенствования языка, среди которых выделяют-ся главные.

1. Порождающая функция синергетических возможностей языковой системы: (а) актуализации процессов самообразования диссипативных структур, нелинейности и неустойчивости эволюции сложных динамических систем, (б) использования механизма бифуркаций (подробнее см.: [Алефиренко 2007, 2008]). Бифуркация (основное свойство синергетики) приводит в действие потенциальную динамику спонтанной самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных систем путем взаимодействия вну-

тренних факторов эволюции языковых образований, создающих в ходе макробифуркаций новые структуры: *летающая тарелка* — ‘НЛО’; *тряхнуть пыль с ушей* — ‘поставить на место зазнавшегося человека’. В отличие от традиционных парадигм, синергетика неологизации предполагает исследование неологизации не как *состоявшегося*, а как *становящегося* факта, т.е. концентрирует внимание не на бытии неофраземы, а на её динамике.

2. «Закон языковой экономии», когда в когнитивно-дискурсивной деятельности говорящие порождают такие экспрессивно-образные единицы, которые способны наиболее эффективно замещать целые тексты, лаконично передавать событийную семантику. Ср.: *черта бедности* — ‘уровень благосостояния народа, обеспечивающий потребление материальных благ в минимальном объеме’; *включить печатный станок* — ‘начать дополнительно печатать бумажные деньги, не обеспеченные товарным производством’.

3. Действие в языке закона единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, тенденция к *обобщению* и *синкретизму* (нерасчлененности) — рудименты мифологического сознания. Это позволяет неофраземе представлять денотативную ситуацию как гештальт со всеми его атрибутами и функциями, включая также и его номинацию. С другой стороны, стремление к семиозису знаков косвенно-производной номинации для выражения *субъективных*, дискурсивно обусловленных смыслов: *дурнее пьяного ежика* ‘очень глупый человек’, *греметь арматурой* ‘быть очень худым’ (*кожа да кости*).

4. Потребность в новых *эмоционально-экспрессивных* обозначениях уже известных явлений объективной действительности (см. [Сенько 2007: 24]): *стоять на стреме* — ‘караулить, сторожить, быть бдительным’, *ловить кайф* — ‘получать удовольствие’.

Выводы. Неофраземы — единицы косвенно-производной номинации сложной когнитивно-семиологической природы. В силу своей производности они имплицитно сохраняют связи и отношения, существующие между концептуальными топиками языкового сознания и образа мира. За каждой частью неофраземы стоит определенный концепт, следовательно, ее фразеоморфологическая структура позволяет установить связи между концептуальными узлами фрейма, и определить их информативную значимость. Этим, на наш взгляд, определяется эвристический потенциал фразеоморфологических компонентов в лингвистической реконструкции когнитивно-синергетических механизмов процесса семиозиса неофразем. В перспективе его исследование направлено на приближение пока непостижимой тайны отражения в нашем сознании динамики обновляемого образа мира, в котором мы живем, через выявление корреляций между «живыми» концептуальными структурами и семантической организацией новой фраземики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2008): *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. М.: Эллис.
 АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2008): *Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография*. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та.
 АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2008): *Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеоло-*

- гизации. In: Фразеология и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистические и методические аспекты): Междунар. научно-практ. конф., посвящённая юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). М.: «Элпис», с. 23–28.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2007): *Когнитивно-синергетические механизмы фразеологической неологизации на рубеже веков*. In: Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ (Н. Новгород, 3–5 октября 2007 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, с. 28–34.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С. (1982): *Мышление и речь*. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Педагогика.
- ИВАНОВ, Я. (2008): *Фразеологічныя неалагізмы ў сучаснай беларускай літаратурнай мове*. In: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Universität Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, s. 45–53.
- КАСЬЯНОВА, Л. Ю. (2006): *Лингвокогнитивные механизмы неологизации*. In: Слово – сознание – культура: Сб. науч. трудов / Сост. Л.Г. Золотых. – М.: Флинта: Наука, с. 97–105.
- КОЧЕРГАН, М., МІНЧАК, Г. (2008): *Динамічні процеси у фразеології української мови 90-х років ХХ ст.* In: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Universität Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, Opole, s. 54–58.
- МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Фразеологическая неология как лингвистическое явление*. In: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia. Red. Naukowa W. Mokienko i H. Walter. Universität Greifswald – Institut für Slawistik. Uniwersytet Opolski Instytut Filologii Polskiej. Opole, s. 23–8.
- СЕНЬКО, Е. В. (2007): *Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект*. СПб.: Наука.
- УХТОМСКИЙ, А. А. (2002): *Доминанта*. СПб.: Питер.
- ФЛОРЕНСКИЙ, П. А. (1990): *Столп и утверждение истины*. М., Т. 2.
- ШПЕТ, Г. Г. (1994): *Философские этюды*. М.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта № 2460, поддержанного ведомственной целевой программой РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2010 гг.).

ДАРЬЯ ВИТАЛЬЕВНА АНДРИАНОВА

Россия, Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ ПАРНЫХ СОЧЕТАНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

The Semantic Characteristics of Idiomatic Binominals Viewed by the Russian National Corpus

The article analyses the difference of semantic and stylistic characteristics of the Russian idiomatic binominals, presented in phraseological dictionaries and Russian National Corpus.

KEY WORDS:

Binomial – idiom – Russian National Corpus.

К устойчивым парным сочетаниям (УПС) относятся фразеологические единицы, ядро которых составляют два однословных полнозначных компонента, выраженных одной и той же самостоятельной частью речи,¹ связанных союзной, бессоюзной или предложной связью.

В качестве материала для исследования семантико-синтаксической природы УПС обычно привлекаются тексты древнерусской литературы, в которых прием повтора реализован очень широко и многообразно, фольклорные, поэтические тексты, а также разговорная речь, сама среда, в которой они функционируют, особенно активно порождает новые парные сочетания. В настоящем исследовании 335 УПС, отобранные методом сплошной выборки из двух наиболее авторитетных фразеологических словарей русского языка под редакцией А. И. Молоткова и А. И. Фёдорова, рассматриваются в контекстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который позволяет рассмотреть характерные особенности семантики, стилистики УПС в употреблении автори-

---

¹ Из числа рассматриваемых в данной статье УПС исключены единицы, компонентами которых являются числительные и местоимения, поскольку по своей структуре они в большинстве случаев совпадают со свободными сочетаниями слов, что значительно затрудняет процесс анализа содержащих их контекстов НКРЯ.

тетных носителей современного русского языка, актуализировать словарные фразеологические значения, оценить частотность этих единиц.

Анализ соответствия словарных значений УПС контекстуальным из примеров НКРЯ показывает, что в ряде случаев контексты дают более широкую трактовку фразеологизма, чем фиксирует словарь. Так, выражение *худобедно* в словаре приводится только в значении «самое малое, самое меньшее, по меньшей мере» [Федоров 1991: 242], но примеры из НКРЯ (всего 239) показывают, что этот фразеологизм часто употребляется также в значении «так или иначе, как бы то ни было»: «Но жизнь свою господ товарищи, как ни крути, худо-бедно прожили». (Леонид Зорин. Глас народа (2007–2008) // «Знамя», 2008).

УПС *без страха и упрека* зафиксировано в словаре только в форме *рыцарь без страха и упрека* в значении «человек высоких моральных достоинств» [Молотков 2001: 400], в то время как в НКРЯ приводится значительное количество (26) употреблений без компонента «рыцарь», в том числе в качестве характеристики действия, а не лица: «И принимал его без страха и упрека» (Юлия Кантор. В субботу Анатолию Собчаку исполнилось бы 65 лет (2002) // «Известия», 2002.08.09). Вследствие замены компонента «рыцарь» усеченное УПС может приобретать значение прямо противоположное словарному, например: «Вся кровь бросалась Привалову в голову при одной мысли, что до сих пор он был только жалкой игрушкой в руках этих дельцов без страха и упрека» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)).

Подобный случай активного использования УПС в значении, противоположном словарному, происходит в УПС *царь и бог*, которое трактуется в словаре как «деспотичный человек, пользующийся неограниченной властью» [Федоров 1991: 243], в то время как примеры из НКРЯ убедительно доказывают возможность его функционирования в значении, совпадающем с переносным значением второго компонента «бог»: «В благополучной Европе пешеход — царь и бог». (Максим Приходько, Андрей Бойко. Пешеходов надо любить... (2004) // «За рулем», 2004.03.15).

В отдельных случаях значение фразеологизма, указанное в словарях, оказывается более широким, чем контекстуальное. Например, УПС *ни тпру ни ну* в словаре определяется как «ничего не делает, не предпринимает, никак не проявляет себя» [Молотков 2001: 475], в то время как примеры использования этого выражения в НКРЯ свидетельствуют о том, что внутренняя форма данного фразеологизма в большинстве случаев (11 из 18) обуславливает конкретизацию его контекстуального значения «не трогается с места, не может сдвинуться с мертвой точки»: «А за таким, что мы три часа стоим на одном месте и ни тпру ни ну...» (В. А. Каверин. Девять десятых судьбы (1926)). Еще одна трансформация словарного значения данного УПС происходит по аналогии с выражениями подобной структуры: *ни бе ни ме*, *ни бум-бум* и т.д.: «А я ж по-английски ни тпру ни ну, иногда разговорник листал» (Дина Рубина. Монологи (2000)).

Анализ контекстов НКРЯ в отдельных случаях раскрывает исходное значение УПС и помогает увидеть его в новом свете. Так, например, УПС *видимо невидимо* имеет в корпусе 288 вхождений в форме *видимо-невидимо* и 6 вхождений в форме *и видимо и невидимо*. Интересно, что в случае дефисного употребления выражение всегда выступает в предложении в роли обстоятельства и имеет значение «очень много, бесчисленное множество кого-л. или чего-л.» [Федоров 1991: 64]: «А народу вокруг! Видимо невидимо! Целая округа собралась полюбоваться на мое погребение». (Андрей Белянин. *Свирепый ландграф*, 1999). В этом же значении употребляется выражение с двумя союзами *и видимо и невидимо*: «Едем так-то с товарищем, а с угла студенты вывернулись. И видимо и невидимо! Увидели нас, как рявкнут: «Га-а-а-а-а!»» (М. А. Шолохов. *Тихий Дон*. Книга первая, 1928–1940). Однако в конструкции с одним соединительным союзом данное сочетание теряет единоеуказанное значение и распадается по смыслу на два полнозначных антонима: «Повторяйте за мной: «Верую в единственного Бога, Всемогущего Отца, Творца неба и земли, и всего, что видимо и невидимо, и в Иисуса Христа, едиnorodного Сына Божия, истинным Богом рожденного, Отцу единосущного и Им создано все». (Владимир Войнович. *Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000*). Всего примеров употребления данного сочетания с одним союзом в корпусе выявлено 5, причем все – в контекстах религиозного содержания, в то время как примеры употребления УПС с дефисом или с союзом *и-и* – взяты из текстов художественной литературы. Такая закономерность позволяет предположить разные источники происхождения или пути развития значений выражений *видимо и невидимо* и *видимо-невидимо* (и *видимо и невидимо*).

Примеры НКРЯ показывают, что понятия, выражаемые компонентами УПС, часто по той или иной причине настолько тесно связаны в сознании носителя, что синтаксическое их оформление в ПС не требуется для выражения фразеологического значения, как, например, в случае «парных понятий» *честь и слава, стыд и срам* и т.д. УПС *совет да любовь* в НКРЯ представлено в 40 контекстах в функции и значении «пожелания счастливой, согласной жизни (вступающим в брак, молодоженам или супругам)», другое значение данного выражения, не фиксируемое словарями, но понятное из повествовательных контекстов, – «полное взаимопонимание, гармоничные отношения»: «Был бы совет да любовь, а годы что?» (П. И. Мельников-Печерский. *В лесах*. Книга вторая (1871-1874). Интересно, что примеры 19 – начала 20 века дают достаточно примеров использования ПС с союзом *и* в качестве описательного фразеологизма: «Почти тридцать лет постоянного счастья, тридцать лет сряду, как в первый день свадьбы, все те же совет и любовь, два сына и три дочери, из которых меньшая, как две капли воды, походит на мать свою» (М. Н. Загоскин. *Искуситель* (1838) или в качестве однородных членов: «Но вспомни, твое благородие: когда ты был с нами в добром совете и любви, мы, однажды, ради людской ненависти, писали к тебе, что нельзя нам предстательствовать во святой великой церкви; а какой был твой ответ и написание?» (Н. И. Костомаров. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. Выпуск

четвертый: XVII столетие (1862–1875). В отдельных случаях употребления дублета наблюдается более свободная сочетаемость, например, вовсе не обязательно они употребляются в отношении молодоженов или супругов, например: «МК пишет, что еще несколько месяцев назад между самым богатым человеком России и коммунистической партией царили совет да любовь» (Валерий Лебедев. В России нет богатых ангелов (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.09). Подобные трансформации фразеологического значения стали возможны благодаря распространенности и устойчивой воспроизводимой связи этих понятий в языковом сознании носителя. Таким образом, прослеживается следующая цепочка развития лексико-синтаксического единства компонентов дублета: сначала они употреблялись в качестве однородных членов, затем закрепились в определенном контексте, превратившись в этикетную формулу, тем временем значение компонента *совет* как «согласие, дружба, лад» [Ушаков 2011: 250] устарело, но благодаря употребительности этикетной формулы понятия стали восприниматься как дублетные, что позволило им разнообразить ситуации и контексты употребления.

Анализ контекстов НКРЯ показывает, что именно устойчивая связь парных понятий в сознании носителя языка является залогом сохранения и развития фразеологического значения УПС. Доминирование содержания над формой характерно даже для тех УПС, толчком для образования которых послужило именно формальное ритмо-рифмическое совпадение, как, например, в УПС *ни сват ни брат*. Далее эти понятия оформились в УПС, закрепившиеся в русском языке, которое в свою очередь позволило эксплуатировать их совместно в переносном смысле уже в произвольной форме с сохранением фразеологизированного значения: «В ней, в этой войне, сватов, братьев нету» (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ДАЛЬ, В. И. (2000): *Толковый словарь живого великорусского языка* в 4х томах. Репринтное воспроизведение издания 1903-1909гг. М.: «Терра».
- МОЛОТКОВ, А. И. (eds.) (2001): *Фразеологический словарь русского языка*. М.
- УШАКОВ, Д. Н. (2001): *Толковый словарь русского языка* в 3х томах. М.: «Вече. Мир книги».
- ФЕДОРОВ, А. И. (eds.) (1991): *Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18–20в.*. Новосибирск: Наука.

ТАТЬЯНА БОЧИНА

Россия, Казань

СИНОНИМИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ В АНТИФРАЗЫ

ABSTRACT:

Synonymy in the Semantic Space of Online Antiphrases Games

The paper deals with inversion-puzzles, based on precedent units built by means of replacing the words to contrasting ones. As a result of comparison of antiphrases and their prototypes the essential features of synonymous relations in the semantic space of online antiphrases game are revealed. Lexical, lexicogrammatical, syntactic, stylistic variation of antiphrases is analyzed.

KEY WORDS:

The Internet – case unit – contrast – puzzle – antiphrases – antonyms – synonyms.

Неоднократно отмечалось, что интернет вносит неоспоримый вклад в развитие фразеологии. Пользователи охотно обращаются к фонду народной мудрости – паремиям, крылатым словам и фразеологизмам, другим прецедентным высказываниям и текстам, создавая на их основе современные трансформы. Так, в Рунете популярна игра в антифразы – загадки-перевёртыши, суть которой заключается в том, что один из играющих на основе известного изречения путем замены слов на контрастные создает антифразу, а другие – отгадывают исходное выражение: *Огурец примирения (Яблоко раздора); Лучшие сладкой клубники (Хуже горькой редьки); Один за семерых торопится (Семеро одного не ждут); Нет здоровья, нужна смекалка (Сила есть – ума не надо); Монитор бледнеет (Бумага не краснеет); Хочу образование получить, а женщина даже видеть не желаю (Не хочу учиться – а хочу жениться)* и т.д.

В антифразах используется тот же лингвокогнитивный принцип контраста, который является универсальным для паремий. Наблюдается преемственность и в типах лексических средств выражения данного принципа, и в использовании ряда традиционных для русской лингвокультуры оппозиций. Игроки в антифразы, создавая свои загадки, пользуются тем же языковым инвентарем, который характерен для традиционных паремий. Контраст реализу-

ется следующими типами лексических оппозиций: антонимами *Дома плохо, а не дома еще хуже* (*В гостях хорошо, а дома лучше*); оппозициями положительного и отрицательного глаголов *Хоть далеко коленка, а попробуешь на вкус* (*Близок локоть, да не укусишь*); асимметричными в каком-либо отношении оппозициями – семантически *Тупой ныряет в глубину* (*Умный в гору не пойдет*), грамматически *Злой окрик и собаку огорчит* (*Доброе слово и кошке приятно*) и стилистически асимметричными парами *Сдох без штанов* (*Родился в рубашке*), комбинированными неоднородными оппозициями *Холоной лисы хватает на роскошную шубу* (*С паршивой овцы хоть шерсти клок*); согипонимами *На свой бублик глаза распахни* (*На чужой каравай рта не разевай!*), другими видами окказиональных антонимов.

Субъективный характер контраста, нежесткие правила интернет-игры, с одной стороны, и ее креативность – с другой, приводят к тому, что нередко пользователи независимо друг от друга трансформируют одни и те же прецедентные единицы. При этом создаются своеобразные синонимические ряды антифраз, нередко многочленные. Так, в нашей коллекции имеются 8 антифраз, прототипом которых послужила пословица *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*, по 6 перевертышей таких народных изречений, как *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*; *Тише едешь – дальше будешь*; *И один в поле воин* и др.

Можно выделить следующие типы синонимии антифраз:

1. Лексическая вариативность, когда для «наоборот-замены» авторы перевертышей используют различные средства выражения контраста. Во-первых, в языке существуют синонимико-антонимические парадигмы, и пользователи при создании антифразы могут выбрать разные антонимы (*малый – большой, великий*): *Большая порода, а дешёвка / Велик серебрянник, нет дешёв / Велик медячэк и дешёв, к тому же* (*Мал золотник, да дорог*). Кроме того «стремление поразвлечься и заодно поупражнять смекалку» [<http://archive.evangelie.ru/index.php/t-11230>] объясняет тяготение авторов к неожиданным контрастам, поэтому даже при наличии языковых антонимов некоторые создатели антифраз предпочитают использовать квазиантонимы и окказиональные антонимы, в то время, как другие идут традиционным путем. Например, в трансформациях паремии *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* наряду с антонимами *друг – враг* встречается пара *друг – подруга*, восходящая к архетипической оппозиции «мужское – женское»: *Получай один евро и прогоняй одного врага / Будь в нищете и не спи с подругами*.

Во-вторых, в прецедентных единицах широко используются слова, не имеющие в языковой системе антонимов. В таких случаях они, согласно правилам игры, «заменяются на максимально отдаленные по смыслу слова той же категории (рыба – птица, но можно и рак или змея, главное – наличие ассоциативной связи)» [Там же]. К примеру, яблоко и яблоня из известной русской пословицы могут быть заменены на названия любых плодов и деревьев, как традиционно русских, так и экзотических: *Шишка до ёлки далеко взлетает / Кокосы на пальме высоко висят* (*Яблоко от яблони недалеко падает*).

Как известно, отношения не совместимости, свойственные согипонимам, относятся к числу основных видов семантических связей слов в словаре, в связи с чем понятно, почему гипонимические замены часто становятся источником вариативности антифразовых загадок. Нередко антифразы формируются посредством нескольких таких замен, что создает широкие возможности для вариативности. Сравним синонимы-антифразы *Маленькому паровозу, маленькая езда / Маленькой лодочке – маленькая стоянка / Маленькому корыту маленький полёт (Большому кораблю – большое плавание)*. Здесь антонимы *большой – маленький* и неизменная синтаксическая конструкция прототипа обеспечивают инвариантную составляющую данных загадок, а их вариативность связана с разнообразием видо-видовых ассоциаций: корабль как водный вид транспорта может составить антитезу не только сухопутному паровозу, но и другому виду судна (*лодочка, корыто*), а плавание может противопоставляться не только другому виду движения (*езда, полет*), но и его отсутствию (*стоянка*).

В-третьих, правилами игры разрешается для многозначных или омонимичных слов подбирать антоним к любому значению, а не только к тому, которое реализовано в исходной фразе [Там же]. Данное обстоятельство также приводит к лексической вариативности загадок: *Громко летишь – близко станешь / Быстрее бежишь – ближе не окажешься (Тише едешь – дальше будешь)*, ср. *тихо* ‘с небольшой силой звучности’ (антоним *громко*) и *тихо* ‘медленно, без торопливости’ (антоним *быстро*).

2. Лексико-грамматическая вариативность антифраз связана с разветвленной системой предложно-падежных конструкций в русском языке, в том числе близких по значению: *Трезвому лужа по макушку / Трезвому лужа с головой (Пьяному море по колено)*. К тому же авторы загадок по-разному подходят к трансформации предлогов, меняя на контрастные по значению либо служебные и знаменательные слова по отдельности, либо предложно-падежное сочетание целиком: без + глаза → с + носом / без глаза → зрячий: *У двенадцати воспитанников взрослый с носом / Ни у одной бездельницы взрослый зрячий (У семи нянек дитя без глаза)*; без + труда → с + бездельем / без труда → от безделья: *С бездельем выкинешь и птицу с неба / От безделья выпустить и птицу в небо (Без труда не вынешь и рыбку из пруда)*. При создании антифраз пословицы *Работа не волк, в лес не убежит* один автор в словоформе в *лес* заменил на противоположное направление движения (в лес – из леса), а другой – место (лес – поле): *Отдых овца, в поле уйдет / Отдых – волчица, из леса придет*.

В эту же группу могут быть отнесены синонимы-перевертыши, созданные посредством лексем различных частей речи. Так, в трансформациях паремии *И один в поле воин (Один в поле не воин)* субъект выражается существительными *толпа, сотня*, количественным сочетанием *много человек*, неопределенно-количественным числительным *много*, субстантивированным прилагательным *многие*: *Но толпа в лесу – армия / Толпа на горе – миротворцы / Сотня в лесу побеждает / Много человек в лесу не могут воевать / Много из леса да пацифисты / Многие в болоте воины*.

3. Синтаксическая вариативность. Создатели антифраз не всегда сохраняют синтаксическую структуру исходного выражения, поэтому загадки, перефразирующие одну и ту же прецедентную единицу, могут различаться синтаксически, ср. повелительное и повествовательное предложение: *Эх, жара, жара, **обжигай** его / Ух жара – жара, **ужарела** я...* (Ой, мороз, мороз, не морозь меня!), двусоставное и односоставное предложение: *Многословие брат неудачности / **Длинный бездарный брат** (Краткость – сестра таланта), подлежащее и сказуемое: **Лень** не заяц – с поля вернётся / **Отдохнет** заяц да из равнины прибежит...* (Работа не волк: в лес не убежит). Кроме того синтаксическая вариативность возникает вследствие различного трансформирования союзов: ***И** бдением **и** телом / **То ли** бодрствованием, **то ли** телом (Ни сном, ни духом).*

4. Особый тип синонимии антифраз представляют собой утвердительные и отрицательные варианты. Дело в том, что авторами загадок чрезвычайно часто для трансформаций применяется операция отрицания как наиболее универсальное средство семантического противопоставления. При этом меняются как утверждение на отрицание, так и наоборот: *Охотник охотника и вблизи **не заметит!** (Рыбак рыбака **видит** издалека); Бобрыйск смеху **верит** (Москва слезам **не верит**). Закономерно появление вариантов, для которых один пользователь применил отрицание, а другой автор использовал иные средства контраста: *Ксерокопии **тонут** / Машинопись **не мокнет** (Рукописи не горят); **Не видя** макушки / **Указывай** на верхушку! (Зри в корень!). Как правило, синонимы данного типа связаны с общим отрицанием: *Кошка молчит – штиль **не тревожит** / Кошка мяукает – штиль **привозит** (Собака лает – ветер носит), хотя встречается и частное отрицание: **Не каждый** клоп ругает чужой листик / **Каждый** человек своей работой недоволен (Каждый кулик свое болото хвалит).***

5. Стилистическая вариативность. В сетевом фольклоре отражаются особенности современной русской речи и стремление пользователей быть интересными для своих собеседников, отсюда употребление сниженной или, напротив, книжной лексики в загадках-антифразах, что закономерно приводит к появлению стилистически неравноценных вариантов: *Девчонки, **не будем** умирать в споре / Пожилые люди, а **на черта** умирать врагами! (Ребята, давайте жить дружно!); **Учестного человека** ботинки промокают / **Под филантропом** подошвы гаснут (нейтральное – книжное) (На воре и шапка горит); У собаки сплошной **пост** / Всегда мышке **голодуха** (нейтральное – народно-разговорное) (Не все коту масленица); Мужик на лыжах – оленю тяжело! / Дед на самолёт – пилоту **головняк** (жаргонизм) / Мужика в карету – **мустангу** труд тяжелый (экзотизм) (Баба с возу – кобыле легче) и др.*

Как правило, в синонимических рядах антифраз, особенно в многочисленных, взаимодействуют различные виды вариативности. Например, в группе перевертышей пословицы *Не все то золото, что блестит* комбинируются лексические варианты, один из которых стилистически окрашен (*золото* → *же-*

лезо / металлолом / дерьмо), морфологические различия (*блестит* → полная и краткая формы прилагательного *тусклое* / *тускл* / глагол *ржавеет*) и синтаксическое разнообразие: *Всё железо, что тусклое* / *Всяк, кто тускл*, – *дерьмо* / *Всё это металлолом, потому что ржавеет*.

Итак, в семантическом пространстве интернет-игры в антифразы достаточно распространена синонимия перевертышей, созданных разными пользователями путем трансформации одних и тех же прецедентных единиц. Источниками синонимии является, с одной стороны, многообразие языковых средств воплощения лингвокогнитивного принципа контраста, с другой – креативный характер игры. Очевидна актуальность для современного сознания тех выражений (паремий, фразеологизмов, эпонимов и других прецедентных единиц), на основе которых были созданы многочисленные синонимические ряды антифраз.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

<http://archive.evangelie.ru>

РЕНЕЕ ГРЕНАРОВА

Чехия, Брно

ФРАЗЕМЫ С АНТРОПОНИМАМИ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СМИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ЧЕШСКИХ УЧАЩИХСЯ

ABSTRACT:

Phrasemes with Anthroponyms and Language Play in the Discourse of Media Used in the Process of Teaching the Russian Language in Czech Schools

Education is currently based on a pedagogically substantiated interaction between the teacher and the student. In this process we try to achieve goals such as general education and universal and harmonic development of the student's personality by entering a series of aspects. It plays a very important role in the problems of intercultural communication. This study deals with methods of using the linguistic and didactic potential of phraseological units with anthroponyms in teaching a Russian language at Czech school.

KEY WORDS:

Russian language – Czech school – games – phraseological units – anthroponyms.

В нашем сообщении рассматриваем проблематику применения языковой игры в коммуникативном пространстве СМИ (сокр. СМИ – средство массовой информации) и вопрос межкультурной коммуникации на примере фразем с антропонимами при обучении русскому языку как иностранному в чешской школе. Не обращая внимания на специфические особенности межкультурной коммуникации и интеграции как важного этапа обучения и на необходимость коммуникативной направленности и систематического применения принципов активной коммуникативности с учетом изучения лингвореалий с целью более глубокого понимания русского языка и русской культуры, мы в нашем сообщении только касемся темы языковой игры с фраземами и игры с собственными именами как одной из наиболее частотных разновидностей. Напр.: *Америка поБУШует, собака БАБскервилей лает, МАВРоди сделал свое дело* [Ильясова, Амири 2009: 71] и т.д. Наша цель – выявить и коротко описать проблематику национально-культурных особенностей в рамках сравнительно-сопоставительных аспектов преподавания русского языка как

иностранным при помощи одной из специальных тематических областей русской фразеологии – простых устойчивых сравнений с союзом как и с антропонимами. В каждом естественном языке существуют прецедентные имена (собственные и абстрактные имена – антропонимы, топонимы, названия и др.), указывающие на ключевые концепты национальной культуры, и фразеологизмы, которые являются эталонами европейского времени и пространства, напр.: *продать как Иуда – zradit někoho jako Jidáš*; *нерешительный как Буриданов осел – ‘o nerozhodnosti, váhavosti’ это Чернобыль в финансах*.

Игра старше любой из наук, старше всех видов искусства, игре столько же лет, сколько человечеству. Уже старые римские педагоги считали, что учеба не пойдет впрок тому, кто не играет. Эрне Рубик говорит: «Я верю, что в каждом человеке живет *homo ludens* – человек играющий, которого можно разбудить. Рано или поздно, но все начинают играть, взрослые и дети, ученые и неученые, мужчины и женщины». «К языку СМИ на первый план выходит языкотворческая и оценочная функции» [Ильясова, Амири 2009: 33] и языковая игра, которая ранее осуществлялась в пространстве художественного текста, вдруг стала реализовываться повсеместно, и в особенности – в языке СМИ, «где наблюдается искаженное цитирование, царит общий дух травестирования, «ради красного словца» не жалеется ничего» [Костомаров, Бырвикова 2001: 3].

На начальном и продвинутом этапах обучения русскому языку как иностранному в чешской школе в рамках коммуникативного пространства СМИ могут быть использованы дидактические языковые игры. Игры должны стать систематической составной частью учебного процесса. Они повысят активность учеников, помогут преодолеть препятствия, которые возникают не только на занятиях с подростками, а также с молодежью и со взрослыми. Игра дает возможность закрепить пройденный учебный материал способом, при котором игра привлечет и заинтересует и менее внимательных учеников и студентов. Она облегчит переход к самостоятельному разговору. Введение языковой игры в конце урока поможет превозмочь ослабление внимания учеников и студентов. Она принята после напряженной работы на уроке, она модифицирует языковое пространство СМИ и рекламы.

Знание иностранных языков играет в жизни человека нашего века важную роль. Обучение иностранному языку является неотъемлемой частью образования, помогает уменьшать языковые, коммуникативные, культурные, политические и экономические барьеры и содействует таким образом повышению квалификации и мобильности лиц. Оно позволяет узнавать различия в ментальности участников общения, в их культуре, истории и современности, традициях, обычаях и привычках.

При изучении иностранного языка имеет важное место феномен синергии, когда в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации реализуется столкновение двух разных культур, двух или больше коллективных когнитивных пространств, эмоциональных кодов. Коммуникативная личность коммуниканта-иностранца никогда не будет полностью адекватна личности носителя языка, его языковые сознания ни в коем случае не будут одинаковыми, аккультурация никогда не будет равнозначна степени инкультурации, но целью учебного процесса является достижение высокой степени аппроксимации.

Антропонимы являются в исследуемых фраземах в обоих языках носителями культурологических, исторических и политических информации об опыте, о русской или чешской деятельности, философии, быте, традициях, о жизненных условиях и взглядах, чертах характера носителей языка, об их эмоциях и мировоззрении. Антропонимы в компаративных фраземах логически изображают различные конкретные общие и своеобразные – уникальные русские и чешские – национально-культурные и исторические специфики. Напр.: *prohral se/singul jako francouz pod Moskvou / jako švéd pod Poltavou; kعات jako Palacký/Palackej – трепать языком, болтать, ораторствовать, витийствовать; kуй железо пока Горбачев/ /Ельцин/Путин/Медведев; dopadnout jako sedláci u Chlumce / Češi v Bruselu; свистеть как Троцкий; je toho jako pro Šaracký; rychlý/šikovný jako Vašek z hradu.*

Фразеология представляет собой в каждом естественном языке одну из очень интересных и трудных областей коммуникации, имеет культурную ценность, она является результатом жизненного опыта и мудрости целых поколений наших предков. По степени знания фразеологии и ее усвоения оценивают общий уровень знаний родного и иностранного языков. Фразеология положительно влияет на речевую культуру, фраземы дают возможность точно и эмоционально формулировать мысли, конкретно приобретать языковые способности и компетенции, усваивать принципы межъязыковой и межкультурной коммуникации.

При помощи сравнительных фразем мы называем любые качества или свойства на основе общего или наоборот уникального признака, характерного для человека, животного, предмета, ситуации или состояния. Компоненты сравнительной конструкции можно выразить следующим образом: Cd – R – Tc – C – Ct (Cd – comparandum, R – relator, Tc – tertium comparationis, C – comparator, Ct – comparatum). Левая сторона сравнительной конструкции не ограничена, встречаются здесь имена существительные, имена прилагательные, числительные и глаголы, в нашем случае – конкретные антропонимы, напр.: *хитроумный как Улисс – být lstivý/mazaný jako Odysseus/Kalousek; tváří se jako svatá Dala (a nevěděla komu) – ‘невежественное лицо’; lhát jako baron Prášil/Paroubek/Topolánek – ‘необузданно фантазировать’.*

Во многих случаях в конкретных языках ядром сравнительного оборота является не прямой перевод слова, а его синонимы. Чешский и русский язык пользуется разными средствами для передачи одного и того же значения, причем это зависит от разных факторов (например, от традиции, обычаев, привычек, народного своеобразия, символики антропонимов и т.п.).

Через сравнение человек издавна постигал окружающий мир: сопоставление неизвестного или малознакомого с известным и хорошо знакомым. Сравнение – один из древнейших и надежных способов номинации. Компарация не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Она экспрессивно, наглядно и образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Для компаративных фразем, семантически ориентированных на человека, приобретает особую значимость то, что характеризует человека – его внешний вид, взгляды, харак-

тер и черты характера, его деятельность, поведение, отношения среди людей. Напр.: *хитрый как сто китайцев – 'chytří jako stádo opic'; у него борода как у Черномора – má vousy jako Krakonoš; смотреть как Ленин на буржуазию – kouká jako Babinský/Babinskej*. В рамках семантического анализа можно определить конкретные фразеосемантические поля и группы.

Напр.: Фразеосемантическое поле «физические возможности, состояние, деятельность человека» представляет многочисленную группу компаративных фразем. Нами было подобрано 67 устойчивых сравнений с антропонимами, напр.: *воевал/воевали как Мамай/татарин/татары/турки; běhat jako Zátonek/Kratochvílová/Kocembová/Bolt – быстроногий как олень; běhat /skákat jako Jura/Bába – бегаем как ни в чем не бывало* и др. В 39 устойчивых сравнениях антропонимы выражают народное своеобразие, напр.: *сильный как Илья Муромец; silný jako Bivoj; jezdí jako Chiron /Fittipaldi/Lauda/Schumacher/Trpický; pít jako holendr/holandr; stát (někde) / koukat jako svatej Utřinos / za dědinou jako svatej Jan / jako Jan na mostě*.

Компаративные сравнения с антропонимами выявляют сходства и различия на семантическом уровне и в употреблении антропонимов с точки зрения национально-культурных аспектов. Сходство в употреблении антропонимов показывают фраземы, относящиеся к христианской мифологии, к классической (древнегреческой и древнеримской) мифологии и к зарубежным, преимущественно западноевропейским, художественно-литературным источникам. Различия проявляются, в основном, в выделении ограниченного ряда устойчивых компаративных фразем, когда сравнение включает в состав имя героя народной сказки, песни или былины, или же любое мифическое представление. В части компаративных сравнений запечатлены события многовековой истории русского и чешского народов, особенности культуры и быта, отечественные художественно-литературные источники, иногда фиксируются конкретные актуальные события наших дней. Во многих случаях в русском и чешском языках ядром сравнения является не прямой перевод слова, а его синонимы. Учащиеся могут активно употреблять фраземы только тогда, когда их хорошо знают. Изучая сравнения, можно заниматься и русской фонетикой, и грамматикой, и лексикой, и синтаксисом. Расшифровка фразем дает многое и для понимания русской ментальности, культуры и повседневной жизни.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГОРБАЧЕВИЧ, К. С. (2004): *Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке*. М.
 ИЛЬЯСОВА, С. В., АМИРИ, Л. П. (2009): *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. М.
 КОСТОМАРОВ, В. Г., Бурвикова, Н. Д. (2001): *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. СПб.
 МИХЕЛЬСОН, М. И. (1994): *Русская мысль и речь*. М.
 ОГОЛЬЦЕВ, В. М. (1978): *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Ленинград.
 ТЕЛИЯ, В. Н. (2006): *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. М.
 ČERMÁK, F. a kol. (1983): *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha.
 GREŇAROVÁ, R. (2011): *Jednoduché ustálené komparace s antroponymy a spojkou jako–как v češtině a ruštině*. Brno.
 МОКИЕНКО, В., Wurm, A. (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc.

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ ГРИЩЕНКО

Россия, Москва

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ: ЭТНОНИМ – УСТОЙЧИВОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ – ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ

ABSTRACT:

The Verbalization of the Eastern Ethnocultural Stereotypes on Various Linguistic Levels: Ethnonym – Idiom – Folklore Text

Ethnic stereotypes appear on the various language levels, namely in pejorative ethnonyms, in phrasemes and proverbs, and finally in folklore texts. However, some expressive folklore texts containing ethnonyms cannot be regarded as ethnic jokes, because the ethnic slur does not arise there due to real stereotypes, but only due to paronomasia or rhyme. The article analyses Russian and Ukrainian phrasemes and proverbs which include the stereotypes of *salted Armenians (Greeks, Bulgarians)*, *sausage (smoked) Germans*, *melodious Ukrainians*, *goat-bearded Russians*.

KEY WORDS:

Ethnonyms – ethnic stereotypes – ethnic jokes – ethnic slurs, ethnophaulisms – children's folklore – language-game – phrasemes – proverbs.

Этнокультурные стереотипы (или этностереотипы), отражённые в славянской фольклорной традиции, относительно недавно, лишь в постсоветский период, по вполне объяснимым причинам идеологического характера, стали предметом исследования в российской науке, в частности, в работах представителей Московской этнолингвистической школы (О. В. Белова), их уральских коллег (Е. Л. Березович) и минских исследователей (Н. Б. Мечковская). В процессе работы над словарём экспрессивных этнонимов русского языка возникла проблема включения/невключения в его состав фразеологических единиц и паремий, имеющих в своём составе нейтральный или экспрессивный этноним. Основная сложность при лексикографировании подобных единиц состоит, с одной стороны, в том, что один и тот же стереотип, связанный с опреде-

лѣнным народом, проявляется на разных уровнях (слово – устойчивое именное словосочетание с этнонимическим значением – поговорка – фольклорный текст: дразнилка, считалка, анекдот), с другой – в поговорке или более объѣмном фольклорном тексте возможно появление условно этнического сюжета, мотивированного не существующим стереотипом, а звучанием самого этнонима. В ряде случаев стереотипная и нестереотипная пейоративность соседствуют, особенно тогда, когда «даже в изменившихся реалиях фразеологизмы и поговорки, зафиксировавшие определенный этнический стереотип, в силу своей устойчивости способствуют культивации этого стереотипа в речи» [Потапова 2005: 63].

Случаев представленности одного и того же стереотипа сразу на всех уровнях не очень много. Так, ушедшее в историю представление о солѣности некоторых средиземноморских народов реализовано в экспрессивном этнониме *солѣный* ‘армянин; болгарин; грек’, который в силу своей адъективной природы легко восполняется до словосочетаний: *солѣный болгарин* (об обычае присаливать младенцев см. статью [Толстой 1995]); *грек солѣный, малосольный* (напр.: *балаклавские рыбаки, «солѣные греки», или «пиндосы», как их здесь называли* – А. Куприн, *Гамбринус* 1907). Далее этот стереотип вербализуется в дразнилках – «самостоятельной разновидности, которую нельзя перепутать ни с какой другой категорией пословичного творчества» [Зимин 2008: 456]: *Грек – солѣные пятки* (Л. Жариков, *Повесть о суровом друге* 1937); *Греки-Македони пацуки солони* (М. Номис); *Солѣный кочегос, какой нога, такой нос* (об армянах, станица Наурская Терской области, начало XX в.).

Широко распространѣнное представление о любви немцев к колбасам породило такие этнические клички, как *колбаса, сосиска, колбасник, копчѣный*. Дальнейшее их расширение: *шмерц копчѣный* (от нем. Schmerz); детские дразнилки: *Немец-шмерец, колбаса, на веревочке глаза!* (вариант: *оса*); *Немец-перец-колбаса, кислая капуста!* (продолжение: *...слопал крысу* (вариант: *...съел собаку)* без хвоста и сказал, что вкусно). На последнем примере видно, как уходящее из языка непонятное слово *шмер(е)ц* в условно этнической дразнилке не исчезает вовсе, а заменяется созвучным, но понятным *перец*, сохраняющим неточную рифму со словом *немец*. Продолжение дразнилки целиком основано на рифме со словом *колбаса* и не имеет никакого отношения к этностереотипам. Более того, в данном тексте можно усматривать лишь следы стереотипа, вряд ли осознаваемого ребёнком, о чём свидетельствуют варианты, из которых уже полностью исключѣн *немец*, напр.: *Ленка-пенка-колбаса, на веревочке оса*; или: *Деловая колбаса, на веревочке оса*.

Более распространены случаи, когда этностереотип вербализован не на всех рассматриваемых уровнях. Так, представление об особой любви украинцев к пению и/или о том, что все украинцы хорошо поют, отражено в номинации *заднепровский итальянец* (В. Даль), более развёрнуто оно в сравнительной поговорке *Русак до читанья, хохол до спеванья* (В. Даль). Наконец, осложнённое другими стереотипами и также в сравнении с другими народами, это представление развёрнуто в анекдоте: *Собравшимся в зале (вероятно, на научной конференции, посвящённой этническим стереотипам) представите-*

лям разных народов задают вопросы: «Какой народ самый глупый?» Единодушный ответ: «Чукчи!» – «А какой народ самый ленивый?» – «Русские!» – «А какой народ самый жадный?» – «Евреи!» – «А какой народ соединяет в себе все эти три качества?» Молчание, а затем голос из зала: «Затэ мы стиваемо гарно!» [Шмелева, Шмелев 2002: 62].

Этностереотип может развиваться и на основе народной этимологизации этнонима, в т.ч. экспрессивного, что произошло со словом *кацап*, которое до сих пор не имеет убедительной версии происхождения. Созвучие слов *кацап* и *цап* ‘козёл’ подкреплялось этнографической разницей в растительности на лице между мало- и великорусами, в связи с чем облик последнего вызывал соответствующую ассоциацию, которая, однако, базировалась, скорее всего, лишь на созвучии: фонетически одно слово входило в состав другого, создавая точную рифму, так что оказывались неизбежны поговорки и прибаутки типа: *Бог створив цапа, а чорт кацапа* (вариант: *Чорт родив цапа, а цап – кацапа*). Торжество рифмы наблюдается в принципиально ином варианте этой прибаутки: *Створив Бог лозу, а лоза козу, а коза цапа, а цап кацапа*. Разрушение стереотипа, сведение его к площадной шутке содержится в другой известной прибаутке: *Ишов хохол, насрав на пол, ишов кацап – зубами цап* (продолжение: *...прийшов киргиз і те догриз*; ответная реплика: *...сидел кацап на груше, обосрал хохла по уши*; последнее с ролевой инверсией: *Сидел хохол на груше, обосрал кацапу уши*).

Дразнилки и прибаутки, в которых к этнониму обязательно подбирается рифма, широко распространены в детском фольклоре. В них также обыгрываются образы телесного низа. Существует целая серия дразнилок, строящаяся по модели «этноним *X* – в *поне* (вариант: в *жопе*) *Y*», причём *Y* рифмуется с *X*: *русский – в поне узкий, узбечка – печка, армяшка – деревяшка, армян – деревян, грузин – резин, еврей – клей*. Если с армянами, грузинами, узбеками и т.д. позднесоветский ребёнок встречался в обыденной жизни, и тогда ещё можно предположить, что в подобных дразнилках имелись некие бытовые интенции (в постсоветской России появилась новая рифмующаяся пара: *чечен – член*), то каким абстрактным шовинизмом объяснить дразнилки *Шведы – в жопе торпеды* или *Турки – в жопе окурки*? Вероятно, дразнилки последнего типа (примечательно множественное число, сомнительное при адресной инвективе) суть результат освоения ребёнком незнакомых ему прежде этнонимов, возможно, из спортивных репортажей. Примечательно также, что в том же ряду оказываются и названия жителей: *Москвичка – в поне спичка*. Впрочем, в детском фольклоре при помощи данной модели уничижаются не только представители разных народов и жители разных городов, но иногда и лица с иными отличительными признаками, напр.: *Очкарик – в жопе шарик*. Используются и другие, более свободные, модели, напр.: *Мордвин – морда блин; Мордва – сорок два; Жид, за тобою черт бежит; Жид пархатый – номер пятый; Кацап – за яйца цап; Ехали китайцы, потеряли яйца; Калбит ‘казах’ – говном набит*.

Короткие, с одной парой рифм, дразнилки могут разворачиваться в более протяжённые тексты, столь же бессмысленные: *Я грузин – в жопе резин, жопу надул и не утонул; Жид-жид, по верёвочке бежит. А верёвка лопнула и жида прихлопнула; Сколько время? – Два еврея. Третий – жид, по веревочке бежит; Татарин-барин зубы точит, съест нас хочет.* Подобного рода тексты возможны не только в детском фольклоре, но и, напр., в армейском, времён Великой Отечественной войны: *Товарищ Генерал, разрешите доложить: Кацо ‘грузин’ – налицо! Йелдаш ‘представитель одного из коренных народов Средней Азии’ – на блиндаж! Абрам ‘еврей’ – в кладовой! Иван ‘русский’ – на передовой!* Наконец, самые распространённые из приведённых дразнилок, называясь друг на друга, образуют ещё более протяжённый текст – анекдот: *Летят русский, армянин и грузин на самолете. А им тут говорят: прыгайте с парашютом. Ну, русский говорит: «Я русский, в жопе узкий». И прыгнул. Армянин говорит: «Я армяшка, в жопе деревяшка». И тоже, такой, прыгнул. Тут грузин, такой, и говорит: «А я грузин, в жопе резин». И выпрыгнул. Приходит комиссия на аэродром: армяшка с русским стоят, такие, за жопы держатся. Комиссия спрашивает: «А где грузин?» А они, такие, отвечают: «А ваш грузин уже тридцать девятую посадку делает!»*

Приведённые тексты, в особенности из детского фольклора, не могут служить примерами вербализации этностереотипов, поскольку построены на языковой игре и основаны на случайных созвучиях. Отсюда можно сделать и лингводидактический вывод: следует предостеречь иностранных исследователей и преподавателей русского языка от прямолинейных трактовок подобных текстов как антисемитских, антигрузинских, антиармянских и т.п. (подобные трактовки встречаются, напр., в [Draitser 1998]). Однако то, что отправной точкой для создания фразеологизмов, паремий, анекдотов, как содержащих этностереотипы, так и не содержащих оные, служит этноним, свидетельствует об актуальности для носителей русского языка этнических различий, чьё многообразие сводится прежде всего к особому имени каждого народа – в той мере, в какой наивный этнограф уверен в правильности деления человечества на соответствующие народы. Обыденная этническая картина мира существенно отличается от тех, которые – в зависимости от концепции – предлагает этнографическая наука, и игнорировать первую, особенно в этнолингвистических исследованиях, было бы неправильным.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- DRAITSER, E. A. (1998): *Taking penguins to the movies: ethnic humor in Russia*. Detroit: «Wayne State University Press».
- ЗИМИН, В. И. (2008): *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. М.: «АСТ-Пресс Книга».
- ПОТАПОВА, О. В. (2005): *Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века*: Дисс. [...] канд. филол. наук. Минск.
- ТОЛСТОЙ, Н. И. (1995): *Соленый болгарин*. In: Толстой, Н. И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.: «Индрик», с. 418-426.
- ШМЕЛЕВА, Е. Я., Шмелев, А. Д. (2002): *Русский анекдот: Текст и речевой жанр*. М.: «Языки славянской культуры».

ИРЕНА ДАНЕЦКА

Польша, Ополе

О СПОСОБАХ ПОИСКА ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД *НАСТОЛЬНЫМ ПОЛЬСКО-РУССКИМ ИДИОМАТИКОНОМ*)

ABSTRACT:

The Ways of Searching Equivalents by Using the Internet (Based on the Experience with Working on the Concise Polish-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions)

The article is dedicated to the issue of searching Russian equivalents of Polish multi-verb reproducible language units, as well as the role of the Internet in such a search. The Internet is not only a source of reproductions, but also a tool which allows reliable vetting of a proposed equivalent in the Russian language.

KEY WORDS:

Internet – searching equivalents – multi-verb reproducible language units – source of reproductions – verification.

В работе над *Настольным польско-русским идиоматиконом*, который его создатель и главный редактор Войцех Хлебда определил как фразеологический, переводной, тематический, лингвострановедческий, дидактический, комментированный и одновременно в продолжении [Chlebda 2006: 7], авторский коллектив столкнулся с целым рядом проблем, в том числе с проблемой путей поиска эквивалентных соответствий многословных единиц, составляющих словарь. Значимая часть (около 75%) включённых в наш Идиоматикон многолексемных воспроизводимых единиц до настоящего времени не фиксируется ни толковыми, ни переводными, ни тематическими словарями. В своей статье на примере двух репродуктов, по определению В. Хлебды [Chlebda 2010: 8], будет показан путь, по которому авторам порой приходилось двигаться к цели, т.е. к установлению эквивалентных соответствий. Благодаря Интернету значительно быстрее удалось решить многие переводческие загадки, касающиеся поиска и верификации переводных эквивалентов.

Среди собранного материала, попавшего в разработанный мной раздел *Продукты* оказалась несложная на первый взгляд единица *masło roślinne* [Danecka 2006:

24]. На самом деле этот продукт не имеет ничего общего с традиционным маслом, в чём можно убедиться, прочитав его характеристику на упаковке: *Margaryna do smarowania pieczywa i innych celów kuchennych. Zawartość tłuszczu – 80 %*. (Маргарин для намазывания хлебобулочных изделий и других кулинарных целей. Содержание жира – 80 %). Подобных заменителей масла много на полках магазинов, их выбирают две категории потребителей: те, кто вынужден экономить, и те, кто соблюдает диету, понижающую уровень холестерина. Популярны также смеси масла и маргарина, называемые миксами, как *Delma, Masmix*.

В переводных польско-русских словарях репродукт *masło roślinne* не фиксируется. В поисках эквивалента, по понятным причинам, мной был отброшен прямой перевод составляющих на русский язык, поскольку, как известно, *растительное масло (olej)* – это жидкость, полученная из плодов и семян растений путём отжима; на полках магазинов можно встретить *подсолнечное, кукурузное, рапсовое растительное масло*.

В окончательном установлении эквивалента в русском языке помог и Интернет, и возможность обследования полок в московских магазинах. В 2005 году соответствий польского названия *masła roślinnego* можно было обнаружить несколько: *лёгкое масло, облегчённое масло, мягкое масло, комбинированное масло* и, наконец, *бутербродный маргарин*. Само название *мягкое* или *лёгкое масло* появилось в России именно потому, что маргарины (каковыми, по сути, они и являлись) имели не слишком хорошую репутацию. Считалось, что это масло для бедных, которым заменяли сливочное масло хорошего качества. Поэтому трудно было рассчитывать на успешное продвижение на рынке продукта под названием *бутербродный маргарин*. Руководствуясь частотностью, в первый выпуск Идиоматикона в качестве эквивалента репродукта *masło roślinne* я включила *лёгкое масло*, а также *бутербродный маргарин*, так как последнее название определяет суть продукта.

Наш словарь является, как уже было сказано, словарём в продолжении, слагаемым. С нашей точки зрения это обозначает, что не только каждый выпуск составляет самостоятельное целое, но и то, что каждый из авторов продолжает поиск соответствий тех единиц из разработанных им разделов, перевод которых вызывает сомнения. Итак, год спустя, в 2006 году, на сайте фирмы *Сливочная страна* (<http://www.slst.ru/>) я впервые обнаружила слово *спред*: „**ООО** Сливочная Страна: производство и продажа сливочного масла и *спредов* оптом”. Словосочетания со словом *спред* стали появляться также в рекламах: «Агентство Soldis представляет инновационный продукт питания Venesol – *спред*, который снижает уровень холестерина в крови».

Поиски в Интернете привели к информации, что согласно ГОСТ Р 52100-2003, «Спреды и смеси топлёные. Общие технические условия», действующему с 1 июня 2004 г., все смеси (миксы) растительного жира и сливочного масла и чистый растительный жир не могут содержать в своём названии слово *масло*, его следует заменить словом *спред*, также на общей упаковке. *Спред* (spread) – англицизм, который на русский язык одним словом не переводится, означает мажущиеся, пастообразные продукты (джем, паштет, масло и т.п.).

В русском языке, благодаря названному ГОСТу, слово сузило своё значение и применяется для обозначения масложировых легко намазывающихся (или по-научному – обладающих пластичной консистенцией) продуктов. *Спреды* делятся на три группы:

1. *сливочно-растительные* содержат свыше 50 % молочного жира (наиболее близки к натуральному сливочному маслу);
2. *растительно-сливочные* содержат от 15 до 49 % молочного жира;
3. *растительно-жировые* не содержат молочного жира (чистый маргарин).

Очередной шаг – это поиск на сайте <http://www.gramota.ru>. Там искомое слово *спред* можно обнаружить только в *Русском орфографическом словаре* под ред. В. В. Лопатина, однако с пометой (*фин.*). Один из пользователей задал в закладке Справка вопрос о роде существительного *спред*:

Вопрос № 247492: Какого рода слово *спред*? Допустимо ли наименование спреда «Крестьянское», «Деревенское» или правильно будет «Крестьянский», «Деревенский»? **Ответ справочной службы русского языка:** Существительное *спред* – мужского рода. Корректно (при грамматическом согласовании родового и собственного наименования): *спред* «Крестьянский», «Деревенский». Между тем такое рассогласование (*спред* «Крестьянское») не является ошибкой (ср.: город Бологое).

Итак, в сводном выпуске нашего *Идиоматикона* должна появиться такая запись:
margaryna z masłem [ponad 50 % masła] **сливочно-растительный спред** *официально*.

margaryna z masłem [15–49 % masła] **растительно-сливочный спред** *официально*.
masło roślinne [bez dodatku tłuszczu mlecznego] **растительно-жировой спред** *официально*.

Однако, учитывая лингвотсрановедческий характер нашего словаря, в комментариях необходимо предупредить читателя, что россияне не пользуются словом *спред* в повседневном обиходе, редко – в торговле. Читая потребительские форумы, можем найти сетования по поводу того, что производители по-прежнему предпочитают скрывать принадлежность своей продукции к спредам. На лицевой этикетке спреда «Кремлёвское» написана рекламная фраза «нежный вкус сливок», хотя сливочное масло – далеко не основной ингредиент данного продукта.

На официальном сайте Российского института потребительских испытаний можно найти информацию, что надежда на то, что с введением ГОСТа потребитель может легко сориентироваться, какую продукцию он покупает – сливочное масло или спред – пока не оправдалась. На основе проведённых тестов Институт пришёл к выводу, что все тестированные спреды так или иначе вводят потребителей в заблуждение, поскольку производители продолжают скрывать перед ними, что приобретаемый продукт настоящим маслом не является. На упаковке спреда «Додельница» крупным шрифтом написано *масло сливочное*, однако придирчивый потребитель заметит, что на самом деле надпись на упаковке гласит: *содержит масло сливочное*, только слово *содержит* написано мелким шрифтом и спрятано под рисунком гостеприимной хозяйки. Спред «Додельница» легко можно спутать со сливочным маслом того

же производителя. Редко можно встретить упаковки, на которых слово спред находится на видном месте. Отметим, что в Национальном корпусе русского языка слово спред зафиксировано только 2 раза как экономический термин.

Вторая загадка касалась продукта той же тематической группы. Уже много лет производители, а вслед за ними создатели реклам, пытаются нас убедить в полезных свойствах и вкусовых качествах продукта, который на польском рынке называется *olej z pierwszego tłoczenia na zimno*. В отличие от предыдущего примера поиск соответствующего эквивалента занял немного времени, однако только Интернет окончательно развеял сомнения. Путём дедукции я попыталась установить эквивалент в русском языке.

1. Исходный репродукт в польском языке: *olej z pierwszego tłoczenia na zimno*
2. Переводной польско-русский словарь: *tłoczyć* – это *выжимать / выжать* (сжимая, сдавливая, извлечь, заставить выйти наружу).
3. Первое предположение: *растительное масло из/от холодного выжима*.
4. Однако *выжим* – это спортивный термин и обозначает выжим, например, штанги, гири от груди вверх, выпрямляя согнутые руки.
5. Словарь синонимов указывает следующий синоним слова выжимать: *отжимать / отжать*, т.е. сжимая или круто свёртывая что-либо мокрое, влажное, удалить воду, влагу, выжать.
6. Можно предположить, что *tłoczenie* – это *отжим* (напр., *отжим влаги, ткани*), тем более, что *отжимки* – это отходы от выжимания сока, масла (*wytłoczyny, wytłoki*).
7. Проверка в Интернете, существует ли словосочетание *растительное масло первого холодного отжима*.
8. Есть, причём элемент *растительное* является факультативным или заменяется названиями конкретного масла: Питание должно быть здоровым и сбалансированным. Постарайтесь чаще употреблять в пищу овощи, фрукты, рыбу, постное мясо, *растительное масло первого холодного отжима*, молочные продукты, хлеб грубого помола.
9. Анализируя прейскурранты производителей растительных масел, я нашла ещё другие определения: *масло первого холодного прессования, сыродавленное масло, подсолнечное масло холодного отжима сыродавленное, масло подсолнечное, первый отжим (сыродавленное)*.

Установление переводческих соответствий без Интернета – задание, вероятно, реальное. Однако без возможности посетить сайты производителей, проанализировать прейскурранты, прочитав надписи на упаковках, ознакомиться с мнениями специалистов на различных справочно-информационных порталах, можно предположить, что в сводный выпуск Идиоматикона был бы включён прежний вариант перевода репродукта *masło roślinne*.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- CHLEBDA, W. (2006): *Czym jest Idiomatykon i jak z niego korzystać*. In: Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, Opole, s. 7-18.
- CHLEBDA, W. (2010): *Reprodukty na warsztacie*. In: Na tropach reпродукtów. W poszukiwaniu wielowyrzazowych jednostek języka, Opole, s. 7-13.
- DANECKA, I. (2006): *Artykuły spożywcze*. In: Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, Opole, s. 21-19.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА ДАВЫДОВА

Россия, Москва

«СКВОЗНЫЕ» ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. ШОЛОХОВА¹

ABSTRACT:

The “All-Round” Idioms in the Language of M. A. Sholokhov’s Works

The nucleus of the writer’s idiosyle is formed by idioms used repeatedly in different works. We called them ‘all-round’ idioms. They include standard, common-parlance, dialectal and individual idioms. The latter do not appear in Russian dictionaries. Their composition and form were constantly modified by the author. They must be recorded in the dictionary of Sholokhov’s language.

KEY WORDS:

Sholokhov – idiosyle – idioms – common-parlance idioms – dialectal idioms – individual idioms – dictionary.

Великое разнообразие языковых средств – одна из характерных особенностей идиостиля М. А. Шолохова, и все же среди слов и устойчивых выражений, использованных писателем, немало таких, которые он использовал неоднократно, в разных своих произведениях. Такие фразеологизмы мы назвали «сквозными». Именно они составляют основу языка писателя.

Как и любые ФЕ, «сквозные» фразеологизмы могут быть проанализированы с разных позиций. Прежде всего, наметим группы ФЕ в зависимости от того, в скольких (и каких) произведениях употребил их писатель. Выделяются ФЕ, употребленные М. А. Шолоховым в четырех разных произведениях: от «Донских рассказов до послевоенных произведений. Таких фразеологизмов немного. В «Донских рассказах», романах «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Судьбе человека», по нашим данным, всего около десяти: *белый свет, день и ночь, до ветру, как на грех, нечего греха таить, скалить зубы, с ума спятить, хлебнуть горя (горюшка)* (сразу отметим, что абсолютное большинство ФЕ писатель употребляет, варьируя их состав), *на распыл <> На распыл (в распыл) вести, идти и др. 'На расстрел вести, идти и др.'*: – **На рас-**

¹

пыл меня ведут, Петенька, голубчик, прощай! Путь-дорож. 1,V [Шолохов 1985]; ...не особенно доверяя казакам, он сам водил **на распыл** заподозренных в большевизме...Т.Д., 7, XII; – Как служишь революции? Жале – е – ешь? Да я... тысячи станови зараз дедов, детишков, баб... Да скажи мне, что надо их в **распыл**... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порежу! – вдруг дико закричал Нагульнов. П. ц. 1, IX; «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. **На распыл**. Попрощался я с товарищами, все знали, что на смерть иду, вздохнул и пошел. Судьба чел.

Шолохов употребляет ФЕ пойти на распыл 'Быть казненным': Кто работал – сочувствует власти рабочих и крестьян, а ты с дреколем встретил... К плетню не пустил...За это и **на распыл пойдешь!**.. Продкомис., III; (не говорим пока о тождестве и отдельности ФЕ, в «Словаре языка Михаила Шолохова» [СЯМШ 2005] они приведены как отдельные), и ФЕ пустить (пуцать) на распыл, использованную автором в «Донских рассказах» и в «Тихом Доне»: – Смотри, змееныш... Ежели укрываешь ты Федьку, то я его и тебя **на распыл пуцу!**.. Бахчевн., VII; – Пойти – мы с нашим удовольствием..., а как нас красногвардейцы **на распыл пустят**. Т.Д.,4,XIX; – Еще в Красной гвардии был... Жандармерия!.. Таких мы **на распыл пуцали!** Т. Д, 5, XXII; – Чего ты их (пленных красноармейцев – О.Д.) гнал, некрещеная харя! За каким чертом? **Не мог по дороге на распыл пустить?** Т. Д., 7, VII. Можно смело утверждать, что ФЕ с компонентом *на распыл* относятся к базовым в идиостиле М. А. Шолохова.

Значительно больше фразеологизмов, употребленных писателем в трех произведениях. Больше всего (по нашим данным, около сорока) в «Донских рассказах», «Тихом Доне» и «Поднятой целине»: *вынать душу, гайка слаба, земно кланяться, до кочетов, после первых кочетов, здорово живете* и др.: *всякой (каждой) дыре гвоздь. Неодобр.* 'Человек, который вмешивается во все дела': *Бывало, говорила ему мать: – Ох, Ленька, пропадешь ты, коли помру я. <...> И в кого ты такой уродился? Отца твоего через его ухватку и устукали на шахтах... **Каждой дыре был гвоздь**... Алешк. сердц.; – И чего тебе, Ильиншина, надоть? – привязывая к перилам жеребца, удивился Митька <...> – Ты, тетенька, **каждой дыре гвоздь!** – обиделся Митька. Т. Д., 1, VIII; – Этот чертенок мой не иначе подслушивает... Он **всякой дыре гвоздь** и поговорить с человеком сроду не даст, так свои уши иставляет. П.ц. 2, X. Меньше общих ФЕ в трех других произведениях.*

Больше всего общих фразеологизмов в двух произведениях (возможны самые разные сочетания – более 10). Самый большой общий фонд составляют ФЕ «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (их более ста двадцати): *влезть в душу, вынь да положь, гляделки вылупить, заря выкинула, еж наколи, живой ногой, жизни решиться; как обдутьенький, служить верой и правдой, протянуть ноги* и др.: *глядеть в зубы* 'Быть покорным, слушаться кого-л.': – Вот обузато.. Придется бросить его, – шепнул Фомин поравнявшись с Григорием, сокрушенно качая головой. – Добить? – Ну, а что же, в **зубы глядеть** ему?

Куда мы с ним? Т. Д., 8, XV; – *Размётнова придержатъ надо! – Бей его, ребятки!.. – Чего ему в зубы глядеть?* П.ц.,1,XXXIII.

Среди сквозных ФЕ разной принадлежности: ФЕ литературного языка: *битый час, вымотать душу (душеньку)*; *до поры до времени, как на грех, как на ладони, зажимать рот, хоть шаром покати, пустить корни (коренья)* и другие многочисленные. Такие фразеологизмы не отражены в СЯМШ. Просторечные ФЕ: *во всю глотку, воротить нос, все одно, вылупить гляделки, козья ножка, вынь да положь* и др.

Диалектные ФЕ: *жидкая каша* ‘Кулеш, похлебка с пшеном и картошкой, запавленная обычно салом и луком’; *колотье вступило* ‘Начались резкие, колющие боли’; *ум выжить* ‘Поглупеть от старости, потерять способность рассуждать, здраво мыслить’; *заря выкинула (выкидывала)* ‘Возвращаться домой на заре’; *шутки вышучивать* ‘Говорить о чем-л. несерьезно, ради шутки, развлечения’; *в носе ни кругло* ‘Кто-л. не сможет исполнить желаемое’; *идти (пойти; переть) в наступ* ‘Наступать, идти в наступление’; *на гости* ‘в гости’; *под гребло* ‘Все полностью, без остатка’ и др.: *до кочетов* ‘До глубокой ночи; до пения первых петухов в полночь’: *Собирались обычно ночью, за гумнами, и просиживали до кочетов. Батр., XVI; Искоренили карты: что ни ночь, то им игра. До кочетов просиживают.* Т. Д., 2, XII; *Вот. Вставайте, поспишите* (молитву. – О.Д.). *Завтра, небось, до кочетов ить пронетесь?* Т. Д., 3, VI; *Ночами он* (Половцев. – О.Д.) *до кочетов просиживал в своей комнатухе, что-то писал, чертил химическим карандашом какие-то карты, читал.* П. ц., 1, XXIII.

Наиболее значимы сквозные для выделения авторских ФЕ (они не отражены в словарях), то есть образных выражений, которые в случае, если употребляются в разных произведениях, обладают важнейшим признаком фразеологизма – воспроизводимостью. К авторским сквозным ФЕ можно отнести: *как обдутенький* ‘Целый и невредимый’: – *Вытей за Григория Пантелевича! Поздравь его с прибытием... Говорил я тебе, что он возвратится в целости, и вот он, бери его за рупь двадцать! Сидит как обдутенький!* Т.Д.,8, VI; *Жили с тобой почти одинаково при царе, а вот зараз ты как обдутенький, а с меня последние валенки сняли.* П.ц., 1, XII. В первом из примеров употреблен еще один авторский фразеологизм: *бери (возьми) <его, кого-л.> за рупь двадцать* ‘Выражение разнообразных чувств’: – *Вот он, дурочкин любовник! Возьми его за рупь двадцать! А ты, свиной курюк, думал, что он* (Махно. – О.Д.) *тебя посадит к себе на тачанку?.. Путь-дорож.,2,VIII; Вот и возьми такого дурака за рупь двадцать! А при чем тут его дети? Их воспитывать трудно, а посиротить по нынешним временам можно в два счета.* П.ц., 2, XIII; *И тот же Кондрат, возьмите его за рупь двадцать, так на карандаше верхи и ездит: все-то он записывает да подсчитывает, как будто и без него некому записывать.* П.ц., 2, XXII. *Опять за рыбу деньги* ‘Что-л. повторяющееся, ставшее назойливым раздражающее собеседника’: – *Уходить надо не к Маслаку. – А куда же? – В Вёшенскую. Григорий с досадой пожал плечами. – Это называется – опять за рыбу деньги. Не подходит это мне.* Т. Д., 8, XIV; *Нагульнов махнул рукой, осердился. – Опять за*

рыбу деньги! Дался вам с Андреем Островнов! Он колхозу нужен, как архиерею это самое... П.ц., 2, XIII.

И, наконец, еще об одной особенности использования М.А Шолоховым ФЕ. Мы уже отмечали, что писатель разнообразно варьирует фразеологизмы. Конечно, нельзя показать всех видов варьирования в одной публикации, обратим внимание, что варьироваться могут порядок частей ФЕ, как в пословице – *Ну, гляди, <...>, а то женишься, да не в пору...* – **Тело заплывчиво, а дело забывчиво**, – отщутился Гришка. Т. Д., 2, I II; *Кроме тетки, некому было горевать о безродном парне, а девки, обученные Дымком несложному искусству любви, если и погоревали, то недолго.* «**Дело забывчиво, а тело заплывчиво...**» *А девичьи слезы – что роса на восходе солнца.* П. ц., 1, XXXVII; чаще всего писатель заменяет один из компонентов или однокоренным (нередко деминутивом): *войти (влезть) в душу (в душеньку); вымотать душу (душеньку); мочи (моченьки) нет; как на ладони (ладошке)* и др.: *вложить память (памятку) 'Прочить кого-л., избив': – Бабыя этого лошадыми потоптали – штук двадцать. Ребята осатанели и уж за шашки взялись... А ты? – хрипло спросил Степка. – Кое-кому вложил память!* Червот.; *...хучь погибнем мы, хучь и добро прахом пойдет, а вам... памятку вложат.* *Не ваша правда!* Колов., XI; *Ну, только направься туда, я тебе вложу памятку!.. Алешк. серд.; – Да за что били? – За очередь. <...> Вложили* (тавричанам. – О.Д.) **память!** Т.Д, 2, V; иногда литературный компонент заменяется диалектным: *петух – кочет: первые петухи (кочета); после первых петухов (кочетов); вторые петухи (кочета); у драчливого петуха (кочета) гребень всегда в крови; ползать (полозить) на коленях; взять в тиски (тисы)– Он проснулся от холода, **взявшего в тиски** сердце... П.ц. 1, II.; *Что-то такое делается около Донца. Или там наши дюже пихают красных и рвут им фронт, или же они поняли, что мы им – весь корень зла, и норовят нас **взять в тисы.*** Т.Д, 6, LVIII; компонентом из той же ЛСГ: *как снег на голову (темя); баба с возу (телеги) – кобыле легче: – Погоди, дедушка!.. – Неча годить. Желаешь с нами идтить – в добрый час, а нет, а нет, **так баба с возу – кобыле легче!**..* Путь-дорож.1,V; – *Мы-то тоже без вас как-нибудь проживем! <...> Баба с телеги – кобыле легче,* – отрезал Давыдов. П. ц., 1. XXIX и др.*

Иногда варьирование фразеологизма столь разнообразно, что в языке писателя создается целое микрополе. Покажем разнообразие варьирования на материале только одного фразеологизма **свернуть шею (голову, башку)**. 'Убить, уничтожить кого-л.'. Писатель употребляет как литературный фразеологизм, по-разному варьируя его состав: *На этом деле можно в момент **свернуть голову.*** П.ц.1, II; «*Ветрийся, ежели нужду имеешь, но гляди, в подоле не принеси или хворости не захвати, а то **голову набок сверну!***» П.ц., 1, XV; – *А этого щенка возмите от стола, а то я ему, коммунячьему выродку, **голову отверну!***.. Колов., IX. Так и диалектный фразеологизм **вяза свернуть (отвернуть, посворачивать, своротить, скрутить)** (Вязы – 'Мышцы шеи, шея' БТСДК): *Думаю: «Нехай растет, батьке **вяза свернут** – сын будет*

власть Советскую оборонять. Шиб. семя; – Тебе хорошо рассусоливать, – кипятился сутулый Колька, – у тебя хозяин вроде апостола, а доведись до мово, так он за комсомол да за договор **вяза** мне **набок свернут!**.. Батр, XVI; «Ты когда же ее (Аксинью. – О.Д.) бросишь анчибел проклятый? До каких пор мне такую страму на старости лет примать? Ить он, Степан, **вяза** тебе в одночась **свернет!**.»Т.Д.,1,XVIII; Такой непробиваемый стальной щит Родины выковали, что подумаешь бывало – и никакой черт тебе не страшен. Любому врагу и **вяза свернем** и хребет ломаем! Они сраж. за Род.; Уразумел, Гришака? С севера придут и **вяза** вам, вавилонщикам, **посворачивают**. Т.Д.,6,XLVI; То есть она, курица то есть <...> яйцо где-нибудь под амбаром потеряет, то хорь ей **вяза отвернет**...П. ц.,1,XVII; – Иди, неси ключи. А не принесешь – зараз крикнем казаков, они тебе (Давыдову. – О.Д.) враз **вяза набок своротят!** П.ц.,1,XXXIII; – Опять же одному идтить на такие... **Вяза** враз **скрутят**. П.ц.,1, III. И еще грамматический вариант: – Ежели ты, сучье вымя, затеешься тут курить, **голову саморучно с вязов сверну!** Чтoб ни-ни! Алешк. сердце.

Итак, ядро идиостиля писателя составляют фразеологизмы, неоднократно использованные им в разных произведениях. Их мы назвали «сквозными». В языке М.А. Шолохова это большая группа разнообразных ФЕ, одни из них писатель употребляет практически во всех произведениях, другие – в двух (трех) разных. В числе «сквозных» ФЕ литературные, просторечные, диалектные и собственно авторские. Практически все из них творчески варьируются писателем, нередко они образуют многочисленную группу (микрoполе), которая по-другому должна быть отражена в полном словаре языка писателя, в нем должны найти место и фразеологизмы литературного языка, многие из которых послужили исходным вариантом для варьирования. «Сквозные» ФЕ объективно доказывают единство стиля всех произведений писателя.

Использованная литература:

Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003 (БТСДК).

Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005 (СЯМШ).

ШОЛОХОВ, М. А. (1985): *Собрание сочинений.* В 8-ми т М. После цитат из этого издания указывается произведение (у романов – арабской цифрой часть, римской – глава).

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ЕЛЕНА ИННОКЕНТЬЕВНА ДИБРОВА

Россия, Москва

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ВАРИАНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

The Alternatives of Idioms in Contemporary Russian Language and their Parameters

The alternativeness of phraseological units can be structural-semantic, synchronous and diachronous. Special area makes author's idioms nonce words, they have additional author's value and various estimations.

KEY WORDS:

Author's (individual) idioms – alternativeness idioms – structural-semantic version – author's value.

Недостаточной теоретической разработанностью вопроса о семантической структуре ФЕ (фразеологической единицы) объясняется то, что в имеющихся словарях отмечается, что подавляющее большинство ФЕ однозначны (моносемичны). ФСРЯ из более чем 4000 фразеологических единиц отметил многозначность только у 600 ФЕ, что составляет 15 % от их общего количества. Но не подлежит сомнению, что многозначность (полисемия) ФЕ – явление реальное и развивающееся. Существует точка зрения, что характер эпидигматики в ФЕ иной, чем в слове. Здесь нет прямых и переносных значений, нет первичного и вторичного значений. Являясь образным переосмыслением ССС (свободных синтаксических сочетаний слов), ФЕ развивает на его почве параллельные значения. «Вследствие повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, наиболее удобного для обобщения, появляются такие многозначные фразеологизмы, которые имеют одни метафорические значения» [Жуков 1956: 199, 200]. Существует и другой взгляд на семантическую структуру ФЕ, когда в ней обнаруживают прямые и переносные значения. Последнее членение вряд ли целесообразно, поскольку ФЕ не является прямым, адекватным прямому значению слова благодаря своему косвенно-номинативному значению. Однако несомненно,

что полисемичная ФЕ обладает мотивирующим и мотивированным значениями, связанными внутренними и семантическими зависимостями. Как свидетельствует языковой материал, между значениями многозначной ФЕ имеются отношения метафоры, метонимии, синекдохи и функционального переноса, т.е. те же самые смысловые отношения, что и в составе многозначного слова. Как и слово, ФЕ обладает тремя подсистемами: 1) эпидигматикой – исторически образовавшейся многозначностью (по аналогии со словом, фразеолого-семантическими вариантами – ФСВ); 2) парадигматикой – противопоставленностью значения ФСВ одной ФЕ значению ФСВ другой ФЕ; 3) синтагматикой – сочетаемостью ФЕ со словами или иными ФЕ. Как и слово, ФЕ обладает структурной и семантической вариантностью, однако в отличие от слова (в связи со своей многочленностью) вариантность ФЕ достигается ≈ 65-72% от общего корпуса ФЕ. Иерархическая классификация вариантов ФЕ может быть представлена в виде следующих разграничений: 1) сторон ФЕ – формы и значения (одностороннее и двустороннее варьирование); 2) уровней системы, связанных с преобразованием сторон ФЕ (форма единицы – фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический); значение единицы – семантический уровень); 3) единиц уровней, участвующих в варьировании (фонема, морфема, лексема, семема); 4) структурных типов ФЕ (ФЕ-словоформа, ФЕ-словосочетание, ФЕ-предложение), модифицируемых согласно каждому уровню. Вариантность формы ФЕ связана: 1) с разграничением уровней варьирования – фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и лексическая вариантность; 2) с усечением компонентного состава ФЕ – количественная (квантитативная) вариантность; 3) с количеством варьируемых компонентов – двучленная/многочленная вариантность. Необходимо различать два типа варьирования семантики ФЕ – диахронное и синхронное. Диахронное варьирование отражает формирование фразеологического значения и связано с этапами образования единицы; а) *«Я обратился к нему, показал книгу, а он и бровью не повел»* (В. Каверин) – ФЕ употреблена в конкретном значении психофизической реакции – ‘внешне, мимически не отреагировал’; б) *«Дейли муррор» знает, как развлечь своего читателя... Она, и бровью не поведя, может лягнуть «истэблишмент»* (А. Осипов) – значение единицы удалено от конкретной реакции и выступает в обобщенном, косвенно-номинативном значении ‘не обращая внимания ни на кого’. Синхронное варьирование возникает на базе уже «готового» фразеологизма в современном русском языке. В этом случае возможно цепочечное, радиальное или параллельное (собственно фразеологическое) развитие многозначности. ФЕ *скалить зубы* имеет значение ‘смеяться, хохотать, насмехаться’ [ФСРЯ]. Тексты же выявляют три фразеолого-семантических варианта, обусловленных последовательным, цепочечным смысловым расщеплением. 1. ‘Сердиться, злиться защищая кого-либо’. *«Он чуть что – зубы скалит, попробуй тронь его»* (Ф. Абрамов). 2. ‘Смеяться’. *«Расселись по стене тучами да и знай ржут, скалят зубы – весело»* (Ф. Абрамов). 3. ‘Насмехаться’. *«Игнаша зубы скалит да людей подко-*

вырывает...» (Ф. Абрамов). 1-е и 2-е значения связаны метафорически – на основе внешнего мимического сходства; 2-е и 3-е объединены метонимической зависимостью – обозначают действие и его целевую направленность. Зависимости ФЕ могут быть цепочечными, радиальными и параллельными. Специфической, собственно фразеологической зависимостью ФСВ является их параллельная семантическая связь. Параллельная связь обозначает, что все значения ФСВ многозначной ФЕ находятся в равноправных, независимых друг от друга смысловых отношениях. Примером такой связи является ФЕ *ни жива ни мертва*: 1. 'Быть сильно испуганным'. «*Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная*» (Ф. Абрамов). 2. 'Находиться в расстроенных чувствах'. «*Ни жива ни мертва сидела Настя...ничего не слыхала, ничего не понимала... – Да что с тобой, Настенька? Ровно ты не в себе*» (П. Мельников-Печерский). 3. 'Быть в состоянии крайней усталости'. «*Милентьевна вернулась из лесу в четвертом лесу пополудни – ни жива ни мертва. Но с грибами*» (Ф. Абрамов). Анализ ФЕ с параллельной связью значений не подтверждает положения о том, что многозначность единицы развивается на основе ССС, поскольку ФЕ *ни жива ни мертва* не имеет омонимического ССС. Для фразеологии характерен синкретизм формального и семантического варьирования, т.е. имеет место двустороннее варьирование. ФЕ *отвечать (ручаться) головой* обладает тремя фразеолого-семантическими вариантами: 1) 'Платить или быть готовым поплатиться жизнью'; 2) 'Брать на себя ответственность'; 3) 'Заверять, гарантировать'. В первом значении ФЕ связана лишь с вариантом *отвечать головой*; со 2-м значением связаны оба варианта; с 3-м значением обладает лишь вариант *ручаться головой*. Используя в тексте языковые ФЕ, художник слова опирается на сформированные в обществе системные, общепринятые свойства, которые могут терять/возобновлять былую образность в зависимости от ближайшего окружения ФЕ (синтагматики): «*Мы в войну из хомута не вылезали и тепере-ча на печи не лежим*» (Ф. Абрамов); – «*Космос. Куда наши космонавты лётаят. – Лётаят, – поправил Юрка... – Что толку-то?.. – А что, им лучше на печке лежать?*» (В. Шукшин). Значение ФЕ *лежать на печи/печке* 'бездельничать' в первом примере ближе реалиям крестьянской жизни, ее внутренняя форма прозрачна и ясна; во втором примере – в «приложении» к космической ситуации – возникает иронически-насмешливое дополнительное значение фразеологизма за счет разведения бытового и «космического» образа лежания на печи. Или: вариантная ФЕ на *кривой (на вороньих, на саврасой, на козе) не объедешь* 'не перехитришь, не обманешь, не проведешь' [ФСРЯ] приобретает дополнительное значение 'упрямство': «*Она – его судьба, как ни подходит к ней, а на козе ее не объедешь*» (П. Мельников-Печерский) – за счет простонародной коннотации – *коза* 'упрямое животное'. Исторический подход к смыслу ФЕ раскрывает постепенность включения оценки в ее значение. Восходящая к библейскому тексту ФЕ *пройти (сквозь) огонь и воду* («*проидохомъ сквозь огонь и воду и извелъ еси ны въ покой*») первоначально означала конкретную ситуацию. Начиная с произведений М. В. Ломоносова

и по настоящее время ФЕ переосмыслилась и означает 'пройти сквозь многие испытания' (одобр.). Постепенно данная ФЕ приобретает и негацию – 'пронируемость', 'проходимство' (о лицах мужского пола): «Такие люди, как Великанов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят» (А. Н. Островский). В XIX в. ФЕ расширила свой состав компонентом *медные трубы*, сохранив и позитивную (одобр.), и негативную (неодобр., уничиж.) оценку. Начиная с середины XIX в. и по настоящее время ФЕ разошлась в семантико-коннотационном ореоле по отношению к лицу мужского и женского пола.

В современном употреблении ФЕ *пройти (сквозь) огонь, воду (и медные трубы)* имеет три значения: 1. 'Пройти сквозь многие испытания; быть опытным, бывалым человеком' (позитв., одобр.) – о мужчине. «Что мне твой хозяин... Я, брат, и сам огни и воды, и медные трубы прошел» (А. Н. Островский). 2. 'Быть пронируемым, пройдохой' (негатив., неодобр., уничиж.) – о мужчине. «Старец, прошедший сквозь медные трубы, – Савва Антихристов – спич говорит» (Н. Некрасов). 3. 'Быть женщиной легкого поведения' (негатив., резко неодобр., презр., уничиж.) – о женщине. «Одинцову не любили в губернии ...за границу она ездила не даром, а из необходимости скрыть несчастные последствия... Прошла через огонь и воду, – говорили о ней; а известный местный губернский остряк обыкновенно добавлял: «И через медные трубы» (И. Тургенев).

Возникшее новообразование и узуальная единица образуют парадигму синонимического, антонимического и иного характера. См. трансформации в текстах А. П. Чехова. Синонимические связи лежат на основе образований типа: *Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма; ругань смените на Ваш милых трагический смех*. Ср. синонимические фразеологические основы: *не будьте дураком* 'вовремя смекни, как следует поступить' [ФСРЯ] и *не будь штанами* 'сообразы, пойми что-либо'. Авторская ФЕ имеет шутливо-увещательную коннотацию и означает уменьшительно-уничижительный императив, по сравнению с узуальной, языковой ФЕ (грубо-просторечное). *Сменить гнев на милость* 'перестать гневаться' [ФСРЯ] и *сменить ругань на смех* 'заменить «бранный» гнев на нечто веселое'. Окказиональная ФЕ меняет линию «сердитости» на благосклонность – «смех». Антонимические отношения между языковой и речевой (авторской) ФЕ легли в основу образования фразеологических окказионализмов: *Он совсем разлимонничался и смотрит на свою литературную судьбу сквозь копченое стекло; Фельетон плох в квадрате, до степени «увы и ах!», но я не виню себя*. Ср.: *смотреть сквозь розовые очки* 'не замечать недостатков, идеализировать кого-, что-либо' [ФСРЯ] и *смотреть сквозь копченое стекло* 'оценивать мрачно кого-, что-либо'. Языковая ФЕ представляет собой позитив отношения субъекта, авторская ФЕ – негатив. *Возводит в квадрат* 'преувеличивать что-либо' [ФСРЯ] и *плох в квадрате* 'быть крайне неудовлетворительным'. Языковая ФЕ – позитивно-негативна, авторская ФЕ – негатив. Обе антонимические ФЕ отличаются семантикой и стилево-стилистической оценкой: негативности,

понижения в стиле, появления дополнительных коннотаций: **смотреть сквозь копченое стекло** – горько-шутливое; **плох в квадрате** – шутливо-уничжительное. А. П. Чехов создает фразеологические неологизмы на основании структуры и семантики общеязыковой ФЕ, синонимизируя или антонимизируя ее значение с целью привязать авторский фразеологизм к определенной речевой ситуации. Вариантность ФЕ представляет собой огромную естественную лабораторию языка, которая раскрывает перед исследователями семантическую жизнь фразеологических единиц, выводя на лексическую поверхность различные семантические процессы, происходящие на глубинном уровне и недоступные там глазу наблюдателя. Вариантность в таком понимании является презентацией процесса, который сформулирован Выготским «от мысли к слову». В диахроническом аспекте вариантность – это семантико-«геологический» срез ФЕ, где, как на обрывистом берегу моря, выходит наружу геологическая структура природы. Так и во фразеологизме в лексико-грамматических субституциях отражена семантическая, довольно сложная и противоречивая жизнь единицы [Диброва 1979: 179].

Использованная литература:

- ДИБРОВА, Е. И. (1979): *Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке*. Изд-во Ростовского университета.
ЖУКОВ, В. П. (1986): *Русская фразеология*. М.
[ФСРЯ] Молотков, А. И. (ред.) (1979): *Фразеологический словарь русского языка* 3 изд., М., и посл. изд.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг

КИРА ДУБРОВИНА

Россия, Москва

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

ABSTRACT:

The Phraseological Neologisms in Russian Language

The article deals with the issue of phraseological neologisms covering such aspects as the emerging of new phraseologisms, transformation of previously existing ones and sources of phraseological neologisms. The article also focuses on the problem of newly emerged phraseologisms being jargonized, trying to answer the question whether this process is good or bad for the language and the nation.

KEY WORDS:

Idiom – neologism – transformation – phonetic mimicry – criminal slang – slang of drug addicts – jargon of adolescents – sayings and catchphrases.

Как известно, резкие, революционные изменения в обществе приводят и к быстрым изменениям в языке, особенно в его лексико-фразеологической системе. Причин этих изменений несколько. Можно выделить экстралингвистические и собственно лингвистические причины. К первым относится появление в нашей жизни новых предметов, понятий, явлений и т.д. Ко вторым – те или иные языковые процессы.

Очень много новых фразеологических единиц (ФЕ) появилось в русском языке в связи с кардинальными изменениями в нашей социально-экономической системе за последние примерно 20 лет. Среди них много безобразных оборотов (фразеологических выражений номинативного характера, по Н. М. Шанскому), приобретающих статус терминов: *потребительская корзина, прожиточный минимум, адресная помощь, материнский капитал, заказное убийство* и др.

Вместе с тем образовалось немало новых оборотов (фразеологических сочетаний, по В. В. Виноградову), в которых один компонент употребляется в своём основном, прямом значении, а второй имеет ограниченную сочетаемость и часто выступает в метафорическом значении. Например: **чёрный** *нал* – ‘оплата товара или услуги не по безналичному расчёту, а наличными,

причём деньгами сомнительного происхождения и в обход закона'; **серая зарплата** – 'зарплата в конверте, уходящая от налогов', **отмывание денег** – 'перевод незаконно полученных, «грязных» денег с помощью определённых мошеннических операций в законные, «чистые» деньги' и др.

Наконец, можно отметить и ряд новых фразеологических оборотов, которые также отражают нашу современную реальность и при этом относятся к идиомам, т.е. к семантически целостным, неделимым ФЕ, которые, к тому же, обладают яркой образностью и экспрессивностью. Например, такое новое для нас явление в сфере экономических отношений, как конкуренция в бизнесе, отражено во фразеологизме *кто первый встал, того и тапки*. Говорится о том, кто, обойдя своего конкурента, сумел захватить какое-то место в бизнесе, первым занять пустующую нишу. Другой оборот, получивший за последние годы широкое распространение, – *утечка мозгов* – эмиграция за границу молодых талантливых учёных. Образность этого фразеологизма создаётся такими тропами, как метафора (*утечка*) и синекдоха (*мозгов*).

Говоря о собственно лингвистических причинах появления новых фразеологизмов, следует отметить, что у любого фразеологического оборота в результате постоянного, частого употребления снижается его экспрессивность, «тускнеет», «стирается» образность. Поэтому нередко с ФЕ происходят те или иные трансформации, которые приводят к обновлению хорошо всем известных фразеологизмов, что способствует восстановлению экспрессивности и оживлению внутренней формы несколько надоевших, «приевшихся» ФЕ [Дубровина 2005: 106–108]. Например, происходит замена какого-либо компонента общеупотребительного фразеологизма на новый, который не изменяя значения всего оборота, тем не менее повышает его экспрессивность и образность. Так, вместо *вешать лапшу на уши* – 'намеренно вводить в заблуждение, грубо обманывать или дезинформировать кого-л.; нагло врать, рассказывать небылицы' – можно встретить *вешать спагетти на уши (макаронны, макаронные изделия)*. Или вместо *вправлять мозги* кому-либо – 'прибегая к крайним мерам воздействия, заставлять кого-либо одуматься и изменить образ мыслей, поведение и т.п.' – появляется оборот *компостировать мозги* кому-либо. Такие фразеологизмы можно назвать полунеологизмами, т.е. обновлёнными старыми ФЕ.

Известен и такой способ образования новых фразеологизмов, как **фонетическая мимикрия** – «звуковое уподобление слова или его преобразённого варианта другим словам» [Общее языкознание 1970: 488]. Этот приём основан на частичной морфофонетической трансформации, когда в результате изменения 1-2 фонем или морфем возникает другое слово, омонимичное уже существующему в языке. При этом в новом обороте сохраняется значение исходного слова. Так, фонетическая мимикрия превращает наречие *по-честному* делать что-либо (поступать и т.п.) во фразеологический оборот *по чесноку*. К фонетической мимикрии довольно близок и такой способ образования новых фразеологизмов, как универбализация словосочетания, «сведение» его в одно слово [Общее

языкознание 1970: 491]. Например, *словить (поймать) белочку* (от *белая горячка*) – ‘повести себя странно, неадекватно’ (первоначально об алкоголиках, а затем и о любом другом человеке, который в своём поведении проявляет какую-то неадекватность, странность).

Нередко в языке возникают новые фразеологизмы, синонимичные существующим употребительным ФЕ. Так, у вышеназванного оборота *вешать лапшу на уши* появились такие синонимы, как *лохматить бабушку* и *знать пургу*.

Что же служит материалом для новых фразеологизмов, или каковы источники их образования? Во-первых, как уже было показано выше, это некоторые хорошо известные обороты или их компоненты, которые обновляются в результате их трансформации. Во-вторых, фразеологизмы могут изменять среду своего обитания, а вместе с ней и свою семантику. Так, довольно много фразеологизмов криминально-арготического происхождения, а также оборотов из речи наркоманов перешли в молодёжный жаргон или даже в общенародный язык. Например, *забить стрелку* – ‘назначить встречу бандитских группировок с целью выяснения отношений, обычно с применением огнестрельного оружия’ [Ермакова, Земская, Розина 1999: 207] – сейчас нередко употребляется в речи молодёжи и означает не более как ‘назначить свидание’. Например: «Говорил я, что эти мафиозные *стрелки* закончатся убийством.- Ты когда говоришь *стрелка*, имеешь в виду встречу или стрельбу? – Встречу, конечно» (разговор с мол. человеком 25 лет) [Ермакова, Земская, Розина 1999: 208]. Другой пример: *устроить шмон* (‘обыск’) – тоже из речи уголовников [Ермакова, Земская, Розина 1999: 259]. Сейчас употребляется в речи студентов и означает проверку преподавателями во время экзамена студенческих карманов, столов и т.д. на предмет выявления шпаргалок.

Нередко источником пополнения молодёжного жаргона (в том числе и фразеологического) служит жаргон наркоманов. При этом может происходить расширение или полное изменение семантики оборота. Так, отдельные компоненты фразеологизмов, взятые из жаргона наркоманов, попадая в молодёжную среду, изменяют свою сочетаемость и соответственно общую семантику нового оборота. Например, компонент *подсесть на что-либо* (‘попасть в зависимость от чего-либо’ – из наркоманского жаргона) – *на иглу* (на героин, коку, ЛСД, крокодила и т.д.) теперь широко употребляется в речи молодёжи: *подсесть на пепси* (на чипсы, на энергетики и т. д.). В значении ‘испытывать удовольствие от чего-либо; нравиться кому-либо’ используется и компонент *запасть* (на кого- или на что-л.): на Паоло Коэльо, Мураками, Бориса Акунина и др.

Источником фразеологических неологизмов могут быть также иноязычные лексика и фразеология. Например, *пилл* (англ. *народ*) используется в обороте *пилл хавает* (2-й компонент – из уголовного аргю) – ‘зрителю нравится, народ всё съест’. Говорится в ответ на упрёк в адрес нашего телевидения в том, что его программы отличаются низкопробностью, безнравственностью, пропагандой насилия, жестокости и т.п. Ещё пример. Вместо привычного русского слова *уважение* в последнее время стало употребляться английское *respect* (ре-

спект). Таких примеров, когда русские слова, как это ни печально, заменяются иноязычными, главным образом английскими, множество. Но в случае со словом *респект* интересно другое: часто приходится слышать соединение обоих слов – английского и русского, причём русское слово приобретает просторечную форму. В результате получается глупейший оборот: *респект и уважуха*.

Довольно много появляется в языке так называемых крылатых изречений, т.е. ФЕ, авторы которых известны. Это писатели, политики, деятели науки и искусства и т.д. Немало таких изречений пришло к нам за последнее время из кинофильмов, телесериалов и т.п. Например, город в Калифорнии – Санта Барбара, где происходило действие одноимённого американского телесериала, который в течение нескольких лет шёл и на наших телеэкранах в 90-е годы XX века, лёг в основу такого оборота, как *Ну и Санта Барбара!* (варианты: *Прямо-таки Санта Барбара! Санта Барбара какая-то!*) – ‘о какой-либо запутанной, сложной, нескончаемой истории’.

Но интереснее остановиться на других ФЕ, ставших крылатыми благодаря нашим известным политикам. Например, хорошо всем знакомое изречение бывшего премьер-министра России В.С. Черномырдина: «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*» или знаменитое ельцинское: «*Такая вот, понимаешь, загогулина*» (о какой-то сложной, нестандартной ситуации, из которой трудно найти выход). Интересен также оборот, придуманный во время российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. нашим нынешним президентом Д. А. Медведевым, – *принуждение к миру*. Изречение получилось весьма образным: ведь мир – это отсутствие войны, т.е. всякого насилия, а принуждение – есть насилие. В результате в данном обороте возникает выразительный оксюморон. А само изречение активно используется СМИ: «Россия никогда не бросит эту республику [Южную Осетию], не предаст её народ, не оставит тысячи россиян, живущих там. Для жителей ЮО важно было убедиться, что их большой северный сосед готов и спустя 3 года после акта *принуждения Грузии к миру* быть гарантом стабильности в регионе». Владимир Бурматов, завкаф. политологии и социологии РЭУ им. Плеханова. Мнение политолога. (АиФ, №32, 2011г.)

Однако по количеству ярких, образных и запоминающихся крылатых выражений, пожалуй, всех обошёл В. В. Путин. Интересно, что многие его крылатые изречения представляют собой трансформированные обороты из уголовного арго, а потому обладают экспрессивностью весьма высокой степени и часто просторечной или даже грубо-просторечной окраской. На первом месте, по-видимому, стоит его известный оборот *мочить в сортире* (от уголовного *мочить* – ‘убивать’). Так Путин обещал расправляться со всеми террористами. Фразеологизм получил широкое распространение в русском языке, в первую очередь, конечно, в СМИ: «... На попроще борьбы с терроризмом у чеченского руководства наблюдаются явные успехи. Типичная ситуация: после получения информации о том, что кто-то помогает «лесным братьям», этого кого-то «*мочат в сортире*». Нередко вместе с родственниками...» Г. Александров.

Грозный – сад. Чеченский расцвет: плата за мир или шаг в будущее? (АиФ, №32, 2011 г.)

Можно привести ещё несколько путинских изречений: *Не за курятину в тюрьме сидел*, т.е. ‘не по пустячному делу’; *получить от мёртвого осла уши* – ‘ничего не получить’ (= *шиш с маслом*); *сопли жевать* – ‘ничего не делать, бездельничать’; синоним – *пыль глотать* и др.

Итак, среди новых фразеологизмов можно отметить самые разнообразные единицы: от безобразных оборотов терминологического характера до весьма экспрессивных и выразительных. Последние возникают и функционируют чаще всего в молодёжной среде, хотя многие из них проникают и в общенародный язык. При этом происходит сильнейшая жаргонизация фразеологии. Приведём ещё несколько новых оборотов с яркой образностью и высокой экспрессивностью: *косить под дурачка (включить дурачка)*, синоним: *прикидываться / прикинуться шлангом* – ‘притвориться глупым, непонимающим’, *шнурки в стакане* – ‘родители дома’; *шевелить поршнями* – ‘двигаться быстрее, энергичнее’; *выносить мозг* – ‘выводить из себя’; *Не смеши мои носки (ботинки, коленки)* – ‘не говори глупостей’; *Захлопни форточку! (Закрой варежку!)* – ‘замолчи!’; *по самое «небалуйся»* – ‘до невозможности, в высшей степени’. Весьма экспрессивны многочисленные междометные ФЕ: *ядрёны пассажи (ядрён батон), твою бабушку за ногу* и др.

В заключение следует остановиться на таком вопросе: как относиться к этим фразеологическим «новообразованиям»? Благо это или зло для народа и для русского языка? Очевидно, однозначного ответа здесь нет. С одной стороны, появление новых оборотов в языке – свидетельство его развития. И это, несомненно благо. А с другой стороны, возникновение множества стилистически сниженных, грубо-просторечных, вульгарных фразеологизмов, особенно в речи молодёжи, что отражает общую тенденцию снижения культуры в нашем обществе, в том числе и языковой, конечно, зло. Борьба с этим сложно. Единственный возможный способ в этом случае, как мне кажется, – работать над повышением уровня культуры нашего общества и в первую очередь – молодёжи. Иного не дано.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ДУБРОВИНА, К. Н. (2005): *Лингвистические основы стилистических приёмов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике*. Вестник РУДН, «Лингвистика», №7.
- ЕРМАКОВА, О. П., ЗЕМСКАЯ Е. А., РОЗИНА Р. И. (1999): *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*. М.: Азбуковник, 320 с.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка*. (1970) М.: Наука, 640 с.

НАТАЛЬЯ КОРИНА

Словакия, Нитра

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТАХ В РУССКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹

ABSTRACT:

Selected Aspects of Cognitive Dominants in Russian and Slovak Phraseology

This paper runs about the significance of geographical determinism as a relevant factor of the linguistic image of the world (LIW) forming. This factor causes cognitive dominants of LIW that are the most noticeable in phraseology. Comparing Russian and Slovak languages formed in plains and mountains each, we consider that one of the main cognitive dominants of Russian is wideness whereas in Slovak it is height making opposition to Russian. These dominants are the basis for the national mentality.

KEY WORDS:

Cognitive dominants – mentality – linguistic image of the world – geographical determinism – Russian – Slovak

Национальная картина мира каждого народа базируется на воплощённых в языке особенностях его национального сознания и самосознания, однако общая структура этих картин тождественна, поскольку человечество мыслит по одним и тем же схемам, опираясь на кванты своего знания о мире – концепты. С точки зрения когнитивной лингвистики мышление есть прежде всего оперирование концептами, которые мы будем понимать как глобальные единицы структурированного знания в традициях З. Д. Поповой, И. А. Стернина и Н. Ф. Алефиренко.

Поскольку знание имеет у каждого народа свою национально-культурную специфику, то даже при аналогичной вербализации концепта в разных языках его семантическое наполнение и ассоциативные связи могут значительно расходиться. Иными словами, концептосферы таких языков будут при формально аналогичном наборе концептов иметь различные когнитивные доминанты, заключающие в себе национально-культурную специфику.

---

¹ Исследование выполнено в рамках грантового проекта VEGA 1/0293/09 *Kognitívny rozmer filologických vied v 21. storočí*, финансируемого агентством VEGA при Министерстве образования Словакии.

На развитие когнитивных приоритетов национального языка оказывает влияние целый комплекс экстра- и интралингвистических факторов, среди которых имеются факторы, релевантные при любых условиях и оказывающие определяющее воздействие на формирование языковой картины мира (ЯКМ) данного народа. Воплощаясь в языке, они вербализуются в виде концептов и прочих когнитивных структур, отражающих когнитивные приоритеты данного народа.

Одним из них является фактор географического детерминизма – обусловленность характера национальной ЯКМ ландшафтом среды обитания данного народа, причём наиболее интересные закономерности обнаруживаются в родственных языках, носители которых обитают в разных ландшафтах. За основу мы взяли сравнение двух славянских языков – русского и словацкого, поскольку словацкий язык и генетически, и ареально (в силу контактов с соседними неславянскими народами), и территориально является своеобразным переходным звеном между Россией и Западной Европой. Словакия – горная страна без выхода к морю, что обуславливает преимущественно вертикальную организацию пространства в словацкой ментальности. Россия – страна равнинная, и в русской ментальности пространство организовано преимущественно горизонтально, о чём многократно писалось в научных трудах различной направленности (Н. А. Бердяев, С. М. Соловьёв, Г. П. Федотов, Л. Н. Гумилёв, А. Д. Шмелёв, А. Вежбицкая, Ю. Д. Апресян, М. Н. Жуйкова, Н. В. Семёнова и др.). Этим обусловлена специфика национальных концептосфер русского и словацкого языков, что находит своё отражение в структуре их когнитивных доминант, образующих устойчивые когнитивные оппозиции с географически детерминированными отличиями: (рус.) широта – (словц.) высота, пространственная индетерминированность – пространственная детерминированность, открытость – закрытость, абстрактность – конкретность. За каждой из них стоит фрагмент языковой картины мира, который можно рассматривать как «мировоззренческий конструкт естественного языка, специфицирующий национальные культуры на фоне мировой культуры» [Эмер 2007: 116], что позволяет выявить общее и национально-специфичное в разновидностях языкового миромоделирования в той или иной подсистеме национальной картины мира. Особенно ярко эта специфика проявляется во фразеологии.

«Фразеология играет незаменимую роль в сохранении в своих образах знаний и опыта человека, получаемого им при восприятии окружающего мира и взаимодействии с ним, является наиболее ярким показателем этнокультурной специфики любого национального языка» [Алефиренко, Степанова 2010: 232]. Будучи одним из наиболее древних пластов языка, фразеология наиболее полно отражает смену когнитивных доминант в ходе эволюции каждого естественного языка.

Наиболее ярко представляет когнитивные доминанты русской и словацкой ЯКМ оппозиция «широта» – «высота», отражающая горизонтальную организацию русского пространства и вертикальную – словацкого (в контексте нашего исследования можно приравнять её к географической оппозиции *равнина* – *горы*). «Система формирования лексической семантики на основе пространственных образов – одно из проявлений общей закономерности смысло-

вого аналогического уподобления мира умопостигаемого явлениям физического, чувственно воспринимаемого мира в языках» [Резанова 2007: 326–327]. Это естественное свойство человеческого мышления. Однако когнитивные доминанты ЯКМ конкретного народа формируются под влиянием традиционной среды его обитания, в которой одну из ведущих ролей играет ландшафт, а потому являются географически детерминированными. И если в отношении *широты* русского пространства ни у кого не возникает сомнений, то проблематика *высоты* в словацком лингвоментальном пространстве специально не изучалась, а потому требует более обширного документального подтверждения, которое мы нашли не только во фразеологических словарях, но и в материалах национальных корпусов русского и словацкого языков (<http://korpus.juls.savba.sk>, www.ruscorgpora.ru) и русско-словацкого параллельного корпуса (<http://korpus.juls.savba.sk/parus/>), отражающих актуальное состояние языка (см. таблицу 1).

Таб. 1. Вертикальность в словацкой фразеологии.

<i>Словацкая фразема</i>	<i>Русский эквивалент</i>	<i>Буквальный перевод словацкой фраземы</i>
sadať na vysokého koňa	не по Сеньке шапка	‘сидеться на высокого коня’
z vysokého koňa	свысока, надменно (нефраз.)	‘с высокого коня’
žiť na vysokej nohe	жить на широкую ногу	‘жить на высокую ногу’
[ide] dolu kopcom	из рук вон плохо	‘с горы вниз’
rastie ako drevo v hore	растёт как трава в поле	‘растёт как деревья в лесу’
vysoko rúbať/zaťať	широко размахнуться/далеко замахнуться	‘высоко рубить/делать засечку’
sľubovať hory doly	сказками кормить ²	‘обещать горы-долы’
byť čím hore, tým dolu	кверху дном/вверх тормашками	‘быть чем вверх, тем и вниз’
byť hore koncom	быть в ажуре/в полном порядке	‘быть кверху концом’
hore cesta, dolu cesta	хоть вдоль, хоть поперёк	‘вверх дорога, вниз дорога’
hreší/cigáni, až sa hory zelenajú	ругается/врёт, аж уши вянут	‘ругается/врёт, аж горы зеленеют’
hore si viesť	задирать нос	‘вести себе вверх’
nosiť/vozíť drevo do hory	ехать в Тулу со своим самоваром	‘носить/возить дрова в лес’ ³
za horami, za dolami	за тридевять земель	‘за горами, за дол(ин)ами’
ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva	как аукнется, так и откликнется	‘как на гору кричишь, так с горы и отзывается’

² В данном случае в русском языке существует также формально близкий фразеологический синоним сулить/обещать золотые горы, однако здесь, в отличие от словацкого языка, компонент горы не имеет пространственной привязки, выступая как синоним к «много» (гора золота = много золота).

³ Слово *hora* имеет в словацком языке также значение «лес» (т. е. гора приравнена к лесу) в силу природно-климатических особенностей страны: леса в Словакии растут преимущественно на горных склонах.

Кроме того, мы неоднократно приводили в качестве примера селекции когнитивно доминантных вариантов фраземы модификацию заимствованной славянскими языками из западноевропейских фразеологической единицы (ФЕ) *жить на большую ногу* со значением 'жить богато, роскошно, не стесняясь в средствах' [Киселёва 2008; Киселёва 2009; Корина 2011]. В современных русском и словацком языках ей соответствуют фраземы, отличающиеся всего лишь одним лексическим компонентом – рус. *жить на широкую ногу*, слвц. *žiť na vysokej nohe*, который отражает когнитивную доминанту ЯКМ каждого из рассматриваемых языков.

Преобладание вертикальных моделей в словацкой ЯКМ связано с ведущей ролью вертикальной иерархии словацкого социума: здесь нарушения субординации считаются проступком. В русском социуме вертикаль не имеет доминантного значения, нарушения субординации зачастую воспринимаются положительно (какой ловкий – всех обошёл!), зато горизонталь весьма значима: важно иметь широкие связи, широкое влияние, широкую популярность.

Конечно же, вертикальная организация пространства присутствует и в русской ЯКМ – здесь она основана на универсальной семиотической оппозиции «верх – низ» и интерпретирует в первую очередь социальные отношения, отражающие дифференциацию общества. Однако данная оппозиция не является доминантной с когнитивной точки зрения, она универсальна и свойственна человеческому сознанию в целом. Кроме того, приоритет горизонтальных пространственных моделей в русском языке подтверждается их гораздо большей структурной сложностью и разнообразием по сравнению с вертикальными моделями, обладающими более простым ментальным образом, на что указывают, в частности, представители Московской семантической школы [Апресян 1995: 640–641; Жуйкова 2005: 78–79 и др.].

Естественно предположить, что концепт, являющийся когнитивной доминантой ЯКМ какого-либо народа, будет иметь более обширный семный набор, чем его недоминантный аналог в другом языке. В отношении понятия «высота» в словацкой ЯКМ это подтверждают сравнительные исследования материала разных европейских языков, проведённые Франциской Ахтерберг с акцентом на немецкий и польский [Achterberg 2000: 149–165]. Автор, в частности, отмечает, что значения прилагательного *высокий* имеют гораздо более разветвлённую структуру в германских языках (прежде всего в немецком) по сравнению со славянскими, несмотря на то, что польский обширно заимствовал из немецкого. Однако при рассмотрении приведённого автором материала мы обнаруживаем, что некоторые из указанных отличий имеют аналоги в словацком и близкородственном чешском! Так, например, в польском языке (а также в восточнославянских) прилагательное *высокий* невозможно сочетать с существительным *возраст* (нельзя сказать **wysoki wiek* по-польски, **высокий возраст* по-русски или **высокі ўзрост* по-белорусски), в то время как в словацком и чешском это совершенно естественно – слвц. *vysoký vek*, чеш. *vysoký věk* (ср. нем. *ein hohes Alter*). И если придерживаться гипотезы о географическом детерминизме как релевантном

факторе формирования ЯКМ европейских языков, то это вполне закономерное явление – ведь немецкий, словацкий и чешский языки формировались преимущественно в гористом ландшафте, а польский и восточнославянские – преимущественно в равнинном. Проблема когнитивной доминантности определённых концептов в ЯКМ непосредственно связана с установлением степени релевантности таких факторов, как происхождение, семантическое и образное наполнение, универсальные и национально-специфичные свойства доминантного концепта. В процессе обсуждения результатов нашего исследования нам приходилось, в частности, слышать такие возражения: словацкая фразема *z vysokého koňa* ‘свысока, надменно’ не несёт в себе когнитивной доминантности, поскольку это просто «картинка с натуры» – ведь, находясь на коне, естественно смотреть на собеседника сверху вниз и возвышаться над ним. Но это поверхностный взгляд, а мы стараемся проникнуть глубже. Практически все народы мира пользовались для верховой езды разными видами животных, и как само возвышение всадника над пешим, так и его метафорический перенос в структуру языка совершенно закономерны. Однако в языках других народов подобная фразема не прижилась! И только словацкий язык «дублирует» рост коня дополнительным определением *vysoký* (ср. *sadať na vysokého koňa* ‘иметь непомерные амбиции’, *sedieť na vysokom koni* ‘иметь положение в обществе’ и др.)! Аналогичное явление произошло и в развитии уже упоминавшейся нами ФЕ *жить на большую ногу*, которая изначально была заимствована славянскими языками из западноевропейских, но со временем трансформировалась в отдельных языках в те варианты, которые наиболее соответствуют когнитивным приоритетам каждого из них (рус. *жить на широкую ногу*, слвц. *žiť na vysokej nohe*). Исконная или заимствованная, копирующая реальность или вымышленная – в данном случае происхождение ФЕ нерелевантно, как и диахронный аспект её развития. Иными словами, механизм возникновения фразеологической единицы является нерелевантным для оценки её когнитивной доминантности, поскольку функционирование ФЕ на современном этапе развития языка обусловлено когнитивными приоритетами данного языка, свойственными национальной ментальности в целом и отражающими национально-специфичное в конкретной ЯКМ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АСХТЕРБЕРГ, Ф. (2000): „Wysocy” Polacy i „duzi” Niemcy: porównanie znaczeń niemieckiego przymiotnika hoch i polskiego wysoki. In: Studia z semantyki porównawczej. Część 1. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne. Warszawa: WUW, s. 149–165.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф., СТЕПАНОВА, Л. И. (2010): Динамика фразеологической картины мира. In: Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií. Ed. Ivo Pospíšil. Brno: Tribun EU, s. 231–238.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1995): *Избранные труды*. В 2-х т. Москва.
- ЖУЙКОВА, М. Б. (2005): Особенности структурирования вертикального пространства в восточнославянских языках. In: Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, s. 73–80.
- КИСЕЛЁВА, Н. Б. (2009): Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма. In: Dialog kultur V. Sborník materiálu z mezinárodní vědecké konference. O. Richterek, M. Půža (eds.). Ústí na Orlicí, Oftis. s. 112–125.
- КОРИНА, Н. Б. (2011): О некоторых доминантах национальной концептосферы русского и словац-

- кого языков. In: Dialog kultur VI. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 18.–19. ledna 2011 v Hradci Králové. Miroslav Půža, Jakub Konečný (eds.). Brno: Tribun EU, s. 1–13.
- РЕЗАНОВА, З. И. (2007): *Пространственные метафоры в лингвистическом тексте*. In: Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, с. 326–356.
- ЭМЕР, Ю. А. (2007): *Фольклорный текст: пространственная организация жанра*. In: Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. Отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, с. 110–151.

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА КОВАЛЕВА

Россия, Москва

КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВА В ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА

ABSTRACT:

The Communicative Strategies of Using the Phraseological Units in A. P. Chekhov's Letters

Any analysis of epistolary literature, and letters in particular, is based on the concept of text communicative strategy determined by the language personality of its author. In its turn, text communicative strategy is the functional majorant which the author of the letter passes to the addressee. Text communicative strategy is formed through the sequence: reality – sender – text – addressee. Judging by the art of Chekhov's exploiting the language potential, unveiling its expressiveness and riches, one can come to a conclusion that Anton Chekhov felt the smallest language nuances and skillfully applied them to the text.

KEY WORDS:

Of communicative strategy – author's manner and stylistic components in the text – linguistic and extralinguistic features – language personality – transformation of phraseological units.

Фразеотворчество в письмах А. П. Чехова определяется коммуникативно-стратегической направленностью. Коммуникативная стратегия текста – это целеустановка сообщения, которую автор через текст письма передает своему адресату/адресатам. В зависимости от того, к кому обращается с сообщением А. П. Чехов, формируется стилевое и стилистическое в тексте, устанавливается экспрессивно-эмоциональный настрой, оценочная характеристика, способ изложения информации, ее акцент.

Коммуникативная ориентация писем А. П. Чехова определяется тем, какой тип изложения избран автором: спокойно-констатирующий, патетический, лирический, шуточный, иронический или нравоучительный – в отношении к родным, братьям и др. Целевая установка определяет использование разного рода перифраз, общеязыковых трансформаций и большого количества фразеологических единиц (далее – ФЕ) обиходно-разговорного характера, обладающих широкой гаммой стилистических оценок. Так, цикл писем к Н. А. Лейкину, периода активного сотрудничества Чехова в «Осколках», по

своей речевой направленности и языковым средствам отличается от остальных циклов. Эти письма полны шутивно-юмористических перифраз, выражений, фразеологизмов нетрансформированных и трансформированных: «*Думаю, как бы и где задать храповицкого*» (Письмо от 24 августа 1883 г.); «*Первый дачный блин вышел, кажется, комом*» (Письмо от 25 июня 1884 г.); «*Рад служить во все лопатки, но ничего со своей толкастикой не поделаю*» (Письмо от 22 марта 1885 г.).

Письма к Лике Мизиновой проникнуты искрометной шуткой, оригинальной манерой использования ФЕ, переработкой общепринятых устойчивых сочетаний: «*Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозабвения, до одурения, до бешенства*» (Письмо от 28 июня 1892 г.); «*Без Вашего позволения я не женюсь и, прежде чем жениться, я еще покажу Вам Кузькину мать, извините за выражение*» (Письмо от 21 сентября 1898 г.); «*Ну, до свидания, кукуруза души моей*» (Письмо от 28 июня 1892 г.). И, наконец, тон писем к жене Ольге Леонардовне Книппер глубоко лиричен, интимен: «*Милая актрисуля, роль Анны и сама пьеса не стоят того, чтобы из-за них портили столько крови и нервов*» (Письмо от 1 ноября 1899 г.); «*Милюся моя, ангел мой, я не пишу тебе, но ты не сердись, снисходи к слабостям человеческим*» (Письмо от 5 сентября 1900 г.).

Письма к братьям полны знаменитого чеховского юмора, выполняющего экспрессивный аспект коммуникации, который связан с эмоционально-психической деятельностью. Последняя раскрывает эмоции, субъективную модальность и прагматику чеховского текста: «*Стану по ниточкам разбирать твое письмо, от «а» до ижицы включительно*» (Ал. П. Чехову, 20 февраля 1883); «*Как некий Цынцънатус, я провожу все время в труде и кушаю хлеб свой в поте лица*» (Ал. П. Чехову, 21 марта 1892 г.); «*Так как и ты принимал участие в увенчании меня лаврами, то часть моего сердца посылается и тебе. Возьми сию часть и скушай*» (Ал. П. Чехову, 13 октября 1888 г.); «*Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный*» (Ал. П. Чехову, 13 августа 1889 г.); «*Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо мыслей из головы выдавливаются какие-то выморозки*» (Ал. П. Чехову, 20 мая 1887 г.).

Живая речь всегда экспрессивна, ибо она представляет «положение дел в мире» в таком модусно-диктальном аспекте (аспекте коммуникативной стратегии), когда, наряду с отображением реальной картины мира, всегда находится место для переживаний человека. Экспрессивная окраска речи весьма многообразна и многопланова и может рождать полифункциональность оценок. Ср. последнюю иллюстрацию, которая обладает широким диапазоном интерпретации ее адресатом: 1) жалостливое отношение к автору письма; 2) самооценка эмоционального состояния автора письма; 3) стилистические коннотации – горько-уничижительно-неодобрительные; 4) когнитивное состояние психики адресата и др.

В письмах к литераторам раскрывается отношение А. П. Чехова к своему творчеству, творчеству других авторов, содержатся оценки собственного труда и излагается такая информация, которая особенно ценна нам, нашим современникам, понимающим и распознающим многое из того, что не было актуально для его времени. *«Вы поймете всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше **ни на единый аз**»* (А. Н. Плещееву, 14 сентября 1889 г.); *«Надо многое сократить и кое-что исправить, исправил бы я теперь, но голова настроена на сахалинский лад, и во всем, что касается изящной словесности, я теперь не в состоянии **отличить кулька от рогожи**»* (А. С. Суворину, 15 марта 1890 г.); *«Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: **ни с того ни с сего**, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару – **одним словом, стал дурак дураком**»* (А. С. Суворину, 4 мая 1889 г.); *«Пишу я ее (повесть – Н. К.) не спеша, как гастрономы едят дупелей: **с чувством, с толком, с расстановкой**»* (А. П. Плещееву, 23 января 1888 г.); *«Мой «Медведь» следовало бы назвать «**Дойной коровой**». Он дал мне больше, чем любая повесть»* (Е. К. Сахаровой, 13 января 1888 г.); *«У других авторов такие слова, как, например, «**фаталистически**», проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка **кричит благим матом**»* (А. М. Пешкову (М. Горькому), 8 января 1899 г.).

Письма сахалинского периода и путешествий по Сибири отражают глубокие и тягостные раздумья А. П. Чехова о жизни ссыльных, что находит отражение в их языке и стиле: *«Интеллигенты толпятся на пристани с выражением **«второй скрипки»** во всей фигуре; видимо, ни один из них не получает больше 35 руб. и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь»* (М. П. Чеховой, 29 апреля 1890 г.); *«Я заметил, как этот пьяница презирал мужиков, на шее которых жил»* (М. П. Чеховой, 17 мая 1890 г.); *«Всю дорогу я голодал, **как собака**»* (А. С. Суворину, 20 мая 1890 г.).

Авторская передача картины мира – глубоко творческий процесс, где постоянно обновляются предметы изображения. В этом творческом акте проявляется состояние и работа «духа» писателя, его авторское «эго». В языковой картине мира Антона Павловича Чехова имеется установка на фразеотворчество в рамках существующих языковых закономерностей с целью:

- 1) отражения в языке своих писем фрагментов концептуальной картины мира;
- 2) создания ёмких, колоритных художественных образов, которые передают адресату ассоциации автора и помогают воссоздать во всей полноте воображаемую картину;
- 3) оригинальной формой интерпретации заставить читателя взглянуть на вещи по-новому, по мысли «образа автора».

Каждое использование ФЕ в чеховских письмах, даже в непреобразованном виде, является предметом целенаправленного отбора автора, а также содержит элемент коннотации, идущий от авторского замысла, задания. Индивидуальное фразеологическое преобразование несет на себе печать своеобразного поэтического видения художника слова. Основная причина индивидуально-авторского фразеотворчества заключается, вероятнее всего, не просто в усилении выразительности, а в стремлении связать семантику, эмоциональное и стилистическое значение с неповторимыми условиями текста и выразить авторскую позицию (этическую, эстетическую и др.) своими средствами.

Сравните языковые модели авторских трансформ: ниже всякой критики (языковой антоним), до конца ногтей + до кончиков пальцев = до кончика ногтей (контаминация); закрыть лавочку (вклинивание в авторскую ФЕ атрибутов); затыкать за пояс (в речи писателя глагольный компонент представлен лексическим синонимом); напиться до положения риз (изменение окружения единицы в тексте).

Один из важнейших принципов коммуникативной стратегии текста заключается в том, чтобы языковая форма наилучшим способом отражала интенции автора текста. В языке художественной литературы (в эпистолярном тексте как ее особой разновидности) любая языковая единица и в особенности фразеологизм определяются автодирижированием процессом воздействия на читателя.

Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою концепцию адресата, т.е. стратегию, «рассчитанную» на адресата. В таком интимном жанре, как эпистолярный, возникает максимальная внутренняя близость адресанта и адресата. Без учета понимания адресата нельзя понять ни содержания, ни стиля речи. «Всякое высказывание всегда имеет своего адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает... Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего нададресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [Бахтин 1979: 305].

Понятие нададресата существенно для стратегии эпистолярного текста: адресатом может быть лицо, которому направлено письмо, или круг близких лиц, но нададресатом могут быть в широком понимании этого слова – читатели-современники, читатели-потомки, читатель-метанаблюдатель, интерпретирующий в метаописании высшую инстанцию ответного понимания. Следовательно, фрагмент коммуникативной стратегии: адресант – текст – адресат в своем заключительном звене может предполагать полифонию толкований текста.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БАХТИН, М. М. (1979): *Эстетика словесного творчества*. М.: Наука.

ЧЕХОВ, А. П. (1983): *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах*. М.: Наука.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЛЕВКОВИЧ

Россия, Кемерово

ФРАЗЕОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ РАДИКАЛЬНО НАСТРОЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ABSTRACT:

Phraseological Units Functioning in Text by Considerably Adjusted Youth

In the below article spontaneous phraseological units functioning in texts of considerably adjusted youth are described. We describe their role, value and as we allocate groups of phraseological units, depending on their function.

KEY WORDS:

Phraseological units – spontaneous phraseological units – the text – considerably adjusted youth

Фразеологизмы культурно обусловлены, в них отражается определенный склад русской души. По фразеологизмам можно изучать культуру и быт жителей России. «Фразеологизм, фразеологическая единица, – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма» [Жуков: 27].

Современное знание и опыт ученых-когнитивистов позволяет по-новому взглянуть на проблемы современной фразеологии. Устойчивые выражения, которые являются объектом изучения фразеологии, по своей сути, – языковые знаки. В отличие от слова, фразеологическая единица представляет собой знак со сложной семантикой. В своей статье О. Д. Добровольский приходит к выводу о том, что ассоциации, которые возникают при восприятии фразеологических единиц не связаны ни с прямым значением, ни с метафорическими моделями, но он говорит, о том, что за каждой фразеологической единицей закреплено некое «сверхзнание», которое формируется из концептуальной

сферы фразеологизма и не фиксируется сознание. На наш взгляд, под «сверхзнанием» кроется социальная составляющая фразеологизма. Социальность фразеологизмов может быть вызвана тем, что свое значение они получили в результате сложившейся ситуации и обстоятельствами в рамках информационной системы языка, в которой они функционируют.

В современных текстах интернет-коммуникации особую роль играют тексты радикально настроенной молодежи, которые отражают современное состояние языка, позволяют сделать вывод о том, какая сторона деятельности играет в данном коллективе важнейшую роль и, соответственно, оценивается положительно или отрицательно. Особого внимания заслуживают фразеологические единицы, используемые в данных текстах, которые отражают выразительность речи, делают речь яркой, воздействующей, эмоциональной.

Первоначально фразеологизмы делятся по принципу воздействия на читателя: положительная и отрицательная коннотация, что придает тексту субъективную модальность. При этом один и тот же фразеологизм может восприниматься одними как оскорбление, а другими как средство отграничивания от «чужих». В этом и проявляется субъективность коннотации: в возможности неоднозначной интерпретации признаков реалии, названных одним и тем же именем. Это зависит по какую «сторону баррикад» находится человек, что является его главной задачей: защитить своих, либо оскорбить, унижить чужих.

- 1) Фразеологизмы, отражающие действия человека в происходящей ситуации: *пойду дедушкин пулемет откапывать... В корень зрите*
- 2) Фразеологизмы, нацеленные на создание и подогревание негативного образа: *дома, на родине тоже часто слышишь, что кто-нибудь говорит, живешь среди «борщей»; Пришлось задуматься о цвете своих ягодич;*
- 3) Фразеологизмы, содержащие в себе призывные конструкции: *Всем евреям – чемодан – вокзал – Тельавив* (вариант, чемодан-вокзал-Баку). *Ребята, давайте звать Россию к топору.*

Одной из интересных особенностей является наличие «спонтанных» фразеологизмов, которые опознаются всеми читателями, воспроизводятся в момент обсуждения и имеют четкое значение. Например, фразеологизм «жить среди борщей», имеет значение «проживать среди русских», неоднократно воспроизводится комментаторами, и четко опознается всеми читателями. Сам фразеологизм прототипичен для сознания пишущего. Борщ – национальная русская еда, но в то же время простая обыденная еда, которую может позволить себе любой житель. Происходит наименование русских по их национальному блюду. Используется со сниженной оценкой. Но в то же время, если употребляется русскоязычными говорящими, то приобретает положительный и даже возвышенный оттенок. Таким образом, данный фразеологизм содержит все два совершенно противоположных полюса, которые актуализируются в зависимости от того какая сторона его использует.

Фразеологизм «цвет моих ягодич» так же неоднократно воспроизводится и понимается всеми читателями. Значение данного фразеологизма «моя на-

циональность». Использование данного фразеологизма содержит желание закрыться от обсуждения своей национальности, так же как и свои «ягодицы», человек не хочет выставлять на показ свою личную жизнь, а хочет ее прикрыть и не демонстрировать всем. Так же в зависимости от того, кто использует и с какой целью, данный фразеологизм содержит в себе два совершенно противоположных полюса, которые актуализируются в зависимости от того, какая сторона его использует. Русскоязычные используют данный фразеологизм с явной отрицательной коннотацией, потому что для них это не актуально и не имеет большого значения. Нерусские используют это выражение с явной торжественностью, потому что для них это актуально, от этого зависит их спокойная жизнь.

Еще одним интересным примером использования «спонтанных» фразеологизмов является выражение «откапывать дедушкин пулемет». Данный фразеологизм неоднократно воспроизводится в комментариях к статье, и четко опознается всеми читателями. Имеет значение «я готов встать на защиту своей родины от оккупантов». Данный фразеологизм прототипичен для русского сознания. В нем отражается желание защитить свою Родину, примерный возраст участников интернет-коммуникации радикально настроенной молодежи от 20 до 35 (33) лет, то получается, что они как раз потомки (внуки и правнуки) тех, кто защищал Родину во время Великой Отечественной войны. Таким образом, внуки готовы встать на защиту своей Родины от «оккупантов», как это сделали деды во время войны. Интересно использование лексемы «пулемет», почему человек не использовал винтовки или ружья. Пулемет – это что-то большое и мощное, что точно сможет защитить, и больше сможет поразить врага, поэтому и характерно использование данной лексемы.

Особенно интересны фразеологизмы, содержащие в себе семантику призыва. Выражение «чемодан-вокзал-Тель-Авив (Баку)» одно из самых частотных в интернет-текстах радикально настроенной молодежи. Значение данного фразеологизма «все приезжие, некоренные жители России должны быть отправлены к себе домой немедленно». Использование лексем «Тель-Авив» и «Баку» не случайно. У русского человека срабатывает стереотип о приезжих: это либо евреи, либо жители Кавказа, поэтому и всех приезжих отправляют либо в Тель-авив (евреи), либо на Баку (жители Кавказа). Интересно, что для русского человека не важно, с какого кавказского государства приехали Кавказцы, важно отправить их домой, поэтому выбирается одна столица.

«Спонтанные» фразеологизмы обычно не становятся фактами общенародного языка, а живут лишь в том контексте, который их породил. Это обусловлено природой данных текстов, они создаются с целью произвести впечатление. Желание произвести положительное/отрицательное впечатление на читателя проявляется в стремлении сделать свою речь как можно более афористичной, живой и запоминающейся.

В лингвистической литературе достаточно глубоко описаны фразеологизмы, встречающиеся в обыденной речи носителей русского языка. Нами выделены при первом наблюдении особенности фразеологизмов текстов радикально настроенной молодежи. Более проникновенное изучение этого пласта лек-

стики, с привлечением данных экспериментов, позволит выявить специфику формально-семантической организации фразеологизмов. Первые наблюдения обнаруживают пропозициональную основу образования фразеологизмов, и это естественно, потому как мозг работает по принципу пропозициональной ассоциативной связанности именуемых предметов, которые могут именоваться как отдельными словами, так и устойчивыми сочетаниями лексических единиц, проявляющих образное видение именуемых вещей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДОБРОВОЛЬСКИЙ, О. Д. (2001): *Когнитивные операции при порождении актуального значения идиомы*. Русский язык. Исторические судьбы и современность. Труды и материалы международного конгресса. М.: МГУ.

ДУДНИКОВ, А. В.: *Русский язык*. М.: Просвещение. с. 27.

ЖУКОВ, В. П.: *Русская фразеология*. М.: Высшая школа. с. 178–185.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА

Россия, Москва

ВТОРИЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА: ТИПОЛОГИЯ И ОБРАЗНАЯ СПЕЦИФИКА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

Secondary Nominations Referring to the Age of People: Typology and Specific Metaphorical Features in Slavonic Languages

The article deals with the material of Russian and Czech languages, secondary nominations indicating the age of a person in the form of a dichotomy: “young” – “old” are focused on. Their typological character is determined, based on the realization of global cultural codes, as well as specific features in the sphere of images, determined by various associations that arise in the mind of speakers of different even closely related languages, and evaluation of this or that attribute of the person of the young and the old age.

KEY WORDS:

Agent vocabulary – secondary nomination – cognitive signs – cultural codes – national peculiarities in the sphere of images

В основе вторичной номинации, как и первичной, лежит скрытое сравнение предмета или явления, уже имеющего вербализованную форму, с новым, номинируемым, и сближение их по каким-то признакам, иными словами, метафоризация, когнитивно-номинативная суть которой состоит в обнаружении общих моментов в сравниваемых предметах. При этом вторичную номинацию характеризует ярко выраженный оценочный характер. В процессе самостоятельного развития славянских языков в сфере агентивной лексики появилось много новообразований, отмеченных национальной спецификой. Вместе с тем большинство семантических новообразований подчиняется действию однотипных когнитивных моделей, основанных на действии идентичных культурных кодов. Национально-культурная специфика связана с тем или иным образом, реализующим универсальную семантическую модель. Рассмотрим основные когнитивные признаки молодых и старых людей как крайних возрастных оппозиций, воспринимаемых в качестве антинормы по отношению к средне-

му, зрелому, возрасту, которые оказались актуализированными в средствах вторичной номинации.

Такой когнитивный признак, как маленький рост детей, вербализуется с помощью образов зоонимического кода, отличающихся крошечным размером: рус. **козявка**, **букашка**, **клоп** и чеш. **brouček** («жучок, букашка»), **svrček** («сверчок»), **červíček** («червячок»). Маленькое существо, чаще всего женского пола, пренебрежительно называется у русских также словом **пигалица** (в диалектах известным также в значении «чибис, чайка»). Признак «маленький, низкий» передается и с помощью специфических русских фразем с отрицательной коннотацией **от горшка два вершка, (кто) под стол пешком ходит**, а также логоэпистемой **мужичок с ноготок** (восходящей к стихотворению А. Н. Некрасова «Крестьянские дети»).

Стереотипическим для выражения названного признака детей является и сравнение с крошкой как мельчайшей частью хлеба, известное многим языкам, ср. рус. **кроха / крошка**, чеш. **drobeček / drobátko** («крошка»). Кулинарный код реализован в специфическом сравнении малыша со шкваркой, кусочком перетопленного сала в чеш. **škvárně** «шкварка», (экспр.) «мальш» (от *škvařit* «перетапливать сало»). Ничтожность, незначительность маленького человека передаются экспрессивно и с помощью мелких «водяных» образов: рус. **капля**, **капелька**, чеш. **plivník** («плевок»).

Признак «маленький» репрезентирует и артефактный культурный код, представленный в данном случае названиями каких-л. мелких предметов: рус. **кнопка** «маленькая девочка», чеш. **kost / kůstka** («косточка», «малявка»), **pásek** («ремешок, пояс», «ребенок»), **svoček** («гвоздик», «маленький ребенок»), **šprček, špunt** («затычка, пробка», «карапуз») (ср. с рус. **Винтик** и **Шпунтик** – героями книги Н. Носова).

Неопытность, несамостоятельность детей, молодых людей связана с образом существа, сосущего молоко, питающегося от матери. На этом образе основаны такие оценочные наименования с уничижительной коннотацией, как рус. **молокосос**, **сосунок**, **(у него) молоко на губах не обсохло**, чеш. **s mlékem na bradě** (букв. «с молоком на подбородке»). В основе данных однотипных номинаций лежит антропная метафора, уподобляющая неопытного, несамостоятельного из-за своего незначительного возраста человека грудному ребенку, который питается материнским молоком.

Многочисленные номинации молодых людей с отрицательно-оценочной коннотацией связаны с характерными для детей признаками: наличием соплей, частым плачем, криком, плохим запахом, неаккуратностью, послужившими основой их названий: рус. **сопляк**, **плакса**, **пискля**, **воночка**, **грязнуля**, **паршивец** (от *паршивый, парша* «чесотка»), чеш. **usmrkánek** (из сочетания *usmrkaný kluk* «сопливый ребенок», корень тот же, что в рус. *сморкаться*), **utřinos** («утри нос»), **uplakánek** («плакса»), **pískle** («пискля»), **smrad** (1) «вонь, зловоние», (руг.) 2) «паршивец»), (груб.) **fakan** («щенок», возможно от *fákati* «пачкать» [Rejzek 2001: 165]).

Стереотипическим является и сравнение молодых людей с детенышами животных, что вербализуют такие русские вторичные номинации, как положительно окрашенные **котенок / котик, заяц / зайчик, козленок, цыпленок** и чешские **kotě / kočka** («котенок»), **kolčava** («ласка»), **křepelka** («перепелка»), **kuřátko / kuře** («перепелка»), **laň** («лань»), **daňče** («лань»), **motýlek** («мотылек, бабочка»), **srnka** («косуля»), **zajíček** («зайчик»), **kůzle / kůzlátko** («козленок»), **hříbě / hříbátko** («жеребеночек»). Отрицательную оценку репрезентируют следующие номинанты, использующиеся в основном в качестве ругательств по отношению к молодым людям: рус. **щенок, звереныш, гаденыш, змееныш** и чеш. **štěně** («щенок»), **ještěrka** («бойкая девушка, вострушка» из «ящерица»). Неоформившаяся, непропорциональная, поэтому часто неказистая внешность девочек-подростков передается также с помощью образов зоонимического кода: рус. **лягушонок, гадкий утенок** (из сказки Г. Х. Андерсена), символизирующих того, чья красота, достоинства пока не видны, но раскроются в будущем. В чешском языке им соответствуют вторичные номинации **žába, žabka** («лягушка»), **pulec** («головастик»).

Подвижность детей, их непоседливость, увертливость послужили основой ассоциаций с предметами, функционально связанными с характерными для них многочисленными движениями, что послужило основанием вторичных номинаций, основанных также на артефактном коде: **šídlo** («шило», «стрекоза», «непоседа»), рус. **юла** (ср. коррелятивные сравнения чеш. *dítě je jako šídlo* и рус. *ребенок как юла*), рус. **шпингалет** «маленький бойкий мальчишка» (из *шпингалет* «задвижка»).

Отрицательная коннотация, сопровождающая номинации детей как озорных, непоседливых, шаловливых существ, вербализована в названиях черта, дьявола, которым, как известно, приписываются различные пакости и безобразия: ср. рус. **бесенок, чертенок, дьяволенок**, чеш. **čertovský kluk** (букв. «чертов парень»), **čertovo kvítko** (букв. «чертов цветок»), **drak** («змея, дракон», «фурия, ведьма»), **diblík**.

Высокий рост подростков и в то же время умственная незрелость, неразвитость, отсутствие ума, жизненного опыта подчеркивается с помощью таких отрицательно окрашенных номинантов, как рус. **дубина, болван, каланча**, чеш. **trdlo** «дубина», **bidlo** «жердь, шест», **klacek** «каланча, балбес» (от *klacek* «дубина, палка»), чеш. **dlouhán** (от *dlouhý* «длинный»), чеш. **čahoun** «верзила» (от *čouhat* «торчать, высовываться»), **trumbera, trulant** «болван, балбес» из «труба» (музыкальный инструмент, издающий пустой звук); **trouba** «олух, болван» (из *trouba* «труба»).

Для наименования молодых людей также актуален растительный код, при помощи которого экспрессивно выражается стройность, красота, цветущий вид молодых: напр., рус. **березка** «молодая стройная женщина», **ромашка** – «наивная, романтическая девушка», **дубок** о крепком парне, молодом человеке – символизируют собой молодость, красоту, силу. Здоровье молодого человека в чешской культурной традиции подчеркивается с помощью сравнения с буком, деревом, символизирующим силу, здоровье, мощь: **kluk / chlapec**

zdravý jako buk (букв. «здоровый как бук»); **roste jako buk** (букв. «растет как бук»). С пихтой, обозначаемой в чешском языке лексемой **jedle** (рус. *ель*), ассоциируется стройность и высокий рост молодых мужчин: **hoch jako jedle** «статный парень», **urostlý jako jedle** «рослый как пихта».

Красота, привлекательность девушки ассоциируется у русских с чем-то сладким и легким, что выражено словом **конфетка**. Близкий этому образ и в основе компаратива **divče / kluk jako cumel** (букв. «девушка / парень как карамелька, леденец»), характеризующего симпатичную девушку или молодого человека.

Старость, как правило, оценивается отрицательно, негативное отношение к ней связывается с приближением конца жизни, физической немощью, утратой социальной значимости. Поэтому по отношению к старому человеку нередко употребляются фраземы с компонентом **старый**: **старый дурак**, **старая карга**, **старая хрычовка**, **má staré kosti** букв. 'иметь старые кости'. Старая женщина из-за сварливости, злобности сравнивается с ведьмой в обеих культурах: рус. **старая ведьма**, чеш. **čarodějnice** 'ведьма'.

В качестве переносных названий старых людей в сравниваемых языках используются образованные по одной модели рус. **старая перечница**, **старая кастрюля** и чеш. **stará škatule** ('старая шкатулка'), представляющие собой переосмысленные названия емкостей, закрытых вместилищ; рус. **реликт** – чеш. **vykopávka** 'археологическая ценность' (по отношению к старому человеку), выражающие сравнение с древними, ветхими предметами, пролежавшими долгое время в земле. Вместе с тем встречаются и образные спецификации: рус. **старая калоша**, **старый лапоть** (реализующие обувную метафору), **старый пень**, **старая кочерга** (подчеркивающие признаки изношенности, трухлявости и согнутости старого человека), чеш. **škeble** 'ракушка, беззубка' (указывающее на признак отсутствия зубов у стариков), **staré trdlo** 'старый дурак' (актуализирующем глупость, передающуюся с помощью деревянной метафоры, т. к. восходит к *trdlo* 'деревянный инструмент для растирания мака', восходящего к *třít* 'тереть') [Rejzek 2001: 672].

О старом человеке русские образно и шутливо говорят: **из него песок сыплется**. Выражение является калькой с англ. *the sands are running out*, которое, скорее всего, связано с другими языковыми обозначениями старения как биологического процесса (*рассыпается*, *развинтился*, *развалился*, *расклеился*) [Бирих и др. 2005: 528]. На основе этого оборота образовано сочетание **старая песочница**, так же как глагол *развалился* послужил основой агента **старая развалина**. По отношению к старому, немощному, ни на что не годному человеку употребительно и выражение **мышей не топчет**, а также **вышел в тираж**, т. е. 'стал непригоден к чему-л. по старости' [Бирих и др. 2009: 193].

Для образного наименования старых людей в разных языках типичным является фитонимический код, основанный на сравнении пожилого человека с высохшим несъедобным грибом, старой, высохшей травой: рус. **мухомор**,

божий одуванчик, чеш. **jako věchýtek** 'как пучок соломы, как соломинка'. Еще бодрящийся старичок сравнивается в разных лингвокультурах с перцем: рус. (**старый**) **перец**, **старый хрен** – чеш. **paprika**. Задействована во вторичных названиях пожилых людей и зоонимическая метафора: ср. рус. **старая кляча**, **старая лошадь**, **старая корова**, **старый козел**, чеш. **starý kozel**, **stará koza**, престарелого ловеласа в обеих культурах сравнивают с **котом облезлым** – чеш. **opelichaný kocour**.

Проанализированный нами агентивный материал в близкородственных русском и чешском языках показал, что во вторичных наименованиях и молодых, и старых людей преобладает отрицательная оценка, связанная с оппозицией «молодость» – «старость» по отношению к «зрелости», выступающей своеобразным эталоном, нормой: во вторичной номинации актуализируется в основном негативное, отступающее от нормы и подлежащее осуждению. Несмотря на многообразие когнитивных признаков, получивших вторичную языковую объективацию, выделяются общие номинативные модели в разных славянских языках, основу которых составляют универсальные культурные коды.

Использованная литература:

- KLÉGR, A. (2007): *Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných*. Praha.
- МОКИЕНКО, В., WURM, A. (2002): *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc.
- REJZEK, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Praha.
- Большой фразеологический словарь русского языка*. Под ред. В. Н. Телия. М., 2006.
- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. – М.
- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2009): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. М.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Словарь сравнений русского языка*. СПб.
- ФАСМЕР, М. (2004): *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х т., 4-е изд. М.

ТАМАРА МИЛЮТИНА

Польша, Ополе

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОИСКА СООТВЕТСТВИЙ ДЛЯ «НАСТОЛЬНОГО ПОЛЬСКО- РУССКОГО ИДИМАТИКОНА» (ЗАМЕТКИ ЯЗЫКОВОГО КОНСУЛЬТАНТА)

ABSTRACT:

Selected Aspects of Finding Equivalents for A Concise Polish-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions (Comments by the Language Consultant)

The authors of *A Concise Polish-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions*, or *Idiomatikon* ("Podręczny idiomatikon polsko-rosyjski") have to face a number of problems which are due to thematic composition of this dictionary of fixed linguistic units. This paper deals with specific problems concerning situational variation in the choice of linguistic units, the problems concerning spelling of proper names as well as their different stylistic use etc. The research material used in the analysis encompasses extracts from five volumes of the aforementioned *Idiomatikon*, dictionaries and lexicons of Polish and Russian languages as well as materials found on the Internet.

KEY WORDS:

A Concise Polish-Russian Dictionary of Idiomatic Expressions (Idiomatikon) – translation – proper name – orthographic norm – variation.

Большинство выступлений участников конференции из Ополе в этом году посвящено тем или иным аспектам работы по составлению «Настольного польско-русского идиоматикона» (*Podręcznego idiomatykona polsko-rosyjskiego*, далее «Идиоматикон» или PIPR) – словаря репродуктов, т.е. воспроизводимых единиц языка. По замыслу редактора издания Войцеха Хлебды, «Идиоматикон» был задуман как словарь, отвечающий семи взаимосвязанным параметрам: это словарь *фразеологический, переводной, тематический*, имеющий *страноведческую, дидактическую* направленность, в связи с чем весьма важным является такой аспект, как *комментирование*. Кроме того, это словарь *кумулятивный* (термин В. М. Мокиенко), он построен по принципу «продолжение следует». 1-й выпуск PIPR вышел в 2006 г., в 2010 г. – 5-й выпуск из задуманной первой серии, и в настоящее время готовится

к печати сводный том, в который войдут единицы предыдущих пяти выпусков, расположенные в алфавитном порядке, а не распределенные по тематическим разделам как в предыдущих словарях. На очереди 6-й выпуск «Идиоматикона», открывающий вторую из задуманных серий.

Далее постараемся показать, как в «Идиоматиконе» реализуются названные принципы, остановимся также на некоторых проблемах.

Тематический характер «Идиоматикона» заключается в том, что каждый из выпусков включает 11–13 разделов, посвященных определенной теме, напр., *Komputer i jego użytkowanie* [Chlebda 2006: 30–36]. Все разделы 5-го выпуска были посвящены одной – европейской – теме, весьма актуальной и в лексикографическом аспекте. Как отмечает в предисловии к выпуску редактор, на рубеже веков «Европа и европейскость становятся одними из наиболее частотных понятий польского публичного дискурса, прежде всего политического», что было связано и с вхождением Польши в состав Европейского союза. В то же время лексикографически данный факт, по сути, пока не нашел соответствующего отражения, «польско-русская унийно-европейская тематика» представлена в словарях «более чем скромно» [Chlebda 2010: 9]. Разумеется, небольшой по объему выпуск «Идиоматикона» не может претендовать на то, что имеющиеся лакуны будут заполнены, тем не менее тематика 11-и разделов словаря (4370 единиц) говорит сама за себя. Политическая фразеология представлена в разделе *Unia Europejska – Europa bez granic*; география и туризм, природные условия – в разделах *Galopem przez Europę: geografia i turystyka europejska*; *Magiczne miejsca Europy*; *Prognoza dla Europy*; около 1400 культурно значимых единиц приведено в разделах *Europeizmy frazeologiczne (Biblizmy)* и *Europejski dialog wiar i postaw*.

Единицы, включающие страноведчески значимую информацию, снабжены комментарием. Хорошо иллюстрируют *страноведческий* и *комментированный* принцип составления словаря примеры из раздела *Europejska eponimia frazeologiczna*. Приведем несколько типично польских выражений, не имеющих аналога в русском языке. Таковы эпонимы *czeski błąd* – «чешская ошибка», т.е. «опечатка, перестановка двух соседних букв»; *czeski film* – «чешский фильм»: так поляки говорят «о ситуации, когда никто ничего не может понять» [Danecka 2010: 85]. Ирена Данецка приводит также идиомы *ruski rok* и *ruski miesiąc*, которые используются в польском языке в значении «очень долго». В комментарии автор раздела поясняет, что с 1582 г. существует временная разница между принятым католической церковью григорианским календарем и календарем юлианским, которым руководствуется православная церковь. Эта разница во времени (13 дней в настоящее время, 10 дней в конце XVI века) [Danecka 2010: 90, 102] стала основой формирования фразеологизмов, дав повод считать *русский год* и *месяц* «очень долгими».

Говоря о проблемах, связанных с поиском русских переводных соответствий для словаря, в небольшой по объему статье остановимся только на одной из них – проблеме *разночтений*, с которой мы сталкиваемся в процессе передачи имен собственных средствами иного языка. В целом внимание, которое

уделено этим единицам во всех выпусках «Идиоматикона», объясняется их коммуникативной значимостью: высоким удельным весом онимов в текстах, важностью выполняемых ими функций (напр., функция юридическая, требующая высокой степени точности в «переводе» имен собственных). В то же время, как известно, имеющиеся словари далеко не всегда включают данные единицы в свой словник. Неслучайно поэтому в учебных пособиях по лексикографии и переводу, издаваемых в России, проблеме передачи разного рода онимов уделяется неизменное внимание (ср.: [Берков 1996; Алексеева 2003; Виноградов 2004]).

Проблема способа передачи на иностранном языке онимов (антропонимов в частности) нередко обусловлена вариативностью единиц, в том числе и ситуативной, когда у пользователя может возникнуть проблема выбора. Часто это связано с существующей традицией. Примером может служить имя одного из наиболее чтимых на славянском Западе святых – св. Адальберта, которого на территории Чехии и Моравии знают как св. **Войтех** (ср. «в Праге святому *Войтеху* посвящено 7 храмов; [...] В Магдебурге *Войтех* прошел вторую конфирмацию и назвался «Адальберт», приняв имя своего духовного наставника»), а в Польше – св. **Войцеха** («*Такой была жизнь епископа Войцеха*»). Отметим, что данные особенности выбора варианта имени святого оговариваются в предисловии ко 2-му выпуску [PIPR II: 22].

Знание подобных закономерностей соотношения имен помогает избежать ошибки, которые нередко встречаются в путеводителях, в частности, в их Интернет-версиях. Именно поэтому составители «Идиоматикона» в комментариях обращают внимание на подобные варианты. Вариантность часто встречается также в написании и постановке ударения, особенно в том случае, когда «перевод» на русский язык демонстрирует движение от транслитерации (буквы исходного языка заменяются графемами языка принимающего) к современной транскрипции (т.е. фиксации звуковой оболочки имени). Классическим примером служит фамилия *Newton*, которая в разные эпохи «переводилась» на русский язык по-разному: XVIII век – *Невтон* (у Ломоносова читаем: «...и будет собственных *Невтонов* российская земля рождать»), в математическом термине сохранилась считающаяся устаревшей форма *бином Ньютона*, современная форма звучит как *Ньютон*.

Однако в целом проблема передачи имен собственных средствами русского языка интересна прежде всего потому, что она иллюстрирует сложившееся в настоящее время в России состояние «языкового безвременья», которому Б. Ю. Норман дал изящное определение «смягчение литературной нормы» [Норман 1998: 67]. «Сдвиг представления об эталоне хорошей речи» [Сиротина 2002: 549], наблюдаемый с конца 80-х годов, следствием чего являются разного рода отступления от нормы литературного языка, в немалой степени затронул и категорию имен собственных [ср.: Формановская 2004], в частности, норм правописания.

По замечанию одного из исследователей, занимающихся проблемами правописания, в современной письменной речи в России наблюдается «размыва-

ние орфографической нормы: от отдельных нормативных написаний (например, название фирм, организаций) до сознательного отказа от общепринятых правил (язык интернетовских чатов)» [Дунёв 2007: 121].

В наших лексикографических поисках приходится обращаться к поисковым системам Интернета, которые многие исследователи считают вполне качественным инструментом выявления необходимой информации. Вместе с тем Интернет-ресурсы являются поставщиком весьма разных вариантов русского языка, вернее, разного рода отклонений от нормы русского языка, и в «Идиоматиконе» порой можно встретить подобную «вариативность», ср. «перевод» венгерского имени *László* как *Ласло / Лашло / Лазло* в [PIPR V: 159] при единственно возможной записи *Ласло* в соответствии с существующей традицией передачи венгерских графем в русском языке.

Учитывая дидактическую направленность «Настольного польско-русского идиоматикона», адресованного в первую очередь студентам, понимаем, насколько важна и в то же время порой сложна проблема выбора оптимального варианта в качестве переводного соответствия. Причина трудностей понятна: нередко в нашем распоряжении оказываются устаревшие словари, справочники и пособия [ср., напр., Гиляревский, Старостин 1985; Агенко, Зарва 1993], в которых мы не находим многих актуальных имен и названий, отражающих новые реалии. Кроме того, в последнее время мы являемся свидетелями изменения старых норм, а многие издания не успевают отражать динамику процессов, происходящих в языке.

Ориентируясь на имеющиеся справочники, видим, что в соответствии с традиционным для русского языка написанием [ср.: Лопатин и др. 2002: 324, 320; БТС 2003: 214] следует писать: *Królowa Śniegu* как *Снежная королева*, а не *Снежная Королева*; со строчной буквы пишем второй член сочетания и в других именах литературных (сказочных) персонажей *Синдбад мореход* (*Sindbad Żeglarz*), *Летучий голландец* (*Latający Holender*) [PIPR III: 105, 106].

Намного сложнее представляется выбор эквивалентов для обозначения целого ряда общественно-политических реалий, особенно, если это касается письменной научной речи и текстов документов, которые, по словам А. Дунёва, «требуют соблюдения орфографических норм и правил, закрепленных в словарях и справочниках». Как пишет автор, «орфография, как и другие системы языка, склонна к развитию, постепенной смене норм и правил», но при этом в языке «существуют сферы употребления», характеризующиеся устойчивой (консервативной) системой норм [Дунёв 2007: 128]. Как показывает практика, имеющиеся справочники не всегда приходят на помощь. Рассмотрим в качестве примера запись выражения *Европейский суд по правам человека* в справочнике [Лопатин и др. 2002: 135]. Т. Вельг, автор раздела *Unia Europejska – Europa bez granic* выбирает иной вариант: *Европейский Суд по правам человека* в [PIPR V: 213]. Какой из вариантов следует считать оптимальным?

В ряде справочников указывается, что в официальных составных названиях органов международных и российских высших органов власти, иных госу-

дарственных органов и т.п. с прописной буквы пишется первое слово полного официального названия: *Всемирный совет мира, Международный валютный фонд, Государственная дума, Польский сейм* и др. При этом в примечании 2 отмечено, что «по традиции с прописной буквы пишутся все слова в названиях: *Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Организация Объединенных Наций, Лига Наций, Совет Безопасности ООН* [Лопатин и др. 2002: 24-25]. Однако портал *Культура письменной речи* – www.gramma.ru в разделе *Стиль документа* дает важную дополнительную информацию:

«3. В государственных официальных документах ... с прописной буквы пишутся все слова. Например: Федеральное Собрание РФ, Государственная Дума, Конституционный Суд РФ, Вооруженные Силы РФ, Правительство РФ» [<http://doc-style.ru/SPR/?id=1.1>].

Для уточнения написания интересующей нас единицы обратимся к официальному сайту, напр., веб-сайт Президента Российской Федерации, где читаем: Дмитрий Медведев подписал Указ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998г. №310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при **Европейском Суде по правам человека** – заместителе Министра юстиции Российской Федерации» и в Положение, утверждённое этим Указом» [<http://news.kremlin.ru/acts/8289>].

Вариантность в написании интересующего нас оборота следует, по-видимому, объяснять с точки зрения функционально-стилистической характеристики текста, что, в свою очередь, вызывает необходимость разработки соответствующих помет, позволяющих дифференцировать стилистические различия выбираемых в качестве эквивалента единиц. В целом же решение названных и не названных в выступлении и статье проблем требует более глубокого анализа ономастического материала, а также изучения имеющихся в настоящее время наработок по данной теме.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АГЕНКО, Ф. Л., ЗАРВА, М. В. (1993): *Словарь ударений русского языка: Ок. 76 000 словарных единиц*, М.
- АЛЕКСЕЕВА, И. С. (2003): Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей, СПб, с. 68–76.
- БЕРКОВ, В. П. (1996): Двухязычная лексикография: Учебник, СПб, с. 54–64.
- БТС (2003): *Большой толковый словарь русского языка*, С. А. Кузнецов (ред.), СПб.
- ВИНОГРАДОВ, В. С. (2004): *Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие*. – 2-е изд., перераб. М, с. 110–112; 150–182.
- ГИЛЯРЕВСКИЙ, Р. С., СТАРОСТИН, Б. А. (1985): *Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник*. Изд. 3-е, испр. и доп., М.
- ДУНЁВ, А. И. (2007): *Кризис орфографической нормы: прописная и строчная в современной письменной речи*. In: Русское слово и русский текст: история и современность: Сборник научных статей, посвященный члену-корреспонденту РАО, профессору Владимиру Алексеевичу Козыреву, В. Д. Черняк (ред.), СПб, с. 121–128.
- ЛОПАТИН, В. В., НЕЧАЕВА, И. В., ЧЕЛЬЦОВА, Л. К. (2002): *Как правильно? С большой буквы или с маленькой? Орфографический словарь: Ок. 20 000 слов и словосочетаний*, М.
- НОРМАН, Б. Ю. (1998): *Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами*, In: Русистика, Берлин, № 1–2, с. 57–68.
- СИРОТИНИНА, О. Б. (2002): *Хорошая речь: сдвиги в представлении об ее эталоне*, In: Русский язык сегодня. Сборник статей, вып. 2, Л. П. Крысин (ред.), М, с. 548–554.

- ФОРМАНОВСКАЯ, Н. И. (2004): *Национально-культурная специфика личного имени и современные СМИ*. In: XI Межд. научно-методическая конференция «Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка». 13-14 мая 2004 г., Варшава, s.348–355.
<http://doc-style.ru/SPR/?id=1.1>. (доступ 11.10.2011)
<http://news.kremlin.ru/acts/8289> (доступ 11.10.2011)
- DANECKA, I. (2010): *Europejska eponimia frazeologiczna*. In: Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.1, W. Chlebda (red.), Opole, s. 83–103.
- CHLEBDA, B. (2006): *Komputer i jego użytkowanie*. In: Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.1, W. Chlebda (red.), Opole, s. 30–36.
- CHLEBDA, W. (2010): *Europa na językach. Wprowadzenie do zeszytu 5*. In: Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.1, W. Chlebda (red.), Opole, s. 7–15.
- PIPR II (2007): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.2*, W. Chlebda (red.), Opole.
- PIPR III (2008): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.3*, W. Chlebda (red.), Opole.
- PIPR V (2010): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski, z.5*, W. Chlebda (red.), Opole.

БАРБАРА ПЕРЧИНЬСКА

Польша, Люблин

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В РУССКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ

ABSTRACT:

Fixed Expressions in Russian Computer Lexis

The article presents the results of analysis of the phrasal verbs chosen from The Dictionary of the Computer Vocabulary edited in Moscow, 2005. In this article phrasal verbs consisted of two, three and four components are described, which do not have the equivalent borrowed from an English phrasal verb. The most of the researched material these are phrasal verbs consisted of two components and which are native words as well as taken from English. The phrasal verbs described in the article constantly enrich computer vocabulary of Russian.

KEY WORDS:

Computer vocabulary – phrasal verb – loan-word – loan translation – synonym.

В данной статье демонстрируются результаты анализа выбранной группы устойчивых словосочетаний. Языковой материал извлечен из словаря Е. Ю. Ваулиной «Мой компьютер. Толковый словарь», изданного в Москве в 2005 году. Словарь содержит свыше трех тысяч слов и устойчивых словосочетаний. В предисловии составитель словаря указывает на его адресата; она сообщает, что словарь «... рассчитан на широкий круг читателей, использующих компьютер прежде всего как орудие труда в какой-либо сфере деятельности, средство получения и обработки информации, независимо от глубины их знакомства с информатикой и владение терминологией» [Ваулина 2005: 5]. В словарь входит таким образом не только терминологическая система, опирающаяся в своем большинстве на заимствования из английского языка, но и единицы профессионального сленга, своеобразная письменная «устная речь», возникшая в электронных досках объявлений, но и пользовательский жаргон. Значит, в словарь включены и собственно термины, и их разговорные эквиваленты, и жаргон пользователей компьютеров, и единицы профессиональной речи.

Предметом наших исследований являются устойчивые словосочетания, для которых не приводится в словаре английский эквивалент, то есть их нельзя признать ни заимствованиями, ни семантическими кальками или полукальками. Устойчивые словосочетания обозначены в словаре специальным знаком Δ, словарная статья выглядит следующим образом: аркадный. Δ Аркадная игра (компьютерная игра, цель которой – сбить какой-л. движущийся объект, манипулируя клавишами или управляя джойстиком) [Ваулина 2005: 8].

Проблемы, которым уделяем внимания, следующие: 1. структурно-семантическая характеристика языковых единиц с учетом количества компонентов; 2. качественная характеристика компонентов; 3. стилистическая характеристика исследуемых словосочетаний.

Устойчивые словосочетания могут состоять из двух, трех или четырех компонентов, причем абсолютное большинство представляют двухкомпонентные.

Среди **двухкомпонентных** словосочетаний надо выделить те, компоненты которых остаются в **связи согласования**, и те, в которых **главенствующее слово управляет зависимым**.

К первой группе принадлежит большинство отмеченных в словаре единиц, наблюдаем 255 устойчивых словосочетаний данного типа. Если принять во внимание происхождение каждого из компонентов, языковые единицы построены по следующим моделям: А) Главенствующее слово: заимствованное – зависимое: прилагательное, образованное от заимствованного, например: *Архивационный сервер* (38) [в скобках указывается страница словаря, где находится данная единица], *Компьютерный дизайнер* (134), *Инсталляционная дискета* (138–139); Б) Главенствующее: заимствованное – зависимое: русское, например: *Звуковой адаптер* (23), *Поисковый сервер* (327), *Загрузочный вирус* (91); В) Главенствующее: русское – зависимое: образованное от заимствованного, например: *Алгоритмический язык* (30), *Виртуальная память* (89), *Бинарный поиск* (55); Г) Главенствующее: русское – зависимое: русское, например: *Висячая строка* (93), *Дочерняя папка* (148), *Звуковая плата* (170), *Красящий порошок* (238).

Двухкомпонентные словосочетания, в которых **главенствующее слово управляет зависимым** образуют группу 16 единиц, причем 14 – с беспредложным управлением и лишь 2 – с предложным.

В первой группе главенствующий компонент выражен именительным падежом, а зависимый – родительным существительного, например: *Обозреватель Интернета* (187), *Инициализация дискеты* (138).

Отмечаем следующие типы компонентов с учетом их происхождения: А) Главенствующее слово: заимствованное – зависимое: заимствованное, например: *Адаптер дисплея* (23), *Адаптер монитора* (23); Б) Главенствующее: заимствованное – зависимое: русское, например: *Панель управления* (307), *Сервер печати* (317); В) Главенствующее: русское – зависимое: заимствованное, например: *Обозреватель Интернета* (187), *Карта сайта* (210); Г) Главенствующее: русское – зависимое: русское, например: *Программа верстки* (76), *Совет старейшин* (392), *Замещение страниц* (160).

Предложное управление характерно для двух словосочетаний: *Защита от дурака* (150), *Защита от записи* (162).

В состав **трехкомпонентных** словосочетаний входят существительные и прилагательные как заимствованные, так и русские. Они построены по следующим структурным моделям: А) Nsub.+Gadj.+Gsub., например: *Система виртуальных машин* (89), *Протокол беспроводных приложений* (52), *Язык интертекстовой разметки*. Разг. (113) (16 единиц); Б) Nadj.+Nadj.+Nsub., например: *Виртуальное адресное пространство* (27), *Дисковая операционная система* (139), *Голосовой почтовый ящик* (116) (9 единиц); В) Nadj.+ Nsub.+ Gsub., например: *Абсолютное имя пути* (17), *Двоичная система счисления* (124), *Учетная запись пользователя* (163) (7 единиц); Г) Nsub.+Gsub.+Gsub., например: *Поставщик услуг Интернета* (187), *Протокол действияграмм пользователя* (126) (2 единицы).

Четырехкомпонентные представлены четырьмя субстантивными словосочетаниями; в функции стержневого слова выступают абстрактные существительные, компоненты же могут оставаться в связи управления или согласования, например: *Система управления базами данных* (46), *Протокол удаленного сетевого доступа* (148), *Виртуальный режим работы процессора* (89).

Проведенный анализ показывает, что большинство составляют двухкомпонентные словосочетания. Они функционируют параллельно с другими языковыми единицами, являясь их синонимами.

Следует назвать следующие синонимические пары:

А) **Словосочетание = Заимствованная лексема**, например: *Внутренний диск = Винчестер* (95); *Гибкий диск = Дискета* (110); *Межсетевой экран = Брандмауер* (258); *Сетевой экран = Брандмауер* (379); *Красящий порошок = Тонер* (238).

Б) **Словосочетание с зависимым словом – прилагательным, образованным от заимствованного слова = Это заимствованное слово**, например: *Винчестерский (Винчестерный) диск = Винчестер* (88); *Антивирусная программа = Антивирус* (33); *Буферная память = Буфер* (64); *Докерное окно = Докер* (143).

В) **Словосочетание = Сложное слово, первая основа которого представляет собой синоним зависимого слова в словосочетании**. Отмечены следующие синонимические пары: *Графический ... = Видео...*, например: *Графический адаптер = Видеоконтроллер* (23); *Графический акселератор = Видеоускоритель* (120); *Онлайновый ... = Интернет-...*, например: *Онлайновый магазин = Интернет-магазин* (238); *Онлайновый фильм = Интернет-фильм* (291); *Электронный ... = Интернет-...*, например: *Электронный магазин = Интернет-магазин* (247); *Электронная торговля Коммерц. = Интернет-торговля* (411).

Г) **Словосочетание = Словосочетание**, причем в их составе различаются или стержневые, или зависимые слова, например: *Аппаратные средства = Аппаратное обеспечение* (36); *Защитный фильтр = Защитный экран* (128); *Поисковая машина = Поисковый сервер* (254); *Поисковый*

сервер = *Поисковая система* (327); *Троянский конь* = *Троянский вирус* (235); *Плазменный монитор* = *Плазменный дисплей* (270) (12 единиц с различным стержневым словом). Чередующимися зависимыми словами в словосочетаниях являются и заимствованные, и русские лексемы, например: *Вычислительная сеть* = *Компьютерная сеть* (105); *Двоичная совместимость* = *Бинарная совместимость* (124); *Мотивирующий вирус* = *Полиморфный вирус* (91); *Простой цвет* = *Плашечный цвет* (346); *Составной цвет* = *Триадный цвет* (393); *Быстрые клавиши* = *Горячие клавиши* (65); *Спящий режим* = *Ждущий режим* (364) (Всего 19 пар).

Характеризуя рассматриваемые словосочетания по их стилистическим особенностям, следует подчеркнуть, что только при немногих из них наблюдаем в словаре помету, указывающую на ограниченную сферу их употребления. Итак, к разговорным автором словаря относятся следующие словосочетания: *Домашняя страничка* Разг., значение которой равно словосочетанию *Домашняя страница* (калька английского home page) (145); *Рекламная сетка* Разг. (= *Рекламная сеть*) (365); *Сетевой червь* Разг. (380) (= *Червь* Разг. 'Вирус-репликатор' (439); *Почтовый ящик* Разг. (= *Электронный почтовый ящик*) (334); *Бутовый вирус* Разг. (= *Загрузочный вирус*) (62). Одна единица имеет при себе помету Коммерц. (коммерция): *Электронная торговля* Коммерц. = *Интернет-торговля* (411).

Приведенный анализ группы лексических единиц, принадлежащих к компьютерной лексике, иллюстрирует один из способов образования новых названий – устойчивых словосочетаний. Большинство представляют собой, что соответствует требованиям языковой экономии, двухкомпонентные образования, отличающиеся очень широким, почти не ограниченным использованием заимствованных и русских лексем. Словосочетания образуют синонимические ряды с другими языковыми единицами, заимствованиями, кальками, полукальками, сложносокращенными словами (Ср. [Трофимова 2001:7]) Е. А. Земская, указывая на активные процессы словопроизводства во второй половине XX века, замечает: «Для изучаемого периода характерен рост активности некоторых способов словообразования. При сохранении высокой активности суффиксации возрастает активность словосложения, сложносокращенного способа, аббревиации, а также **производство составных наименований** [подчеркнуто мною: Б.П.], что приводит к увеличению количества многоморфемных слов в русском языке» [Земская 1997: 199].

В активном образовании и употреблении устойчивых словосочетаний проявляется, по-видимому, стремление приблизить науку к жизни, объяснить неизвестное через знакомое, понятное.

Использованная литература:

- ВАУЛИНА, Е. Ю. (2005): *Мой компьютер. Толковый словарь*. М.
 ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1997): *Активные тенденции словопроизводства* In: *Русский язык*. Redaktor naukowy T. Sirajev, Opole. 163–201.
 ТРОФИМОВА, Г. Н. (2001): *Как обозначать принадлежность к Интернету?* In: *Мир русского слова*, N 4. <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs, 30.08.2011>.

Алиция Пшишляк

Польша, Ополе

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПОИСКА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ИДИОМ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

ABSTRACT:

The Internet as Means of Searching Interlinguistic Equivalents (Based on Meteorological Idioms in Russian and Polish Languages)

The main area of this article is Polish meteorological linguistic units that are not present in Polish-Russian translation (bilingual) dictionaries. Among such units one can identify, among others, *bloto pośniewowe*, *klin wyżowy*, *temperatura odczuwalna*, *zatoka niskiego ciśnienia*. The main aim of the article is as follows: 1) to demonstrate the ways how it was possible to trace the Russian equivalents for the above-mentioned phrases on the Internet; 2) to answer the following question: how much the infinite resources of the Internet turned out to be helpful while searching for the missing Russian equivalents.

KEY WORDS:

Meteorological linguistic unit(s) – Polish-Russian dictionary of idioms – Russian equivalent – Russian and Polish Internet resources.

Данная статья основана на материале раздела «Прогноз для Европы. Метеорология», подготовленного мной для 5-ого выпуска «Настольного польско-русского идиоматикона» [Przyszlak 2010]. Работа над этим разделом позволила осознать, что в польском языке есть много метеорологических языковых единиц, которые обладают свойствами, характерными для репродуктов¹ (такими как: воспроизводимость, относительная устойчивость и соответствующая частотность употребления), и тем не менее не фиксируются переводными польско-русскими словарями. Я имею в виду такие регулярно воспроизводимые в польских сводках погоды выражения, как напр.: *bloto pośniewowe*, *klin wyżowy*, *zatoka niskiego ciśnienia*, *temperatura odczuwalna* и др. Поскольку среди вышеуказанных единиц одни означают атмосферные явления *sensu stricto* (*zatoka niskiego ciśnienia*,

¹ Термин «репродукт» я употребляю за: [Chlebda 2010: 140].

klin wyżowy), другие просто связаны с сообщением о погоде, например, для автомобилистов (*bloto pośniegowe*) или лыжников (*temperatura odczuwalna*), то с высокой долей вероятности можно было предположить, что они должны иметь также свои устойчивые соответствия в русском языке. Исходя из такой именно предпосылки, я попыталась установить инвариантную форму русских эквивалентов для этих польских единиц. Главная цель настоящей статьи: 1) изложить результаты этой интересной, но и сложной работы на примере отобранных четырёх словосочетаний; 2) найти ответ на вопрос: насколько неисчерпаемые ресурсы Интернета могут быть пригодными в этой работе?

В силу обстоятельств для решения поставленной задачи мне пришлось искать материалы в внесловарном пространстве. Одним из самых полезных источников оказался, разумеется, Интернет, делающий доступными не только несметное количество русскоязычных текстов прогноза погоды, но и узкоспециальные сведения из области метеорологии (напр., электронные энциклопедии, словари и другие пособия)². Подробный анализ бесчисленных Интернет-текстов, относящихся к метеорологической сфере, а также советы языкового консультанта Тамары Милютиной привели к желаемому результату – для данных польских единиц нам удалось найти их русские соответствия, ср.:

klin wyżowy (ок. 18 тыс.)³ – **гребень антициклона** (ок. 18 тыс.)
zatoka niskiego ciśnienia (ок. 2 тыс.) – **барическая ложбина** (ок. 1,5 тыс.)
temperatura odczuwalna (ок. 64 тыс.) – **эффективная температура** (ок. 18 тыс.)
bloto pośniegowe (ок. 54 тыс.) – **снежная каша** (ок. 130 тыс.)

Что касается трёх первых единиц, то вчитавшись внимательно в польские дефиниции, объяснения и тексты и сравнив их с аналогичными русскими контекстами, можно было убедиться, что речь идёт об одном и том же атмосферном явлении. В этих случаях дополнительной подсказкой – наведением на след эквивалента – были для нас совпадающие «наглядные элементы», т.е. графические изображения, иллюстрирующие тексты польский и русский, которых, учитывая ограниченные рамки статьи, не имеем возможности привести (ср., напр., объяснения интересующих нас выражений на следующих Интернет-сайтах: www.pco.xaa.pl, www.meteorologist.ru, и др.).

Установленные три русских эквивалента симметричны исходным польским единицам по частотности и сфере их употребления, а также по их стилистической характеристике. Поэтому можно полагать, что данные русские соответствия являются полными эквивалентами.

Особый случай представляет собой польская единица *bloto pośniegowe*, так как найти русскоязычный эквивалент для этой единицы было весьма непросто. В связи с этим, я хотела бы посвятить этой единице больше места и попытаться воссоздать долгий и запутанный путь в поисках её эквивалента. Как уже

² Некоторые адреса сайтов, которыми мы пользовались: 1) адреса польскоязычных сайтов: www.exweather.eu; www.tvnmeteo.pl; www.interklasa.pl/meteo/zjawiska/slov; www.mount.cad.pl/meteo/slownik; www.meteoarchiwum.pl; 2) адреса сайтов Рунета: www.hmn.ru (сайт Гидрометцентра России); www.chellogoda.ru; www.drgu.ru/meteo/book/slovar (*Российский гидрометеорологический энциклопедический словарь*, ред. А. И. Бедрицкого, СПб 2008); www.meteorologist.ru

³ В скобках даны результаты поиска, полученные поисковой системой Google.pl и Google.ru.

было упомянуто ранее, данное выражение не зарегистрировано ни одним переводным польско-русским словарём. Более того, оно отсутствует даже в одноязычных словарях польского языка⁴. Это удивительная ситуация, учитывая факт, что *bloto pośniegowe* имеет статус репродукта – воспроизводимой единицы языка; сфера его употребления вовсе не ограничивается текстами прогнозов погоды, а наоборот, оно применяется в разных стилях, т.е. оно общеупотребительно. Высокую частотность употребления этого выражения отражает число результатов, полученных в системе Google.pl – ок. 54 тыс.. На первые «следы» этой единицы я наткнулась в польско-язычном разделе Википедии, где нашла статью с объяснением на польском языке: ‘topniejący na drodze śnieg, często także wymieszany z piaskiem i środkami chemicznymi’⁵ и гиперссылку, отсылающую к аналогичной статье в русской Википедии. Таким образом, казалось, что установление эквивалента для обсуждаемой единицы – это исключительно технический вопрос. Достаточно одного щелчка мыши. Однако после нажатия на эту гиперссылку, оказалось, что место заглавного слова в статье занимало слово *снежура* вместе с разъясняющим это понятие текстом⁶. Из этого текста вытекает, что русское слово *снежура* вовсе не означает того же, что польское *bloto pośniegowe*. Снежура, согласно описанию в Википедии означает гидрометеорологическое явление, которое возникает на поверхности воды и как таковое представляет опасность для кораблей. Благодаря проверке слова *снежура* в переводном русско-польском словаре, в котором для этого русского заглавного слова даётся польское соответствие *śryż* (отметим, что слово снабжено пометой «специальный термин») [Mirowicz et. al. 1996: 482], а также проверке энциклопедического объяснения для слова *śryż*, мы могли убедиться, что: 1) *śryż* – это *снежура*; 2) это явление имеет другую природу, чем *bloto pośniegowe*, и нельзя эти понятия путать.

Отсюда следует, что признание Википедией единиц *снежура* – *bloto pośniegowe* как равнозначных является существенной ошибкой, что, в свою очередь, может быть предостережением от излишней «доверчивости» по отношению к сведениям, предлагаемым Википедией.

В такой ситуации казалось, что наши поиски эквивалента для единицы *bloto pośniegowe* застряли на мёртвой точке. Парадоксально однако, что тот же самый текст – объяснение слова *снежура* –, из-за которого я забрела в своих поисках в тупик, стал в известном смысле инспирацией для дальнейших – как потом оказалось – удачных поисков. В этом тексте я наткнулась на выражение **кашеобразная вязкая масса**, которое навело меня на правильный путь,

⁴ Имеем в виду прежде всего словарь в трёх томах под редакцией М. Шимчака (Słownik języka polskiego, Warszawa 1988) и двухтомный словарь под редакцией М. Банько (Inny słownik języka polskiego, Warszawa 2000).

⁵ Вышеуказанное объяснение можно перевести на русский язык следующим образом: ‘таяющий на дороге снег, часто смешанный с песком и химическими реагентами’.

⁶ **Снежура** – снежный покров или скопление снега на воде, образующееся при обильном выпадении снега на поверхность воды, близкой к точке замерзания. Быстро пропитывается водой и образует **кашеобразную вязкую массу**. Смерзаясь, образует шугу. При шторме представляет опасность для кораблей, поскольку при попадании на палубу приводит к быстрому обледенению. С появлением снежуры часто начинается процесс ледообразования, а на небольших непроточных водоемах и малых реках со слабым течением снежура часто служит главной составляющей ледяного покрова (ru.wikipedia.org)

вызывая ассоциации со словами «каша» и «кашица» в их переносном значении (т.е. ‘месиво’, пол. ‘raśka’ / ‘breja’). Обратившись к переводным русско-польским словарям, а также к толковым словарям русского языка, я смогла проследить потенциал лексической сочетаемости найденных слов. Моё внимание привлекли следующие иллюстрации употребления слов «каша» и «кашица»: «каша из песка и снега», «снежная кашица под ногами» [Ожегов, Шведова 1992: 276], «под ногами каша из снега и грязи» [Mirowicz et. al. 1996: 464], которые вызвали следующую цепочку ассоциаций, так как в них содержится ценная информация, что «каша» в переносном значении может состоять «из песка и снега». Одновременно одна из указанных иллюстраций употребления представляет словосочетание «снежная кашица». Итак, дедуктивным методом мы пришли к следующему выводу: если слова «каша» и «кашица» в их переносном значении являются синонимами, то, видимо, возможно также словосочетание «снежная каша».

Как позже оказалось, это был выстрел в десятку. Как тексты, содержащие оборот *снежная каша*, так и изображения, иллюстрирующие в Интернете это выражение, не оставляют никаких сомнений, что *снежная каша* является эквивалентом польской единицы *bloto pośniegowe* (см., www.liveinternet.ru, www.autowiki.info, <http://ura.ru>, <http://img-fotki.yandex.ru>, <http://webukhta.ru>, и др.).

Итак, вернёмся к поставленному в начале статьи вопросу: насколько неисчерпаемые ресурсы Интернета могут быть пригодными в поисках иноязычных эквивалентных соответствий для исходных единиц, не фиксирующихся переводными словарями? Наблюдения над проанализированным материалом позволяют сделать следующий вывод: Интернет как всемирная паутина, являющаяся глобальной и универсальной базой данных, оказывается также и для лексикографа полезным инструментом в поисках иноязычных эквивалентов. В нашей работе Интернет сделал возможным провести сравнительный анализ аналогичных польских и русских текстов (в том числе и узкоспециальных). Немаловажную роль в этом контексте сыграли Интернет-картинки, иллюстрирующие тексты (приложенные графики, рисунки, фотографии, и т.п.). Однако, как известно, в Интернете много ошибок (в том числе существенных) и непоследовательностей. В ходе наших исследований оказалось, например, что, используя гиперссылки, которые должны обеспечить связность информации и позволить перейти к русским объектам Интернета, мы не только не получили объективной информации, но, напротив, были введены в заблуждение (ср. *bloto pośniegowe*). Отсюда вывод, что в поисках иноязычных эквивалентов Интернет нельзя считать полностью достоверным и авторитетным источником. Интуиция, компетентность и языковое чутьё лексикографа всё ещё остаются в этой работе тем фундаментом, который помогает разобраться в паутине текстов Интернета, избежать ошибки некритического их использования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- CHLEBDA, W., red. (2010): *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*, Opole.
- MIROWICZ, A., DULEWICZOWA, I., GREK-PABISOWA, I., MARYNIAKOWA, I. (1996): *Wielki słownik rosyjsko-polski*, t. II, Warszawa.
- PRZYSZLAK, A. (2010): *Prognoza dla Europy. Meteorologia*. In: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, z. 5., red. W. Chlebda, Opole, s. 165–180.
- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1992): *Толковый словарь русского языка*, М.

ЛЮБОВ ВАСИЛЬЕВНА САВЧЕНКО

Україна, Сімферополь

КУЛЬТУРНИЙ КОД ЯК ІНСТРУМЕНТ ДОСТУПУ ДО БАЗОВИХ ЕЛЕМЕНТІВ КУЛЬТУРИ У ВЕКТОРІ ФРАЗЕОЛОГІЇ

ABSTRACT:

Cultural Code as a Tool to Access Base Elements of Culture in Phraseological Vector

In the research, definition problem of notion of *code* is covered, and code systems of language symbols of culture in phraseology are analyzed. When studying cultural coding through phraseology connected with spiritual culture, we mark out the code system in spiritual macrocode. Special emphasis is made in the article on the substantial and conceptual base groups of cultural codes that are necessary elements in overall revealing of historical and etymological characteristics of phraseological units and their semantics.

KEY WORDS:

Phraseological unit – cultural code / subcode – spiritual macrocode – component – phraseologem.

Актуальні сьогодні поняття «коди», «семіотика», «семіосфера» вперше ввів в інтелектуальний обіг учений Ю. М. Лотман, гіпотеза теорії якого полягала в тому, що культура – система знаків, системне ціле, свідомі та несвідомі моделі діяльності, форми і види ставлення людини до навколишнього світу [Лотман 2002]. Уявлення про культуру як про семіотичну систему можна глибинно вивчити через поняття «код культури», оскільки знаки знаходять своє відображення в природі та людині. М. І. Толстой акцентує на тому, що культура багатомовна в семіотичному сенсі цього слова. В обрядовому тексті, що виражений семіотичною мовою культури, виділяють три форми, три коди і три сторони мови – *вербальну* (словесну – слова), *реальну* (наочну – предмети, речі) і *акціональну* (дії)» [Толстой 1995: 23]. Польський дослідник Е. Бартмінський із цього приводу слушно зауважує: «Лінгвіст стикається з масою фактів, виражених за допомогою різних культурних кодів, які утворюють базову єдність, що виконує роль когнітивної рамки відправника, доступної для дослідника» [Бартмінський 2005: 106-107]. Культура являє собою ієрархічно організовану систему різних кодів, які є вторинними знаковими системами. Культурний

код можна назвати певною семіотичною системою, у якій різні матеріальні і формальні засоби кодують той же зміст, що і є картиною у світогляді людини. На підставі дослідження теоретичних джерел і практичного матеріалу культурний код розглядається як інструмент доступу до об'єктивних базових елементів культури. В основі коду лежить класифікація типового набору елементів культури, що формують культурні константи в процесі систематизації досвіду етносу. Коди дають можливість проникнути на смисловий рівень культури, створюють «систему координат, яка містить і визначає еталони культури» [Красных 2003: 146], а також передбачають вторинне використання знаків, за якими вже закріплене первинне. Як вказують учені, природа знаків різна: дії (акціональний код), речі (предметний код), природні об'єкти (біоморфний, астральний коди) та інші прояви дійсності (колоративний, звуковий, одоричний тощо), а також слова та тексти (вербальний код) тощо. Первинні елементи відбираються на основі не практичного досвіду, а «іманентного знання, що виходить із картини світу» [Цив'ян 2005: 44]. Усі коди культури: і соматичний, і просторовий, і часовий, і біоморфний, і духовний, на думку В. В. Красних, «задають і зумовлюють метрично-еталонну сферу, що бере участь у структуризації та оцінці матеріального світу» [Красных 2002: 257]. Авторка уподібнює коди з «сітками», які культура «накидає» на навколишній світ, членує, категоризує, структурує й оцінює його» [Красных 2002: 232]. Культура підтримується функціонуванням різних кодів у духовній практиці етносу, що певною мірою моделює світ із позиції людини.

Ключовою ланкою в аналізі фразеологізмів обираються коди культури. Фразеологічні одиниці (ФО) вважаються семіотичним феноменом і зберігають сформовані віками стереотипні уявлення етносу, репрезентуючи історичний і культурний досвід людства. Традиції та обряди, повір'я і вірування, ритуали і ворожіння, міфи та легенди знайшли свій прояв у ФО, які співвідносяться з давніми пластами культури – архетипними опозиціями, міфологічними, язичницькими та біблійними уявленнями, які ніби вкоренилися в усю глибину свідомості носія мови, що ускладнює багатогранну картину функціонування фразеологізмів у мові. Співвідношення ФО з кодами культури транслюється через культуреми, міфологеми, артефакти, ментофакти, живі істоти, їх дії і вчинки – усе те, що є предметом осмислення й оцінювання в процесі життєдіяльності.

Сучасні науковці намагаються створити систему кодування мови культури, що корелюють на основі компонентів-фразеологем у структурі ФО, через образи ФО і їх семантику. Деякі коди є базовими і співвідносяться з архетипними баченнями культури. М. Л. Ковшова виділяє анатомічний, соматичний, зооморфний, рослинний, предметний, харчовий, акціональний, космічний тощо культурні коди [див. Ковшова 2009: 22-23], В. В. Красних – соматичний, просторовий, часовий, предметний, біоморфний, духовний [Красных 2002: 233]. Між кодами немає і не може бути чітких меж. Вторинна знакова система базується на семіотично маркованих матеріальних об'єктах, чим і визначається впорядкована система культурних кодів, які протиставляються один одному на певних підставах або переплітаються між собою. Наприклад, соматичний код

використовується для опису простору, а просторові відносини переносяться на часові. У свідомості простір і час нерозривно пов'язані, що знаходить своє відображення в мові. Отже, обов'язковими у світі людини є просторовий і темпоральний коди. Предметно-речовий код пов'язаний із соціальними відносинами і визначає соціальний код. Цей зв'язок має двосторонню залежність: предметний код транслюється в соціальні відносини, соціальний код пронизує базові поняття предметного, який визначає духовний код. Із духовним тісно корелюють моральний, міфологічний, релігійний коди і т.д.

Кодування соматичного простору йде в напрямку від людини зовнішньої до людини внутрішньої. Культурну інформацію про людину зовнішню фіксують соматичний, антропний і діяльнісний коди. Перехід на людину внутрішню здійснюється за рахунок якісного й духовно-релігійного кодів. Соматичний код може бути трансформатором знаків для часового, просторового, духовного кодів, зооморфний, фітоморфний і предметний використовуються для позначення простору, часу, людини, оцінки. Аксиологізованими можна вважати сенсорний і просторовий коди. Із діяльним пов'язані глютонімічний, предметно-речовий, антропний, зооморфний і фітоморфний коди. Фізичний простір буття людини кодується за допомогою природно-ландшафтного, зооморфного, фітоморфного, колоративного кодів, а також «вимірювальних» – кількісного та числового. Часовий простір через свою абстрактність співвідноситься в антропному вияві тільки з квантитативним кодом.

Провідні дослідники мови та культури виділяють дві групи культурних кодів: субстанціональні та концептуальні. Складовою першої групи є матеріальна субстанція, друга базується на основі ідеї та концепції. Виділяється вербальний код, оскільки мова займає особливе місце в системі кодів, і є засобом та інтерпретантом культури. На підставі різних точок зору на систему кодування, у першій групі виділяємо антропний, соматичний, зооморфний, фітоморфний, предметно-речовий, природний коди культури. У другій – просторовий, темпоральний, геометричний, колоративний, квантитативний, аксіологічний, якісний, каузативний, діяльнісний. Враховуючи сучасні віяння щодо дослідження мови в тісному взаємозв'язку з культурою народу, зокрема духовною, виокремлюємо духовний макрокод, що охоплює фундаментальний і глибинний пласт духовних надбань і цінностей. Розкрити смисловий сенс духовного макрокоду комплексно не можливо без тісного взаємозв'язку з іншими групами кодів.

Під духовним макрокодом культури розуміємо сукупність моральних цінностей, установок і правил, традицій і звичаїв, обрядово-ритуальних магічних дій, що сформувалися під впливом язичницьких, міфологічних і релігійних уявлень духовної культури. Фразеологія ніби складна мегакомп'ютерна система зберігає у своїх файлах накопичені віками ресурси, шифр до розгадки коду яких можна виявити лише шляхом аналітичного та логічного аналізу низки культурних чинників. Отже, закономірним є виділення низки суміжних кодів і субкодів у складі духовного культурного макрокоду. Наприклад, міфологічний код культури охоплює низку субкодів,

які знайшли своє втілення в образах ФО: анімістичний (*дивитися вовком; лізти змією в душу*); тотемічний (*лежати на плечах; вибивати клин клином*); фетишний (*водити козу; зламати калину*); етіологічний (*лихоманка з-за плечей бере; сон узяв*); космогонічний (*на сьомому небі; на чому світ стоїть*); астральний (*місце під сонцем; провідна зірка*); есхатологічний (*до страшного суду; поки світу та сонця*); міфонімічний (*за царя Гороха; щоб на тебе Див прийшов; велесова борода*). Духовна культура охоплює широкий спектр традицій та обрядів народу. Не випадково фіксуємо численні ФО, історико-етимологічне підґрунтя яких знаходимо в традиційно-обрядовому коді. Наприклад, ФО *не щодня попнятам Дмитрова субота; кінський великдень; справляти колодку*, пов'язуються з календарно-обрядовим субкодом. Виділяємо також родинно-обрядовий субкод (*полоскати повивач; пропивати молоду; палю забивати; перемивати кісточки*); громадсько-обрядовий (*посадження на коня; водити на купу*); церковно-обрядовий (*в Божу крижму вписатися; у хрест увійти; до вінця везти*). Фундаментальне місце в духовному макрокоді займає релігійний код, у якому вирізняємо такі субкоди: антропоособистісно-релігійний (*рятувати грішну душу; омити душу*); антропоморфно-біблійний (*як Адам і Єва в раю; мудрий як Соломон*); релігійно-теонімний (*на милість Бога; усі під Богом ходимо; Мати Божя*); антропо-агіонімний (*на Миколи тай ніколи; на Юрія, як рак свисне*); антропо-геортонімний (*як на Великдень; хочеться мерзлого в Петрівку*); релігійно-локальний (*той світ; цей світ; у саме пекло лізти*).

Крім вищезазначених виділяємо ще низку культурних кодів, що співвідносяться з фразеологемами в структурі ФО чи з образами ФО: звичаєвий код (*лоби голити; на шапкобрання; не бачити смаленого вовка; миркати попідвіконню*); ритуальний код (*посипати голову попелом; рвати на голові волосся*); код вірування (*пищить як дідько в градовій хмарі; як осика на вітрі*); код повір'їв (*увірвати нитку; встати на ліву ногу; щоб ти зозулі не чув*); код замовлянь (*як рукою зняло; переливати з пустого в порожнє*); код ворожін'я і гадань (*вилами по воді писано; як у воду дивитися; баба на двоє ворожила*); код клятви і присяги (*землю їсти (гризти); клястися небом и землею; ручатися головою*); код дозвілля (*ханьки м'яти; битися навбитки; потанцювати циганської халандри*); мовленнєво-етикетний код (*дай Боже з калачем; скатертю дорога; у добрий час; хліб-сіль вам; крий Боже*); духовно-моральний код (*гріха боятися, гріхи спокутувати; збити з пуття*); соціальний код (*дати на лапу; світська левиця*); демонологічно-антропоморфний код (*сам біс ногу зломить; блуд учепився; годувати злидні; цур тобі пек*).

Отже, система кодування відіграє ключову роль в експлікації елементів культури, оскільки код можна вважати інструментом доступу до бази культурних даних, що корелюють із ФО певного мовного простору. Для духовного ма-

крокоду в основному характерне декодування культури, яке співвідноситься з вільним словосполученням, що виникає в процесі поєднання двох інших видів кодів. Субстанціональні та концептуальні групи кодів у фразеології відіграють роль трансляторів культури через компоненти-фразеологеми в структурі ФО, їх семантику, і виступають лакмусовим папірцем у виявленні фундаменту виникнення ФО через духовний світ людини.

ВИКОРИСТАНА ЛІТЕРАТУРА:

- КОВШОВА, М. Л. (2009): *Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: автореферат дис. ... доктора филологических наук*. М.
- КРАСНЫХ, В. В. (2003): *Предметный код культуры в русском культурном пространстве*. In: *Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы*. М., с. 146-148.
- КРАСНЫХ, В. В. (2002): *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. М.
- ЛОТМАН, Ю. М. (2002): *Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб.
- ТОЛСТОЙ, Н. И. (1995): *Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М.
- ЦИВЬЯН, Т. В. (2005): *Модель мира и ее лингвистические основы*. М.

НАТАЛИЯ СКИБА

Украина, Киев

НЕОФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В УКРАИНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

ABSTRACT:

New Phraseological Units in Ukrainian Journalistic Text

The article deals with the active creative processes in the Modern Ukrainian (Russian) language of journalistic texts. Nowadays we study very intensive changes in the language structure, specifically in the phraseology and the vocabulary. The object of the article is the main aspects of new phraseological units in mass-media texts. We consider phraseological creative processes as modification, transformation of the phraseological model in the context situation.

KEY WORDS:

Phraseological unit – phraseological meaning – creative process – new phraseological unit – structural semantic transformation – substandard phraseology – flexibility of phraseological unit.

Современный публицистический текст представляет собой динамический объект исследования, в котором отражается движение языковой системы, а также формируются новые тенденции в развитии языковой ситуации. Публицистика остро реагирует на изменения в социальной, политической, экономической жизни, на прогресс в информационно-коммуникативной и научно-технической сферах. Вместе с тем наблюдается внутренняя противоречивость в языке средств массовой информации, в котором сочетаются такие качества, как динамизм и консервативность, стремление к наибольшей информативности и экспрессии любыми средствами, эталонность и зависимость от языковых приоритетов социума, моды. Многие лингвисты (В. М. Мокиенко, В. Г. Костомаров [Костомаров 1999], А. О. Тараненко [Тараненко 2002], Д. Х. Баранник [Баранник 2001], А. А. Стишов, Б. О. Коваленко [Коваленко 2002], Б. М. Ажнюк и др.) отмечают высокую фразеологическую активность в текстах СМИ, которые, по их мнению, становятся определяющими в формировании литературной нормы.

1. Наблюдая за процессами, которые происходят во фразеологическом составе современной украинской публицистики, невозможно не заметить в нем большое количество **просторечных элементов**. Некоторые языковеды [Трубачев 1991] называют это естественным процессом циклического развития языка от его аристократизации к демократизации, другие – данью моде и постмодернизму. Просторечная периферия функционирует в виде семантических, структурных отклонений от норм литературного языка, которые придают тексту преднамеренную сниженность, фамильярность, иногда – грубость. Заметна тенденция к «пародийному обыгрыванию освященных традицией жанровых канонов и ироничному высмеиванию серьезных мотивов» [Тараненко 2002: 38]. Это своеобразная стилизация под язык среды, которая не владеет литературным языком, или «языковая игра» адресанта и адресата языковой коммуникации, а просторечные элементы вводятся в текст для достижения особых стилистических и иллокутивных целей. Проблему интертекстуальности, момент игры в тексте рассматривал еще Ю. Лотман [Лотман 1970: 155–156], использование «кавычек» при этом имеет особенную прагматическую нагрузку.

В просторечных ФЕ наблюдаем:

1) собственно просторечные фразеологизмы: ... *мощный аккумулятор позволяет очень долго наслаждаться возможностями телефона «на полную»* (L'Officiel Украина №80, с. 39); ... *лицо, с которым уехал из Киева премьер Владимир Путин, вознамерившийся было нахрапом навязать свой Таможенный союз, безусловно войдет в учебники истории будущего* (BBC. Итоги недели, 4-10 августа 2011, с. 4); ... *у каждого свои тараканы в голове* (Elle Украина, октябрь 2010, с. 138); ...*это может испортить всю малину* (с. 139);

2) суржиковые элементы (в основном англо-русские и украинско-русские, при чем наблюдается как написание кириллицей в транскрибированном варианте, так и латиницей): *Если вы выбираете своим зрителем «пилл», вы и делаете для него то, что он «хавает»* (Комментарии, № 252); ... *она может предложить «гарбуза»...* (Elle Украина, окт. 2010, с. 139); *история с хеппи-эндом* (с. 139), *must-have сезона* (с. 143); ... *дизайнеры чаще ориентированы на wow-эффект* (с. 230); ... *нужно пройти фейс-контроль* (BBC. Итоги недели, 4–10 авг. 2011, с. 6); ... *действует строгий dress-code* (L'Officiel Украина № 80, с. 32);

3) профессиональные и молодежные жаргонизмы: ... *хочется на время покинуть бурлящий водоворот событий и «залечь на дно»* (L'Officiel Украина № 80, с. 156); *По ходу игры он ... «мочит» боевиков в сортире...* (BBC. Итоги недели, 4–10 августа 2011, с. 7); *Я такое бабло срубил во время этой выдуманной эпидемии «свиного» гриппа...* (с. 8). Наблюдаем большое количество жаргонных ФЕ со значением «зарабатывать деньги», что можно объяснить большим значением в обществе этого явления: *рубить капусту, косить капусту, стричь зелень, стричь купоны* и др.;

4) обценные ФЕ (эвфеминизированные обценизмы). Общую тенденцию к «варваризации» (снижению) языка отметил еще Б. Ларин в 1931 году [Ларин

1977], В. Г. Костомаров назвал это явление «языковым раскрепощением» [Костомаров 1999: 10]. Подчеркнутый «антиэстетизм языка» [Тараненко 2002: 39] позволяет журналистам использовать табуированные, иногда «непечатные» единицы, связанные с физиологическими потребностями человека, мат, ругательства и проч.: «*большая нужда*», *реформа «по-маленькому»*, *малая судовая нужда*. Непосредственно к обценнизмам и прежде всего к матизмам примыкает обширный круг эвфемистических фразеологических единиц, смысл которых зачастую проясняются только при соотнесении с непристойными «прототипами» *бляха-муха*, *едрёна-матрена*, *ёлки-палки*, *ё-моё*, *японский бог*, *послать на три буквы* и др. В печатных СМИ подобные единицы встречаются нечасто (как правило, в интервью), берутся в кавычки и автор извиняется за их употребление: *как говорится, слов из песни не выбросишь, как сказал известный(-ая)* и проч.

II. Появление большого количества новых понятий (в связи с развитием технических средств, в измененных социально-политических условиях) определяет потребность в номинации и образной оценке явлений действительности, характерных для новой эпохи, и появление **собственно новых ФЕ**. Часто для номинации новых понятий формируются ФЕ, содержащие в качестве ключевого слова компонент «новый»: *новые русские / украинцы / белоруссы, новое зарубежье / волна / телевидение / газета*; компонент «горячий»: *горячий тур / линия / тема / пора / точка*; компонент «черный»: *черный вторник / четверг / пятница*. «Перестройка» в различных сферах жизни неизбежно рождает соответствующие новому времени устойчивые обороты: *шоковая терапия, парад суверенитетов, оранжевая революция, цветные революции, эффект домино, кассетный скандал, информационная бомба, коридоры и курилки власти* и проч., многие из которых функционируют в качестве заголовков газетных статей.

Близкими к просторечно-разговорным ФЕ являются субстандартные языковые образования. Это прагматически заданные отклонения от нормы литературного языка, которые обусловлены ситуацией. Разновидностью подобных субстандартных языковых единиц являются окказионализмы, авторские образования с мощным экспрессивным зарядом, которые представляют собой, как правило, ФЕ «одноразового использования».

III. ФЕ как экспрессивные единицы, подчиняясь в контексте авторским модификациям, приобретают комбинированную, дополнительную экспрессивность. В современной лингвистике [Мокиенко 1989: 26] трансформации рассматриваются как фундаментальное свойство языка и источник обновления экспрессивности ФЕ. В трансформационных процессах участвуют как интралингвистические (эволюционные) факторы, так и экстралингвистические – усиление роли автора-творца в тексте, или индивидуализация текста. Широкое употребление фразеологизмов в названиях газетных статей является неслучайным, ведь заголовок должен обладать особой экспрессией и специфичностью, чтобы привлечь внимание читателей, а рекламная

функция названия способствует «модернизации» ФЕ. Трансформации ФЕ, зафиксированные нами в текстах печатных СМИ, происходят в нескольких направлениях:

1) семантические трансформации, или замена значения традиционного фразеологизма (структура ФЕ не меняется, на смену традиционного значения на противоположное указывают кавычки): *Янукович решил устроить водителям «сладкую жизнь»* (Комментарии, № 246), имеется в виду: новые, «неудобные» правила; *В порты влили «свежую кровь»* (Комментарии, № 273), то есть «ничего не изменилось»;

2) структурные модификации: **а) лексическая субституция** – замена компонента ФЕ (общее значение при этом остается тем же, но ФЕ приобретает дополнительную экспрессию). Наиболее частым приемом является замена компонента известного фразеологизма в зависимости от контекста и темы статьи: *Не птицей единой* (Комментарии, № 246) – ср.: *не хлебом единым*; *Пророк на час* (№ 248) – *калиф на час*; *...Ангела Меркель нажила себе «сильного конкурента»* (№ 253) – *нажить себе врага*; *Долгая дорога к банку* (№ 256) – *долгая дорога в дюнах*; *Шахтерам снова обещают золотые терриконы* (№ 261) – *обещать золотые горы*; *Наша раковая статистика хромает на две ноги* (№ 251) – *хромать на одну ногу* и под.; **б) семантическое уточнение значения** в определенном контексте (за счет добавления контекстуальных прилагательных или существительных). В трансформированной модели меняется лексико-грамматический состав и значение всего фразеологизма расширяется: *Режиссерская звезда 65-летнего оскароносца, возможно, закатилась* (Комментарии № 248); *Украину заткнули за пояс процветания* (№ 253); *Вот здесь и стало совсем очевидно, откуда берут свое начало шампанские реки* (Elle Украина, октябрь 2010, с. 85); *Виктор Янукович спустил на журналистов псов олигархии – адвокатов миллионеров* (ВВС. Итоги недели 4–10 августа 2011, с. 2); **в) семантизация ФЕ**, или прием реализации одного из компонентов в свободном значении: *В столице директор КП нарубил деревьев на уголовное дело* (Комментарии, № 246) – о массовых вырубках в Киеве; *Эмбарго на импорт какао... может ударить и по карману, и по желудку любителей шоколада* (№ 249) и под.

3) цитация или квазичитация и аллюзийное цитирование, которые являются атрибутом языковой игры адресата-адресанта текста, о чем свидетельствует анализ заголовков и рубрик статей: *«Шершень» укусил Америку* (Комментарии, № 249) – ср.: *какая муха тебя укусила?* – об американском фильме «Шершень»; *За металлургами заржавело* (№ 247) – *за нами не заржавеет*; *На лицо смуглые и добрые внутри болгары радушно встречали нас* (ВВС. Итоги недели 4–10 августа 2011, с. 13) и под.

Особенным видом преобразований ФЕ являются преобразования фраз эпохи социализма, которые приобретают ироническое звучание: *«Сухой закон» для столицы*; *призрак новых выборов*; *призрак единого кандидата* и проч. Происходит их снижение за счет введения в сниженный контрастный

по семантике и стилистическому звучанию контекст, что создает особый эффект. Лингвисты называют подобное явление «стёбом» или «ёрничанием». Создается новая норма, новый вариант публичного языкового поведения, который называем авторской иронией – авторская насмешка и субъективная оценка, часто самоирония. Происходит актуализация предыдущего ассоциативного и апперцепционного опыта адресата, адресант создает намек на что-то широко известное (цитирование, похожая ситуация, ассоциация). Т. Г. Винокур [Винокур 1993: 84] называет это явление «коммуникативным соавторством», в котором главная роль принадлежит языковой игре – разгадыванию, припоминанию: *Скажи мне, какой твой банк, и я скажу тебе, кто ты; мой дом – моя могила; возвращение блудного мэра* и др.

4) контаминация ФЕ: *За свою рубашку придется постоять* (ВВС. Итоги недели 4–10 августа 2011, с. 4) – контаминация ФЕ *своя рубашка ближе к телу и постоять за себя; ...патриарху Кириллу придется склеивать тарелку, которую до этого он активно помогал разбивать* (с. 4) – *склеивать разбитую тарелку и бить тарелки* и под.

Активная мобильность формы и взаимозамена компонентов – постоянный источник обновления экспрессивности фразеологизма, основная особенность его актуализации в речи. Такие преобразования являются спецификой печатных текстов СМИ, которые тяготеют к обновлению готовых схем, к трансформациям и повышенной экспрессивности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРАННИК, Д. Х. (2001): *Українська мова на межі століть*. In: Мовознавство, № 3, с. 41.
 ВІНОКУР, Т. Г. (1993): *Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения*. М.
 КОВАЛЕНКО, Б. О. (2002): *Розмовна лексика та фразеологія в мові сучасних українських газет*. In: Ономастика та апелятиви. Вип.17, с. 54–69.
 КОСТОМАРОВ, В. Г. (1999): *Языковой вкус эпохи*. СПб.
 ЛАРИН, Б. А. (1977): *История русского языка и общее языкознание: Избр. работы*. М.
 ЛОТМАН, Ю. М. (1970): *Структура художественного текста*. М.
 МОКИЕНКО, В. М. (1989): *Славянская фразеология*. М.
 ТАРАНЕНКО, О. О. (2002): *Колоквіалізація, субстандартизація та вульгаризація як характерні явища стилістики сучасної української мови*. In: Мовознавство, №4/5, с. 33–39.
 ТРУБАЧЕВ, О. Н. (1991): *Этногенез и культура древнейших славян*. М.

ТАМАРА СОКОЛОВА

Чехия, Оломоуц

АССИМИЛЯЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПРЯМЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ABSTRACT:

Assimilation of the Direct Borrowings of the French Origin in the Russian Literary Language

This article deals with analysis of direct borrowings of French origin. The research was carried out on base of the found lexical units from the *Dictionary of the borrowed words* of L. P. Krysin. 2400 words were found there, and then the grammar adaptation of the nouns, adjectives and verbs were analyzed. Results of the research are presented in this article.

KEY WORDS:

Borrowed words – direct adoption – assimilation – nouns – adjective – verb – formal adaptation – grammar adaptation.

Согласно традиционному подходу к классификации заимствованных слов их можно разделить на следующие два типа: *прямые (непосредственные) заимствования* и *кальки*.

При прямом заимствовании элементы чужого языка переходят в принимающий язык в исходной или транслитерированной форме, то есть заимствуется не только значение иноязычной лексемы, но и ее материальная форма (например, *écran* – экран). При калькировании новое слово создается по иноязычному образцу из исконных языковых элементов (например, *touchant* – трогательный).

Проанализируем некоторые особенности ассимиляции иностранных слов французского происхождения на основе картографированной нами лексики (2400 слов из заголовков словарных статей), извлеченной методом несплошной выборки из «Толкового словаря иноязычных слов» Л. П. Крысина [Крысин 2005]. В нем помета «фр. (французский язык)» употребляется рядом с иноязычным словом в следующих случаях:

1. Слово является прямым заимствованием из французского языка: *абажур*, *абонемент*, *авангард* и др.
2. Иноязычное выражение попало в русский язык из французского или какого-то другого западноевропейского языка, но невозможно определить, из какого именно. В словаре через запятую указываются как минимум два языка (чаще всего, французский и немецкий) в качестве источников (см.: *вата* (нем. *Watte*, фр. *ouatte*) или посредников для заимствованного слова (см.: из латинского языка через французский или немецкий – слово *ваза* (нем. *Vase*, фр. *vase* < лат. *vās* ‘сосуд’), из греческого языка – слова *ересь* (нем. *Häresie*, фр. *hérésie* < греч. *hairesis* ‘секта’).
3. Опосредованное заимствование – французское слово. Иноязычное слово из французского языка было заимствовано через какой-либо язык-посредник (обычно через немецкий язык): *банкир* (нем. *Bankier* < фр. *banquier*), *дезертир* (нем. *Deserteur* < фр. *déserteur*).
4. Лексема была заимствована в русский язык из какого-либо другого языка, а французский язык явился языком-посредником: *вагон* [фр. *wagon* < англ. *waggon* повозка] (из английского языка), *зэбу* [фр. *zébu* < тибет. *mdzopo*] (из тибетского языка). Значение и форма лексемы обычно восходят именно к французскому этимону: *неофит* ‘новичок в чем-нибудь’ [фр. *néophyte* < греч. *neophytos* < *neos* новый + *phyton* ‘растение, побег’].
5. Опосредованное иноязычное заимствование – нефранцузское слово, а французский язык – один из нескольких языков-посредников: *офицер* [нем. *Offizier* < фр. *officier* < лат. *officium* служба].

Иноязычное слово, попадая в принимающий язык, изменяет под его влиянием звуковую, графическую, грамматическую и словообразовательную стороны, а нередко и значение. Можно выделить, таким образом, следующие основные виды адаптации заимствованного слова в языке-реципиенте: 1) формальную (фонетическую, графическую и орфографическую); 2) грамматическую; 3) словообразовательную (последний тип ассимиляции иноязычного слова учитывают, например, Л. П. Крысин и Е. В. Маринова); 4) семантическую (некоторые лингвисты отводят этому виду адаптации главенствующую роль, например, см.: Феоклистова 1999: 4). Подчеркнем, что все эти процессы адаптации происходят одновременно. Вполне ассимилированной является лексема, уподобившаяся словам русского языка на всех или почти на всех уровнях. Например, иноязычное происхождение таких галлицизмов, как *суп*, *балет*, *салат* и *других* можно установить лишь с помощью этимологического анализа.

Остановимся подробнее на грамматической адаптации иноязычных слов, которая заключается в том, что слова в зависимости от своей частеречной принадлежности получают определенные грамматические значения и признаки в соответствии с законами принимающего языка. Так, имена существительные и имена прилагательные начинают склоняться. При этом отметим, что некоторая часть галлицизмов не склоняется: имена существительные *арго*, *жалюзи*, *каре*, *кафе* и др. и имена прилагательные *беж*, *бордо* и др. Несклоняемые слова тоже приспособляются к грамматической

системе принимающего языка. Об этом говорит «сам факт включения их в определенный грамматический класс слов русского языка, осмысление их как особых, неизменяемых имен» [Маринова 2008: 124]. Некоторые французские словосочетания подвергаются процессу лексикализации. Возникающие в результате этого слова пишутся либо слитно, либо – через дефис, например: *a-ля* – от *à la*, *комильфо* – от *< comme il faut*, *па-де-де* – от *pas de deux*, букв. ‘шаг двоих’, *па-де-труя* – от *pas de trois*, букв. ‘шаг троих’.

В принимающем языке галлицизмы могут относиться к другим частям речи, нежели их французские слова-прототипы, например: *эмансипé* (имя существительное ж.р., имеющее значение ‘женщина, подчеркивающая равные с мужчинами права’) и *éмансипé* (имя прилагательное, означающее ‘самовольный’); *жуир* (сущ. м.р. ‘человек, ищущий в жизни только наслаждения’) и *jouir* (глагол ‘наслаждаться’). У имен существительных либо сохраняется такой же род, как и у французских слов-прототипов, например: *экзальтация* (*exaltation*), *лотере-я* (*loterie*), *мансард-а* (*mansarde*), либо род изменяется, например: *душ* (ж. р.) – *душ* (м. р.), *экстаз* (ж. р.) – *экстаз* (м. р.), *эмаль* (ж. р.) – *эмаль* (ж. р.), *электричество* (ж. р.) – *электричество* (ср. р.), *группа* (м. р.) – *группа* (ж. р.).

Заимствованные имена существительные и прилагательные имеют, как правило, в русском языке и единственное, и множественное числа, которые оформляются соответствующими флексиями, отличающимися от финалей французских слов. Ведь «множественное число существительных в современном французском языке образуется, как правило, путем прибавления в орфографии **s** к существительному в единственном числе» [Костецкая, Кардашевский 1979: 19]: *un bal – des bals*. В русском же языке в именительном падеже множественного числа в зависимости от рода существительного обычно употребляются окончания *-а, -я, -ы, -и*: *бал – балы*. Иноязычные слова приобретают в русском языке новые флексии и аффиксы, которые либо заменяют французские части слов, либо присоединяются к ним. Рассмотрим подробнее, какие аффиксы участвуют в образовании галлицизмов. Начнем с имен существительных, которые, в соответствии с проведенными нами исследованиями на основе анализа выбранной из словаря Л. П. Крысина лексики, составляют около 80% всех заимствований французского происхождения. Адаптация ряда существительных имеет одинаковые особенности. Приведем некоторые примеры. Так, слова, оканчивающиеся на суффикс **-ation** регулярно передаются в русском языке с помощью суффикса **-аци(я)**: коммуник-аци-я (от *communication*). Вариантом этого суффикса является сочетание **-яци(я)**, употребляющееся после согласной буквы «л»: компил-яци-я (от *compilation*). Суффиксу **-tion** с предшествующей согласной буквой, как правило, соответствует суффикс **-и(я)**: дедукц-и-я (от *déduction*). Суффикс **-isme** всегда заменяется на суффикс **-изм**: вандал-изм (от *vandalisme*).

Глаголы (около 10 % от общего числа выбранных нами слов) грамматически оформляются с помощью следующих суффиксов, присоединяющихся к французским глаголам в форме инфинитива: **-ипрова-**: *дресс-ипрова-ть* (от *dresser*); **-изипрова-**: *канон-изипрова-ть* (от *canoniser*); **-изова-**: *дезорган-*

изова-ть (*om désorganiser*); **-ова-**: дикт-ова-ть (*om dicter*); **-и-**: дежур-и-ть (*om прилагательного de jour 'дневной'*). Наиболее продуктивным является суффикс **-ирова-** (например, из 30 глаголов на букву «Д» 20 слов (около 66 %) образованы с его помощью). Эти данные согласуются с выводами Мариновой о том, что «по традиции, закрепившейся уже в XIX в., в литературном языке основы заимствуемых глаголов оформляются с помощью суффикса -ирова-/-изирова <...>» [Маринова 2008: 256]. Имена прилагательные (примерно 12 % от общего числа выбранных нами галлицизмов) оформляются в русском языке с помощью адъективных суффиксов **-н-**, **-ск-** и флексий **-ый**, **-ая**, **-ое**, **-ые** и других. Заимствования, которые, образуются обычно от французских прилагательных и представлены в отдельных словарных статьях: *деликатный* (*délicat*), *элегантный* (*élégant*). Приведем пример словосочетания, послужившего прототипом для создания прилагательного в русском языке: *demi saison* ('переходное время года') – *демисезонный*. Нередко от одного прилагательного с помощью разных суффиксов на русской почве появляются два однокоренных слова (паронима), отличающиеся, как правило, оттенками значений: *комический* и *комичный*. Отметим, что иногда при образовании прилагательных наблюдаются соотносительные регулярные замены букв в суффиксах: **-ивн-** и **-if** (*экстенс-ивн-ый* – *extens-if*); **-ичн-** и **-ique** (*эластичн-ый* – *élast-ique*); **-ическ-** и **-ique** (*класс-ическ-ий* – *class-ique*); **-альн-**, **-уальн-** и **-al**, **-ale** **-el** (*колосс-аль-ный* – *coloss-al*). Сделаем теперь следующие выводы: – Анализируемые нами иноязычные слова попали в русский язык следующими путями: 1) слово пришло напрямую из французского языка; 2) французский язык явился языком-посредником для лексемы; 3) иноязычие – это интернациональное слово, встречающееся и в другом (иногда – других) языках и проникшее в русский язык, возможно, через французский язык.

– Имена существительные – наиболее многочисленная группа галлицизмов (около 80% от общего количества слов). Они оформляются в русском языке с помощью ряда суффиксов (**-аци(я)**, **-и(я)**, **-изм** и др.), зачастую соотносительных с аффиксами французских слов. – Все глаголы (около 10%) в русском языке образуются с помощью суффиксов, наиболее частотным из которых является суффикс **-ирова-**. – Имена прилагательные (около 12 %) происходят, как правило, от французских прилагательных и приобретают в языке-доноре суффиксы **-н-** и **-ск-** и русские флексии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КОСТЕЦКАЯ, Е. О., КАРДАШЕВСКИЙ, В. И. (1979): *Практическая грамматика французского языка*. М.
 КРЫСИН, Л. П. (2005): *Толковый словарь иноязычных слов*. М.
 МАРИНОВА, Е. В. (2008): *Иноязычные слова в русской речи конца XX – нач. XXI в. Проблемы освоения и функционирования*. М.
 НОВИКОВА, Т. В. (2003): *Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке (1990-е гг.)*. СПб.
Русский язык. Энциклопедия. (1997) М.
 ФЕОКЛИСТОВА, В. М. (1999): *Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70-90-х гг. XX в.* Тверь.

ЯДВИГА ТАРСА

Польша, Ополе

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ – НОВЫЕ РЕПЛИКАНТЫ

ABSTRACT:

Internet Memes as New Replicators

Richard Dawkins, a zoologist, ethologist, evolutionary biologist, coined the term meme, a new replicator. Meme is, according to him, a basic unit of cultural transmission. Memes, analogously to viruses, infect human minds, they live there, mutate and pass from one generation to the next. At present the rapid growth of the Internet favour the spread of memes in human minds; it allows to “infect” many people with texts, melodies and images in a very short time.

KEY WORDS:

Meme – memetics – new replicator – Internet – communication – cultural transmission – memes-images – memes-mediafiles – memes phrases – virus of the mind.

Ричард Докинз, профессор Оксфордского университета, автор книги «Эгоистичный ген», считает, что мы созданы нашими генами и существуем только для того, чтобы их сохранить. По его мнению, люди – это машины, которые обеспечивают выживание генов. В самом начале образования жизни во Вселенной органические вещества объединялись в более крупные молекулы. Со временем появилась молекула, которая обладала способностью создавать копии самой себе. Докинз называет такие молекулы репликантами (или в другом переводе: репликаторами). «Они присутствуют в вас и во мне; они создали нас, наши души и тела; и единственный смысл нашего существования – их сохранение. Они прошли длинный путь, эти репликаторы. Теперь они существуют под названием генов, а мы служим для них машинами выживания» [Докинз]. В передаче культурного наследия человечества огромную роль играют новые репликанты, которые Докинз назвал мемами (или мимами). Мемами могут быть идеи, модные словечки и выражения, мелодии и т.п. По Докинзу, их следует рассматривать как живые структуры, которые поселяются в нашем уме как паразиты или вирусы. Наш разум – это носитель, в котором происходит размножение этого мема. «Для мимов, как и для генов, плодовитость гораздо важнее, чем долговечность. Если данный мим представляет собой науч-

ную идею, то его распространение будет зависеть от того, сколь приемлема эта идея для популяции ученых; приблизительную оценку ее выживаемости может дать подсчет ссылок на нее в научных журналах за ряд лет. Если мим – это популярная песенка, то о ее распространенности в мимифонде можно судить по числу людей, насвистывающих ее на улицах» [Докинз]. Мемы, как компьютерные вирусы, инфицируют наше сознание и заставляют нас реплицировать, повторять их. Меметики считают, что не мы выбираем, какая идея, какое выражение станет мемом, а сами мемы решают об этом. По их словам, «эволюция данного культурного признака происходила так, а не иначе, просто потому, что это выгодно для самого этого признака» [Докинз]. Мемы – это единицы информации, которые способны влиять на нашу культурную эволюцию. Они не только инфицируют сознание, реплицируют, но и мутируют.

Хорошей почвой для появления, размножения, повторения мемов стал Интернет. Им пользуется огромное количество людей, вся информация передается очень быстро. Вирусы сознания в этой среде могут размножаться мгновенно и попадать в большое количество умов. Это связано с тем, что люди не только знакомятся с большим количеством информации, но и передают дальше самую интересную, привлекательную и, как кажется на основании приведенных ниже примеров, прежде всего забавную.

Общение в Интернете немного отличается от того, которое мы наблюдаем в реальной жизни. «Важнейшей оппозицией, которую следует учитывать при анализе межличностной Интернет-коммуникации и которая радикально влияет на выбор языковых средств и коммуникативное поведение пишущих, является предложенное Нестеровым противопоставление карнавального и доверительного общения в Сети» [Сидорова 2006: 20]. «Карнавальное общение базируется на разнообразнейших мистификациях, театральности, инсценировании реальных и нереальных ситуаций, ироничности и юморе, оно почти предельно насыщено шутками, остротами, каламбурами, игрой словами» [Нестеров]. Именно в карнавальном общении используются очень часто интернет-мемы.

Википедия определяет интернет-мем как «название явления спонтанного распространения некоторой информации или фразы (мема), часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.), также сама эта информация или фраза» [<http://ru.wikipedia.org>]. Интернет мемы делятся на три группы: а) медиафайлы, песни, б) изображения и в) слова и фразы. Примером мем-песни может служить *Йожин з бажин* – чешская комедийная песня сатирика Ивана Младака 1978 года. Она стала популярна в начале 2008 г., а в конце мая 2008 года насчитывалось уже 2,4 миллиона просмотров. Одним из мем-медиафайлов является видеоролик под заглавием *Дверь запили!* (*Буйный Славик, Интересная личность*) – «видеоролик, снятый сотрудниками петербургской милиции в прихожей квартиры в доме на улице Олеко Дундича. Неизвестно, было ли задержание хозяина квартиры запланированным или же милиционеры просто ошиблись дверью. Так или иначе, в начале ролика

владелец квартиры (возможно, находящийся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения) уже явно разозлѐн тем, что сотрудники милиции взломали его дверь. В течение всего ролика он кричит на них, матерится и требует *запилить дверь*. Сотрудники милиции держатся спокойно и с юмором» [<http://ru.wikipedia.org>]. Этот мем был так популярен, что возник сайт «поклонников интересной личности» и появились две компьютерные игры.

Изображения-мемы – это обработанные в фотошопе разнообразные фотографии, портреты (так наз. фотожабы). К примеру, в Рунете существует много вариантов изображения девочки Аленки из обертки шоколада. На этих изображениях появляется, напр., лицо доктора Грегори Хауса в косынке Аленки и подпись: *Шоколад Гришиа с викадином*. На другой из фотожаб представлен инопланетянин в косынке с подписью: *глючно-молочный шоколад Alienka*. Популярна тоже серия фотографий под общим названием «погладь кота», на которых представлены коты-манулы с разными подписями (напр.: *Погладь кота, сука; Я ласковый котенок. Гладь.; Я буду мстить, и мстя моя будет страшна...*).

Но нас больше всего интересуют мемы-фразы. Их можно разделить на две группы. Первая – это фразы, возникшие в Интернете, сначала в нем получившие популярность, а потом перешедшие в разговорный язык. Это выражения, произнесенные на сайте каким-то пользователем и подхваченные его собеседниками или читателями. Среди них очень популярны выражения *мопед (мотороллер) не мой, я просто разместил объяву*, «мем, возникший на форуме одного из украинских сайтов, посвящённых мотоциклам. Выражение либо употребляется самим человеком, желающим уйти от ответственности в какой-либо ситуации или показать, что он ни при чём, либо иронически обращено к такому человеку» (здесь и в следующих примерах все дефиниции выражений цитирую с сайта <http://ru.wikipedia.org>) или *меня интересуют только мыши, их стоимость и где приобрести* – «фраза из письма пользователю ЖЖ, модератору один из форумов. По инициативе пользователя стала поводом для многочисленных стихотворений. После набора популярности указывалась на странице «интересы» в ЖЖ как пример того, что не стоит писать в этом разделе».

Вторая группа интернет-мемов – это выражения, которые прозвучали в СМИ, высказывались политиками, артистами эстрады, известными людьми и т.п., а популярность приобрели именно в Интернете. Интернет-пользователи подхватили самые забавные, абсурдные и стали их повторять в разговорах на чатах и мессенджерах, в комментариях к разным текстам. Примерами таких мемов могут быть следующие выражения:

- *вувузелы гомосексуализма* – «фраза, брошенная певцом шансона Александром Новиковым, объясняющим причины запрета спектакля «Голубой щенок». Фраза стала популярной в интернет-сообществах из-за своей парадоксальности».
- *Дотянулся проклятый Сталин* – «популярная среди левой аудитории фраза, используемая для пародийного комментирования событий, к которым Сталин заведомо не мог иметь никакого отношения (например, геноцид индейцев). Впервые употреблена либеральной журналисткой Ириной

Ясиной в некрологе, посвящённом гибели польского президента Качиньского. Нелепое и абсурдное обвинение в авиакатастрофе человека, умершего более 50 лет назад, мгновенно стало интернет-мемом и породило множество фотожаб».

Как видно из примеров, эти устойчивые словосочетания в Сети получают вторую жизнь. Они утрачивают свой первичный смысл (если он у них есть), получают новое значение и утрачивают связь с источником. Фразы эти часто бессмысленны и, может быть, именно эта абсурдность вызывает их популярность.

Они «инфицируют» все новые умы интернет-пользователей и становятся элементом языковой игры. Они настолько популярны и узнаваемы, что мутируют, порождают свои новые варианты. Например, в сообществе hdr.ru появилась критика фотографии, выраженная словами *горизонт завален* (это стандартная ошибка начинающих фотографов, когда линия горизонта на фотографии получается косая) и стала Интернет-мемом. Вскоре на других сайтах стали появляться варианты этого мема, напр.: *А горезонд-то, горезонд!!! Зовален просто безбожно!!!; Никак горезонд зовален?; тема горезонда не раскрыта*. Как видно из примеров, этот популярный мем инфицировал тоже умы поклонников «языка падонков» и мутировал в нем.

Согласно меметикам, мемы передают с поколения в поколение культурное наследие. Они сами решают, какие идеи, фразы должны выжить, мутировать и заражать все новые умы. На основе приведенных примеров можно задуматься: можно ли интернет-мемы считать частью культурного наследия, тем, что должно существовать не только в сознании нашего поколения, но и жить в умах следующих поколений. Может, интернет-мемы не самые ценные в нашей культуре, но отражают интересы современных людей, образ их мышления. Интернет-мемы указывают тоже, что для людей очень важным является общение с использованием языковой игры.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ДОКИНЗ, Р.: *Эгоистичный ген*, <http://evolution.powernet.ru/library/gen/content.htm>.

НЕСТЕРОВ, В.: *К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных отношений в Интернете*, <http://flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions>.

СИДОРОВА, М. Ю. (2006): *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*, Москва.

ОЛЕГ ФЕДОСОВ

Венгрия, Будапешт

ФРАЗЕОЛОГИЯ И СИНТАКСИС

ABSTRACT:

Phraseology and Syntax

Restricted function and transformation capacity of idioms, a vague denominative quality of set phrases seem to be universals. Various concepts of phraseology discuss the relationship between phraseology and syntax and the status of phraseology between lexicon and grammar (syntax) because idioms may set up new syntactic patterns unknown in the regular language. This article deals with the specific character of idioms from the perspective of syntax and general theory of language.

KEY WORDS:

Deficient transformations – individual permutations – syntactical feature – underlying anomaly.

100 лет назад, в феврале 1911 г. – за 5 лет до появления знаменитого «Курса» Фердинанда де Соссюра – на заседании Королевской Академии наук в Праге прозвучал доклад Вилема Матезиуса под названием «О потенциальности языковых явлений». Доклад этот прошел практически незамеченным, не вызвав откликов в тогдашней научной среде, но когда в начале 20-х годов Р. Якобсон ознакомился с текстом этого доклада, он сказал автору: если бы этот доклад прозвучал в 1911-м в Москве, это произвело бы революцию в языкознании [Vachek 1970: 68].

85 лет назад, в 1926-м году, на собрании единомышленников в рабочем кабинете профессора В. Матезиуса был основан Пражский Лингвистический Кружок, откуда взошли истоки пражского структурализма, принципы которого были изложены уже в знаменитых **Тезисах** на Первом съезде славянских филологов в Праге в 1929 г.

Идеи В. Матезиуса и затем Ф. де Соссюра оказали решающее влияние на развитие лингвистического мышления молодого В. Скалички. В 1931 г. В. Скаличка окончил Карлов университет по специальностям латынь, угрофинские и турецкий языки. После стажировки в Финляндии Скаличка проводит учебный год в Будапеште (1934), где пишет свою знаменитую работу «О грамматике венгерского языка» (*Zur ungarischen Grammatik*).

Примерно в то же время, в 1933 году, Л. Теньер публикует статью «Как построить синтаксис» [Теньер 1988: 8], где излагает основы синтаксиса структур.

В 1946 и 1947 гг. появляются первые работы академика В. В. Виноградова, в которых он обосновал основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины. В 1982-м году выходит монография Ф. Чермака «Чешская идиоматика и фразеология», а в 1996-м году им же в Праге основан Институт Чешского Национального корпуса.

Пражский кружок, структурализм, Матезиус и Скаличка, Теньер и Виноградов – с одной стороны; Чешский национальный корпус, компьютерная лингвистика, фразеология и синтаксис – с другой. Что объединяет данные имена и понятия? Для ответа на этот вопрос вначале процитируем мысли современных фразеологов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского из *Заключения* к их монографии «Аспекты теории фразеологии»: «В литературе по фразеологии неоднократно отмечалась уникальность этой части лексической системы, причем основное проявление этой уникальности усматривалось в образности, экспрессивности, эмоциональной окрашенности и национально-культурной специфичности фразеологизмов. Тезис об уникальности не вызывает сомнений, однако, как показывает наша книга, отличие фразеологизмов от обычной лексики в другом: фразеология представляет собой пограничную область между лексикой и грамматикой (точнее – **синтаксисом**). По одним основаниям фразеологизмы можно приравнять к словам, а по другим – к словосочетаниям и предложениям. Их важнейшее свойство – нерегулярность различных типов, что в соответствии с принципом экономии приводит к устойчивости этих выражений и их фиксации в ментальном лексиконе» [Баранов, Добровольский 2008: 571].

В цитированной монографии авторы обобщили свой опыт работы с синтаксисом фразем: они дали описания ввода отрицания и пассивизации идиом, с помощью чего убедительно проиллюстрировали тот факт, что нерегулярность идиом накладывает «причудливые ограничения» на реализацию в них грамматических категорий и синтаксических преобразований.

Эта грамматическая «ущербность» фразеологизмов впервые последовательно была представлена именно в чешской фразеологии, где школой Ф. Чермака был разработан экономный способ ее записи в словаре. Так, например, если чешская вербальная фразема *poplést si to / někoho s Radec-kým* в словарной статье сопровождается символами – o ot, neg, pas, kond, imp, imp neg, préz, fut, 1.sg a pl – это значит, что она **никогда не употребляется** в форме вопроса, в отрицательной и пассивной конструкции, в сослагательном и повелительном наклонении, а также в отрицательном императиве, не может иметь форму настоящего и будущего времени и т.д.

А. Баранов и Д. Добровольский формулируют вопрос так: если «неспособность идиом регулярным образом подвергаться стандартным трансформациям синтаксической структуры рассматривается в качестве одного из конститутивных признаков фразеологии как особого компонента лексикона» [Баранов, Добровольский 2008: 323], то означает ли это, что

существуют некие правила, объясняющие неприемлемость той или иной трансформации? И далее: если такие правила существуют, какую природу они имеют? Являются ли они семантическими по сути, то есть может ли значение идиомы в какой-то степени предсказывать ее синтаксическое поведение? Итак, вопросы сформулированы. Поиски ответов на них, очевидно, потребуют ещё много усилий от фразеологов и лингвистов, но важность поднятых здесь проблем не вызывает сомнения.

О взаимоотношениях лексикона и грамматики языка неустанно размышлял и создатель всемирно известной типологии языков В. Скаличка. Приведем здесь в переводе на русский язык всего несколько нетривиальных высказываний знаменитого лингвиста из приложения к вводной статье *Полного собрания сочинений*:

«– В основе любого языкознания должно лежать представление о том, что в языке всё и всегда относительно. – Большая часть грамматической системы «избыточна», некоторые ее части просто абсурдны, но при этом грамматика упрощает выражение с помощью слов. Тем самым грамматика не совсем лишняя. – Наверное, существует особый уровень связей между словами. – Частей речи в языке могло бы и не существовать, а кое-где их и нет (черкесский). – Морфология редундантна, избыточна. – В лексиконе есть система. Надо изучать связи между словами и по ним строить систему. – Словарный запас бесконечен, его нельзя зафиксировать полностью. – Очень часто неясно, что является лексемой, а что нет; границы не ясны. Если речь идет о переносном значении, то лексемой является уже целое сочетание слов. – Языка без синтаксиса нет, а язык без морфологии есть. Однако можно конструировать язык без синтаксиса, хотя это маловероятно. – Синтаксис возникает самостоятельно и не отражает ничего, наперед существующего; субъект, предикат и т.д. нигде иначе не существуют. Синтаксис мог бы спокойно иметь совершенно другой вид, чем тот, что имеет» [Скаличка: I/14–23].

Относительно синтаксиса за некоторыми уточнениями обратимся к идеям Л. Теньера. В своем монументальном труде «Основы структурного синтаксиса» он разбирает антиномию между многомерным структурным порядком и одномерным линейным. Иначе говоря: один элемент речевой цепочки **не может соседствовать** более чем с двумя словами. Эта антиномия двух порядков – структурного и линейного – названа Теньером той языковой «квадратурой круга», без разрешения которой речь невозможна. Другая формулировка звучит так: «**говорить** на данном языке – значит знать, в каких случаях синтаксически связанные слова **не должны** в речевой цепочке располагаться рядом друг с другом, и обратно, **понимать** язык – это знать, какие не соседствующие друг с другом слова следует связывать синтаксической связью при переходе от линейного порядка к структурному ... следовательно, грамматическое согласование позволяет синтаксически связанным словам стоять далеко друг от друга без ущерба для понимания» [Теньер 1988: 32–33]. Заметим, что при исследовании коллокаций в Чешском национальном корпусе нами были обнаружены и такие контексты, в которых между компонентами одной

коллокации стояло 5–7 и даже 9 (!) других слов, ничуть не мешая цельности восприятия значения смысловесущего устойчивого словосочетания.

Для осмысления сложных взаимоотношений между лексиконом и грамматикой, между фразеологией и синтаксисом необходимо проглублять наши знания о природе фразеологии и природе самого языка. Обобщая свой уже более чем 40-летний опыт изучения языка и фразеологии Ф. Чермак делает несколько принципиальных заключений: существующие грамматики и синтаксисы неспособны дать систематическое описание языка, в котором примарными являются семантические правила, предшествующие формальным. Наши высказывания в настолько высокой степени состоят из готовых конструкций, стереотипов, что разумно их анализировать традиционными методами невозможно. Но ни одна из грамматик в этом до сих пор не признаётся, а делает вид, что знает рецепт исчерпывающего описания языка (пересказано по: [Čermák 2007: 7–8]).

Проглублению наших знаний о языке помогает и принципиальная новизна лингвистической работы с большими электронными текстовыми корпусами. Ф. Чермак пишет: «Там, где лингвистика прошлого по необходимости довольствовалась раскладыванием «по ящичкам» изолированных фактов и явлений, за редким исключением иногда категоризируя их по классам и группам, там сегодня развиваются методы и добываются знания о взаимосвязях, о связанном употреблении и текстовых зависимостях этих фактов и явлений, целых их классов, которые называются синтагматическими или коллокационными, комбинаторными и под. Улучшением и переоценкой знания парадигматического (классифицирующего) и приведением его во взаимосвязь с вновь добываемым знанием синтагматическим приводится наконец в равновесие познание языка на его двух основных осях» [Čermák 2006: 9–10].

В свете высказанных идей и поставленных вопросов нам видятся и дальнейшие пути поиска сути отношений между фразеологией и синтаксисом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ČERMÁK, F. (2006): *Korpusová lingvistika dnešní doby*. In: *Korpusová lingvistika: stav a modelové přístupy*, Praha: NLN, 9–18.

ČERMÁK, F. (2007): *Frazeologie a idiomatika česká a obecná*. Praha: Karolinum.

SKALIČKA, V. (2004): *Souborné dílo*. I. díl (1931-1950), II. díl (1951-1963), III. díl ((1964-1994). Praha: Karolinum, F. Čermák (eds.)

VASNEK, J. (1970): *U základů pražské jazykovědné školy*. Praha: Academia.

БАРАНОВ, А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д. О. (2008): *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак.

ТЕНЬЕР, Л. (1988): *Основы структурного синтаксиса*. М.: Прогресс.

ПЕТРА ФОЙТУ

Чехия, Оломоуц

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ СБОРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

ABSTRACT:

The Internet as a Source of Phraseological Neologisms.

The article deal with the possibilities of using the Internet in searching for phraseological neologisms. The aim of the article is to show how to use the Internet for searching for phraseological neologisms or by working with them. In the article the most typical situations, where the Internet can be helpful in research of phraseological neologisms, are shown.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseography – phraseological neologisms – non-registered idioms – Internet – vulgar idioms – occasionalisms – dynamic of phraseology – variations of phraseological units.

При фразеографической обработке фразеологических неологизмов, как пишет В. Мокиенко, недооценима возможность работы с Интернетом [Мокиенко 2008: 123].

Цель данного доклада – выявить возможности использования Интернета при поисках фразеологических неологизмов. При этом мы будем исходить из определения фразеологического неологизма как «не зарегистрированного словарями современных языков выражения» [Мокиенко 2003: 1; см. также Степанова 2008: 169 и другие]. Такое определение позволит нам сосредоточить внимание не только на новых ФЕ, но и на тех выражениях, которые по тем или иным причинам не были зафиксированы словарями современных языков, или на выражениях, которые в языке уже некоторое время существуют, но их употребление активизировалось только в последнее время (например, в связи с демократизацией языка и общества [ср., например, Бирих, Матешич 2008: 235; Korostenski 2007: 137]. В докладе мы намерены выявить, когда можно и насколько целесообразно пользоваться Интернетом при поисках фразеологизмов, которые используются на данном этапе развития языка, но еще по каким-то причинам не отражены в словарях.

Работа с Интернетом при сборе фразеологических неологизмов имеет, что касается ее преимуществ и недостатков, подобный характер, как работа с корпусами (то есть в нем довольно трудно работать с такими выражениями, которые в речи часто выступают в виде омонимичных сочетаний слов; и, с другой стороны, очень проста работа с выражениями, в составе которых встречаются уникальные компоненты).

Большая ценность интернетовских источников при сборе фразеологических неологизмов поэтому определяется самым характером фразеологических неологизмов. При рассмотрении ФЕ, появляющихся в современных языках, оказывается, что большинство таких единиц возникает на основе существующих фразеологических моделей (например, *прописать горчичники кому; получить инъекцию; катить бочку на кого; под банкой; уйти за бугор*), существующих ФЕ (*дышать на автоген; раскрыть амбразуру*), образов, которые уже отражены во фразеологии, или на основе устойчивых единиц другого характера (терминов, клише, анекдотов – *не копенгаген; каменный век*). Даже ФЕ, которые возникают не на основе уже существующих единиц, а на основе новых образов, довольно часто характеризуются присутствием уникальных компонентов (особенно среди выражений молодежного сленга, таких как *крутой мэн; крутая герла*; хорватское *biti u bedu; nije bed* – хорватские примеры по [Fink, Menas 2008: 96], что, так же, как и в корпусах, значительно упрощает поиск и последующий анализ употребления таких единиц.

Итак, если рассмотреть те случаи, где работа с Интернетом приносит самые большие результаты, получится следующий перечень:

1) все случаи расширения фразеологического значения, сочетаемости данного оборота, его перехода в профессиональные сленги, сопровождаемого изменением или модификацией значения. Примером служит выражение (*идти*) *на автопилоте куда*, зарегистрированное словарем фразеологических неологизмов В. Мокиенко [Мокиенко 2003: 1], русско-чешским фразеологическим словарем Л. Степановой. У Л. Степановой выражение сочетается с глаголами *идти / прийти (добираться/ добраться)*, причем его значение описывается так: «Двигаться, доверившись чувству интуиции, помогающему человеку добраться в нужное место в состоянии сильного алкогольного опьянения» [Stěpanova 2007: 15]. В словаре фразеологических неологизмов В. Мокиенко выражение *на автопилоте* сочетается с глаголами *идти / прийти (добираться / добраться, доезжать / доехать)*. Приводятся два значения, причем первое значение «завершать что-л. непроизвольно, машинально» приводится с пометой «спортивное». Второе значение описывается как «двигаться, доверившись чувству интуиции, помогающему человеку добраться в нужное место в состоянии сильного алкогольного опьянения». Из таких определений можно сделать вывод, что во время фиксации таких оборотов фразеологизм в общепотребительном варианте сочетался только с глаголами движения и его значение связано с поведением в состоянии алкогольного опьянения. Как, однако, показали записи употребления данного выражения в современной беллетри-

стике, значение оборота потом расширяется на любое действие, сделанное автоматически, неосознанно:

- *Надень носки*, – на автопилоте сказала я.
- *Времени тебе до пяти. Я вернусь к семнадцати тридцати, сделаю обед и постираю.*
- *Идет*, – откликнулся Кирюшка, вылезая из кровати, – только прихвати тогда стаканчик семечек.
- *Никогда*, – отрезала я, натягивая сапоги, – семечки только через мой труп.
- *Почему?* – изумился мальчишка. – *Вкусно же.*
Я на секунду замерла с цветкой в руках. А действительно, почему? Просто не задумываясь, на автопилоте, ответила Кирюшке так, как отвечала мне на подобную просьбу маменька. Ну что плохого в семечках? Неужели превращаюсь в копию своей мамули? (Д. Донцова, Маникюр для покойника)

Такое употребление легко подтверждается интернетовскими записями.

Во-вторых, человеку просто очень нравится учиться, получать новые знания, и поэтому он «идёт на красный диплом», так сказать, на автопилоте. (http://советстуденту.рф/view_post.php?id=71).

Получается, что, тренируя вашу интуицию, вы увеличиваете качество автоматических действий. Расшифровываю) Все мы в большей или меньшей степени делаем что-то на автомате: кто-то чистит зубы и завтракает на автопилоте, кто-то проверяет машину, прогревает и заводит на автопилоте, кто-то выполняет какие-то рутинные действия на работе, не думая о них и т.д. Есть методики, которые говорят: избавляйтесь от автопилота. Так вот, если мы в каких-то ситуациях все же действуем на автопилоте, то имеет смысл этот автопилот усовершенствовать. (<http://www.inturon.ru/articles/048.html>).

2) Нередка ситуация, когда образ, существующий в конкретных ФЕ, служит основой для создания нового фразеологизма. При регистрации такого нового выражения Интернет позволяет отличить окказиональную модификацию от закрепившегося в данном составе оборота.

Проверка, опять же, возможна, прежде всего, в случае фразеологических образцов, в которых выступает компонент, использование которого в рамках ФЕ нетрудно проверить – то есть это такой образ, который редко встречается вне фразеологии в виде свободного сочетания слов. В качестве примера приведем чешские ФЕ с урбозоонимом *Alík*. Согласно чешскому фразеологическому словарю SČFI в его новом издании в чешском языке существует два выражения с таким урбозоонимом: *být utahaný jako Alík* и вульгарная ФЕ *srát jako Alík* [SČFI I 2009: 34]. В разговорном чешском языке нам, однако, несколько раз удалось записать еще одно сравнение с таким компонентом *seřvat jako Alíka koho*. Выражение на первый взгляд может, конечно, показаться окказиональным, однако обилие его употреблений в Интернете доказывает, что в живой разговорной речи такое выражение употребляется, причем частотность такого употребления в современном непринужденном общении, пожалуй, даже превышает частотность двух приведенных зарегистрированных оборотов.

Poprvé když sem kupal PA reprobodny nějakým způsobem mi přišla jenom jedna a to až po týdnu, kde je druhá však nevěděli a po milionu telefonátů a vysvětlování každému operátorovi zvášť co se mi stalo, mi po čtyřech dnech zavolali, že druhá reprobodna je u nich v depu v Českých Budějovicích a to sem ze zlínského kraje a repra šly z Opavy. Babu sem seřval jak Alíka a druhá bedna byla druhý den doma, ale rozbitá, protože nějakému oslovi vypadla z ruk (http://forum.avmania.e15.cz).

„To je konec. Teď mě seřve, jak Alíka. To nepřežiju,“ myslí si nešťastný malíř ze Šternberka, který byl přece zásluhou jiných znalců pasován na naivistu (<http://www.seniortip.cz>).

3) Кроме такого выражения, в чешском языке встречается еще одно сравнение с данным компонентом, которое само по себе также указывает на один из недостатков современной славянской фразеографии (за исключением русской), который можно решить посредством Интернета. Дело в том, что в большинстве современных славянских фразеологических словарей сознательно не регистрируются вульгарные ФЕ. Или, если они регистрируются, то, во всяком случае, не до конца. В чешском фразеологическом словаре, как уже было указано, есть вульгарное выражение *srát jako Alík*, но сравнение *šukat jako Alík* отсутствует, несмотря на его относительную частотность.

Как источник при отличении узуального от окказионального Интернет может выступать еще в одном случае. В близкородственных языках, между которыми и на современном уровне существуют тесные языковые контакты (такие, как русский и украинский, чешский и словацкий), встречаются случаи, когда при таких узких языковых контактах говорящий на одном из таких близких друг другу языков использует выражение, типичное для другого языка. Примером служат при сопоставлении чешского и словацкого такие выражения, как: *zbalit si svojich pár sliviek* или *mať zadok ako dva kmíny*, с которыми нам удалось встретиться в Словакии, причем первый оборот мы нашли в прессе. На основе поисков в Интернете можно потом определить, насколько здесь речь идет о интерференции при работе с чешским материалом и насколько уже имеет место заимствование, при котором такой оборот становится частью фразеологического фонда словацкого языка. В приведенном случае результаты поисков показывают, что оборот *zbalit si svojich pár sliviek (slivák)* уже в какой-то степени можно признать бытующим в разговорном словацком языке (к сожалению, во фразеологии до сих пор отсутствует надежный критерий того, что уже можно считать бытующим в языке). Интернет показывает также историю осваивания данного оборота словацким языком и сохраняет доказательства о том, что данный оборот – калька чешского выражения:

Jednoducho zase nám to niekto ukázal – Gaby super. A ešte niečo, po akcii nikto nešiel na nejaké desať tisícové alkoholické párty zo zahraničnými skupinami na niektorý z blízkych hotelov či rančov / i keby sa to dalo vyfaktúrovať /, len každý zbalil svojich pár „švestek“, vymenil kontakty, vyplatili sa honoráre a pomali sa aktéri vytratili v tme. (<http://www.zhml.ic.cz/clanky.htm>).

Потом, с развитием употребления данного оборота, исходный чешский компонент *švestka* заменяется словацким компонентом *slivka*. Во втором приведенном случае Интернет показывает, что данное выражение – явный окказионализм.

Подобным образом можно наблюдать за устойчивостью заимствований из английского языка.

4) Как утверждают исследователи языка Интернета, коммуникация в Интернет-пространстве носит характер устного, непринужденного общения. Поэтому Интернет позволяет наблюдать за реальным использованием фразеологизма, которое часто отличается от употребления, зафиксированного сло-

варями. Наблюдается контаминация существующих единиц, употребление таких единиц в другом значении [ср.: Аухová 2006: 8–10; Grygerková 2003: 143]. Такие характерные признаки употребления ФЕ нельзя наблюдать при работе с корпусами, которые, как правило, являются собранием официальных текстов. Примером служит словацкое выражение *krokodílie slzy*. Выражение является интернациональным и большинством словацких работ характеризуется, что касается значения, как «неискреннее, лицемерное поведение человека, неискренний плач» [FŠČP 1996: 47]. Наши записи, сделанные в течение последних пяти лет, показывают, однако, что данное выражение употребляется, прежде всего, в другом значении, характеризующемся большинством фразеологов как фразеологическая ошибка: в значении «большие слезы, безутешный плач». Распространенность такого употребления, с которым мы неоднократно встретились в прессе, подтверждается большинством использований в Интернете. Найденные контексты с таким значением по своему количеству явно преобладают. Ср.:

Veronika Paulovičová ronila krokodílie slzy aj po Showdance
Herečka Veronika Paulovičová (30) v Showdance včera definitívne skončila. Hoci s prehlľadom predviedla neľahkú choreografiu na skladbu Get right od Jennifer Lopez, diváci a najmä porota boli neúprosní a Veronika musela z hry von. Neubránila sa dojatiu a nielen počas priameho prenosu, ale aj pri každej otázke novinárov ronila horké slzy. (<http://diva.aktuality.sk/clanok/25193/veronika-paulovicova-ronila-krokodilie-slzy-aj-po-showdance/>).
V Košiciach lietali stoličky, v Žiline padali priam krokodílie slzy ... Aj také sú reakcie účastníkov na castingoch do pripravovaného dosiaľ najväčšieho domáceho televízneho projektu Slovensko hľadá SuperStar po verdikte poroty. Mladí ľudia sa ho dozvedia hneď po predvedení sa. „Porota je tvrdá“ či „Neprešiel som, všetko je zmanipulované,“ objavilo sa medzi mailami, ktoré dostáva riaditeľ Slovenskej televízie Richard Rybníček od neúspešných hviezdnych kandidátov, čo chceli preraziť v šoubiznise. (<http://diskusie.dnes.atlas.sk/superstar/300632/v-košiciach-lietali-stolicky-v-ziline-padali-krokodilie-slzy-/>) (о развитии такого значения у данной ФЕ см. у Janošková 2006: 349).

Последний важный момент, с которым позволяет работать Интернет, это момент активности фразеологических моделей и развития существующих ФЕ в направлении к эксплицитности. Интернетовские источники служат подтверждением активности некоторых фразеологических моделей. В частности, здесь находит подтверждение тенденция к образованию новых ФЕ, основанных на абсурдных представлениях. Такая тенденция подтверждается образованием окказиональных ФЕ, построенных по моделям. В интернетовских источниках обнаруживается частая игра с такими окказиональными выражениями, из которых многие потом становятся устойчивыми (русское *нужен как кенгуру авоська*; словацкое *čakať ako kura na sopeľ*; *potiť sa ako somár v kufri*).

Итак, фразеологическая система каждого языка характеризуется сильной динамичностью. Такая большая динамичность способствует тому, что фразеологические работы не успевают отражать столь быстро протекающие в рамках фразеологии процессы [Младенова 2008: 140; Straková 1994: 87]. Поэтому они, как правило, не дают реальной картины фразеологического фонда конкретного языка в конкретный момент. Интернетовские источники позволяют такой недостаток устранять.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БИРИХ, А., МАТЕШИЧ, В. (2008): *Фразеология в русском и хорватском субстандарте*. In: Komparacja języków współczesnych. *Frazeologia*. Opole, c. 235–247.
- МЛАДЕНОВА, О. М. (2008): *О динамике фразеологических процессов и двуязычной лексикографии*. In: Komparacja języków współczesnych. *Frazeologia*. Opole, c. 136–8.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Opole.
- МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Общая характеристика лексикографического подхода к фразеологическим неологизмам*. In: Komparacja języków współczesnych. *Frazeologia*. Opole, c. 121–125.
- СТЕПАНОВА, Л. С. (2008): *Эволюция фразеологических единиц и неологизмы*. In: Komparacja języków współczesnych. *Frazeologia*. Opole, s. 169–172.
- AUXOVÁ, D. (2006): *Použitie paremiologických jednotiek v hovorovom štýle*. In: Svět za slovy a jejich tvary, svět za spojením slov. Olomouc, s. 7–13.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (2009): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné*. Praha.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. (2009): *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání*. Praha.
- FINK, Ž., MENAC, A. (2008): *Hrvatska frazeologija – staro i novo*. In: Komparacja języków współczesnych. *Frazeologia*. Opole, c. 88–100.
- GRYGERKOVÁ, M. (2003): *Frazémy ve slanzích*. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, s. 144–147.
- НАВОВŠТИАКОВÁ, К., КРОŠЛАКОВÁ, Е. (1996): *Človek a príroda vo frazeológii*. Bratislava.
- JANOŠKOVÁ, M.: *Vývinová percepcia frazeológie*. In: 345-353. Материалы второй научной конференции в Прешове. http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Slancova1/sekcia%20lingvistiky/2svko6_janoskova.pdf
- KOROSTENSKI, J. (2007): *Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty)*. České Budějovice.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc.
- STRAKOVÁ, V. (1994): *K překládání frazeologie*. In: Překládání a čeština. Praha, s. 85–89.

БАРБАРА ХЛЕБДА

Польша, Ополе

РУНЕТ – ЯЗЫКОВОЙ АССИСТЕНТ В ПОИСКЕ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ

ABSTRACT:

Runet as a Language Assistant in Search for Equivalent

The article deals with the issue of searching Russian equivalents of Polish multi-word reproducible language units, as well as the role of the Internet in such search. The Internet is not only a source of reproductions, but also a tool which allows reliable vetting of a proposed equivalent in the Russian language. The Runet's (Russian Internet's) resources are probably the only source used when deciding on the equivalents of town signboard, subtitles urban etc..

KEY WORDS:

Reproducible language units – town signboard – Runet.

Язык показывает мир в восприятии человека. Мир в данном случае – это окружающая человека реальность. В языке отражается образ жизни человека, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, традиции, культура.

Среди разделов *Настольного польско-русского идиоматикона* [Chlebda 2007: 83] имеется раздел *Городские надписи*. Выражения, собранные нами в этом разделе, можно называть также общественными и публичными надписями. Они передают содержание табличек, вывесок, плакатов, объявлений и других форм коммуникации с данной общественностью. Здесь собраны выражения, которые выполняют две основные функции: информирующую и регулирующую. Они информируют жителей и одновременно управляют их поведением: что-то запрещают или разрешают, о чём-то предупреждают, остерегают; пугают, спасают, помогают, поддерживают, воспитывают, говорят, что следует/не следует делать в определённом месте, в определённое время. Часто надписи сопровождают пиктограммы, подтверждая и пополняя их. Употребляемая в таких текстах «информационно-регуляторская лексика отража-

ет культуру речевого коллектива, к которому обращены все эти призывы, объявления, запреты и т. п.» [Тер-Минасова: 2].

Воздействие на читателя надписей происходит различными способами и в разных формах. Надпись может – в зависимости от фантазии, знаний или намерений производителя вывески/таблички – иметь несколько вариантов.

Значительная часть русских соответствий собрана нами во время многочисленных поездок в Москву, источником других являются ресурсы Рунета, который сыграл очень важную роль в поиске русских соответствий. В затруднительных или сомнительных случаях мы пользовались также помощью носителей русского языка. Ниже постараемся проанализировать несколько примеров польских текстов и их русских эквивалентов.

Nietrzeźwym i młodzieży alkoholu nie sprzedaje się.

Детям до 18 [восемнадцати] лет спиртные напитки не отпускаются / не продаём.

Как видно, в русской надписи нет компонента *нетрезвый*, значит, русский эквивалент получается приближённым, но в то же время можно догадаться, что в России запрет продажи относится лишь к несовершеннолетним покупателям? Объявление, ограничивающее действие покупки спиртных напитков, в польской действительности исключает не только несовершеннолетних, но также нетрезвых покупателей и показывает, какое поведение нужно в данной ситуации остановить.

Ja tu pilnuję. Wchodzisz na własne ryzyko. [остережение перед собакой]

Здесь сторожу я! Вход на собственный страх и риск!

Было бы весьма трудно найти русский эквивалент к этой польской вывеске, довольно часто встречаемой у входа на участок, также на улицах нашего маленького города Ополе. И лишь примеры в Интернете, подтверждённые позднее носителями русского языка, позволили нам выбрать и записать именно это выражение.

Jestem przy bramce w 5 sekund. A ty? [надпись, остерегающая перед собакой]

Я у ворот за 5 секунд. А ты?

Приводимый польский текст является примером «творческого» подхода к этому рода предупредительным табличкам, казалось бы, что русский эквивалент является здесь простым переводом. Однако мы обнаружили присутствие в Рунете похожих табличек в интернет-магазинах с товарами для животных, на форумах собачников и других виртуальных местах. Довольно часто встречался нами следующий вариант: *Добегаю до ворот за 5 секунд, проверим?*

Изготовление гробов является полным эквивалентом польского Wygrób trumien, но подобно соответствию надписи Sprzedaż trumien в России обычно употребляется вывеска Продажа ритуальной продукции или Ритуальные товары.

Wypożyczalnia sukien komunijnych

Прокат платьев для Первого Причастия / к Первому Причастию

В православной традиции принятие Первого Причастия связано с таинством Крещения, нет для него отдельной церемонии. В католической церкви принятие Первого Причастия связано с достижением возраста, определяемого по каноническому праву как „dojście do używania rozumu“ и отвечает раннему школьному возрасту. Принятие первого причастия – это отдельная церемония, особое торжество, платья девочек порой напоминают свадебные. Дети пользуются ими коротко, платья бывают очень дорогими и поэтому популярностью пользуется их прокат. Следует отметить, что услугой, определяемой приводимым русским эквивалентом, пользуются российские католики.

Nie deptać trawników – По газонам не ходить

Szanuj zieleń – По газонам не ходить X Берегите зелёные насаждения

Оба польских выражения *Nie deptać trawników* и *Szanuj zieleń* можно встретить на табличках, установленных прямо на газонах, в городских парках, обоим соответствует русская надпись *По газонам не ходить*. Выражение *Берегите зелёные насаждения*, встречаемое значительно реже, является скорее всего призывом лозунгом, относится также к паркам и лесам.

W czasie jazdy rozmowa z kierowcą zabroniona

Не отвлекайте водителя разговорами

Не отвлекайте водителя во время движения

Надпись на польском языке лишь запрещает разговаривать с водителем во время движения, русский эквивалент, кроме запрета, содержит ещё общую причину этого запрета.

Naucz jazdy

Автошколам

Благодаря Интернету не только сразу установим русский транслит, но также увидим разницу в обозначении учебных автомобилей: латинская буква **L** на крыше польской машины и, соответственно, буква **У** – на русской.

В июне 2011 года Государственная дума приняла законопроект, согласно которому на этикетке каждой пачки сигарет будут размещены две крупные черно-белые предупредительные надписи. Основная, на лицевой стороне упаковки *Курение убивает* занимает не менее 30% площади, почти половину обратной стороны должна занимать одна из 12 дополнительных надписей, предупреждающих потребителя о том, что курение ведёт к преждевременной смерти, раку лёгких, инфарктам, бесплодию и другим тяжёлым заболеваниям. Чтобы глаз курильщиков не привыкал, а курильщики не становились равнодушными, раз в год надписи должны меняться. Примерно те же предупредительно-угрожающие надписи можно увидеть уже какое-то время на европейских и американских сигаретах. Коллекцию надписей на сигаретах, продаваемых в Польше, можно собрать в любом магазине, соответствующие надписи на русском языке доступны в Рунете. Ниже приводятся некоторые эквивалентные пары.

Palenia zwiększa ryzyko chorób serca i płuc – Курение повышает риск смерти от заболеваний сердца и лёгких

Palenie uzależnia – Курение табака вызывает никотиновую зависимость

Palenie powoduje śmiertelne choroby – Курение – причина смертельных заболеваний

Chrońcie dzieci – nie zmuszajcie ich do wdychania dymu tytoniowego – Защищайте детей: не разрешайте им дышать вашим дымом

Palacze <tytoniu> umierają młodo – Курильщики умирают рано

Palenie <poważnie> szkodzi Tobie i osobom w Twoim otoczeniu – Табачный <сигаретный> дым вредит здоровью тех, кто вас окружает

Palenie tytoniu powoduje <śmiertelnego> raka płuc – Курение – причина рака лёгких

Palenie powoduje długą i bolesną śmierć – Курение может стать причиной медленной и болезненной смерти

Palenie tytoniu przyspiesza starzenie się skóry – Курение вызывает преждевременное старение кожи

Palenie tytoniu silnie uzależnia – nie zaczynaj palić – Курение вызывает сильную зависимость, не начинайте курить

Умение находить и выделять многокомпонентные выражения из отечественных или иностранных текстов предотвращает искушение дословного перевода, т.е. подбора иностранных соответствий согласно порядку слов в исходном тексте – так чаще всего поступают наши студенты. Как видно, нами сопоставляются транслиты в польском и русском языках, согласно утверждению, что именно так говорят русские, вместо: так можно сказать по-русски.

Интернет – это не только хранилище электронных словарей, энциклопедий, глоссариев и разнообразных справочных материалов. Интернет – это корпус текстов, из которого можно черпать необходимую информацию; источник специализированных переводческих и лингвистических ресурсов. Интернет – это электронная почта, социальные сети и другие средства коммуникации, которые облегчают и ускоряют обмен информацией, также с носителями языка. Рунет – наш личный ассистент, который отвечает на все вопросы и помогает решить даже весьма трудные языковые проблемы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

CHLEBDA, B. (2007): *Napisy miejskie (1)*. In: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Z. 2, Opole, s. 83–83.

CHLEBDA, B. (2008): *Napisy miejskie (2)*. In: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Z. 3, Opole, s. 111–116.

ТЕР-МИНАСОВА, С. Г. (2004): *Язык и межкультурная коммуникация*, Москва.

WAWRZYŃCZYK, J. (1980): *Materiały do badań nad rosyjskimi napisami miejskimi*. Z. 7, Bydgoszcz.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ШЕВЯКОВА

Казахстан, Алматы

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО И ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

ABSTRACT:

Newly Formed Phraseologisms and Changes in the Collocation of Lexemes Existing in the Russian Language of the 18th Century

The paper deals with the main ways of forming the “new” Russian language phraseology of the eighteenth century. The author analyzes phraseological units and idioms which denominated the realities and concepts that were not previously characteristic of Russian life resulting from changes in the compatibility of their constituent lexemes.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseological units – idioms – phraseological combinations – the principle of phraseological innovation – compatibility of the lexemes – the figurative meaning – extension of meaning – metaphorization.

В своем исследовании мы исходим из фразеологической концепции М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, которые единицей фразеологии считают фразеосочетание (ФС), то есть любое сочетание лексем, поскольку «сочетаемость лексем инвариантна по существу, а ограничение объекта фразеологии узким кругом сочетаний лексем ведет к исследованию лишь нетипичных, вырожденных фразеосочетаний и оставляет в стороне богатейшую инвариантность (а вместе с тем и вариантность) сочетаний, представленных в живом общении говорящих и слушающих» [Копыленко, Попова, 1978: 13]. Поэтому правомерным представляется употребление терминов *фразеосочетание*, *фразеологическая единица*, *фразеологизм* в качестве синонимов, поскольку *фразеосочетание*, понимаемое как сочетание лексем, понятие более широкое.

Широкое понимание объекта фразеологии, на наш взгляд, особенно оправдано при обращении к языку в его прошлом состоянии, в частности, к языку XVIII века, фактически на двести лет отстоящего от сегодняшнего дня. Представление о фразеологической системе русского языка XVIII века можно со-

ставить лишь, исходя из данных текстов той эпохи, а именно в текстах реализуется сочетаемость лексем. Именно сочетаемость лексем определяет все имеющиеся в языке возможности для фразеобразования и является основой для формирования фразеологического фонда языка. В момент своего появления фразеосочетания принадлежат речи, в дальнейшем, в результате регулярного употребления, закрепляются в языке и образуют его фразеологическую систему.

В силу объективных экстралингвистических и внутриязыковых причин во фразеологической системе русского языка XVIII века появляется большое число новых фразеологических единиц. Формирование «новой» фразеологии осуществляется в основном двумя путями.

Во-первых, в этот период обогащение фразеологической системы языка происходит за счет фразеосочетаний (ФС), именующих новые реалии и понятия, ранее не свойственные русской действительности.

В структуре фразеологических инноваций чаще всего имеют место новые лексические единицы (как исконно русского, так и иноязычного происхождения). Эту группу формируют преимущественно денотативные ФС. Таковы:

- а) ФС, относящиеся к морскому и военному делу, – *армейский капитан, артиллерийная наука, боцманская должность, вооруженный нейтралитет, гвардии капитан, генерал от артиллерии, наполеоновый офицер* («офицер полевых войск»)¹;
- б) ФС административного характера – *вотчинная коллегия, генеральная ассамблея, дворцовая канцелярия, коллежский асессор, коллежский секретарь, тайная канцелярия, титулярный советник, цалмейстерская палата* («казначейская»);
- в) ФС, относящиеся к светской жизни (этикет, мода, искусство, культура и т.п.), – *Академия художеств, артист словесности, гравированное/гравировальное художество, дела амурные, карточные азартные игры, миниатюрный живописец*;
- г) ФС, относящиеся к научной сфере (многие из которых – терминологические ФС), – *алгебраическая проблема, высшая математика, география политическая, геометрическая прогрессия*;
- д) ФС, связанные с промышленной, ремесленной и торговой деятельностью, – *английское пиво, берг-коллежский служитель, благосостояние коммерции, галантерейная лавка, переводный вексель, пищальный художник, туфельный мастер, циркульный художник*.

Во-вторых, новые ФС возникают в связи с изменением сочетаемости лексем, существовавших в языке ранее. Нередко это было обусловлено иноязычным влиянием, когда калькирование вызывало метафоризацию значений многих исконных и заимствованных слов, расширение их семантики и, соответственно, привело к появлению новых сочетаемостных возможностей (*анатомический театр, театр военных действий, яблоко раздора* и др.).

¹ Все примеры извлечены из письменных памятников 18 века

Кроме того, в составе ФС слова достаточно часто теперь употребляются в переносно-фигуральном значении, определяя целостное значение фразеологической единицы (*луч надежды, море неопisanного блаженства, мрак скорби, реки слез* и др.). ФС такого рода, как правило, коннотативные, отличаются образностью, экспрессивностью и являются ярким средством художественной выразительности, что свидетельствует об усложнении и обогащении стилистической системы русского языка исследуемого периода.

Широко известные лексические единицы начинают употребляться в ином значении, расширяется их смысловой объем, изменяются их семантические границы, и они начинают входить в разнообразные фразеологические контексты.

Этот процесс весьма характерен для последней трети XVIII века, а принцип фразеологического новаторства традиционно (и вполне справедливо) связывается с именем Н. М. Карамзина. Однако, по нашим наблюдениям, образование ФС, обусловленное изменением семантики лексем, их составляющих, начинается гораздо раньше, уже в первой половине XVIII века.

Так, например, практически во всех исследованиях и учебниках по «Истории русского литературного языка» отмечается, что именно Н. М. Карамзин расширил значение таких слов, как *весна* и *плоды*, употребляя их в новых сочетаниях *весна жизни, плоды просвещения* и подобных (также см. примеры выше), тогда как, по нашим данным, такая сочетаемость была возможна уже в середине XVIII века, ср.:

у Н. И. Новикова

– *весна человеческого века* («детство»):

«Иной в первых младенческих летах, в сей прекрасной весне человеческого века, не зная зла и доселе не ощущая горести, зрит мать свою в слезах...» (журнал «Живописец»);

у Ф. Прокоповича

– *плод войны, плод иждивений, плод труда*:

«Объяла и завладела рука твоя сие толь словное и великое поморие, яко возмездие и обильный *плод* всех *войны сея труда и иждивений*» (Ф. Прокопович),

– *плоды флота российского* («достижения флота, его результаты, победы»):

«Прославим убо прославившего нас, благодарим обрадовавшему нас, его дело есть флот российский, его благословение есть толикая сила и толикие *плоды флота российского*» (Ф. Прокопович),

– *плод мира*:

«*Плод* же *мира* от внутри есть умаление народных тяжестей, что будет, естли не будет расхищения Государственных интересов» (Ф. Прокопович);

у В. К. Тредиаковского

– *плод беззаконий* («результат беззаконий»):

«Бесчинная любовь есть *беззаконий плод*, Та огонь есть, страсть палить, не семя множить род» (В. К. Тредиаковский, Избр.);

у А. Д. Кантемира

– *плод недолгой науки*:

«Уме незрелый, плод недолгой науки! Покойся, не понуждай к перу мои руки...» (Ф. Д. Кантемир);

у А. П. Сумарокова

– *плод охоты* («результат желаний»), *плод прилежания* («результат прилежания»), *плод работы* («результат работы»):

«Невольные стихи чтеца не веселят. А оное не плод единыя охоты, Но прилежания и тяжкия работы» (А. П. Сумароков),

– *плоды правосудия*

«О правосудия плоды, вы мщению вкусны, Как женской слабости вы кажетесь гнусны! Быть пользою чему подлейша может тварь, А мучить весь народ единый может царь, Благополучия се в миру совершенство!» (А. П. Сумароков);

у М. В. Ломоносова

– *плоды ума*:

«Тогда божественны науки, Чрез горы, реки и моря, В Россию простирали руки, К сему монарху говоря: Мы с крайним тщанием готовы Подать в российском роде новы Чистейшего ума плоды» (М. В. Ломоносов).

Поэтому можно утверждать, что фразеологическое новаторство Н. М. Карамзина было исторически подготовлено его предшественниками, «созрело» и развилось в «глубинах» русского языка и, наконец, «пышно расцвело» в конце XVIII века.

В XVIII веке обнаруживаются и истоки выражения *маленький человек* – «незначительный по своему социальному статусу человек». Конечно, полностью содержание этого ФС сформировалось лишь во второй половине XIX века (станционный смотритель А. С. Пушкина, Акакий Акакиевич Н. В. Гоголя, маленький человек Г. И. Успенского и др.). В это время оно, в сущности, становится литературным тропом, отражающим взгляды русского писателя на положение в обществе простого человека, человека – «не борца», смиренно воспринимающего все превратности судьбы, в то же время существа тонкой душевной организации.

Однако зарождается это понятие уже в XVIII веке, имеет свою довольно длительную историю и лишь постепенно трансформируется в понятие литературного типа, за которым закрепляется совершенно определенное, четкое содержание. То есть появление и утверждение этого ФС в языке было закономерным и исторически обусловленным.

Так, уже А. П. Сумароков вкладывает во ФС *маленький человек/малый человек* привычный нам смысл:

«Вельможа что сказал, – знай, слово это свято, И что он рек, Против того не спорь: ты малый человек!» (А. П. Сумароков).

Поэт пытается выступить в защиту маленького человека, не защищенного ни законом, ни социальными отношениями в обществе:

«Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от *маленького человека* ... весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наши отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает» (А. П. Сумароков).

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что XVIII век – это век русской фразеологии, поскольку, в отличие от предшествующего времени,

фразеологический способ номинации для этого периода истории русского литературного языка не менее (а во многих случаях более) значим, чем процесс лексической неологизации в области номинации. Именно в XVIII столетии в русском языке появляется большое число ФС различных типов, функционирующих в самых разнообразных его стилях и жанрах. В основе данного явления лежат внутрисистемные взаимосвязи и взаимоотношения единиц лексического и синтаксического уровней, на первой ступени номинации порождающие ФС. В результате фразеология включается в активный процесс развития русского литературного языка XVIII века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

КОПЫЛЕНКО, М. М., ПОПОВА, З. Д. (1978): *Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты.* Воронеж.

МИЛАДА ЯНКОВИЧОВА

Словакия, Братислава

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПРОЦЕССАХ НЕОЛОГИЗАЦИИ СЛОВАЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The Common and Specific Trends in the Process of Neologization of Slovak and Russian Phraseology

The article looks into the processes of neologization of Slovak and Russian phraseology. Attention is focused on finding of common trends appearing in the formation of new Slovak and Russian phrasemes as well as trends specific only for the formation of Slovak or only Russian neo-phrasemes. These trends are examined separately in three groups of neo-phrasemes which can be singled out based on what they designate: 1. new phenomena, 2. existing phenomena which already have their phraseological appellation, or 3. existing phenomena which hadn't any own phraseological appellation before the formation of neo-phrasemes.

KEY WORDS:

Processes of neologization of phraseology – neo-phrasemes – Slovak phraseology – Russian phraseology – common and specific trends.

Проблематика возникновения неофразем является в последние годы частой темой фразеологических исследований в славянских языках. Такие исследования имеют значение тогда, когда они проводятся с учетом одного языка, но особое значение приобретают, если ведутся в сопоставительном плане, позволяющем усмотреть в процессах неологизации сопоставляемых языков как общие тенденции, так и тенденции, которые присущи лишь одному из языков. В предлагаемой статье мы будем сопоставлять процессы неологизации словацкой и русской фразеологии.

Несмотря на проблемы определения набора словацких неофразем, вызванные отсутствием не только большого фразеологического словаря, но и нового академического словаря современного словацкого

языка¹, набор словацких неофразем, которыми мы считаем фраземы, возникшие в течение последних приблизительно двадцати лет, т. е. с начала 90-х годов, определить можно. Неофразами являются полученные выборкой из разных печатных материалов и Словацкого национального корпуса фраземы, не зарегистрированные ни в существующем словаре словацкого языка [Slovník slovenského jazyka: 1959–1968], ни в малом фразеологическом словаре [Smiešková: 1974]. Полученные таким способом словацкие неофразаемы являются объектом сопоставления с русскими фраземами, зафиксированными в словаре новой русской фразеологии [Мокиенко: 2003] и с фраземами, снабженными пометой *нов.* в русско-чешском фразеологическом словаре [Stěpanova: 2007].

Неофразаемы, возникшие в словацком и русском языках, можно разбить на группы в зависимости от того, обозначают ли они новые или существующие явления (людей, предметы, действия, ситуации) и от того, обозначают ли они явления, имеющие или не имеющие до возникновения неофраземы фразеологическое наименование. На основании этого в словацкой и русской фразеологии можно выделить три группы неофразем: 1) неофразаемы, обозначающие новые явления; 2) неофразаемы, обозначающие существующие явления, имеющие уже в языке свое фразеологическое наименование; 3) неофразаемы, обозначающие существующие явления, не имеющие до их возникновения своего фразеологического наименования.

1. Неофразаемы, обозначающие новые явления

В результате того, что главной функцией фразем в языке является не номинативная, а экспрессивная функция, такие неофразаемы встречаются в словацкой и русской фразеологии крайне редко. Так как они обозначают преимущественно новые явления, появившиеся в экономической жизни Словакии и России, и вследствие того, что языком экономики является английский язык, словацкие и русские неофразаемы представляют собой, как правило, кальки с английского, ср.: *pranie špinavých peňazí* – отмывание [грязных] денег, *únik (odliv) mozgov* – утечка мозгов.

Возникновение таких неофразем, как, например, собственно словацкая фразама *obchod s bielym mäsom* со значением ‘торговля женщинами’, обозначающая новое явление в экономике (точнее, в незаконном бизнесе), или *stará štruktúra* – ‘человек, занимавший высокий пост в структурах бывшего коммунистического режима’, возникновение которой было вызвано изменениями в политическом устройстве Словакии, можно считать исключением.

В русской фразеологии к этой группе неофразем причисляют также сочетания типа *грязные деньги, черная пятница, белая смерть*, как и типа

¹ По определению неофразем, или же фразеологических неологизмов, выработанному Петербургским фразеологическим семинаром, «фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003: XI].

белые воротнички, зеленые береты, голубые каски. Такие сочетания в словацком языке считаются именными сочетаниями с одним семантически перенесенным компонентом, ср.: *špinavé peniaze, čierny piatok, biela smrť*, или образными сочетаниями, оба компонента которых претерпели семантический перенос, ср.: *biele goliere, zelené barety, modré prilby*, т. е. устойчивыми лексикализованными сочетаниями, и выводятся за рамки фразеологии. Включение их в русском языке в разряд фразем является спорным, так как в них явно преобладает номинативная функция над экспрессивной функцией; они ближе к устойчивым терминологическим сочетаниям, от которых отличаются лишь отсутствием у них дефиниции.

2. Неофраземы, обозначающие существующие явления, имеющие уже в языке свое фразеологическое наименование

Неофраземы этой группы образуют наиболее многочисленную группу и представляют собой ядро словацкой и русской фразеологической неологии. Это объясняется тем фактом, что фразеологическая номинация явлений с разных точек зрения является основным способом обогащения фразеологического фонда языка.

Такие неофраземы обозначают самые разные явления, тем не менее в словацкой и русской фразеологии наблюдается тенденция обозначать ими новым способом явления, которые и до их возникновения имели в языке многочисленные фразеологические наименования. Возникают прежде всего неофраземы со значением ‘глупый’, ‘равнодушный’, ‘богатый’, ‘обманывать’, ‘пить (напиваться, пьянствовать)’, ср., например: *má IQ hojdacieho koníka; nevie, kde je sever; má vymytý (vygumovaný, vykradnutý) mozog, nohu si preto za krk pedá, je tu to haluz, sdivig po faze u кого, тупой как баобаб, болты положить на кого, что; видеть в гробу в белых адидасах кого* и др.

Разница между словацкими и русскими неофразами состоит не в обозначаемых ими явлениях, а в многочисленности новых фразеологических наименований этих явлений, которая, однако, вовсе не зависит от многочисленности фразем, обозначающих данное явление до возникновения неофразем. Так, например, и без того многочисленный ряд русских фразем со значением ‘пить (напиваться, пьянствовать)’ расширяют следующие неофраземы: *под балдой кто, быть под банкой, напиваться (пить) до потери пульса, напиваться (пить) как бобик, входить в штопор, упиться (укушаться) в дупль* и др. В словацкой же фразеологии, намного более бедной с точки зрения обозначения данного явления, возникла лишь одна неофразама: *fahať šnúru* – ‘пить, напиваться, быть пьяным несколько дней подряд’.

Источником возникновения неофразем этой группы служат самые разные ситуации обиходной жизни. Однако бросается в глаза большое число неофразем, мотивационной базой которых являются ситуации, связанные со спортом. Наши исследования показали, что в словацкой фразеологии неофраземы спортивного происхождения по своей численности превалируют над фраземами иного происхождения [Jankovičová: 2010]. Они обозначают преимущественно

ситуации и отношения, возникающие в политической жизни, и вторично – во взаимоотношениях людей вообще, ср.: *kopať druhú ligu, byť [iba] figúrkou na šachovnici, hodiť uterák do ringu, vylúčiť niekoho z hry, hrať presilovku, urobiť prešlap, dať niekomu mat, byť na ťahu, nahráť na smeč niekomu, ísť do vývrtky*. В русской фразеологии такие фраземы не были еще предметом изучения, но их встречаемость в русских масс-медиа свидетельствует о том, что их доля в русской неологике может быть значительной, ср.: *демонстрация мускулов (мышцы), бег на месте, сходить с дистанции, выходить из нокдауна, выходить на финишную прямую, отправить кого на скамейку запасных, попасть в цейтнот*.

В русской фразеологии многие неофраземы возникают на базе выражений, бытующих в разных социальных, профессиональных, возрастных и др. жаргонах, ср.: *разводить бодягу, держать баранку, [просто] как резет нажать, лысый как смайл (смайлик), гнать (поднимать/поднять) волну*, и большинство из них относится к просторечному пласту литературного языка. В словацкой фразеологии они возникают лишь на базе молодежного или студенческого жаргона и, как правило, остаются за пределами литературного языка как субстандартные фраземы, например, *byť in, byť out, byť cool, byť v obraze, makať ako fretka, nič moc* или как сленговые фраземы, например, *byť v plnke, mať bufet, mať veget, mať niekoho, niečo na saláme; žily mu to netrhá*.

Неофраземы этой группы возникают калькированием иноязычных выражений или на базе словацких и русских выражений и слов. Калькируются прежде всего английские выражения, ср.: *byť v obraze, промывание мозгов*, но есть и кальки с других языков, например, немецкого, ср.: (быть, оказаться) *в цейтноте*.

В словацком и русском языках неофраземы возникают: а) фразеологизацией свободных словосочетаний: *čerešnička na torte (na šľahačke), переворачивать лодку*; б) фразеологизацией устойчивых терминологических и нетерминологических сочетаний: *mať (viest) niečo v evidencii, бег с препятствиями*; в) деривацией от существующих фразем, в том числе и неофразем: *vymývanie mozgov → vymývať mozog (mozgy) niekomu*, промывание мозгов → *промывать мозги*; г) добавлением к терминологическому сочетанию глагольного компонента с его последующей фразеологизацией: *červená karta → ukázať niekomu červenú kartu*, весовая категория → *быть в разных весовых категориях*; д) образованием по структурно-семантической модели существующих однозначных фразем: *zatvoríť (zavrieť, zapchať) niekomu ústa → zalepiť niekomu ústa*; до потери сознания → *до потери пульса*²; е) образованием на базе одного слова, ставшего фраземообразующим центром, нескольких неофразем, ср. фраземы со словом *кайф*: (быть) *в кайф кому что*, (быть) *по кайфу кому что*, *ловить/поймать кайф, ломать/*

² Возникшие таким способом неофраземы функционируют в языке или как самостоятельные единицы, или – в случае, если компоненты являются синонимами или словами одной тематической группы, – как лексические варианты существующих фразем.

*сломать кайф кому*³; ж) на базе прецедентных текстов, ср.: *visieť na šnúrke niečích gatí, мочить/замочить в сортире (в параше) кого*⁴.

Такие неофраземы принадлежат к разным стилям, но они относятся главным образом к стилистически сниженным единицам. В русском языке их подавляющую часть составляют просторечные фраземы, в словацком языке – фраземы с ярко выраженной разговорностью (*výrazne hovorové frazémy*), которые по занимаемому ими месту на шкале стилистических средств отвечают русским просторечным фраземам.

3. Неофраземы, обозначающие существующие явления, не имеющие до их возникновения своего фразеологического наименования

В русской фразеологии подобная группа неофразем не выделяется, но исследования словацкой фразеологии доказывают ее реальное существование. Неофраземы этой группы восполняют лакуны во фразеологическом обозначении явлений объективной действительности, возникающие в результате избирательности и фрагментарности фразеологической номинации, ср., например, словацкие фраземы: *vyvolávať duchov minulosti, plakať na nesprávnom hrobe, zresetovať si hlavu, nechať niečo vyhniť, obliekať dres (tričko) niekoho, byť za vodou*. Отрицание существования таких неофразем означало бы, что возникшие в прошлом лакуны в процессе дальнейшего развития фразеологии уже никогда бы не восполнились.

Так, например, в словацкой и русской фразеологии встречаются многие фраземы со значением ‘попасть в опасную, затруднительную ситуацию’, ‘находиться в опасной, затруднительной ситуации’, ‘выходить из опасной, затруднительной ситуации’, но до возникновения фразем *byť na jednej lodi, быть (сидеть) в одной лодке* в ней отсутствовало фразеологическое выражение значения ‘находиться вместе с кем-л. другим в опасной, затруднительной ситуации’. Возникновение неофразем *vidieť/uvidieť svetlo na konci tunela, видеть/увидеть свет в конце тоннеля* восполнило лакуну во фразеологическом обозначении ‘затруднительной ситуации, когда обнаруживается обнадеживающий признак улучшения, ощущается проблеск надежды’.

Неофраземы указанной группы возникают⁵ как калькированием иноязычных выражений, ср.: *byť na jednej lodi, vidieť/uvidieť svetlo na konci tunela, vutývanie mozgu (mozgov)*, так и на базе словацких выражений: а) фразе-

³ В словацкой фразеологии такой способ возникновения неофразем не встречается.

⁴ Словацкая фразема *visieť na šnúrke niečích gatí* со значением ‘находиться в полной зависимости от кого-л.’ возникла на базе замечания известного писателя и публициста Владимира Минача, высказанного им в адрес словацкого правительства, возглавляемого Йозефом Моравчиком (оно находилось у власти с марта до октября 1994 года) и зависимого от поддержки венгерской партии Együttélés, председателем которой был Миклош Дурай, которое звучало так: „Mogavčíkova vláda visí na šnúrke Durayových gatí“ (в буквальном переводе: «правительство Моравчика висит на шнурке портянок Дурай»). Русская фразема *мочить/замочить в сортире (в параше) кого* со значением ‘жестко, беспощадно расправляться с кем-л.’ возникла на базе фразы В. В. Путина о необходимости расправиться с чеченскими террористами.

⁵ В дальнейшем будем уделять внимание только словацким неофраземам, так как набор русских неофразем этой группы еще не определен.

ологизацией свободных словосочетаний: *vyzliecť niekoho z uniformy, zalepiť niekomu oči*; б) фразеологизацией устойчивых терминологических и нетерминологических сочетаний: *ťah na bránu, gól do vlastnej brány (bránky)*; в) на основе парадигматического отношения между фраземами, в частности конверсии: *zraziť niekoho na kolená → byť na kolenách, položiť niekoho na lopatky → byť na lopatkách* или антонимии: *chytiť niečo do rúk → pustiť niečo z rúk*; г) деривацией от существующих фразем, а именно: 1) изменением частеречной принадлежности одного компонента фраземы, повлекшим за собой изменение ее синтаксической функции: *prevracať (obracať) kabát → prevracač (obracač) kabátov*, 2) изменением конструкции фраземы путем добавления глагольного компонента и изменением ее синтаксической функции: *časovaná bomba → niečo tiká ako časovaná bomba; morálna facka → dať niekomu morálnu facku, dostať od niekoho morálnu facku*.

Как показывают примеры, неофраземы этой группы принадлежат к книжному, межстилевому и разговорному пласту словацкой фразеологии.

Итак, в процессах неологизации словацкой и русской фразеологии обнаруживаются следующие общие тенденции: 1. Ядро фразеологической неологии представляют неофраземы, возникшие как синонимы к существующим уже фраземам и расширяющие, как правило, несколько многочисленных синонимических рядов. 2. Значительное количество неофразем возникло на базе выражений и слов, употребляемых в спортивной коммуникации. 3. Преобладают стилистически сниженные неофраземы. 4. За исключением фразем, обозначающих новые явления, неофраземы образуются главным образом на базе словацкого и русского языков.

Специфические тенденции в процессах неологизации словацкой и русской фразеологии проявляются в следующем: 1. Словацкие неофраземы возникают на базе лишь молодежного и студенческого жаргона; русский язык при образовании неофразем использует в качестве мотивационной базы выражения и слова разных жаргонов. 2. Словацкие неофраземы с ярко выраженной разговорностью уступают по своей численности русским просторечным неофраземам, в результате чего словацкие неофраземы по сравнению с русскими отличаются в общем более низкой степенью экспрессивности.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- JANKOVIČOVÁ, M. (2010): *Nové frazémy ako prejav dynamiky slovenskej frazeológie*. In: *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Red. D. Baláková – H. Walter. Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Greifswald, s. 184-197.
- Slovník slovenského jazyka*. 1. – 6 (1959 – 1968): zv. Red. Š. Peciar. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, Bratislava.
- SMIEŠKOVÁ, E. (1974): *Malý frazeologický slovník*. Slovenské pedagogické nakladateľstvo, Bratislava.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Univerzita Palackého, Olomouc.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Uniwersytet Opolski, Opole.

ROSSICA OLOMUCENSIA L

Sborník příspěvků z mezinárodní konference
XXI. Olomoucké dny rusistů 07.09.– 09.09. 2011

Olomouc 2011

Hlavní redaktor (uspořadatel): PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Výkonný redaktor: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technická redakce: Michaela Dadáková, PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci

Křížkovského 8, 771 47

e-mail: vup@upol.cz, www.upol.cz/vup

Olomouc 2011

1. vydání

Ediční řada - *Sborník*

ISBN